ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

БИБЛІОТЕКА
А. А.
ЗАЕШНИКОВА.
Шкафъ.....
Полка.....
№.....

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

СОЧИНЕНІЯ

ТРЕДЬЯКОВСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1849.

888

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 4 Февраля 1847.

Цензоръ С. Куторга.

Цѣна за 3 тома въ 4-хъ книгахъ 3 р. 50 к. сер.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Въ самомъ началѣ спхъ монхъ трудовъ предлагается вамъ, благосклонный Читатель, Наука о Стіхотвореніи и Поэзіи, сочиненная отъ Боало-Депреѳ, Французскаго славнаго Сатіріка. Послѣ Гораціевы Эпістолы о тойже матеріи къ Пізонамъ, Римскимъ знатнымъ особамъ, сія Депреова почитается искусными за верьхъ совершенства въ семъ родѣ. И поистиннѣ, все что ни сочинялъ Боало, есть исправное и удивительное; но Наука его Піітическая, кажется, предъ всѣмъ находится превосходная, какъ въ разсужденіи состава Стіховъ, и чистоты языка, такъ и въ разсужденіи порятка, и правилъ въ ней предлагаемыхъ. Съ другоій стороны, ей и не быть совершенною невозможно: почерпнута она изъ самаго чистаго источника, а именно, изъ помянутыя Флакковы Эпістолы. Въ сей взялъ мой Авторъ не токмо планъ, но и по са-

мой большой части изображенія; а правила всѣ безъ изъятія: симъ токмо отличается послѣдній отъ перваго, что переднее Римское иногда есть заднее Французское, и что пространнѣйшее во Французскомъ, чтется на нѣкоторыхъ мѣстахъ сокращеннѣйшее въ Латінскомъ писателѣ, и вопреки. Впрочемъ, коль Подлинникъ есть неподражаемымъ, толь и Списокъ: Оба изъ сочинителей на своемъ языкѣ Авторы, хотя и обоимъ былъ преднѣйшій предводитель, Латинскому Греческій Арістотель въ Наставленіяхъ своихъ о Поэзіи, а Французскому Латінскій Горацій; и потому оба велики, что у обоихъ были предъ очами образцы всесовершенныи въ томъ.

Чтожъ до меня, Французскую Боало-Депреову Науку, какъ большей части читателей извѣснѣйшую, составилъ и я нашими Стіхами; а для показанія всѣмъ, что Боало-Депреò все-на-все взялъ изъ Горацієвы, не оставилъ я и сея, и положилъ ея послѣ, но токмо Прозою. Довольно Стіховъ для чтенія и въ четырехъ Пѣсняхъ Боаловыхъ: но въ различеніе тояжъ самыя матеріи, разсудилъ я, что одно, которое нибудь изъ сихъ сочиненій, лучше представить Прозою. Палъ жребій судомъ моимъ, чтобъ Горацієвой Эпістолѣ быть свободнымъ, а Боаловой Наукѣ заключеннымъ словомъ, и предшествовать. Причина сему, не убѣжаніе отъ трудности, коя въ обоемъ случаѣ велика, но токмо мое произволеніе: могла и Горацієва также быть составлена Стіхами; могли и обѣ предложиться Прозою. Одна-

ко мнѣ показалось пристойнѣе, чтобъ одно предъизъявляло важность токмо правилъ въ подтвержденіе ихъ въ другомъ; а сіе другое, представляя прежде тужъ самую твердость, услаждалобъ притомъ и мѣрою и Рѣмою, и чрезъ тобъ больше предуготовило разумы къ внятію ихъ въ послѣднемъ: итакъ, другое сіе преимущество присудилъ я Боало-Депреову Сочиненію. Сего главныи раздѣлы различилъ я между собою не одними пространнѣйшими пробѣлами, но еще и Стопою Стіха Гексаметра: ибо, первую Пѣснь воспѣвъ Іамбическимъ Стіхомъ, вторую пою Хореическимъ; равнымъ образомъ и третію съ четвертою Пѣснію по премѣнамъ. Не оставляю вамъ донесть, благосклонныи Читатель, и сіе, что каждыи Боаловъ Стіхъ, изображается каждымъ же моимъ однимъ; такъ что, сколько у Боало во всякой Пѣсни, и во всѣхъ четырехъ Стіховъ, столькожъ и у меня во всемъ томъ составѣ: сіе подлинно весьма трудно, но силъ человѣческихъ не выше.

Какъ то ни есть; токмо признаваю съ болѣзнію сердца, что сіе самое донесенное теперь вамъ, благосклонныи Читатель, которое казалось бы долженствовавшимъ приносить мнѣ честь за подъятіе труда, и за обогащеніе нашего языка тѣмъ, чему у насъ давно быть надлежало, и еще при самомъ начатіи словесныхъ красныхъ Наукъ, напротивъ того, скоряе можетъ обратиться въ причину укоризны и похуленія. Различныхъ пристрастій языки не пре-

минутъ, можетъ быть, разглашать слѣдующее: 1) «Возможноль статься, чтобъ переводныи Стіхи «съ Стіховъ могли быть столькожъ хороши, «сколько подлинныи, длятого что и Прозаическій «переводъ теряетъ много силы и красоты предъ «подлинникомъ, не то что Стихи? 2.) Да какъ «сему Піитическому переводу быть притомъ и «хорошему, потому что Трудившійся употребилъ «тутже Хореическій Гексаметръ, который токмо «нѣженъ, а не одинъ Іамбическій, кой есть вы- «сокъ и благороденъ.»

Весь сей вопль, кто услышитъ издали, тому онъ можетъ либо послышаться основательнымъ; но приложившаго ближе къ нему свои слухи, едваль онъ въ состояніи обольстивъ оглушить: онъ ни пошлыя не имѣетъ твердости. Чтожъ бы сіе вамъ, благосклонный Читатель, изъяснить; то прошу васъ, не поскучить читая слѣдующее:

Да твердятъ стремящіися, что переводныи Стіхи съ Стіховъ не могутъ быть хорошими: но и да знаютъ, что сіе произглашаемое вобще, и безъ всякаго изъятія, есть не весьма столько праведно, сколько думается. Такая неправда изобличается многими обрасцами. Извѣсны Арáтовы Фенóмены, сочиненныи Греческими Стіхами. Сіи всѣ переведены на Латінскій языкъ Стіхамижъ отъ Ціцерона. Перевода сего видимъ мы многіи Отрывки въ егожъ Ціцероновыхъ книгахъ, названныхъ объ естествѣ боговъ. Каковъ же видимъ сей переводъ? Пускай прочтется токмо оный Отрывокъ, который начинается,

E quibus hunc subter possit cognoscere cultum,

и въ коемъ находится 475 Стіховъ, то есть, довольно для чувствованія сладости, и на усмотрѣніе великолѣпія въ переводѣ: но я не знаю, могъ ли быть толь изряденъ самый Подлинникъ Арàтовъ, коль Переводъ Ціцероновъ. Теренціи Латінскій Коміческій Піитъ кому невѣдомъ, за неподражаемое свое искусство въ изображеніи нравовъ, за точное слѣдованіе естеству, за неухищренную простоту, за красную и нѣжную чистоту языка, и словомъ за все, такъ что никто къ нему ближе подойти, и съ нимъ сверстаться не могъ въ Римѣ? Одна изъ его Комедій, названная *Евнухъ*, въ тотже самый день дважды была представлена, поутру и ввечеру, чего еще по то время тамъ отнюдъ никогда не бывало. Но Теренціи всѣ свои Комедіи перевелъ Стіхами съ Греческихъ Менандровыхъ. Ціцеронъ объ немъ говоритъ, въ нѣкоторой изъ своихъ Поэзій, проименованной [1] *Луг* слѣдующее: [2] «И ты также Теренціи, ко«его Стіль есть толь исправенъ, и толь испол«ненъ сладости, ты намъ переводишь и совер«шенно выражаешь Менандра, да и даешь ему «говорить съ несравненною сладостію Римскимъ

---

[1] Λειμὼν.

[2] Tu quoque, tu solus lecto sermone, Terenti,
Conuersum expressumque latina voce Menandrum,
In medio Populi sedatis vocibus effers,
Quidquid come loquens, atque omnia dulcia linquens.

«язы́комъ, избирая все, что есть самое нѣжное «и сладосное.» Подлинно, всѣ искусныи утверждаютъ, что Теренцій изъ Переводчика съ Греческихъ Стіховъ, здѣлался Подлинникомъ въ своихъ Латінскихъ! Кто скажетъ, говоря о новѣйшихъ съ Стіховъ Переводчикахъ, что Французскіи Стіхи съ Аглінскихъ По́повыхъ о нравственной Матеріи худы? Я не умѣю по Аглінски: но читая Французскій переводъ, чувствую, какъ и многіи другіи читатели, всю сладость и твердость Подлинника: а сіе самое и показываетъ достоинство Перевода. И хотя исправность Переводажъ, здѣланнаго Португалскимъ Графомъ Эріцейрою сей самой Боаловой Наукѣ, которую я нынѣ перевелъ по нашему, намъ почитай всѣмъ неизвѣсна; однако самъ Авторъ чрезвычайно похваляетъ оный въ письмѣ къ помянутому Графу: того ради, должны мы повѣрить такому Свидѣтелю, и Эріцейринъ переводъ Стіхамижъ положить достойнымъ и Автора и Переводчика. Можно впрочемъ многихъ превосходныхъ привесть изъ новыхъ Переводчиковъ съ Стіховъ Стіхами; можно и о Сегреѣ утвердить, что онъ Латінскую Энеіду перевелъ Французскими Стіхами преизрядно. Корнелій премного переводилъ съ Латінскихъ: Расінъ еще и больше съ Греческихъ и съ Латінскихъ; что самое дѣлали и другіи изъ Французовъ. Самъ Боало-Депреѣ въ томъ числѣ изъ первыхъ. Но всѣ они то здѣлали, и нынѣ другіи подобно дѣ-

лаютъ, съ довольною, и еще съ великою похвалою.

О Прозаическомъ переводѣ съ Прозы, я уже́ и упоминать боюсь: задавитъ меня неисчетный полкъ достойныхъ и великихъ Переводчиковъ, тѣснясь предстать ко мнѣ, какъ хотящему ихъ по именамъ перекликать. Того ради, не упоминаю объ Абланкурѣ переведшемъ Мінуція-Фелікса, Таціта, четыре Ціцеронова слова, Луціана, Отшествіе десяти тысячъ Грековъ изъ Ксенофонта, Арріана объ Александровой войнѣ, Извѣстія Цесаревы, Туцідіда, Греческую Ксенофонтову Історію, Апофтегмы древнихъ, Стратагемы Фронтіновы, и прочая. Не говорю объ Амелотѣ дела Гуссеѣ; о Лудовікѣ Жірі; о самомъ Депреѣ преложившемъ съ Греческаго Лонгіна о высотѣ мыслей и слога. Умолчеваю также о Дасіерахъ, мужѣ и женѣ, претолковавшихъ съ Греческаго Плутарховыхъ славныхъ Мужей, и Гомера; съ Латінскаго, Горація, и частію Плавта. Не привожу Аббата Беленжера, здѣлавшаго съ Аглінскаго переводъ житіямъ, Энееву, Туллову-Гостіліеву, Арістоменову, Тарквініеву кой старшій, Юніеву-Брутову, Гелонову, Кірову, и Язонову. Не воспоминаю и о Лімієрѣ, переведшемъ Плавтовы Комедіи, а нѣкоторые и Стіхами; также и объ Іезуитѣ Санадонѣ всѣ дѣла Горацієвы; ни притомъ еще о премногомъ множествѣ, и почитай неисчислимомъ, а о всѣхъ совершенныхъ и достохвальныхъ. Одного съ меня довольно Вожласа, ко-

торый одинъ между толь многими свѣтилами на подобіе солнца; а перевелъ онъ на свой языкъ Квінта-Курція о дѣлахъ содѣянныхъ Александромъ великимъ. Но какъ? такъ, что и доднесь въ сомнѣніи находится дѣло между искусными людьми, лучшель Курціи Латінскій Французскаго Вожласова, или Вожласовъ Французскій лучше Курція Латінскаго: тоесть, не могутъ прямо опредѣлить, Подлинникъ ли совершеннѣе Перевода, или Переводъ Подлинника. Правда, я сію похвалу Вожласу всегда почиталъ и почитаю за пребезмѣрную, для того, что вижу въ ней чрезвычайное и самохвальное пристрастіе народа къ своему одноземцу. Роллень одинъ изъ всего того народа назвалъ справедливѣе, длятого, что воздержнѣе, Переводъ Вожласовъ препрядным только: сіе случилось ему здѣлать при концѣ вступленія въ шестый Томъ древнія своея Исторіи, который и самъ по большой часта былъ во всей той Исторіи токмо препрядный же Переводчикъ то съ Греческаго, то съ Латінскаго, а часто еще и Копістъ съ Французскаго по Французскимъ. Какъ то ни есть; токможъ сіе непреодолѣемо доказываетъ, что Вожласовъ переводъ есть превосходный, что тмы находятся Переводчиковъ Прозаическихъ съ Прозы самыхъ добрыхъ, исправныхъ, и такихъ, которыхъ переводъ не токмо не теряетъ ничего силы и красоты предъ Подлинникомъ, но еще иногда нѣсколько ихъ Подлиннику придаетъ, а иногда и равняется съ высотою онаго, и что

доводъ *отъ меньшаго*, какъ называютъ, *къ большему*, (тоесть, понеже переводъ Прозы много бываетъ ниже подлинника, то кольми паче переводъ съ Стіховъ Стіхамижъ) есть не весьма основателенъ, чтобъ не сказать больше и справедливѣе.

Я за потребно рассуждаю предложить здѣсь теперь главнѣйшіи *крітеріи*, тоесть неложныи знаки добраго Перевода Стіхами съ Стіховъ. И вопервыхъ надобно, чтобъ Переводчикъ изобразилъ весь разумъ содержащійся въ каждомъ Стіхѣ: чтобъ не опустилъ силы находящіяся въ каждомъ же: чтобъ тожъ самое далъ движеніе переводному своему, какое и въ подлинномъ: чтобъ сочинилъ оныій въ подобной же ясности и способности: чтобъ слова были свойственны мыслямъ; чтобъ они нѐ-были Барбарісмомъ опорочены; чтобъ Грамматіческое сочиненіе было исправное, безъ Солецісмовъ, и какъ между Ідеями, такъ и между словами безъ прекословій; чтобъ на конецъ составъ Стіха во всемъ былъ правиленъ, такъ называемыхъ Затычекъ, или пустыхъ бы добавокъ нѐ-было; гладкость бы вездѣ была; вольностей бы мало было, ежели невозможно безъ нихъ обойтись; и сколько возможно чащебъ богатая Ріома звенѣла полубогатыя, безъ наималѣйшаго поврежденія смыслу; и ежели находятся еще какіи поспѣшествующіи добротѣ перевода. Впрочемъ, къ сему не всеконечно требуется, чтобъ въ Переводѣ быть тѣмже самымъ словамъ, и столькимъ же: сіе много-

кратно, и почти всегда, есть выше человѣческихъ силъ: но чтобъ были токмо равномѣрныя, и конечно съ тѣми точно самыми Идеями.

Итакъ, ежели кому дадутся перевесть слѣдующіи напримѣръ Волтеровы Стіхи изъ его Меропы.

Quand on a tout perdu, quand on n'aplus d'espoir,
La vie est un oprobre, la mort est un devoir.

а тотъ ихъ и переведетъ симъ образомъ:

Когда погибло все, когда надежды нѣтъ,
Уже поносна жизнь, оставить должно свѣтъ:

то возможноль безъ несправедливости сказать, что сей Переводъ худъ? Онъ такъ исправенъ, какъ всякому искусному видимо, что почитай тѣмижъ самыми состоитъ словами, не то чтобъ въ немъ быть какому прекословію. Или также, буде дастся сему Переводчику перевесть сей Гораціевъ Стішокъ изъ несравненныя его третіея Оды, книги третіеяжъ:

Iustum et tenacem propositi virum,

такъ, чтобъ переводу быть Гексаметрами, въ двухъ Стіхахъ, и содержать бы цѣлый разумъ, тоесть, чтобъ сей Стіхъ изображалъ слѣдующій смыслъ, *Мужъ правосудный, есть непоколебимъ въ намѣреніи своемъ*, (какъ то и праведно, для того что твердое стояніе въ своемъ чемъ нибудь безъ справедливости, есть упрямство, а не постоянство) а тотъ и переведетъ его такъ:

Мужъ праведно творяй судъ купно милосердо,
Въ похвальнѣйшихъ стоитъ намѣреніяхъ твердо;

то какъ не утвердить, по самой истиннѣ, что переводчикъ удовольствовалъ требуемое отъ него? Онъ точно изобразилъ Гораціевы мысли; а нѣсколько ихъ обогащая, не подмѣнилъ за нихъ противнаго разума словами.

Того ради, все такое разглашеніе можетъ токмо до меня одного коснуться, а не обще до всѣхъ, и не до превосходныхъ Переводчиковъ съ Стіховъ Стіхами. Но впрочемъ, я въ крайнемъ по сей причинѣ нахожусь затрудненіи, не зная отнюдъ, что, и какъ бы мнѣ должно было за себя на сіе отвѣтствовать. Ежели предложить нѣчто умѣренно; то какъ непріязнь страстей не заслужила умѣренности, такъ и умѣренность не весьма къ тому преклоняетъ, чтобъ словамъ моимъ повѣрить: но еслибъ представить что нибудь живяе; то смѣлость такая, и самая малая, бываетъ всеконечно досадна, а представляющему предосудительна. И такъ, я оставляю опредѣлять о Піитическомъ моемъ Переводѣ безпристрастнымъ и справедливымъ. Да находятъ они, буде угодно, что такой мой Переводъ согласенъ ли нѣсколько съ Крітеріями добраго Перевода, отъ меняжъ здѣсь предложенными; и да рассмотрѣваютъ, (1) «большель въ немъ покажется хо-

(1) Verum vbi plura nitent in carmine, non ego paucis, offendar maculis...

Horat. art poet V. 351.

«рошаго, нежели неподтверждаемаго, дабы удо«стоиться ему нѣкотораго снисходительства:» я въ глубокомъ о себѣ молчаніи пребываю, вѣдая что такіи голосы по большой часта происходятъ то отъ незнанія, то отъ наперсничества, то наконецъ отъ недоброхотства.

Между тѣмъ, дабы очистить вторый пунктъ, увѣряю, что не для того мой Переводъ долженствуетъ быть недостаточнымъ, что я употребилъ тутъ Хореіческій Гексаметръ при Іамбіческомъ. И поистиннѣ, я не токмо стою о моемъ мнѣніи, что всякая Стопа сама въ себѣ ни благородна, ни нѣжна, но по рѣчамъ, какими она состоять имѣетъ, будетъ или нѣжна, или благородна, но еще и подтверждаю теперь оное слѣдующимъ, что не можетъ, какъ мню, всякому быть не чувствительно: ибо примѣръ есть краткимъ путемъ, а разсказываніе всякоежъ долгимъ. Здѣлаемъ какой нибудь Стішокъ состоящій Іамбами и Хореями въ одной матеріи и мѣрѣ; и посмотримъ, который изъ нихъ будетъ благороднѣе. Напримѣръ, да будетъ сей Тетраметръ Іамбіческій женскій:

Я лѣтомъ грому опасаюсь;

а Хореіческій сей также Тетраметръ, и женскій же:

Лѣтній громъ, мнѣ страхъ и трепетъ:

ясно, что оба сіи Стіха одну имѣютъ мѣру, одно и тожъ содержаніе, токмо Стопу различную;

первый составленъ Іамбомъ, а другой Хореемъ. Но беспристрастныи бесспорно и чувствуютъ притомъ, что вторый громче. Однакожъ, какъ мнятъ, первому Стіху надлежитъ быть благородному, а другому нѣжному. Напротивъ того, Аристотель назвалъ Стопу Іамбъ, какъ то Квинтиліанъ свидѣтельствуетъ, нѣжною, Iambus humanior videtur. Посему надобно, чтобъ, по Аристотелеву, Хорею быть благороднымъ. Впрочемъ Горацій Пиитъ величаетъ Іамбъ громогласнымъ, populares vincentem strepitus. Вотъ же одна и тажъ самая Стопа по Философски людскости исполнена, а по Пиитически Громогласіемъ, и слѣдовательно пышностію воспрославлена. Безъ сомнѣнія, нѣкоторыхъ польза хотѣлабъ, чтобъ вѣрить въ томъ больше Пииту, нежели Философу. Но я хотя и твердое основаніе имѣю сказать, что достовѣрнѣе въ семъ Философъ Пиита, для того что тотъ больше слыхалъ на своемъ языкѣ звонъ Іамбовъ, а сей взялъ и правила свои у того; однако утверждаю, что тому и другому долженствуемъ токмо попускать такъ говорить, потому что они сказали, а всеконечно утверждаться на ихъ мнѣніи не должно, или обоихъ уже ихъ надлежитъ между собою согласить говоря, что Громогласіе у Горація значитъ *Людскость* въ Іамбѣ, которая у Аристотеля. Ибо симъ самымъ ихъ прекословіемъ доказывается мое мнѣніе, что никоторая изъ тѣхъ Стопъ не имѣетъ сама по себѣ и собственно въ отличный Характеръ, ни благородства, ни нѣжности, но

нѣжна, или благородна та и другая по словамъ; да и самымъ опытомъ мнѣніе мое подтверждается довольно.

Говорятъ: тѣмъ есть благороденъ Іамбъ, что онъ съ низу на верьхъ возносится; а Хорей для того нѣженъ и умиленъ, что сверьху на низъ упадаетъ. Но я доношу, что сіе есть пустое, и ничего не доказывающее: ибо не можно меня никому, ничемъ, и никогда выбить изъ сихъ шанецъ, чтобъ такъ сказать, а именно, ежелибъ сіе было праведно, тобъ Гомеръ Греческій, и Латінскій Віргілій, два Піита, коихъ матеріи нѣтъ во всей Поэзіи благороднѣе и выше, какъ Эпіческія, не писали своихъ Поэмъ Дактілоспондаіческими Стіхами, кои съ верьху на низъ упадаютъ подобно Хореіческимъ, но употребилибъ Анапестопірріхіческій, которыи съ низу на верьхъ восходятъ, равно какъ Іамбіческій. Не могу не донесть: нѣкто изъ искусныхъ людей, чувствуя, что сіе мое доказательство, приведенное въ Извѣстіи, положенномъ предъ тремя Парафрастіческими Одами 1744 года, есть непреодолѣемое, попытался тѣмъ оное въ слабость привесть, что у помянутыхъ Піитовъ Количество слоговъ есть несходное съ нашимъ, а именно, не *Тоніческое*, которое состоитъ въ *возвышеніи* и *пониженіи голоса*, но *временемъ мѣряющееся* то есть, состоящее *въ продолженіи и сокращеніи человѣческаго произношенія*. Слѣдовательно, по его, ихъ Стіхи въ верьху на низъ не падаютъ. Замолчать бы мнѣ надлежало,

когдабъ сіе заключеніе было твердое и праведное. Но по щастію, тщетная его попытка, для того что не можетъ она получить себѣ чаемаго успѣха. Такъ слѣдовательно, я возражаю, или они у нихъ съ низу на верьхъ возносятся, или все по одной прямо и вровень степени катятся, ибо изъ сихъ двухъ которому нибудь быть должно, когда нѣтъ того третіяго? Но то и другое безмѣсное, какъ всеконечно ложное. Подлинно, и бесспорно, съ верьху на низъ они упадаютъ, для того что самый первый слогъ Стіха всегда есть у нихъ долгій, и всегда, вѣрно извольте слушать сіе, на вышней Степени, какъ буттобъ онъ былъ всегда ударяемый, какъ то по самой большой части и есть ударяемый; чему я въ своемъ мѣстѣ предложу достовѣрный и очевидный образецъ, музыкальными Нотами изображенный. Тогоради мню, всякому довольно есть уже чувствительно, что мой Переводъ не для того долженствуетъ не хорошимъ быть, что я употребилъ Хореіческій Гексаметръ по перемѣнно съ Іамбіческимъ. Но смѣю сказать, что еще я и очень хорошо то здѣлалъ для различія, которое всегда услаждаетъ: а дерзаю и сіе утвердить, что Хореіческій Стихъ, при нѣжности своей, приписываемой ему, столькожъ благороденъ и высокъ, сколько и Іамбіческій, буде уже не можно преклонить вѣрить, что Хореіческій Стихъ есть сроднѣе нашему языку; такъ что въ самомъ Іамбіческомъ Стіхѣ женскомъ, Рѣома самая полная, и ничемъ какъ не превзобилую-

шая, такъ и не оскудѣвающая, падаетъ не Іамбомъ, но Хореемъ.

Донесено уже́ вамъ мною, благосклонный Читатель, что по Боаловой Наукѣ увидите вы здѣсь Горацiеву Эпiстолу Прозою. По сей положилъ я Способъ о составленiи нашихъ Стiховъ. Онъ есть исправленiе и дополненiе того, который выданъ на свѣтъ въ 1735 годѣ. Я разсудилъ, что, говоря съ Горацiемъ и Боало́мъ о разныхъ родахъ Поэзiи, надобно поговорить и о сложенiи Стiховъ, кои по большой части нынѣ издревле употребляетъ Поэзiя. Но не оставилъ я потомъ предложить вамъ мнѣнiе мое и о Первоначалiи Поэзiи, и Стiховъ вообще: оно мнѣ показалось вѣроятнымъ; а окончилъ я первый Томъ (1) сихъ моихъ трудовъ письмомъ къ Пріятелю о нынѣшней пользѣ Гражданству отъ Поэзiи, и нѣсколькими Эзоповыми Басенками, выбранными изъ Прозаическихъ Латинскихъ Камераріевыхъ, и сочиненными, для опытка, некудреватыми Стiхами. Басенки Эзоповы, не знаю что такое въ себѣ пріятное имѣютъ, ко-

(1) Всю сію книгу раздѣлилъ я на два Тома. Первое для того, чтобъ небольшимъ книжкамъ, для Юношества по большой части сработаннымъ, способнѣе въ рукахъ читающихъ обращаться. Второе, чтобъ матерiямъ нѣсколько чрезъ то между собою различиться, и симъ различенiемъ различнымъ сличиться: ибо всѣ онѣ несоединенные, и состоящiе изъ разныхъ содержанiй, такъ что едва которое съ другимъ имѣетъ сходство.

торое тотчасъ при первомъ взглядѣ мечется въ глаза, и сердце услаждая поражаетъ; а еще онѣ становятся пріятнѣе, когда составлены Стіхами: кажется что Стіхъ, или ужѐ простинкій и гладенькій Стіхъ, для нихъ токмо издѣланъ. Роллень, при концѣ втораго Тома древнія Історіи, слѣдующее о сихъ басенкахъ говоритъ: «Надобно, чтобъ басни, потому что онѣ обще отъ «всѣхъ приняты народовъ, какъ то мы всегда «видимъ, укрывали великіе истинны оною нера«дѣтельною простотою, которая есть ихъ свой«ство! И поистиннѣ, Творецъ, хотя научить «человѣка зрѣлищемъ самаго естества, далъ «животнымъ различные склонности свойства, «дабы всѣ онѣ были вмѣсто сокращенныхъ изо«браженій различнымъ должностямъ, которые «надлежитъ ему исполнять; и также вложилъ «въ нихъ добрыя и худыя качества, которыхъ «ему должно искать, или отъ нихъ отбѣгать. «Итакъ, изобразилъ онъ чувствителнное По«добіе тихости и простоты въ Агнцѣ; вѣрности «и дружбы во Псѣ: напротивъ того, наглости, «хищенія, жестокости въ Волкѣ, во Львѣ, въ Тіг«рѣ, итакимъ образомъ въ прочихъ; да и вос«хотѣлъ учинить наставленіе и тайную укоризну «человѣку, ежели онъ нечувствителенъ въ се«бѣ къ такимъ качествамъ, которыхъ ему невоз«можно не любить, или негнушаться ими въ са«мыхъ животныхъ. Сей есть нѣмый языкъ, кото«рый всѣ народы разумѣютъ; и сіе чувство изо«бражено въ природѣ, кое всякъ въ себѣ имѣетъ.»

Вторый Томъ начатъ Рѣчію, которая говорена къ Членамъ бывшаго при Академіи Наукъ Россійскаго собранія, во время перваго ихъ засѣданія, прошедшаго 1735 года, Марта 14 дня. Рѣчь сія есть о чистотѣ нашего языка. За сею слѣдуютъ Оды похвальные и привѣтственные; а за сими Божественные, преложенные какъ съ Псалмовъ Давідовыхъ, такъ и Пророческихъ Пѣсней: всѣ онѣ положены порядкомъ временъ, въ кои сочинены. Въ самой срединѣ находится слово о терпѣніи и нетерпѣливости, удостоенное нѣгдѣ славнаго награжденія за Краснорѣчіе. Потомъ нѣсколько штукъ Строфами о разныхъ матеріяхъ. Слѣдуетъ паки Проза, а именно, разсужденіе о Комедіи вобще, въ которомъ доказывается, что нынѣшняя Европейская Комедія, есть токмо благополучное подраженіе Древней Греческой, и той еще не Арістофановой, но Менандровой. Послѣ сего, представлено нѣсколько Стіховъ изъ Аргеніды, сочиненныхъ нашимъ образомъ и Римскимъ, дабы беспристраснымъ охотникамъ видѣть, который родъ Стіхотворенія есть благороднѣе и естественнѣе. Еще положена по сихъ Рѣчь, говоренная въ Академіи. За сею нѣсколько переводныхъ Стіховъ нашимъ способомъ какъ съ Латінскихъ, такъ и съ Французскихъ. Конецъ увѣнчанъ Плачемъ, нашимижъ Стіхами, о кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора петра великаго, Самодержца Всероссійскаго, Отца Отечествія, сочиненнымъ, уже тому дват-

цать седмь лѣтъ, но исправленнымъ, и послѣднимъ стараніемъ вычищеннымъ.

Будете вы здѣсь читать, благосклонный Читатель, многіе штуки составленные Стіхами, которые уже были выданы однажды на свѣтъ, и изъ коихъ инымъ также есть лѣтъ съ дватцать, меньше и больше. Но сюда они паки внесены всѣ въ новомъ и исправленномъ видѣ предъ прежнимъ. Нѣкоторые изъ оныхъ не имѣли Стопъ; иные были безъ Сочетанія, а иные и слова и Ріему не весьма исправную представляли. Все сіе здѣсь, по возможности, въ лучшее приведено состояніе, и новымъ, да и послѣднимъ, трудомъ выяснено и исправлено. Не таюсь: прежде, какъ я началъ по Тоническому Количеству Стопы вводить въ наши Стіхи, былъ я такова мнѣнія, что Стопами должно было состоять Стіхамъ Гексаметру и Пентаметру; прочимъ бы быть безъ Стопъ, и всѣмъ, кромѣ пѣсенныхъ на чужіи голосы, безъ Сочетанія; хотя о семъ и упомянулъ я прежде всѣхъ изъ нашего народа, и далъ охотникамъ знать, не токмо въ чемъ оно состоитъ, но еще и имя сіе оному наложилъ. Однако, по долгомъ и зрѣломъ послѣдующемъ разсужденіи и размышленіи, удостовѣрился собственнымъ доказательствомъ себѣ, что какъ большимъ, такъ и малымъ Стіхамъ должно необходимо состоять Стопами, для того что ничемъ другимъ Прозаическій членъ Періода не можетъ различиться отъ Стіха, какъ токмо, что членъ Періода имѣетъ безразборныя ударенія слоговъ,

а Стіхъ опредѣленныя по извѣснымъ мѣстамъ чрезъ одинъ, или чрезъ два слога неударяемый; что самое и составляетъ наши Стопы, изъ которыхъ иные удареніемъ начинаются а иные оканчиваются онымъ: тоесть, что существенная разность Стіховъ отъ Прозы, есть точно Стопы, опредѣленнымъ образомъ между собою въ Стіхѣ совокупленные; а что, съ другой стороны, Сочетаніе есть преизрядное украшеніе Стіхамъ, для того что оно различаетъ женскую Ріѳму, впрочемъ лучшую, отъ мужескія наполняющія слухъ нашъ не столько, сколько первая, и тѣмъ самымъ дѣйствительнѣе слухъ услаждаетъ, не смотря на то, (длятого чтобъ дѣло дошло у насъ до четыресложныхъ, пятисложныхъ, и далѣе, Ріѳмъ, которыхъ въ удареніяхъ нашихъ также премного, какъ и односложныхъ), что многихъ бы мы звонкихъ односложныхъ Ріѳмъ лишились.

Оканчаваю съ вами, благосклонный Читатель, говоря Ролленовыми (1) словами, что исправленіе такое первымъ погрѣшностямъ хотя не весьма есть пріятно самолюбію: но можетъ учинить знатную пользу охотникамъ, дѣлая Сочиненія не толь недостаточны. И поистиннѣ во всякомъ родѣ Писаній, рáвно какъ въ нравоучительной Наукѣ, погрѣшенія исправленныя, и признанныя искренно и необиновенно, отъ всѣхъ предаются забвенію, или лучше, нѣтъ ихъ самихъ, и слѣдовъ уже не находится.

(1) Томъ 3 въ предувѣдомленіи.

НАУКА

о

СТІХОТВОРЕНІИ И ПОЭЗІИ

СЪ ФРАНЦУССКИХЪ СТІХОВЪ

БОАЛО́-ДЕПРЕО́ВЫХЪ

СТІХАМИЖЪ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Вотще трудится всякъ продерзосный Писатель
Достичь до высоты, и быть Стіховъ издатель;
Когда въ него съ небесъ духъ тайно есть не влитъ,
(1) Когда въ свѣтъ не рожденъ звѣздою онъ Піитъ:
Природный смыслъ его всегда и тѣснъ и скуденъ,
Фебъ для него есть глухъ, и Пѣгазъ также труденъ.
О! вы, которы толь, горя такимъ огнемъ,
Стараетесь о томъ и нощію и днемъ,
Не рвитесь посему бесплодно надъ Стіхами,
Ни емлите за смыслъ охоту пѣть стопáми:
Обмана бойтесь, коль къ томубъ онъ ни манилъ,
И рассмотряйте умъ, способность рáвно силъ.
Преславныхъ въ естествѣ умовъ премного зрѣетъ;

(1) Tu nihil inuita dices faciesue Minerua.
Horat. art. poet. v. 385.

Таланты раздѣлять Писцамъ оно умѣетъ.
Тотъ можетъ описать къ любовнымъ жаръ играмъ!
А склонность вся въ другомъ до краткихъ Эпиграммъ.
Малгéрбъ превозносить дѣлà Героевъ силенъ:
Ракáнъ, поющъ лѣса и пастушковъ, умиленъ.
Но самолюбный умъ, собою токмо льстясь,
Не знаетъ самъ себя предъ всѣми возносясь.
Такъ (1) нѣкто прежъ сего, съ Фарѣтомъ въ буйствѣ смѣломъ,
Чертивъ Стіхъ на стѣнахъ какъ углемъ, такъ и мѣломъ,
Пѣлъ, гласа своего въ обычномъ сиротствѣ,
Бѣгущъ Еврейскій родъ чрезъ море въ торжествѣ;
И за Моисеемъ въ слѣдъ стремясь въ пустынѣ гономъ,
Спѣшúтъ въ Чермныхъ волнахъ погрузнуть съ Фараономъ.
Когдабъ что ни писать, хоть важно, хоть смѣшнò,
Чтобъ съ разумомъ всегда быть Ріомѣ заодно:
Ихъ ненависть вотщé, какъ кажется, другъ къ дрýгу;
Тому есть та раба, должна казать услугу.
Къ исканію ея трудъ надобенъ сперва́,
Потомъ ту находить, привычка ужъ рѣзва́:
По Разуму себя лехко та обращаетъ.

---

(1) Сентъ-Амандъ Авторъ Спасеная Моісея.

И не скудя ни чемъ, его обогащаетъ.
Но будетъ какъ въ ничто; въ упрямствѣ та кружитъ,
А Смыслъ, чтобъ ту поймать, за нею въ слѣдъ бѣжитъ.
Любитежъ Разумъ вы; твореній бы убранство
Имѣло отъ него всю драгость и пространство.
Большая часть, стремясь въ безумной слѣпотѣ,
Найти желаетъ мысль бессмыслія въ слотѣ;
Они мнятъ, что въ кривыхъ Стіхахъ имъ то позорно,
Чтобъ мыслить равно такъ, какъ могъ другой обзорно.
Отъ сихъ излишествъ прочъ: Італіи дадимъ,
Пусть ложнымъ блескомъ та красуется такимъ.
Да идетъ къ Смыслу все. Но чтобъ съ нимъ впрямь сомкнуться,
Весьма есть труденъ путь, и трудъ не поскользнуться;
Хоть мало кто сшибись, тотчасъ онъ въ ровъ падетъ:
Смыслъ часто по тропѣ къ концу одной идетъ.
Матеріею тотъ наполненный своею,
Не исчерпавъ ея не расстается съ нею.
Палатыль иногда ему попались тамъ?
Онъ пишетъ мнѣ передъ; онъ водитъ по верьхамъ;
Здѣсь ставитъ онъ крыльцо; тутъ сѣни проходные;
Гульбище, и его балясы золотые:

На потолокахъ онъ кругъ числитъ и Ова́лъ (1).
Повсюду тамъ Фесто́нъ (2), повсюду Астрага́лъ. (3)
Я, чтобъ найти конецъ, вотъ много пропускаю,
И съ скуки отъ него чуть садомъ убѣгаю.
Прочъ плодность та отъ васъ: она есть безъ плода;
И да подробность вамъ не дѣлаетъ труда.
Излишное въ словахъ не вкусно есть и гадко:
Умъ отвергаетъ все, ужъ сытый, что не кратко.
Кто мѣры не позналъ, не знаетъ тотъ писать!
(4) Приводитъ часто страхъ отъ ху́да худшимъ стать:
Стіхъ очень тотъ былъ слабъ, ты дѣлаешь несмачнымъ.
(5) Быть долгимъ не хочу, но становлюсь я мрачнымъ.
Не убранъ лишно тотъ; да нагъ въ своихъ строкахъ.
Боится ползать сей; такъ гибнетъ въ облакахъ.

---

(1) Овалъ есть фігура яичнаго начертанія.

(2) Фестонъ есть званіе Архітектурное. Онъ есть собраніе овощей и цвѣтовъ, связанныхъ совокупно на одну верьвь для украшенія; а весь сей Стіхъ есть Скудеріевъ

(3) Званіе Архітекторскоежъ. Онъ есть тотъ горбокъ, который бываетъ въ карнізахъ.

(4) In vitium ducit culpae fuga, si caret arte.
art. poet. v 31.

(5) Obscurus fio; sectantem leuia, nerui
Deficiant, animique; professus grandia, turget.
Serpit humi tutus nimium, timidusque procellae.
Ibid. v. 25.

Хотитель заслужить, чтобъ любовались вами?
Старайтесь различать слогъ непрестанно сами,
Стіль равный, и всегда единъ имѣяй гласъ,
Вотще блеститъ очамъ, онъ усыпитъ тотчасъ.
Читаютъ мало всѣхъ рожденныхъ скучить вдвое,
Что на одинъ напѣвъ поютъ, какъ Столповое.
Блаженъ, кому дано способность такъ имѣть,
Что можетъ въ низъ и въ верьхъ, по смѣхъжъ дѣло пѣть!
Есть книга небу та и всѣмъ чтецамъ любима,
А продавцу всегда съ охотою платима.
Что ни писалибъ вы, стрегитесь подлы быть:
Возможетъ нискій самъ слогъ благородно плыть.
Стіль шутовскій, презрѣвъ рассудность головою,
Сперва всѣхъ обманулъ своею новизною.
Безъ *шильца* вотъ нигдѣ ужъ не было Стіховъ.
Парнасскій сталъ языкъ на площади каковъ.
Катится безъ узды Стіхъ вольно всякъ горохомъ:
И Аполлінъ тогда самъ сталъ быть скоморохомъ.
Проказа перешла сія вдаль къ областямъ,
Съ подъячихъ и гражданъ пристала ко властямъ.
Прескверный самый шутъ хвалу сыскалъ премногу;
И Дасусій (1) привлекъ чтецовъ къ такомужъ слогу.

(1) Негодный Піитъ, который перевелъ шутовскими

Но наконецъ ужé то усмотрѣвши Дворъ,
Все сумозбродство сихъ презрѣлъ Стіховъ, и здоръ:
Простое отмѣнилъ отъ смѣхотворна звона,
И въ дивность городамъ оставилъ въ вѣкъ Тіфóна (1),
Чтобъ не сквернилъ сей складъ нимало вашихъ дѣлъ;
Намъ красота игры въ примѣръ Маротъ какъ пѣлъ,
Игри́щамъ отдадимъ мы шутовство харь гнусно.
Но нéйдемъ какъ Бребіфъ шелъ очень неискусно,
Въ Фарсальску брань валить на брегъ не за ничто,
«Изъ мертвыхъ мрущихъ тамъ стенающихъ горъ сто.
Вы пойте лучше Пѣснь. Всѣ будьте просты дѣльно;
Безъ спеси высоки́, румяны не презѣльно.
Кладите предъ чтецовъ, что любитъ общій духъ;
А къ гладкости вездѣ да строгъ вашъ будетъ слухъ.
Чтобъ смыслъ всегда въ Стіхѣ, сѣкущій рѣчь собою,
Полстішію велѣлъ при знакѣ стать къ покою.

Стіхами прéвращенія Овідіевы. Переводъ сей есть сборъ изображеній самыхъ подлыхъ и грубыхъ.

(1) Шутовская Поэма: Авторъ ея славный Скарóнъ: Она названа Гігантомахіею. Тіфонъ въ ней есть самое главное лице.

«(1) Въ Хорећ женскомъ, слогъ есть долгій
оный знакъ;
«А въ мужескомъ, конецъ Хорея просто такъ:
«Въ Іамбѣжъ обоемъ Іамбъ сѣчетъ художно.
«Кто не блюдетъ сего, тотъ падаетъ тутъ ложно.
«Имѣющіи шесть, и пять мѣръ, тѣ сѣкутъ;
«Всѣ прочіи сего Стіхи ужъ не брегутъ.
«Чтожъ не сѣченъ Іамбъ, Хорей, есть пяти-
мѣрный;
«Тотъ вольностію Стіхъ и въ краткомъ всемъ
невѣрный.

Смотрите, гласной такъ въ путибъ своемъ
спѣшить,
Чтобъ гласноюжъ на томъ ея не раздражить:
Есть щастіе, избрать чтобъ рѣчи сладкогласны.
Бѣжать въ літерахъ долгъ злыхъ скоповъ, тѣ
бесчасны:
Хоть благородно мысль и Стіхъ изображенъ;
Не могутъ милы быть, какъ слухъ есть раз-
драженъ.

Нашъ въ первы времена Парнасъ, его до-
вольство,
Имѣли за уставъ едино самовольство:
Строкъ Ріома на концѣ, тожъ какъ бы ни при-
шло,
Въ Сѣченіе была, въ красу, и за число.

---

(1) Сихъ осми Стіховъ, отмѣченныхъ двойчатками, во Французскомъ Авторѣ нѣтъ. Они сюда внесены для составленія Россійскихъ Стіховъ. О семъ будетъ предложено ниже въ способѣ къ Сложенію нашихъ Стіховъ.

Гос.

Былъ прежде всѣхъ Віллонъ, временъ кой грубыхъ въ мѣрахъ
Смѣсь стару разобра́лъ, притомъ въ Романціе́рахъ.
По немъ тотчасъ Маро́тъ въ цвѣтъ произвелъ Бала́дъ, (*)
Составилъ Тріолетъ, счеталъ въ звонъ Маскарадъ;
Возвратамъ онъ Рондо подвергъ опредѣленнымъ,
И новый показалъ Стіхамъ путь удивленнымъ.
Вотъ инако Ронсардъ, наслѣдникъ бывъ сему,
Все правя, все смутилъ, все велъ по своему:
Однакъ былъ долго онъ хвалимый по судбинѣ,
Но въ Франціи глася какъ Грекъ и по Латінѣ,
Въ послѣдующій вѣкъ узрѣлъ себѣ на смѣхъ,
Что пала спесь его, слова́, и весь успѣхъ.
Тщеславный сей Піитъ, падъ сверьху самъ оплота,
Воздержныхъ здѣлалъ тѣмъ Депо́рта, и Берто́та,
Малге́рбъ насталъ по сихъ; онъ первѣйшій у насъ
Далъ чувствовать въ Стіхѣ всю гладкость въ добрый часъ:

(*) О Баладахъ, Тріолетахъ, Маскарадахъ, и Рондахъ чтобъ ни читатель нашъ, ни Стіхотворецъ не изволили заботиться много: они всѣ небольшіе штучки, собственные Французскому Стіхотворенію, составляемые опредѣленнымъ числомъ Стіховъ, Рѣмъ, и опредѣленными повтореніями одного Стіха. Можно ихъ, нѣкоторымъ образомъ, положить всѣ въ классъ Эпіграммъ. Впрочемъ, онѣ не бездѣлица, но острая игра разума.

Рѣчей въ своихъ мѣстахъ намъ показалъ державу;
Какъ къ должности привелъ, такъ Музу здѣлалъ праву.
Разумнымъ симъ творцомъ очищенный языкъ
Ужъ пересталъ влагать жестокій въ слухи зыкъ.
Пріятности могли въ немъ Строфы научиться,
И Стіхъ въ ближайшій Стіхъ не сталъ смѣть преноситься. (1)
Все приняло уставъ: а сей вождь и отецъ
Всѣмъ нынѣшнимъ творцамъ еще есть въ образецъ.
Вы слѣдуйте по немъ, любя въ немъ чисту гласность,
И щасливый составъ, и примѣчайте ясность.
Какъ въ вашихъ смыслъ рѣчахъ себя явить не скоръ;
То разумъ понимать не силится, мня здоръ:
Отъ тѣхъ онъ тщетныхъ словъ отстать и самъ стремится,
Въ слѣдъ нейдетъ за писцомъ, искать его не тщится.
Суть въ нѣкоихъ умы примрачностей такихъ,
Что зрится быть всегда за тучею мысль ихъ:
Лучъ разума сквозь ту не можетъ въ вѣкъ проникнуть.

(1) Прежніи наши Стіхи составляемыи польскимъ образомъ, весьма подвержены симъ переносамъ. Сей порокъ въ нихъ очень несносенъ. Въ нынѣшнихъ переносъ дѣлаетсяжъ иногда; но не въ начало Стіха, въ чемъ и есть порокъ, но до пресѣченія, или до самаго конца Стіха.

То прежде, нежъ писать, вамъ мыслить долгъ навыкнуть,
([1]) Коль будетъ наша мысль свѣтла, или темна;
Изобразится толь и въ чистости она:
Что поймешь, ясно то сказать, уже удобно,
И сами всѣ слова бѣгутъ на то способно.
А больше, чтобъ языкъ, кой на писмѣ почтенъ,
И въ самый жаркій трудъ всегда былъ вамъ священъ:
Вотще разитъ меня всякъ въ гласѣ звономъ сладкимъ,
Какъ рѣчь не та ([2]), или путемъ нейдетъ вся гладкимъ.
Не нравится уму надменный Барбарісмъ, ([3])
Надутагожъ Стіха и пышный Солецісмъ. ([4])
И кратко, сколь творца есть слава не велика,
Онъ, безъ языка, въ томъ негоднѣйшаго лика.
([5]) Повольный былъ бы трудъ, коль васъ ни торопятъ,

([1]) Verbaque prouisam rem non inuita sequentur.
Ibid. v. 311.

([2]) Подлинно, тщетный будетъ громъ въ Стіхѣ, когда инако мыслитъ Авторъ, а иное пишетъ и изображаетъ рѣчью.

([3]) Барбарісмъ называется то, когда рѣчь какая есть свойственно того языка, коимъ кто говоритъ, или пишетъ; но не прямо или написана, или выговорена, или силою ударена.

([4]) Солецісмъ есть многихъ прямыхъ рѣчей совокупленіе; но неправильно, противъ свойства языка, и противъ общихъ Грамматическихъ правилъ сочиненныхъ.

([5]) ... Carmen reprehendite, quod non.

И спѣшности да въ васъ безумныя не зрятъ:
Стідь борзый, и бѣжать которому есть шутка,
Не толь ума есть знакъ, коль больше нерассудка.
Мнѣ лучше тотъ ручей, кой по песку течетъ,
И по цвѣтамъ въ лугу свой тихо токъ влечетъ;
А нежели потокъ разлитіемъ нельготнымъ,
Свой въ мутности стремитъ бѣгъ по мѣстамъ болотнымъ.
Спѣшите не спѣша (1); себѣ жъ не ставя въ трудъ,
Кратъ съ дватцать вы дѣла предъ свой зовите судъ.
Исправивши ужѐ, еще потомъ ихъ правьте;
Придайте иногда, но чаще что убавьте.
То мало, что въ трудахъ, погрѣшностей гдѣ тма,
Тамъ, индѣ, острота съ глазъ мечется сама;
Да должно, чтобъ всему въ своемъ быть мѣстѣ, чинѣ;
(2) Началубъ и концу согласнымъ быть срединѣ;
Искуснѣйшій приборъ, премногихъ какъ мастей,
(3) Стилъ цѣлое одно бъ изъ разныхъ тѣхъ частей;

Multa dies, et multa litura coërcuit, atque
Praesectum decies non castigauit ad vnguem.
Ibid. v. 292.

(1) Σπεύδε βραδέως. Festina lente.

(2) Primo ne medium, medio ne discrepet imum.
Ibid. v. 152.

(3) ... sit quod vis simplex dumtaxat et vnum.
Ibid. v. 23.

И рѣчь бы никогда, свое оставивъ дѣло,
Не шла искать въ дали словъ звономъ громкихъ смѣло.
Страшитесь ли Стіхамъ отъ Общества хулы?
То сами будьте къ нимъ вы смотромъ прежде злы:
Невѣжество себѣ всегда бываетъ въ диво.
Сыщите вы друговъ, судили бъ васъ не льстиво;
Чтобъ вашихъ имъ трудовъ Повѣренными быть.
И погрѣшеній всѣхъ Противниками слыть.
Вы Авторскую спесь предъ ними отвергайте:
Но друга отъ льстеца рассматрѣвать тутъ знайте.
Тотъ, мнится, хвалитъ васъ, а то насмѣшка зла.
Любите вы совѣтъ, пусть не слѣпитъ хвала.
(1) Ласкатель каждый вдругъ нелѣпо возглашаетъ,
Въ восторгъ его Стіхъ всякъ конечно восхищаетъ:
Все сладко, все красно, противныхъ нѣтъ рѣчей;
Онъ скачетъ, и потокъ слезъ точитъ изъ очей,
Излишними онъ васъ возноситъ похвалами.

---

(1) Tu seu donaris, seu quid donare voles cui,
Nolito ad uersus tibi factos ducere plenum
Laetitiae. clamabit enim, pulcre, bene, reste,
Pallescet super his, etiam stillabit amicis
Ex oculis rorem, saliet, tundet, pede terram.
Vt, qui conducti plorant in funere, dicunt,
Et faciunt prope plura dolentibus ex animo: sic
Derisor vero plus laudatore mouetur.

Ibid. v. 426.

Но правда не спѣшитъ стремительно словами.
(1) Всякъ не преклоненъ, есть другъ истинный всегда
Не дастъ покоя вамъ за хýдо никогда
Порочитъ красоты мѣстá всѣ обнажены;
И шлетъ Стіхи, гдѣ быть, не такъ расположенны.
Здѣсь осуждаетъ онъ надменный словъ Эмфазъ,
Тамъ нé-любъ смыслъ ему, а далѣе и фразъ.
Грамматіческій чинъ не много тутъ есть мраченъ;
Тотъ обоюдный гласъ ясняе не означенъ.
Такъ говоритъ всегда, кто вѣрный вамъ есть другъ!
Но Авторъ для Стіховъ имѣющій недугъ,
Мнитъ, что ихъ защищать долгъ каждому, и нужно:
Противное тотчасъ пріемлетъ онъ не дружно
Кто скажетъ: подло Стіхъ есть сей изображенъ.
А! втуне, Господинъ, Стіхомъ вы раздраженъ,
Онъ будетъ отвѣчать. То холодно есть слово;
Ябъ выкинулъ его. Изъ красныхъ всѣхъ мѣстъ ново.

---

(1) Quinctilio si quid recitares, corrige, sodes,
Hoc, aiebat, et hoc; molius te posse negares,
Bis, terque expertum frustra, delere iubebat,
Et male tornatos incudi reddere versus....
Vir bonus, et prudens versus reprehendet inertes,
Culpabit duros, incomptis allinet atrum
Transuerso calamo signum, ambitiosa recidet
Ornamenta, parum claris lucem dare coget,
Arguet ambigue dictum, mutanda notabit.
Ibid. v. 438.

Сей кругъ не нравенъ мнѣ. Дивится всякъ тому.
Такъ постоянну все не уступать кому,
Когдабъ въ его трудахъ рѣчь гдѣ не полюбилась,
Не вычернить за то причина утвердилась.
Однакъ, онъ самъ твердитъ отъ Крітіки не прочь.
И надъ трудомъ его власть крайня вамъ есть вточь.
Но вся та слатка рѣчь, онъ коею ласкался,
Есть хитрость, вамъ Стіховъ не четшибъ не расстался;
Вотъ оставляетъ васъ, доволенъ всѣмъ трудомъ,
И пидѣ, но глупца, бѣжитъ искать потомъ,
Да и находитъ онъ; какъ глупыми писцами
Обиленъ есть нашъ вѣкъ, хвалить такъ шалунами;
Кромѣ тѣхъ, кои здѣсь, и кои въ областяхъ,
Ихъ много при Князьяхъ, и при другихъ Властяхъ.
Негодный самый трудъ изобрѣталъ въ Придворныхъ,
Отъ древнѣйшихъ временъ Хвалителей проворныхъ:
Сатіріческижъ бы въ сей Пѣсни свесть конецъ,
Глупѣйшимъ всякъ еще хвалимъ всегда Глупецъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Какъ Пасту́шка, въ красный день Празника, и въ радость,
Украшаетъ не числомъ яхонтовъ всю младость,
И ни Адамантовъ ставитъ къ золоту приборъ;
Но на ближнемъ полѣ лучшій рветъ себѣ уборъ.
Такъ пріятнѣйшій на взглядъ, но простой Эклóгѣ,
Безъ богатства долгъ въ своемъ нѣжнѣйшемъ быть слогѣ:
Пышнаго та въ кругѣ не имѣетъ ничего,
И Стіха не любитъ, въ коемъ чванство есть всего.
Сладостіюбъ нѣжно намъ вся она дышала,
Громомъ бы высокихъ словъ насъ не устрашала.
Но въ ея составѣ, потерявшій Авторъ цѣль,
Съ гнѣва повергаетъ многократнѣйше свирѣль;
И безумною надменъ съ жара красотою,
Онъ въ иділліи своей намъ гласитъ трубою:
Чтобъ его не слышать, убѣгаетъ Панъ въ тросникъ,
Прячутся и Нимфы съ страха въ воду, и въ родникъ.
На противъ того другой, подлъ въ своемъ язы́кѣ,
Говоритъ такъ въ Пастушка́хъ, какъ мужикъ, что въ лыкѣ:
Грубый Стіхъ, въ которомъ красоты нѣтъ никогда,

Ползаетъ, замаранъ гнусно, по землѣ всегда,
Всякъ сказалъ бы, что Ронса́рдо въ деревенски дутки
Въ Эклогахъ еще поетъ варварски прегу́тки,
И перемѣняетъ, слуху на великій страмъ.
Ліціда въ Евла́сья, а Філіду въ Хо́вру тамъ.
Промежду излишествъ сихъ есть дорога бита,
Отъ Віргілія, еще и отъ Теокріта.
Оныхъ сладки письма, чтобъ не шли изъ вашихъ рукъ,
И ни денно, нощно, не́-былобъ отъ нихъ вамъ скукъ:
Въ мудрыхъ токмо ихъ Стіхахъ долгъ искать вамъ средства,
Авторъ можетъ какъ начать, безъ вреда и бѣдства,
Пѣть луга́, и Фло́ру, и Помо́ну, и сады,
Пастушко́въ сопѣльми возбудить къ борьбѣ въ чреды;
Сладость величать любви сладоснымъ напѣвомъ;
Перемѣнять Нарцісса въ цвѣтъ, Да́фнѣ быть бы древомъ;
И притомъ во время нѣкоего какъ часа,
Ко́нсула достойны въ Эклогѣ поля, (1) лѣса́.
Сельскихъ пѣніе Поэмъ такъ есть удобренно!
Выше мало взноситъ гласъ, но недерзновенно.
Слезна Элегія (2) въ чорномъ платьѣ, что съ хвостомъ,

---

(1) Virgil. Fclog. 4.
(2) Flebilis indignos Elegeia solue capillos.
Ouid. elegiar lib. 3. eleg. 3.

Растрепавши волосъ, и идя за гробомъ въ томъ.
Радость и печаль въ любви та намъ предста-
вляетъ,
Молитъ, сердитъ, льститъ, грозитъ, милу утоляетъ:
Но недугибъ сіи щасливо изобразить,
Мало быть Піитомъ, должно самому любить.
Ненавижу тѣхъ творцовъ, кои Музу нудятъ
Воспѣвать о семъ огнѣ, а себя не взбудятъ;
Правиломъ печалясь при спокойствіи своемъ,
Всю любовь замерзлу дѣлаютъ свою при семъ.
Самый ихъ пріятный жаръ, токмо рѣчь пустая:
Связываетъ только ихъ въ вѣкъ цѣпь золотая;
Мука имъ любезна; тягости нѣтъ и отъ узъ;
Съ разумомъ вотъ въ ссорѣ; чувства ихъ всѣ
давитъ грузъ.
Не такимъ то, въ старину, смѣха годнымъ звономъ,
Воздыхалъ Тібу́ллъ въ Стіхахъ отъ любви со
стономъ;
Иль Овідій нѣжный, гласа къ сладости приставъ,
Своея Науки красный издавалъ уставъ.
Говорить долгъ одному сердцу въ Элегіи!
Ода большій блескъ дая, столькожъ Энергіи, (1)
Возлетаетъ славно до превыспреннихъ небесъ.

(1) Энергія слово греческое; оно есть званіе техническое, и значитъ по нашему великую слога силу и дѣльность.

Въ дружбѣ и съ богами, и вездѣ не безъ чудесъ,
То Атлетамъ на играхъ подвигъ отверзаетъ,
И побѣдоносца тамъ въ Лаврѣ воспѣваетъ;
То ведетъ Ахілла на Троянскіи брега;
То здѣсь покаряетъ, гонитъ индѣ то врага.
Иногда, какъ бы пчела любящая дѣло,
Цвѣты на вѣнецъ въ поляхъ собираетъ смѣло:
Прославляетъ танцы, веселый пиръ, и смѣхъ,
Съ устъ и поцѣлуя полученнаго успѣхъ,
(1) Коему Ірiса быть не хотѣла взяту,
Чтобъ не данному отъ ней, видѣтьсябъ отъяту.
Быстра въ Одѣ слога часто есть отваженъ ходъ:
Красный беспорядокъ точно въ ней искусства плодъ.
Прочъ трусливыи писцы: ихъ умъ флегматічный
Наблюдаетъ въ жарѣ томъ способъ дідактичный; (2)
Тѣ поя Героя, много несшаго бременъ,
По історічески чину слѣдуютъ временъ;
Не дерзаютъ отступить на-пядь отъ предлога,
Взять имъ городъ, вся бъ была ужъ взята подмога,

---

(1) . . . . . facili saeuitia negat.
Quae poscente magis gaudet eripi.
Horat. lib. 1 od. 2.

(2) Способъ учительскій, пристойный какимъ наставленіямъ.

И въ Стіхѣбъ исправномъ слѣдовалъ тѣхъ стѣнъ обвалъ,
По́слѣ, какъ ужъ збиты обороны всѣ, и валъ.
Аполлінъ въ томъ помогать въ вѣкъ имъ отказался!
Слухъ есть, нѣкогда сей Богъ нравный увязался,
Да въ несносный вринетъ нашихъ Стіхотворцевъ трудъ,
Тягость дать Сонету, почитай сверьхъ силъ, въ седмь пудъ.
Указалъ, въ двухъ четверняхъ, равныхъ межъ собою,
Осмью слухи поражать ріфмою двойною;
А потомъ искусно шестерню Стіховъ срядить,
Такъ, чтобъ двѣ тройчатки смыслу разному дѣлить.
Особливо жъ не пустилъ вольности въ ту краткость:
Самъ въ Сонетѣ онъ число вымѣрялъ и гладкость.
Запретилъ жестоко, слабому Стіху вступать,
Бывшему и сло́ву паки мѣсто въ ономъ брать.
Впрочемъ, украсилъ его велелѣпно Тѣмы:
Сто́итъ безъ хулы Сонетъ долгія Поэмы!
Но вотще́ ту сонмы получить себѣ мнятъ часть,
Щасливый сей Фе́никсъ, никому не могъ попасть.
Чуть въ Мейна́рдѣ, и въ Гомбѣ, также и въ Мальвидѣ,

Можноль удивляться тремъ въ тысящной ихъ силѣ.
Всѣхъ, какъ Пелтіерскихъ, прочихъ никогда не чтутъ;
А Серсійвы въ лавку на обертки въ скачь бѣгутъ.
Чтобъ въ предписанномъ смыслъ свой заключить предѣлѣ.
Мѣра иль всегда долга, иль кратка при дѣлѣ.
Вольность въ Эпіграммѣ больша, но кратчайшій кругъ;
Острымъ словомъ часто въ Ріѳмахъ двухъ разитъ та слухъ.
Ши́лецъ въ древни времена мы отнюдь незнали;
Изъ Італіи потомъ къ намъ въ Стіхи попали.
Обще ослѣпившись оныхъ всѣхъ чрезъ тонку лесть,
Пишущіи ставить начали себѣ ихъ въ честь.
Общество пріятствомъ гласъ дерзости взбудило;
Вотъ премножество Парна́ссъ татчасъ затопило.
Мадріга́лъ всѣхъ прежде Ши́льцемъ тѣмъ былъ изощренъ;
Самъ Сонетъ падменный равно тѣмъ же прободенъ;
И трагедіи оно стало быть въ утѣху;
Элегія началажъ скорбь красить безъ смѣху:
Безъ него Героя въ дѣйствѣ было не слыхать,
Безъ того жъ любитель не дерзнулъ уже́ вздыхать.
Видѣли всѣхъ Пастушко́въ, въ жалобѣ и въ го́рѣ,

Шúльцу вѣрнѣйшихъ тому, нежъ пастýшкамъ
въ зборѣ,
Каждое и слово стало быть о двухъ лицáхъ:
Приняла то Проза, также какъ Стіхи въ кон-
цахъ.
Адвокатъ тѣмъ говорилъ, чтобъ онъ не затѣялъ;
Проповѣдникъ всѣ слова Шúльцами жъ засѣялъ.
Оскорбленный разумъ наконецъ отверзъ глазá,
Въ вѣкъ изъ дѣльной рѣчú выгнавъ, сталъ ему
гроза;
Объявивъ бесчеснымъ то всюду въ Письмахъ
въ роды,
Съ милости не запретилъ въ Эпіграмму входы:
Только жъ бы въ немъ тонкость, и его прилич-
ный ловъ,
Шли собой до мыслей, а нимало не до словъ.
Такъ во всѣхъ ужé мѣстахъ згибли непорятки!
Но еще есть при Дворѣ глумниковъ десятки,
Шалей, смѣхотворцовъ, шутовъ безъ успѣха въ
томъ,
Кои словъ игрушку грубымъ защищаютъ ртомъ.
Мысль не та, чтобъ иногда музы хитрость мала
Надъ-словомъ вскользь идучи тутъ не поиграла,
И отверницею бъ смысла не свела въ успѣхъ:
Да бѣжать излишествъ должо въ семъ, они то
смѣхъ:
И не тщаться повсегда недостойнымъ Шúль-
цомъ
Въ Эпіграмѣ украшать кончикъ какъ сурмиль-
цомъ.
Каждый родъ Поэмы за свою добръ красоту.

Галлъ Рондо́ родившись кажетъ токмо простоту.
Весь старинному Бала́дъ по́дданный убору,
Часто блескомъ одолженъ Ріомъ однихъ прибору.
Мадрігалъ простяе, и взнося достойнѣе бровь,
Дышетъ сладость, нѣжность, и умильную любовь.
Не взводить ложь, но себя показать бы Міру,
Жаръ Стіхами воружилъ съ правдою Сатіру.
Прежде всѣхъ Луціліи оную дерзнулъ издать,
И порокамъ Римскимъ зеркало сіе подать:
Онъ за добродѣтель мстилъ гордому богатству;
Конному, за пѣшу честь, плутовству, лжебратству.
Къ желчи сей Гора́ціи приложилъ премного красъ;
На глупцовъ онъ выдалъ и на шалуновъ указъ.
Горе каждымъ именамъ, хулъ такихъ достойнымъ,
Кои могутъ въ Стіхъ войти мѣръ числомъ пристойнымъ!
Пе́рсіи Стіхъ свой мракомъ всюду тѣснѣйше сплотилъ,
Чтобъ онъ словъ тутъ меньше, больше бъ смысла умѣстилъ.
Ювена́лъ пріобученъ къ воплю въ Римской школѣ,
Надлежащихъ свыше мѣръ вскликнулъ въ Гіперболѣ.
Язвъ хотя ужасныхъ полны всѣ его черты;
Но въ немъ всюду блещутъ превысоки красоты:

(1) Хоть когда онъ, по письму изъ Капрéи данну,
Статуу Сеяна втрéскъ крошитъ оплевáнну:
(2) Хоть когда онъ гонитъ на совѣтъ въ Сенатъ отцевъ,
Мнительну Тіранку въ страхѣ блѣднѣйшихъ льстецовъ:
(3) Иль когда онъ, низводя роскошь зла въ долину,
Всѣмъ ярыгамъ продаетъ Римску Мессалíну.
Жаромъ всѣ сіяютъ Сочиненія его!
Отъ людей сихъ мудрыхъ приведенный до сего,
Ренніэръ у насъ одинъ на стезю готову,
Старымъ стілемъ намъ еще точитъ сладость нову.
Щасливъ! еслибъ рѣчи, конхъ всякъ стыдится Чтецъ,
Мѣстомъ тѣмъ не пахли, хаживалъ куда Писецъ,
И когда бъ онъ звономъ ріѳмъ, Цінíческихъ, точныхъ,
Многожды не раздражалъ слуховъ непорочныхъ.
Слогъ безстыдствомъ часто у Латинъ есть осквернéнъ;
Всякъ же нашъ Читатель хочетъ быть всегда почтенъ:
Крошечка нечистоты въ смыслѣ разгнѣвляетъ,
Ежели стыда его рѣчь не утоляетъ,
Я хочу въ Сатірѣ искренности сáмый духъ,
А бѣгу бесстыдства, одобряюща стыдъ въ слухъ.
Отъ сея Поэмы, гдѣ острыхъ словъ обильно,
Пѣсня Водевíль у насъ утвердилась сильно;
Милая болтýшка, возглашая свой распѣвъ,

(1) Сатіра 10. (2) Сатіра 4. (3) Сатіра 6.

Съ устъ въ уста преходитъ, и взрастаетъ какъ бы сѣвъ.
Въ сихъ Французскія стіхахъ вольности зримъ сладость:
А раждается утѣхъ то дитя намъ въ радость.
Только жъ, кто насмѣшки пишетъ тѣ, и просто вры,
Не-бралъ бы онъ Бога за матерію игры:
Всю безбожность наконецъ безъ святаго страху,
Иль на рынкѣ въ срубѣ жгутъ, иль кладутъ на плаху.
Надобны и въ пѣсняхъ разумъ, смылъ, и правилъ чинъ!
Впрочемъ, то бывало, что віно безъ всѣхъ причинъ
Ободряло иногда грубу Музу въ мѣру,
И давало сочинить Строфу Лініёру.
Но при щастьѣ тщетномъ, что вамъ есть успѣхъ въ Стіхахъ,
Спеси вы блюдитесь въ вашихъ съ радости пыхахъ:
Гордый Авторъ, какъ своимъ пѣснямъ зритъ расходы,
Въ ту минуту мнитъ, что есть онъ піитъ съ природы.
Не сложивъ Сонета, никогда не ляжетъ спать;
Скорыхъ шесть препишетъ штучекъ только лишь бы встать.
Да и дивно, что, дѣла́ мня свои не средни,
Онъ печатаетъ когда глупые тѣ брѣдни,
Не изображаетъ, мастеромъ себя какимъ,
Увѣнчанна Ла́вромъ предъ собраніемъ такимъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Нѣтъ змія, нѣтъ гада́, ни гнуснаго урода,
Кой чрезъ искусство бъ быть не могъ пріятныхъ рода:
Полезнымъ нѣжна кисть художествомъ своймъ,
Видъ скаредный очамъ творитъ весьма любимъ.
Такъ, насъ бы веселить, Трагедія прямая
Эдіпову въ крови явила скорьбь рыдая,
Орестову печаль, отца убилъ кой самъ;
И чтобъ забавить насъ, тѣмъ привела къ слезамъ.
Вы, въ коихъ толь кипитъ къ театру ревность чѐсна,
И за Стіхи хвала гдѣ пышны вамъ не лесна;
Хотитель вы на немъ такой представить трудъ,
Чтобъ градъ, тотъ зря въ толпахъ, чрезъ свой одобрилъ судъ,
И кой всегда красняй, что больше будетъ зримый,
По дватцати годахъ еще бъ былъ въ видъ просимый?
То въ вашихъ всѣхъ рѣчахъ тамъ возбужденна страсть
Искала бъ сердца вся, палила бъ все, не часть.
Движеніе когда возставшее внуть махомъ,
Не наполняетъ насъ повольнымъ часто страхомъ,
Иль жалости въ душѣ не взбудитъ то у насъ;
То мудрость ваша тамъ возноситъ всуе гласъ:

Холодный вашъ доводъ не будетъ покоритель,
И оному плескать всегда лѣнивъ Смотритель;
Риторіка красно коль тутъ ни говоритъ,
Съ труда онъ дремлетъ самъ, иль васъ за то бранитъ.
Вся сила: быть бы вамъ любимымъ, намъ взбужденнымъ.
Старайтесь же меня чѣмъ здѣлать пригвожденнымъ!
Чтобъ съ первѣйшихъ Стіховъ готовый дѣйства бытъ
Безъ трудности мнѣ весь былъ въ силѣ не закрытъ.
Смѣюсь я надъ творцомъ, кой медленность имѣетъ,
Сперва, о чемъ весь видъ, дать вѣдать не умѣетъ,
И на развязку кой слабъ узла, что толь крутъ,
Изъ той потѣхи мнѣ тамъ дѣлаетъ вотъ трудъ.
Ужъ лучше, чтобъ склонялъ мнѣ имя онъ безъ страха:
«Я есмь Агамемнóнъ, Орéстъ, иль Андромáха,
А нежелибъ чудесъ тѣхъ мракомъ, безъ услухъ
Понятію о нихъ, такъ оглушалъ мой слухъ.
Долгъ тотчасъ изъяснить всю силу, все и дѣло!
Чтобъ мѣсто, дѣйство гдѣ, знакъ твердости имѣло.
Писатель, безъ бѣды, Гішпанскій всякъ готовъ
Въ одинъ день тамъ включить премножество годовъ.
Въ ихъ зрѣлищѣ Герой, толь часто грубоватый.

Младенецъ есть сперва, въ концѣ ужъ бородатый.
Но мы, что смысломъ намъ въ томъ правило дано,
Хотимъ, чтобъ дѣйство все искусствомъ ведено:
«Въ томъ мѣстѣ, въ день одинъ, одинъ бы случай цѣльный»
Наполнилъ до конца театръ весь многодѣльный.
(1) Отнюдь не представлять незбыточныхъ вещей:
Не можно иногда и правдѣ вѣрить всей.
Не льститъ меня ничемъ чудесное безъ мѣры:
Не взбудится тѣмъ умъ, чему онъ нейметъ вѣры.
(2) Да сказываетъ рѣчь, чего не должно зрѣть:
Глаза́, зря вещь, ясняй ту могутъ разсмотрѣть;
Но много есть, что смыслъ; разсудности по духу,
Скрыть долженъ отъ очей, а предлагать то слуху.
Смятеніе растя отъ сцёны въ сцёну тамъ,
Способно бъ наконецъ все изъяснялось намъ:
Не болѣе всегда умъ пораженъ бываетъ,
Коль есть, какъ въ дѣлѣ томъ, что узелъ заплетаетъ,
Познáнная всея ужъ тайны правда вдругъ

---

(1) Ficta voluptatis caussa, sint proxima veris,
Nec, quodcumque volet, poscat sibi fabula credi.
Horat. art. poet. v. 338.

(2) Segnius irritant animos demissa per aurem,
Quam quae sunt oculis subiecta fidelibus, et quae
Ipse sibi tradit spectator. Non tamen intus
Digna geri, promes in scenam, multaque tolles
Ex oculis, quae mox narret facundia praesens.

Перемѣняетъ все въ иной видъ, въ новый кругъ.
(1) Трагедія сперва, имѣя грубость въ свяскѣ,
Была простъ Караводъ, въ которомъ, каждый
въ пляскѣ,
Честь Ба́кхусу по́я, какъ божеству гроздовъ,
Тѣмъ тщался получить обильный зборъ плодовъ.
Тамъ радость при вінѣ сердца всѣхъ возбуждала,
Искуснагожъ пѣвца (2) Козломъ въ даръ награждала.
Былъ первый Те́спісъ, кой (3) дрождями гнусенъ весь,
Возилъ по слободамъ благополучну смѣсь;
Съ телѣги, платье давъ, кому играть, сурово,
Идущимъ представлялъ онъ зрѣлище то ново.
(4) Эсхиль въ тотъ прежній хоръ Играгелей
ужъ ввелъ,
И ха́рькамп лице чеснѣйшими одѣлъ;
Онъ на театрѣ тамъ возвышенномъ публично,
Представилъ игрока, обутаго прилично.

---

(1) Ignotum Tragicae genus inuenisse Camoenae
Dicitur, et plaustris vexisse poëmata Thespis:
Quae canerent, agerentque peruncti faecibus ora.
Ibid. v. 275

(2) Carmine qui Tragico vilem certauit ob hircum.
v. 220

Τραγωδία, ἀπὸ τῦ τράγου, (3) Τρυγωδία, παρὰ τῆς τρυγός.

(4) Post hunc perfonae pallaeque repertor honestae
Aeschylus, et modicis instrauit pulpita tignis,
Et docuit magnumque loqui, nitique cothurno.
Ibid. v. 278.

Но лучшу мысль Софóклъ имѣя отчасу,
Умножилъ видъ и сонмъ, обогатилъ красу;
Далъ въ дѣйствіи самóмъ, и цѣломъ хору дѣло;
Негладкости въ Стіхахъ имъ слово не имѣло:
Сей въ грекахъ высоту трагедіи ту далъ,
До коея глаголъ латинскій не досталъ.
Побожныхъ дѣдовъ мысль Театръ все проклинала;
Тѣмъ Франція утѣхъ сихъ долго вся не знала.
Молебщиковъ, есть слухъ, въ Парижѣ грубый зборъ
Явилъ, пшедъ предъ всѣхъ, такой сперва уборъ,
А въ глупости своей, и въ простотѣ нелесно,
Игралъ онъ какъ Святыхъ, такъ Дѣву, Бога честно.
Наука, наконецъ, ихъ просвѣщая умъ,
Дала знать, сколь нелѣпъ побожный былъ тотъ глумъ.
Учителей тѣхъ всѣхъ непосланныхъ прогнали;
За баснь, за Іліонъ хвататься паки стали:
Вотъ только игроки безъ древнихъ ужъ личинъ;
За пѣніе и хоръ взята скрыпица въ чинъ.
Немедлѣнно любовь, въ которой нѣгъ обильно.
Плѣняла такъ театръ, какъ повѣсти, насильно.
Описывать кому сію страсть хоть бы чуть,
То къ сердцу тѣмъ итти есть достовѣрный путь.
Описывайте жъ вы любовь Героевъ сильныхъ;
Но ихъ, какъ пастушковъ, не дѣлайте умильныхъ.
Чтобъ пнакъ Ахиллéсъ любилъ, нежъ Тірсъ, Филéтъ.

Не здѣлался бъ у васъ изъ Кіра Артаменъ:
И совѣсть, на любовь въ злѣ многожды свидѣтель.
Казала бъ слабость въ ней, отнюдъ не добродѣтель.
Героя Повѣстей отъ нѣгъ бѣжать долгъ вамъ;
Но должно жъ слабость дать великимъ и сердцамъ:
Не правенъ Ахіллесъ не рѣзвый, не кипящій;
Не нѐ-любъ же однакъ въ обидѣ тотъ слезящій:
По недостаткамъ симъ, являющимъ родство,
Съ пріятностію тутъ умъ видитъ естество.
Чтобъ въ вашихъ письмахъ онъ описанъ такъ былъ живо!
(1) Агамемнóнъ себя бъ велъ гордо и спесиво.
Энеи бы честь къ своимъ имѣлъ богамъ безъ мѣръ.
Блюдите въ каждомъ вы его вточъ характéръ.
Вѣковъ и разныхъ странъ разсматривайте нравы:
По разности земель тѣ часто злы иль правы.
Какъ въ Клéліи (2), такъ васъ мысль въ тобъ не привела,
Итáліибъ нашъ видъ дать, коя встарь была;
И въ римскихъ именахъ являть нашъ зракъ повсюдный,

(1) Aut famam sequere, aut sibi convenientia finge
Scriptor. Honoratum si forte reponis Achillem,
Impiger, iracundus, inexorabilis, acer,
Iura negat sibi nata.
Ibid. v. 119.

(2) Такъ называемая повѣсть Скудеріина.

Катонъ чтобъ щоголь былъ, а Брутъ бы женолюбный.
Въ негодныхъ Повѣстяхъ легко все извинить:
Довольно, что тутъ могъ васъ вымыслъ помаянить:
Была бъ не кстати въ нихъ излишняя жестокость;
Но въ Сценѣ быть должна исправная высокость:
Приличность въ ней вездѣ быть хочетъ до конца.
Хотитель вы сыскать видъ новаго лица?
Чтобъ пребыло во всемъ согласно то съ собою,
Была бъ вся поступь тажъ, сперва имѣла кою.
То часто, и не мня, что самолюбъ Писецъ,
Своймъ Героямъ всѣмъ есть самъ за образецъ:
Все по гасконски есть въ Писателѣ Гасконцѣ;
И Юба (1) и Калирнѣдъ (2) взросли при томже солнцѣ;
(3) Въ насъ естество во всѣхъ различнѣйше мудритъ:
Страсть каждая своймъ языкомъ говоритъ.
Спесивъ есть гнѣвъ, рѣчей желаетъ величавныхъ.

---

(1) Герой въ поэмѣ Клеопатрѣ.

(2) Авторъ Клеопатрынъ.

(3) . . . . . tristia moestum
Vultum verba decent, iratum plena minarum:
Ludentem lasciua, seuerum seria dicta.
Format enim natura prius nos intus ad omnem
Fortunarum habitum.

Ibid. v. 106.

(1) Чтобъ предъ Троей въ огнѣ, Гекуба въ рысь и въ скачь
Не бѣгала, глася смѣшно надутый плачъ,
И безъ причины бъ тамъ отнюдъ та не кричала:
«(2) Гдѣ устьями седмью въ Эвксінъ рѣка Донъ впала»?
Изображеній сихъ толь громкихъ пышный зборъ,
Витію кажетъ намъ словъ любяща уборъ.
Вы въ горести бъ своей себя уничижили,
Чтобъ плакать мнѣ, тобъ тутъ вы сами слезы лили.
Въ аршинъ слова, игрокъ гласитъ что свысока,
Изъ сердца нейдутъ такъ, чтобъ скорбь была горька.
Исполненный театръ осудчиковъ премногихъ,
Есть поле, гдѣ похвалъ всѣмъ меньше, нежъ бѣдъ срогихъ.
Писатель не легко тамъ можетъ побѣждать:
Въ готовности уста всегда ему свистать.
Всякъ судитъ: Онъ глупецъ и ничего не знаетъ;
А право всякъ сіе при дверяхъ покупаетъ.
Долгъ, во-стобъ видовъ онъ себя преобращалъ;
То возносился бъ тамъ, то кротко бъ возглашалъ:
Чтобъ умствованій въ немъ обильно честныхъ было;

---

(1) Et tragicus plerumque dolet sermone pedestri.
Telephus et Peleus, quum pauper et exul vterque,
Proiicit ampullas et sesquipedalia verba,
Si curat cor spectantis tetigisse querela.
Ibid. v. 93

(2) Сенека трагікъ въ Троадѣ явлен. 1.

Чтобъ твердо все, легко, глубоко, сладко, п ыло;
Безъ дивныхъ мыслей онъ чтобъ не́-былъ ни часа;
Бѣжалъ чтобъ онъ въ Стіхахъ съ чудесъ на чудеса;
Чтобъ затвердивши рѣчь его всю любопытно,
На памяти держать могли мы долгобытно.
Въ трагедіи таковъ ходъ, дѣйство, рѣчи, слогъ!
Осанистѣй еще есть эпическій рогъ:
Сей дѣйствія всего въ Сказаніи пространномъ
Жизнь Баснію ведетъ, весь въ вымыслѣ духъ странномъ.
Чтобъ обморочить насъ, такъ сдѣлано Творцемъ,
Что все тамъ тѣло, духъ, душа, и все съ лицемъ.
Тутъ всяка божествомъ есть добродѣтель спе́рва:
Венара—красота; премудрость есть Минерва.
Не отъ паро́въ уже́ тутъ дѣлается громъ;
То Зевсъ, но воруженъ, страшитъ земный сей домъ.
Ужасная пловцамъ какъ буря съ свистомъ дуетъ;
То гнѣвный самъ Нептунъ въ волнахъ тогда шурмуетъ.
Не звонъ, что эхо намъ, есть пущенный въ возду́хъ:
То по Нарциссѣ такъ всѣмъ німфа плачетъ въ слухъ.
Сихъ вымысловъ вездѣ, въ преславнѣйшемъ приборѣ,

Премножествомъ пѣтъ играетъ, самъ въ уборѣ;
Возноситъ, богатитъ, величитъ все собой,
И всюду онъ цвѣты находитъ подъ рукой.
Энеевы суда, что вѣтромъ занесенны,
Къ Африцкимъ что брегамъ прибиты чуть спасенны;
То въ случаѣ такомъ нѣтъ дивности отнюдь:
Нещастія ударъ, его былъ только трудъ.
Но въ ненависти что злопамятна Юнона (1)
Останкамъ на волнахъ враждуетъ Иліона;
Что Эолъ, тѣ гоня отъ Италіи прочь,
Пускаетъ изъ пещеръ на нихъ всѣ вихри вточь:
Что въ гнѣвѣ и Нептунъ сверхъ моря выбѣгаетъ,
И волны словомъ тамъ и воздухъ укрощаетъ,
Спасаетъ корабли, срываетъ ихъ съ мѣлéй:
Сіе приводитъ насъ въ восторгъ въ поэмѣ сей.
Безъ украшеній ихъ Стіхъ слабымъ становится;
Поэзія мертва, иль ползающа зрится:
Ора́торомъ тогда ужъ больше есть пѣтъ,
Или Историкъ онъ въ своей кой баснѣ спитъ.
И такъ вотще писцы, обманомъ всѣ объяты,
Отъ мѣръ Стіховъ гоня въ вѣкъ тѣ красы пріяты,
Мнятъ Богу дѣйство дать, пророкамъ, и Святымъ,
Какъ то дано богамъ въ мозгу творцовъ слитымъ;
Что ступятъ, то чтеца ведутъ въ адъ для прогуловъ,

(1) Смотри книгу 1. Энеиды Віргіліевы.

Тамъ только кажутъ всѣмъ однихъ Веелзевуловъ.
Но вѣры во Хріста ужасныхъ таинствъ гласъ
Несроденъ отъ такихъ быть удобряемъ красъ.
Евангеліе намъ, въ святой своей Наукѣ,
Всѣмъ каяться велитъ, или грозитъ быть въ мукѣ:
А вашихъ лжей такихъ богопреступна смѣсь
Видъ басенъ правдѣ въ немъ даетъ, и оныхъ спесь!
И что за зракъ очамъ покажется цвѣтущій,
Какъ тотъ Діаволъ все на небеса блюющій,
Въ героѣ славу кой уничижить готовъ,
И часто съ Богомъ онъ въ борьбѣ стоитъ суровъ?
Мнѣ скажутъ: Тассъ то все изобразилъ съ успѣхомъ.
Я не хочу его судить за то здѣсь съ смѣхомъ:
Но сколько въ наши дни онъ въ славѣ не процвѣлъ;
Іта́ліи бъ одаакъ прославить не имѣлъ,
Когда бъ его герой, въ мольбѣ всегда исправно,
Не ввелъ тѣмъ сатану и въ умъ и въ чувство рáвно;
И ежели бъ Ріна́лдъ, Арга́нтъ, въ любви Танкре́дъ,
Не усладили всей той Книги напередъ.
Сіе не для того, чтобъ, въ слогѣ Хрістіанскомъ,
Хвалилъ Піита я въ язычествѣ поганскомъ;
Но въ живописи чтобъ Мірской со всѣмъ въ доводъ

Не сметь употребить пріятныхъ басенъ родъ,
Трітоновъ съ водъ согнать, что бытность ихъ
погана,
Въ вѣкъ ножницы у Паркъ, свирѣль отнять у
Пана,
Не допускать, Харонъ чтобъ въ ладіи скоря
Равно́ какъ Пастуха, такъ превозилъ Царя;
То глупо отъ того бѣжать какъ отъ проклятства,
И угодить хотѣть Чтецу такъ безъ взрядства.
Вотъ мудрость запретятъ писать съ такой тоски;
Темидѣ на глаза́ платъ, въ ру́ки дать вѣски́;
Войну являть съ челомъ въ видъ мѣдянымъ обра-
зами;
И Время, что летитъ, съ песошными часами:
Какъ Идольскую лесть изъ всѣхъ они рѣчей
Аллегорію вдругъ сбьютъ въ ревности съ очей.
Такъ заблуждая, пусть себя тѣмъ величаютъ:
Но пустоши пускай насъ сіи не стращаютъ,
И Хрістіане баснь какъ сонный стро́я брѣдъ,
Отъ Бога вѣчныхъ правдъ весь отлучимъ лжи
слѣдъ.
Баснь подаетъ уму красотъ премного разныхъ:
Въ ней, мнится, имена всѣ для Стіховъ выраз-
ныхъ:
Улиссъ, Агамемно́нъ, Оре́стъ, Идомене́й,
Елена, Менелай, Парисъ, Троилъ, Эней.
О! коль Глупецъ Піитъ смѣшонъ, кой долго ро́я
Во множествѣ такомъ, Шилбранда взялъ въ героя.
Жестоко иногда, иль дико имя какъ,
Поэму вводитъ всю въ смѣхъ, варварства иль
въ мракъ.

Хотитель долго вы пребыть у всѣхъ любимы?
Въ Героѣбъ вашемъ мнѣ дѣла всѣ были чтимы?
Добротенъ былъ бы онъ, и мужествомъ высокъ:
Геройско бъ было все въ немъ, самый и порокъ.
Достоинъ, дивенъ намъ, и вкратцѣ бъ былъ толикій,
Что Цесарь, Александръ, (1) или нашъ Петръ Великій;
Отнюдъ не Полінікъ, его ни лживый братъ:
Нечудный воинъ есть всѣмъ скученъ въ много, кратъ.
Въ матеріи бъ не быть впаденіямъ премногимъ:
Одинъ Ахіллесъ гнѣвъ, искусствомъ неубогимъ,
Вотъ Іліаду всю наполнилъ до конца.
Убожитъ лишекъ всякъ въ обильности творца!
Вы повѣствуйте тутъ поспѣшно все и живо;
Описывать быжъ вамъ богато, пышно въ диво:
Долгъ здѣсь то красоту Сгіховъ казать всегда,
За мѣлочи вещей не браться никогда.
Не слѣдуйте (2) глупцу, кой, море представляя,
И раздвоенныхъ волнъ въ срединѣ изъявляя
Избавльшихся Жидовъ отъ лютости Господъ,

---

(1) Въ полліанкѣ стоитъ Лудовікъ. Я перемѣнилъ на *Петра Великаго* не для того, что онъ нашъ былъ *Самодержавецъ*, какъ то и Лудовікъ XIV Государь же автору Французскаго народа человѣку: но для сего, что нашъ *Петръ Великій* былъ герой всѣмъ больше Лудовіка XIV по мнѣнію и чужестранныхъ народовъ.

(2) Сентъ-Амандъ.

(1) Тамъ въ окпахъ ставитъ всю смотрящу рыбу ходъ:
А мальчикъ у него идетъ, бѣжитъ, ужъ скачетъ,
Да матери отдастъ кремень, что самъ не прячетъ.
При пустошахъ есть симъ такъ медлить ко вреду.
Пространство мѣрно вточь давайте вы труду.
(2) Чтобъ просто, безъ притворствъ пошло у васъ начало.
На Пегазѣбъ сперва скаканіе не мчало;
«И не кричалибъ вы Чтецамъ, какъ изъ шальныхъ:
«(3) Побѣдника пою Побѣдниковъ земныхъ.»
Чтожъ та произведетъ рѣчь громомъ некошпая?
То: мучится гора, родится мышь смѣшная.
О! коль Писаталь тотъ любви достоинъ есть,
Что обѣщаній вдругъ не восхотѣвъ принесть,
Мнѣ гладко говоритъ, и звона въ вопль не пружа:

---

(1) Рыбъ удивленный родъ ихъ смотритъ всѣхъ идущихъ.
Сентъ-Амандовъ Стіхъ изъ Моисея Спасеннаго

(2) Nec sic incipies, vt scriptor cyclicus olim:
Fortunam Priami cantabo et nobile bellum.
Quid dignum tanto feret hic promissor hiatu?
Parturient montes, nascetur ridiculus mus.
Quanto rectius hic, qui nil molitur inepte!
Dic mihi Musa, virum, captae post tempora Troiae,
Qui mores hominum multorum vidit et vrbes.
Non fumum ex fulgore, fed ex fumo dare lucem
Cogitat, vt speciosa dehinc miractila promat.
art poët. v. 136.

(3) Аларікъ, поэма. Кн. 1.

«(1) Оружіе пою и благосердна Мужа,
«Кой бѣгствомъ отъ Трой всѣхъ прежде по Судьбамъ
«Въ Італіи присталъ къ Лавінскимъ берегамъ,
Сія въ разъ Муза тутъ всего не зажигаетъ:
Чтобъ многое подать, намъ мало обѣщаетъ.
Увидите ея чудесную тотчасъ,
Латинскіе Судьбы произносящу въ гласъ,
Всѣ грозные Струй являющу намъ въ Адѣ,
И Цесарей ужъ выспрь гуляющихъ въ прохладѣ.
Фигурами вы трудъ красите безъ числа;
Чтобъ всюду для очей веселость въ немъ цвѣла.
Возможно купно быть и пышнымъ и веселымъ;
Мнѣ ненавистенъ есть, кой въ высотѣ тяжелымъ:
Шутливый Аріостъ мнѣ лучше наконецъ,
Нежъ въ холодѣ всегда печальнѣйшій творецъ,
Кой въ мрачности своей себѣбъ почелъ бесчестнымъ,
Какъ взоромъ лѣноты взыгралибъ въ немъ очеснымъ.
Всякъ скажетъ, что Гомеръ съ природыбъ угодить,
Венеріинымъ себя могъ Поясомъ снабдить:
Пріятностей онъ всѣхъ сокровище богато;
За чтобъ онъ ни взялся, все становится злато.
Все въ новой красотѣ есть у него всегда;

(1) Arma virumque cano, Troiae qui primus ab oris
Italiam fato profugus, Lauinia venit
Littora.
Virgil. Aeneid. lib. 1. v. 1.

Вездѣ онъ веселитъ, не скучитъ никогда.
Рѣчь жаромъ вся его пылаетъ благосчаснымъ;
Не заблуждаетъ вдаль по сторонамъ опаснымъ:
Порятка не храня исправнаго въ Стіхахъ,
Матерія сама собой въ своихъ кругахъ:
Все не готовясь тамъ готовится способно.
Стіхъ каждый, кажда рѣчь спѣшитъ къ концу особно.
Любите жъ вы его, но сердцемъ впрямь своимъ:
Успѣхъ тотъ получилъ, любуется кто имъ.
Поэмы красный родъ, гдѣ все въ обратѣ гладкомъ,
Отнюдь не изъ трудовъ, свершаемыхъ припадкомъ:
Долгъ время взять на ту, прилѣжность положить;
За трудность ученикъ не можетъ той сложить.
Но часто въ насъ Піитъ, искуство въ комъ нелѣпо,
И кой такимъ огнемъ воспламенился слѣпо,
Родный тщеславій сынъ, съ Хімерою во лбу,
Въ надменіи беретъ Геройскую трубу.
Нестройна Муза въ немъ Стіхи рыгая клокомъ,
Стремится возлетѣть, вверхъ прыгая съ подскокомъ.
Безъ чтенія его жаръ, глупостей извѣтъ,
Повсюду гаснетъ тамъ, питанія что нѣтъ.
Но Общество, вотще, его толь презирая,
Изъ самомнѣній тѣхъ мнитъ вывесть не играя:
Исчахлому онъ самъ плескъ принося уму,
Даетъ себѣ хвалу, отказанну ему.

Обрѣтеній, предъ нимъ, Виргилій не имѣетъ;
А въ вымыслахъ Гомеръ искрядствъ не разумѣетъ.
Когдажъ бунтуетъ вѣкъ на ложь его сію;
Взываетъ онъ тотчасъ Потомство въ Судію.
Пока еще тотъ смыслъ, въ семъ возвратившись нравѣ,
На свѣтъ произведетъ труды его во славѣ,
Въ Анбарѣ кучи ихъ, во тьмѣ, не предъ очми,
Печально съ пылью всѣ, и борются съ червьми.
Итакъ, оставимъ ихъ, дерутся пусть покойно;
А мы то продолжимъ, что прямо намъ пристойно.
(1) Трагедій оныхъ видъ, толь могшій преуспѣть
Въ Аѳинахъ стару далъ Комедію узрѣть.
Насмѣшникъ Грекъ рожденъ тамъ шуткою презлою,
Изъ стрѣлъ ядъ источилъ на всѣхъ между собою.
То скоморошство толь ужъ начало все грысть,
Что добродѣтель, умъ, и честь была въ корысть.
Такъ было, что Піитъ, отъ Общества прощаемъ,
Достоинству за смѣхъ бывалъ обогащаемъ,
Сократъ самъ отъ него; гнѣздяйся въ (2) Облакахъ,

(1) Successit vetus his Comoedia, non sine multa Laude; sed in vitium libertas excidit et vin. Dignam lege regi; lex est accepta, Chorusque Turpiter obticuit.

art. poët. v. 281.

(2) *Облака.* Комедія Аристофана на Сократа.

У подлыя толпы былъ также на смѣшкахъ.
Но унято потомъ такое своевольство.
Тамъ помощи нашлось въ уставахъ все довольство:
Указомъ повелѣвъ смирняй Пиитамъ стать,
Начальникъ запретилъ лице именовать.
Бездѣльствъ ужé Театръ тѣхъ древнихъ сталъ бояться!

Безвредно начала Комедія смѣяться;
И полюбила Стіхъ Менáндровъ представлять.
Изображенный всякъ въ новѣйшемъ томъ зерцалѣ,
Пріятно зрѣлъ себя, иль зрѣть не мнилъ ни вмалѣ.
Смѣялся прежде всѣхъ надъ образомъ скупецъ,
Былъ коему Скупыхъ исправный образецъ:
И часто глупый самъ, написанный нарочно,
Не узнавалъ, что взятъ съ него тотъ сколокъ точно.

Итакъ, чтобъ по одной Натурѣ все вамъ весть,
Хотящіи Творцы взять отъ Комедій честь.
Кто человѣка зритъ, ума жъ самъ остротою
Закрытыхъ толь сердецъ проникнулъ внутрь до слою;
Кто знаетъ, что скупый, шалунъ, ревнивый, мотъ,
Что добрый человѣкъ, что самонравный скотъ:
Сей можетъ выводить ихъ въявь благополучно,
И намъ являть ихъ жизнь, дѣла, слова, нескучно.
Вы сходный просто видъ вездѣ кажите намъ:

Чтобъ живо каждый былъ описанъ по чертамъ.
Въ изводствѣ естество лицъ есть многообразно.
Во всякой и душѣ означено то разно;
(1) Мѣняя время все, и нравы въ насъ мѣ-
няетъ:
Обычай свой, умъ, страсть, всякъ возрастъ объ-
являетъ.
(2) Юнъ человѣкъ того не думая, въ чемъ
прокъ,
Въ кипѣніи спѣшитъ на путь, гдѣ есть порокъ;
Въ рѣчахъ хвасливъ, и чванъ; въ желаніяхъ
невѣренъ;
Добру́ непослушливъ; въ утѣхахъ онъ намѣ-
ренъ.
Вѣкъ средній есть зрѣляй: воздержнѣйшій въ
немъ видъ;

---

(1) Actatis cuiusque notandi sunt tibi mores,
Mobilibusque decor naturis dandus et annis.
ibid. v. 156.

(2) Imberbis iuuenis....
Cereus in vitium flecti, monitoribus asper,
Vtilium tardus prouisor, prodigus aeris,
Sublimis, cupidusque et amara relinquere pernix.
Conuersis studiis aetas animusque virilis,
Quaerit opes, et amicitias, inseruit honori,
Commisisse cauet, quod mox mutare laboret.
Multa senem circumueniunt incommoda, vel quod
Quaerit, et inuentis miser abstinet, ec timet vti;
Vel quod res omnes timide gelideque ministrat:
Dilator, spe longus, iners, auidusque futuri,
Difficilis, querulus, laudator temporis acti,
Se puero, censor, caftigatorque minorum.
Ibid. v. 161.

Онъ ищетъ дружбъ, частей, богатствъ, себя хранитъ;
Отъ приключеній злыхъ уйти, коль можно, тщится,
Теперь ему въ дали все будущее зрится.
Угрюма старость есть: збираетъ все въ копну́;
Блюдетъ, не для себя, въ сокровищѣ казну;
Мысль медлѣнна ея, все съ холодомъ та правитъ;
Часъ настоящій худъ, прошедшее въявь славитъ;
Что нѣтъ къ утѣхамъ силъ, какъ у младыхъ людей,
То сладость ту бранитъ отъятую у ней.
(1) Чтобъ ваши игроки не говорили збродомъ,
Молодшій стариковъ, старикъ младыхъ доводомъ.
Смотрите нравъ Двора, и бытъ градскихъ жильцовъ:
Въ томъ мѣстѣ и другомъ довольно образцовъ.
Симъ точно Моліе́ръ, трудъ приводя свой въ славу,
Могло быть, чтобъ за то честь получилъ по праву;
Когда бъ, да угодитъ онъ больше Простакамъ,
Кривляній не давалъ такъ часто Игрокамъ,
Пріятность остроты, для шутокъ, оставляя.
И съ Табаріномъ въ стыдъ Тере́нтья съединяя:

---

(1) . . . . . ne forte feniles
Mandentur iuueni partes, pueroque viriles.
Ibid. v. 176.

Въ мѣшкѣ томъ, въ кой Скапенъ наряженъ удалецъ;
Мнѣ Мизантропов (1) ужъ невидимъ есть творецъ.
Комедія, бѣжа отъ слезъ, и горькихъ слѣдствій,
Не допускаетъ въ Стіхъ всѣхъ Трагическихъ бѣдствій:
Но долгъ ея не въ томъ, на рынокъ чтобъ ходить,
И сквернотію словъ чернь подло веселить.
Чтобъ всѣ Персоны въ ней играли благородно:
Чтобъ хитрый узелъ весь развязывался сродно:
Чтобъ дѣйство, идучу за разумомъ притомъ,
Не гибло никогда въ явленіи пустомъ:
Чтобъ нискій Стиль ея прилично возносился:
Чтобъ разговоръ вездѣ объ остротѣ въ ней тщился,
И былъ бы полнъ страстей, взбужденныхъ тонко съ дна;
А сценабъ все съ другой вязалась тамъ одна.
Вы смыслу вопреки играть не начинайте,
Отъ естества на часъ отнюдъ не отбѣгайте.
Смотрите, какъ Отецъ въ Теренціи шумитъ
На Сына, и Любовь, что онаго срамитъ;
И какъ бѣжитъ тотъ Сынъ къ любезной на проказы,
Забывъ отъ церкви всѣ какъ брани, такъ наказы:
Не зрится токмо видъ, ни образъ тутъ нѣмый;
Но самъ любовникъ, сынъ, и самъ отецъ прямый.

---

(1) Комедія Моліерова, Мизантропомъ названная.

Любъ на Театрѣ мнѣ пріятнѣйшій Творитель,
Кой, честь свою храня, чтобъ чтилъ его и Зритель,
Сладитъ однимъ умомъ не прекословя съ нимъ.
Но грубый всякъ глумникъ, съ обиняком своимъ.
Что скаредствомъ меня забавить токмо хочетъ,
Пусть на́-площадь плетъ, и тамъ дуря щекочетъ
Обставшимъ Халуямъ негоднѣйшую старь,
Котору онъ слыхалъ самъ у Святошныхъ харь.

ПѢСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Во Флоренціи давно пребывалъ Врачъ славный.
Превеликій краснобай, и убійца справный.
Бѣдностямъ въ немъ общимъ долго не-было конца:
Тамъ желалъ сиротка паки отъ него отца;
Брата оставлялъ тутъ братъ ядомъ опоенный;
Тотъ безъ кро́ви, отъ лѣкарствъ сей меръ убіенный.
Отъ него колотьемъ дѣлался насморки вредъ,
Головный боль малый премѣнялся въ смертный брѣдъ.
Проклинаемъ всюду онъ городъ оставляетъ.
По убитыхъ всѣхъ одинъ съ нимъ другъ вотъ гуляетъ,

И ведетъ въ прекрасный онаго свой домъ и
садъ;
Зданія богаты любящій то былъ Аббатъ.
Тамъ тотчасъ рожденный Врачъ къ оному ис-
кусству,
Говоритъ, какъ самъ Мансардъ, по тому до-
сужству:
Строиму Столову охуждаетъ онъ спреди;
Сѣмянъ темнымъ мѣстомъ сказываетъ посреди;
Инакъ лѣсницу велитъ обратить Нарядчикъ,
Понялъ все вдругъ; и зоветъ, шелъ къ нему бъ
Подрятчикъ,
Сей приходитъ, слышитъ, хвалитъ самъ то,
дѣльно зря,
Наконецъ о чудѣ вкратцѣ съ смѣхомъ говоря,
Нашъ убійца съ врачевствомъ вовся вдругъ про-
стился,
И съ привѣсомъ ужъ въ рукахъ Обществу явился;
На Галѣнѣ въ гробы больше самъ больныхъ немча,
Архітектъ сталъ добрый изъ негоднаго Врача.
Наставленіемъ примѣръ сей есть намъ изряд-
нымъ;
Лучше, если нашъ талантъ, будете Зодчимъ
рядным,
Каменьщикомъ хвальнымъ въ нужномъ мастер-
ствѣ такомъ,
Нежъ Писцомъ бездѣльнымъ и Пінтомъ Канюкомъ.
Есть въ художествахъ другихъ разныя степени,
Можно во вторыхъ тамъ быть честно и безъ
пени:

Но въ Наукѣ грозной, сочинять Стіхъ и писать,
Са́мое худое и посредственное *врать*.
Холоденъ чей складъ, есть тотъ покосный Писатель,
За одно Боѣра (1) чтитъ съ Пеншеномъ Читатель.
Ужъ Рампа́ль не чтется, также и Менардіе́ръ,
И Меньнніонъ съ Суге́томъ, и Карбе́нь, и ла Морлье́ръ.
Глупый можетъ насмѣшить тѣмъ, что онъ затѣетъ,
Но холодный только всякъ скучить имъ умѣетъ.
Лучше въ Бержера́кѣ (2) съ смѣха шутовству синѣть,
Нежель отъ Моте́ня озябать и леденѣть!
Не упоевайтесь вы льстивыми хвалами,
Кои въ честь вамъ иногда чванишки толпами,
Восклицая: *то-то!* хо́дя по домамъ даютъ:
Нѣкоторы слуху пи́сьма хорошо поютъ,
Кои, вышедши предъ всѣхъ на-свѣтъ изъ печати,
Не являются глазамъ въ той же красной стати.
Авторамъ былъ многимъ Трагіческій оборотъ:
Въ лавкѣ спитъ и нынѣ оный хвальный толь Гомбо́тъ.
Слушайте вы рядомъ всѣхъ, спрашиваясь съ ними:
Су́дитъ лучше иногда глупый межъ другими.

---

(1) Авторъ посредственный.
(2 Цірано-бержеракъ, Авторъ Путешествія въ Луну.

Чтожъ бы вамъ составить Аполлінъ Стіихомъ ни далъ,
Всѣмъ то честь, всюду каждый бы въ васъ не ристалъ.
Не смотрите, что Писецъ дѣлаетъ безплодный,
Кой пустыхъ своихъ трудовъ чтецъ весьма голодный,
Останавливаетъ, встрѣтится когда кто съ нимъ,
Да и въ переулки гонитъ чтеніемъ своимъ.
Хоть бы Ангелами храмъ чтимый былъ всечасно;
Въ тотъ отъ Музы имъ его уходить опасно.
Сказано имъ мною, хулящихъ любите васъ,
И уму въ покорствѣ правьте хульное тотчасъ.
Но не должно вамъ смотрѣть, какъ дуракъ васъ стрóчитъ:
Неискусна часто тварь въ гордости порочитъ
Цѣлую Штуку злобно, здѣлавшись съ неправды лихъ,
Благородну смѣлость, и ругаетъ красный Стіхъ.
Коль бы вамъ ни отражать тщетны въ семъ доводы,
Онъ свой любитъ ложный судъ съ сáмыя природы:
Свѣта обнаженный вóвся слабый разумъ въ немъ,
Думаетъ, что знаетъ силу тонкую во всемъ.
Бойтесь мнѣній вы его; вѣрить вредъ, обратно:
Инако, боясь мѣлей, тóнете стократно.
Избирайте, твердо поправлять бы васъ кому;
Быть умомъ водиму и наукою бъ тому,

Коего бъ и Карандашъ шелъ туда извѣстно,
Слабо мѣсто гдѣ, иль отъ мрака тѣсно.
Мнѣнія онъ ваши справедливо просвѣтитъ,
И самихъ отъ страха для сомнѣній свободитъ:
Скажетъ онъ: въ восторгѣ какъ, и въ какомъ успѣшно,
Разумъ сильный иногда въ бѣгѣ безпомѣшно,
Правилами сжатый, столько становится смѣлъ,
Что уходитъ прямо за предписанный предѣлъ.
Но находится такой Поправлятель рѣтко!
(1) Мастеръ ріомы сей слагать, судитъ же не мѣтко:
Въ городѣ тотъ славу за Стіхи могъ получить;
Чтожъ Луканъ, Віргілій, не умѣетъ различить.
Слушать, Авторы, прошу внятно наставленій:
Хочетель отъ вашихъ быть славны вымышленій?
(2) Чтобъ обильна Муза и плодоносяща въ сто,
Всюду прилагала къ Слаткому Полезно что:
Отъ пустыя мудрый Чтецъ бѣгаетъ забавы,
Мнитъ свои онъ исправлять и гуляя нравы.
Чтобъ изображенно сердце въ вашихъ вѣхъ трудахъ,
Благородно было завсе чести на слѣдахъ:

---

(1) П. Корнелій, толь славный по своимъ превосходнымъ Трагедіямъ.

(2) Centuriae seniorum agitant expertia frugis. cet.
Omne tulit punctum, qui miscuit vtile dulci,
Lectorem delectando pariterque monendo.
art. poët v. 341.

Невозможно тѣхъ любить Авторовъ безмѣсныхъ,
Кои, въ мерзосныхъ Стіхахъ и весьма безчесныхъ,
Продая работу, за лешевый тамъ оброкъ,
Дѣлаютъ любезнымъ предъ Чтецами всякъ порокъ.
Впрочемъ, я не изъ такихъ разумовъ урочныхъ,
Что, гоня изъ всѣхъ Любовь писемъ непорочныхъ,
Красоты такія на Театрѣ не хотятъ,
И въ (1) Родрігѣ видятъ и въ Шіменѣ вредъ, и ядъ.
Не похвальная любовь, но въ рѣчахъ безгрѣшныхъ,
Не взбуждаетъ въ насъ страстей чистотѣ помѣншыхъ.
Красная (2) Дідона сколько ни слезитъ въ стыдѣ;
Я въ ней грѣхъ порочу, емля часть въ ея бѣдѣ.
Добродѣтельный Писецъ, Стіхъ поя безвинно,
Сердца не вредитъ, сладя словомъ чувства чинно:
Пламеня преступна не разжетъ его тотъ жаръ.
Тѣмъ, была бъ душевный добродѣтель всѣмъ вамъ даръ,
Разумъ кажетъ намъ вотще силу благородну,
Изъявляетъ Стіхъ всегда сердцу подлость сродну.

---

(1) Корнеліева самая первая Трагедія, названная Цідъ, въ коей Герои любовники Родрігъ и Шімена.

(2) Віргіліева Энея Любовница, кою, по тайномъ отъ нея отплытіи Энсевомъ самаа себя заколола съ отчаянія.

Бѣгайте всемѣрно отъ премерскихъ завистéй,
Разума тѣхъ средня, злóбна сéрдца пропастéй:
Превосходный всякъ сему не подверженъ бѣдству;
Сроденъ токмо сей порокъ одному посредству.
Зависть недругъ славы, и достоинствъ равно всѣхъ,
Симъ во вредъ у Знатныхъ непрестанно строитъ смѣхъ;
А желая высоту такъ себѣ умножить,
И сравниться съ ними ей, ищетъ ихъ ничтожить.
Длятогó потщимся не впадать въ ту мрачну страсть,
И безчестнымъ чести ухищреніемъ не красть.
Дѣломъ бы однимъ Стíхи нé-были на диво;
Знайтесь съ дружными людьми, живучи правдиво:
Мало то, чтобъ въ Книгѣ только всепріятнымъ быть;
Знать поступки должно, и еще жъ бы добрымъ слыть.
Упражняйтесь вы въ трудáхъ за едину славу;
Знатному бъ Писцу корысть не была въ притраву.
Знаю, что умъ чесный, безъ порока и стыда,
Получать законну можетъ плату отъ трудá:
Но терпѣть я не могу Авторовъ тѣхъ славныхъ,
Кои, всю хвалу въ ничто, деньги жъ ставя въ главныхъ,

Аполліна въ лавку къ продавцу книгъ шлютъ
въ наемъ,
И божественное кабалятъ искусство тѣмъ.
Прежде, разумъ нежъ еще, изъясняясь гласомъ,
Научилъ, уставы давъ людямъ добрымъ часомъ;
То природѣ грубой слѣдовали всѣ вобрѣзъ,
И живя въ пустыняхъ, бѣгали по пищу въ лѣсъ.
Правотою въ той была сила токмо разни:
Тотъ того, кто больше смогъ, убивалъ безъ
казни.
Наконецъ, вотъ слово, сладосную рѣчь издавъ,
Умяхчило оный въ человѣкахъ дикій нравъ:
Врозь живущихъ по лѣсáмъ ихъ совокупило.
И стѣнами имъ Мѣста послѣ оградило:
Всѣ злодѣйства страхомъ удержало грозныхъ
мукъ;
Немощныхъ закономъ отняло изъ сильныхъ рукъ.
Сей отъ первыхъ чинъ Стіховъ, говорятъ,
родился.
Отъ того то въ Свѣтѣ слухъ всюду утвердился,
(1) Что Орфéевъ слыша на горахъ Ѳракійскихъ
гласъ,
Тігры утоленный оставляли злость тотчáсъ;
Что чрезъ Амфіоновъ звонъ камни обращались,

(1) Siluestres homines sacer interpresque deorum
Caedibus et victu foedo deterruit Orpheus:
Dictus ob hoc lenire tigres rabidosque leones,
Dictus et Amphion Thebanae Conditor arcis
Saxa mouere sono Testudinis, et prece blanda
Ducere quo vellet.
Ibid. v. 391.

И въ Тебáнскихъ всѣ стѣнахъ сами въ рядъ вмѣщались.
Тѣ Согласность спéрва показала чудеса.
Пóслѣ Стíхъ Отвѣтамъ попустили небеса:
Съ устъ взбужденнаго жерцá божескимъ тѣмъ жáромъ,
Въ слогѣ Аполлíнъ Стíховъ провѣщалъ тамъ яромъ.
Вскорѣ, воскрешая Героíчный древнíй вѣкъ,
Къ мужественнымъ дѣйствамъ бодро всѣхъ Гомéръ повлекъ:
Наставленíемъ въ свой рядъ Гезíóдъ полезнымъ,
На бесплодныхъ далъ поляхъ жатвамъ быть любезнымъ.
Многими твореньми Мудрость изображенá;
Та Стíхами Смертнымъ въ пользу предвозвѣщена:
Заповѣдь ея умы всюду побѣдила;
А входя чрезъ слухи къ нимъ внутрь сердецъ вступила.
Благодѣйствъ сихъ Музамъ за толикое число,
Благодарство въ долгѣ Ладанъ въ Грецíи зажгло:
Ихъ Науки приводя имъ служенíй къ нраву,
Удостоились себѣ Олтарей тамъ въ славу.
Но когда ужъ бѣдность подлости могла завесть;
То свóю вотъ перву позабылъ Парнассъ всю честь:
Сребролюбíе сердца гнусно заражая,
Стíхотворчески жъ труды лжами умножая,
И родясь повсюду въ мерсскихъ слóгахъ, какъ плевá,
Завело торгъ рѣчью, стало продавать словá,

Не безчестьте вы себя подлымъ толь порокомъ.
Ежели жъ на злато вы зрите алчнымъ окомъ,
То всѣ отъ Пермскихъ отбѣгайте вдаль береговъ:
Нѣтъ на нихъ Богатству ни жилища, ни слѣдовъ:
Какъ великихъ всѣхъ Творцовъ, такъ Героевъ главныхъ,
Токмо ставитъ Аполлінъ Лавръ и Имя въ славныхъ.
(1) Какъ же? нужну Музу, коей гладъ пришло страдать
Дымъ одинъ, мнѣ скажутъ, не возможетъ написать:
Авторъ съ недоѣдковъ кой чуть волочитъ мощи,
Чтожъ и по́дъ-вечеръ ворчатъ въ немъ черёва то́щи,
Мало почитаетъ вкуснымъ Геліконскій ладъ:
Пьянъ тогда Горацій, видитъ онъ когда Менадъ;
А безъ всякихъ и заботъ, му́чащихъ Колтёта,
Для обѣда тамъ не ждетъ щастья отъ Сонёта,
Правда: но какая горькая бѣда у насъ
Рѣдко утѣсняетъ сладкопѣсненный Парнасъ.
И какой же страхъ въ сей вѣкъ, въ кой Наукъ соборы
Щедры на себя влекутъ отъ Свѣтила взоры,

(1) . . . . . Neque enim cantare sub antro
Pierio thyrsumque potest contingere moesta
Paupertas, atque aeris inops, quo nocte dieque
Corpus aeger satur est, cum clamat Horatius, Euoe.
Iuuenal. sat. 7. v. 59.

Въ кой премудрый промыслъ Скиптродержнаго
вездѣ
Не даетъ достойнымъ бѣдностей познать нигдѣ?
(1) «Музы! славу всю Его вы своймъ внуши́те:
«Громче Имя то одно, нежъ все что гласите.
«Чтобъ Корнѐлій, смѣлость для Него стремя
нетще,
«Былъ Корнѐлій Ціда и Гора́ція еще.
«Чтобъ Расінъ, производя чудеса въ насъ новы,
«Образы Героя бралъ съ Самого жъ готовы.
«Чтобъ его поемо красотами имя въ складъ,
«Представлялъ бесѣдамъ съ похвалою Бенсе-
ра́дъ.
«Чтобъ Сегрей Имъ же лѣса́ украшалъ въ Эк-
ло́гѣ,
«Чтобъ и Эпіграммѣ быть въ остромъ хвалъ же
слогѣ.
«Но въ другой Энѐйде Авторъ кой, толь воз-
несенъ,
«Пойдетъ съ нимъ Алціdомъ на трепещущій
ужъ Ренъ?
«Коя Ліра, дѣйствъ Его по великой славѣ,
«Камнямъ и лѣсамъ еще даетъ ходить въ при-
правѣ;
«Воспоетъ Бата́вца, бу́ри кой не могъ почуть,
«И себя самъ то́питъ, чтобъ ему не потонуть;
«Подъ Мастріхомъ возвѣститъ войско погло-
щено,

(1) Похвала Людовику 14, Королю Французскому, коего въ королевствованіе Авторъ сочинилъ сіи о Поэзіи Пѣсни.

«На приступáхъ сильныхъ тамъ Солнцемъ освѣщенно?
«При моей сей рѣчи Слава новая поетъ,
«Васъ на Алпы скоро къ Побѣдителю зоветъ.
«Въ нгѣ Дóла, и Салинъ покоренъ ужъ зрится:
«На кремнѣ сраженъ, еще Безансóнъ курится.
«Воины гдѣжъ оны, коихъ скопъ, и не одинъ,
«Здѣлать стержню встрѣчу тщался множествомъ плотинъ?
«Иль все бѣгствомъ удержать тѣ Его слагаютъ,
«Въ честь пріемля, что Ему въ рýки не впадаютъ?
«Коль стѣнъ раззоренныхъ! Сильно взятыхъ коль градовъ!
«Коль во всѣхъ походахъ въ славу собрано плодовъ!
«Авторы! Его чтобъ пѣть, огнь усугубляйте:
«Требуетъ силъ непростыхъ дѣло, помышляйте.»
Яжъ самъ, кой понынѣ Сáтіръ пребывалъ въ знобý;
Ни за Ліру взяться, ни не смѣю за Трубу.
Но на полѣ семъ меня узрите вы сами,
Ободряющаго васъ гласомъ и глазами;
Приносяща рѣчи, Муза что моя взяла
Въ младости у Флáкка, и Парнасу отдала;
Благосердствующа въ васъ жару и охотѣ,
Кажуща вѣнецъ и мзду йздали въ добротѣ.
Впрочемъ, извинúте ревности что полнъ сея,
Что и надзиратель вашихъ стопъ всѣхъ вѣрный я,

Не мѣшаю съ ложнымъ въ часъ золото прямое,
Въ грубыхъ же браню писцахъ все, что есть худое;
Хулитель досадный, но полезный часто вамъ;
Склоннѣйшій порочить, нежели исправенъ самъ.

ГОРА́ЦІЯ-ФЛА́ККА.

ЭПІСТОЛА КЪ ПІЗОНАМЪ

О СТІХОТВОРЕНІИ И ПОЭЗІИ [1].

СЪ ЛАТІНСКИХЪ СТІХОВЪ.

ПРОЗОЮ.

Если бъ живописецъ присовокупилъ къ Человѣческой головѣ Конскую шею, а на все бъ тѣло навелъ красками разныхъ Птицъ перья, собравъ отъ всѣхъ Животныхъ члены такъ, чтобъ прекрасная сверху Женская особа, имѣла мерзскимъ

---

[1] Въ предисловіи объявлено мною, что Горацій всѣ свои правила взялъ изъ Аристотелевы Піитики: по сверхъ того много онъ выбралъ, по свидѣтельству Порфіріонову, изъ Крітона, Зенона, Демокріта, и особливо изъ Неоптолема Парóсскаго.

видомъ чорный Рыбій хвостъ: то, будучи пущены смотрѣть такую живописную картину, можетель вы, дражайшіи Други, удерживаться отъ смѣха? Извольте жъ повѣрить, о! (1) Пізоны, что сей картинѣ весьма подобна будетъ Книга, въ которой, на подобіе больнаго человѣка сновидѣніямъ, тщетными и пустыми изобразятся виды, и въ коей ни начало ни конецъ не имѣютъ между собою сходства и соединенія.

Правда, я знаю, что Живописцы и Піиты всегда имѣли равную власть дерзать, на все въ своемъ художествѣ; а вольности сея и я самъ себѣ прошу, и даю ея другимъ взаимно: однако не толь самовольно и дерзновенно, чтобъ уже тихое совокуплять съ неспокойнымъ, или зміевъ сопрягать бы съ птицами, а съ тиграми агнцовъ.

Часто къ важнымъ и великимъ повѣствованіямъ пришивается одна, или, по крайней мѣрѣ, двѣ блистающіе заплаты изъ парчи багрянаго цвѣта, когда или священный лѣсокъ Діанинъ, или ея жертвенникъ, или приближающіяся воды быстрымъ разлитіемъ проведеніе и окруженіе по веселымъ полямъ, или рѣки Ренъ, или дожде-

(1) Приписано сіе наставленіе Луцію Пізо́ну, и его двумъ Сынамъ: а сей Луцій былъ Ко́нсулъ въ 739 годѣ отъ созданія Рима; торжествовалъ надъ взбунтовавшимися Ѳракіанами въ 743: былъ управителемъ въ Римѣ, послѣ Статі́лія-Та́вра, чрезъ двадцать лѣтъ, и умеръ верьховнымъ По́нтіфексомъ въ 786 годѣ, имѣя отъ рожденія 80 лѣтъ. Историки похваляютъ его попремногу.

посная описывается радуга. Однако, всѣмъ тѣмъ украшеніемъ не́-было тутъ приличнаго тогда мѣста. Но можетъ быть только и умѣнія въ такомъ художникѣ, что онъ искусенъ малевать одни Кипарисы. Чтожъ сей живописецъ учинить имѣетъ, когда его кто нибудь изъ бѣдныхъ мореплавателей, по сокрушеніи и потерянiи корабля, проситъ намалевать бѣдствіе свое, и спасеніе отъ потопленія? И понеже начата корчага, то чего ради на вертящемся колесѣ выдѣлывается кувшинъ?

Впрочемъ, что сочинить вы хотите, то былобъ токмо просто (1), и одно въ себѣ: ибо мы Піпты, по самой большой части,—о! Отецъ, и Юноши достойныи отцэ,—обманываемся видомъ правоты и исправности въ вещахъ. Ежели я стараюсь быть сократителенъ, то теменъ и непонятенъ бываю: будежъ устремительно бѣгу за ясностію, то не достаетъ во мнѣ силъ и духа. Кто важное и великое начинаетъ, тотъ на-

(1) Всѣ Гораціевы Правила касаются токмо до Эпическія и до Драматическія поэмы: о прочихъ говоритъ онъ токмо мимоходомъ. Но въ тѣхъ самое первое, главное, и какъ грунтовое правило есть Простота и Единство, которыя совершенно противны тому, что Горацій говорилъ выше. Неприличныя и посторонніе описанія повреждаютъ ихъ и истребляютъ: ничему чужому и непристойному нѣтъ мѣста въ сочиненіи. Должно въ семъ послѣдовать Гомеру, Виргилію и Софоклу, у коихъ все кажется нужнымъ и необходимымъ.

пыщается: но кто больше надлежащаго бури и волненія боится, тотъ ползаетъ по землѣ. Кто притомъ и различнымъ образомъ щедро желаетъ испестрить вещь, тотъ Делфіна въ лѣсу изображаетъ, а Вепря въ морѣ. Къ пороку приводитъ бѣжаніе отъ порока, если оно не имѣетъ искусства. Статуарный художникъ, живущій близъ такъ называемаго мѣста, Эміліево (1) мечебитное училище, хотя и ногти, и мяхкіи волосы изрядно изобразитъ на мѣди, но вся его Статуа неудачна и нещаслива, длятого, что не вся здѣлана искусно. Сему художнику толь я подобенъ быть желаю, въ разсужденіи моего сочиненія, коль охотно мнѣ жить съ сквернымъ носомъ, имѣющему только и красоты, что въ чорныхъ очахъ и кудряхъ.

Писатели! выбирайте равную силамъ вашимъ матерію, и чрезъ долгое время обращая ея разсматривайте, чего понесть не могутъ, и что рамена ваши снесть имѣютъ. Кому удастся выбрать по своимъ силамъ дѣло, тотъ не будетъ имѣть недостатка въ краснорѣчіи, того также не оставитъ и чистый порядокъ въ расположеніи. Доброта и красота порядка въ семъ состоять имѣетъ, или я обманываюсь, чтобъ пред-

(1) Горацій означаетъ здѣсь нѣкотораго художника статуй, жившаго за Циркомъ, близъ мѣста, называемаго Эміліево училище, длятого, что тутъ Эміліи Лепідъ училъ прежде того Гладіаторовъ, гдѣ, по многомъ времени, Поликлетъ построилъ всенародную баню.

лагать токмо то, что прилично дѣлу, а иное многое на другое откладывать время: чтобъ надлежащее любить, а неприличное презирать Автору обѣщанныя целыя Поэмы. Притомъ, въ словахъ рассудительны и осторожны, вы весьма можете изобразить рѣчь, когда знаемое слово новымъ здѣлаете чрезъ соединеніе съ другимъ. Итакъ, ежели, по случаю, надобно будетъ описать вновь тайное и сокровенное въ вещахъ, и вымышлять неслыханныя слова самымъ древнимъ Римскимъ обывателямъ, то можно дать на нихъ вольность, буде она умѣренно употребится: ибо новыя и нынѣ вымышленныя слова будутъ имѣть силу, если съ нѣсколькою скупостію отъ Греческихъ источниковъ произведутся, и учинятся Латинскими. Чего бъ ради Римлянамъ то нынѣ отнимать у Віргілія и Варія, что они прежде позволили Цецілію и Плавту? Длячего жъ и мнѣ запрещать, буде я въ состояніи вымыслить нѣсколько новыхъ словъ, когда Катоновъ и Энніевъ языкъ обогатилъ отечественное наше слово, и новыя вещамъ имена наложилъ? Сіе какъ вольно, было такъ и всегда будетъ вольно.

Равно какъ на лѣсахъ листы перемѣняются ежегоднымъ старыхъ опаденіемъ; такъ словъ древній вѣкъ погибаетъ, и, на подобіе молодыхъ людей, родившись они процвѣтаютъ, и приходятъ съ возрастомъ въ силу. Мы всѣ, и все ваше подвержено премѣнамъ и смерти. Видимъ и море пущено на-землю, которое корабли

въ Лукрінской (1) Гавани защищаетъ отъ жестокихъ вѣтровъ Царскою силою и иждивеніемъ; видимъ и Помтінское чрезъ долгое время неплодоносное (2) болото, и токмо способное къ воспріятію плаванія судами, нынѣ ближніи питающее городы, и тяжелымъ орющееся плугомъ: видимъ, что и рѣка Тіберъ кривое перемѣнила (3) теченіе, повреждавшее плоды, и узнала лучшій путь. Всѣ человѣческія и дѣла исчезнутъ не то, чтобъ словамъ пребывать всегда въ чести, и имѣть всегдашнюю живность въ красотѣ и пріятности. Многія паки родятся, которыя ужé упали, и упадутъ названія, находящіяся нынѣ въ почтеніи, ежели восхощетъ и благоволитъ Употребленіе, которое токмо одно имѣетъ власть, и право, и правило какъ говорить.

Дѣянія Царей и Полководцевъ, также и печальныя брани, какимъ Стіхомъ и велелѣпіемъ

---

(1) Озеро Авернійское было раздѣлено отъ Лукрінскаго. Агріппа перекопалъ то мѣсто, и собщилъ одно съ другимъ въ 717 годѣ отъ созданія Рима: да и построилъ тамъ великолѣпную Гавень, назвавъ ея Portus Iulius, Гавень Іуліева, въ честь Августу, который назывался еще тогда Іулій-Октавіанъ просто.

(2) Нé-было еще можетъ быть двадцати, или тритцати лѣтъ отъ того, какъ Августъ осушилъ Помтінское болото посредствомъ канала, длиною почитай въ 23 версты и выпустилъ воду въ море. По сему точно каналу Горацій плылъ въ 717 годѣ отъ созданія Рима.

(3) Агріппа, по Августову указу, подѣлалъ каналы, въ кои убиралась вода рѣки Тібра, потоплявшая прежде Велабръ, и всѣ поля.

могутъ описываться, то показалъ Гомéръ. Стíхами нерáвно сочетанными, прежде жалость, но потомъ и успѣхъ, збывшíйся по желанію, Пíты начали предлагать: однако кто первый изобрѣлъ небольшýю Элегію, о томъ споруются ученыи люди, и нынѣ еще ихъ пря рѣшенія не получила. Неистовая ярость воружила Архілóха собственнымъ ему Іамбомъ. Пòслѣ его изобрѣтенія, сею Стопóю начали падать Комедіи, и важные Трагедіи, длятого что она способна къ изображенію Театральныхъ бесѣдъ, и къ преодолѣнію народнаго шума своíмъ звономъ, такъ что какъ родилáсь на представляемые вещи дѣíствіемъ. Ліріческимъ Струнамъ опредѣлила Муза воспѣвать боговъ и божескихъ чадъ, и бóрющагося Побѣдителя, и Коня въ ристальномъ подвигѣ перваго, и Юношескія отъ любви мученія, и своевольныя Віна и Пированія. Ежели я не умѣю и не могу по различію вещей различать Стíль, то почему меня должно называть Пíитомъ? Чегожъ ради я больше незнаніемъ несправедливо стыжусь, нежели стараюсь научиться!

Кòміческое дѣíствіе не хочетъ представляемо быть Трáгіческимъ слогомъ; рáвно жъ негодуетъ и всякая Трагéдія, буде она повѣствуется простыми и Комедіи приличными Стíхами. Всякой вещи должно имѣть своюо благопристойность, и быть на томъ мѣстѣ, гдѣ каждой свойственно. Однако, иногда возноситъ голосъ и Комедія,

такъ что и въ ней гнѣвающійся (1) Хремѣтъ пышнымъ ссорится словомъ: напротивъ того, часто и Трагическое Лице скорьбь свою изъявляетъ пѣшеходными (2) рѣчами. Телефъ

(1) Хремѣтъ трагіческимъ говоритъ голосомъ, когда онъ кричитъ на-сына своего Клітіфона въ 4 явлен. дѣйств. 5 Теренціевы Комедіи, названныя *Геавтонтіморуменосъ* (самъ къ себѣ угрюмъ):

. . . Non, si ex capite sis meo
Natus, item vt aiunt Mineruam esse ex Ioue, ea caussa magis
Patiar, Clitipho, flagitiis tuis me infamem fieri.

то есть:

«Нѣтъ, Клітіфонъ: хотя бъ ты такъ вышелъ изъ моея «головы, какъ объявляютъ о Мінервѣ, что она про«изошла изъ Іовішевы, однако я не буду терпѣть, «чтобъ ты меня бесчестилъ твоимъ непотребствомъ »

Также и въ *Адельфахъ* (въ двухъ родныхъ братахъ) Демей говоритъ высоко въ явлен. 3 дѣйства. 5:

Hei mihi! quid faciam? quid agam! quid clamem? aut querar?
O! caelum, o! terra, o! maria Neptuni.

то есть:

«Ахъ горе! что мнѣ дѣлать? куда обратиться? что возо«пить? какую приносить жалобу? о! небо, о! земля, «о! моря великаго Нептуна.»

(2) Мнится, что Трагедіи меньше случаевъ, къ простымъ и народнымъ словамъ, нежели Комедія можетъ говорить высоко. Не токмо въ гнѣвѣ, но и во всякой наглой страсти употребляетъ она высоту. Въ Теренціевомъ Евнухѣ Хѣрей, въ превеликой своей радости говоритъ такъ при окончаніи 5 дѣйств. что не стыдно бъ отнюдъ и Трагедіи было имѣть таку рѣчь. Чтожъ до Трагедіи, то она, кажется, долженствуетъ быть проста въ скорби токмо, какъ то Горацій наставляетъ, и по немъ Депрео.

(1) и Пелей, оба изъ Царей пришедшихъ въ бѣдность, и бывшіи въ изгнаніи, на театрѣ отвергаютъ надутыя и полтарафутныя слова, желая привесть въ сожалѣніе смотрителю сердце. Недовольно того, чтобъ Поэмамъ быть только изрядными; надобно, чтобъ притомъ онѣ были и сладки и полезны, и обращали бъ, куда хотятъ, въ слушателѣ сердечныя пристрастія. Какъ съ имѣющимися смотрители смѣются, такъ должно, чтобъ они и съ плачущими тожъ имѣли человѣческое чувствіе, и показывали бъ оное на лицѣ явно. Буде ты Телефъ, или ты Пелей, худо данныя вамъ слова отъ Автора выговариваете; то я или дремать стану, или буду смѣяться.

Жалосные рѣчи Печальному лицу приличны; Гнѣвающемуся, исполненные грозъ; Играющему, забавные и любовные; постоянному наконецъ важные. Ибо сама природа изображаетъ въ насъ прежде приличіе всякому состоянію, тѣмъ что иногда она приводитъ насъ къ благосклонности, иногда на гнѣвъ побуждаетъ, или на-землю несносною повергаетъ печалію, а въ

(1) Телефъ и Пелей, одинъ сынъ Геркулесовъ, а другой Ахіллесовъ отецъ, когда они оба лишены были наглостію своихъ областей, то принуждены нашлись просить покорнѣйше, и въ бѣдномъ состояніи, милости и по́мощи у Греческихъ государей. Сіе са́мое подало матерію Эврі́пиду къ двумъ Трагедіямъ, какъ то видно изъ многихъ мѣстъ Комедіи Арістофановы, названныя жабы или лягушки.

радости воздвигаетъ сердечныя движенія изъясненіемъ языка. Ежели Повѣствующаго слова несогласны будутъ съ его состояніемъ: то конныи и пѣшіи Римскіи граждане будутъ ему въ лицо свистать и смѣяться. Тогоради, весьма прилѣжно наблюдать надобно, богъ ли какой говоритъ, или Герой; зрѣлый ли старостію человѣкъ, или еще цвѣтущею младостію кипящій; сильная ль Госпожа, или неусыпная Кормилица; Купецъ ли странствующій, или Оратай зеленѣющіяся нивы; Колхидянинъ ли, или Ассиріанинъ; въ Тебахъ ли воспитанный, или въ Аргосѣ рожденный.

Писатели! или предлагайте вѣдомую всѣмъ повѣсть, или приличную вымышляйте и вѣроятную, Ежели почтеннаго представляете Ахилле́са, тобъ онъ былъ устремителенъ, гнѣвливъ, непреклоненъ, храбръ и силенъ: говорилъ бы, что онъ не подверженъ уставамъ, и что нѣтъ того, которое не должно бъ было уступать оружію. Чтобъ Медея была свирѣпа и непреодолѣема; чтобъ Ина слезлива; чтобъ Иксіо́нъ вѣроломенъ, Іа повсюду скитающаяся, а печаленъ и мраченъ былъ бы Оре́стъ. Когда что небывалое прежде на Театръ выво́дите, и дерзаете представить новое Лице, чтобъ оно таково было до са́маго конца, каково сперва явилось, и всегда бъ сво́йство свое хранило.

Хотя и трудно, обще многими описанную матерію, собственнымъ отлучить Сочиненіемъ; однако вы исправнѣе можете Троянскую вѣдомую

повѣсть представлять дѣйствіемъ, нежели предлагать неизвѣстное и прежде неописанное. Общая матерія имѣетъ быть собственною вашею, когда въ ея пространномъ округѣ искусно станете обращаться, когда не отъ-слова до-слова вѣрно переводить имѣете, и когда Подражаніемъ и въ такую тѣсноту не зайдете, отъ которыя вамъ отстать стыдъ запрещаетъ, или законъ предпріятаго дѣла.

Блюдитеся начинать такъ Поэму, какъ Площадный (1) въ древнія времена начáлъ Писатель: я воспою (2) Пріамову фортуну и благородную брань. Чтожъ сей обѣщатель принесетъ

---

(1) Нѣкто изъ древнихъ Римскихъ Пиітовъ, коего имени Горацій намъ не объявляетъ, сочинилъ Поэму о Троянской войнѣ, гдѣ онъ велъ всю Пріамову Исторію порядкомъ отъ рожденія его до смерти, не отступая ни къ какому Эпизóдію. Таковы точно Поэмы: Превращенія Овиліевы, и Ахиллéида Стáціева. Единство Героевъ и Дѣйствія не находится въ первомъ; а второй хотя и предлагаетъ дѣйствія одного токмо Героя, но дѣйствія сіи не связываются между собою, и не клонятся къ одному Главному, которому бъ ихъ всѣ соединить.

(2) Сіе есть начáло Поэмы, содержавшія всю Пріамову Исторію; чегоради сей Пиітъ и названъ *Круговымъ* въ Горація, коего я перевелъ Площадным, И понеже Горацій осмѣхаетъ сіе предложеніе; то какъ бы ужé онъ сталъ смѣяться надъ Стáціемъ, включившимъ въ свою Поэму всю Ахиллесову Исторію, какъ то сказываютъ о Мéеіи, что въ своей Поэмѣ писалъ онъ всю Пріамову, котораго можетъ быть и называетъ Горацій Круговымъ. Стáціи такъ начáлъ Ахиллéіду:

намъ потóмъ достойное толикаго зѣванія? Ничего, какъ токмо что силятся родить гóры, а родиться имѣетъ смѣха достойная мышь. О! коль исправнѣе Гомéръ, который ничего не предуготовляетъ на вѣтръ, и не къ стати: Повѣдай (1) мнѣ, воспѣваетъ онъ, Муза, того Мужа, который, пóслѣ временъ взятыя Трои, многихъ человѣковъ видѣлъ нравы и городы. Сей не дымъ изъ блистанія, но изъ дыма помышляетъ дать свѣтъ, чтобъ ему въ послѣдованіи великолѣпныя предложить чудеса, а именно: Антіфáта, Сціллу и съ Циклопомъ Харíбду. Не начинаетъ онъ Діомéдова возвращенія отъ Мелеá-

---

Magnanimum Aeacidem, formidatamque Tonanti Progeniem, et vetitam patrio succedere caelo. Diua refer..

то есть:

«Великодушнаго Ахиллеса, и страшное Гремящему «порожденіе, которому нé-было судьбы наслѣдни«комъ быть подъ отечественнымъ небомъ, богиня «воспой.» Надобно чрезвычайное стремительство, чтобъ не уронить до сáмаго конца Поэмы влагаемаго мнѣнія о Героѣ, Страшномъ самому Юпітеру.

(1) Горацій предлагаетъ здѣсь сокращенно первые три Стіха Гомеровы Одіссеи.

Ἀνδρα μοι ἔννεπε, Μοῦσα, πολύτροπον ὃς μάλα πολλὰ
Πλάγχθη ἐπεὶ Τροίης ἱερὸν πτολίεθρον ἔπερσε,
Πολλῶν δ' ἀνθρώπων ἴδεν ἄστεα καὶ νόον ἔγνω.

то есть:

«Возвѣсти мнѣ, Муза, многообратившагося (мудраго, благоразумнаго) Мужа, который, странствовавъ чрезъ долгое время, по разореніи священныя Трои, позналъ нравы, и былъ въ градахъ многихъ Народовъ.»

гровы смерти, ни Троянскія войны отъ двойнаго Лѣдінаго яичнаго порожденія. Всегда къ окончанію поспѣшаетъ; а къ тѣмъ вещамъ, которымъ надлежитъ быть въ срединѣ, такъ переднимъ повѣствованіемъ похищаетъ Читателя, какъ будто бъ оные были ужѐ ему извѣсны: но о чемъ отчаевается, что оно не способно можетъ воспріять украшенія, то оставляетъ, и такимъ образомъ вымышляетъ, и мѣшаетъ праведное съ подобнымъ правдѣ, чтобъ срединѣ съ началомъ, а съ срединою бъ концу быть согласну.

Вы, чего бъ я, и со мною народъ, желалъ, послушайте. Ежели хотите имѣть себѣ похваляющаго Плескателя, который ожидаетъ открытія Театру, и сидѣлъ бы онъ и до того самаго слóва, коимъ нѣкоторое изъ дѣйствующихъ Лицъ при окончаніи объявляетъ, вы плещи́те: то надобно вамъ наблюдать каждаго возраста нравы, также и естество, пребывающее всегда въ движеніи и перемѣняющееся, и притомъ лѣта приличную осанку и свóйство. Отрокъ, который ужѐ сталъ говорить, и незыблющимися ногами ходить позалѣ; тотъ охотится играть совокупно съ веревками, и какъ онъ гнѣвается безразсудно, такъ и гнѣвъ оставляетъ, перемѣняясь ежечасно. Безбородый Юноша, пóслѣ какъ отлучатъ отъ него Дядьку, веселится Лошадями, тѣшится Псами, всегда пребывая въ чистомъ пóлѣ: сей какъ вощаный къ воспріятію изображенія въ сердце отъ пороковъ, и къ

преклоненію себя на злое; увѣщателямъ непокоривъ, полезныхъ вещей медлѣнный предусмотритель и промыслитель, расточителенъ на деньги, высокомѣренъ, самомнителенъ, и любовною страстію кипящъ, а любимое отвергать устремленъ. Противнымъ сему пристрастіемъ, вѣкъ и мужеское сердце ищетъ богатства и дружбы, старается въ честь произойти, хранитъ себя отъ такóва дѣла, отъ котораго ему скоро отстать будетъ нужда. Многія безпокойства окружаютъ престарѣлаго человѣка, или для того́, что онъ ищетъ, а отъ полученнаго бѣдный воздерживается, и боится оное употреблять, или для сего, что онъ всякое дѣло съ опасностію и съ холодною медлѣнностію отправляетъ, будучи отлагатель на иное время, далекъ надеждою, лѣнивъ, желателенъ будущаго, незговорчивъ, кропотливъ, хвалитель прошедшихъ временъ, и что онъ еще въ отрочествѣ былъ смотритель за всѣми, и всѣхъ исправлялъ. Восходящія лѣта́ многіе выгоды приносятъ съ собою, а нисходящія уносятъ многіе.

Тогоради, чтобъ не дать должности состарѣвшагося человѣка молодому, всегда долженствуемъ смотрѣть обстоятельства приличныя лѣтамъ, хотя бъ Дѣйствіе на Театрѣ представлялось, хотяжъ бы оно и повѣстію предлагаемо было. Не только скоро слова вложенныя въ слухи возбуждаютъ сердца́, коль вещи представленные нелгущимъ очамъ, и которые Смотритель самъ себѣ и понятію своему предаетъ. Однако, для

сегожъ са́маго не извольте того представлять на Театрѣ, чему должно быть за онымъ; и многое укрывайте отъ очей, что объявить можетъ вскорѣ присутствующее Краснословіе. Чтобъ Медéа не убивала дѣтей своихъ предъ народомъ, и также не варилъ бы явно человѣческія плóти скверный Атрей, или чтобъ не превращалась Прóкна въ птицу, а Кадмъ въ змія: все что мнѣ подобное сему представляется, я, не вѣря тому, ненавижу онаго. Вся та Драматíческая Поэма, ни больше ни меньше (1) пяти Дѣйствій не

(1) Драматíческая Поэма не толь долга́, коль Эпíческая: причина сему, что первая представляется, а другая чтется. Чего ради первой надобно стало имѣть предписанныи предѣлы, такъ чтобъ дѣйствію имѣть все время къ развязанію себя, и не утрудить бы вниманія и терпѣливости Смотрителевы. На сіе за довольное почтено пяти Дѣйствій; а Горацій и запрещаетъ быть имъ какъ въ мéншемъ, такъ и въ бóльшемъ числѣ. Слѣдовательно, три Дѣйствія Італіанскія, есть погрѣшность. Впрочемъ, Греки о семъ раздѣленіи на́-пять дѣйствій нигдѣ не говорили. Но Арістотелево раздѣленіе сходствуетъ всеконечно съ пятью Дѣйствіями. Называетъ онъ Предисловіемъ, что мы первымъ Дѣйствіемъ; Вступленіемъ, что у насъ дѣлается въ трехъ слѣдующихъ; Исходомъ, что въ нашихъ есть пятое Дѣйствіе. Орігенъ, и святый Григорій Назіанзинъ утверждаютъ, что Саломоновы Пѣсни Пѣсней брачная есть Драма. Нѣкоторыи присовокупляютъ, что она точно раздѣлена на́-пять частей. Если сіе правда, то Евреи знали Драматíческія Поэмы въ пять Дѣйствій за шесть сотъ лѣтъ прежде Арістотеля.

имѣла, которую желаете, дабы просили къ представленію, и по́слѣ смотрѣнія паки бъ охотились видѣть ея повторенную на Театрѣ. Чтобъ никако́ва бога по́мощи въ Дѣйствіи не́-было, развѣ достойный будетъ Узолъ толь великаго Истолкователя. Четвертое лице никогда жъ бы совокупно не говорило. Чтобъ Хоръ Дѣйствующихъ лицъ сво́йство и мужественную должность защищалъ: сей Хоръ, бывающій по окончаніи Дѣйствій, всегда бъ согласенъ былъ съ представленнымъ Дѣйствіемъ, и съ нимъ бы прилично соединялся. Хоръ да благопріятствуетъ добрымъ, и да подаетъ совѣтъ другамъ; Хоръ да исправляетъ гнѣвливыхъ, и да любитъ боящихся грѣшить: онъ да хвалитъ пи́щу непродолжительнаго стола; онъ да прославляетъ спасительное правосудіе, уставы, и спокойный миръ во время отверстыхъ Янусовыхъ вратъ; онъ ввѣренное да укрываетъ, и да проситъ и молитвъ боговъ, чтобъ возвратилось къ бѣднымъ щастіе, а ушло бъ оно отъ гордыхъ.

Свирѣль не такая была, какая нынѣ золотомъ и серебромъ оправленная, и подобная трубѣ; но небольшая и простая, имѣющая не много ладовъ, которая пріятно соглашалась съ пѣніемъ Хора, и довольна была на услышаніе всѣмъ, когда еще ска́мьи не весьма тѣсно имѣли сидящій на себѣ народъ, который и самъ приходилъ смотрѣть, будучи непороченъ, чистъ и кротокъ. По́слѣ, какъ побѣдители Римскіи начали распространять зе́мли, городъ Римъ окружать обшир-

нѣйшими стѣнами и віномъ и пированіемъ, всѣ обыватели стали забавляться небоязненно въ празничныи дни; то получила и Мусікія бо́льшее своеволіе въ играніи и въ играемыхъ штукахъ. Ибо чемъ бы другимъ увеселять себя грубому и празному земледѣльцу, смѣшавшемуся съ гражданиномъ, а бездѣльнику съ честнымъ человѣкомъ? Сея ради причины къ древнему искусству прибавилъ Музыкантъ и движеніе и роскошь, волоча уже́ долгія своея одежды воскрилія по всѣмъ мѣстамъ Орхестры; отъ сего и постоянные прежде стру́ны получили себѣ нѣжное и умильное согласіе; отъ сего устремительное слово произвело необыкновенное и странное Краснорѣчіе, также и полезныхъ вещей прежде изобрѣтательница, божественная Философія, подобна стала быть въ словахъ неистово прорицательному Делфіческому Аполдіну.

Которыи Трагіческими Стіхами, чтобъ себѣ получить въ воздаяніе гнуснаго Козла́, препирались; тѣ вскорѣ также присовокупили и лѣсныхъ Сатіровъ, а не повреждая важности-шутку покусились ввесть въ Траге́дію: ибо над, лежало приманивать Смотрителя, и пріятною новостію удерживать, кой, по священной должности, былъ уже́ и сытъ и пьянъ, и своеволенъ. Однако, такъ должно выводить на Театръ насмѣшниковъ, такъ прилично велерѣчивыхъ Са́тіровъ, такъ мѣшать игрушку съ важностію, чтобъ, кто богъ, кто будетъ Герой, въ царскомъ прежде бывши златомъ одѣяніи,

не переменился притомъ, простымъ весьма словомъ, въ незнатнаго харчевника, или, чтобъ, убѣгая ползать по землѣ, не хваталъ исчезающихъ облаковъ, и всего того что пустое. Трагелія недостойна того, чтобъ ей легкомысленныи произносить Стіхи: надобно ей такъ умѣренно и стыдливо съ Сатіріческою поступать шуткою, какъ чесная Госпожа, по повелѣнію, пляшетъ во время торжественныхъ дней. Я Писатель Сатіръ, не токмо въ нихъ небуду любить некрасныя и не свойственныя каждой вещи имена и слова, но и такъ не потщусь отъ Трагіческаго различаться изображенія, чтобъ разности, когда Давъ говоритъ подлый и смѣлая Цітіа, которая, обманувши Сімона господина своего, получила целый талантъ на приданое дочери, и когда произноситъ рѣчь Сілéнъ, (1) охранитель и воспитатель питомца своего бога Бакхуса. Я изъ вѣдомыя всѣмъ матеріи напишу Сатіріческій Стіхъ, такъ что всякъ можетъ уповать здѣлать тожъ, но не всякъ, хотя бъ сколь-

(1) Всѣ Древніи представили намъ Сілéна Старикомъ, морщиноватымъ, плѣшивымъ, плосконосымъ и имѣвшимъ долгую бороду. Онъ у нихъ наставникомъ и питателемъ Бакхусовымъ: чего ради и Орфей начинаетъ свою пѣснь Сілéну слѣдующимъ Стіхомъ:

Κλῦθι μυ, ὦ πολύσεμνε, τροθέ Βάκχοιο Τιθηνέ

то есть:

«Послушай меня, о! многопочтенный, отецъ Бакховъ питательный.»

ко потѣлъ, будетъ умѣть получить въ томъ успѣхъ. Толико то сильно есть расположеніе и приличное соединеніе! Толико то простой матеріи прибываетъ чѐсти! По моему совѣту, выведенныи изъ лѣсовъ Фауны и Сатіры пускай берегутся, чтобъ имъ не быть подобнымъ народу и мѣщанамъ, чтобъ не чрезъ лишекъ молодѣть и юношествовать Стіхами, являющими нѣгу, и чтобъ также не сквернословить нечистыми и бесчесными рѣчами: ибо такими словами гнушаются конныи Граждане, Сенаторы, и богатые Римскіе особы, и не всегда за то похваляютъ и жалуютъ, что любо продавцу свѣжаго гороху и орѣховъ.

Долгій слогъ по́слѣ краткаго, называется Іамбомъ. Сія Стопа весьма скора́; отъ чего и называются Тріметрами Іамбіческіи Стіхи, хотя и шесть мѣръ и удареній имѣютъ, для того что двѣ Сто́пы за одну почитаются. Сперва́ во всѣхъ мѣстахъ Іамбіческій Стіхъ, однимъ токмо состоялъ Іамбомъ, и былъ съ начала до конца себѣ подобенъ. Почитай не давно, чтобъ ему нѣсколько медлѣннѣйшему и важнѣйшему входить въ слухи, принялъ онъ въ собственное свое наслѣдіе постоянную Сто́пу, называемую Спондеемъ; однако такъ, чтобъ во второмъ и четвертомъ мѣстѣ быть непремѣнно Іамбу. Сей и въ Акціевыхъ благородныхъ Тріметра́хъ, и въ Энніевыхъ весьма рѣтко является. И хотя народъ на Театрѣ предлагаемыи Стіхи съ великимъ величаніемъ, и такіи, кои или излишною

поспѣшностію сочинены, и нетщательно, или и со всѣмъ неискусно, осуждаетъ, и всячески хулитъ; однако не всякъ рассудить можетъ, въ чемъ бездѣльныхъ Поэмъ состоитъ порокъ. Для того и попущено, но несправедливо, Римскимъ Піитамъ писать, какъ хотятъ. И понеже сіе такъ, то ужé посему и мнѣ можно скитаться по вѣтру и сочинять своевольно? Или даромъ, хотя знаю, что всѣ будутъ видѣть мои погрѣшенія, однако я безопасенъ, и защищенъ данною вольностію? Словомъ сказать, сіе значитъ, что я преступленія не учинилъ, но не заслужилъ же и похвалы. Для избѣжанія отъ сихъ пороковъ, вы обращайте Греческія сочиненія денною, обращайте и нощною рукою. Чтожъ наши Прадѣды Плавтовы какъ Стіхи, такъ и шутки, похваляли, то обоему съ излишною терпѣливостію, чтобъ не сказать нерассудностію, удивлялись они, когда нынѣ я и вы умѣемъ ужé различить неучтивое слово съ забавнымъ, и не токмо руками прикасаемся къ законному звону, но и слухомъ оный внушаемъ.

Повѣствуютъ, что невѣдомый по то время Трагическія Музы родъ изобрѣлъ Теспісъ, что онъ въ телегѣ прежде повсюду возилъ свои Поэмы, и что его Игроки и пѣли и говорили словомъ вымазавши лицá свои Дрождями. По немъ насталъ Эсхіль, изобрѣтатель благопристойныя личины и епанчи, который не высокій Театръ выслалъ досками, и научилъ, какъ высокимъ слогомъ о важныхъ дѣлахъ говорить, такъ и

бодро поступать въ Трагическомъ украшеніи. За сими двумя Трагедіями слѣдовала, такъ называемая Старая комедія, не безъ полученія себѣ довольныя похвалы; но въ порокъ вольность ея обратилась, такъ что наглость оныя достойною нашли воздержать закономъ. Запрещеніе принято, и бестыдный Хоръ замолчалъ, длятого, что отнято у него право къ повреждению честныхъ людей. Наши Піиты ничего не оставили сочиненіями своими, такъ что не мéньшую заслужили похвалу, дерзнувши оставить Греческіи слѣды, и начавши прославлять домашнія дѣла, какъ тѣми комедіями, которые называются *Претекстаты*, такъ и оными, кои именуются *Тогаты*. И поистинѣ, столько жъ бы сильяе здѣлался Римъ и Краснорѣчіемъ Аѳинъ, сколько добродѣтелями и оружіемъ, ежели бъ всякъ изъ нашихъ Піитовъ не отвращался отъ труда въ исправленіи, и имѣлъ бы въ томъ терпѣливность.

Но вы, о! Пізоны, произшедшіи отъ крови Нýмы-Помпілія, осуждайте тотъ Стіхъ, котораго долгое время, и многое черненіе неисправляли, а и десятью выправленнаго, еще не привели въ цѣлое совершенство. Пускай Демóкрітъ (1) ду-

(1) Діогенъ Лаертскій объявляетъ, что сей философъ издалъ, между прочими своими трудами, два сочиненія, изъ которыхъ одно о Поэзіи, а другое о красотѣ Стіховъ. Можетъ быть, что бъ которомъ нибудь изъ тѣхъ сочиненій говорилъ онъ то, что Горацій здѣсь о немъ сказываетъ.

маетъ, что природа благополучнѣе бѣдныя Науки, и потому пускай выключаетъ изъ числа Піитовъ, и отлучаетъ отъ Гелікона тѣхъ, которыи здраво обучены, а оныхъ почитаетъ Піитами, кои умышленно неистовствуютъ, длятого что знатная и самая большая часть изъ нихъ ногтей не обрѣзываютъ, бороды не брѣютъ, и живутъ въ уединеніи, отъ общихъ собраній убѣгая. Посему, тотъ токмо получить имѣетъ имя Піита, и за то почтеніе, кто ни отъ трехъ, сильныхъ Проносныхъ, неисцѣлимыя своея головы никогда не давалъ стричь бритовщику (1) Ліцину. О! весьма я безуменъ, что, при наступленіи весны, очищаю отъ желчи свой желудокъ: ибо никто бъ другой не могъ сочинить лучшихъ Поэмъ, ежели бъ я не имѣлъ попеченія о здравіи, ежели бъ я волосовъ не стригъ, бороды не брилъ, и ежели бъ я ногтей не обрѣзывалъ. Однако, почитая впрочемъ мнѣніе Демокрітово, я послужу вмѣсто оселки, которая способна къ изощренію ножей, хотя и не мо-

(1) Сей Ліцінъ былъ славный бритовщикъ, коего Августъ произвелъ въ Сенаторское достоинство, въ награжденіе за ненависть его къ Помпею. Ему точно сочинена слѣдующій Эпітафій:

Marmoreo tumulo Licinus iacet; at Cato nullo:
Pompeius paruo. Quis putet esse deos?

то есть:

«Ліцінъ лежитъ въ мраморномъ гробѣ; Катонъ ни въ какомъ; Помпей въ небольшомъ. Ктожъ помнитъ, что суть боги?»

жетъ сама рѣзать. Самъ ничего не сочиняя, покажу, гдѣ надлежитъ получать матéрію, чемъ ея распространить и украшать, какимъ способомъ Піитъ можетъ получить совершенство въ своемъ искусствѣ, что пристойно, куда приводитъ наставленіе, и куда заблужденіе заноситъ.

Начáло и источникъ исправнаго сочиненія, есть знаніе всего того, о чемъ можно писать. Тогоради, матéрію могутъ вамъ подáть Философíческіе Сократовы Книги; а рѣчи за промышленною матеріею сами потекутъ. Кто позналъ чрезъ ученіе, что онъ долженъ Отечеству и что Пріятелямъ; какъ должно почитать Родителя, какъ любить брата, и обходиться съ гостемъ; какая Сенаторская и какая Судейская должность; наконецъ, въ чемъ состоитъ служба на войну посланнаго Полководца,—тотъ поистинѣ имѣетъ каждую особу описать прилично, и дать ей слова по ея свóйству. Я притомъ совѣтую искусному подражателю взирать на óбразъ жітія и нравовъ, и оттуда получать живыя рѣчи. Иногда шуточная Комедія, безъ всякія красоты, безъ важныхъ словъ, и безъ искуснаго разположенія, но твердаго наставленія и нравоучительная, больше увеселяетъ народъ, и лучшую исправленію нравовъ приноситъ пользу, нежели Стіхи, неимѣющіи вещей, и громогласные пу́стоши.

Грекамъ смыслъ и искусство, Грекамъ Муза дала говорить учтиво, красно́, твердо и исправно, которыи ничего больше не желаютъ,

какъ токмо славы. Римляне, отъ самыхъ мяхкихъ своихъ ногтей, долгими вычетами и счисленіями учатся токмо раздѣлять на сто частей целый (1) Ассъ. Пускай вопросится сынъ лихоимца (2) Албіна, что, буде отнять отъ пяти унцій одну, то сколько останется? Тотчасъ онъ можетъ сказать, что одна четверть Асса. Изрядно! Нельзя ему растерять свои деньги! Но если приложить къ пяти одну, то сколько всего станетъ? Онъ: половина Асса. Сіе пристрастіе къ богатству, сія сребролюбивая ржавчина, когда уже издавна въѣлась въ сердце, то какъ мы можемъ надѣяться, сочинять Стіхи достойныи Кедра, и на соблюденіе ихъ, Кіпарисныхъ Ковчеговъ?

Піитамъ должно или Полезное, или Забавное, или совокупно и то предлагать, отъ чего можетъ произойти Добро въ жизни, и также оное, что сильно есть Увеселить. Вы о чемъ ни имѣете сочинять наставленіе, старайтесь быть краткимъ, дабы тотчасъ то затвердили понятныи разумы, и вѣрно въ памяти содержали: ибо все излишнее вонъ выплываетъ источникомъ, что будете вымышлять ради увеселенія, тобъ весьма подобно было правдѣ, дабы не все, что баснь предлагаетъ, принималось за самую истин-

(1) 12 унцій.

(2) Сей Албінъ былъ богатый лихоимецъ того времени. Знатно, что сынъ его былъ еще молодъ, однакожъ показывалъ своими отвѣтами, что онъ зналъ больше, нежели отъ него требовалось.

ну, и чтобъ она, изъ утробы насытившіяся волшебницы живымъ младенцемъ, не извлекала его паки живаго.

Подлинно, трудно всѣмъ угодить: ибо престарѣлые знатные Особы презираютъ безполезные Поэмы; а молодыи Римскіи граждане отвращаются отъ важныхъ. Тогоради, тотъ Піитъ удостояется токмо отъ всѣхъ обще похвалы, который соединяетъ полезное съ пріятнымъ, услаждая читателя, и совокупно преподая ему наставленіе. Такая Книга приноситъ Книгопродавцамъ (1) Созіамъ много денегъ; такая и за-море отвозится; она и знатнаго своего Творца пересылаетъ отъ вѣка въ вѣкъ бессмѣртной памяти. Однако, находятся такія погрѣшенія, которыя мы охотно извинить желаемъ: ибо иногда и струна́ не тѣмъ отзывается голосомъ, коего хочетъ рука и умъ, и требующимъ нискаго часто посылаетъ она высокій; также и стрѣла не всегда въ цѣль попадаетъ, въ которую и́зъ-лука ею мѣтятъ. Тогоради, гдѣ многое блистаетъ въ Стіхахъ, тамъ мнѣ не досадятъ немногіи пороки, которыи или отъ непри-

(1) Созіи были славныи Книгопродавцы того времени Ихъ было два брата. Въ тѣ времена Книгопродавцы и Переплетчики не́-были равныи люди. Кто переписывалъ книги, кто переплеталъ, или лучше, склеивалъ листы и столбцы, и кто продавалъ, (Bibliographus, Bibliopegus, Compactor, а по Цицеронову Glutinator, и Bibliopola) былъ токмо одинъ человѣкъ.

лѣжности вкрались, или ихъ усмотрѣть не могло человѣческое несовершенство.

Но едваль я не втуне сіе предлагаю? Ибо какъ Писатель Книжный, ежели онъ многажды въ томъ же все погрѣшаетъ, хотя ужъ и остереженъ, прощенія не сподобляется ни отъ кого; и всѣ надъ Музыкантомъ смѣются, кой всегда по одной струнѣ брячитъ: такъ я того, который много пишучи мало пишетъ добраго, почитаю за онаго Херілла, коему дважды, или трижды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изрядно изобразившему, съ смѣхомъ удивляюсь, а потóмъ ляжъ самъ на него негодую. Случается иногда, что и совершенный Гомеръ дремлетъ: но въ долгомъ сочиненіи невозможно, чтобъ когда сонъ не одолѣлъ.

Какова́ живопись, такова́ Поэзія: есть такая, которая вамъ блиско смотрящимъ понравится; есть и такая, коя полюбится далеко отстоящимъ. Иная любитъ темное мѣсто; иная желаетъ при свѣтѣ быть видима, которая не боится тонкія остроты судящихъ. Сія угодила токмо однажды; но другая десятью повторенная угодить имѣетъ. Тогоради, о! старшій изъ Юношъ, хотя васъ и Отеческое наставленіе къ правотѣ направляетъ, хотяжъ вы и самъ изрядно вѣдаете; однако сего слѣдующаго слóва не извольте позабыть: многіе есть такіе науки, въ которыхъ терпѣливо посредственное сносится, и справедливо позволяется. Нѣкто изъ приказныхъ людей посрдственный, хотя и не имѣетъ столько

искусства, столько краснорѣчивый Мессалъ и не знаетъ такъ, какъ Авлъ-Касселій, однако похвалу получаетъ. Но посредственнымъ быть Піитамъ, ни боги, ни люди, ни оныи въ лавкахъ столпы, къ коимъ прибиваются ихъ Поэмы, никогда не позволяютъ. Равно какъ на великолѣпномъ пированіи несогласная Мусікія, нечистое умащеніе, и Сардінскій горькій медъ съ макомъ, досаждаютъ, длятого что столъ и безъ сихъ непріятностей могъ отправиться: такъ пользы и сладости рожденная и изобрѣтенная Поэма, ежели хотя мало не достигнетъ до высоты, то на самый низъ стремглавъ упадаетъ.

Кто не обучился дѣйствовать оружіемъ, тотъ въ поле воиномъ не выходитъ. Также, кто не умѣетъ играть мячомъ, метать въ верьхъ блюдцо, гонять кубарь, или четыреспичное колесцо, тотъ за все сіе и не принимается, опасаясь громкаго посмѣянія отъ многихъ сонмовъ вкругъ обстоящихъ людей. Должно и тому равный имѣть страхъ, кто не способенъ къ сочиненію Стіховъ, однако дерзаетъ. А чегобъ ради ему не дерзать? Особливо, ежели онъ самъ господинъ, благородный, конному римскому Дворянству положенную сумму денегъ Росціевымъ уставомъ имѣетъ? и притотъ, живетъ и служитъ безпорочно? Пускай же такой безпорочный, изволяетъ быть порочнымъ Піитомъ. Но вы ничего и не произноси́те и не слагайте, ежели въ васъ нѣтъ къ тому способности: сіе

да будетъ въ васъ рассужденіе, и сіе токмо мнѣніе всегда. Ежелижъ вы когда въ прошедшія времена что нибудь сочинили; то да прочтется предъ искуснымъ Крітікомъ (1) Меціемъ, также предъ Отцемъ, и предомною, и потомъ еще на-девять лѣтъ (2) да заключится въ ларецъ. Когда тетради будутъ лежать въ домѣ; то вольно еще вычернить, чего не издано на Свѣтъ: ибо выпущенное однажды слово, не можетъ назадъ возвратиться.

---

(1) Сей Крітикъ, или Судія, есть Спурій-Мецій-Тарпа. Онъ былъ одинъ изъ пяти учрежденныхъ на свидѣтельствованіе сочиненій. Древній нѣкто толкователь Сатиры X Горацієвы, Книги I, говоритъ объ немъ слѣдующее: Metius Tarpa, iudex criticus, auditor assiduus poëmatum et poëtarum, in aede Apollinis seu Musarum, quo conuenire poëtae solebant, suaque scripta recitare, quae nisi a Tarpa, aut alio Critico, qui numero erant quinque, probarentur. in scenam non deferebantur. То есть: «Меціи-Тарпа судія Крітическій, «слушатель прилѣжный Поэмъ и Піитовъ, въ Храмѣ «Аполліновомъ, или Музамъ посвященномъ, куда «обыкновенно Піиты сходились, и читали свои сочи-«нія, кои, буде Тарпою, или другимъ Крітікомъ, а «числомъ ихъ было пять человѣкъ, не подтвердятся, «на театръ не возносились для представленія.» Воссій разсуждаетъ, что сіи пять человѣкъ судей, опредѣленныхъ въ Римѣ, были по подражанію Аѳинейскимъ и Сіцілійскимъ пятижъ судьямъ, разсуждавшимъ о Театральныхъ сочиненіяхъ. Сей есть прославный поводъ, къ нынѣшнимъ Академіямъ Словеснымъ, и касающимся до чистоты языка.

(2) Чрезъ девять лѣтъ должно разумѣть нѣкоторое довольно долгое время.

Орфей священный, и толкователь воли божеcкія, прежде въ лѣсахъ живучихъ людей отвелъ отъ взаимнаго убійства, и отъ мерсскія пи́щи; а за сіе приписываютъ ему, что онъ укротилъ Тігровъ и свирѣпыхъ львовъ. Прославился и Амфіонъ Тебанскія создатель крѣпости, что онъ въ движеніе приводилъ играніемъ своея Ліры дикіи камни, и сладкимъ словомъ оныи влекъ, куда ему надобно было. Въ древнія времена въ семъ состояла мудрость, чтобъ отличать общее отъ собственнаго, священное отъ мірскаго; чтобъ запрещать скверное любодѣяніе, и подавать правила къ сожитію сочетавшимися законно; чтобъ городы строить, и уставы вырѣзывать на-деревѣ. Симъ честь и славу божественныи Прорицатели и ихъ Стіхи себѣ получили. Пòслѣ сихъ, знаменитый Гомеръ, и Тіртей мужественныя серцца на военныя дѣйствія изострилъ Стіхами. Стіхами отвѣты давались божескіи. Стіхами исправляемы были правы, и все ученіе состояло. Стіхами приходили Піпты и у Царей въ милость. Стіхами найдены забавы, и отъ долговременныхъ трудовъ покойное одтохновеніе. Сіе я длятогò вамъ предвозвѣщаю, чтобъ вы не почитали себѣ въ бесчестіе искусныхъ Музъ Ліры, и Пѣвца Аполліна.

Давно ужé сей вопросъ предлагается, Природою ль лучше производятся Стіхи, или Наукою? Что до меня, я не вижу, чтобъ ученіе безъ богатыя природныи способности, или бъ грубая природа одна произвѣсть могла что нибудь со-

вершенное. Посему, одна вещь у другія взаимныя себѣ помощи просить, и обѣ соглашаются между собою дружески. Кто старается бѣганіемъ до вожделѣннаго достигнуть Предѣла, тотъ въ отрочествѣ многое понесъ и претерпѣлъ, потѣлъ и на холодѣ мерзъ: воздержался отъ венеры и отъ віна. Музыкантъ, который Пітіаческія штуки въ похвалу побѣдителю Аполліну поетъ; тотъ прежде обучался, и трепеталъ предъ учителемъ. Но нынѣ довольно сего выговорить: я удивительные Поэмы сочиняю. (1) Кто назади, тотъ шелудивъ. Мнѣ стыдно оставаться, и чему я не обучился, признаваться, что не знаю.

Какъ Крикунъ бирюча кличетъ народъ, покупать свои таваръ; такъ Піитъ повелѣваетъ итти къ себѣ Ласкателямъ, для полученія подарковъ, ежели который богатъ вотчинами, и много у него денегъ въ ростý ходитъ. Поистиннѣ, кто изъ достаточныхъ, который учреждаетъ обильный столъ, ручается по подломъ и бѣдномъ человѣкѣ, скупаетъ съ опухлыхъ правежей, а буде можетъ распознать лживаго съ

(1) Сія пословица точно и на нашемъ языкѣ, при нѣкоторой игрѣ, отъ малыхъ ребятъ употребляется; а говоритъ ея выбранная изъ нихъ Матка. Вѣроятно, что древнихъ Римлянъ отроки сію жъ самую игру употребляли, которая состоитъ въ прибѣжаніи въ отверстыя руки Матки, коя обыкновенно у стѣны стоитъ прислонившись.

истиннымъ другомъ; то сіе мнѣ всегда имѣетъ быть изъ дивъ дивомъ.

Чтожъ до васъ, то вы, хотя васъ дарятъ, хотя вы сами желаете подарить кого нибудь, не извольте къ Стіхамъ сочиненнымъ отъ васъ приводить Ласкателя: ибо тотчасъ закричитъ: хорошо, изрядно, нѣльзя лучше. Иногда онъ поблѣднѣетъ при другахъ, и слезы распуститъ; то запляшетъ, то ногою станетъ топать въ землю. Равно какъ тѣ приговариваютъ и мечутся, почитай подобно всѣмъ сердцемъ сокрушающимися, кои нанимаются по мертвыхъ плакать во время погребенія: такъ насмѣшникъ, всегда больше истиннаго Хвалителя движется. Объявляютъ и о Царяхъ, что много чашъ віна въ того вливаютъ, кого усмотрѣть хотятъ, достоинъ ли онъ будетъ ихъ милости.

Ежели вы станете слагать Стіхи, и сочиненный предъ кѣмъ нибудь читать; то смотрите, чтобъ васъ не обмануло чье сердце лисьимъ лукавствомъ утаенное, буде жъ бы вы что читали (1) Квінктілію-Вару; то твердо знаю, что онъ бы вамъ такъ говорилъ: сіе, или то, мой другъ, исправьте. Но ослибъ вы ему представляли, что вы не можете здѣлать лучше, и что дважды и трижды покушались безъ всякаго ус-

(1) Квінктілій-Варъ свойственникъ, и искренній другъ Віргілію, и по немъ Горацію. Сей есть самый, которому Горацій приписалъ XVIII Оду Книги 1, и коего по смерти плачетъ онъ въ XXIV Одѣ.

пѣха: однако, онъ бы всегда чернить велѣлъ, и худо сработанныи Стіхи вновь перековать на наковальнѣ. А когдажъ бы вы ревнительнѣе защищать устремились ваши погрѣшности, нежили оные исправить; то онъ больше ни слóва, ни суетнаго и тщеславнаго не приложилъ бы труда, оставилъ бы васъ безъ Соперника любить себя и ваше сочиненіе.

Добрый и разумный человѣкъ, неискусныи Стіхи осудитъ, похулитъ жестокіи, неукрашенныи замѣтитъ чорнымъ знáкомъ, гордыя украшенія отъиметъ, темныя мѣстá изъяснить принудитъ, двусмысленныя обличитъ, и всѣ означитъ, которыя должно перемѣнить; словомъ, будетъ Арістархомъ (1) доказывающимъ въ Гомерѣ тѣ Стіхи, которыи не Гомеровы, и не скажетъ, чегобъ ради мнѣ другаго оскорбить въ игрушкѣ: ибо сіи игрушки въ бесшуточныя приводятъ напасти, однажды осмѣяннаго и пору-

(1) Арістархъ Грамматікъ Александрійскій, родомъ изъ Самоѳракіи, былъ учителемъ сыну Птоломея-Філометора, Царя Егіпетскаго. Ціцеронъ и Эліанъ объявляютъ, что его Крітика была толь тонкая, достовѣрная, и рассудительная, что Стіхъ не слылъ Гомеровымъ, ежели коего сей искусный Грамматікъ не призналъ за Гомеровъ. Умеръ онъ въ Кіпрѣ добровольнымъ голодомъ, имѣя отъ рожденія 72 года, не могши терпѣть водяныя болѣзни. Арістархами называютъ и понынѣ всѣхъ рассматривателей рассудительныхъ, слѣдующихъ красоту и исправность въ разумныхъ сочиненіяхъ.

ганнаго творца. Подобно какъ отъ того бѣгаютъ, и боятся прикоснуться, кто въ неисцѣльной проказѣ, или котораго скорьбь въ кольцо згибаетъ, или кто бѣснуется, и кого прогнѣванная Діана ума лишаетъ: такъ разсудительныи люди опасаются упрямаго и тщеславнаго Піита, и съ нимъ не сообщаются какъ съ такимъ человѣкомъ, котораго на улицахъ ребята дразнятъ, и за нимъ гоняются.

Сей, когда высокіи Стіхи изрыгая погрѣшаетъ, подобно птичнику вверхъ смотрящему, въ колодесь или глубоку упадаетъ яму; и хотя бъ сколько онъ ни кричалъ изъ всея силы: осудари вытащите! однако нѣтъ ему Помощника: кто и желалъ бы подáть къ нему туда вервь, но незнаетъ, не съ умысла ль онъ туда бросился, и спастись не хочетъ. Примѣръ сему явенъ въ Сициліискомъ Піитѣ (1) Эмпедоклѣ: сей, за сочиненіе Физическихъ Поэмъ, желая бесмертнымъ

(1) Эмпедоклъ былъ великій Піитъ и Философъ; сочинилъ онъ три Книги объ естествѣ вещей, кои Аристотель приводитъ часто. Онъ еще описалъ походъ Ксеркосовъ: но дочь его, или сестра, сожгла всѣ его труды по его смерти. Процвѣталъ онъ около LXXX Олімпіады, почитай за 450 лѣтъ до Хрістова рождества. Лукрецій въ первой своей Книгѣ похваляетъ его слѣдующимъ образомъ:

Nil tamen hoc habuisse viro praeclarius in se,
Nec sanctum magis et mirum, carumque videtur.
Carmina quin etiam diuini pectoris eius
Vociferantur et exponunt praeclara reperta:
Vt vix humana videatur stirpe creatus.

быть богомъ, съ безумія бросился въ горящую пламенемъ Этну. Пускай же будетъ позволено погибнуть упрямымъ и самохвальнымъ Піитамъ. Нехотящаго кто сохраняетъ; тожъ дѣлаетъ, что и убиваетъ его: ибо тотъ не однажды ужъ хотѣлъ быть самъ себѣ убійцею: того ради, хотя и будетъ спасенъ, однако не имѣетъ онъ быть человѣкомъ, и не отложитъ охоты къ славной смерти.

Наконецъ, я не могу догадаться, чегобъ ради толь великая была охота къ сочиненію въ такомъ Піитѣ? Или онъ законопреступно осквернилъ Отеческій гробъ (1) испущеніемъ уріны на

то есть:

«Нѐ-было въ Сіціліи никого знаменитѣе, почтеннѣе, «дивнѣе, и любезнѣе сего великаго Філософа. Боже«ственныи его Стіхи объявляютъ всѣмъ преизрядныя «его изобрѣтенія: и трудно вѣрить, чтобъ онъ рож«денъ былъ смертнымъ человѣкомъ,» Впрочемъ, многіи мнятъ, что то пахнетъ баснію, что будто онъ бросился въ Этну, желая быть богомъ. Однако сіе преданіе самое древнее, коему Горацій слѣдовалъ,

(1) Древніи почитали превеликимъ нечестіемъ, чтобъ пускать мочу въ святыхъ мѣстахъ. Сія есть причина чего ради Персій говоритъ въ первой своей Сатирѣ: Pinge duos angues; pueri, sacer est locus, extra Meilte....

то есть;

«Намалюй двухъ зміевъ на стѣнѣ; дѣти! святое сіе есть мѣсто, вонъ выходите ссать.»

Но двойнымъ было у нихъ осквернѣніемъ, ссать на могилу; а уже страшнымъ и ужаснымъ законопреступленіемъ, чтобъ ссать на могилу своего отца, или своихъ прѐдковъ.

оный, и для того пришелъ въ бѣснованіе? Или за кровосмѣшеніе перуномъ пораженный, получилъ себѣ чорную Меланхолію? Сіе токмо извѣсно, что онъ неистовится, и какъ Медвѣдь сорвавшійся съ цѣпи, сей ненависный читатель знаемаго и незнакомаго, искуснаго и незнающаго, разгоняетъ; а котораго поймаетъ, за того держится крѣпко, и убиваетъ чтеніемъ: такая Піявица не отвалится отъ тѣла, пока вся не напьется крóви.

СПОСОБЪ

КЪ СЛОЖЕНІЮ РОССІЙСКИХЪ СТІХОВЪ

ПРОТИВЪ

ВЫДАННАГО ВЪ 1735 ГОДѢ

ИСПРАВЛЕННЫЙ И ДОПОЛНЕННЫЙ.

СЛОВАРЬ

КЪ СЛОЖЕНІЮ РОССІЙСКАГО СЛОВАРЯ.

ПРОТИВЪ

ИЗДАННАГО ВЪ 1735 ГОДѢ

ИСПРАВЛЕНІЙ И ДОПОЛНЕНІЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

§ 1.

Рѣчь есть двоякая: одна свободная или проза, которая особливо принадлежитъ до Реторовъ и до Історіковъ; а другая Заключенная, или Стіхи, кою по большой ча́сти употребляютъ Піиты.

§ 2.

Все что Стіхи имѣютъ общее съ Прозою, то ихъ не различаетъ съ сею. И понеже Літеры, Склады, Удареніе или Сила, коя однажды токмо во всякомъ словѣ, и на одномъ въ немъ нѣкоторомъ изъ складовъ полагается, также оныя са́мыя слова́, а притомъ са́мыя члены Періодовъ, и Періоды, общи Про́зѣ и Стіхамъ: того ради всѣми сими не могутъ они различиться между собою.

§ 3.

Опредѣленное число слоговъ въ старыхъ не нашихъ, но польскихъ, а къ намъ введенныхъ

безъ всякаго основанія Стіхахъ, не отмѣняетъ ихъ отъ Прозы: ибо члены такъ называемаго (1) *Исоколона* Реторіческаго также почитай опредѣленными числами падаютъ; однако сіи члены не Стіхи.

§ 4.

Раздѣленіе большáго и средняго стараго польскаго у насъ Стіха, или лучше прозаическія строчки, нá-двѣ половины, также не отмѣняетъ ихъ отъ Прозы: ибо, сверхъ того что всѣ прочіи малыи изъ старыхъ Стіховъ не дѣлятся нá-двое, члены Періодовъ Прозаіческихъ подобно жъ пресѣкаются Препинаніями, а иногда и точно нà двѣ части.

§ 5.

Ріѳма, о которой нúже будетъ, равнымъ же образомъ не различаетъ Стіха съ Прозою: ибо Ріѳма не можетъ и быть Ріѳмою не вознося одного Стиха къ другому, то есть, не можетъ быть Ріѳма безъ двухъ Стіховъ; но Стіхъ каждыи есть самъ собою, и одинъ долженствуетъ состоять и быть Стихомъ.

§ 6.

Все сіе совокупно воспріятое, а именно, число слоговъ, раздѣленіе нá-двѣ чáсти, и Ріѳма, не

(1) Фігура, которая всѣ члены въ одномъ Періодѣ полагаетъ равныи, и почитаи разносложныи. По словамъ она: *Равночленная*.

отмѣнитъ никакъ Стіха отъ Прозы: ибо что порознь въ себѣ чего отнюдъ и всеконечно не имѣетъ, то и совокупно дать того не можетъ, для того что нѣгдѣ каждому взять въ себѣ особно; да и все сіе составить токмо нѣкоторый членъ Періода; а согласившемуся первую Ріему съ другою, произойдутъ два нѣкоторыхъ же періодическихъ членовъ, или и одинъ нелѣпый съ такъ называемою фігурою (1) *Гоміотелевтонъ*.

§ 7.

Высота Стиля, смѣлость изображеній, живность фігуръ, устремительное движеніе, отрывистое оставленіе порятка, и прочее, не отличаютъ Стіха отъ Прозы: ибо все сіе употребляютъ иногда и Реторы и Історіки. А хотябъ они и никогда не употребляли: однако все сіе особливо принадлежитъ до свóйства Поэзіи, а не до состава и существа Стіха.

§ 8.

И какъ иная есть рѣчь свободная, а иная заключенная; то слѣдуетъ, что всеконечно надлежитъ быть между ними существенной разности.

---

(1) Сія фігура всѣ члены въ періодѣ оканчиваетъ подобно и подобнымъ звономъ. По словамъ значитъ: *Подобоканчащаяся*.

§ 9.

Сія не можетъ быть у насъ существеннѣйшая, какъ токмо когда въ рѣчи цѣлой многократно повторяется *Тонъ*, называемый *Просодіею*, *Силою*, и *Удареніемъ* по нѣкоторымъ опредѣленнымъ разстояніямъ отъ самаго себя отстоящій: сіе каждому собственнымъ опытомъ тотчасъ познать можно.

§ 10.

Разстоянія сіи бываютъ или по́слѣ То́на, или предъ Тономъ; да и никогда у насъ какъ больше двухъ складовъ въ себѣ не содержатъ, такъ и меньше одного никогда не имѣютъ.

§ 11.

Тонъ съ разстояніемъ своимъ отъ другаго подобнаго То́на, называется *Стопа*. Ежели разстояніе его находится по́слѣ То́на, и содержитъ въ себѣ токмо одинъ складъ; то Стопа́ сія есть Хорей, или какъ другіи называютъ, *Трохей*, а обыкновенный его знакъ есть слѣдующій – ⏑, слово жъ состоящее Хореемъ есть напримѣръ, *Небо*, для того что въ немъ са́мый первый складъ Силою ударяется, а другій не имѣетъ Силы. Когдажъ разстояніе будетъ предъ Тономъ, и состоять оно имѣетъ однимъ же складомъ; то

Стопá здѣлается *Іамбъ* коего знакъ есть противный первому ⏑ –, а слово напримѣръ, *Гремитъ*, потому что въ немъ вторый слогъ ударенъ Силою, а первый безъ ударенія. Но буде пóслѣ Тóна случатся два слога безъ Силы, и также два предъ Тóномъ, то въ первомъ случаѣ Стопá здѣлается *Дактíль*, котораго знакъ есть сей – ⏑ ⏑, а слово напримѣръ, *Молнія*; во второмъ же Стопá будетъ *Анапесто*, знакъ его противный Дактилеву, именно жъ сей ⏑ ⏑ –, а слово напримѣръ слѣдующее: *Поразитъ*.

§ 12.

Во всякомъ Словѣ ударенный, или возвышенный слогъ силою (1), то есть Тóномъ, называется *Долгій*; но прочіи всѣ въ немъ, сколькобъ ихъ ни́было, *Короткіи*.

§ 13.

Нѣтъ ни одного слóва, которое можно бъ было выговорить не ударивъ его по какому ни-

(1) Понынѣ удареніямъ нашимъ, кои бываютъ иногда и на шестомъ слогѣ и далѣе отъ правыя руки, прáвиломъ есть токмо одно обыкновеніе. По сему общему употребленію часто въ нѣкоторыхъ словахъ слоги двояко уларяются, напримѣръ: *Жестóко* и *жéстоко*. Такихъ двойныхъ удареній премного; а въ семъ случаѣ долженъ Писатель означать всегда силою тотъ слогъ, который онъ ударилъ, но въ Стіхахъ сія должность есть необходима.

будь слогу однажды: то есть, нѣтъ ни одного слóва, которое не имѣло бъ въ себѣ долгаго слога.

§ 14.

И какъ премножество есть словъ Односложныхъ; то слѣдуетъ, что и они безъ Тóнна выговорены быть не могутъ.

§ 15.

Того ради, всѣ односложныя словá по естеству своему суть долгія. Однако, хотя сіе есть и бесспорно, толкожъ употребленіе нашихъ Стіхотворцевъ почитаетъ ихъ всѣ въ составленіи Стопы́ Общими, то есть, и долгими и короткими, смотря по потребности: сіе невольность толь есть нужная, что безъ нея едвалъ бы можно было составить одинъ токмо Стіхъ безъ превеликія трудности.

§ 16.

Сія точно Долгота и Краткость слоговъ именуется въ нашемъ Стіхосложеніи Количествомъ Складовъ, которое есть всеконечно Тоніческое (')

(') Сіе въ нашихъ складахъ само собою есть прямое Количество, а не съ Греческаго и Латінскаго примѣра названное токмо. Доказывается непреоборимо такъ: «гдѣ Напряженіе вверьхъ гóлоса, тамъ голосъ есть «выше. Но *Тонъ* есть напряженіе вверьхъ гóлоса.

то есть, возвышающее и понижающее голосъ выговора нашего, и разнящееся всею своею природою отъ Количества слоговъ въ Стіхотвореніи Греческомъ и Римскомъ, кое у нихъ, при удареніи слоговъ тономъ, размѣряется *Временемъ*, то есть, продолженіемъ и сокращеніемъ го́лоса.

§ 17.

Итакъ Греческое и Римское Количество слоговъ протягаетъ и сокращаетъ слоги; а наше возвышаетъ и понижаетъ оные.

§ 18.

Сто́пы наибольше употребляемые въ нашемъ нынѣ Стіхосложеніи: Хорей и Іамбъ. За обѣ сіи Сто́пы повсюду, выключая нѣкія мѣста въ нѣкоторыхъ Стіхахъ, о чемъ ни́же, полагается Стопа́ *Пірріхій* состоящій изъ двухъ складовъ краткихъ, безъ чего ни единаго нашего Стіха составить не можно.

§ 19.

Не токмо непротивны нашимъ Стіхамъ Сто́пы Дактіль и Анапестъ, по примѣру Греческаго Стіхосложенія, но еще и пріятными ка-

---

«Слѣдовательно, глѣ Тонъ, тамъ голосъ есть выше. «Отъ го́лоса кой ниже, есть разстояніе: оно величи«на:» а сіе самое и есть истинное *Количество*. *Ч. Н. Д.*

жутся знающимъ силу Особамъ: нашъ Языкъ, не какъ нѣкоторыи изъ Европейскихъ, для удареній своихъ на разныхъ слогахъ въ словахъ, толикую жъ къ тому имѣетъ способность, коликую и Греческій съ Латінскимъ. Сему довольный данъ образецъ въ Барклаіевой Аргенідѣ, переведенной по нашему.

§ 20.

Тоніческое Количество въ нашихъ Стіхахъ есть сáмое первое и главное Основаніе, и какъ жизнь и душа оныхъ. Введено оно въ наше Стіхотвореніе въ 1735 годѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О СТІХѢ.

§ 1.

Стіхъ есть Рѣчь, имѣющая многія словá, опредѣленнымъ числомъ Стопъ съ начáла до конца падающая.

§ 2.

Стіхи именуются и у насъ отъ числá въ нихъ Стопъ разно: ибо иный Стіхъ есть Гексаметръ, то есть шесть мѣръ имѣющій; иный Пентаметръ,

пять; иный Тетраметръ, четыре; иный Тріметръ, три; иный Діметръ, двѣ; и напослѣдокъ Монометръ, въ одной токмо Стопѣ состоящій.

§ 3.

Стіхъ Монометръ не можетъ быть свойственно Стіхомъ: ибо каждый долженствуетъ имѣть не одну токмо Стопу, какъ то видно изъ опредѣленія, или описанія Стіху въ § 1. сея главы.

§ 4.

Стіхъ Гексаметръ, который называется Большимъ и Героіческимъ, и Эпіческимъ, можетъ у насъ быть Хорее-пірріхіческій, и Іамбо-пірріхіческій съ Ріомами: также, Дактіло-Хорее-пірріхіческій, и Анапесто-Іамбо-пірріхіческій безъ Ріомъ.

§ 5.

Стопá Пірріхій для того ко всѣмъ присовокуплена названіямъ, что какъ въ Хореіческомъ вмѣсто Хорея, и Іамбическомъ вмѣсто Іамба; такъ и въ Дактіло-Хореіческомъ вмѣсто Хорея жъ, и въ Анапесто-іамбическомъ Стіхѣ вмѣсто Іамба жъ она полагается. Вольность такая есть необходима ради нашихъ многосложныхъ словъ, безъ которыя невозможно будетъ почитай и одного Стіха сложить: о семъ упомянуто въ § 18. Главы первыя.

ЧЛЕНЪ I.

О СТІХѢ ГЕКСАМЕТРѢ ХОРЕІЧЕСКОМЪ.

§ 6.

Стіхъ Гексаметръ Хореіческій раздѣляется на́-двѣ ча́сти, изъ которыхъ каждая называется Полстіше.

§ 7.

Средина, гдѣ оба Полстішія соединяются такъ, что первое окончаніемъ, а второе нача́ломъ, именуется Пресѣченіе. Оно есть всегда въ первомъ Полстішіи: знакъ его, Конецъ сло́ва, и того перваго Полстішія.

§ 8.

Ибо конецъ втораго Полстішія называется Ріома. Она состоитъ какъ въ Хореіческомъ, такъ и Іамбіческомъ Стіхѣ иногда двумя складами, а иногда однимъ. Но въ Тетраметрѣ, Тріметрѣ, и Діметрѣ Хоріческомъ токмо, употребляемомъ особливо въ десятістішныхъ Стро·фахъ, о коихъ ни́же, можетъ она изрядно состоять въ са́мой срединѣ Стро́фы и тремя слогами.

§ 9.

Когда двумя состоитъ слогами, то она есть чистый Хорей, а именуется Женскою, да и

Стихъ тотъ, въ коемъ она называется отъ нея женскимъ же: но Стихъ, въ которомъ Ріома есть односложная, называемая Мужескою, именуется по ней Мужескимъ, а она есть конецъ Іамба, или начáло Хорея. Будежъ когда Ріома состоять имѣетъ тремя складами; то ей, и Стиху ея надлежитъ, кажется, именоваться по ней Обоюднымъ, для того что она совокупно и мужеская и женская, или справедливѣе, ни та, ни другая: но Стопа ея есть точный нашъ Дактіль.

§ 10

Стіха Гексаметра Хореіческаго женскаго, первое Полстіпіе долженствуетъ состоять тремя Стопáми, и долгимъ слогомъ, который есть Пресѣченіемъ, но второе, имѣющее двусложную Ріому, тремя токмо, изъ нихъ послѣдняя Стопá и есть Ріома.

ПРИМѢРЪ:

1	2	3	1	2	3
Дѣломъ	бы од	нимъ сті	хи	нé-бы	ли па	диво;
Знайтесь	съ дружны	ми людь	ми	живу	чи прав	диво.
1	2	3	4	5	6	

Напротивъ того, Хореіческаго мужескаго Стіха первое Полстіпіе состоять имѣетъ тремя Стопáми рáвно; и третіею оканчавать слово для Пресѣченія; а второе, имѣющее односложную Ріому, тремя и долгимъ слогомъ, который и составитъ Ріому.

ПРИМѢРЪ:

1	2	3	1	2	3	
Многи Та Сті	ми тво хами	реньми смертнымъ	мудрость въ пользу	изоб предвоз	раже вѣще	на- на:
1	2	3	4	5	6	

Сія есть причина, что Стіхъ Гексаметръ Хореіческій, какъ Женскій, такъ и Мужескій, есть Гіперкаталектікъ, то есть имѣющій слогъ лишній сверьхъ шести Стопъ.

§ 11.

Стіхи всякаго рода и мѣры такъ между собою смѣшиваются, что иногда по двухъ Стіхахъ женскихъ полагаются два мужескіи; и напротивъ того, что и дѣлаетъ Непрерывную Ріему; иногда по одномъ женскомъ, или мужескомъ два мужескіи, или женскіи, а сіе производитъ Ріему смѣшенную.

§ 12.

Первое смѣшеніе Стіховъ женскихъ и мужескихъ всякаго рода, то есть, когда по двухъ Стіхахъ женскихъ или мужескихъ, полагаются два мужескіи или женскіи, бываютъ особливо въ Стіхахъ Гексаметрахъ и Пентаметрахъ: прочія всѣ принадлежатъ до Строфъ, и еще такъ, что въ десятистішныхъ, Хореіческихъ токмо, Строфахъ

по первомъ четверостішіи могутъ положены быть два Стіха обоюдныя Ріомы; а Строфы такіе обыкновенно состоятъ Тетраметрами, Тріметрами и Діметрами, о коихъ ниже. Впрочемъ, Смѣшеніе сіе Ріомъ называется вобще: Сочетатіе Стиховъ.

§ 13.

Наблюдать опасно должно, чтобъ въ мужескомъ Стіхѣ Хореіческомъ не начинать никогда втораго Полстішія односложнымъ словомъ. Однако, выключаются изъ сего слѣдующія: 1) всѣ односложныи предлоги. 2) частицы и, не, ни. 3) кто, что, тотъ, та, то, сей, кой, какъ, такъ, коль, толь. 4) но, а. 5) да, чтобъ, и подобные не оканчивающіе разумъ: ибо длятого односложнымъ, словомъ не надобно начинать второе Полстішіе, что слово то можетъ составить разумъ, съ првымъ Полстішіемъ, и быть Пресѣченіемъ, отъ чего составъ здѣлается женскаго перваго Полстішія, котораго тутъ не надобно: но выключенные частицы разума не оканчиваютъ, и потому можно съ нихъ начинать второе Полстішіе мужеское, какъ съ такихъ, которые перваго своего Полстішія мужескаго не могутъ здѣлать женскимъ, и быть почитаемы Пресѣченіемъ.

§ 14.

Есть порокъ въ старыхъ у насъ Польскихъ Стіхахъ, или лучше Прозаіческихъ строчкахъ,

который впрочемъ красотою въ Греческихъ и Латінскихъ; именно жъ, когда переносится недоконченный разумъ въ первомъ Стіхѣ въ нача́ло послѣдующаго. Въ сихъ онъ для того красотою, что Стіхи ихъ между собою, отъ неравности Стопъ, неравны, и притомъ Ріѳмъ не имѣютъ: слѣдовательно, одинъ Стіхъ предъ другимъ не дѣлается ни хромъ, ни въ согласіи окончательнаго звона, для неравности, не предускоряетъ прежде, нежели слухъ требуетъ, еще и больше чрезъ то одинъ Стіхъ съ другимъ сопрягается, Но въ равныхъ, каковы старые наши прозаическіе строчки, все сіе дѣлается необходимо противнымъ образомъ, такъ что весьма сіе въ нихъ нелѣпо, и противно нѣжному слуху. Того ради, въ нынѣшнемъ нашемъ Гексаметрѣ, для равности его, и ради Ріѳмы, отнюдъ не надлежитъ употреблять сей *Переносъ* изъ перваго Стіха въ начало слѣдующаго. Однако, сей порокъ и въ нынѣшнихъ нашихъ, твердое основаніе имѣющихъ Стіхахъ, сносится, когда разумъ переносится въ слѣдующій такъ, что или онъ доносится до Пресѣченія включительно, или до са́маго конца́ Стіха. Первое Полстіше есть цѣлый же Стіхъ Тріметръ, и для того сей порокъ нечувствителенъ бываетъ, да и Ріѳма не предускоряетъ; для того что на пресѣченіи всегда бываетъ нѣкоторое малое и тайное почитай отдохновеніе.

ЧЛЕНЪ II.

О СТІХѢ ГЕКСАМЕТРѢ ІАМБИЧЕСКОМЪ.

§ 15.

Стіхъ Гексаметръ Іамбіческій, какъ мужескій такъ и женскій, раздѣляется на два Полстішія, изъ которыхъ въ Обоихъ Стіхахъ первое Полстішіе состоитъ тремя Стопами; но второе, въ женскомъ а не въ мужескомъ Стіхѣ, имѣетъ три Сто́пы и слогъ краткій.

ПРИМѢРЪ МУЖЕСКАГО:

1	2	3	1	2	3
Поволь	ный былъ	бы трудъ,	коль васъ	ни то	ропятъ
И спѣш	ности	да въ васъ	безум	ныя	не зрятъ
1	2	3	4	5	6

ПРИМѢРЪ ЖЕНСКАГО:

1	2	3	1	2	3	
Испра	вивши	уже́	еще	потомъ	ихъ превь	те;
Прилай	те и	погда	но ча	ще что	убавь	те;
1	2	3	4	5	6	

Ясно, что Гексаметръ Іамбическій мужескій есть *Акаталектикъ*, то есть, цѣльный и совершенный всѣми Стопа́ми: но женскій *Гіперкаталектикъ*, то есть, имѣющій слогъ лишній сверьхъ полнаго шестистопнаго числа.

§ 16.

Всемѣрно должно блюстись, чтобъ въ Іабическомъ Гексаметрѣ перваго Полстішія не оканчивать Пірріхіемъ, но всегда Іамбомъ: природа Стіха не терпитъ сего порока. Надобно знать, что Акаталектічество, то есть полная мѣра Стіха, въ Іамбическомъ есть всегда мужескій Стіхъ. И понеже сей Гексаметръ состоитъ изъ двухъ цѣльныхъ Тріметровъ, а каждый Тріметръ, порознь кончится по естеству своему Іамбомъ; то кому не ясно, что первое Полстішіе, которое есть одно изъ тѣхъ двухъ Тріметровъ, долженствуетъ пресѣкаться Іамбомъ. Слѣдовательно, употребляющіи противное сему, погрѣшаютъ противъ естественнаго состава должнаго Іамбическому Гексаметру. Потребно вѣдать и сіе, что Стіхъ Іамбіческій введенъ къ намъ съ обрасца Нѣмецкихъ Стіховъ; но въ Нѣмецкихъ всегда онъ пресѣкается Іамбомъ, какъ то и разумъ повелѣваетъ.

ЧЛЕНЪ III.

О СТІХѢ ГЕКСАМЕТРѢ ДАКТІЛО-ХОРЕІЧЕСКОМЪ.

§ 17.

Сей Стіхъ есть подражаніе Греческому и Римскому. Нашъ языкъ и къ нему сроденъ: а ис-

кусныи люди находятъ, что и ему можно дать мѣсто между нашими Стіхами, и еще лучше любуются имъ, нежели нашими обыкновенными Хореіческими и Іамбіческими. Безъ сомнѣнія, привыкшіи къ движенію Латінскихъ любоваться имъ имѣютъ; но всѣ прочіи и не столько и не такъ, для того что въ немъ и ходъ устремителенъ, и нѣтъ Ріѳмы. Какъ то ни есть; только я его здѣсь для охотниковъ предлагаю. Не мѣшаетъ, что у насъ многіи роды Стіховъ будутъ. Французы, у коихъ одинъ токмо родъ Гекаметра, болѣзнуютъ, что они тѣмъ толь скудны. Болѣзнованіе сіе изображено и у Ролленя въ древней Історіи, и у Дасіэра въ примѣчаніяхъ его на переводы съ Древнихъ.

§ 18.

Итакъ, Стіхъ Дактіло-Хореіческій Гексаметръ состоитъ шестью Стопáми такимъ образомъ, что въ первыя два мѣста пріемлетъ Стопу Дактіля или Хорея, а вмѣсто Хорея Пірріхія: но въ третіемъ всеконечно должно быть или Дактілю или Хорею такъ, чтобъ долгій слогъ Дактілевъ или Хореевъ былъ окончаніемъ слóва. Въ четвертомъ можетъ быть Дактіль или Хорей, а вмѣсто Хорея Пірріхій. Но въ пятой Степени непремѣнно долженствуетъ быть Дактіль, а въ шестой точно Хорей. Притомъ, всѣ односложныя словá должно почитать за общія.

§ 19.

У Латинъ и у Грековъ многія пресѣченія назначаются сему Стіху. Но у насъ одну всегда и всеконечно наблюдать ему должно, а именно, называемую *Пентемімерною*, которая бываетъ по двухъ цѣлыхъ Стопахъ въ началѣ третіея, начинающіяся долгимъ слогомъ Дактіля, или Хорея, и притомъ тутъ кончитъ слово. Прочія пресѣченія сами дѣлаться будутъ составомъ Стіха.

ПРИМѢРЪ:

1	2	3	4	5	6
Выше ужъ|звѣздъ какъ взне|сли||на |ставлены|горы Ті|фона					

Всякъ видитъ, что сей Стіхъ есть Акаталектікъ, то есть, полный, и неимѣющій лишка сверхъ числа стопъ.

§ 20.

Сей Стіхъ у Латинъ и у Грековъ въ пятое мѣсто пріемлетъ иногда Стопу Спондея, который состоитъ изъ двухъ долгихъ слоговъ, когда или *Важность* какая вещи, или *Великость*, или *Презѣльная Печаль*, и *Сокрушеніе*, или что весьма *Сильное* и *Крайнее* объявляется. Сему можно быть и у насъ по ихъ примѣру, то есть можно полагать въ пятое мѣсто Стопу Хорея, или вмѣсто его Пірріхія за всегдашній Дактіль, но въ подобныхъ же обстоятельствахъ.

ПРИМѢРЪ:

Сталъ, и о|чами по|лки || фрі|гійскіи | осмо|трѣлъ вкругъ

§ 21.

И понеже сей родъ Стіховъ есть неравенъ въ разсужденіи одного Стіха съ другимъ, для того что иный въ четырехъ мѣстахъ Дактілями состоитъ, иный то Дактілями, то Хореями, а иный Хореями, а иный Хореями одними до самаго пятаго мѣста, въ коемъ всегда есть Дактіль кромѣ помянутыхъ обстоятельствъ въ § 20, состоять можетъ, и также, что въ немъ не соглашается одинъ Стіхъ съ другимъ Ріомою; то слѣдовательно, можетъ въ немъ быть и *Переносъ* изъ Стіха въ начало другаго, употребляемый у древнихъ.

ЧЛЕНЪ IV.

О СТІХѢ ГЕКСАМЕТРѢ АНАПЕСТО-ІАМБИЧЕСКОМЪ.

§ 22.

Сей Стіхъ новаго изобрѣтенія, и есть онъ подражаніе Дактілохореіческому. Какъ Дактілохореіческій сходствуетъ съ Хореіческимъ; такъ и сей Анапестоіамбіческій съ Іамбіческимъ. Онъ не меньше осанистъ Дактілохореіческаго, какъ то всякъ знающій охотникъ чувствовать можетъ.

§ 23.

Состоитъ сей Стіхъ шестью Стопами, и на концѣ краткимъ слогомъ; такъ что въ первой Степени можетъ быть Анапестъ или Іамбъ (а вмѣсто Іамба Пірріхій), во второй Анапестъ, или Іамбъ, или Пірріхій, въ третіей непремѣнно или Анапестъ, или Іамбъ, а отнюдъ не Пірріхій, да и окончавать слово Пресѣченіемъ. Въ четвертой и пятой Анапестъ, или Іамбъ, или Пірріхій; но въ шестой непремѣнно Анапестъ, и по немъ слогъ краткій.

ПРИМѢРЪ.

1	2	3	4	5	6
Отъиди	премер	ска мольба	приноше	ніе прочъ	нечестиво

Посему, Сей стіхъ есть Гіперкаталектікъ, то есть, имѣющій лишній слогъ сверхъ числа Стопъ.

§ 24.

Можетъ и сей Стіхъ принять въ шестое мѣсто, при самомъ важномъ чего нибудь описаніи, Стопу́ Іамба вмѣсто Анапеста, но отнюдъ не Пірріхія.

ПРИМѢРЪ:

Бесмер|тныхъ любез|нѣйшій родъ | превели|коеЗев|са пле|мя.

§ 25.

Для неравности своея, и что также долженствуетъ онъ быть безъ Ріемы съ другимъ слѣ-

дующимъ Стіхомъ, можетъ и сей Стіхъ переносить разумъ въ начало слѣдующаго.

§ 26.

Превеликая красота какъ въ Дактілохореіческомъ, такъ и въ Анапестоіамбическомъ Гексаметрѣ, когда не каждое слово каждую составляетъ Стопу, но частію своею преходитъ въ слѣдующую. Чрезъ сіе пріятнымъ образомъ сопрягаются между собою Стóпы, и Мѣры *Ударяются по силамъ* (Скансіа). Сіе самое должно по бóльшей части наблюдать и въ Хореіческомъ и въ Іамбіческомъ Гексаметрахъ; а словомъ, и во всѣхъ прочихъ Хореіческихъ и Іамбіческихъ, о которыхъ будетъ ни́же.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О СТІХѢ ПЕНТАМЕТРѢ

ЧЛЕНЪ I.

О СТІХѢ ПЕНТАМЕТРѢ ХОРЕІЧЕСКОМЪ.

§ 1.

Стіхъ Пентаметръ Хореіческій женскій дѣлится на-два Полстішія: въ первомъ имѣетъ двѣ Стопы и слогъ долгій, который есть Пресѣченіе; а во второмъ три Стопы ровно.

ПРИМѢРЪ:

1	2		1	2	3
Златъ же	лѣзна	коль	есть кру	шецъ дра	жайшій
Отра	слей сво	ихъ	кедръ коль	высо	чайшій
1	2		3	4	5

Но мужескій Пентаметръ въ первомъ Полстішіи полагаетъ три Стопы, изъ коихъ конецъ послѣднія есть Пресѣченіе; а во второмъ двѣ, и по нихъ слогъ долгій.

ПРИМѢРЪ:

1	2	3	1	2	
Толь ты	превос	ходишь	цвѣто	носный	родъ.
И цвѣ	тущій	въ твари	всякій	разный	плодъ
1	2	3	4	5	

§ 2.

Ясно, что Пентаметръ Хореіческій мужескій и женскій есть Гіперкаталектікъ, то есть лишній слогъ сверьхъ числа Стопъ имѣющій.

§ 3.

Что говорено о Гексаметрѣ Хореіческомъ во второй главѣ, въ § § 12, 13 и 14; то все должно разумѣть и о семъ Пентаметрѣ, и при составѣ его наблюдать.

§ 4.

Есть Пентаметръ Хореіческій и безъ Пресѣченія: но сей дѣлается по вольности; упо-

треблять ея всеконечно не должно, развѣ уже́ какая необходимая нужда приведетъ къ тому, да и тобъ было въ нѣкоторомъ самомъ краткомъ Сочиненіи, каково есть Эпіграмма. Симъ вольнымъ Пентаметромъ хотя и сочинено у меня съ 20 Строфъ, не въ непріятной впрочемъ матеріи; однако я не прошу никого въ томъ мнѣ слѣдовать.

ЧЛЕНЪ II.

О СТІХѢ ПЕНТАМЕТРѢ ІАМБИЧЕСКОМЪ.

§ 5.

Стіхъ Пентаметръ Іамбическій имѣетъ два Полстішія, то есть, онъ пресѣкается. Въ первомъ Полстішіи мужескаго Стіха содержитъ онъ двѣ Стопы́; изъ сихъ послѣднія конецъ есть пресѣченіе: а во второмъ три Стопы́ ровно.

ПРИМѢРЪ:

1	2	1	2	3
Но вамъ	узрѣть,	потóм	ки, въ гра	дѣ семъ,
Смотря	щихъ все,	дивя	щихся	о всемъ
1	2	3	4	5

Но женскій Іамбическій Пентаметръ въ первомъ Полстішіи хотя двѣ жъ Стопы́ имѣетъ, и послѣднія концомъ пресѣкаются; однако во второмъ его Полстішіи три Стопы́, и слогъ краткій.

ПРИМѢРЪ:

1	2	1	2	3	
Изъ всѣхъ	тѣхъ мѣстъ	слета	ющихъ	ся гу	сто,
Гласа	щихъ: се	рай сталъ,	гдѣ бы	ло пу	сто.
1	2	3	4	5	

Посему мужескій Пентаметръ Іамбическій есть Акаталектикъ, а женскій Гіперкаталектикъ.

§ 6.

Во второй главѣ, въ § 16, положено Наблюденіе, и причина Наблюденію, о первомъ Полстішіи стіха Іамбическаго Гексаметра, въ разсужденіи Пресѣченія, а именно, что оно никогда не долженствуетъ пресѣкаемо быть Пірріхіемъ; но всегда и непремѣнно Іамбомъ: оное Наблюденіе есть равно Наблюденіемъ и для сего Пентаметра Іамбическаго въ разсужденіи тогожъ. Впрочемъ, хотя и есть также Пентаметръ Іамбическій безъ Пресѣченія, однако сіе дѣлается разнымъ же образомъ, какъ и въ Хореическомъ, по великой вольности, и въ самыхъ малыхъ штукахъ: сему я не совѣтую въ важномъ Сочиненіи подражать.

ЧЛЕНЪ III.

О ПЕНТАМЕТРѢ ДАКТІЛОХОРЕІЧЕСКОМЪ.

§ 7.

Пентаметръ Дактілохореическій, по примѣру Греческому и Латинскому, никогда одинъ быть

не долженствуетъ, но всегда съ Гексаметромъ своего рода. Сіи Двустішія Древніи прозвали *Героэлегіаческими*.

§ 8.

Онъ хотя у Древнихъ также есть безъ Ріѳфы; но у насъ изрядно Ріѳму принять можетъ, только наипаче, что ему всегда надобно быть съ Гексаметромъ, то Гексаметръ составитъ женскую, а онъ Пентаметръ мужескую Ріѳму.

§ 9.

Имѣетъ онъ въ первомъ мѣстѣ Стопу Дактіля, или Хорея, или вмѣсто Хорея Пірріхія; во второмъ Дактіля жъ, или Хорея жъ, или жъ и Пірріхія, и пòслѣ слогъ долгій, который есть Пресѣченіе, и оканчаваетъ слово: но въ двухъ послѣдующихъ непремѣнно Дактиля, и слогъ долгій же, кой съ слогомъ Пресѣченія составляетъ пятую Стопу.

ПРИМѢРЪ:

Вы скажите брега пограничны всходящаго Феба,
1 2 1 2
Коль изъ|вашихъ|водъ || Богъ сей пре|красенъ вста|етъ;
1 2 ½ 3 4 ½
Онъ зеленитъ когда Смарагды лучами отъ неба,
1 2 1 ½
Схожій съ сво | имъ и|ли || блескъ Ада|манту да|етъ.
1 2 ½ 3 4 ½

Когда сіи Героэлегіаческіи Стіхи безъ Ріомъ, то они ограничиваются Двустішіями; но съ Ріомами кругъ ихъ состоять имѣетъ необходимо въ Четверостішіяхъ, ради двухъ женскихъ Ріомъ въ двухъ Гексаметрахъ, и двухъ же мужескихъ, въ столькихъ же Пентаметрахъ.

§ 11.

Пентаметръ сей размѣряется Квінтіліаномъ, (въ кн. 6. въ гл. 4) инако, именно жъ, въ двухъ первыхъ мѣстахъ такъ, какъ я объявилъ § 9. но въ третіемъ Спондеи (состоящій изъ двухъ долгихъ слоговъ) такимъ образомъ, чтобъ первый его слогъ былъ конецъ сло́ва, а вторый нача́ло другаго: пото́мъ два Анапеста.

ПРИМѢРЪ:

1	2	3	5	5
Также ба	рашкомъ вол	на	вьет	ся и близъ	береговъ.

Все равно́, хотя первымъ, хотя симъ вторымъ образомъ размѣрять сей Пентаметръ. Однако первымъ способомъ обыкновеннѣе всюду учатъ его мѣрять.

ЧЛЕНЪ IV.

О ПЕНТАМЕТРѢ АНАПЕСТОІАМБІЧЕСКОМЪ.

§ 12.

Сей Пентаметръ вновь пайденъ: онъ есть подражаніе Дактілохореіческому. И понеже явился

вновь же Гексаметръ Анапестоіамбическій, то надобно стало составить и Пентаметръ подобный.

§ 13.

Кажется, что сему и у насъ лучше быть съ своимъ Гексаметромъ, но притомъ и съ Ріѳмою; такъ что въ Гексаметрѣ его будетъ женская, а въ немъ Пентаметрѣ мужеская Ріѳма.

§ 14.

Составъ его есть слѣдующій. Сперва употребляются двѣ Стопы, которыя или два Іамба, или два Анапеста, или Іамбъ съ Анапестомъ, или Анапестъ съ Іамбомъ такъ, чтобъ въ послѣдней которой нибудь изъ сихъ Стопъ конецъ былъ также концомъ и сло́ва; что и здѣлаетъ Пресѣченіе: пото́мъ непремѣнно три Анапеста.

ПРИМѢРЪ:

Беззаконники! прочь отъ сего удаляйтесь храма священна!
1 2 3 4 5
У ко| ихъ сердца́ || преиспо |лнены сквер |нѣйшихъ золъ,
Или утробу грызетъ чью зависть всегда омраченна,
1 2 3 4 5
Ненасыт| но ль кто| |разграбля | етъ бессиль |нѣйшихъ долъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О СТІХѢ ТЕТРАМЕТРѢ, ТРІМЕТРѢ И ДІАМЕТРѢ.

ЧЛЕНЪ I.

О СТІХѢ ТЕТРАМЕТРѢ ХОРЕІИЧЕСКОМЪ.

§ 1.

Сей Стіхъ Пресѣченія не имѣетъ; а состоитъ онъ четырьмя токмо Стопáми. Онъ есть также женскій и мужескій.

ПРИМѢРЪ ЖЕНСКАГО:

1	2	3	4
Что тво	е я	имя	знаю,
Избав	лені	я тѣмъ	чаю.

ПРИМѢРЪ МУЖЕСКАГО:

1	2	3	4
Испо	вѣмъ те	бя во	вѣкъ
Тварь Тво	я и	чело	вѣкъ

§ 2.

Всякъ видитъ, что Тетраметръ Хорéическій женскій есть Акаталектíкъ, то есть, полное число Стопъ имѣющій; а мужескій каталектíкъ: въ немъ недостаетъ слога въ полное число Стопъ.

§ 3.

Какъ составляется Тетраметръ Хореіческій обоего рода, такъ и Тріметръ, и Діметръ; уменьшаясь токмо одинъ предъ другимъ Стопою: и что женскіи Хореіческіи сихъ родовъ Акаталектіки, а мужескіи Каталектіки.

ЧЛЕНЪ II.

О СТІХѢ ТЕТРАМЕТРѢ ІАМБІЧЕСКОМЪ.

§ 4.

Стіхъ Тетраметръ Іамбіческій Пресѣченія не имѣетъ, и состоитъ четырьмя Стопáми. Онъ есть мужескій и женскій.

ПРИМѢРЪ МУЖЕСКАГО:

1	2	3	4
Своимъ	Богъ прав	ду со	творитъ,
Иста	явшихъ	не у	морить.

ПРИМѢРЪ ЖЕНСКАГО:

2	2	3	4	
И у	моленъ	объ нихъ	онъ бу	детъ,
Вконецъ	рабовъ	самъ не	забу	детъ.

§ 5.

Видимо, что Тетраметръ Іамбіческій мужескій есть Акаталектікъ, то есть, полный; а женскій

Гіперкаталектікъ, имѣющій лишній слогъ сверхъ полнаго числа Стопъ.

§ 6.

Какъ Тетраметръ Іамбіческій составляется, такъ равно и Тріметръ, и Діметръ съ умаленіемъ Стопы одинъ предъ другимъ: и что всѣ сіи Іамбіческіи мужескіи Акаталектіки, а женскіи Гіперкаталектіки.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О СТРОФѢ.

§ 1.

Строфа есть совокупленіе многихъ Стіховъ, разумъ полный содержащихъ.

§ 2.

Строфа наша не бываетъ меньше четырехъ Стіховъ, ни больше десяти.

§ 3.

Имѣющіе чотку Стіховъ называются *Правильными* Строфами, *Неправильными* же, въ коихъ нечотка.

§ 4.

Употребительнѣе Строфы наши состоятъ изъ Тетраметровъ: но можно имъ быть изъ Тріметровъ и Діметровъ: иногда, но развѣ весьма рѣтко, и изъ Пентаметровъ.

§ 5.

Хотя и непротивно, чтобъ въ Строфахъ употреблять *Непрерывную* Ріому, однако обыкновеннѣе въ нихъ употребляется *Смѣшенная*. Впрочемъ, весьма наблюдать должно, что которымъ родомъ Ріомы Строфа кончится, тѣмъ бы въ слѣдующей Строфѣ перваго стіха не начинать: ибо ставится сіе въ великій порокъ и нелѣпый, и также въ малое знаніе Сочинителю.

§ 6.

Строфы, въ которыхъ всѣ Стіхи единаго рода и мѣры, называются *Равными*; *Неравными* же тѣ, кои не одинъ родъ Стіховъ и не одну мѣру имѣютъ.

ЧЛЕНЪ I.

ПРЕДСТАВЛЯЮЩІЙ ХОРЕІЧЕСКІЕ СТРОФЫ.

§ 7.

СТРОФА ЧЕТЫРЕСТІШНАЯ.

Праведныхъ стези вѣсть богъ,
И всегда ихъ самъ защи́титъ;

Путь же злыхъ, хотя и многъ,
Гро́зна гибель весь похи́титъ.

§ 8.

СТРОФА ПЯТИСТІШНАЯ.

Очи съ плача помутились;
Отъ враговъ весь сокрушенъ:
Пагубно въ себѣ озлились,
Къ ненависти уклонились;
Я надежды ужъ лишенъ.

§ 9.

СТРОФА ШЕСТИСТІШНАЯ.

День всегда плыветъ за днемъ;
Нощь же но́щи премѣняетъ;
Волю благу чинъ являетъ,
И строеніе о всемъ;
Нѣтъ сомнѣнія ни мало:
То отъ тверди твердо стало.

§ 10.

СТРОФА СЕМИСТІШНАЯ.

Вниду къ твоему Престолу,
И въ Олтарь священный твой,
Проявленъ въ горѣ святой;
Въ немъ паду предъ тѣмъ ницъ до́лу:
Ты желаніямъ конецъ,
Исполненіе изволу,
И любви моей вѣнецъ.

§ 11.

СТРОФА ОСМИСТІШНАЯ.

Се Языки ворвались,
Боже, во твое наслѣдство;
И, святому Храму въ бѣдство,
Съ осквернѣніемъ внеслись:
Градъ, и все его пространство,
Обратили безъ слѣдовъ
Во хранилище плодовъ,
Все расхитивши убранство.

§ 12.

СТРОФА ДЕВЯТИСТІШНАЯ.

Въ сердцѣ ихъ всегдашня месть,
Токмо ту и помышляютъ;
Непзвѣстно, что за въ месть
Брани всякъ день ополчаютъ:
Весь языкъ ихъ изощренъ
На злорѣчіе какъ бритва;
Въ ихъ рукахъ сѣть и ловитва;
Слѣдъ къ дну злобы приведенъ;
Ядъ изъ устъ течетъ, и битва.

§ 13.

СТРОФА ДЕСЯТИСТІШНАЯ.

На защиту мнѣ смиренну
Руку Самъ простри съ высотъ,
Отъ враговъ же толь презрѣнну,
По великости щедротъ,

Даруй способъ, и избавлюсь;
Вознеси рогъ, и прославлюсь:
Родъ чужихъ, какъ буйнъ водъ шумъ,
Бустро съ воплемъ набѣгаетъ,
Нѣмощь онъ мою ругаетъ,
И пріемлетъ въ баснь и глумъ.

§ 14.

СТРОФА ДЕСЯТИСТІШНАЯ

съ Трисложною Дактіліческою Ріемою въ срединѣ.

Прочъ, боязнь, прочъ! Бодрствуй Дѣва:
Бытіе то, не мечта;
Ни судебъ, ни хитрость гнѣва;
Ни желаній суета:
Все что зришь, есть достовѣрное:
Торжество нелицемѣрное!
Страхъ и трепетъ твой исчезъ;
Съ ними горесть и печали:
Ликовство предобручали
Оны времена и слезъ.

§ 15.

СТРОФА НЕРАВНАЯ.

Щáсливъ! Бога кто боится:
Заповѣдей всяко не преступитъ онъ того;
Родъ его благословится;
Сильно будетъ сѣмя на землѣ, и сверхъ всего,
Славенъ и богатъ весь домъ,
Правда вѣчна въ немъ самóмъ.

§ 16.

Строфа неравная можетъ имѣть отъ четырехъ до десяти Стіховъ, и употреблять неравную мѣру по произволенію.

ЧЛЕНЪ II,

ПРЕДСТАВЛЯЮЩІЙ ІАМБІЧЕСКІЕ СТРОФЫ.

§ 17.

СТРОФА ЧЕТЫРЕСТІШНАЯ.

Простеръ десницу; пожрала́
Земля въ свои противныхъ нѣдра;
И укрѣпила правда бе́дра,
И всѣхъ людей тобой спасла.

§ 18.

СТРОФА ПЯТИСТІШНАЯ.

Ихъ изъ Содо́ма виноградъ,
И отъ Гомо́рры всѣ ихъ розги;
Ихъ гроздъ, есть токмо желчь и смрадъ,
Ихъ ягода горька́ стократъ;
Сокъ отравляетъ шумны мозги.

§ 19.

СТРОФА ШЕСТИСТІШНАЯ.

Затѣмъ премудръ, чтобъ не хвалился
Отнюдь въ премудрости своей;

Ни сильный также въ силѣ всей;
Богатъ въ богатствѣ бъ не гордился:
Но всѣмъ бы Бога знать и чтить,
И въ правдѣ судъ земнымъ творить.

§ 20.

СТРОФА СЕДМИСТІШНАЯ.

Предъ нимъ предъидетъ въ словѣ смерть,
Изъидетъ на поля поносно;
Падетъ подъ но́ги та некосно,
Какъ предпріиметъ ону стерть:
Онъ сталъ, и вся земля трясется;
Подвиглась и высо́ка тверль;
Язы́ки таютъ, вѣсть несется.

§ 21.

СТРОФА ОСМИСТІШНАЯ.

О! Господи, и Боже нашъ:
Мы много отъ чужихъ терпѣли;
Едва въ господъ не возъимѣли.
Но молимъ, Ты намъ буди стражъ;
Твоя надъ нами власть и воля:
Кромѣ Тебя мы никого,
Не знаемъ ра́вно ничего;
Въ Твоемъ намъ имени есть доля.

§ 22.

СТРОФА ДЕВЯТИСТІШНАЯ.

Вся высота по мнѣ прешла;
Вся глубина меня пріяла;

Вся и широкость обошла;
Отверста мраковъ бе́здна стала;
Всего покрыли го́ры водъ.
Шумъ токовъ оглушилъ ужасный;
Всему явился видъ золъ власный,
И влажный про́пастей исподъ.
О! коль тогда я былъ злочасный.

§ 23.

СТРОФА ДЕСЯТИСТІШНАЯ.

Являющіи люто злая,
О! Господи, твоимъ рабамъ,
Да постыдятся здѣсь, гонзая
Въ погибель сами по судьбамъ:
Да всякая бъ своя ихъ сила,
И крѣпость сло́млена срамила:
Да знаютъ, что единъ Ты Богъ
Что по Вселеной всей Ты славенъ,
И токмо ты единъ державенъ;
Съ тобой несмѣненъ всякъ прилогъ.

§ 24.

СТРОФА НЕРАВНАЯ.

Онъ самъ исторгнуть насъ отъ Ада днесь судилъ;
Онъ спасъ отъ са́мыя насъ смерти;
Отъ пещнаго огня соблюсть благоволилъ:
И злымъ не попустилъ насъ стерти;
Онъ благъ, къ нему всѣ воззовемъ,
Да въ благостынѣ поживемъ.

Его поемъ мы человѣки,
И славно величаемъ ввѣки.

§ 25.

Что говорено въ членѣ первомъ въ § 16 сея главы о неравныхъ Хореическихъ Строфахъ; тожъ самое должно разумѣть и о сихъ Іамбическихъ.

ЧЛЕНЪ III,

ПРЕДСТАВЛЯЮЩІЙ СТРОФУ САФІЧЕСКУЮ И ГОРАЦІАНСКУЮ.

§ 26.

Строфа Сафическая, отъ Изобрѣтательницы Сафы, прозвана въ Греціи.

§ 27.

Въ ней обыкновенно четыре Стіха; изъ нихъ первыи три Сафическіи, а четвертый Адоническій.

§ 28.

Сафическіи мужескіи состоять у насъ могутъ въ первомъ мѣстѣ Хореемъ, или Пирріхіемъ; во второмъ Хореемъ же, или Пирріхіемъ; а въ третіемъ первымъ слогомъ долгимъ Дактіля, который есть Пресѣченіе, и кончитъ слово, по-

слѣ жъ кончитъ свою́ Стопу́ Дактіль слѣдующаго сло́ва начальными двумя слогами: въ четвертомъ Хореемъ, или Пірріхіемъ; въ пятомъ долгимъ слогомъ, который есть Ріѳма мужеская. Симъ Стіхамъ надлежитъ быть двумя сряду. Но и женскій во всѣхъ четырехъ мѣстахъ составляется такъ, какъ мужескій; однако въ пятомъ непремѣнно имѣетъ Стопу́ Хорея. Сей Стіхъ долженствуетъ быть одинъ токмо въ составѣ Строфы, и чиномъ третій; да и соглашаться Ріѳмою съ четвертымъ двустопнымъ Адоніческимъ, который, по нашему количеству слоговъ, всегда долженствуетъ состоять Дактілемъ и Хореемъ.

ПРИМѢРЪ:

2	3	3	5	5
Совѣсть	кто въ се	бѣ	непо	рочну	вѣсть,
Нравовъ	чисто	та	завсег	да въ комъ	есть;
Не бо	ится	тотъ	оху	жденъ про	пасти,

1 2

Бодръ и въ на | пасти.

§ 29.

Сафіческая Строфа можетъ состоять пятью́ Стіхами Сафіческими, шестымъ Адоніческимъ; можетъ седмью Сафіческими, осмымъ Адоніческимъ; можетъ наконецъ и девятью́ Сафіческими, а десятымъ Адоніческимъ. Однако, кажется, что лучше ей всегда быть или четырестішной, или о шести Стіхахъ. Впрочемъ, Сенека Трагікъ въ Хо́рѣ Тіэста по третіемъ Дѣйствіи при-

совокупилъ ко 125-ти Стіхамъ Сафіческимъ одинъ Адоніческій.

§ 30.

Строфа Горацiанская состоитъ всегда и непремѣнно четырмя разнаго рода Тетраметрами. Называется она Горацiанскою для того, что Горацій часто ея употреблялъ въ своихъ Одахъ.

§ 31.

У насъ ея Стіхамъ составъ есть слѣдующій: первый и вторый Стіхъ въ первомъ мѣстѣ имѣютъ Хорея или Пірріхія, также и во второмъ: потóмъ слогъ долгій, который есть Пресѣченіе, и внѣ числá Стопъ. Въ третіемъ и четвертомъ Дактіль, изъ сихъ послѣдній есть Обоюдная Ріюма. Третій Стіхъ состоитъ Тетраметромъ Іамбическимъ женскимъ: но четвертый въ первыхъ двухъ мѣстáхъ содержитъ по Дактілю, а въ третіе полагаетъ Хорея, или Пірріхія; въ четвертое жъ непремѣнно Стопу Хорея.

ПРИМѢРЪ:

1	2	3	4
Кедры	не всег	да	вихремъ ла	маются;
Листа	не въ весь	годъ	рощи ли	шаются;

1	2	3	4	
И вéд	ро по	слѣ тучъ	быва	етъ,
Въ весну и	дерево	процвѣ	таетъ,	

§ 32.

Чего ради сія Гораціанская Строфа такое составленіе себѣ имѣть у насъ долженствуетъ, тому объявлена причина въ Предувѣдомленіи на Барклаіеву Аргениду въ числѣ 22-мъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О РІѲМѢ И ВОЛЬНОСТИ СЛОВЪ.

ЧЛЕНЪ I.

О РІѲМѢ.

§ 1.

Ріѳма есть взаимное подобное согласіе, употребляемое на концахъ двухъ Стіховъ.

§ 2.

Когда сіе взаимное согласіе состоитъ во второмъ Стіхѣ изъ тѣхъ же самыхъ Літеръ, изъ которыхъ оно и въ предъидущемъ есть, то Ріѳма сія называется Богатая: но ежели токмо подобіе звона имѣетъ тожъ, а состоитъ не изъ тѣхже самыхъ буквъ, то она Полубогатая.

§ 3.

Въ женскихъ Стіхахъ Ріѳма всегда есть двусложная: и есть она точный нашъ Хорей: но въ мужескихъ односложная, и есть, или начáло Хорея, или конецъ Іамба. Въ старыхъ строчкахъ одна токмо женская Ріѳма была употребляема, для того что Польскій языкъ во всѣхъ словахъ, кромѣ односложныхъ, ударяетъ силою всегда предкончаемый слогъ.

§ 4.

Впрочемъ, Ріѳма есть не существенная Стіхамъ, но токмо постороннее украшеніе, употребляемое для услажденія слуха. Выдумана она въ вáрварскія времена, и введенна въ Стіхи. Ни древніи Греки, ни Римляне отнюдъ ея въ своихъ Стіхахъ не употребляли и не знали, хотя наводы сіи были такіи, которыи достигли до сáмаго верха въ Краснорѣчіи и въ Стіхотворствѣ.

§ 6.

Въ Польскомъ Стіхотвореніи, прежде сего и у насъ бывшемъ въ употребленіи, Ріѳма называется Паденіемъ (Каденція), но весьма не право. Паденіе есть гладкость Стіха, по всему стіху отъ начáла до конца разливающаяся. Сіе происходитъ во первыхъ отъ соединенія Стопъ,

отъ благополучнаго прибора гласныхъ и согласныхъ Літеръ между собою ни несражающихся, ни непроизводящихъ и нелѣпаго зѣванія, и также отъ способности сочиненія. Гораціевъ Гексаметръ важенъ, но не гладокъ; Овідіевъ и нѣженъ, и гладокъ; но Віргіліевъ гладокъ, нѣженъ и важенъ.

§ 6.

Употребленіе Ріомы вообще долженствуетъ быть такое, чтобъ всегда былъ предпочитаемъ ей Разумъ: то есть, чтобъ всегда при составѣ Стіха больше стараться о чистомъ въ немъ Смыслѣ, нежели о богатой Ріомѣ, буде не возможно быть симъ обоимъ совокупно, такъ чтобъ для богатства Ріомы, твердаго Смысла нигдѣ и никогда не пренебрегать.

ЧЛЕНЪ II.

О ВОЛЬНОСТИ ВЪ СЛОВАХЪ.

Вольность есть нѣкоторое измѣненіе словъ, употребленіемъ утвержденныхъ.

§ 7.

Обыкновенно поступаютъ Стіхотворцы свободнѣе и смѣляе въ избраніи слоговъ, и употребляютъ иногда въ Стіхъ, для мѣры, такія

слова, коихъ въ Прозѣ отнюдъ стерпѣть не можно. Имѣютъ они сіе право подтвержденное множествомъ вѣковъ: однако, должно и имъ быть въ семъ умѣреннымъ.

§ 8.

Многіе и мы въ своемъ Стіхосложеніи такіе имѣемъ Вольности: ихъ видѣть можно охотникамъ въ Стіхахъ на свѣтъ изданныхъ.

§ 9.

Вольности вобще такой быть надлежитъ, чтобъ слово, употребленное по Вольности, весьма распознать было можно, что оно прямое наше, и еще такъ, чтобъ оно нѣсколько и въ употребленіи находилось, а не нелѣпое какое, странное и дикое.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О РАЗНЫХЪ ПОЭМАХЪ, СТІХАМИ СОЧИНЯЕМЫХЪ.

§ 1.

Эпическая Поэзія, инако Эпопеическая, и Героическая, есть самый высокій родъ изъ всѣхъ Поэмъ. Никакая по истинѣ другая Поэма не могла еще понынѣ толико прославить Писателей. Сія одна, ежели по надлежащему сочинится

довольна къ пріобрѣтенію громкія славы вѣчно и Піпту, и всему тому народу, изъ котораго Піпъ. Она есть, которая знатныя дѣянія знаменитыхъ людей, предвоспріявшихъ нѣчто одно исполнить, вѣроятнымъ повѣствованіемъ предлагаетъ для возбужденія любви къ добродѣтели. Образцы ея: Іліада и Одіссея Гомеровы, а Энеіда Віргіліева.

§ 2.

Ліріческая. И сія есть высокій Піитіческаго искусства родъ: однако не толь трудный, чтобъ на сей Геліконовъ холмъ нѣкоторыи не восходили. Многіи въ семъ родѣ показали свой опыты, и Лавръ себѣ заслужили. Начало ея мнится быть, что священствующіи изобрѣли въ честь и прославленіе верьховнаго Существа сію пѣснь, и кажется притомъ, что пастушескіе пѣсни подали къ ней причину. Сіе иначе называется Ода, которая состоитъ изъ Строфъ, и самую высокую, благородную, иногда жъ и нѣжную матерію воспѣваетъ.

§ 3.

Драматіческая. Сія объемлетъ Трагедію и Комедію. Въ сихъ древніи Греки, напослѣдокъ дошедъ до точнаго совершенства, получили себѣ верхъ. Римляне въ Комедіи щасливы были, но въ Трагедіи не столько. Изъ нынѣшнихъ народовъ, Французы Трагедіею и Комедіею весь-

ма себя прославили. Драма вобще описывается такъ: есть Поэзія, которая одно токмо нѣкоторое дѣло знаменитыхъ людей, предпріятое и здѣланное въ одно время и на одномъ мѣстѣ, возбуждая ужасъ и жалость (и сія есть Трагедія), а иногда простыхъ обывателей (а то Комедія), приводя смотрителей въ смѣхъ и увеселеніе, представляетъ на театрѣ, словами и дѣйствіемъ съ подражаніемъ самой Натурѣ, для исправленія нравовъ.

§ 4.

Буколическая. Она есть, которая представляетъ разныи пастушескіи и поселянскіи разговоры. Всѣхъ Поэзій сія мнится быть старѣе. Лица ея: Пастушки, Жнецы, Сѣнокосцы, Садовники, Огородники, Ловчіи, Собиратели винограда, плодовъ и подобныи. Матерія: сихъ людей дѣла, неблагополучія, жалобы, труды, печали, споры, пѣсенки, разговоры, похваленія, и охужденія. Вещи: лѣса, овцы, стада, скоты, звѣри, плоды, мѣстъ полевыхъ красота, сѣни кустовъ, пещеры, рѣкъ теченіе, источники, ручьи и любовь: также солнце, мѣсяцъ и звѣзды, и все, что имъ больше вѣдомо, и ихъ окружаетъ. Буколическую Поэзію Виргіліи представилъ въ Эклогахъ, а Теокритъ въ Ідилліяхъ.

§ 5.

Элегіаческая. О сей отъ многихъ утверждается, что чрезъ ея сладость и нѣжность многіи

записываютъ имена свои въ вѣчность, и записали многіи. Преизрядный образецъ въ семъ родѣ Поэзіи есть Тібуллъ, Проперацій и Овідій. Она есть, которая описываетъ особливо вещи плачевные, и любовныя жалобы. Элегія раздѣляется на Треніческую, и Эротіческую. Въ Треніческой описывается печаль и нещастіе; а въ Эротіческой любовь, и всѣ изъ нея воспослѣдованія. Слогъ ея не долженствуетъ быть подобенъ слогу, каковъ въ Эклогѣ: она нѣсколько выше, но безъ дерзновенія возноситъ свой голосъ.

§ 6.

Эпіграмматическая. Въ сей сколько пріятности и красоты, столько и трудности, и такъ, что утверждать смѣютъ, что въ семъ родѣ Поэзіи весьма рѣтко случалось, чтобъ кто изъ самыхъ превосходныхъ Піптовъ не имѣлъ себѣ затрудненія отъ краткія ея важности, и отъ окончательныя остроты: ибо она есть краткая Поэма, изъ краткаго предложенія хитрое и острое заключеніе производящая. Матерія ея есть тажъ самая, которая и всея Поэзіи. Все, что внѣшними чувствіями, и внутреннею понимается мыслію, веществомъ Эпіграммы почитаемо быть можетъ. Марціалъ изъ древнихъ весьма въ ней прославился; а отъ нѣкотораго Кесаря собственнымъ себѣ Віргіліемъ былъ за то почитаемъ. Къ ней принадлежать всѣ надписи, также Эпітафіи, Фрацзусскіи Мадрігалы и Сонеты

§ 7.

Дідактическая. Сія описываетъ нѣкоторыя наставленія, и пренадписываетъ правила, касающіяся до вещей естественныхъ, нравоучительныхъ, и художественныхъ. Сею Эмпедоклъ описалъ Піѳагорическую Фізіку; Лукрецій объ естествѣ вещей по Эпікурову мнѣнію; Віргілій четыре книги, названные Георгическими, о земледѣланіи; Горацій науку о Поэзіи, и послѣдовавшей ему на Французскомъ языкѣ Боало-Депреó, которую я по нашему нынѣ сочинилъ Стіхами жъ.

§ 8.

Сатирическая. Сатіра пріятнымъ и насмѣхательнымъ образомъ исправляетъ человѣческія пороки. Матерія ея токмо что Глупцы, бездѣльники, Плуты, Моты, Шалуны, и подобныи. Сатіра долженствуетъ быть жарка, кусающа, и колюща. Говоритъ Боало, что охота къ показанію себя, а не къ вымышленію ложнаго ругательства, изобрѣла Сатіру. Сперва введена она въ употребленіе у Римлянъ Луціліемъ. Горацій, Персій и Ювеналъ славны ею на Латінскомъ языкѣ, а на Французскомъ Боало-Депреó.

§ 9.

Эпістолярная. Эпістола изображаетъ все то въ Стіхахъ Піітическимъ духомъ и образомъ,

что пишется въ пи́сьмахъ Прозою отъ отсутствующихъ къ отсутствующимъ. Находятся онѣ дідактіческіе, любовные, нравоучительные и похвальные. Сей родъ принадлежитъ къ Гексаметрамъ и къ Строфамъ. Горацій и Овідій на Латінскомъ; а на Францусскомъ Боало́ за образецъ въ нихъ служить могутъ.

§ 10.

Генетліаческая. Есть Поэма, рожденіемъ какія особы, или днемъ рожденія привѣтствующая. Матерія сея Поэмы есть радость о рожденіи, похвала фаміліи, обстоятельства времени и мѣста, знаки бывшіи прежде рожденія и по́слѣ. Заключается она желаніями, или благополучною примѣтою, или поздравленіемъ родителямъ. Примѣры: у Віргілія Эклога 4. у Проперція въ кн. 3. Элег. 10. у Стація Од. 7.; можетъ сочиняться Гексаметрами и Строфами.

§ 11.

Эпіталаміческая. Есть Поэма брачнымъ сочетаніемъ поздравляющая. Матерія сея Поэмы обстоятельства брака, древнія и новыя обыкновенія, похвала сочетавшимся, благополучныя прознаменованія, и сердечныя желанія; радость притомъ и веселіе. Примѣры: у Катулла въ кн. 1. Поэм. 56. у Стація Сілв. кн. 1. Поэм. 2. у Клавдіана на Гопоріевъ бракъ. Сей родъ какъ Героіческій, такъ и Ліріческій.

§ 12.

Апобатерическая. Сею Поэмою прощаются отъѣжжающіи въ путь съ остающимися на мѣстѣ. Матерія ея: причина и способъ отшествія; печаль и сожалѣніе разлученія ради; приношеніе желаній остающимся, и прочіе окресности прощающихся. Примѣръ у Овидія въ кн. 1. печальныхъ, Элег. 3. можетъ она быть и Лірическая.

§ 13.

Эпібатерическая. Поэма, которою возвратившіяся изъ пути благодарятъ божеству, а отечество и друговъ поздравляютъ. Матерія ея: радость о возвращеніи, и о свиданіи въ добромъ здравіи съ присными; также и прочія подобныя обстоятельства. Примѣра мнѣ нигдѣ читать не случилось. Можетъ сочиняться Гексаметромъ и Строфами.

§ 14.

Пропемптическая. Сею провождающіи отъѣзжающимъ желанія свои приносятъ. Матерія сея Поэмы: окресности пути, наблюденіе вѣтровъ, и погодъ примѣты, и сердечныя засвидѣтельствованія. Примѣры: у Горація въ Кн. 1. Од. 3. у Тібулла въ Кн. 1. Элег. 3. у Стація Кн. 1 Поэм. 2; можетъ она быть и Лірическая.

§ 15.

Сінхарістическая. Инако сей родъ называется Эвфеміческій. Симъ поздравляютъ возвратившихся въ отечество, или прибывшихъ гостей. Примѣръ ей: у Клавдіана на Гоноріево возвращеніе. Можно ея сочинять и Срофами.

§ 16.

Эпінікіческая. Торжественная есть Поэма, коею Піиты побѣдителю непріятелей поздравляютъ. Примѣръ сея Поэмы у Овідія отъ Понта въ Кн. 2. Элег. 1. Она есть и Ліріческая.

§ 17.

Сотеріческая. Есть Поэма, привѣтствующая свобожденіемъ отъ тяшкія болѣзни. Примѣръ сея у Стація въ Кн. 1. Поэм. 4. Она составляется и Строфами.

§ 18.

Эпідіктіческая или *Панегіріческая.* Сею Поэмою чесныя добродѣтели и славныя дѣйствія похваляются. Примѣръ ей почитай весь Клавдіанъ. Она есть какъ Героіческая, такъ и Ліріческая.

§ 19.

Эвхарістическая. Есть Поэма, которою благодареніе за благодѣяніе приносится. Примѣры ея

у Виргилія Эклога. 1. у Горація Кн. 1. Од. 10. 21. 26. 36. Кн. 3 Од. 3. 22 и Кн. 4 Од. 9.; она есть и Лиріческая и Героіческая.

§ 20.

Эоніческая. Сею, по прошествіи каждаго вѣка проповѣдуемъ, и описываемъ знатныя приключенія, бывшія чрезъ все то время; благодаримъ Хранителю Богу; похваляемъ защитниковъ и благодѣтелей. Примѣръ сея Поэмы: у Горація въ Эподахъ Ода послѣдняя. У Катулла Кн. 1 Поэм. 33. Есть она Лиріческая и Героіческая.

§ 21.

Схолостіческая, или *Сімпосіастіческая*, Описывается, возносится и прославляется ею великолѣпный пиръ. Примѣра мнѣ нигдѣ видать Стіхами не случилось, кромѣ Сатіріческаго Горацієва, и Боало-Депреова. Можетъ она быть и Лиріческая и Героіческая.

§ 22.

Просевтіческая. Есть Поэма, которою или о чемъ нибудь Бога молимъ, или ему какіи обѣты творимъ, или чего у высочайшихъ лицъ просимъ. Можетъ она сочиняема быть и Гексаметрами, и Строфами. Примѣръ ея у Сарбіевія въ Кн. 20, который весь весьма достоинъ есть чтенія.

§ 23.

Апологетическая. Сія бываетъ повѣствованіемъ разговаривающихъ между собою звѣрей и бездушныхъ тварей, ради исправленія человѣческихъ нравовъ, искорененія, и обличенія злонравныхъ. Примѣры сихъ Поэмъ у Федра, который Эзоповы фабулы изобразилъ Іамбическимъ Сенаріемъ. На нашемъ языкѣ могутъ сіи басенки сочиняться всякимъ родомъ Стіховъ; но мнится, что имъ быть Строфами не весьма прилично.

§ 24.

ПАРНАСЪ. ФЕБЪ. МУЗЫ.

ихъ имена и должности.

Съ Авзоніевыхъ Гексаметровъ Тетраметрами.

Кліа точны бытія
Въ память предаетъ поя.
Мелпомѣна восклицаетъ,
И въ Трагедіи рыдаетъ.
Таліа, да будетъ правъ:
Осмѣхаетъ въ людяхъ нравъ.
Пажить, рáвро жатву сéрпа,
Во свирѣль гласитъ *Эвтерпа*.
Гуслей *Терпсіхора* звукъ
Соглашаетъ разный вдругъ.
Эрата смычкомъ, ногами,
Скачетъ также и Стіхами.

Уранія звѣздъ предѣлъ
Знаетъ свóйство и раздѣлъ.
Калліопа всѣхъ трубою
Чтитъ Героевъ всезлатою.
Упражняясь наконецъ
Въ преклоненіи сердецъ
Полигимнія нарядно,
И, вѣщаетъ все, изрядно.
Движетъ превыспренній *Умъ*
Музъ сихъ, купно оныхъ шумъ:
Посреднѣ *Фебъ* самъ внемлетъ,
А собою все объемлетъ.

—

§ 25.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Краткое сіе руководство, но, по моему мнѣнію, весьма есть довольное къ изъясненію всего Способа въ составленіи нашихъ Стіховъ, для того что оно полное. Нѣтъ ничего, что до того касается, которое опущено бъ было: все представлено, и самымъ яснымъ, по возможности, образомъ истолковано. Всякъ искусный видитъ, что сей Способъ къ сложенію нашихъ Стіховъ есть тотъ же самый, который былъ изданъ въ 1735 годѣ; но дополненный и исправленный нынѣ. Отъ нѣкотораго времени

слухъ носится, что бутто охотники жалуются на наше Стіхотвореніе, именно жъ для того, что оно разнящееся такъ, что они не знаютъ, чему послѣдовать, и на чемъ утвердиться. Можетъ быть жалуются они на разность нашего нынѣшняго Стіхотворенія по сей причинѣ, что въ прямыхъ и существенныхъ нашихъ Стіхахъ видятъ они нынѣ при Хорећ и Стóпу Іамбъ; а тогдашній мой способъ представлялъ токмо Хорея: видятъ и Сочетаніе Стіховъ; но первый мой Способъ токмо что объ немъ упомянулъ, давъ ему то имя, а въ дѣйство въ однихъ пѣсенкахъ произвелъ: видятъ наконецъ и во всѣхъ малыхъ Стіхахъ Стóпы, коихъ, по оному моему Способу нé-было въ оныхъ. Признаваюсь искренно, симъ тогдашній мой Способъ былъ недостаточенъ: чего ради, въ семъ весь оный недостатокъ дополненъ и исправленъ. Впрочемъ да не мнятъ охотники, что сей Способъ есть разный отъ перваго: ибо на томъ же Тоническомъ Количествѣ слоговъ, что есть душа и жизнь всего нашего Стіхотворенія, есть основанъ. Хотя Хорей, хотя Іамбъ, хотя Дактиль, или Анапестъ употребится въ дѣло; но во всѣхъ сихъ Стопахъ тотъ есть слогъ долгій, на который сила бьетъ. Да предпочитается Іамбъ, понеже въ нѣкоторыхъ такое есть благоволеніе; однако и Іамбъ утверждается, во всѣхъ нашихъ нынѣшнихъ Стіхахъ, на моемъ Количествѣ слоговъ, какъ то видно въ стіхотворческихъ сочиненіяхъ на свѣтъ изданныхъ, и какъ предло-

жено мною въ семъ Способѣ. Правда, весь сей Способъ составленъ какъ не тѣми словами (выключая Техническія званія) кои были въ первомъ, такъ и не такимъ поряткомъ: но грунтъ и основаніе есть все тожъ, и за тѣмъ и онъ самъ весь тотже, да только, повторяю, дополненный и исправленный. Мню, что позволено всякому свое пересматривать, дополнять, исправлять, и въ совершеннѣйшемъ видѣ выдавать Обществу.

МНѢНІЕ

О НАЧАЛѢ ПОЭЗІИ И СТІХОВЪ

ВООБЩЕ.

МНѢНІЕ

О НАЧАЛѢ ПОЭЗІИ И СТІХОВЪ ВООБШЕ.

Какъ живописная картина; такъ Поэзія: она есть словесное изображеніе. Презрядно, по́слѣ Горація, употребляется Поэзія живописи: но Стіхъ я уподобляю краскѣ, употребленной на живопись. Что изображено краскою, весьма есть различно отъ нея; равно и Поэзія всеконечно есть не Стіхъ: сей есть какъ краска, а Поэзія, какъ изображенное ею. Чего ради, нѣкто Эрізій Путеанскій написалъ основательно: Иное быть Піитомъ, а иное Стіхи слагать.

Но много есть мнѣній о первоначаліи Поэзіи; а о началѣ Стіха почитай нѣтъ ни единаго; ибо многіи, пишучи о первоначаліи Поэзіи, иногда сливали ея съ Стіхами. Нашъ языкъ весьма сему подверженъ, когда Поэзію называетъ Стіхотвореніемъ, хотя впрочемъ прямое понятіе о Поэзіи есть не то, чтобъ Стіхи составлять, но чтобъ творить, вымышлять, и по-

дражать. Твореніе, есть расположеніе вещей по́слѣ оныхъ избранія; вымышленіе, есть изобрѣтеніе возможностей, то есть, не такое представленіе дѣяній, каковы они сами въ себѣ, но какъ они быть могутъ, или долженствуютъ; а подражаніе, есть слѣдованіе во всемъ естеству описаніемъ вещей и дѣлъ по вѣроятности и подобію правдѣ. Всякъ видитъ, что Стіхъ есть все не то: твореніе, вымышленіе, и подражаніе есть душа и жизнь Поэмы; но Стіхъ есть языкъ оныя. Поэзія есть внутреннее въ тѣхъ трехъ; а Стіхъ токмо наружное. Можно творить, вымышлять, и подражать Прозою; и можно представлять истинныя дѣйствія Стіхами. Первое здѣлалъ Іоаннъ Барклаій въ своей Аргенідѣ, и Фенелонъ въ Телемакѣ; а другое Лука́нъ въ описаніи Фарсаліческія брани: посему, первыи оба Піиты, хотя и прозою писали; но послѣдній есть токмо Стіхотворецъ, даромъ что онъ пѣлъ Стіхами. Сіе разумѣніе есть Арістотелево; онъ въ своей Поэзіи, переведенной Александромъ Павійскимъ, въ главѣ 7 опредѣляетъ: «Стіхъ «и Проза не различаютъ Історіка съ Піитомъ: «ибо хотя Геродотова Історія и Стіхами будетъ «сочинена; однако она всегда будетъ, какъ и «прежде, Історіею. Но симъ они между собою «разнятся, что Історікъ дѣянія *какъ были*, *а «Піитъ, какъ оныя быть могли*, предлагаетъ.»

Отъ сего, что Піитъ есть творитель, вымыслитель и подражатель, не заключается, чтобъ онъ былъ Лживецъ. Ложь есть слово противъ

разума и совѣсти, то есть, когда или разумъ прямо не знаетъ, такъ ли есть то, что языкъ говоритъ, или когда совѣсть точно извѣсна, что то не такъ, какъ уста блядословятъ. Но Піитическое вымышленіе бываетъ по разуму, то есть, какъ вещь могла быть, или долженствовала. Піитъ также есть и не мастеровый человѣкъ: всякій художникъ дѣлаетъ разнымъ способомъ отъ Піита. Творить по Піитически, есть подражать подобіемъ вещей возможныхъ, истинныхъ образу. Но другія художества рукомесленныя такъ дѣла свои представляютъ, какъ они прямо и дѣйствительно въ естествѣ находятся, или въ какомъ состояніи находились. «Возможность Піитическая есть возможность «Філософская, разумомъ доказываемая; но воз- «можность художническая, есть возможность «равно какъ Історическая, коя повѣствуется, а «отъ художниковъ, бутто какъ истиннымъ по- «вѣствованіемъ, механически производится, и не- «тинно представляется.» Впрочемъ, Піиты называются еще и Прорицателями. Древніи предали, что они о будущемъ предвозвѣщали, бывши наполнены иногда Божественнымъ духомъ.

И такъ, нѣтъ сомнѣнія, что иное есть Поэзія, а иное со всѣмъ Стіхосложеніе. Но той и другому было между человѣками начáло. Видно по всему, что Поэзія родилась съ человѣками, или въ нѣкоторыхъ влита свыше по мѣрѣ ихъ силъ. Чего ради Ціцеронъ въ словѣ за Архія Піита утверждаетъ говоря, «что Піитъ отъ са-

«маго естества силу себѣ получаетъ, дѣйствіемъ «ума возбуждается, и какъ нѣкоторымъ боже- «ственнымъ одушевляется духомъ:» ибо каждый, какъ животное разумное, можетъ творить, вымышлять, и подражать, всежъ то, иной способнѣе, а иной не столько. Но видно и сіе, что Стіхъ есть человѣческое изобрѣтеніе въ различіе обыкновенному ихъ слóву. Къ сему могли найтись многія побужденія; а между прочими и отмѣна отъ всѣхъ прочихъ вѣщанія. Посмóтримъ для сего, какое приписываютъ первоначаліе Поэзіи, и какому ему быть по правдѣ должно, дабы увидѣть, кто есть начало Стіху: то есть, какому состоянію и чину человѣкомъ прилпчнѣе было восхотѣть отмѣнить себя словомъ отъ прочихъ.

Въ баснословіи приписывается изобрѣтеніе Поэзіи Аполліну, пóслѣ какъ онъ убилъ змія Пітóна, вскорѣ по Девкаліоновомъ потóпѣ. Мнѣніе сіе весьма темно: а хотя оно и полагаетъ изобрѣтенную Поэзію въ отдаленной древности; однако пóслѣ потóпа. Но Поэзія всеконечно была прежде, какъ то мы увидимъ нúже. Нѣкоторыи отдаютъ сіе изобрѣтеніе Дéльфическому его отвѣту. А понеже отвѣтъ сей произноси́мъ былъ устами Жрицыными и Стіхами; то сіе можетъ токмо разумѣться о соединенной Поэзіи съ Стіхами, а не объ одной Поэзіи. Впрочемъ, не только Поэзія но и Стіхи старѣе отвѣтовъ: отвѣты начались уже́, по большой части, тогда, когда человѣки начали жить въ обществѣ.

Полагается еще Изобрѣтателемъ Поэзіи Бакхусъ, для того что онъ давалъ отвѣты прежде еще Аполліна. Посему, и сіе разумѣть должно больше о Стіхахъ съ Поэзіею. Отдается сія честь изобрѣтенія и Египетскому Озіріду. Но сей Озірідъ многими пріемлется, особливожъ изъ Хрістіанъ Евсевіемъ, а изъ язычниковъ Діодоромъ Сіцілійскимъ за Греческаго Фе́ба, или Аполліна, и потому, что говорено объ ономъ Греческомъ бошкѣ въ разсужденіи сего; то самое должно разумѣть и о семъ Египетскомъ. Повѣствуютъ, что Поэзію изобрѣлъ нѣкто Македонянинъ, именемъ Піерідъ, и оной дочерей своихъ обучилъ, а за сіе отцемъ названъ Музъ, называемыхъ отъ его имени Піерідскими, или Піерідовнами. Но кто онъ, о семъ точно неизвѣсно. Можетъ быть, что онъ токмо въ бо́льшее употребленіе ввелъ Поэзію въ Македоніи, и воспѣвалъ съ дочерьми своими ходя по улицамъ какіе нибудь пѣсни сочиненные Стіхами, на подобіе Французскихъ Водевілей; а для того не можно сего инако разумѣть, какъ токмо о соединенной же уже́ Поэзіи съ Стіхами. Орфей и Амфіонъ, изъ которыхъ первый уставоположникъ и священноначальникъ Ѳракійскій, а другой Тебанскаго го́рода создатель, равнымъ же образомъ изобрѣтателями почитаются Поэзіи: ибо по пѣснямъ одного Тігры и свирѣпыи Звѣри плясали, другаго жъ по сладости гласа сами камни на стѣны всходили, и клали себя порядочно. Сіе значитъ, что они оба живущихъ по лѣсамъ

людей собрали въ едино уговоривши краснорѣчіемъ, умяхчили дикіи ихъ нравы наставленіями и просвѣтили разумъ, да и ввели порядочное сожитіе уставами. Однако, больше сіе принадлежать можетъ до Стіховъ при Поэзіи, которыя начало еще долженствуетъ быть отдаленнѣйшее.

Мудрыи люди, начало Поэзіи сводятъ съ неба, утверждая, что она влита въ человѣческіи разумы отъ Бога, какъ то я далъ знать выше; а сіе и всеконечно есть праведно. Чего ради Эннiй и называетъ Піитовъ *Святыми*, по свидѣтельству Ціцеронову въ словѣ за Архія Піита. Тажъ причина, что и Овідій признаваетъ нѣкоторое вдохновеніе свыше въ Піитовъ, говоря въ шестой своей книгѣ о Фастахъ: «Есть Богъ «въ насъ, и его движеніемъ мы воспламеняем«ся: устремленіе сіе имѣетъ сѣмена святаго Ума.» По силѣ сего, древніи намъ предали, что Поэзія была священнѣйшею и первѣйшею Філософіею, которая съ начала вѣковъ образу житія научала, путь показывала къ добродѣтелямъ, и провождала по немъ; а особливо, прославляла Бога, и Его Величіе и свойства. Основательно Платонъ написалъ въ третіей своей книгѣ объ уставахъ говоря: родъ Піитовъ есть Божественный. Также и блаженный Августінъ написанное нѣгдѣ оставилъ: первыи Піиты Теологами названы, для того что они многое о бессмертномъ Богѣ воспѣвали. Симъ же почитай самымъ образомъ и упомянутый Платонъ въ Фе-

дрѣ утверждаетъ еще: Піиты, Божескимъ благодѣяніемъ поданныи, многую пользу Грекамъ принесли. Такъ и на другомъ мѣстѣ Овидій еще жъ говоритъ: мы священными Піитами, и Божескимъ попеченіемъ именуемся. Такъ и Лука́нъ восклицаетъ: О! Священный, и великій всѣхъ Піитовъ трудъ. И поистиннѣ, нѣтъ труда, который бы бо́льшею ума силою и сильнѣйшимъ духа напряженіемъ и стремительствомъ былъ производи́мъ, коль оныя высокія Піитовъ размышленія!

Хотя жъ и все сіе бесспорно, однако все сіе полагаетъ Поэзію, по изобрѣтеніи ея употребленную уже́ въ дѣло, и съ Стіхами соединенную. Праведно утверждается, что она влита въ человѣческіи разумы отъ Бога. Но кто первый изъ человѣковъ ощутилъ въ себѣ такую способность, и на́чалъ творить, вымышлять, и подражать естеству? Для сего надобно взойти до первыхъ человѣковъ. Священное писаніе, въ книгѣ бытія, въ гл. 4. стіхъ 21. предъизъявляетъ, что Іувалъ, ме́ньшій братъ Іовіла, начавшаго жить въ кибиткахъ и упражняться въ пастушеской должности, прежде пото́па, и не много по́слѣ созданія Свѣта, есть показатель Пѣвни́цы и Гуслей. Чего жъ больше? Сей есть точно первый изъ человѣковъ, который ощутилъ въ себѣ оное божеское дви́женіе въ разумѣ. Сей есть са́мый первый Піитъ, и первый Музыкантъ. Пѣвни́ца тропологічески означаетъ Пѣснь, (ибо мнится, что безъ нужды бъ священный

Писатель одну Мусікію изобразилъ двумя інструментами) и слѣдовательно Поэзію, а Гусли Мусікію. Надобно ему было сперва пѣть какую нибудь матéрію; надобно, чтобъ сія матерія имѣла начáло, средину и конецъ; надобно, чтобъ все сіе сходствовало съ тѣмъ, что его окружало: то есть, надобно ему было творить, вымышлять, и подражать такъ и столько, какъ и сколько онъ что зналъ, видѣлъ и понималъ. Невѣроятно, чтобъ сія его Поэзія была сперва Стіхами: первая мысль обыкновенно приводитъ къ подобной другой, поемая жъ матерія (ибо Поэзія его природно долженствовала состоять въ пѣсенкахъ) прямо могла его довесть до исправнѣйшія Мусікіи, а не до состава Стіха: слабость, какова могла быть вначáлѣ Мусікіи, могла подать мысль пóслѣ о сладости рѣчи, о которой, чтобъ дать ей оное совершенство, надобно было долго еще размышлять; но съ него довольно быть могло творенія, вымышленія, и подражанія поемаго, а при томъ еще и пріигрываніе на Гусляхъ. И такъ, пѣлъ онъ первый твореніе свое, вымышленіе и подражаніе; да еще иногда соглашалъ свое Пѣніе и съ Гуслями.

Нѣкоторыи его таварищи и сверсники, такіи жъ пастухи стадъ, какъ и онъ, (ибо безъ сомнѣнія жизнь его подобна жизни заведенной отъ большáго брата) начали у него перенимать, и ему въ томъ слѣдовать. Вотъ же Поэзія и Мусікія отъ пастуха къ пастуху переходя, дошла

и до Но́я, и до Ноевыхъ дѣтей. Потомъ Міръ весь потопленъ; но не весь родъ Человѣческій. По́слѣ пото́па первая жизнь была ра́вно жъ пастушеская; первыи пастухи возобновили преданную отъ Іувала Поэзію и Мусікію, не стараясь еще усладить свою рѣчь Стіхами, которыи не могли имъ вдругъ притти на мысль. Между тѣмъ умножаются Человѣки, удаляются, по столпотвореніи, другъ отъ друга, расходятся по лицу земли́; иныи забываютъ Сотворшаго, и вмѣсто Его тварямъ покланяются, а чрезъ то родъ Человѣческій сталъ состоять изъ двухъ поклонниковъ, изъ вѣрующихъ и язычниковъ: но всѣ пастушескія жизни не отлагаютъ, и долго еще не отложили. И такъ, Поэзія и по пото́пѣ осталась при пастухахъ, какъ нѣкоторое наслѣдіе: ибо они ея изобрѣтатели, и распространители.

Того ради, праведно говоритъ Господинъ де Фонтенель въ красной своей рѣчи о натурѣ Эклоги: «Пастушеская Поэзія есть древнѣйшая «изъ всѣхъ Поэзій, для того что пастушеское «Состояніе есть старѣе всѣхъ состояній. Весьма «вѣроятно, продолжаетъ онъ, что первыи па«стухи вздумали въ спокойствіи своемъ и въ «празности, пѣть увеселенія свои и любовь; да «и вводили они по пристойности часто въ тѣ «пѣсни стада́ свои, лѣса́, источники, и всѣ ве«щи, кои знакомѣе имъ были.» И такъ, распространеніе Поэзіи здѣлалось отъ пастуховъ разныхъ племенъ, а са́мое нача́ло произошло отъ

Іувала Ламехова сына пастуха жъ. Сія есть и причина, что Евсевій Памфіловъ въ 11 Книгѣ о предуготовленіи Евангельскомъ утверждаетъ говоря, что «какъ все прочіе презящные нау-«ки и знанія отъ Евреевъ, такъ и сія благо-«роднѣйшая отъ нихъ же проистекла, и до ны-«нѣшняго времени, отчасу бо́льшее полу́чая совершенство, достигла. По сему Евсевіеву мѣ-сту, можно ясняе видѣть истинну, сказаннаго Ролленемъ въ предисловіи на всю древнюю свою Исторію на страницѣ III, гдѣ онъ говоритъ слѣ-дующее моимъ переводомъ: «Узнаваемъ по ней «(по Исторіи) слѣдуя за тѣми (за науками) пов-«сюду, ихъ нача́ло, и приращеніе, и видимъ «съ удивленіемъ, что чемъ больше приближа-«емся къ мѣстамъ, гдѣ Ноевы дѣти жили, то «больше находятся науки и знанія въ совер-«шенствѣ: а на противъ того, оныя кажутся «быть забыты, или презрѣны у тѣхъ народовъ, «которыи отъ нихъ были въ бо́льшемъ отдале-«ніи, такъ что, когда надобно стало ихъ возоб-«новлять, то надлежало восходить къ ихъ ис-«точнику, изъ котораго оныя проистекли.»

Нашедши прямое нача́ло Поэзіи, попщемъ те-перь вѣроятнаго, буде не достовѣрнаго, нача́ла Стіху, дабы сей соединить съ оною. Много уже́ людей скитается съ мѣста на мѣсто по степямъ. Житіе ихъ еще особенное: въ каждой фаміліи главнымъ есть Отецъ; онъ ей Царь, Священ-никъ и Учитель. Но одна фамілія была много-людняе другой, и слѣдовательно сильняе. И

такъ сильнѣйшій истреблялъ безъ всякія опасности бессильнаго, ежели въ томъ состояла его польза. Разумнѣйшіи увидѣли, что то смертоносный вредъ: надобно стало всѣхъ въ округѣ Фамілій соединить пользу, и для того оные совокупить въ едино Общество. Но надобно было всѣхъ преклонить прежде къ оставленію особеннаго пребыванія, показавъ имъ знатнѣйшую пользу въ общемъ сожитіи. Уговариваніе сіе не могло быть безъ слова, и слова еще такова, которое было бъ совокупно и сильно, и сладосно. Силу слову могла дать изобрѣтенная уже Поэзія; но сладость не могла быть въ словѣ безъ нѣкотораго различія. Весьма вѣроятно, что сія нужда первымъ онымъ Політикамъ дала случай къ различенію въ реченіяхъ долгихъ и краткихъ слоговъ, мѣряющихся Временемъ, при ихъ Ударенін (которому не возможно было съ самаго начала вѣщанія не быть, ибо не возможно ни слога токмо выговорить безъ напряженія голоса) возвышеніемъ звона; а чрезъ то къ нѣкоторому немѣрному роду Стіха. Такая рѣчи сладость, неслыханная еще по то время, могла чувствительнѣе поразить человѣческія сердца, толь наипаче, что она соединена съ твердостію доказательствъ, именно жъ съ Поэзіею, для того что бесспорно она есть самая первая человѣческая Софія, то есть, Мудрость. И такъ, я полагаю, что первый опытъ Стіховъ здѣлали первѣйшіи Мудрецы, и Уставоположники. Сей опытъ не могъ быть сперва-самаго во

всемъ своемъ совершенствѣ. надобно было время къ приведенію того въ крайнюю исправность: первая мысль, приводя къ подобной, дѣлаетъ во второй премѣны или исправленіемъ, или прибавленіемъ, или уменьшеніемъ.

Однако, Общества ужé начались: наступили и обывателямъ, то есть, членамъ Общества, другія обстоятельства. Городы повсюду застроены, и построены. Здѣлались и пространные и сильные области. Разность какъ преимуществъ, такъ достоинствъ и сóстояній завелась и утвердилась. Между сими нѣкоторое непосредственное, по верьховной Власти, а часто и соединенное съ нею, предъ всѣми прочими предшествовать нáчало: Сіе есть Священническое. Должность сего была чина, молить Бога о благосостояніи, призывать Его въ пóмощь, славословить величіе Его, умилостивлять Его жертвами, благодарить Ему за благодѣянія, и наставлять народъ о достодолжномъ къ Нему почтеніи. Такихъ особъ не могли люди не почитать мудрѣйшими прочихъ. Все въ нихъ было отмѣнное отъ другихъ: житіе, поступка, одѣяніе; въ собраніяхъ мѣсто, почтеніе, сила; привеликое во всѣхъ мнѣніе объ ихъ просвѣщеніи разума, и слѣдовательно крайняя имъ отъ тѣхъ повѣренность. При толикой имъ чéсти, отмѣнѣ, и мнѣніи объ нихъ, надлежало имъ всячески стараться, что не токмо не дать причины къ умаленію себѣ того, но и отчасу болѣе подавать случай къ умноженію онаго, или, по крайней

мѣрѣ, къ содержанію всего на одной безвредно степени. Отмѣняли они и сами себя всѣмъ обхожденіемъ отъ прочихъ, чтобъ стоять всегда твердо на оной. Вѣроятно, и почти достовѣрно, чтобъ восхотѣть имъ себя отличить отъ множества и словомъ. Съ одной стороны Величество провозвѣщаемаго и превозносимаго ими невидимаго Существа, (а сіе какъ въ истинномъ, такъ и въ ложномъ Богочтеніи, для того что и Ідолопоклонники отдавали честь Божеству подъ видомъ и именемъ многихъ божествъ, не смысля, что многобожіе есть совершенное безбожіе) а съ другой и собственное честолюбіе, какъ то невозможно, чтобъ того въ нихъ не-было, а оно всегда зритъ и почитаетъ себя быть лучше прочихъ, ибо самомнительное, приводили ихъ къ тому. Вѣдома ужѐ Поэзія, коя весьма способна прославлять и показывать великость: но слово ея высотою токмо отмѣнно отъ обыкновеннаго. При высотѣ надобна и нѣжная сладость, чтобъ не токмо поражать, но и внѣдряться во внутренность сердецъ. Къ сей путь показанъ отъ первѣйшихъ Законоположниковъ чрезъ различеніе въ словахъ долгихъ и краткихъ слоговъ. Изрядный и дѣйствительный способъ, но не совершенный. Чего жъ тутъ не доставало? Повторенія по взвѣснымъ мѣстамъ оныхъ долгихъ и краткихъ совокупно слоговъ, и сему Повторенію опредѣленныя Мѣры, коя долженствовала быть средственная по равномѣрности человѣческаго духа, дабы выразнѣе

произноситъ всякій составъ рѣчи, и чрезъ то дѣйствительнѣе возбуждать человѣческія сердца и наставлять разумы.

Мнится, что нѣ-было другія причины къ изобрѣтенію Стіховъ, названныхъ тогда, или потóмъ, Гексаметрами, Пентраметрами, Тетраметрами и Діметрами, смотря по различію матетій произносимыхъ или поемыхъ, и къ изобрѣтенію тѣхъ не другимъ кому, но токмо и точно (1) Священствующимъ. Вотъ же придана къ высотѣ Поэзіи и совершенная сладость и красо-

---

(1) Сіе равнымъ образомъ я разумѣю и о нашихъ сáмыхъ первоначальныхъ Стіхахъ: вѣроятно по всему, что и наши поганскіи Жрецы были первыми у насъ Стіхотворцами. И хотя нѣтъ ни одного оставшагося у насъ обрасчика языческія нашея Поэзіи, однако видно и нынѣ по мужицкимъ пѣснямъ, что древнѣйшіи Стіхи наши, бывшіи въ употребленіи у Жрецовъ нашихъ, состояли Стопáми, были безъ Ріѳмъ, и имѣли Тоніческое количество слоговъ, да и односложныя слова́ почитались по вольности общими. Стопы по большой чáсти въ нихъ или Хорей, или Хорей съ Дактілемъ, или одинъ Дактіль; также Іамбъ или Іамбъ съ Анапестомъ, или одинъ же Анапестъ, а по вольности за Хорея и Іамба полагается Стопа Ширріхій. Прошу читателя не зазрить меня и извинить, что собщаю здѣсь нѣсколько отрывчепковъ отъ нашихъ подлыхъ, по коренныхъ Стіховъ: дѣлаю я сіе токмо въ показаніе примѣра.

ХОРЕЙ:

Отста	вала	лебедь	бѣла	я
Какъ отъ	стáда	лебе	дино	ва.

та, то есть, количество слоговъ и мѣра, ограниченная Стопами. Начала́ Поэзія Стіхомъ уже́ быть предлагаема или воспѣваема. Умножены празднованія, умножены служенія, умножены и пѣсни. Прославилась вящше Стіховная Поэзія: бо́льшее къ ней прилѣжаніе отчасу прилагается. Ею превозносится божество; ею прорицается истинно отъ правыхъ, ложно отъ льстецовъ; ею преподаются наставленія о добродѣтельномъ житіи; ею и законы преднаписуются: словомъ, все самое важное и превеликое ею объемлется,

---

ХОРЕЙ СЪ ДАКТІЛЕМЪ:

У ко	лодезя,	у сту	денова,
Доброй	мо́лодецъ	самъ ко	ня поилъ,
Кра́сна	дѣвица	воду	черпала.

ДАКТІЛЬ:

Ярка пе	ярка, ба	ранъ не ба	ранъ
Стара О	вечка не	ярина	чка

ІАМБЪ:

Дале́	че охъ	дале́	че во	чистомъ	полѣ
Нетрав	ка не	мурав	ка за̀	шата	ласа.

ІАМБЪ СЪ АНАПЕСТОМЪ:

Не шуми	мати	зеле́	на дубро	ва,
Не мѣшай	цвѣсти	лазо	реву цвѣ	ту.

АНАПЕСТЪ:

Ой ты по	люшко по	люшко чи	сто,
Ничево	мнѣ ты по	ле не ро	дило,
Охъ ты ро́	дило толь	ко Роки	товъ кустъ,

пока наконецъ, по многихъ вѣкахъ, употребили ужé ея и на мирскіе многіе потребности, отвративши отъ перваго установленія. Симъ образомъ соединенную Поэзію съ Стіхами, то есть, начало Стіховныя Поэзіи преизрядно описываетъ Роллень, въ самомъ началѣ вторагонадесять Тóма древнія своея Історіи. Я рассудилъ заблаго все оное его описаніе внесть сюда, и тѣмъ окончить сіе сочиненіе. Уповаю, что оно не непріятно будетъ Читателямъ, какъ нѣжное, высокое и праведное.

«Сіе достовѣрно, говоритъ онъ, когда рассуж-«дается о Поэзіи въ чистотѣ перваго ея уста-«новленія, что найдена она сперва на засвидѣ-«тельствованіе божественному Величеству всеоб-«щаго почтенія поклоненіемъ и благодареніемъ, «и притомъ въ наученіе человѣковъ самымъ «важнымъ истиннамъ въ законномъ богочтеніи. «Сія наука, которая кажется нынѣ осквернен-«ная свѣтскимъ употребленіемъ, родилась по-«срединѣ празднованій, учрежденныхъ въ честь «высочайшему Существу. Въ сіи торжествен-«ныи дни (въ коп Евреи прославляли память «чудесъ, проявленныхъ богомъ Ізраилевымъ «въ ихъ пользу, и въ которыи, будучи сво-«бодны отъ своихъ трудовъ, попускались они въ «непорочное и необходимое веселіе) все гремѣло «священными пѣснями, которыхъ слогъ благо-«родный, высокій, и величественный сходство-«валъ съ Величіемъ Бога, прославляемаго оны-«ми. Неисчетное множество живыхъ красотъ и

«одушевленныхъ въ сихъ божественныхъ пѣ-
«сняхъ! Рѣки возвращаются вспять къ своимъ
«истокамъ; моря разступаются и убѣгаютъ; хол-
«мы скачутъ, го́ры таютъ, какъ воскъ, и исче-
«заютъ; небо и земля слушая внушаютъ съ по-
«чтеніемъ и въ молчаніи: все естество прихо-
«дитъ въ движеніе, и колеблется отъ лица сво-
«его Зиждителя.

«И какъ простый человѣческій гласъ не могъ
«снесть бремя толь дивныхъ чудесъ, и казался
«народу преизлишно слабымъ къ изъявленію
«сильнѣйшимъ образомъ чувствій благодаренія
«и поклоненія, коихъ онъ былъ преисполненъ;
«то онъ призывалъ въ свою́ по́мощь гремящій
«звукъ тімпановъ, трубъ, и другихъ Мусікій-
«скихъ орудій. Вступая еще въ нѣкоторый родъ
«восторга и восхищенія законнаго, восхотѣлъ
«онъ, чтобъ и тѣло воспріяло участіе въ свя-
«томъ веселіи души́ устремленными, но сличны-
«ми движеніями, дабы въ человѣкѣ все отдава-
«ло почтеніе божеству. Сіи были нача́ло Мусі-
«кіи, Плясанію, и Поэзіи.

«Кой человѣкъ, одаренный знаніемъ силы въ
«вещахъ, хотябъ онъ и не́-былъ исполненъ по-
«чтенія къ Священнымъ Книгамъ, и читалъ бы
«Моісеевы Пѣсни ра́вно такъ, какъ Піндаровы
«Оды, не будетъ принужденъ признаться, что
«Моісей, вѣдомый намъ какъ первый Законо-
«давецъ въ Свѣтѣ, есть совокупно и высочай-
«шій изъ Піитовъ? Въ писаніяхъ его начинаю-

«щаяся (1) Поэзія является вдругъ совершенная, «для того что самъ Богъ оную въ него вдыхаетъ, ибо необходимость къ достиженію совершенства по степенямъ, есть способъ соединенный съ художествами, изобрѣтенными отъ человѣковъ. Пророки и Псалмы представляютъ предъ насъ еще подобныя жъ образцы: «въ нихъ блещетъ своимъ величественнымъ сіяніемъ оная существенная Поэзія, возбуждающая благополучные страсти, умиляющая серца, а не прельщающая, угождающая намъ, а не благопріятствующая нашимъ слабостямъ, привѣтствующая насъ, но не забавляющая сказаніями бесплотными и смѣшными, подающая наставленіе безъ отвращенія отъ себя, приводящая насъ въ познаніе Бога, но не представля-

(1) Сіе можетъ разумѣться такъ, что начиналась тогда соединенная съ Стіхами Поэзія у исшедшаго изъ Египта Еврейскаго народа: но у Египтянъ ужъ быть ей надлежало, хотя мы и не знаемъ въ отдаленной и и преглубокой сей древности ихъ Піитовъ: ибо уже у нихъ были городы, области, законъ, и слѣдовательно законники, которыи долженствовали, по тогдашнему, употреблять Поэзію. Самъ Богъ далъ Славное засвидѣтельствованіе въ дѣяніяхъ въ главѣ 7. стіхъ 22. что Моисей изученъ былъ всей премудрости Египетской, слѣдовательно и Поэзіи, какъ первенствующей тогда Філософіи и Богословіи, которую онъ употребилъ толь достолѣпно, между свободившимся Евреями отъ ига, на прославленіе Свободителя ихъ, то есть, Единаго Всемогущаго Бога.

«ющая Его изображеніями недостойными боже-
«ства, удивляющая насъ всегда, но не водящая
«между пустыми чудесностями. Будучи пріятна,
«и всегда полезна, благородна смѣлыми своими
«возглашеніями, живыми начертаніями, а боль-
«ше еще проповѣдуемою и возвѣщаемою истин-
«ною, она одна достойна именоваться Божіимъ
«языкомъ.

«Когда жъ человѣки пренесли на тварь по-
«чтеніе, должное токмо Творцу; тогда и Поэзія
«слѣдовала за участію закона, однако всегда
«храня слѣды перваго своего начала. Употре-
«били ея въ началіи на возблагодареніе лож-
«нымъ богамъ, за ихъ мнимыя благодѣянія, и
«на испрошеніе отъ нихъ новыхъ. Правда,
«опредѣлили ея вскорѣ на другія употребленія;
«однакожъ, во всякое время, старались прилѣж-
«но возвращать ея къ первому оныя предѣлу.

«Гезіодъ составилъ Стіхами Родословіе Бо-
«говъ: нѣкто изъ весьма древнихъ Піитовъ со-
«чинилъ Гімны, кои обыкновенно приписыва-
«ются Гомеру: Каллімахъ потóмъ изложилъ по-
«добные жъ. Самыя сочиненія, которыя обра-
«щались въ другихъ матеріяхъ, вели и совер-
«шили заключенія помощію и споспѣшествомъ
«божественныхъ силъ. Они научили человѣковъ
«почитать боговъ за производителей всего, что
«случается въ естествѣ. Гомеръ и другіе Піи-
«ты, представляютъ намъ ихъ повсюду, какъ
«однихъ такихъ, кои имѣютъ власть надъ на-
«шею участію. Они у нихъ возносятъ и пони-

«жаютъ мужество, даруютъ и отъемлютъ благо-«разуміе, посылаютъ побѣду, и насылаютъ раз-«битіе. Ничего не дѣлается великаго и Геро́і-«ческаго безъ вспомоществованія тайнаго, или «видимаго отъ нѣкотораго божества. А изъ всѣхъ «правдъ, предвозвѣщаемыхъ намъ, сія слѣду-«щая представляется чаще, и утверждается съ «бо́льшимъ тщаніемъ, именно жъ, что Храб-«рость и Мудрость бессильны сами въ себѣ безъ «по́мощи отъ Провидѣнія Божіяго.

«Едино изъ главныхъ намѣреній Поэзіи, и «которое было какъ природное воспослѣдованіе «отъ перваго, состояло также и въ томъ, чтобъ «исправлять нравы. Чтожъ бы о семъ удосто-«вѣриться; то должно токмо взирать на соб-«ственный предѣлъ въ каждомъ родѣ Поэмъ, и «на общественныя дѣйствія Піитовъ са́мыхъ «славныхъ. Эпическая Поэма намѣрилась съ са́-«маго нача́ла подавать намъ наставленія при-«крытыя Аллегоріею важнаго и Героическаго «дѣйствія. Ода, прославлять дѣянія великихъ «людей, и чрезъ то привлещи всѣхъ другихъ «къ подражанію онымъ. Трагедія, вдохнуть въ «насъ ужасъ отъ злодѣянія смертоносными по-«слѣдованіями, кои происходятъ отъ онаго, а «почтеніе къ добродѣтели праведными ей похва-«лами и воздаяніями, которыя за нею слѣдуютъ. «Комедія и Сатіра, исправить насъ забавляя, и «воевать непримирительно на пороки и на все, «что смѣха достойно. Элегія, проливать слёзы «на гробѣ особъ, заслужившихъ сожаленіе. Эк-

«лога, воспѣвать беззлобіе и увеселенія посе-
«лянскаго и пастушескаго житія. Чтожъ хотя,
«по прошествіи временъ, и употреблены сіи ро-
«ды Поэмъ на другое; однако сіе есть вѣрно и
«извѣсно, что оные отвращены отъ природнаго
«имъ предѣла, и что съ самаго начала всѣ онѣ
«шли къ одной цѣли, а именно, чтобъ здѣлать
«человѣковъ лучшими.»

«тогда» восприятие безразлично к утверждению после-
«дующего и наступающего вслед. Итак, хотя
«по причинам времени, в которых оно ро-
«ли Пьера, на другое; однако оно есть вполне и
«всегда, что оно отдалено от предыдущего
«них времени, и что с самого начала все они
«или ко одной цели, а именно, чтобы играть
«человеком лучшим».

ПИСЬМО КЪ ПРІЯТЕЛЮ

О НЫНѢШНЕЙ ПОЛЬЗѢ ГРАЖДАНСТВУ

ОТЪ ПОЭЗІИ.

ПИСЬМО КЪ ПРІЯТЕЛЮ

О ПРІЯТНОЙ ПОЛЬЗѢ ГРАЖДАНСТВА

ОТЪ ПОЭЗІИ

ПИСЬМО КЪ ПРІЯТЕЛЮ

О НЫНѢШНЕЙ ПОЛЬЗѢ ГРАЖДАНСТВУ.

ОТЪ ПОЭЗІИ.

ГОСУДАРЬ МОЙ!

Давно ужé вамъ, уповаю, извѣсно, что употребленіе Стіховъ и Стіхотворенія весьма отдаленныя, и преглубокія есть древности; что важная ихъ должность, въ тогдашнемъ человѣческомъ Обществѣ, заслужила имъ у всѣхъ высокое почтеніе, и что Народамъ, кои наилучшій успѣхъ предъ прочими въ нихъ имѣли, пріобрѣли они крайнее прославленіе. Подлинно, отмѣннымъ симъ родомъ Краснорѣчія, Древность описывала храбрыя и славныя дѣла великихъ людей, наставляла къ добродѣте-

ли, и человѣческія исправляла нравы, Философическія предлагала догматы, полагала уставы къ полученію отъ правосудія какъ истиннаго благополучія, такъ и спокойнаго сожитія, записывала прошедшія бытія и достопамятныя приключенія, утверждала тайны, нынѣ смѣха и мерзости достойныя, тогда жъ благовѣйнаго страха и крайнія чести удостоявшіеся, языческія мнимыя богословіи: а въ Еврейскомъ народѣ и самому истинному Богу молитвы приносила, благодаренія воздавала, честь воссылала, славу и должные хвалы восписывала.

Сія многодѣльная должность Стіховъ въ Древности, и получаемая тогда отъ нихъ несказанная польза, была бъ и въ наши времена равныя важности, и толикаго жъ почтенія, ежелибъ нынѣ не отняты у Поэзіи были всѣ оныя толь высокія преимущества, наши вѣки, довольствуясь другимъ родомъ Краснословія, все то описываютъ, записываютъ, уставляютъ, утверждаютъ, прославляютъ, и украшаютъ рѣчію, данною намъ съ самаго начала нашего выговора, именно жъ Прозою: а Стіхамъ отдали токмо Оды, Трагедіи, Комедіи, Сатіры, Элегіи, Эклоги, Басни, Пѣсенки, краткіе Эпіграмы, и кратчайшіе тѣхъ при Эмблеммахъ Лéммы. Ясно вамъ видѣть можно, Государь мой, что прежде Стіхи были нужное и полезное дѣло; а нынѣ утѣшная и веселая забава, да ктому жъ плодъ богатаго мечтанія къ заслуженію не того вещественнаго награжденія, которое есть нужно къ пре-

провожденію жизни, но такóва воздаянія, кое часто есть пустая и скоро забываемая похвала и слава.

Правда, и нынѣ еще въ самыхъ Політічныхъ Народахъ, знатныя дѣянія прославившихся Монархомъ и Полководцомъ, описываютъ Стіхами; а родъ сей Стіхотворенія называется Эпіческимъ и Героіческимъ. Сіе сáмое есть сильнымъ побужденіемъ къ описанію житія, дѣлъ, глубокаго и остраго ума, добродѣтельныхъ нравовъ, и Хрістіанскихъ добродѣтелей, несравненнаго въ древности и нынѣ, преселеннаго отъ насъ, по неиспытаннымъ Судьбамъ, но съ несказанною нашею горестію, въ небо, у блаженнаго нашего Автократора и Імператора Петра, словомъ, дѣломъ, сердцемъ и умомъ Великаго, для бессмертныя его памяти: но понеже Проза великую ужé получила силу, власть и честь; то чаятельно, что и сіе толь важное дѣло возметъ на себя Історія.

И какъ вы, Государь мой, изволите мена всеприятнымъ вашимъ спрашивать, какая жъ бы нынѣ была ужé въ Поэзіи и въ Стіхахъ нужда, когда все-на-все исправляется Прозою? То имѣю честь вамъ на сіе донесть прямо, какъ обстоятельства временъ совѣтуютъ, (оставляю ужé, что Святый Іоаннъ Дамаскинъ и многіи изъ богодуховныхъ Отцевъ, послѣдовавшихъ ему, показали коликія важности и нынѣ Стіхи въ православной Церькви, для того что, какъ вамъ самимъ вѣдомо, на нашемъ языкѣ и то все, что

отъ нихъ составлено Стіхословными мѣрами, Прозою поется, и чтется) что нѣтъ поистинѣ ни самыя большія въ нихъ нужды, ни отъ нихъ всемѣрно знаменитыя пользы. Однако и притомъ утверждаю, что они надобны, и надобны по стольку между Науками украшающими разумъ и слово, по скольку между отгоняющими всякую воздушную обиду, или правѣе, между защищающими отъ оныя поселянскими хижинами, покойные, красные, и великолѣпные знаменитыхъ и пресловутыхъ городовъ палаты; или ужé, потолику между Ученіями словесными надобны Стіхи, поколику Фрукты и Конфекты на богатый столъ потвердыхъ кушаніяхъ. Много есть Наукъ и Знанія, правилами состоящихъ, доказательствами утверждаемыхъ, изъ которыхъ иныя просвѣщаютъ умъ, иныя исправляютъ сердце, иныя всему тѣлу здравіе подаютъ; а иныя украшаютъ разумъ; увеселяютъ око, утѣшаютъ слухъ, вкусъ услаждаютъ. Первыя Гражданству чрезъ познаніе спасительныя истинны, чрезъ изобрѣтеніе потребныхъ вещей, чрезъ употребленіе оныхъ благовременно, чрезъ дѣйствіе добродѣтелей, чрезъ твердость искусства крайнюю приносятъ пользу: но другія гражданъ упразнившихся на время отъ дѣлъ, и желающихъ нѣсколько спокойствія, къ возобновленію изнуренныхъ силъ, для плодоносящихъ трудовъ, чрезъ борьбу остроумныхъ вымысловъ, чрезъ искусное совокупленіе и положеніе цвѣтовъ и красокъ, чрезъ удивительное согласіе струнъ, звуковъ, и пѣнія, чрезъ вкусное смѣ-

шеніе растворенiемъ разныхъ соковъ и плодовъ, къ веселію, которое толь полезно есть здравію, возбуждаютъ, и на дѣла потомъ ободряютъ. Нѣтъ труда, чтобъ предпріемлемъ былъ не для какія пользы; но нѣтъ и краткія празности, которая отвращалась бы отъ спокойствія и утѣхи. И такъ, въ какой бы вы классъ, изъ всѣхъ Наукъ и Знаній, ни положили Поэзію, вездѣ найдете ее, что она не безъ потребности и нынѣ. Все что они есть доброе, большу́ю или не весьма великую приносящее пользу, и приводящее въ славу, знать и умѣть по всему есть похвально, а часто и прибыточно.

Я изъ глубины се́рдца желаю, чтобъ, хотя нынѣ сія не весьма и всеконечно надобная, но целыи Народы громко и прочно, да и больше, можетъ быть, нежели все иное, и едваль меньше, коль и Пальма, полученная за доблественныя дѣянія воспѣваемыя ею въ роды, прославляющая Наука, здѣсь процвѣла и Эпіческою доброгласною Трубою, какъ цвѣтетъ уже́ нѣкоторыхъ струнъ звономъ; а съ другой стороны́, отнюдъ не совѣтую вамъ, какъ то знаю вашу склонность, чтобъ Стіхамъ быть только и дѣломъ единственно вашимъ, или бъ они приносили препону чему нибудь важнѣйшему. При отдохновеніи вашемъ отъ порученныхъ вамъ попеченій о твердѣйшемъ и плодоноснѣйшемъ, да будутъ они токмо честною забавою: ни лучше, по моему мнѣнію, ни похвальнѣе, еще и ни безвреднѣе время ваше препроводить вы не воз-

можете. Симъ образомъ и гуляніе ваше будетъ иногда Обществу полезно. Впрочемъ остаюсь съ надлежащимъ почтеніемъ,

Вашъ, Государя моего,

Покорный слуга В. Т.

НѢСКОЛЬКО ЭЗОПОВЫХЪ БАСЕНОКЪ

ДЛЯ ОПЫТКА

ГЕКСАМЕТРАМИ

ІАМБІЧЕСКИМЪ И ХОРЕІЧЕСКИМЪ СОСТАВЛЕННЫХЪ.

БАСЕНКА I.

ПѢТУХЪ И ЖЕМЧУЖИНА.

Пѣтухъ взбѣгъ на навозъ, а рыть начáвъ тотъ вскорѣ,
Жемчужины вотъ онъ дорылся въ ономъ сорѣ.
Увидѣвши ея: что нужды, говоритъ,
Мнѣ въ этомъ дорогомъ, что глазъ теперь мой зритъ?
Желалъ бы лучше я найти зернó Пшеницы,
Которую клюемъ дворовые мы Птицы:
Ктому жъ, мнѣ на себѣ сей вещи не носить;
Да и не можетъ та собой меня красить.
И такъ, другимъ она пусть кажется любезна;
Но мнѣ, хоть и блеститъ, нимало не полезна.

—

БАСЕНКА II.

МУХА И МУРАВЕЙ.

Думаючи много Муха о себѣ сама,
И притомъ же зная, что она есть не нѣмá;
Начала уничтожать Муравья словами,
А себя превозносить пышными рѣчами.
Посмотри сколь подлость, говорила та ему,
Есть твоя велика: слово-въ слово какъ въ тюрьму

Подъ-землю ты заключенъ, жить бы тамъ въ домишкѣ;
Да и ползаешь всегда только по землишкѣ,
Ищущи съ прекрайнимъ пропитанія трудомъ,
Силишкамъ же слабымъ съ неминуемыхъ вредомъ.
Но что до меня, то вверьхъ крыльями взлетаю;
И за царскимъ я столомъ многажды бываю:
Изъ златыхъ сосудовъ и серебреныхъ тожъ пью;
Слатко ѣмъ, гуляю по порфірѣ, по бѣлью,
А ктому жъ прекрасныхъ лицъ я целую щочки,
И сажусь потомъ цвѣтковъ къ нимже на пучочки.
Дмящейся тѣмъ Мухѣ отвѣчастъ Муравей:
Должно то прибавить къ роскоши еще твоей,
Что бездѣльничество всѣмъ есть твое извѣсно,
Ненависно всѣмъ оно, отъ него всѣмъ тѣсно;
Что бичи готовятъ и отраву на тебя;
И что щастье мнимо, вѣдай матка про себя,
Полгода твое то все только пребываетъ,
А зимою и съ тобой бѣдно погибаетъ.
Но я не чрезъ силу лѣтомъ для того тружусь,
Что зимой въ покоѣ ни о чемъ ужъ не крушусь.

—

БАСЕНКА III.

ЛИСИЦА ВЪ БОЛВАНЩИКОВОМЪ САРАѢ.

Въ болванщиковъ Сарай Лисица забѣжала;
Тамъ много Статуй зря съ веселія скакала.

Межъ прочими одну всѣхъ лучшею нашла:
Та женскимъ видомъ вся сработана была.
Лисица ближе къ сей нарочно приступила:
Съ ней ласковы слова̀ въ учтивости спустила:
Вотъ въ ласкѣ жъ начала̀ ея ужѐ трепать,
И съ нею ни́вѣсть какъ пріятно поступать.
Но видя ту, какъ пень, недвижиму, бессловну,
Сказала съ гнѣвомъ рѣчь сію къ ней нелюбовну:
Ты подлинно лицо красно́ какъ маковъ цвѣтъ,
Да въ головѣ твоей ни крошки мозгу нѣтъ.

—

БАСЕНКА IV.

ОБЛАКО И ЗЕМЛЯ.

Какъ изрыгнула земля изъ нутри утробы
Влажныхъ нѣсколько паро́въ для своей особы;
То въ одну тѣ кучку слившись межъ собой
клочкомъ,
Здѣлались не вдолгѣ небольши́мъ вотъ облачко́мъ;
И ужъ начали нестись къ небу по возду́ху.
Стала то Земля просить, чтобъ оно Старуху
По́мнило, котора рождшая его есть мать.
Той не заставляло бъ по себѣ всегда вздыхать;
И притомъ ея бъ оно вдругъ не оставляло:
Отъ нея сперва̀ бъ еще не вдали́ гуляло.
Но стремясь безмѣрно Облако быть въ высотѣ,
И не зря на прозьбу вознеслось вверьхъ въ
быстротѣ:

Тамъ со всѣхъ сторонъ его сильный вихрь терзаетъ;
Отъ чего то Облачко ввѣкъ и исчезаетъ.

—

БАСЕНКА V.

ПЕСЪ ЧВАНЪ.

Лихому Псу звонокъ на шею привязать
Велѣлъ хозяинъ самъ, чрезъ тобъ всѣмъ показать,
Что Песъ тотъ лютъ добрѣ; затѣмъ бы прочь бѣжали,
Иль палку бъ на него въ рукахъ своихъ держали.
Но злой Песъ мня, что то его мзда удальства,
Сталъ съ спеси презирать всѣхъ лучшаго сродства.
То видя, говорилъ таварищъ старъ годами:
Собака! безъ ума ты чванишся предъ нами:
Тебѣ вѣдь не въ красу, но данъ въ признакъ звонокъ,
Что нравамъ ты золъ, а разумомъ щенокъ.

—

БАСЕНКА VI.

ЛАСТОЧКА И ПТИЧКА.

Лишъ посѣянъ только Ленъ, то другимъ всѣмъ Птичкамъ,
Какъ то малымъ Воробьямъ, малымъ и Синичкамъ

Ласточка разумно начала напоминать,
Чтобъ тѣ съ ней потщались сѣмена съ грядъ растаскать,
Отъ которыхъ израстетъ всѣмъ трава имъ врѣдна;
Такъ что будетъ отъ нея всѣхъ ихъ жизнь ужъ бѣдна.
Но когда тѣ Птички отреклись всѣ отъ труда,
Не боясь нимало отъ сѣменъ себѣ вреда;
То она ихъ начала всѣхъ просить вторично,
Уговаривая тутъ кажду самолично,
Что хотя бъ исшедшу травку вырвали онѣ,
И худое въ оныхъ было бъ мнѣніе о Льнѣ.
Какъ же птички и сего все не захотѣли,
И тотъ Ласточкинъ совѣтъ за пустой имѣли;
То вотъ отлетѣвши отъ лѣсовъ она густыхъ,
Отъ луговъ и рощей, также и отъ мѣстъ пустыхъ,
Блиско общества людей жить и виться стала.
Льнова между тѣмъ трава къ жатвѣ поспѣвала;
Вотъ же ужъ созрѣлый на поляхъ повсюду Ленъ,
Сжатъ, измятъ, растрепанъ, и въ дѣла употребленъ:
Сѣтки люди поплели, и обманъ готовятъ
Да ужъ бѣдныхъ Птичекъ всѣхъ оными и ловятъ,
Плачущихъ, но поздо, что совѣтъ пренебрегли,
Коимъ быть спасены отъ напасти ввѣкъ могли.

—

БАСЕНКА VII.

СОЛНЦЕ И БОРЕЙ (Сѣверный вѣтръ).

Есть слухъ, что въ нѣкій день Борей былъ съ
Солнцемъ въ спо́рѣ
О силахъ, и притомъ о крѣпости; въ задорѣ
Ударились они другъ съ другомъ объ закладъ,
И межъ собою такъ поставили на ладъ,
Что платье кто сшибетъ съ идущаго доро́гой,
Тому сильнѣйшимъ быть, и слыть тѣмъ въ
славѣ многой.
Палъ жребій, чтобъ сперва Борею опытъ дать,
Который изо всѣхъ сталъ силъ своихъ свистать,
И дуть остро́ въ лицо идущаго случайно.
Сей слыша холодъ весь въ себѣ необычайно;
А сколь вѣтръ на него ни дулъ еще сильняй,
Столь кутался тогда одеждою плотняй.
Пото́мъ, какъ солнце жаръ и паръ свой напу-
стило;
То то́тчасъ и легко оно тѣмъ учинило,
Что путникъ епанчу съ себя вотъ снялъ долой,
И растегалъ еще онъ и кафтанъ въ тотъ зной.

—

БАСЕНКА VIII.

ВОРОНЪ И ЛИСИЦА.

Нѣгдѣ Во́рону унесть сы́ра часть случилось;
На дерево съ тѣмъ взлетѣлъ, кое полюбилось.

Онаго Лисицѣ захотѣлось вотъ поѣсть;
Для того́, домочься бъ, вздумала такую лесть:
Воронову красоту, перья цвѣтъ почтивши,
И его вѣщбу́ еще также похваливши,
Прямо, говорила, Птицею почту́ тебя
Зевсовою впре́дки, буде гласъ твой для себя,
И услышу пѣснь доброть всѣхъ твоихъ достойну.
Во́ронъ похвалой надменъ, мня себѣ пристойну,
Началъ, сколько можно громче, кракать и кричать,
Что бъ похвалъ послѣдню получить себѣ печать:
Но тѣмъ са́мымъ изъ его носа растворенна
Выпалъ на́-землю тотъ сыръ. Лиска ободренна
Оною корыстью, говоритъ тому на смѣхъ:
Всѣмъ ты добръ, мой Во́ронъ: только ты безъ се́рдца мѣхъ.

—

БАСЕНКА IX.

КОРШУНЪ ГОЛУБИ, И ЯСТРЕБЪ.

Отъ Коршуна боясь бѣдъ Голуби, желаютъ,
Ихъ Ястребъ бы хранилъ; его и принимаютъ,
Съ почтеніемъ призвавъ, въ защитники себѣ,
И больше быть не мнятъ отъ Коршуна въ гоньбѣ.
Но въ голубятню къ нимъ чуть Ястребъ вотъ вселился:
Вобще на Голубей тотча́съ онъ разъярился,
Какъ за ослушность всѣхъ къ нему въ упрямствѣ тамъ:

А бутто имъ за то дая казнь должну самъ,
Въ одинъ ихъ больше день побилъ при томъ навѣтѣ,
Нежъ Коршунъ въ годъ побить возмогъ бы на полѣтѣ.

—

БАСЕНКА X.

ВОРЪ И ПЕСЪ.

Лающу Собаку хлѣбомъ закармливалъ Воръ,
Какъ входилъ онъ въ нѣкій, чтобъ окрасть, богатый дворъ.
Но ему Песъ говорилъ: хорошо что буду
Нынѣ отъ тебя я сытъ; только жъ гдѣ добуду
Я себѣ ужъ Хлѣба, и тогда я что поемъ,
Какъ ты насъ окрадешь при молчаніи моемъ?

—

БАСЕНКА XI.

ВОЛКЪ И ЯГНЕНОКЪ.

Стоялъ Волкъ при рѣкѣ Ягненка выше мало.
Сего какъ съѣсть ему намѣреніе вспало,
А справедливымъ бы казалось дѣло то;
Онъ говорилъ тому бѣдняшечкѣ вотъ что:
Чего для, самъ кричитъ съ великими грозами,
Чего для воду, плутъ, ты мутишь такъ ногами,
Что вотъ ко мнѣ течетъ она вся не чиста?
Яль! въ страхѣ отвѣчалъ Ягненокъ; на мѣстѣ
Изволь, сударь, смотрѣть; стою тебя я ниже:

И потому ей течь ко мнѣ столь мутной бли́же,
О! ты, Волкъ говорилъ, ужъ сталъ меня бранить,
Не по́мня, за язы́къ какъ голову сронить
Отчишку твоему отъ ка́зни приключилось,
Семь мѣсяцовъ чему прошло, какъ совершилось?
Я не́-былъ и рожденъ тогда, сударь, еще,
Отвѣтствовалъ ему Ягненокъ. Все вотще,
Опять Волкъ подхватилъ: не ты ль обширно поле
Самъ выѣлъ такъ, что нѣтъ тамъ ни былинки болѣ?
Не можетъ, государь, въ томъ быть вина моя,
Затѣмъ что безъ зубовъ живу по нынѣ я.
Но Волкъ: хотя жъ, братъ, ты и отговорчивъ больно;
Однако жъ я хочу накушаться довольно.
И такъ, за горло взявъ тотча́съ Ягненка смялъ,
И столь зарѣзалъ вдругъ, что тотъ ни проблѣялъ,

—

БАСЕНКА XII.

ПЕСЪ И ЧАСТЬ МЯСА.

Бѣгучи подлѣ рѣки́ Песъ давно голодный,
Неслужащій никому, бывшій всенародный,
Несъ часть мяса въ зѣвѣ нѣгдѣ украденну имъ:
И какъ та играла видомъ въ тѣхъ водахъ своймъ;
То Песъ, мня что то была мяса часть другая,
Бросился тотча́съ въ рѣку, оную хватая:
Но лишъ зѣвъ разинулъ, чтобъ и ту онъ ухвати́лъ
Какъ тогда жъ держиму и́зо-рту вонъ опустилъ.

—

БАСЕНКА XIII.

ГОРА, МУЧАЩАЯСЯ РОДАМИ.

Напружившись Гора изъ глубины стонала,
Какъ бутто часъ насталъ родить ей, тѣмъ казала:
Сей случай всѣхъ привелъ людей въ прекрайній страхъ,
Боящихся, чтобъ какъ не задавилъ ихъ прахъ.
Но выскочила Мышь изъ той внезапнымъ спѣхомъ;
И такъ людска́ боязнь скончилась общимъ смѣхомъ.

—

БАСЕНКА XIV.

ВОЛКЪ И ЖУРАВЛЬ.

Подавился костью острою Волкъ въ нѣкій день,
Такъ что не́-былъ въ силѣ ни завыть, да сталъ весь въ пень.
Для того вотъ Журавля нанялъ онъ ценою,
Чтобъ изъ горла ту извлечь носа долготою;
А Журавль способно службу ту и сослужилъ:
И ужъ за работу платы онъ себѣ проспилъ.
Улыбаясь Волкъ тогда съ крежетомъ зубами,
Журавлю такъ отвѣчалъ грубыми словами:
Иль тебѣ та плата кажется, мой другъ, мала,
Что изъ Волчья зѣва голова твоя цѣла?

—

БАСЕНКА XV.

ПОСЕЛЯНИНЪ И УЖЪ.

Нашелъ Мужикъ Ужа едва не околевша,
И съ сту́жи ужъ почти дыханья не имѣвша:
Вотъ въ жалость вдругъ пришелъ тотъ полевой жилецъ,
Что гибнующее зрилъ животное вконецъ.
Затѣмъ онъ взялъ его подъ теплу шубы крышку,
И въ пазуху свою́ вложилъ подъ лѣву мышку.
Ужъ обогрѣвшись тамъ какъ силы оживилъ;
То смертно Мужика въ то мѣсто уязвилъ.

—

БАСЕНКА XVI.

ЛЕВЪ, ТЕЛИЦА, КОЗА, ОВЦА.

Въ дружбѣ пребывали: Левъ также и Телица,
И Овца, еще Коза прыгать мастерица.
Четвертымъ всѣмъ купно въ пи́щу искъ попалъ когда;
То на ра́вны ча́сти раздѣленъ былъ онъ тогда.
Первая, Левъ говорилъ, есть моя особно:
Превосходству моему та должна́ способно.
И вторую также долженъ взять себѣ здѣсь я:
Сила той предъ вашей удостоилась моя.
Третію себѣ за трудъ требую достойно:
Даромъ Льву себя трудить очень непристойно:
Кто жъ себѣ захочетъ получить четверту часть;

Тотъ въ мою немилось можетъ бѣдственно подпасть.
Что бессильному Скоту дѣлать надлежало?
Какъ сопротивляться Льву? Иль его хоть мало
Раздражитъ въ то время дерзосно кто бъ захотѣлъ?
Такъ одинъ корыстью всею Левъ въ нихъ завладѣлъ.

—

БАСЕНКА XVII.

ВОЛКЪ И КОЗЛЕНОКЪ.

На пажить выходя Коза поутру съ свѣтомъ,
Козленку своему приказъ дала совѣтомъ,
Чтобъ до-вечера въ хлѣвъ дверей не отпиралъ,
И никого бъ отнюдъ къ себѣ онъ не пускалъ.
Едва она ушла, какъ Волкъ тамъ появился,
И голосомъ онъ столь, сколь можно, притворился,
Полобясь Козину; а растворивши зѣвъ.
Просился у того Козленка очень въ хлѣвъ.
Тотъ Волку отвѣчалъ: хоть прозьба бъ лобъ разбила;
Мнѣ безбородныхъ всѣхъ пускать Мать запретила.

—

БАСЕНКА XVIII.

ОСЕЛЪ И ЩЕНОЧИКЪ.

Нѣкогда увидѣлъ отдыхающій Оселъ,
Что Хозяинъ дому въ ласку крайнюю пришелъ
Къ Собачонкѣ небольшой и на взглядъ Щеночку,
На колѣна кой вскочилъ къ оному, самъ съ кочку.
Того ради также уповалъ его привесть
И къ себѣ тотъ въ ласку, ежели потщится взлѣсть
На-руки тогда къ нему: да и началъ дѣло;
А на задни ноги вставъ обнимаетъ смѣло.
Но беспутство видя Господинъ Осла того,
Наказалъ дубиной за дурачество его.

—

БАСЕНКА XIX.

МИРЪ У ВОЛКОВЪ СЪ ОВЦАМИ.

Жестока у Овецъ война была съ Волками.
Тѣ, съ помощію Псовъ, стояли бодро сами;
А часто имъ Волковъ случалось и збивать,
И побѣдившимъ ихъ о томъ торжествовать.
Надъ сими одержать отчаявшись побѣду,
Что не-было имъ къ той ни малаго ужъ слѣду,
Шлютъ Волки къ тѣмъ Пословъ, прося брань окончить,
И дружескій союзъ на вѣки заключить.
Ихъ договора всѣ статьи въ томъ состояли:

Чтобъ Овцы отъ Волкóвъ за Аманатовъ взяли
Волчонковъ ихъ дѣтей; а чтобъ Волкáмъ онѣ
Всѣхъ дали бывшихъ Псовъ на оныхъ сторонѣ.
Когда жъ взаимно такъ на мѣрѣ положили;
То клятвою свой миръ законно утвердили:
Такъ начали ужé въ покоѣ Овцы быть.
Но вскорѣ какъ у нихъ случилось тамъ завыть
Волчонкамъ, что къ себѣ тѣ взяли въ Аманаты,
Не усмотрѣвши въ томъ всего вредá и траты,
Напали Вóлки вдругъ на беспощныхъ тѣхъ,
Какъ нарушúвшихъ миръ, сіе взводя на всѣхъ,
И Аманатамъ какъ на здѣлавшихъ обиду;
Хотя такъ говорить и нé-было имъ виду;
Расхитивши жъ тогда бессильныхъ ужъ овецъ,
И ихъ начавши рвать заѣли наконецъ.

—

БАСЕНКА XX.

РЕБЯТА И ПОВАРЪ.

Двое изъ большúхъ ребятъ на поварнѣ были,
Не послѣдни въ удальствѣ, и плутáми слыли.
Вотъ, когда тамъ Поваръ для стола все прибúралъ,
Тутъ одинъ изъ оныхъ мяса дóбру часть укралъ,
И другому отдалъ, кой въ пазуху ту сунулъ,
Такъ искусно, какъ бы ртомъ крошечку онъ здунулъ.
Поваръ какъ на мясо обратившись посмотрѣлъ,
И не все что было оное, уразумѣлъ,

Де притомъ и прямо знал, хоть они не рдѣлись,
Что тогда на кухнѣ тѣ только два вертѣлись,
Говорить имъ на́чалъ, отдали бъ назадъ ту часть,
Тѣмъ что невозможно инакъ было ей пропа́сть.
Но принявшій клясться сталъ, что не кралъ онъ штуки,
А укравшій, что при немъ нѣтъ, и пусты ру́ки.
Выразумѣвъ Поваръ, что бездѣльничаютъ тѣ,
Говоритъ? не знаю мяса часть дѣвалась гдѣ,
И меня легко провесть заклинаясь ложно;
Только жъ Бога обмануть вамъ никакъ не можно.

—

БАСЕНКА XXI.

ПЕСЪ И ПОВАРЪ.

Вбѣжавъ въ Поварню Песъ, (его не усмотрѣлъ
Въ то время Поваръ тамъ имѣя много дѣлъ)
Лежаще на столѣ тутъ сердце отъ скотины
Схватилъ, и побѣжалъ заранѣй отъ дубины.
Того, какъ говорятъ, тогда онъ проводилъ
Такою рѣчью въ слѣдъ, которою грозилъ:
Изрядно, что теперь ты могъ унесть добычу!
Но даромъ то тебѣ не прóйдетъ стару́ хры́чу:
Какъ можно, застигу тебя я гдѣ нибудь,
И палкою потщусь бока́ тебѣ всѣ вздуть:
Не сердце у меня унесено тобою;
Но придано къ тому, которое со мною.

—

БАСЕНКА XXII.

КОЗЛЕНОКЪ И ВОЛКЪ.

Щасливо Козленокъ нѣкогда уйти успѣвъ
Отъ гоняща Волка, въ Овчій заперся вотъ
хлѣвъ.
Волкъ ушедшему туда говорилъ то слово:
Тыль спасеніе себѣ мнишь тутъ быть готово?
Глупинькой! не знаешь, что не пройдетъ день
такой,
Чтобъ скотинки въ жертву нѣ-брали здѣсь на
убой.
Даромъ, отвѣчалъ ему спасшійся Козленокъ:
Тѣмъ не потрясешь моихъ никогда колѣнокъ:
Умереть вѣть должно; лучше кровь Богамъ про-
лить,
Нежели мнѣ челюсть Волчью тою напоить.

—

БАСЕНКА XXIII.

ЮЖЪ И ЕХІДНА.

Впросился въ нору Южъ къ Ехіднѣ жить зимою.
И какъ въ той тѣснотѣ твоею остротою,
Щетинамъ, что его природная всегда,
Кололъ Ехідну столь, что дѣться та куда
Не знала отъ бѣды; то стала по премногу
Просить южа она, чтобъ хижину убогу:
И тѣсную ея, оставить восхотѣлъ,
А пндѣ бъ гдѣ себѣ жилище изобрѣлъ;

За тѣмъ, что обоимъ въ норѣ ея вмѣститься
Не можно имъ никакъ, ни въ ней поворотиться.
Но ежъ ей говорилъ: кому здѣсь тѣсно жить,
Тотъ воленъ изъ норы вонъ тотчасъ выходить:
Но у меня отнюдъ, итти прочь, нѣтъ охоты.
Когда жъ не видитъ тутъ себѣ Ехідна льготы;
То можетъ та сама отсюда вонъ пойти,
И мѣсто для себя покойное найти.
Такъ гостя та къ себѣ пустивши толь не въ пору,
Принуждена была сама покинуть нору.

—

БАСЕНКА XXIV.

СЫНОКЪ И МАТЬ.

Всякъ день вбудни Мальчикъ въ школу къ мастеру ходилъ:
Тамъ когда тетратки каждый такъ не хоронилъ
Ученикъ, какъ надлежитъ, въ ящикъ за замочикъ,
Оные тотъ кражей бралъ добринькой Сыночикъ,
И домой вседневно къ Матери носилъ своей.
Кража та ребячья нравилась толь много ей,
Что нетолько никогда Сына не стегала,
Да и окриковъ за ту съ бранью не давала.
Воровать тотъ въ маломъ утвердилъ свою какъ страсть,
Такъ ужъ и большое, выросши большой, сталъ красть.

Нѣкогда жъ на воровствѣ явномъ онъ попманъ:
А на пытку много разъ бывши въ томъ подъ-
иманъ.
На-смерть напослѣдокъ достодолжно осужденъ,
И на мѣсто казни прямо былъ ужъ приведенъ.
Вотъ, когда увидѣлъ тамъ Мать свою стоящу,
И отъ сердца ту по немъ горесно слезящу,
Палача усильно началъ онъ тогда просить,
Чтобъ его проститься съ Матерію допустить.
То позволено ему. Къ ней лишъ протѣснился,
Какъ къ ея онъ уху ртомъ тотчасъ прислонился,
Бутто какъ бы тайно нѣчто ей сказать хотѣлъ;
А въ такомъ прицѣлѣ ухо все прочъ и отъѣлъ.
Всѣ за то, не только Мать, на него восстали,
И какъ нечестивца всѣ жъ Вора проклинали.
Надобно причину стало объявить ему,
Коя справедливо привела его къ тому;
Вотъ же что и говорилъ: Я ей отмщеваю
За сію поносну смерть, коей умираю:
Если бъ за тетратки, въ малолѣтствѣ что
кралъ я,
Былъ хотя однажды прутомъ сѣченъ отъ нея,
То ужъ красть бы больше мнѣ было не угодно,
И севодни бъ не висѣть въ петлѣ всенародно.

—

БАСЕНКА XXV.

ЧЕЛОВѢКЪ И ИСТУКАНЪ.

Лишъ нѣкто посвятилъ домашній Истуканъ,
(Сей деревянный богъ не знаю какъ былъ званъ);

То на́чалъ онъ тому съ почтеніемъ молиться,
Прося, чтобъ тотъ надъ нимъ изволилъ умилиться,
И далъ бы на житье достатокъ весь прямой,
А онъ къ тѣмъ будетъ щедръ, что ходятъ въ явь съ сумой:
Всегда жъ тому молясь подобными словами,
Самъ новыми всякъ день красилъ его вѣнками.
Но долго такъ чиня былъ ра́вно все убогъ,
За тѣмъ, что ничего не жаловалъ тотъ богъ.
Вотъ осерчавъ, предъ нимъ что втуне лобъ свой парилъ,
Згребъ за́-ноги его и о́-землю ударилъ.
Послучаю, болванъ какъ на-землю упалъ,
То головою тамъ на камень онъ попалъ.
Изъ трѣснувшей числомъ кладъ высыпался многимъ,
И столь, что тотъ не могъ молебщикъ быть убогимъ.
Онъ подбирая кладъ въ веселіи своемъ,
Въ насмѣшкѣ укорялъ Кумира словомъ тѣмъ:
Безуміе твое, божокъ, есть непонятно!
Ты чтущему тебя мнѣ не́-далъ что пріятно:
А нынѣ, какъ ужъ я тебѣ столь досадилъ,
Безмѣрно вотъ за то меня обагатилъ.

—

БАСЕНКА XXVI.

СТАРИКЪ И СМЕРТЬ.

Дровъ насѣкъ Старикъ въ лѣсу, а связавъ въ беремя,
Поднялъ на плеча, и шолъ въ домъ въ пристойно время.
Съ ношею брелъ долго; выбился почти изъ силъ:
Для того вязе́ньку на-землю онъ положилъ.
Тамъ на оную когда сѣлъ, и отдыхаетъ;
Вотъ межъ тѣмъ одинъ съ собой въ мысли рассуждаетъ,
Всю свою́ онъ бѣдность, и вопервыхъ что ужъ старъ,
Одинакъ, а скудость здѣлала пустымъ анбаръ.
Отъ печали началъ звать Смерть къ себѣ упрямо,
Чтобъ пришла къ нему она поспѣшая прямо,
И отъ всѣхъ бы тяжкихъ нынѣ нуждъ его взяла.
Смерть, услышавъ прозьбу, то́тчасъ къ оному пришла;
И зачѣмъ бы звалъ онъ ту, спрашиваетъ точно.
Но Старикъ Смерть предъ собой видя незаочно,
Испужался очень, и трепеща отвѣчалъ:
Ни зачѣмъ, какъ только, милость кто бъ мнѣ показалъ,
Пособляя на плеча́ положить вязе́ньку,
Я котору наложилъ больно тяжеленьку.

—

БАСЕНКА XXVII.

СТАРУХА, БОЛЯЩАЯ ГЛАЗАМИ.

Глазами какъ была Старушечка больна;
То Лѣкаря къ себѣ въ домъ призвала она.
Что бъ вылѣчиться ей, и не смотря на трату,
Довольную ему та обѣщала плату.
Сталъ пользовать ея тотъ Лѣкарь напятой;
И мастью онъ глаза́ по всякъ день мазалъ той:
А какъ вотъ оставлялъ ничкомъ ту на постелѣ,
И въ темнотѣ всегда, по всемъ томъ дѣлѣ,
То что нибудь съ собой у ней втай уносилъ,
Изъ платья, иль что тутъ изъ серебра схватилъ.
Грабленіе сіе та чувствуетъ больная,
Когда жъ не стала быть ужъ больше невишная
Увидѣла, что домъ ея оставленъ пустъ,
Сколь ни́-былъ прежъ того обильностію густъ.
Вотъ Лѣкарь къ ней пришолъ: самъ проситъ за работу;
И говоритъ, что та всю получила льготу;
А шлется онъ на всѣхъ сторонникъ въ томъ людей,
Что вылѣчены ужъ совсѣмъ глаза у ней.
Не правда, другъ, твоя, ему та говорила:
Я безъ твоей цѣльбы глазами лучше зрила:
Я видѣла вещей довольно у себя.
А какъ взяла къ себѣ я Лѣкаремъ тебя;
То ничего отнюдъ, симъ словомъ не обижу,
Въ дому, по твоему столь зрячая, не вижу.

—

БАСЕНКА XXVIII.

НЕДРУГИ.

Совокупно двое ѣхали на кораблѣ;
Межъ собою были въ крайнѣйшемъ недружбы злѣ:
Тамъ одинъ изъ нихъ сидѣлъ на носу за спо-
ромъ;
А другой тутъ мѣсто взялъ на кормѣ съ при-
боромъ.
Вотъ преспльна буря стала море волновать,
И Корабль валами всеконечно разбивать.
Какъ отчаялись ужъ всѣ, что спастись не
можно,
И что потонуть пришло всѣмъ тогда не ложно:
То, кой находился на кормѣ, Пловца спросилъ,
Коей прежъ онъ части бъ Корабля погрузнуть
мнилъ?
Кормщикъ отвѣчалъ, что носъ напередъ по-
тонетъ.
На сіе тотъ: пусть меня въ море смерть поглонетъ,
Мнѣ жизнь становится не весьма ужъ дорога,
Тѣмъ что я увижу гибель моего врага.

—

БАСЕНКА XXIX.

КОТЪ И МЫШИ.

Отъ множества Мышей, въ чьемъ домѣ не извѣсно,
Живущимъ въ немъ и страхъ, и было всѣмъ
невмѣсно,

О семъ какъ добрый Котъ, по дýху тѣхъ, узналъ;
То преселился въ домъ туда, и жить въ немъ сталъ;
Чрезъ нѣсколько дней тамъ ловя Мышей труждался,
И оными всегда онъ дó-сыта питался.
Напаствуемый Гадъ тѣмъ смертоноснымъ зломъ,
Увидѣлъ, что всякъ день ихъ меньше есть числомъ;
Что тотъ проворный Котъ ихъ всюду уловляетъ,
И что ихъ рядомъ всѣхъ онъ люто истребляетъ:
То положили всѣ такъ межъ собой онѣ,
Чтобъ имъ не выходить изъ норъ, а жить на днѣ,
За тѣмъ что Котъ притти не можетъ къ каждой въ нору,
Ни въ свѣтъ, ни въ темноту, и ни въ какую пору.
Котъ видя, что его со всѣмъ сталъ мышій ловъ,
На нихъ обманомъ всѣхъ такой копаетъ ровъ:
Повѣсился на гвоздь онъ лапами одними,
А протянулся въ низъ передними своими,
Показываясь тѣмъ, что бутто онъ издохъ,
И больше ужъ Мышей ловить тогда не могъ.
Увидѣвши того одна Мы́шь, говорила:
Хоть мѣхомъ бы тебя я, другъ мой, усмотрила,
Однако, зная сколь намъ отъ тебя вреда́,
Не подойду къ тебѣ я блиско никогда.

—

БАСЕНКА XXX.

МЕСКЪ.

Какъ овсомъ на стойлѣ въ тукъ Мескъ уже́ отъѣлся;
Ма́терію онъ тогда очень разгордѣлся.
На́чалъ ужъ стремиться, также какъ она, скакать.
Да и величался: кобылица мнѣ есть мать,
Въ бѣганіи толь быстра́, коея не ни́же
Я и самъ въ томъ, сколь я съ ней родомъ сходенъ ближе.
Но когда настала нужда, чтобъ ристать ему;
То къ отцу сталъ въ думѣ обращаться своему,
И припоминать, что онъ, больно утружденный,
Въ свѣтъ лѣнивѣйшимъ Осломъ прямо порожденный.

—

БАСЕНКА XXXI.

ЛЕВЪ ЖЕНИХЪ.

Въ Дѣвицу нѣгдѣ Левъ влюбился не смѣхо́мъ,
И захотѣлъ ей быть онъ вправду Женихомъ:
Затѣмъ къ отцу ея пришедъ тогда нарочно,
Ту проситъ за себя отдать въ замужство точно.
Отецъ Льву отвѣчалъ: твоимъ ли я отдамъ
Ногтищамъ такъ кривымъ, и острымъ толь зубамъ
Мою въ замужство дочь толь нѣжную всѣмъ тѣломъ?

И можетъ ли сіе быть неопаснымъ дѣломъ?
Безъ тѣхъ бы впрочемъ мнѣ ты былъ достойный зять,
И можно бъ дочь мою тебѣ женою взять.
Левъ отъ любви своей почти ума лишился;
Чего для, какъ просилъ Отецъ тотъ, не щипался,
И пазногти свои тому далъ срѣзать онъ.
А зубы молоткомъ всѣ-на-все выбить вонъ.
И такъ тотъ Человѣкъ лехко Льва побѣждаетъ,
Потомъ, ударивъ въ лобъ долбнею, убиваетъ.

—

БАСЕНКА XXXII.

ПѢТУХИ.

Межъ собою двое въ домѣ Пѣтуховъ дрались,
Такъ что оба кровью съ головы до ногъ лились:
Та за курицу у нихъ сильна драка стала.
Но какъ быть межъ ними ужъ битва перестала,
То, кой збитъ былъ съ поля, и со всѣмъ разбитъ, Пѣтухъ,
Спрятался съ печали и съ стыда въ пустой котухъ.
Побѣдитель же тогда на заборъ взлетѣвши,
И сколь можно громче тамъ Кукореку пѣвши,
Крыльями своими трепетался въ торжествѣ,
И себя не видѣлъ лучшаго онъ въ естествѣ:
Вотъ Орелъ его схвативъ вдругъ унесъ съ забора.
Такъ ушедшій отъ того въ даль Пѣтухъ съ зазора,

И отъ всѣхъ насѣстей, и курячьихъ всѣхъ хлудинъ,
Курицами всѣми пользоваться сталъ одинъ.

—

ВАСЕНКА XXXIII.

ДРОВОСѢКЪ И МЕРКУРІЙ.

Сѣкъ нѣкто при рѣкѣ дрова на бытъ домовой,
Бесщасно опустилъ Топоръ тамъ въ воду новой,
Не зная что чинить въ тотъ горестнѣйшій часъ,
Лилъ слёзы по лицу горючіе изъ глазъ,
Нечаянно тогда Меркурій самъ явился;
Узнавши жъ случай слезъ, надъ бѣднымъ умилился:
Затѣмъ нырнулъ онъ въ глубь; а вынырнувъ изъ той,
Держалъ въ рукѣ Топоръ, не токмо золотой,
И спрашивалъ того онъ Плаксу не со властью,
Что, сей ли есть Топоръ опу́щенъ по бещастью?
Отрекся Дровосѣкъ. Меркурій вновь для слезъ
Нырнулъ, и съ дна Топоръ серебреной изнесъ,
Но не призналъ за свой ни онаго тотъ ра́вно.
Меркурій въ третій разъ спустился въ низъ исправно,
И вынесъ ужъ оттоль желѣзный тотъ Топоръ.
Тогда вотъ Мужику ненуженъ сталъ отпоръ,
За тѣмъ онъ закричалъ съ веселіемъ: Тотъ точно,
Который мною былъ утопленъ не нарочно.

За совѣсть ту его, что Богъ въ немъ чисту зрилъ,
Ему всѣ Топоры щедротно подарилъ.
Когда жъ сей Мужичокъ расказывалъ то многимъ
Таварищамъ своймъ, крестьянамъ же убогимъ;
То вотъ одинъ изъ нихъ, мня взять корысть таку,
Топоръ свой утопилъ нарочно въ тужъ рѣку,
И сѣвъ на берегу́ тамъ плакалъ неутѣшно.
Явился и ему Меркурій также спѣшно:
А плача онъ его причину какъ узналъ;
То вскорѣ и нырять по прежнему въ глубь сталъ.
Нырнувши жъ въ первый разъ несъ злотый наружу:
Мужикъ возмнилъ чрезъ то прогнать свою всю нужу,
И спросу не поджавъ, тотъ-тотъ, вдругъ завопилъ,
Кой не нарокомъ я въ рѣкѣ здѣсь утопилъ.
Но презривъ Богъ ту ложь бесстыдну Мужикову,
Съ тѣмъ въ воду Топоромъ тотча́съ укрылся снову,
И больше ужъ на верьхъ не выходилъ ни съ чемъ;
А тотъ Мужикъ лишенъ и собственнаго тѣмъ.

—

БАСЕНКА XXXIV.

ЛИСИЦА И ВІНОГРАДНА КИСТЬ.

Віноградна Кисть въ верьху на лозѣ висѣла.
Но когда Лисица тамъ ону усмотрѣла;
То съ земли вотъ стала не однажды въ верьхъ скакать,
Прилагая силы къ силамъ, чтобь ея достать.
Изнемогшая вконецъ, только жъ безъ успѣха,
И какъ будто ей была въ томъ сія утѣха,
Что прочь отходящи говорить такъ начала:
Ягода веть эта нынѣ очень не спѣла!
Мнѣ хотя бъ и на пути гдѣ она попалась,
Также отъ зеленой прочь я итти потщалась.

—

БАСЕНКА XXXV.

МЫШІЙ СОВѢТЪ.

Такъ Мыши всѣ кладутъ сошедшись на совѣтъ,
Чтобъ Колокольчикъ имъ, въ неложный всѣмъ извѣтъ
Отнынѣ привязать къ Ловцу Коту на шею:
Всѣ цѣлы будутъ жить повѣсткою тѣ сею:
Лишъ Котъ тѣмъ зазвенитъ, хоть сколько онъ ни скоръ,
Заранѣй убѣжать возможно имъ до норъ.
Хотя жъ онѣ совѣтъ сей обще полюбили;
Но кто бъ въ нихъ навязалъ Коту, не находили.

—

БАСЕНКА XXXVI.

ОБЕЗЬЯНА И ОРѢХИ.

Вкусъ Орѣховъ Бѣлка похваляла завсегда:
Слыша Обезъяна, захотѣла вотъ плода.
Чтожъ бы ей вкусить овощъ, ни́вѣсть какъ искала;
Напослѣдокъ на Орѣхъ нѣгдѣ та напала.
Съ жадности великой кинула вдругъ оный въ ротъ,
И тотча́съ тамъ стала обращать зубами тотъ.
Спе́рва горесть шелухи ей не показалась;
А потомъ и скорлупы, хоть и попыталась,
Но за жестотою не разгрызла въ немъ она.
Думая, что Бѣлкой на́-смѣхъ та проведена,
Выплюнула вонъ, сама жъ очень огорчилась:
Тѣмъ и слодости въ ядрѣ не трудясь лишилась.

—

БАСЕНКА XXXVII.

ЛЕВЪ ПРЕСТАРѢЛЫЙ.

Пришедши въ старость Левъ безмѣрно слабымъ сталъ;
А силы потерявъ чуть члены ужъ таскалъ.
Тогда скоты́ его не только презирали,
Но на него уже́ и сами нападали;
И такъ, что ужъ Оселъ въ скотахъ всѣхъ какъ холопъ,
Копытомъ улягнуть не постыдился въ лобъ.

Хотя жъ то было Льву и по правдѣ и досадно;
Но говорилъ: безъ силъ терпѣть мнѣ больше складно.

—

БАСЕНКА XXXVIII.

ВОРОНА, ЧВАНЯЩАЯСЯ ЧУЖИМИ ПЕРЬЯМИ.

Набрала Ворóна перышекъ отъ прочихъ птицъ;
Убралась та всѣми съ низу вверхъ безъ мастерицъ:
Величаться начала́ сею пестротою,
Презирая птичекъ всѣхъ въ томъ передъ собою.
Ласточка всѣхъ прежде перышко на ней свое
Усмотрѣвши, тóтчасъ вырвала, сказавъ: мое.
То увидѣли когда и другіе птички,
Шебетливы по большой ча́сти тѣ пѣвички,
Начали Ворóну сами также всѣ клевать,
И свои природны перышка съ нея срывать;
Такъ что наконецъ ея всю ужъ обнажили,
Чѣмъ всѣхъ обще и себя ею насмѣшили.

—

БАСЕНКА XXXIX.

БРЮХО И УДЫ.

Случилось Членамъ всѣмъ такъ на-Брюхо роптать:
Ужъ долголь намъ тебя лѣнтяя всѣмъ питать?

Мы больше не хотимъ тебѣ въ такой быть
службѣ,
И не желаемъ жить съ тобой отнынѣ въ дружбѣ.
Но пи́ща у него какъ отнята́ вся вдругъ;
То ослабѣли всѣ и Уды сами вкругъ.
И такъ тогда они, что бѣдно погибали,
Раскаялись о томъ, а зависть проклинали.

—

БАСЕНКА XL.

ЛЕВЪ И ЛИСИЦА.

Левъ когда съ великой старости весь ослабѣлъ,
И ловить ужъ звѣря въ пи́щу силы не имѣлъ;
Вымысломъ питать себя хитрымъ начинаетъ,
Именно жъ, что будто онъ слегъ и умираетъ.
Вѣсть когда промчалась объ его болѣзни той,
Шли къ нему всѣ звѣри съ навѣщаніемъ въ
покой.
Сей пространный былъ вертепъ, гдѣ лежалъ
притворно;
Въ тотъ входящихъ поѣдалъ Левъ всѣхъ без-
разборно.
Такъ чрезъ долго время содержалъ свою жизнь
онъ;
И что съѣстъ тамъ звѣря, больше рыкомъ дѣ-
лалъ стонъ.
По́слѣ какъ звѣрей онъ тѣмъ много съѣлъ надъ
мѣру;
И Лисица вотъ пришла́ также предъ пещеру:

Но въ нея не вшедши стала вдругъ предъ усть-
емъ тутъ,
Видя, что внутрь прямо только всѣ слѣды ве-
дутъ.
Левъ, кой рáвно и ея скушать нарохтился,
Проситъ оную войти, съ нею бъ онъ простился;
И за чемъ та медлитъ, спрашиваетъ самъ у ней.
Но отвѣтъ Лисица оному сказала сей:
Что я вижу только внутрь здѣсь слѣдóвъ до-
вольно;
То меня, не погнѣвись, устрашаетъ больно.

—

БАСЕНКА XLI.

ПТИЧНИКЪ И ЗМІЯ.

Чуть Птичникъ въ лѣсъ пришолъ съ своймъ
прибором ъ всѣмъ,
Чтобъ Птичникъ наловить, и только сѣлъ лишь
съ тѣмъ,
Какъ нá-деревѣ онъ Дрозда увидѣлъ близко:
Вотъ ставитъ онъ Силóкъ; а съ руку гдѣ и
ниско,
Тамъ смазываетъ всѣ Сучкú своймъ клеймомъ.
И только смотритъ въ верьхъ, поймался ль Дроздъ
Силкóмъ.
Между тѣмъ на Змію, лежащу подъ травою,
Онъ наступилъ тогда тамъ невзначай ногою:
Та раздражившись тѣмъ, ужалила его.
Онъ чувствуя себѣ смерть скору отъ того,

Сказалъ: ахъ горе мнѣ! Другихъ водя въ обманы,
Скоряй самъ уловленъ, и гибну я отъ раны.

—

БАСЕНКА XLII.

ПЕСЪ И ВОЛКЪ.

Волкъ дивясь безмѣрно Псову туку и красѣ,
Говорилъ: сколь, братецъ, жизни твоея дни всѣ
Щастливо всегда текутъ! И что въ этомъ тукѣ
Не бываешь никогда голодомъ ты въ му́кѣ!
На сіе Песъ Волку: пойдемъ въ городъ ну со мной;
То и самъ ты будешь, равно какъ и я, такой.
Вотъ когда тѣ шли путемъ, Волкъ смотря ловчѣе,
Вытертую шерсть у Пса усмотрѣлъ на шеѣ.
Длятого такъ началъ спрашивать Пса: не въ осудъ,
Братецъ, это слово, знатно носишь ты хомутъ,
Что такъ шея у тебя вытерта до кожи?
Песъ ему тутъ отвѣчалъ: рѣчи тѣ не гожи;
Не хомутъ третъ шею, но ошейникъ, тѣмъ что днемъ
Въ цепь меня сажаютъ, ночью не́-былъ бы я нѣмъ.
Волкъ тотчасъ: прощай, сказалъ; будь же ты и въ холѣ:
Щастья не хочу отнюдъ, чтобъ не быть въ неволѣ.

—

БАСЕНКА XLIII.

ЛИСИЦА И ЛЕВЪ.

Не видывала Льва Лисица никогда:
По случаю та съ нимъ въ другъ встрѣтилась когда,
То такъ его она безмѣрно устрашилась,
Что съ страха почитай и жизни всей лишилась.
Вторично жъ какъ ужé увидѣлась та съ нимъ;
То съ страхомъ пребыла, но впрочемъ не съ такимъ,
А втрéтьи тажъ къ нему какъ на глазá попала:
То подошла, и съ тѣмъ рѣчь говорить тамъ стала.

—

БАСЕНКА XLIV.

ЛЖЕЦЪ.

Недоросль Дѣтина, состояніемъ Пастухъ,
Лживецъ отъ природы, и такой имѣя духъ,
Часто пóмощи просилъ у другихъ нарокомъ,
Бутто Волки на Овецъ вдругъ набѣгли скокомъ:
Многажды въ игрушкахъ проводилъ онъ Пастуховъ,
Бѣгавшихъ на пóмощь къ оному противъ Волковъ.
Напослѣдокъ вправду Волкъ прибрался ужъ къ стаду:
Вотъ неложно и тому нужно стало чаду,

Помощи съ слезами у товарищевъ просить,
И молить ихъ скорость, и сколь можно голосить
Слышавшіи крикъ его также мня игрою,
Какъ и прежде дѣлалъ онъ, а не впрямь бѣдою,
Съ смѣхомъ отвѣчали: Не обманешь молодецъ!
Такъ Волкъ всѣхъ изрѣзалъ въ стадѣ у него Овецъ.

—

БАСЕНКА XLV.

ПЕСЪ ВЪ ЯСЛЯХЪ.

Собака щеря ротъ, и часто лая злилась,
А иногда къ быкамъ и въ ясли та ложилась.
Волы, боясь ея, не смѣли сѣна ѣсть,
За тѣмъ принуждены вседневно голодъ несть.
Тогда одинъ изъ нихъ такъ говорилъ Собакѣ:
Не зависить ли твоя? вѣдь мы съ тобой не въ дракѣ,
А къ корму ты сему не допускаешь насъ,
Котораго тебѣ не ѣсть по смерть ни разъ.

—

БАСЕНКА XLVI.

ВДОВА И СЛУЖАНКИ.

Нѣкая Вдова себя тѣмъ и содержала,
Что полотна только въ рядъ самы тонки ткала:
Для того Служанокъ разбужала въ ночь всегда,
Лишъ сама услышитъ, Пѣтухи вспоютъ когда.

Долговременны труды всѣхъ тѣхъ изнурили:
Потому между собой обще положили,
Пѣтуха, кой въ домѣ находился, чтобъ убить,
Такъ ужъ онъ не станетъ рано Госпожу будить.
Но исполнившимъ сіе хуже всѣмъ имъ стало:
Госпожа, боясь чтобъ какъ вдругъ не разсвѣтало,
Тѣмъ что та не знала времени когда вставать,
Подъимала прежде по́лночи Служанокъ ткать.

—

БАСЕНКА XLVII.

ОСЕЛЪ ВО ЛЬВИНОЙ КОЖѢ.

Во Львиную Оселъ какъ нарядился Кожу,
И ею онъ покрылъ задъ, но́ги, спину, рожу;
То въ той онъ устрашалъ, какъ Левъ, вездѣ звѣрей,
А индѣ приводилъ чрезъ то въ страхъ и людей.
Усмотрѣвны пото́мъ, сверьхъ головы́ и ту́ши,
Тѣ долгія его, Ослу природны уши,
Вотъ обличили тѣмъ, что онъ и весь Оселъ,
И только на себя ту Львину Кожу вздѣлъ,
Чтобъ недостойно всѣхъ страшилъ онъ, и гордился,
И всюду бъ, гдѣ ни шолъ, незнающими чтился.
Такъ признанный Оселъ, битъ прежде дубино́й,
На мѣльницу пото́мъ съ глазъ то́тчасъ сбитъ долой.

—

БАСЕНКА XLVIII.

КУРИЦА, НЕСУЩАЯ ЗОЛОТЫЯ ЯИЦА.

Въ домѣ женщина своемъ Курицу кормила;
Золотое Яицо всякъ день сносила.
Мня, что все набито брюхо золотомъ у ней,
И что только были драгости однѣ во всей,
Рассудила та убить, да и убиваетъ:
Но что въ прочихъ, въ той она только обрѣтаетъ.
Такъ, хотя богатства много вдругъ себѣ набыть,
Все и небольшое возмогла тѣмъ погубить.

—

БАСЕНКА XLIX.

ЛѢШІЙ И МУЖИКЪ.

Изъ Лѣшихъ нѣкто чуть ужъ незамерзъ зимою,
За лютостію стужъ, да и за ноготою:
Увидѣвшій Мужикъ его взялъ въ домикъ свой,
Въ избушку теплу ввелъ, и мѣстенко далъ въ той;
Самъ ру́ки приложивъ къ устамъ своймъ, въ нихъ дуетъ.
Дивился Лѣшій тотъ; и мня, что онъ балуетъ,
Причины у него тому дутью спросилъ.
Мужикъ ему на то какъ гостю доносилъ,
Что ру́ки онъ свои озябльіе тѣмъ грѣетъ,
Сказалъ, а самъ на столъ, въ печи что ни имѣетъ,

То совокупно все тогда вотъ началъ несть,
И Лѣшаго съ собой за столъ зоветъ онъ ѣсть.
Сѣлъ Лѣшій съ нимъ тотчасъ. Мужикъ сперва изъ чаши
На лóшку почерпнулъ себѣ горячей каши,
А кò-рту своему принесши дуть же сталъ.
Вотъ Лѣшій, пуще ужъ дивясь, еще спрошалъ:
Чего бъ онъ ради дулъ, и такъ то жарко было?
Мужикъ тутъ отвѣчалъ: что бъ жаркое простыло.
Вскочилъ изъ-за стола тогда тотъ Лѣшій вдругъ,
И говорилъ: прощай, прощай на вѣкъ мой другъ!
Я не хочу пробыть здѣсь только и наслѣкомъ,
Ни то, чтобъ вóвся жить такимъ мнѣ человѣкомъ,
У коего изъ устъ однихъ, да не одно,
А именно сказать: Тепло и Студено.

—

БАСЕНКА L.

ПАУКЪ И ПОДАГРА.

Нѣкогда отсталъ Паукъ отъ трудовъ и дѣла;
А собрався, вдаль пошелъ, мысль куда велѣла.
Съ нимъ сошлась Подагра; купно начала́ жъ итти,
Чуть-чуть успѣвая слѣдовать за нимъ въ пути.
Въ первый день дорóгу тѣ такъ-сякъ совершили,
И въ Препутье городокъ пóдъ-вечеръ вступили.
Пѣшеходцы оба вознамѣрились искать

Тамъ домовъ пристойныхъ, порознь гдѣ бъ имъ
ночъ проспать
У немногихъ въ томъ Паукъ стукавшись про-
снлся;
Вотъ къ богатому жильцу вскорѣ въ домъ все-
лился.
Всюду на́чалъ сѣтки растягать онъ тамъ свои́;
Но тотча́съ явились, кои щотками слои́,
Многихъ оныхъ паутинъ, часто обметали,
И вездѣ тому ткачу́ мѣста не давали.
Такъ что хоть безмѣрно много полагалъ труда́,
Да ему отъ щотокъ скорая была бѣда.
При обили́и тамъ всемъ былъ одинъ онъ ску-
денъ,
Тѣмъ что способъ, гдѣ бъ ему утвердиться, тру-
денъ.
Что жъ вотъ до Подагры; къ Нищему насилу та
Въ хижинку впросилась, въ коей смрадъ и ду-
хота.
Бѣдности претерпѣвать всѣ тутъ надлежало
Захотѣвшей же поѣсть, чорстваго и мало.
Подано ей хлѣба, а и пить давно́ воды́,
И, за пѣшеходы чрезъ тотъ цѣлый день труды́,
Мѣсто ей отводятъ спать на дощо́нкахъ го-
лыхъ,
Въ сѣнишкахъ со всѣхъ сторонъ почитай ужъ
полыхъ.
Не сказать не можно: нѣжнымъ членамъ все ея
Въ той лачу́шкѣ было сопротивно для спанья.
Но прекрасное когда, око дней, свѣтило,
Златозарна кру́га зракъ токмо что явило;

То Паукъ съ Подагрой втѣстѣ вотъ опять сошлись,
И о всѣхъ несчастьяхъ обстоятельно снеслись.
Прежде разсказалъ Паукъ той безгоды почи:
Перемѣны мѣстъ своихъ; какъ лишился мочи
Бѣгая повсюду; господинъ сколь тѣхъ палатъ
Чистоту въ нихъ любитъ: а что превесьма богатъ,
То слуги всѣ у него скороспѣшно мѣтки,
И какъ матери одной тѣ по платью дѣтки.
Вопреки, Подагра сказываетъ о своемъ
Бѣдствіи великомъ, и что крайно голь гольмъ
Тотъ хозяинъ гдѣ она ночь ту начевала;
Да и пятна отъ досокъ на-тѣлѣ казала.
Впрочемъ должны были далѣе они брести:
А Подагрѣ нужно стало крайній въ ходѣ трудъ нести.
Наконецъ вотъ прибрели въ вечеръ въ городъ славный;
Тамъ Подагра ужъ вошла въ домъ богатствомъ главный.
Лишь ея увидѣлъ у себя самъ господинъ;
Небо! какъ встрѣчаетъ прежде всѣхъ тогда одинъ!
Коль и благосклонно ту воспріемлетъ гостью!
Тотчасъ онъ ей подаетъ подпираться тростью!
А приведъ къ постелѣ, посадилъ на пуховикъ!
До услугъ приставилъ целый къ ней рабовъ онъ ликъ!
Повелѣлъ на столъ накрыть скатерть чисту, гладку!

И поставить пи́щу ей разнымъ вкусомъ сладку!
Ужъ и пить подноситъ вина добрыя не разъ!
И чего та спроситъ, не́-былъ ничему отказъ!
Словомъ, ро́скошей какихъ ни нашелъ Свѣтъ новыхъ,
Видѣла Подагра всѣ тутъ себѣ въ готовыхъ.
А Паукъ въ домъ бѣдный вшедши, довольно олелъ и ткалъ,
И повсюду сѣти по стѣнамъ самъ растыка́лъ;
Прилѣжитъ весьма къ труду́, и объ немъ радѣетъ:
Порвалось ли что? Опять въ сплахъ не слабѣетъ.
Тотчасъ то скрѣпляетъ: не докончено ль что гдѣ?
Все въ успѣхъ приводитъ, и свершаетъ все вездѣ.
Что обместь вдругъ трудно, паутинъ сколь свилъ, и какъ;
Не боясь же никакихъ бѣдъ и щетокъ ввѣки,
Всюду тамъ яицъ наклалъ цѣлыи сусѣки.
Долго въ томъ пространствѣ веселъ пребывалъ Паукъ:
И Подагрѣ также не́-было въ богатствѣ мукъ.
Свидѣлись между собой, какъ прошло дней много:
Вотъ Подагра говоритъ, что ей не убого,
Но преизобильно въ домѣ славномъ пожилось;
А Паукъ Подагрѣ, что и оному нашлось
Мѣстечко его житью тамъ безъ мѣры сродно,
Гдѣ роскошествовалъ онъ самъ, какъ ему угодно.

Выслушавъ другъ дру́га, положили межъ собой,
Что какъ имъ случится вмѣстѣ въ путь итти
другой,
То чтобъ Пауку всегда къ подлымъ уклоняться,
А Подагрѣ къ богачамъ въ Теремы вселяться.

—

БАСЕНКА LI.

САМОХВАЛЪ.

Въ отечество свое какъ прибылъ нѣкто вспять,
А не́-было его тамъ почитай лѣтъ съ пять;
То зáвсе предъ людьми, гдѣ было ихъ довольно,
Дѣлъ славою своихъ онъ похвалялся больно,
И такъ ужъ говорилъ, что не нашлось ему
Подобнаго во всемъ, ни ро́вни по всему:
А больше что плясалъ онъ въ Ро́досѣ исправно.
И предпочтенъ за то отъ Общества преславно,
Въ чемъ шлется на самихъ Родо́сцовъ нынѣ
всѣхъ,
Что по́честь получилъ великую отъ тѣхъ.
Изъ слышавшихъ одинъ ту похвальбу всегдашню,
Сказалъ ему: что намъ удачу знать тогдашню;
Ты къ Ро́дянамъ о томъ пожалуй не пиши:
Здѣсь Ро́досъ для тебя, здѣсь нутка попляши.

—

РѢЧЬ

КОТОРУЮ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

КЪ ЧЛЕНАМЪ БЫВШАГО РОССІЙСКАГО СОБРАНІЯ ВО ВРЕМЯ ПЕРВАГО ИХЪ ЗАСѢДАНІЯ МАРТА 14 ДНЯ, 1735 ГОДА

О ЧИСТОТѢ РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА

Говорилъ В. Т.

РѢЧЬ

О ЧИСТОТѢ РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА.

При благословенной державѣ великой Монархіни Анны, и сего дождались мы щастія, Господа, что и о совершенствѣ россійскаго язы́ка попеченіе воспріемлется. Сіе дѣло не меньше полезное, коль трудное, главный въ сей Императорской Академіи Командиръ, остроумный и мудрый Мужъ, на васъ полагаетъ, вамъ ввѣряетъ, и всего къ тому возможнаго прилѣжанія, къ вящему прославленію Россійскаго народа и его сло́ва, отъ васъ ожидаетъ.

За нужное толь, но по нынѣ оставленное сіе начинающееся учрежденіе, его Превосходительству, Высокородному господину, Господину Іоанну Албрехту барону фонъ-Корфу, Ея Императорскаго Величества Дѣйствительному Каммергеру, въ мудрыхъ мудрой, въ ученыхъ ученой, въ достойныхъ достойной Особѣ, неискусное мое слово, равно какъ и необыкшій къ краснорѣчію языкъ, довольно и достойно возблагодарить никогда въ состояніи быть не можетъ: всѣ

любители Наукъ учинятъ ему за меня сію справедливость; цѣлое оныхъ въ Россіи потомство благодаря не устанетъ никогда въ похвалахъ его; самая, нынѣ еще чаемая, отъ сего польза, совершенный дастъ способъ должно и прославить, и почтить его прилично.

Я только могу предъ вами сіе, Господа, выговорить, что Его превосходительства бодрое стараніе, разумное управленіе, острое также рассмотрѣніе, какъ въ прочихъ Академическихъ порядкахъ, такъ и въ семъ новомъ установленіи, прямую къ славѣ Русской пользу, въ видѣ украшенномъ, прекрасномъ, и совершенномъ мысленному зрѣнію моему представляютъ; и кажется мнѣ, что я вижу ея уже любезну, плодоносну, похвальну, хотя однимъ симъ нестройну и недостаточну, что и мнѣ съ вами повелѣно совокупно присутствовать и трудиться.

Должность, которая на меня, но при васъ, Господа, налагается, и по коей отъ меня, но не безъ васъ, исполненіе требуемо будетъ отнынѣ, мнѣ толь есть необыкновенна, толь силы мои превосходяща, толь мало съ тупостію моего ума сходственна, и отъ которыя меня толь многіе причины, въ разсужденіи моихъ къ ней недостатковъ и неспособностей, долженствовали выключить, что въ самое сіе время, когда вамъ рѣчь мою произношу, не знаю, что долженъ я о себѣ помышлять. Возможноль сему статься, и правда ль то, что и я удостоенъ дѣйствительно вашего содружества, котораго токмо такой быть

достоинъ можетъ, кто многаго есть разума, довольныя науки, твердаго и зрѣлаго рассужденія, словъ, подобный вамъ? Впрочемъ, что до разума, науки, рассужденія, и до многотруднаго искусства, хотя я васъ, Господа, весьма нахожусь ни́же; но послушаніемъ, но почитаніемъ къ Его Превосходительству, съ вами сравниться всячески постараюсь. Не будетъ во мнѣ, да и не надлежитъ, никако́ва велѣніямъ его сопротивленія, не будетъ отнюдъ отреченія, не будетъ и нималаго преслушанія: ко всему, чего моя должность взыскивать съ меня ни будетъ, увидитъ онъ меня готова; ко всему, да и всегда, прилѣжна; ко всему радѣтельна, и толь, коль самая возможность до того меня допуститъ, и такъ, что, наконецъ, и Его Превосходительство нѣсколько меня достойнымъ изобрящетъ нашего общества, и вы не будете сожалѣть, что искусныя ваши наставленія, въ рассужденіи чистоты нашего Язы́ка, въ прибытокъ мой, къ пользѣ же общей, купно съ вами трудясь, употреблю: что и дабудетъ благоуспѣшно, желаю.

Великая потребность въ семъ дѣлѣ! Однако, съ другой стороны́, коль ни полезно есть Россійскому народу возможное дополненіе Языка, чистота, красота, и желаемое пото́мъ его совершенство; но мнѣ толь трудно быть кажется, что не нестрашитъ, уповаю, и васъ, Господа́, трудностію и тягостію своею. Не объ одномъ здѣсь чистомъ Переводѣ степенныхъ старыхъ, и

новыхъ Авторовъ дѣло и́детъ; что и одно, и само собою, колико проливаетъ по́та, извѣсно есть тѣмъ, которыи прежде васъ трудились въ томъ, и вамъ самимъ, кои упражняетесь нынѣ: но и о Грамматікѣ доброй и исправной, согласной во всемъ мудрыхъ употребленію, и основанной на томъ, въ которой коль много потребности, толь немалая жъ и трудность; но и о Лексиконѣ полномъ и довольномъ, кой въ васъ еще больше силы потребуетъ, нежели въ басословномъ Сізіфѣ превеликій оныи камень, которыи онъ на высокую гору одинъ токмо хотя вскатить, съ са́маго почитай верьха на низъ его не хотя опускаетъ; но и о Реторікѣ и Стіхотворной наукѣ, а сіе все безмѣрно утрудить васъ можетъ.

Чувствуя сіе толь тяжкое бремя, и видя въ собраніи нашемъ толь малое насъ число, сомнѣваюсь, отпусти́те моему малодушію, чтобъ нами одними толикое дѣло могло получить верьхъ совершенства. Впредь, твердо надѣюсь, когда малыи, узкіи, и мѣлкіи нашъ пото́къ, наполнився посторонними струями, возрастетъ въ превеликую, пространную, и глубокую рѣку, то есть, когда число наше искусными людьми умножится, и прибавится; когда можно будетъ благополучнаго сему ожидать совершенія, и вновь къ старому пріумноженія. Довольно съ насъ нынѣ и сея единыя славы, что мы начинаемъ, что начинаемъ подъ надзрѣніемъ нынѣшняго главнаго нашего Командира, что наконецъ, начи-

наемъ въ государствованіе великія и несравненныя Самодержцы нашея Анны, Матери Отечества, и которая нынѣ есть чудо, и удивленіе всему Свѣту.

Поистиннѣ, Господа́, дѣйствія и добродѣтели увѣнчанныя ся Героинѣ, толь велики, какъ всему земному кругу извѣсно, что ни са́мый совершенно исполненный языкъ рѣчей въ себѣ равныхъ, дабы описать оныя, изобрѣсть не можетъ. Что жъ нашъ? И нашъ, который не токмо не исполненъ, но еще понынѣ и дополняемъ быть не на́чатъ? Сего точно ради нынѣ должность сія вамъ поручается, дабы, по скольку возможно, въ совершенство приводить нашъ Язы́къ, и чрезъ тобъ имѣть хотя малое средствіе къ прославленію дѣлъ и добродѣтелей Государыни нашея.

Не сомнѣваюсь, чтобъ, украшая нашъ Языкъ, не потщались выписать, въ извѣстіе будущему роду; коль есть премудра наша Императрица; коль храбра, щедра и правосудна; коль любезна въ Мирѣ, страшна́ въ пріуготовленіяхъ воинственныхъ, глубока́ въ разсужденіяхъ, не проницаема въ намѣреніяхъ, неутруждаема въ исполненіи своихъ предпріятій, небоязлива въ противныхъ приключеніяхъ, великодушна въ побѣдахъ, великолѣпна и преславна въ торжествахъ: но чтобъ и украшеннымъ могли мы описать, коль есть она милостива; о семъ не токмо сомнѣваюсь, но еще и отчаиваюсь. Найдите мнѣ, прошу, тако́ва Государя, который бы во время

самаго сраженія плѣнныхъ воиновъ содержалъ какъ Посланниковъ; непріятелей, недобровольно покорившихся, какъ друговъ; и который бы подданныхъ своихъ любилъ и жаловалъ какъ дѣтей! А наша Государыня Императрица такъ поступила съ Французами, такъ поступаетъ съ Депутатами Гданскими, такъ жалуетъ и снабдѣваетъ насъ своихъ подданныхъ, не требуя съ насъ за цѣлую половину года должныхъ себѣ податей, состоящихъ не въ нѣсколькихъ тысячахъ, но во многихъ милліонахъ. Поистинѣ, толико сіе потомкамъ будетъ невѣроятно, колико есть праведно: достовѣрнѣйшая сія истинна такова вмѣнится, каковы преукрашенные слогомъ басни древнихъ и новыхъ Піитовъ намъ быть кажутся. Что жъ до нынѣшняго времени. Кто о семъ сомнѣвается? Кому сіе невѣроятно и неизвѣсно изъ насъ мнится? Глухъ есть, кто не слышитъ громогласныхъ проповѣданій во всей Россіи, отъ всѣхъ чиновъ, на всякомъ мѣстѣ, о крайней Самодержцы нашея милости; слѣпъ есть, кто не видитъ повсюду текущаго, неудопонятнаго потомкамъ, щедротъ ея источника; окамененъ есть, кто не чувствуетъ сердцемъ матерняго ея ко всѣмъ милосердія: а продерзостенъ и безуменъ есть, кто, высоко мысля о себѣ, описать милости, щедроты, и ея милосердія всю великость вознамѣрится. Всѣхъ бы развѣ витійствующихъ довольно къ тому было добровѣщаніе; а единаго человѣка всякое скудно, убого, и недостаточно есть краснорѣчіе.

Того ради, не льститесь Господа, чтобъ и всѣ вы совокупно, какъ въ маломъ находящійся числѣ, могли когда изъяснить по достоинству, хотя бъ ваша и самая совершенная была словесность, милость, правосудною, и правосудіе милостивое Монархини нашея Анны; безмѣрность ея щедротъ всѣ глубочайшія умы въ свѣтѣ превосходитъ. И такъ, оставимъ милосердіе ея, чтобъ продолжало свое теченіе; возблагодаримъ токмо всеблагому Богу, что милостиво свое подобіе, Императріцу Анну, даровалъ намъ здѣсь, да здраво, благополучно, и долговременно та царствуетъ надъ нами.

Гдѣ жъ я, и слово мое? Извините меня, Господа, что толь далеко отступилъ я въ сей моей рѣчи отъ намѣреннаго предложенія: истинно всегда въ живое прихожу чувство, сколько кратъ ни размышляю о неизмѣримой, и никогда достойно прославляемой милости, которую Государыня наша имѣетъ. Не знаю, благодарность ли моего сердца (ибо и я, Господа, довольно оною, кто бъ повѣрилъ? насладился) къ тому меня приводитъ, или чудное ея величіе уму моему есть ужасно и дивно. Но къ намѣренной возвращаюсь рѣчи.

Не забылъ я, Господа, что оставилъ васъ при великихъ трудностяхъ полагаемаго на насъ дѣла. Бесспорно, сія трудность есть превелика; однако она не изъ такихъ, что бъ не возмогла быть преодолѣнна. Всегдашнее тщаніе, непрестанное размышленіе, неусыпный трудъ и на

презыблющемся Океанѣ строитъ городы, и на превысокіе горы взводитъ рѣки, и въ преглубокихъ безднахъ достаетъ Маргариты. Знаю, что трудно будетъ начало; но своя есть честь и начатію. Вѣдаю, что скучно будетъ продолженіе; но и съ тѣмъ громкая сопряжена слава. А изъ полезнаго окончанія коликая похвала, коликія благодаренія, и коликія прославленія произойти могутъ, кто сего не предусматриваетъ, и кто сего уразумѣть не можетъ? Одно бъ развѣ сіе токмо отвратить отъ предпріятія насъ могло, что не надѣемся мы быть щасливы въ окончаніи, и что другимъ сей преславный жребій готовится, а не намъ предпріявшимъ. Правда; но, Господа, для себя ль единыя Пчела сладкій медъ собираетъ, а и не для насъ? Для себя ль единаго Соболь драгоцѣнную носитъ одежду, а и не для насъ? Не для себя и прекрасныи Цвѣты благовонны, но для насъ. На что намъ завидовать щастію и славѣ другихъ въ окончаніи, когда довольно всего того съ насъ будетъ въ начатіи и въ продолженіи. Но хотя насъ и устрашаютъ трудности; однако начнемъ, а по начатіи нѣчто изъ того произойдетъ, по крайней мѣрѣ, побужденіе другихъ къ подобному дѣлу: не начиная жъ ничего, ничего и не будетъ. Сверьхъ того, первые ль мы въ Европѣ, которымъ сіе не токмо трудно, но почитай и весьма неприступно быть кажется? были, были такіи, которыи не боясь того, но смотря на будущую изъ сего пользу, начали, продолжали, и нѣко-

торыи съ похвалою окончали. На примѣръ: не нетрудно было, въ самомъ началѣ, Флорентійской Академіи стараніе приложить о чистотѣ своего языка; приложила. Не нестрашно было, мню, предпріять также и Французской Академіи, чтобъ совершеннѣйшимъ учинить свойство тамъ употребляемаго діалекта; предпріяла. Невозможно, чаю, сперва казалось Леипцігскому содружеству подражать толь благоуспѣшно вышереченнымъ онымъ Академіямъ, коль тѣ начавши окончили щасливо; подражаетъ, и подражало благополучно.

Насъ, Господа, что могло бъ не допустить къ начатію толь полезнаго, и толь нужнаго дѣла? Не помышляете ль вы, что нашъ Языкъ не въ состояніи быть украшаемъ? Нѣтъ, нѣтъ, Господа; извольте отложить толь неосновательное мнѣніе. Посмотрите, отъ Петра Великаго лѣтъ, на многіи прошедшіи годы; то размысливши увидите ясно, что совершеннѣйшій сталъ въ Петровы лѣта языкъ, нежели въ бывшія прежде. А отъ Петровыхъ лѣтъ толь отчасу пріятнѣйшимъ во многихъ писателяхъ становится оный, что нимало не сомнѣваюсь, чтобъ, достославныя Анны въ лѣта, къ совершенной не пришелъ своей высотѣ и красотѣ.

Украситъ его въ насъ Дворъ Ея Величества въ словѣ учтивѣйшій и великолѣпнѣйшій богатствомъ и сіяніемъ. Научатъ насъ искусно имъ говорить и писать благоразумнѣйшіи Ея Міністры, и премудрыи Священноначальники,

изъ которыхъ многіи, вамъ и мнѣ извѣсныи, у насъ таковы, что намъ за господствующее правило можно бъ ихъ взять было въ Грамматіку, и за краснѣйшій примѣръ въ Реторіку. Научитъ насъ и знатнѣйшее и искуснѣйшее благородныхъ сословіе. Утвердятъ оный намъ и собственное о немъ разсужденіе, и воспріятое употребленіе отъ всѣхъ разумныхъ: не можетъ общее, красное, и пишемое обыкновеніе не на разумѣ быть основано, хотя коль ни твердится употребленіе, безъ точныя Іден объ употребленіи. Сіе положивъ, не великій ли приступъ, не великая ль удобность къ начатію Грамматіки? Что жъ еще страшитъ насъ? Реторіка? Помогутъ намъ въ ней премногіи творцы Греческіи и Римскіи; а напаче хитрый и слаткій въ словѣ Маркъ-Туллій-Цицеронъ. Помогутъ Французскіи Балзáки, Костáрды, Патрю и прочіи бесчисленныи. Помогутъ многіи преславныи Нѣмецкіи, а особливо здѣсь Его Превосходительство Главный нашъ Коммандиръ, котораго въ семъ каково есть искусство, ужé объявилось ученому Свѣту нѣкоторымъ его словомъ, и рѣчію, которую онъ говорилъ въ здѣшней Императорской Академіи Наукъ къ господамъ Профессорамъ. Изъ основательныя Грамматіки и краснаго Реторіки не трудно произойти восхищающему сердце и разумъ слóву Піитическому, развѣ только одно сложеніе Стіховъ неправильностію своею утрудить васъ можетъ; но и то, Господа, преодолѣть возможно, и привесть въ

порядокъ: способовъ не нѣтъ; нѣкоторыи жъ и я имѣю. Вся трудность состоитъ въ Лексіконѣ.

Не противлюсь вамъ, великое и трудное дѣло есть Лексіконъ, и Лексіконъ такой, какому быть ему надлежитъ, а именно, полному и совершенному. Однако, не сіе есть свойство Лексікона, какъ повѣствуется объ истинномъ, или и ложномъ лучше Феніксѣ, что бъ единожды въ пять сотъ лѣтъ былъ созерцаемъ: тысящи есть издавна разныхъ Лексіконовъ, и на многихъ языкахъ. Сіе самое доказываетъ непреборимо, что и Лексіконъ не выше силъ человѣческихъ; а сего здѣсь и довольно. Излишно бъ упомянулъ я о Переводѣ: нѣкоторыи и изъ васъ самихъ, и не безъ похвалы, пускаютъ и пустили въ Свѣтъ свои Переводы. Того ради, хотя и труденъ Переводъ, но бываетъ, и производится: хотя онъ и скученъ? но къ окончанію своему приходитъ. Трудъ, Господа, трудъ прилѣжный все препобѣждаетъ.

Ясно есть, что и трудность въ нашей должности не толь есть трудна, чтобъ побѣждена быть не возмогла. Одно тщаніе, одна ревность, одна неусыпность отъ насъ требуется. Можно жъ дать и способъ, чрезъ который тщаніе, ревность и неусыпность непременуемо имѣть мы будемъ. Вѣрьте мнѣ, когда о трудѣ памятовать не станемъ; когда хвалы, славы, и общія пользы желать станемъ; когда не для того будемъ жить, чтобъ не трудиться, но ради сего

станемъ трудиться, дабы и по смерти не умереть: тогда нечувствительно привыкнемъ и пристрастимся къ тщанію, ревности и неусыпности.

Впрочемъ, Господа, хотя и кажется мнѣ, что я нѣсколько доказалъ пользу, славу, и препобѣждаемую трудность въ новой сей нашей должности; но всеконечно не знаю, приличнымъ и свойственнымъ ли словомъ сіе я исполнилъ. Того ради, для начатія вашего перваго опыта, самую сію Рѣчь, на сихъ листкахъ написанную, въ ваше отдаю разсмотрѣніе, прося, да соблаговолите въ ней неправильное исправить, недостаточное наполнить, непринадлежащее надлежащимъ украсить, лишнее вонъ вынять; и симъ образомъ изъ неслаткія, здѣлать ея хотя нѣсколько пошлою и пріятною.

ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЕ.

I.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ

О ЗДАЧѢ ГОРОДА ГДАНСКА 1734.

Кое странное піанство
Къ пѣнію мой гласъ бодритъ!
Вы Парнасское убранство,
Музы! умъ не васъ ли зритъ?
Струны ваши сладкогласны,
Мѣру, лики слышу красны;
Пламень въ мысляхъ восстаетъ.
О! Народы, всѣ внемлите;
Бурны вѣтры! не шумите:
Анну стіхъ мой воспоетъ.

Въ слогахъ толь высокопарныхъ,
Піндаръ, Флаккъ по немъ, отъ мглы
Вознеслись до свѣтозарныхъ
Звѣздъ какъ быстрыи Орлы.
Но когда бъ съ самимъ сердечнымъ
Къ Аннѣ духомъ, симъ и вѣчнымъ,
Пѣснь сравнилась днесь моя;
Тобъ самъ и Орфей Ѳракійскій,
Амфіонъ бы и Ѳивійскій
Восхищенъ былъ отъ нея.

Се бряцаю въ Ліру сладку.
Велелѣпно торжество,
Къ вящшему враговъ упадку
Величая ликовство.
О! коль доблественна сила
Нашу радость украсила:
Силѣ равнаго борца;
Свѣтлой радости нѣтъ мѣры,
Превосшедшей всѣ примѣры,
Усладившей въ насъ сердца.

Самъ Нептунъ чтоль строилъ стѣны?
Сіи при-морѣ стоятъ?
Нѣтъ ли Тройскимъ къ нимъ примѣны,
Что пустить внутрь не хотятъ
Росско воинство обильно,
И тому противясь сильно?
Вислою тамъ всѣ рѣкой
Не Скамандруль называютъ?
Не за Ідуль принимаютъ
Столнценбергъ, кой есть горой.

То не матерь басней Трóя:
Не одинъ тутъ Ахіллесъ:
Каждый рядовый изъ строя
Мужествомъ есть Геркулесъ.
Что жъ за Власть перуны мещетъ?
Не Мінерваль шлемомъ блещетъ?
Явно, что отъ горьнихъ лицъ;
Со всего богиня вида;
Безъ щита страшна Эгіда:
Анна, верьхъ Імператрицъ.

То и Росскій полкъ, на мало
Гданскъ, градъ вражій, окружилъ,
Марсомъ кажда звать пристало
Въ воехъ, какъ на брань спѣшилъ:
Всякъ готовъ пролить кровь смѣло,
Иль вѣнчать объ Аннѣ дѣло.
Щастьемъ Анны крѣпко всякъ:
Анна имъ надежда твёрда,
И что Та къ нимъ милосерда,
Каждый вѣренъ, не двоякъ.

Европейска и Азійска
Златовидный Солнца лучъ!
О! Монархіня Россійска,
Сей блаженства есть твой ключъ,
Что подданнымъ толь любезна!
И владычествомъ полезна!
Имя чтитъ твое весь Свѣтъ;
Славы не вмѣститъ Вселенна,
Видя, коль Ты проявлена,
И добротъ прекрасный цвѣтъ!

Что я зрю? не льститъ ли око?
Отрокъ Гёркулу впреки
Сталъ, подъемля бровь высòко,
Изъ оградъ, изъ-за рѣки!
Гданскъ то съ помысломъ неумнымъ
Какъ питьемъ упившись шумнымъ,
Се противится, и толь,
Самодержицѣ великой!
Безднъ не видитъ въ тмѣ толикой,
Всѣхъ и смертоносныхъ доль.

Станіслава принимаетъ,
Ищетъ дважды кой вѣнца,
Въ свой округъ, и уповаетъ
Быть въ защитѣ до конца
Чрезъ востекшаго Нептуна:
Росскаго жъ боясь перуна,
Дальный въ помощь и народъ
Емлетъ отъ береговъ Секваны;
Сей на бѣдство въ барабаны
Бьетъ у Векселміндскихъ водъ.

Гордъ огнемъ Гданскъ и желѣзомъ,
И полками воевъ тамъ,
Цѣлитъ Махіны разрѣзомъ
Въ Россовъ на Раскатахъ самъ:
Что жъ богатъ и всѣмъ припасомъ,
Станіславу кличетъ гласомъ;
Воиновъ своихъ блажитъ
Храбра сердца неимущихъ,
То едино стерегущихъ,
Жизнь спасти бъ, и всякъ бѣжитъ.

Ахъ! Гданскъ, ахъ! Что ты дерзаешь!
Въ умъ приди, съ нимъ соберись:
Въ пагубу себя ввергаешь.
Что сталъ? медлишь! покорись.
Смѣлость отъ чего имѣешь,
Что предъ Анной не рабѣешь?
Паддаются племена
Добровольно и безъ брани;
Что бъ не дать когда ей дани,
Хінска дважды чтитъ страна.

Аннѣ не́-было подобной
Въ милосердіи нигдѣ;
Нѣтъ и къ міру толь способной,
Съ нехотящимъ быть въ враждѣ:
Мечъ Олівою обви́тый
Въ бранехъ токмо есть сердитый.
Кинь, Гданскъ, помыслъ злобный, кинь:
Зришь, Алціды ужъ готовы;
Жителямъ бѣды суровы;
Слышишь Аннинъ гнѣвъ, не гинь.

Тысячами ты Атле́товъ
Тѣсно всюду окруженъ;
Грозныхъ молній отъ поле́товъ
Весь ужасно сокрушенъ.
Устоять тебѣ не можно:
Громъ готовъ уже́ не ложно;
Безъ защиты твой раскатъ;
Всякъ долъ бездну отверзаетъ;
Всякъ кровъ въ во́здухъ улетаетъ;
Всѣхъ почти лишенъ оградъ.

Купно хоть державы бъ стали
За тебя, Гданскъ, отъ сердецъ;
Хоть стихіи бъ защищали;
Многихъ странъ бы отъ конецъ
Воины въ тебѣ всемъ были,
И свою́ бъ кровь щедро лили:
Но ничто тебѣ отъ мукъ
Есть не сильно дать свободу,
И пресѣчь вконецъ безгоду,
И у Анны взять изъ рукъ.

Зри́те вы, противны роды,
Храбрость Росскихъ воевъ днесь:
Не вредятъ имъ огнь и во́ды;
Въ каждомъ грудь открыта здѣсь.
Коль всѣ дружно приступаютъ!
Какъ свою́ жизнь забываютъ!
Не страшитъ изъ пушекъ громъ!
Лѣзутъ, какъ плясать на браки!
И сквозь дымны видно мраки,
Что къ твердынямъ зрятъ челомъ.

Всѣ еще разятся страхомъ
Града бѣднаго въ стѣнахъ;
Падаетъ, летитъ все прахомъ
Осадитель на верьхахъ!
Съ башни Магістратъ послѣдней,
Зря, что въ силѣ несосѣдней,
Въ Станіславѣ вбѣгшемъ къ нимъ,
Суетная всѣмъ надежда,
А безъ смысла, какъ невѣжда,
Пасть, кричитъ, намъ рокомъ симъ.

Хочетъ быть, что я пророчилъ:
Начинаетъ Гданскъ трястись;
Здаться всякъ, какъ биться прочилъ,
Мыслитъ купно и спастись
Отъ оружій, бомбъ летящихъ,
И отъ всѣхъ заразъ градъ тлящихъ.
Всякъ вопитъ: часъ начинать:
Всѣмъ несносно было бремя;
Ахъ! врата градскія время
Войску Анны отверзать.

Сталось такъ. Знакъ виденъ къ здачѣ:
И повергся Гданскъ къ ногамъ!
Воинъ радъ нашъ объ удачѣ;
Огнь погасъ; конецъ бѣдамъ.
Тотчасъ Слава полетѣла,
Такъ трубою загремѣла:
Анна благощасна есть!
Анна есть непобѣдима!
Анна, всѣми возносима,
Обща красота и честь.

Ліра! пѣснь скончай и лики:
Анну вѣнценосну пѣть,
И доброты превелики,
Невозможно мнѣ, какъ лѣть,
Въ семъ хвала, въ семъ Аннѣ многа,
Что любима есть отъ Бога.
Самъ всегда ея блюдетъ;
Имъ побѣды та имѣетъ,
Кто противникомъ быть смѣетъ,
Анна многъ вѣкъ да живетъ!

—

РАССУЖДЕНІЕ ОБЪ ОДѢ ВОВЩЕ.

РѢЧЬ ОДА, СЪ ГРЕЧЕСКАГО ЕСТЬ СЛО́ВА Ωδή, КОТОРАЯ ПО НАШЕМУ ЗНАЧИТЪ: ПѢСНЬ. НО ВЪ САМОЙ ВЕЩИ: ОДА ЕСТЬ СОВОКУПЛЕНІЕ МНОГИХЪ СТРОФЪ, СОСТОЯЩИХЪ ИЗЪ РАВНЫХЪ, А ИНОГДА И НЕРАВНЫХЪ СТІХОВЪ, КОТОРЫМИ ОПИСЫВАЕТСЯ ВСЕГДА И НЕПРЕМѢННО МАТЕРІЯ БЛАГОРОДНАЯ, ВАЖНАЯ, РѢДКО НѢЖНАЯ И ПРІЯТНАЯ, ВЪ РѢЧАХЪ ВЕЛЬМА ПІИТІЧЕСКИХЪ И ВЕЛИКОЛѢПНЫХЪ.

По сему описанію Оды видно, что она благородствомъ Матеріи, и высокостію рѣчей не разнится отъ Эпическія Поэзіи, но токмо краткостію своею, также и родомъ стіха, для того что Ода никогда не сочиняется Гексаметромъ, или шесть мѣръ имѣющимъ Стіхомъ.

Всякая мирская пѣсня, буде она отъ правильнаго сочинена Пѣснотворца, подобна есть Одѣ тѣмъ, что и пѣсня изъ многихъ состоптъ Строфъ, иногда равныи всѣ, а иногда и неравныи Стіхи въ себѣ имѣющихъ. Но Матеріею, и словами весьма отъ Оды отлична: ибо содержаніе пѣсенъ часто, и почитай всегда, есть любовь, либо иное что подобное, лехкомысленное, и только что сердце человѣческое улещивающее; рѣчь же самая бываетъ въ нихъ иногда сладкая, но всегда льстящая, часто суетная и шуточная, не рѣтко мужицкая и ребячья.

Есть и еще родъ Строфъ, который всегда какъ въ средней матеріи, то есть, ни очень

благородной, ни весьма общей обращается; такъ и словами средними, именно жъ, ни весьма высокими, ни очень нискими, больше нѣчто отъ высоты, нежели отъ нискости занимающими, йдетъ. Сей родъ Строфъ Французы называютъ Стансами. Но сказать праведнѣе, Стансы ихъ всѣ тожъ что Оды, но токмо нѣжные, и непарящіе въ высоту.

Подлинно, Пиндаръ Ліріческій Пиитъ на Греческомъ языкѣ, и Горацій подобнаго жъ искусства на Латинскомъ, только совершенно писали Оды, что, желающій нынѣ въ томъ имѣть успѣхъ, не можетъ имъ не послѣдовать. Они только одни умѣли сочинять толь чудесно, когда, чтобъ изъявить разумъ свой, какъ будто бъ онъ былъ внѣ себя, прерывали съ умысла послѣдованіе своея рѣчи; и дабы лучше войти въ разумъ, выходили, буде позволено такъ сказать пóслѣ Боало-Депреó, изъ сáмаго разума, удаляясь съ великимъ стараніемъ отъ исправнаго порятка, который имѣлъ бы отнять всю соль, весь сокъ, или лучше сáмую дýшу у Ліріческія Поэзіи.

Присмотрившись къ величественности и неподражаемому совершенству въ Одахъ сихъ великихъ въ древности Мужей, Боало-Депреó Сатірікъ Французскій, во второй пѣсни Науки своея о Поэзіи, такъ говоритъ объ Одѣ:

Son stile impetueux souvent marche au hazard,
Chés elle un beau desordre, est un éffet de l'art,

то есть:

Бы́стра въ Одѣ слога часто есть отваженъ ходъ. Красный безпорядокъ точно въ ней искусства плодъ. Сего пра́вила никто на Французскомъ язы́кѣ, какъ мнится, не употребилъ лучше самаго Автора Депре́о, которое онъ самымъ дѣломъ совершенно всѣмъ показалъ въ презрядной своей Одѣ, сочиненной по случаю взятаго го́рода Намура отъ Французскаго войска. Признаюсь необиновенно; сія са́мая Ода подала мнѣ весь планъ къ сочиненію моея о здачѣ го́рода Гданска; а много я въ той взялъ и изображеній; да и невесьма тщался, чтобъ мою́ такъ отличить, дабы никто не зналъ: я еще ставлю себѣ въ нѣкоторый родъ че́сти, что возмогъ нѣсколько уподобиться въ моей толь громкому и великолѣпному произведенію, которое такъ есть благоуспѣшно, что, по мнѣнію знающихъ Особъ силу, ничемъ не отстало отъ всего, что мы ни имѣемъ изъ сочиненій въ семъ родѣ, оставшихся намъ отъ Піндара и Горація.

Всякъ Россійскій охотникъ можетъ примѣтить высоту сло́ва, какова́ приличествуетъ Одамъ, въ Псалмахъ Святаго Пѣснопѣвца Псалтіріческаго: ибо Псалмы нечто есть иное, какъ токмо Оды, хотя на Россійскій нашъ и не Стіхами они переведены, но на Еврейскомъ всѣ сочинены Стіхами. Увидитъ онъ тутъ и благородство матеріи, и богатство украшенія, и великолѣпіе изображеній; увидитъ мудрое прерываніе разума не

отходящее; увидитъ удивительное вознесеніе слога, и, по Ролленевымъ словамъ во второмъ надесять Тóмѣ древнія его Исторіи, неисчетное множество живыхъ красотъ и одушевленныхъ. Въ нихъ рѣки возвращаются вспять къ своймъ источникамъ; моря расступаются и убѣгаютъ; холмы, скачутъ; горы таютъ какъ воскъ и исчезаютъ; небо и земля слушаютъ и внушаютъ съ почтеніемъ и въ молчаніи; все естество приходитъ въ движеніе и колеблется отъ лица́ своего Зиждителя: увидитъ онъ и скажетъ, что то по са́мой истиннѣ есть Божій языкъ. Такова́ долженствуетъ быть совершенная Ода, а особливо благородную матéрію воспѣвающая.

Что жъ до моея; коль я ни тщался, однако, вѣдая мое бессиліе, не уповаю, что бъ она столько жъ сильно была сочинена, сколько Боалова, которой моя есть Подраженіе: довольно съ меня и того, что я нѣсколько возмогъ оной послѣдовать. Я впрочемъ и не даю моея Оды за совершенный образецъ въ семъ родѣ сочиненія: но при важности въ матеріи, и при Имени похваляемыя и воспѣваемыя въ ней, она нѣчто имѣетъ въ себѣ, какъ мнится, нѣсколько небесславное, а именно, са́мая первая есть на нашемъ Язы́кѣ.

—

II.

ПОХВАЛА ЦВѢТКУ РОЗѢ.

Благовонна Роза! красота весны!
Цвѣтниковъ повсюдныхъ яхантъ безъ цѣны!
Госпожу всему, что красамъ причасно,
Иль тому тебя грунтъ, что есть прекрасно,
О! тебя Царицу сла́внѣйшу цвѣтовъ,
Не зарницу, солнце точно всѣхъ садовъ!
Похвалить теперь я хотя и тщуся:
Но румяну зря, и хвалить стыжуся.

Какъ тебя раждало Естество на свѣтъ;
То всѣмъ тѣмъ снабдило, лучшаго въ чемъ нѣтъ:
Красныхъ всѣхъ цвѣго́въ тѣмъ ты и красняе,
Тѣмъ ты и чесныхъ, сколько есть, чесняе.
Прочіи красятся мало чемъ цвѣты,
А въ тебѣ верьховны видимъ красоты:
Въ бѣлости бъ блѣднѣлъ лучъ Лілѣй немалый,
Къ бѣлизнѣ тебѣ данъ цвѣтъ желтъ и алый.

Въ землю посадило мяхку израстать,
Мяхкости бъ отъ грубой во вредѣ не стать;
Зе́фіръ тонкій самъ надъ тобой летастъ,
Въ во́здухъ ароматъ всюду развѣваетъ:
Естество то только тщилось о тебѣ,
Что тебя любиму изъ цвѣто́въ себѣ,
Терніемъ въ округъ оградило смѣжно,
Не касалось бы къ нѣжной, что не нѣжно.

Влитъ въ тебя пріятный благовоній сокъ,
Намащенъ пресладкимъ духомъ всякъ листокъ;

Чувство въ насъ одно, зря тебя, дивится,
А другое чувствъ духомъ тѣмъ сладится.
Благолѣпность много подаетъ утѣхъ,
Благовонство рáвно сладостей намъ всѣхъ:
Внѣшнимъ кто, коль ты, столько есть богата?
Внутреннимъ же всѣмъ ужъ дражайша злата.

Испытать хотѣла багрецомъ своймъ,
И другихъ составомъ многихъ красокъ съ нимъ,
Живопись всегда пéстра, разноцвѣтна,
Видима очамъ, слуху безпривѣтна,
Чтобъ тебѣ подобный написать цвѣтъ здѣсь;
Зритъ изобразивши въ разности тотъ весь:
Какъ бы кистью то живо учредилось,
Само Небо въ чемъ тщательно трудилось?

Адамантъ перлъ сколько выше оцѣненъ;
Коль источникъ мутный съ чистымъ несравненъ;
Златъ желѣзна коль есть крушецъ дражайшій;
Отраслей своихъ кедръ коль высочайшій:
Толь ты превосходишь цвѣтоносный родъ,
И цвѣтущій въ твари всякій разный плодъ.
Предо всѣми что есть Луна звѣздами,
Зришься то сама ты между цвѣтами.

Всѣ зримъ ненасытно лѣпоту твою,
Бóльшу любопытность кажетъ зряй свою;
Обоняемъ твой съ неба духъ богатый:
Равенъ твоему гдѣ есть ароматный?
Самъ ты лучше знаешь, о! рой мудрый пчелъ,
Сколько цвѣтъ сей райскій въ дивный твой пре-

дѣлъ

Щедро подаетъ, отъ сокровищъ истыхъ.
Всепріятный даръ, Нéктаръ мéдовъ чистыхъ.

—

III.

ПОХВАЛА ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ПРАВДѢ НАДЪ ЛЖЕЮ.

О! что за злость? о! что за ярость?
Пороковъ что за смрадна страсть?
Коль адскимъ дышетъ та огнемъ!
Кому она во вредъ стремится!
Не умертвить ли стервѣнится!
Въ ней лютъ есть гнѣвъ, а жаръ лютъ въ немъ!

Чудовище свирѣпо, мерзско!
Три гóловы подъемлетъ дерзско!
Сверкаетъ въ томъ тройный языкъ!
Ядъ изблевать ужé готово!
И наглостію толь сурово,
Разинуло тройный же рыкъ!

То Ложь проклята, дерзновенна,
Изъ Ада вышедши безденна,
Святую боретъ Правду злясь:
Бесстыдно гонитъ ту всечасно;
Тѣмъ славится ужъ велегласно,
Что хочетъ растерзать стремясь.

Укройся Правда ты драгая
Восстала на тебя Ложь злая:
Та нагла, ты сверьхъ мѣръ кротка;
Свирѣпа та, но ты вся сладость;
Та древній звѣрь, въ тебѣ ввѣкъ младость;
Задавитъ, мню, тебя съ летка.

И се исходитъ Правда мила,
Съ ней и Добротъ премнога сила:
Честь, Постоянство, Красота,
Умильность, Свѣтлость непримрачна,
Вся Добродѣтель благозрачна,
И благостей всѣхъ высота.

Ко Лжи приходитъ тихо, прямо.
Ложь смотритъ на нея упрямо!
Прочъ, вселюбезна Правда, прочъ:
Ложь на тебя скрежещетъ злобно,
Пожрать возможетъ та удобно,
Иль смерть вдругъ смертоносна дочь.

Ахъ горе! зрится брань задорна,
Жарка, хоть и единоборна:
Каковъ былъ страшный Голіатъ
Въ своихъ поступкахъ и обратахъ,
Весь ополченъ, отвсюду въ латахъ;
Таковъ Лжи въ смѣлости прикладъ.

А Правда сходствовала точно,
Сходясь въ бой бутто какъ не прочно,
Тому, кой Пастушкомъ успѣхъ
Весь одержалъ побѣдоносный;

Въ проворствѣ жъ будучи некосный,
Противника низвергъ въ посмѣхъ.

Такъ рáвно битва началася,
Гдѣ Правда Лжи не подалася.
Грозитъ ту спѣшно Ложь убить;
Она мнитъ, что твоя сильняе:
Но Правда оную больняе
Ужъ начала въ чело разить.

Ругаетъ пѣнясь та словами;
И Правда не молчитъ устами:
Та не пронзила ужъ едва;
Мечемъ же Правда ту острѣйшимъ,
И пораженіемъ сильнѣйшимъ
Низринула до смертна рва.

О! язва, разъ благополучный!
О! слава, гласъ побѣды звучный!
Лжи гордыя слѣдóвъ не знать!
Есть Правды торжество преславно;
Красуется за дѣло главно:
И дивноль ей торжествовать?

Еще торжествъ всѣмъ видны слѣды
Тамъ пòслѣ славныя побѣды:
Идéтъ за Правдою чинъ многъ;
Всѣжъ добрыя сердца имѣютъ,
Всклицаніями ей спѣютъ,
Препровождая ту въ чертогъ.

То всѣми зрѣлище толико.
Прославлено какъ превелико

Коль Правдѣ горесно терпѣть
Отъ Лжи зло было и некратко;
Толь кра́сно торжество и слатко
Въ весели́и ужъ нынѣ пѣть.

—

IV.

ПОХВАЛА ИЖЕРСКОЙ ЗЕМЛѢ, И ЦАРСТВУЮЩЕМУ ГРАДУ САНКТПЕТЕРБУРГУ.

Пріятный брегъ! Любезная страна!
Гдѣ свой Нева потокъ стремитъ къ пучинѣ:
О! прежде дебрь, се коль населена!
Мы градъ въ тебѣ Престольный видимъ нынѣ.
Не мало зрю въ округѣ я доброт:
Рѣки́ твоей струи лехки́ и чисты;
Студенъ возду́хъ, но здравъ его есть родъ.
Осушены́ почти ужъ блата мшисты.

Гдѣ мѣсто ты низвергнуть подала
Враговъ своихъ блаженну Александру:
Въ Трофей и Лавръ тамъ Лавра процвѣла;
Тамъ почернилъ багряну токъ Скамандру.

Отверзла путь, торжественны врата,
Къ Полтавскимъ тѣмъ полямъ сія побѣда;
Великій Самъ, о! слава, красота,
Сразилъ на нихъ Петръ равнаго жъ сосѣда.

Преславный Градъ, что Петръ нашъ основалъ,
И на красѣ построилъ толь полезно:
Ужъ древнимъ всѣмъ онъ нынѣ равенъ
стал;
И обитать въ немъ всякому любезно.

Не больше лѣтъ, какъ токмо съ пятьдесятъ,
Отнелѣжъ всѣ, хвалу отъ удивленной
Ему души́ со славою гласятъ,
И честь притомъ достойну во Вселенной.

Что жъ бы тогда, какъ пройдетъ ужъ сто лѣтъ?
О! вы, по насъ идущіи Потомки,
Вамъ слышать то, сему коль Граду свѣтъ,
Въ восторгъ пришедъ, хвалы пѣть будетъ
громки.

Авзонскихъ странъ Венеція и Римъ;
И Амстердамъ Батавскій; и столица
Британскихъ мѣстъ тотъ долгій Ло́ндонъ
къ симъ,
Паріжъ градамъ какъ верьхъ, или Царица,

Всѣ сіи цѣль есть шествій нашихъ въ нихъ,
Желаній вещь, чесное наше странство,
Разлука намъ отъ кровнѣйшихъ своихъ:
Влечетъ туда насъ слава и убранство.

Сей любъ тому, иному тотъ изъ насъ:
Какъ веселилъ того, другой другаго;
Такъ мы объ нихъ бесѣдуемъ многъ часъ,
И по́мнимъ, что случилось тамъ драгаго.

Но вамъ узрѣть, Потомки, въ Градѣ семъ,
Изъ всѣхъ тѣхъ странъ слетающихся густо,
Смотрящихъ все, дивящихся о всемъ,
Гласящихъ: се Рай сталъ, гдѣ было пусто

Явится имъ здѣсь мудрость по всему,
И изъ всего Петрова не въ зерцалѣ:
Санктпетербургъ не образъ есть чему?
Восстанутъ: жаль! Зиждитель Самъ жилъ вмалѣ.

О! Боже, твой предѣлъ да сотворитъ,
Да, о Петрѣ Россіи всей въ отраду,
Свѣтило дня впредь равнаго не зритъ,
Изъ всѣхъ градовъ, вездѣ Петрову Граду.

—

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ ІМПЕРАТРІЦѢ

ЕЛІСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ

ГОСУДАРЫНѢ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНІЕ

ВЪ ВЫСОЧАЙШІЙ ДЕНЬ КОРОНОВАНІЯ ВЪ ЦАРСТВУЮЩЕМЪ ГРАДѢ ВЪ МОСКВѢ

Апрѣля 25 дня, 1742 года

ВЪ ПРИВѢТСТВЕННОЙ ОДѢ ИЗОБРАЖЕННОЕ И ЕЯ СВЯЩЕННѢЙШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ УСЕРДНѢЙШЕ ПОСВЯЩЕННОЕ И ВЪ САМЫЙ ТОТЪ ДЕНЬ ВЪ ГРАНОВИТОЙ ПАЛАТѢ ПОДНЕСЕННОЕ РАБОЛѢПНО ОТЪ ВСЕПОДДАННѢШАГО РАБА *В. Т.*

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ ІМПЕРАТРІЦА!

САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ!

Вожделѣнный и спасительный День всеобщія Россійскія радости, то есть, День Вашего Императорскаго Величества святѣйшаго Коронованія, расширивъ чувствительнѣйшимъ веселіемъ мое сердце, не попускаетъ и мнѣ быть при всемірныхъ безгласну восклицаніяхъ. Не имѣя достойнѣйшаго способа, къ изъявленію внутренняго моего усердія, Оду сію токмо, припадъ къ Стопамъ Вашего Императорскаго Величества, за истинный знакъ всеподданническія моея должности, Вашему Императорскому Величеству въ привѣтствіе посвящаю.

Дерзновенію моему хотя и не можно извиниться совершенно, тѣмъ что вседостойной въ свѣтѣ Монархинѣ, крайно недостойную Пѣснь толикаго Празнованія и Короны, нынѣ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ торжественно отъ Рукй Всевышняго воспріятыя, приношу явно: однако нѣсколько не можетъ же оное во мнѣ быть и не оправдано, что искреннимъ сердцемъ, чистымъ духомъ, и непритворнымъ воспламеняемый радованіемъ, прославляю въ ней, по мѣрѣ слабыхъ моихъ силъ, Ваше Императорское Величество, истинную нашу Самодержцу.

Воспріемля съ благоволеніемъ въ День сей великолѣпныи отвсюду дары, да не отринетъ

Ваше Императорское Величество малаго сего и убогаго; сіе жъ по примѣру преисполненнаго щедротъ Бога, коего здѣсь на землѣ Образъ есть и Подобіе Ваше Императорское Величество: ибо Его Благость призираетъ и на драгоцѣнное отъ приносящихъ къ Олтарю злато, и едва на непрезираемые нѣкоторые вещи. Сего есть рода точно и сіе мое приношеніе: но представляетъ оно въ Жертву Вашему Императорскому Величеству какъ чистѣйшую ревность, такъ должное, совершенное, и глубокое всеподданническое раболѣпство, съ которымъ всегда я былъ, нынѣ есмь, и пребуду до послѣдняго издыханія,

Всемилостивѣйшая Государыня
Императріца,
Вашего Императорскаго Величества

Всеподданнѣйшій Рабъ:
В. Тредіаковскій.

—

V.

ПРИВѢТСТВЕННАЯ.

Устрой, давно молчаща Ліра,
Въ сладчайшій гласъ твоихъ звонъ струнъ;
Да будетъ слышимый отъ Міра,
Взнеси до странъ, гдѣ есть перунъ,
Твой возгласъ свѣтлый и пріятный,
И въ звучномъ шумѣ грому внятный:

Сама въ умильности въ чертогъ
Несись къ Елисаветѣ красно,
Ту воспѣвая повсечасно,
И повергаясь къ Ней до ногъ.

О! Матерь отчества Россійска,
О! Лучъ Монархінь и Красотъ,
О! Честь Европска и Азійска,
О! Плодъ Петровъ, и Верьхъ Высотъ,
Воскликнуть можетъ кто пристойно,
Чтобъ было все того достойно,
Кой зрится на Главѣ Твоей
Вѣнецъ отъ каменя толь чѣсна?
Моя Пѣснь будетъ хоть не лѣсна;
Но силъ къ хваленію нѣтъ въ ней.

Зефірный вѣтры духъ да вѣютъ,
Да рѣки Нектаромъ текутъ,
Скоряе всѣ плоды да спѣютъ,
Цвѣты вездѣ да прорастутъ,
Да льютъ Стіхіи силу нову,
Къ безвредію вещей готову:
Россійски нынѣ Небеса
Въ Елисаветѣ обновились,
Ея и земли премѣнились,
И зрятся всюду чудеса.

Безъ дива ль очи въ насъ едины
Возобновленіе то зрятъ?
Не имутъ ли сердца причины
Къ веселію, что толь горятъ?

Законну мы Главу зримъ нынѣ
Вѣнцемъ блещащу въ благостынѣ·
Мы всѣ зримъ, что Елісаветъ
Престолъ, Власть, Скипетръ и Державу
Наслѣдила себѣ по праву,
И Вѣкъ златый ко всѣмъ ведетъ.

Стремится тщетно мысль на го́ры,
Гдѣ сладкогласныхъ Музъ Престолъ;
Туда возводитъ дерсско взоры,
Оставить порываясь долъ:
Ни Аполлінъ есть самъ исправенъ,
Ни нѣжный Хоръ его весь равенъ
Елісавету восхвалить,
Імператріцу увѣнчанну,
Въ знакъ милостей намъ свыше данну;
Мнѣ ль достолѣпно вострубить?

Елісаветѣ подобало
На Тро́нѣ семъ давно сидѣть;
Давно въ рукахъ ей надлежало
Державу съ Сриипетромъ имѣть:
Сама Главы Ея Корона,
Бедра жъ искалъ Мечъ оборона:
Давно быть и на раменахъ
Порфіра златотканна тщилась,
Дабы сама вся украсилась
Толь отъ Прекрасныя въ Женахъ.

Народъ тогда колико бѣдный
Лилъ теплыхъ къ Вышнему молитвъ,

Да взыдетъ Та на Тронъ наслѣдный,
Хоть былъ ему страхъ отъ ловитвъ!
О! Вы толь храбрыи солдаты,
Монархіни сея коль-краты
Сердецъ желали въ глубинѣ?
Вы, О! стѣна Россіи твёрда,
Ужъ видите что Милосерда
Верьховнѣйшею въ сей странѣ.

Всѣ зри́те, се Елісавета
Сіяетъ коль свои́мъ Вѣнцемъ!
Се въ багряницѣ, съ словъ завѣта
Пресвѣтло блещетъ коль Лицемъ?
Прекрасна, Щедра, Справедлива,
Во всѣхъ Добро́тахъ особлива,
На Тро́нѣ важно коль сидитъ!
Величіе въ Імператріцѣ,
Всякъ зря и Красоту въ Дѣвицѣ,
Да Ону достодолжно чтитъ.

Еще ль гласить по недостатку
Моихъ силъ тако не боюсь?
Я ль воспою хвалу прелатку,
И толь продерзостенъ явлюсь?
Почто я въ мысли не имѣю,
Что съ неискуства онѣмѣю?
Но всюду славятъ по всему
Елісавету несравненну:
Тѣмъ Пѣснь мою́ неукрашенну
Скраси́тъ усердіе къ тому.

О! Всѣхъ сердецъ толь чистый пламень,
Елісаветъ, Петрова Дщерь?
Почто жъ Твое къ намъ было камень,
Надежды заключая дверь?
Почто не прежде воцарилась?
Ни прежде въ семъ Вѣнцѣ явилась?
Тебѣ ль всѣхъ слёзы повсегда
Не объявляли предовольно,
Тобою если бъ было вольно,
Была бъ въ насъ Главною тогда?

Поставлены ужъ сѣти были;
Ямъ оказалась глубина;
Бѣды и скорби насъ губили;
И ненависть воружена:
Блевала злость змінным ядомъ,
Со дна всѣмъ подъималась Адомъ.
Россіи горькій токмо стонъ.
Всѣ безъ защиты отъ навѣта!
Но Ты зря, О! Елісавета,
Какъ бутто сихъ не зрила спонъ.

Особа жъ ли Твоя дражайша
Тогда пребыть могла безъ бѣдъ?
О! Дщерь, Отца Дщерь не нижайша,
Толикій никому былъ вредъ:
Вездѣ обида, всюду страхи;
Ужѐ и самыи всѣ прахи
Любезну гнали Небесамъ.
Хотя жъ сіе и досаждало;
Однакъ Тебя не возбуждало
Итти, куда Твой Родъ велъ самъ.

Народъ, все войско, благородство,
Сінклітъ, и весь духовный чинъ,
Науки, судъ, и мореходство,
Всякъ вѣрнѣйшій Россійскій сынъ;
Все, въ видѣ отъ Петра что новомъ,
Молило такъ молчащимъ словомъ:
О! буди, время, наша Мать;
Твои всѣ, и Твоихъ неложно;
Потщись, а дѣло есть возможно,
Престань всѣхъ Радость, толь рыдать.

Симъ Духъ, толь непоколебимый,
Хоть не терзаемъ быть не могъ;
Но такъ былъ видъ Твой всѣми зримый,
Что бутто не крушилъ налогъ.
Великодушія предѣлы,
Могли бъ всѣ и тогда быть цѣлы:
Бѣдамъ ли Ты ждала конца?
У всѣхъ ужѣ шли къ смерти но́ги,
Спастись, не видѣли дороги,
Что быть коснѣла безъ Вѣнца.

Чтожъ то! въ ревнительнѣйшемъ жарѣ
Поющій Стіхъ куда стремлю?
Безумно въ дерзкомъ зрюсь быть сварѣ,
Впреки Терпѣнію гремлю.
О! Мати Росскихъ чадъ высока,
Не отврати во гнѣвѣ ока:
Вся радость чистая моя
Хотя сіе такъ произноситъ;
Но зритъ, и вѣрить проситъ,
Колика мудрость въ семъ Твоя.

Судебъ я бездну вышня Бога
Чту токмо, ужасомъ разясь;
Испы́товать ту дерзость многа,
Бѣгу́ потопа не стыдясь:
Премудрый вѣдалъ точно время,
Въ которое, Петрово Племя,
Десницею благословить,
Полезнѣе для насъ всѣхъ было.
Но средство Міръ весь удивило,
Далъ коимъ Скипетръ возвратить.

Уже́ зришь, коль народъ пода́нный
Веселій выше здѣсь своихъ;
Ликуетъ, что есть непопранный
Отъ звѣрства гордаго чужи́хъ.
Но радости сея причина,
Ты, О! Монархіня, едина:
Восставилъ Скипетръ Твой его;
Твоимъ есть утвержденъ Престоломъ:
Нѣтъ мѣста въ немъ Фортунѣ съ ко́ломъ;
Вѣнецъ Твой щитъ намъ отъ всего.

Тобою всѣ мы благощасны;
Всякъ состояніе блажитъ;
Всѣмъ нынѣ дни сіяютъ красны;
Ничто ужъ больше не страшитъ.
Миръ заключаешь ли съ Другими?
Несутся съ Неба да̀ры сами,
Обиліе, богатство вновь,
Вселяется внутрь духъ спокойный,
Порядокъ зрится всюду стройный,
Усердность, искренность, любовь.

Враги ль Тебя гдѣ нудятъ къ брани?
Остряе Росскій тотчасъ мечъ;
Несутся вскорѣ должны дани;
Ярится храбрость тѣхъ посѣчь.
Гдѣ воинъ и́детъ, тамъ успѣхи;
Моря, и рѣки безъ помѣхи:
Поля, и горы для побѣдъ;
Быстряе птицы Слава мчится;
И токмо торжество краси́тся:
Противныхъ погибаетъ слѣдъ.

Въ вѣкъ долгій здравствуй, Вѣнценосна!
Красуйся въ благодати сей!
Къ единымъ казнемъ лютымъ ко́сна,
Въ Щедротѣ процвѣтай Твоей!
Дарами свыше превосходна,
И Добродѣтелямъ всѣмъ сродна,
Въ блаженствахъ весело играй!
Вкушай намѣреній плодъ чистыхъ
Въ Петрѣ съ Петровыхъ вѣтвей истыхъ.
Но въ даръ Тебѣ? сердца взимай,

Не призри моея гласъ Музы
Молчавшія премногі дни;
Расторгла нѣмоты днесь узы,
Ея похвалъ не отжени:
Хотя и недостойна слуха;
Но чи́ста се́рдца Пѣснь и духа:
На искренность ея воззри,
На вѣрну должность и подда́нства;
Симъ щасливу, и безъ убранства,
Тобою красну сотвори.

—

VI.

Благодарственная.

Монархіня велика!
Зерцало Героінь!
Не оныхъ общихъ лика:
Ты всѣхъ верьхъ благостынь.
Тебѣ, съ Тімпаны стройно,
Гласятъ Трубы достойно.
О! Муза въ сладость гласъ, по мѣрѣ силъ, настрой,
Елісаветѣ пѣснь благодареній вспой.

Льешь всѣмъ благодати
Изъ нѣдръ златыхъ Твоихъ:
Верьховна россовъ Мати,
Ты правосудна въ нихъ;
И Милось просіяла,
Но толь, что всѣхъ объяла.
О! Муза, позный родъ о семъ ты увѣряй,
Елісавету всякъ день нынѣ прославляй.

Приводишь въ честь Науки,
Созиждешь имъ и домъ;
Ихъ предваришь докуки,
Насытишься плодомъ:
Тѣ возвеличатъ Славу,
И ублажатъ Державу.
О! Муза, проповѣждь толику благодать,
Елісаветъ что симъ судила преподать.

Но, о! Императріца,
Сокровище даровъ!
Пресвѣтлая Денница!
Прибѣжище! Покровъ!
Мы о Твоей Порфірѣ
Прославлены ужъ въ мірѣ.
О! Муза, ублажи причину славы всѣмъ,
Въ Елисаветѣ коль красуемся мы тѣмъ.

Служить Самодержавной
Блаженство есть не тще;
Усердствовать же Главной,
Блаженнѣйше еще:
Твоя власть всѣми чтима;
Особа, всѣмъ любима.
О! Муза, вострубн, что дивнъ Ея Вѣнецъ;
Но что Елисаветъ любленіе сердецъ.

Твоя жизнь, наша радость;
Тобою все цвѣтетъ;
Ты здрава, намъ то сладость:
Все о Тебѣ живетъ.
Храни, мы благодушны;
Вели, се мы послушны.
О! Муза, возгласи, что наша обща честь,
Прехвальная во всемъ Елисавета есть.

Подобно вышню Богу,
Не втуне гдѣ мольба,
Творитъ награду многу
Твоя рабамъ судьба:

Тамъ вѣра насъ спасаетъ
Здѣсь вѣрность украшаетъ,
О! Муза, подтверди, что наша красота,
Къ Елисаветѣ внутрь сердечна правота.

Кого мы узримъ уныла
При Щедролюбной толь?
Ни тѣхъ Ты не забыла,
Въ комъ мало службы доль:
Тебѣ усердство сильно,
Да милуешь обильно.
О! Муза, проявляй чрезъ раболѣпный знакъ,
Въ насъ искренность кипитъ къ Елисаветѣ какъ!

Щедротъ Твоихъ зрю тайну
Послѣднему и мнѣ:
Внутрь вѣрность чрезвычайну,
Усердіе въ огнѣ,
Зришь, и кладешь содруги
За самые заслуги.
О! Муза, въ краткій слогъ, что въ сердцѣ, собери,
Елисавету въ немъ со мной благодари.

Тебѣ не однократно
Угодно награждать;
Да будетъ и обратно
Сердца отъ насъ взимать:
Въ нихъ пламенѣетъ чисто
Подданство само исто

О! Муза въ краткій слогъ, что въ сердцѣ, собери,
Елісавету въ немъ со мной благодари.

Пребудетъ Имя въ вѣки
Твое отъ рода въ родъ,
Доколѣ человѣки
Свой размножаютъ плодъ:
Вѣнецъ здѣсь славну чѐснымъ,
Прославитъ Богъ небеснымъ.
О! Муза, въ краткій слогъ, что въ сердцѣ собрала,
И благодарность тѣмъ Державной принесла.

—

ОДЫ БОЖЕСТВЕННЫЕ.

I.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА I.

БЛАЖЕНЪ МУЖЪ.

Мужъ поистиннѣ блаженъ,
Кой, къ совѣту нечестивыхъ
Нé-былъ всякой приближенъ
Шествіемъ, для мнѣній льстивыхъ.

Кой нижé когда позналъ
Беззаконныхъ путь лукавый;
И на томъ отнюдъ не сталъ,
Зная, коль есть онъ неправый.

Кой не сѣлъ и на престолъ
Пагубниковъ гордо злобныхъ,
Ни на немъ судя проболъ
Какъ чужихъ, такъ и утробныхъ.

Но закону отдаетъ
Послушаніе Господню;
И его всегда поетъ,
Всю кленя власть преисподню.

Сей, какъ древо при водахъ,
Процвѣтаетъ насажденный;
Веселится, что въ плодахъ
Правоты есть угобженный.

Какъ на томже древѣ листъ
Чрезъ все время зеленѣетъ;
Такъ весь вѣкъ въ дѣлахъ онъ чистъ,
Что ни начнетъ, преуспѣетъ.

Все не такъ съ Грѣшащимъ, кой
Ни стыда, ни Вышня знаетъ:
Онъ такія мзды въ день свой
Никогда не получаетъ.

Онъ презрѣнъ такъ равно есть,
Какъ валяяйся прахъ въ долѣ,
Что метя вихрь бурный несть
Можетъ отъ земли по волѣ.

Тѣмъ то всякъ изъ таковыхъ
Въ милостивый судъ не встанетъ;
И ниже въ числѣ Святыхъ
Въ вѣчной радости предстанетъ.

Праведныхъ стези вѣсть Богъ,
И всегда и Самъ защититъ;
Путь же злыхъ хотя и могъ,
Грозна гибель весь похититъ.

—

II.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА 6.

Господи да не яростію твоею.

О! не ярости во время,
Господи, мя обличи;

Золъ же всѣхъ за тяшко бремя,
И за многое тѣхъ плéмя,
Не во гнѣвѣ къ кáзни повлачи.

Но помúлуй, попремногу
Изнемогшаго меня:
Кости страждутъ мýку срогу,
Покажи къ цѣльбѣ дорóгу,
Боже! вопію стеня.

Духъ въ смятенiи мой зѣльномъ;
Сокрушаюсь повсегда:
Ты жъ, о мнѣ толь непсцѣльномъ,
Въ милосердьи боспредѣльномъ,
Воспомянешь ли когда?

Господи мой! обратися;
И, по благости твоей,
Самъ отъять отъ тьмы потщися
Дýшу бѣдну, и явися
Преклонéнъ къ мольбѣ моей.

Нѣтъ по смерти таковаго,
О Тебѣ бъ кто вспомнить могъ;
Возблагодарить за благо,
И за все, что въ жизни дрáго,
Кой во гробѣ есть предлогъ?

Обессилѣлъ воздыхаяй!
Есмь еще на всяку нощь
Ложе плачемъ умываяй,

И слезами напаляй,
Отчужденъ всего и тощь.

Очи съ плача помутились;
Отъ враговъ весь сокрушенъ:
Пагубно въ себѣ озлились,
Къ ненависти уклонились;
Я надежды ужъ лишенъ.

Отступи́те отъ меня лукавцы:
Богомъ вопль услышанъ мой.
Отступи́те всѣ тщеславцы,
И вы лжи за правду давцы,
Злобѣ пре́данны само́й.

Богъ ужъ отъ меня молитву
Милостивымъ слухомъ внялъ;
Презираю вашу битву,
Лесныхъ и сѣте́й ловитву:
Богъ моленіе пріялъ.

Стыдъ, смятеніе въ презорѣ
Всѣмъ да придетъ здѣсь врагамъ!
Стыдъ, съ бесчестіемъ тѣмъ въ го́рѣ,
Какъ не обратятся вскорѣ!
Ихъ сломленіе рога́мъ!

—

III.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА 18.

Небеса повѣдаютъ славу Божію.

Глупа мудрость! о! и ты
Въ смыслѣ разумъ ослѣпле́нный!
Вашъ доколѣ погубленный
Внѣ рассудокъ правоты?
Какъ! отъ Тварей, говорите,
Вы Творца вещей не зри́те!

Всякъ на Небеса воззри:
Кто бъ возмогъ, кто, развѣ Бога,
Синій тотъ Сводъ безъ прилога
Распестрить толь? Ей! безъ при,
Божія всемощна сила,
И премудрость украсила.

День всегда плыветъ за днемъ;
Нощь же но́щи премѣняетъ;
Волю благу чинъ являетъ,
И строеніе о всемъ;
Нѣтъ сомнѣнія ни мало:
То отъ Твёрди твердо стало.

Съ нашимъ въ ней несходенъ гласъ;
Слышать звоны невозможно:
Строемъ всѣхъ свѣтилъ неложно
Дольныхъ увѣряетъ насъ:
Вся земля внушаетъ слово,
Міра всѣмъ концамъ не ново.

Рекъ Господь, и подаетъ
Солнце Свѣтлость всю златое;
Такъ женихъ лице младое
Кажетъ, какъ оно встаетъ,
Всѣмъ лучи лія собою,
Согрѣвая теплотою.

Красный бѣгъ его толь скоръ,
Что не можно Исполину,
Какъ течетъ въ верьхъ и въ долину,
Быть сравнѣнну съ оныхъ въ споръ,
Коль къ Предѣлу ни стремится,
Да за трудъ Вѣнцемъ почтится.

Востока шествуя съ границъ
Въ вечеръ въ западѣ съ зарями,
Преконожнымъ за морями,
Да подастъ своихъ зѣницъ
Тотъ же лучъ благотворящій,
Непрестанно въ службѣ бдящій.

Но его свѣтъ, красота,
Толь къ себѣ не привращаютъ,
И ни столько просвѣщаютъ
Взоръ людскій, коль высота
Божія закона точно,
Чтобъ пожить всѣмъ непорочно.

Завѣщаніе того
Безъ погрѣшностей, и вѣрно;
Мудрый умъ нелицемѣрно

Малымъ дѣтямъ отъ него:
То Свѣтъ моего есть о́ка!
Радость сердцу то глубо́ка!

Господи! Страхъ Твой есть святъ,
Пребываетъ онъ всевѣчно;
Кривдами нигдѣ конечно
Судъ твой, Боже, не запятъ:
Онъ неумолимъ дарами;
Лжи не потемненъ играми.

Злато, ни камы́къ толь драгъ!
Медъ, и сотъ не толь есть сладокъ,
Не отъиметъ мзды припадокъ,
Какъ тебѣ не буду врагъ,
Заповѣдей тѣхъ презоромъ,
И премногихъ скверн зазоромъ.

Кто грѣхамъ число могъ знать?
Я отъ тайныхъ преступленій,
И чужихъ отъ озлобленій,
Очищѐнъ, моло́, предстать:
Да не буду гордыхъ лика;
Убѣгу грѣха велика.

Боже! о! да все сіе
Исповѣмъ Тебѣ во славу;
И да научáтся праву
Мысль, и сердце все мое!
Есмь Твоя тварь, есмь проситель:
Ты мнѣ По́мощь и Спаситель.

—

IV.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА 42.

Суди мн Боже, и рассуди про мою.

Боже! пря моя безвинна:
Ту судить благоволи;
Правды дѣло убѣли:
Отъ народажъ пребесчинна,
И отъ злобныхъ человѣкъ,
Нѐмощь, что во мнѣ тростѝна,
Восхощи исторгнуть въ вѣкъ.

Ты единъ мой щитъ, и сила;
Ты и крѣпость мнѣ единъ:
Чтожъ, высотъ твоихъ съ средиѣъ,
Милость мя не заградила?
Всель въ печали бъ я стеналъ?
Та всегдаль меня бъ томила,
Мнѣ бъ коль врагъ ни досаждалъ?

Но да по́слется Тобою
Истинны и мира свѣтъ;
Симъ я освобождусь отъ бѣдъ:
Какъ пребудетъ онъ со мною;
То въ селеніе Твое
Приведетъ меня собою,
Сердце веселя мое.

Вниду къ Твоему Престолу,
И въ Олтарь священный Твой,

Проявленъ въ горѣ святой;
Въ немъ паду предъ тѣмъ ницъ долу;
Ты желаніямъ конецъ;
Исполненіе изволу,
И любви моей вѣнецъ.

Въ гусляхъ проповѣмъ играя,
Что Ты Богъ непобѣдимъ,
Что Ты правымъ всѣмъ любимъ,
И что радость всеблагая:
Боже! Боже мой, и силъ!
Отжени далеко злая,
И Тебѣ да буду милъ.

О! Душа, почто въ печали
Сокрушаешся еще?
Въ страхѣ и отъ врагъ вотще?
Горести чтобъ всѣ престали:
Вся тебѣ надежда Богъ;
Коль враги бъ ни восставали,
Спасъ мой истребитъ налогъ.

—

V.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА 51.

Что хвалишися во злобѣ, сильне.

Что во злобѣ, Сильный, похваляешся всегда?
Въ беззаконіи вседневно?

Твой языкъ и помыслъ безъ лукавства никогда:
Льщеніе, втай небезгнѣвно,
Ты какъ бритву изострилъ;
Злобу паче возлюбилъ,
Нежель мирну благостыню,
И неправду нежъ святыню;
Всѣ слова̀ твои, бѣда;
Отъ злорѣчій же плачевно.

Богъ, по сей причинѣ, разруши́тъ тебя въ конецъ;
Онъ и яро толь восторгнетъ
Отъ утѣхъ сладчайшихъ, и ласкающихъ сердецъ,
Что ни глазъ такъ скоро мо́ргнетъ;
Тѣмъ себя не удовли́тъ;
Но тотча́съ же преселитъ
Отъ жилищъ твоихъ природныхъ:
Такъ, едина изъ негодныхъ,
Корень отъ земли́ твой, льстецъ,
Весь исчезнетъ, духъ не ко́ргнетъ.

Праведны то у́зрятъ, придутъ всѣ и сами въ страхъ;
Но пото́мъ тѣ засмѣются,
И между собою скажутъ: человѣкъ сей, прахъ,
Казни коему даются,
Бога въ помощь не хотѣлъ,
Тѣмъ что многое имѣлъ
Съ велелѣпіемъ богатство,

И превозмогалъ за братство:
Онъ былъ добрымъ главный врагъ;
Се тщеты съ нимъ разстаются!

Я твой рабъ, о! Боже, Масличина какъ съ плодомъ,
При твоемъ священномъ Храмѣ
Не отступно буду, уповаяй не съ стыдомъ
На щедроты, и не въ срамѣ:
Исповѣмъ Тебя во вѣкъ
Тварь Твоя и человѣкъ;
Что Твое я Имя знаю,
Избавленія тѣмъ чаю:
Благо то, по Авраамѣ,
Любящимъ Святымъ Твой Домъ.

—

VI.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА 78.

Боже, пріидоша языцы въ достояніе.

Се Языки ворвалися,
Боже, во Твое наслѣдство;
И, святому Храму въ бѣдство,
Съ осквернениемъ внеслись:
Градъ, и все его пространство,
Обратили безъ слѣдовъ
Во хранилище плодовъ,
Все расхитивши убранство.

Трупы на-повалъ лежатъ,
Всюду Слугъ Твоихъ толь вѣрныхъ,
Пре́даны отъ тѣхъ прескверныхъ
Птицамъ, крикомъ что глушатъ:
И тѣла́ Мужей удобныхъ
Въ снѣдь повержены звѣрямъ,
Во́ющимъ въ страхъ по зорямъ;
Пло́ти всѣхъ и Преподобныхъ.

Кровь ихъ льется по пути
Не рѣкою, но потѝпомъ,
И весьма ужаснымъ сопомъ,
Такъ что нѣгдѣ и пройти:
Но толико милосердна,
Въ землю бъ ихъ кому погребсть.
Чтобъ отъ алчности унесть,
Нѣтъ и толь ужѐ усердна.

Злоключеніе сіе
Намъ, Сосѣдъ презлобный видя,
И къ тому еще обидя,
Тѣшитъ сердце тѣмъ свое:
Стали мы и всѣмъ окольнымъ
Въ поруганіе и смѣхъ;
Нашъ сей горесный успѣхъ
Сладостію своевольнымъ.

Но доколѣ ты на насъ
Будешь, Господи, во гнѣвѣ,
И не при́зришь бѣдныхъ въ ревѣ,
Нашъ услышавши сей гласъ?

О! доколѣ толь палится
Рвеніе Твое огнемъ,
Нощію, и всякимъ днемъ,
И ниже́ не утолится?

На Язы́ки гнѣвъ пролей
Кои Тя весьма не знаютъ,
Отъ Тебя прочъ отбѣгаютъ
Въ непотребности своей;
И на тѣ пространны царства,
Коими не призванъ Ты,
И ни Имя съ слѣпоты,
Ра́вно и съ неблагодарства.

На такихъ употреби
Всю Твою жестокость;
Самъ безумную высокость.
До конца въ нихъ потреби:
Сердце ихъ всегда готово
Грады наши пустошить,
И вконецъ всѣ разруши́ть
Безъ пощады, и суро́во.

Первыхъ беззаконій днесь
По́мняй, Господи, не буди;
Нынѣ токмо не забуди,
Что ужъ гибнетъ родъ нашъ весь:
Скоро да Твои щедроты
Предварятъ все наше зло;
Обнищали мы зѣло,
Чу́ждыТвоея доброты.

Боже! по́мощь сотвори,
Ради Твоея Державы;
Величайшія жъ для Славы
Наши всѣ грѣхи сотри,
Чтобъ Язы́ки не сказали:
Гдѣ Богъ сильный оныхъ есть?
И да зритъ за ту кровь месть,
Какъ Твоихъ Слугъ здѣсь пронзали.

Да отъ Узниковъ къ Тебѣ
Воздыханіе пріидетъ;
Мышца къ намъ Твоя да снидетъ
Отъ величія въ себѣ,
Всѣхъ спасти́ чадъ изможденныхъ:
Вопіющихъ въявь, и тай:
Боже! Боже не предай,
Люто на́-смерть осужденныхъ.

Въ седмерицу заплати
Онымъ гордымъ всѣмъ сосѣдамъ,
Въ коихъ къ намъ, и къ нашимъ дѣдамъ
Не́-было толико льсти,
Коль Тебѣ злыхъ поношеній:
Славно низложи ихъ въ долъ;
Нѣдро ихъ исполни золъ,
И повсюдныхъ къ нимъ гнушеній.

Насъ избавь; Мы всѣ Твои,
Твоея и паствы о́вцы:
Мы всегдашно добросло́вцы
Въ дальни возвѣстимъ край,

И впредь будущіи вѣки,
Сквозь языческую мглу,
Должную Тебѣ Хвалу,
Какъ всевѣрны человѣки.

—

VII.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА III.

Блаженъ мужъ, боящся Го́спода.

Щасливъ! Бога кто боится:
Заповѣдей всяко не преступитъ онъ того;
Родъ его благословится:
Сильно будетъ сѣмя на землѣ, и сверьхъ всего
Славенъ и богатъ весь домъ;
Правда вѣчна въ немъ само́мъ.

Онъ какъ свѣтъ сіяетъ правымъ;
Милость и щедрота справедлива въ немъ вездѣ;
Стро́итъ сердцемъ нелукавымъ,
Но и откровеннымъ рѣчи и дѣла́ въ судѣ:
Онъ есть непоколебимъ;
Прямо Добрыми люби́мъ,

Память будетъ бесконечна,
И велико Имя во вселенной процвѣтетъ;

Добродѣтель въ немъ сердечна
Въ свѣтлость и блаженство беспорочнаго введетъ;
Страха нѣтъ отъ слуха зла:
Не язви́тъ его хула.

Уповаетъ онъ на Бога;
Любитъ чистымъ сердцемъ, и взывать его готовъ;
Крѣпость въ немъ о Вышнемъ многа,
И не устрашится хитростей и лесныхъ словъ,
Прéзритъ онъ враговъ своихъ,
Токмо что воззритъ на нихъ.

Онъ даетъ, и расточаетъ;
На него убогимъ твердая надежда есть:
Ихъ отнюдъ не забываетъ
Тѣмъ и вознесется въ силу, и въ высóку честь:
Ни хвали́мъ есть толь никто,
Ни хвалить достойнѣй что.

Грѣшникъ такъ его узрѣвши,
Приметъ то въ досаду, и впадетъ въ великій гнѣвъ;
Поскрежещетъ поблѣднѣвши,
И остервѣнится въ зѣльной ярости, какъ Левъ:
Грѣшнику коль ни желать;
Но ему въ вѣкъ погибать.

—

VIII.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА 136.

На рѣкахъ Вавилонскихъ.

Сѣдши купно на брегáхъ рѣкъ мы Вавілонскихъ,
Всѣ точили слезный токъ;
И воспоминали тамъ о градáхъ Сіонскихъ,
Зря нашъ нестерпимый рокъ.

Тамъ обѣсили среди вéрбныхъ древъ органы:
Плѣнніижъ просили насъ,
Коль ни сокрушались мы въ горести, раздраны,
Пѣснь вознесть Господню въ гласъ.

Какъ бы мы въ землѣ чужой оную воспѣли?
Какъ въ Поганскихъ бы краяхъ,
Коль предивенъ Богъ нашъ есть, прославлять имѣли!
Какъ и плача во струяхъ?

Если, Іерусалимъ, я тебя забуду;
Да забвенъ я отъ рукú
Благъ спасительныхъ твоихъ самъ во вѣки буду,
Все да йдетъ мнѣ впреки.

Да прилипнетъ же и языкъ весь къ моей гортани,
Какъ Тебя не вспомяну;

Иль не будешь въ мысли все, да приму казнь
бра́ни:
Внѣ весели́й да гонзну.

Но Едомскій днесь народъ вспомни, о! мой Боже;
Какъ на Іерусалимъ
Грознымъ воплемъ онъ рыкалъ всякаго Льва
сроже;
Былъ ни чемъ не умоли́мъ.

Въ ярости онъ повторилъ: Ну-Ну, обваляйте
Съ основаній са́мыхъ градъ;
А живущихъ всѣхъ мечемъ люто истребляйте,
Должны пасть округу въ смрадъ.

Тыжъ, о! Вавилонска Дщерь, жди зла въ ока-
янствѣ:
Щастливъ! кто тебѣ отмститъ
За погибель смертну намъ отъ тебя въ наян-
ствѣ,
И ниже́ тебя проститъ.

Щасливъ! въ мѣсто кто твое ме́тнетъ зѣльный
пламень;
И твою кровь проліетъ;
Иль младенцовъ, ухвативъ, о жестокій камень
Головою разбіетъ.

—

IX.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА 139.

Изми мя Господи отъ человѣка лукава.

Господи! изми меня
Отъ лукава человѣка;
И да будеши броня
Защищающа до вѣка,
По всегда готовый самъ
Къ избавленію отъ мужа,
Въ коемъ есть мутна́ какъ лужа,
Вся неправда по словамъ,
Дѣломъ море, вѣчна сту́жа.

Въ сердцѣ ихъ всегдашня лесть,
Токмо ту и помышляютъ;
Не извѣсно, что за въ месть,
Бра́ни всякъ день ополчаютъ:
Весь языкъ ихъ изощренъ
На злорѣчіе какъ бритва;
Въ ихъ рукахъ сѣть и ловитва;
Слѣдъ къ дну злобы приведенъ;
Ядъ изъ устъ течетъ и битва.

Сохрани, о! Боже мой,
Самъ меня отъ рукъ грѣшаща,
И людей отъ рода, кой
Не таитъ себя дышаща
Кривдою и крайнимъ зломъ;
Сихъ мысль непрестанна,

Да меня въ пути семъ странна
Запнутъ объишедъ кругомъ,
И да падша зрятъ попранна.

Въ гордости мнѣ скрыли сѣть;
И съ силомъ ужъ верьвь простерли,
Ногибъ имъ мой задѣть,
Иль чтобъ выю мнѣ тѣмъ стерли:
Всюду ими при стезяхъ
Расположены соблазны,
И вездѣ обманы разны;
На землѣ и на моряхъ,
Мнѣ бѣды лежатъ непразны.

Боже! я къ Тебѣ вѣщалъ:
Ты мой Богъ, Ты мнѣ Зиждитель;
Ты всегда не запрещалъ,
Яжъ и есмь всегда молитель:
Господи! о! Боже силъ,
Ты отъ крѣпости въ твердынѣ,
И въ превеліей святынѣ
Самъ главу въ брань осѣнилъ,
По Твоей мнѣ благостынѣ.

Такъ и нынѣ не предай
Въ грѣшничи меня здѣсь руки;
Но желаніе познай,
И спаси отъ оныхъ муки:
Тѣ взвели; и се бѣда!
Не остави бѣдна суща,
Непрестанно вопіюща

Отъ великаго труда́;
Не взнеслась бы часть ковъ шьюща.

Въ нихъ скружившись голова́
Да повергнетъ ихъ на зе́млю;
Да покроются слова́
Тѣмъ стыдо́мъ, кой я пріемлю:
Угли огненны падутъ
Во Твоемъ на нихъ изволѣ;
Больше не пребудутъ въ холѣ,
Какъ напасти нападутъ:
Низложи, и будутъ въ долѣ.

Мужъ злорѣчивъ на землѣ
Не возможетъ быть исправенъ;
Мужъ живяй неправды въ злѣ,
Пагубному тлѣну равенъ:
Знаю, Боже, сотворишь
Судъ и месть Ты за бессильныхъ,
Правыхъ же, для хвалъ умильныхъ,
Предъ лице Твое вселишь,
Въ радости блаженствъ обильныхъ.

—

X.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА 143.

Благословенъ Господь Богъ мой.

NB.

Сія Ода есть изъ трехъ оныхъ Парафрастическихъ одна, которые совокупно изданы въ 1744 годѣ, и при которыхъ положено слѣдующее спреди рассужденіе моего сочиненія.

Будучи мы по случаю трое совокупно, имѣли довольный между собою разговоръ о Россійскихъ Стіхахъ вобще, которыи нынѣ, по́слѣ какъ начали исправлять ихъ охотники, ужé въ совершеннѣйшемъ видѣ, и съ пріятнѣйшимъ слуху Стопъ паденіемъ, нежели какъ старыи бесстопныи были, производятся отъ писателей искусныхъ въ Стіхотвореніи. Разговоръ нашъ былъ нѣкоторый родъ спо́ра, въ рассужденіи, такъ называемыхъ двусложныхъ Стопъ, Хорея, и Іамба, которыми нынѣ составляются Россійскіи Стіхи.

Нѣкоторый (1) изъ насъ такое имѣлъ мнѣніе, что Стопа́, называемая Іамбъ, высокое сама собою имѣетъ благородство, для того что она возносится съ низу въ верьхъ, отъ чего всякому чувствительно слышна́ высокость ея и великолѣпіе, и что, слѣдовательно, всякій Героическій

(1) Сего Ода есть Третія Парафрастическая.

Стіхъ, которымъ обыкновенно благородная и высокая воспѣвается матерія, долженствуетъ состоять сею Стопóю, а Хорей, съ природы нѣжность и пріятную сладость имѣющій самъ же собою, по его мнѣнію, долженъ токмо составлять Элегіаческій родъ Стіхотворенія, и другіи подобныи, которыи нѣжныхъ и мяхкихъ требуютъ описаній, потому что онъ съ верьху въ низъ упадаетъ, чемъ больше показываетъ нѣжную умильность, нежели высоту и устремительное теченіе.

Я сему прекословилъ, и предлагалъ, что никоторая изъ сихъ Стопъ сама собою не имѣетъ какъ благородства, такъ нѣжности; но что все сіе зависитъ отъ изображеній, которыя Стіхотворецъ употребляетъ въ свое Сочиненіе: такъ что Іамбомъ состоящій Стіхъ рáвно изобразитъ слаткую нѣжность, когда нѣжныя словá приберутся, и Хореемъ высокое благородство, ежели Стіхотворецъ употребитъ высокіе и благородные рѣчи. Сіе я утверждалъ, что Хорей и Іамбъ коль себѣ ни противны діаметрально для того, что первый состоитъ изъ долгаго да краткаго слоговъ, а вторый изъ краткаго да долгаго; однако сіе ихъ сопротивленіе не толь есть непріятельское явно, чтобъ не имѣли они между собою согласія и дружбы тайно: ибо чистымъ Іамбомъ состоящій Стіхъ, ежели токмо одинъ сáмый первый слогъ сего Стіха тúше обыкновеннаго голосомъ произнесется имѣетъ, состоять въ тожъ сáмое время чистымъ Хореемъ; также,

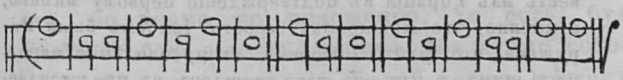
буде Стіхъ составленъ чистымъ Хореемъ, то тишайшимъ произношеніемъ перваго его одного токмо слога, составится онъ совокупно чистымъ Іамбомъ. Отъ сего я наводилъ, что союзъ между сими обѣими Стопами долженствуетъ быть не заключенный, но природный и братскій; и слѣдовательно, когда Іамбъ сприроды имѣетъ высокость, то совокупно имѣетъ оную и Хорей; когда жъ въ Хорѣе также природная есть нѣжность, то все участіе въ ней по праву должно есть и Іамбу, и для того какъ Хорей нѣженъ и высокъ, такъ Іамбъ высокъ и нѣженъ.

Въ разсужденіи жъ того, что первый приписывалъ чувствительное благородство Іамбу для того, что онъ съ низу въ верьхъ восходитъ, а Хорею умильность для сего, что онъ противно ему падаетъ, я тогда говорилъ, что ежели бъ Іамбъ былъ высокъ и благороденъ, то бъ Хорею, какъ по прямой лініи по его противному, надлежало быть нѣсколько, или довольно низку и подлу, а не умильну и нѣжну; и что ежели бъ восхожденіе съ низу въ верьхъ въ Стопѣ было точнымъ знакомъ благородства, а паденіе съ верьху въ низъ умильности, то бъ Гомеровой (1) Иліадѣ, и Виргиліевой Энеидѣ двумъ са-

(1) Нѣкто изъ знающихъ людей, какъ то я объявилъ въ первомъ Томѣ въ Предисловіи, чувствуя, что сіе мое доказательство есть непреодолимое, попытался привесть его въ слабость тѣмъ, что у нихъ количество

мымъ высокимъ Героическимъ Поэмамъ, должно было состоять Анапестами, которыи также восходятъ съ низу въ верьхъ, а не Дактилями, кои падаютъ съ верьху въ низъ, не смотря на то, что ихъ количество слоговъ есть не Тоническое, но мѣряющееся Временемъ, то есть, состоящее въ медленномъ и скоромъ произношеніи го́лоса, ибо сія ихъ долгота и краткость, распротягающаяся временемъ, всячески не можетъ быть безъ возвышенія и пониженія го́лоса при распротяженіи, инако, во всякомъ бы ихъ Стіхѣ была токмо Монотонія (одногласіе), которой и

слоговъ есть не Тоническое; чего ради, по его, ихъ Стіхи съ верьху на низъ не падаютъ. Но сія попытка есть безуспѣшная: ибо всеконечно и необходимо ихъ Стіхи падаютъ съ верьху на низъ, для того что самый первый слогъ въ ихъ Стіхахъ какъ всегда и непремѣнно есть долгій, такъ и всегда ударяемый, развѣ пре весьма рѣтко когда неударяемый, а сіи не мѣшаетъ, чтобъ ему и въ семъ случаѣ не быть на верьхней степени, какъ всегда долгому. Слѣдовательно, не возможно ихъ Стопамъ не падать съ верьху на низъ. Сіе докажется лучше обрасцомъ музыкальными нотами изображеннымъ. Въ немъ Такть означаетъ слогъ долгій, а Полтактомъ означается краткій. Притомъ всѣ ударяемыи слоги стоятъ на верьхней степени, а неударяемые на нижней.



Tovua leae na lupum sequi tur lupusip secapellam.

въ Прозѣ быть не пристойно, а они Стіхи свои произношеніемъ пѣли, для того что былъ у нихъ тамъ нѣкоторый родъ Мусікіи, но въ Мусікіи Монотоніи, или одному звону го́лоса, нѣтъ мѣста, и быть ей тамъ безъ различія го́лоса, по крайней мѣрѣ двустепеннаго, странно, да и невозможно. А понеже не Анапесты, но Дактіли употреблены отъ тѣхъ великихъ Піітовъ. Того ради, или каждая Стопà ни благородна ни нѣжна́ сама въ себѣ, или всякая и нѣжна́ и благородна совокупно. Ктому жъ, какъ восхожденіе, или вознесеніе въ Іамбѣ не непрерывное, но токмо вскокъ смѣшенный съ скокомъ, такъ въ Хореѣ нисхожденіе, или ниспаденіе не за́все продолжающеся, но также скокъ по премѣнамъ съ вскокомъ. И такъ, обѣ сіи Сто́пы по всему себѣ ра́вны: такъ что одна предъ другою никако́ва преимущества имѣть не можетъ, когда онѣ сами въ себѣ и къ словамъ неприложенные, рассматриваются.

На сіе третій (1) изъ насъ предлагалъ, что и онъ въ Іамбѣ находитъ высокость, благород-

(1) Сего есть самая первая мѣстомъ Парафрастіческая Ода. Удивительно, что онъ токмо первое мнѣніе иными повторяетъ словами, а отраженія моего ни словечкомъ не возражаетъ. Могъ бы онъ многое привесть изъ Горація въ подтвержденіе первому мнѣнію, а именно, что Архілохова ярость Іамбомъ была Вооружена, что Іамбъ способенъ къ преодолѣнію народнаго шума, и что онъ какъ рожденъ на представляемые вещи, и подобное.

ство, и живность, а въ Хореѣ, кромѣ нѣжности, ничего ни видитъ; и что ему въ Іамбическихъ Стіхахъ рѣчь важнѣйшею кажется: ибо Іамбъ, говорилъ онъ, возвышая свой голосъ, нѣсколько гордости являетъ, но Хорей упадая, точно изображаетъ любовническое воздыханіе. И такъ, Іамбъ уже́ имѣетъ двухъ защитниковъ, и слѣдовательно два го́лоса; а Хорей защищается однимъ только.

Но чтобъ не показалось, что двое одного хотятъ преодолѣть, и что притомъ дѣло сіе не можетъ рѣшено быть большинство́мъ, чтобъ позволено было такъ сказать, голосовъ: того ради онъ разсуждаетъ, сочинить всѣмъ тремъ нѣкоторый высокій родъ Стіхотворенія, именно жъ, Оду; а для сего выбрать одинъ Псаломъ изъ Псалтіря. Находящемуся, то есть мнѣ, въ Хорѣе съ нѣжностію и благородство, сочинить бы Оду Хорсіческую; а имъ двумъ, стоящимъ за Іамбіческую токмо высокость, составить одіческіи свои Стіхи Іамбомъ. Чрезъ сіе то́тчасъ объявится, имѣетъ ли Хорей при нѣжности высокости, а самъ при высокости нѣжность.

Я хотѣлъ-было пространнѣе доказывать, что мнѣніе мое не въ томъ состоитъ, чтобъ я приписывалъ точно обѣимъ симъ Стопа́мъ нѣкорое природное сво́йство высоты или умильности, но токмо по положенію, то есть, буде Іамбъ собою высокъ, то онъ совокупно собою жъ и нѣженъ; а если и Хорей собою нѣженъ, то онъ также притомъ и высокъ: ибо не при-

знаваю я ничего сего въ Стопáхъ, но причитаю все разности словъ. Но оба прочіи не хотѣли отъ меня ничего больше слышать; только что вторый склонилъ меня къ тому, чтобъ сочинить Оду Хореіческую; а всѣ трое выбрали мы себѣ на то Псаломъ сто сорокъ третій. Сей есть случай и причина оныхъ двухъ Одъ Іамбіческихъ, названныхъ Парафрастіческими, а третіея, лежащія тамъ въ самой срединѣ, Хореіческія, которая слѣдуетъ.

Крѣпкій, чудный, бесконечный,
Полнъ хвалы, преславный весь,
Боже! Ты единъ превѣчный,
Сый Господь вчера и днесь:
Непостижный, всеблаженный,
Совершенствъ пресовершенный,
Неприступна сокровенъ
Самъ величества лучами,
И огньпальныхъ слугъ чинами,
О! будь въ вѣкъ благословенъ.

Кто инъ толь бы храбро ру́ки
Безъ Тебя мнѣ ополчилъ?
Ктобъ и пращу, а не лу́ки
Въ брань направить научилъ?
Всуе мечъ извлечъ бы въ дѣло,
Ни копьемъ сразилъ бы смѣло,
Буде бъ Ты мнѣ не помогъ,
Перстовъ трепетъ ободряя,
Слабость мыщцы укрѣпляя
Силъ Господь, и правды Богъ.

Нынѣ кругъ земный да знаетъ
Милось всю ко мнѣ Его;
Духъ мой твердо уповаетъ
На заступника Сего:
Онъ защитникъ, покровитель,
Онъ прибѣжище, хранитель,
Повинуя родъ людей,
Далъ Онъ крайно мнѣ владѣти,
Далъ правительство имѣти,
Чтобъ народъ прославить сей.

На мою́ какъ зрю я подлость,
И на то, что бѣднъ и малъ,
А на прочихъ верьхъ и годность,
Что жъ ихъ жребій не избра́лъ;
Вышняго судьбѣ дивлюся,
Такъ глася, въ себѣ стыжуся:
Боже! кто я ни́ща тварь?
Отъ кого жъ и порожденный?
Пастухо́мъ быть учрежденный!
Какъ? о! какъ могу быть Царь?

Толь ничтожному познался!
Червя точно Ты призрѣлъ!
Благъ и щедръ мнѣ показался!
И по сердцу изобрѣлъ!
Лучше ль добрыхъ и великихъ?
Лучше ль я Мужей толикихъ?
Ахъ! и всякъ изъ смертныхъ насъ,
Гниль и прахъ есть предъ Тобою;
Жизнь его тѣнь съ суетою,
Дни и ста лѣтъ, токмо часъ.

Ты противныхъ истребляешь:
Преклони жъ Твой звѣздный сводъ;
И какъ громы устремляешь,
Осмотри, снисшедъ, злый плодъ.
Лишъ коснись горамъ, вздымятся;
Лишъ пролей гнѣвъ, убоятся;
Грозну молнію блесни,
Тогчасъ сонмъ ихъ разженеши,
Тучей бурныхъ стрѣлъ смятеши:
Возъярись, не укосни.

На защиту мнѣ смиренну,
Руку Самъ простри съ высотъ;
Отъ враговъ же толь презрѣнну,
По великости щедротъ,
Даруй способъ, и избавлюсь;
Вознеси рогъ, и прославлюсь:
Родъ чужихъ, какъ буйнъ водъ шумъ,
Быстро съ воплемъ набѣгаетъ,
Немощь онъ мою ругаетъ,
И пріемлетъ въ баснь и глумъ.

Такъ языкомъ и устами
Сей злословитъ въ суетѣ;
Онъ скрежещетъ и зубами,
Слѣпо зрясь на высотѣ;
Смѣло множествомъ гордится;
Стройно воруженъ красится:
А десница хищныхъ сихъ,
Есть десница неправдива;
Душъ ихъ скверность нечестива:
Тѣмъ спаси мя отъ такихъ.

Боже! воспою пѣснь нову,
Ввѣкъ Тебѣ благодаря:
Арфу се держу готову,
Звонъ внуши и гласъ Царя:
Десять струнъ на сей звенящихъ,
Красныхъ строемъ въ слухъ гласящихъ
Слава Спаса всѣхъ Царей:
Спаса и рабу Давіду,
Смертну страждущу обиду
Лютыхъ отъ меча людей.

Преклонись еще мольбою,
Се къ Тебѣ ея лію,
Сокрушенъ падъ ницъ главою,
Перси, зри, мой бію:
О! чужихъ мя отъ полчи́ща
Самъ избави скоро ни́ща.
Развъ языкъ ихъ суета,
Въ праву руку къ нимъ вселилась,
И лукавно расширилась,
Хищна вся неправота.

Сіи славу посвящаютъ
Токмо множеству богатствъ;
Духъ свой гордо напыщаютъ
Отъ драгихъ вещей и братствъ:
Всѣ красуются сынами,
Больше какъ весна цвѣтами;
Дщерей всѣхъ прекрасныхъ зрятъ,
Въ златѣ, нѣжно намаще́нныхъ,
Толь нѣтъ храмовъ испещренныхъ:
Тѣмъ о Вышнемъ не радятъ.

Ихъ сокровище обильно,
Недостатка нѣтъ при немъ,
Льетъ довольство всюду сильно,
А избытокъ есть во всемъ:
Овцы въ по́лѣ многоплодны,
И воловъ стада́ породны;
Ихъ оградамъ не́льзя пасть;
Татю вкрасться въ тѣ не можно;
Все тамъ тихо, осторожно;
Не страшитъ путей напасть.

Васъ толь щастіемъ цвѣтущихъ
Всякъ излишно здѣсь блажитъ;
Малъ чтитъ и великъ идущихъ,
Уступая жъ путь, дрожитъ.
О! не вы, не вы блаженны,
Вы коль ни обогащены:
Токмо тотъ народъ блаженъ,
Богъ съ которымъ пребываетъ;
И Всевѣчнаго кой знаетъ,
Сей есть всѣмъ преукраше́нъ.

—

XI.

ПАРАФРАЗІСЪ ПЕРВЫЯ ПѢСНИ МОІСЕЕВЫ.

Поемъ господеви, славно бо прославися.

Исхода глава 15.

Мы Господу днесь воспоемъ:
Онъ превознесся въ насъ преславно;

Коня и всадника въ глубь рáвно
Повергъ въ отмщеніи своемъ.

Сталъ мнѣ Онъ пóмощь и покровъ,
И былъ къ спасенію виною:
Мой Богъ, и Богъ отцу собою;
Его я восхвалить готовъ.

Господь нашъ сокрушаетъ брань;
Господь Ему и Имя точно;
Онъ Фараоновъ строй оброчно
Къ дну тмы низвергъ, и силы длань.

Избранныхъ всадниковъ Онъ тѣхъ
И въ морѣ потопилъ Трістáты. (1)
Что жъ быть могли намъ супостаты;
Тамъ погрузилъ какъ камень всѣхъ.

Десница, Господи, Твоя,
Есть въ крѣпости всегда велика:
Враговъ не пощадила лика;
Противныхъ стерла намъ сія.

---

(1) Трістáтами означается, что древніи дѣлали большіе военные колесницы, такъ что въ нихъ по-три человѣка сражающихся было. Или: Трістатами назывались, кои, сидя на одной лошади, имѣли двухъ западныхъ. Или: Чрезъ Трістатовъ разумѣются самыи сильныи люди, которыи противъ трехъ могли биться. Или: Трістатъ сидѣлъ на третіемъ мѣстѣ отъ Царя, каковъ былъ Давидъ у Саула.

Ты Самъ послалъ на нихъ Твой гнѣвъ;
Какъ стéбла ихъ поѣлъ онъ купно:
Водъ раступился духомъ ревъ;
Была тамъ ярость неотступно.

Згустѣли вóды какъ стѣна
Всего тамъ мóря по срединѣ,
Никто его не зрѣлъ понынѣ;
Згустѣла также и волнá.

Постигну ихъ, вѣщалъ такъ врагъ;
Корысти на раздѣлъ похищу;
Меча убíйствомъ духъ насы́щу,
И буду господиномъ въ страхъ.

Но силою Ты дхнулъ средѣ;
Нахлынуло на нихъ такъ море,
Что вскликнуть не могли: ахъ горе!
Погрузли оловомъ въ водѣ.

Подобенъ кто Тебѣ въ богахъ?
Кто, Господи, Тебѣ подобенъ?
Святымъ прославленъ и особенъ;
Вельми предивенъ въ чудесахъ.

Простерлъ десницу, пожралá
Земля въ свои противныхъ нѣдра;
И укрѣпила правда Бéдра,
И всѣхъ людей Тобой спасла.

Утѣшилъ крѣпостію насъ,
Въ обитель всѣхъ призвавъ святую:

Въ болѣзнь вотъ Філістімцы злую,
Язы́ки впали въ гнѣвъ тотчасъ.

Тогда Едóмскіи Вождѝ,
Моáвли Князи вдругъ пóтщались,
И слѣпо въ трепетѣ всѣ мчались;
Ты, Ханáанъ, растай, зла жди:

Страхъ, ужасъ нападетъ на нихъ
Отъ мышцы Твоея глубóко;
Величіемъ Твоимъ жестòко
Да жизнь окаменѣетъ сихъ.

Всѣ пройдутъ дондеже Твои
Владѣемы Тобою люди;
Къ наслѣдію сему щедръ буди,
Да внидетъ и въ мѣста свои.

Готовое жилище дай,
Избавивши уже́ отъ му́ки;
Горы́ въ святыню провождай;
Твои ту учредили ру́ки.

Господь во вѣкъ вѣковъ Царитъ:
Вшелъ Фараонъ со всѣмъ ужъ въ во́ды;
Ізраиль сухо тѣ безгоды
Прешелъ, и се благодаритъ.

—

XII.

ПАРАФРАЗІСЪ ВТОРЫЯ ПѢСНИ МОІСЕЕВЫ.

Вонми небо, и возглаголю.

Второзаковія Глава 32.

Вонми, о! Небо, и реку,
Земля да слышитъ устъ глаголы:
Какъ дождь я словомъ потеку;
И снидутъ, какъ роса къ цвѣтку,
Мои вѣщанія на долы.

Какъ туча падаетъ на злакъ;
Или какъ иней гдѣ на сѣно:
Господне Имя есть мнѣ въ знакъ,
То мыслей призвано не въ мракъ;
Славь Бога всяко въ насъ колѣно.

Богъ: истинны Его дѣла;
И всѣ пути Его, судъ правый:
Богъ вѣренъ; а неправда зла,
Не зрится ни твоя въ Немъ мгла,
Святый весь, онъ душамъ свѣтъ здравый.

Согрѣшшіи вельми предъ Нимъ,
Не чада стали ужъ порокомъ!
О! родъ строптивъ, развратенъ симъ,
Сіе ль ты Господу твоимъ
Воздать заблаго могъ оброкомъ?

Сихъ оный есть народъ дѣлецъ,
Кой весь не мудръ, и пребезуменъ:
Сябя жъ не Самъ ли сей Отецъ
Пріялъ, и былъ тебѣ Творецъ?
Доколѣ въ помыслахъ ты шуменъ!

Воспомяни тѣ дни вѣковъ,
И купно разумѣй всѣ лѣта
Отъ рода древняго родо́въ;
Спроси у родшаго слѣдо́въ,
Познаешь Старшихъ все отъ свѣта.

Какъ Богъ Языки разлѣлялъ,
Сыновъ Адамлихъ рассѣвая,
Предѣловъ столько поставлялъ,
Коль вѣрныхъ слугъ себѣ счислялъ,
Отъ Ангельска числа́ то зная.

И стала быть Господня часть:
Іаковъ родъ его избра́нный;
Наслѣдіемъ возмогъ подпасть
Ізраиль весь Ему во власть;
Всякъ прочій людъ ужъ былъ какъ странный.

Въ пустынѣ всѣмъ его снабдилъ:
Онъ жажду, въ превеликомъ зноѣ,
Въ землѣ безводной утолилъ,
Обвелъ его и сохранилъ,
Какъ зѣницу очей, въ покоѣ.

Гнѣздо какъ кроетъ всякъ орелъ,
И надъ птенцами сей летаетъ:
Простеръ такъ кри́ла Онъ, и сшелъ,
На рамена его возвелъ;
Подъемлетъ, взноситъ, соблюдаетъ.

Вождемъ имъ былъ Господь единъ;
Никто Богъ чу́ждій не́-былъ съ ними:
Взвелъ ихъ на верьхъ земныхъ плотинъ;
Поставилъ свыше всѣхъ судбинъ;
Насытилъ житами благими.

Изъ каменя потекъ имъ медъ;
Елей изъ тве́рда жъ камя ра́вно:
Млеко, тукъ, масло скотъ даетъ;
И цвѣтъ пшеничный всѣмъ растетъ;
Ихъ питіе вино преславно.

Іаковъ въ сытости процвѣлъ;
Отвергся вскорѣ толь любимый:
Утылъ, и толсто расширѣлъ;
Отступствомъ Бога онъ презрѣлъ;
Забылъ, что Спасъ ему Онъ чтимый.

Во нравахъ всѣ Творца чужихъ;
И въ мерзостяхъ преогорчили:
Бѣса́мъ пожерли въ сквернахъ сихъ,
Богамъ, отцамъ что странны ихъ,
Отъ Напитавша жъ отступили.

Узрѣвъ Господь, возревновалъ,
И раздражился Онъ презѣльно;

Въ сынáхъ и дщеряхъ злость позналъ,
Которыхъ Самъ Онъ снабдѣвалъ,
Се взбѣсновавшихся бездѣльно.

Господь рекъ: Самъ Я отвращу
Лице Мое отъ всѣхъ ихъ нынѣ;
И напослѣдокъ имъ отмщу:
Родъ развращенный, вѣру тщу,
Не буду видѣть въ благостынѣ.

Въ гнѣвъ привели тѣмъ, что не Богъ;
И раздражили суетою:
Народомъ ихъ сломлю Я рогъ,
Кой не народъ, хотя и многъ,
Отъ глупыхъ и людей бѣдою.

Отъ ярости ужъ Моея,
Разжегся огнь палящъ до ада:
Съѣстъ землю, и плоды ея;
Всѣ попалитъ страны всея
Горъ основанія для глада.

Употреблю премного золъ;
Пущу́ на нихъ мои всѣ стрѣлы:
Въ снѣдь птицамъ ляжетъ плоть на долъ;
Пожретъ живыхъ звѣрь въ произволъ;
Не будутъ и отъ зміевъ цѣлы.

Внутрь истребитъ ихъ страхъ;
Извнѣ мечъ острый обесчадитъ:
Юнъ съ дѣвою погибнетъ въ прахъ,

Съ сѣдымъ младенца при сосцахъ
Смерть лю́та въ вѣкъ изгладитъ.

Изрекъ бы: ихъ рассѣю всѣхъ,
И память въ людяхъ уничтожу;
Когда бъ не для противныхъ тѣхъ,
Которымъ бы не збить въ поспѣхъ,
Я въ гнѣвѣ конхъ Самъ убожу.

Еще чтобъ не сказали такъ:
Рукою мы свершили сею,
А не Господь то все никакъ:
Сей родъ, въ чіемъ совѣтѣ мракъ,
Весьма глупъ мыслію своею.

О! ежели бъ всѣ разумѣть,
И возмогли понятъ то ясно,
Чтобъ нынѣ налящи́ посмѣть,
И все въ рукахъ уже́ имѣть,
Что впредъ велитъ Онъ самовласно.

Какъ тысящи единъ гонить,
Какъ двинуть два бъ могли тмы цѣлы?
Когда бъ не предалъ Богъ Самъ бить,
И не́-далъ бы Господь сломить,
Творя ихъ воины толь смѣлы.

Но Боги ихъ не таковы,
Каковъ есть Богъ нашъ, велій, сильный;
Враги жъ всѣ наши хоть какъ Львы,
Хотящи нашея главы;
Однакъ въ нихъ разумъ необильный,

Ихъ изъ Содома вінограднъ,
И отъ Гомо́рры всѣ ихъ ро́зги;
Ихъ гроздъ, есть токмо желчъ и смрадъ;
Ихъ ягодка горька́ сто кратъ,
Сокъ отравляетъ шумны мозги.

Змінна ярость ихъ вино́,
И Аспідовъ злость неисцѣльна.
Не Богомъ ли отведено,
Въ сокровищахъ заключено,
Печать на всемъ томъ злѣ презѣльна?

Въ день ме́сти то воздастъ Онъ Самъ,
Когда тѣ пре́ткнутся ногами.
О! гибели день близокъ вамъ;
И быть чему, стои́тъ ужъ тамъ:
Тѣмъ движете Его вы сами.

Своймъ Богъ правду сотворитъ,
И умоле́нъ объ нихъ Онъ будетъ:
Расслабленныхъ, бессильныхъ зритъ,
Истаявшихъ не уморитъ,
Въ конецъ рабовъ Самъ не забудетъ.

Такъ рекъ Господь: Ихъ Боги гдѣ,
На коихъ всѣ вы уповали?
Тукъ ѣли оныхъ жертвъ вездѣ,
И пили требъ вино въ чредѣ;
А о Сотворшемъ не внимали.

Да встанутъ, и да васъ спасутъ,
Да въ по́мощь вашу тѣ потщатся;

На васъ покровъ пусть нанесутъ;
Враговъ за васъ да потрясутъ,
И да исполнить то помчатся.

Но зри́те, зри́те, что Есмь Я;
И нѣтъ нигдѣ другаго Бога:
Мертвитъ, живитъ, рука моя,
Цѣльба и язва отъ нея;
Нѣтъ, кто бъ исторгъ, когда Та сро́га.

На небо Оно возведу,
Кленясь Десницею Моею,
Вѣщаю словомъ на среду́,
Да будетъ слышимо пределу́:
Живу во вѣки Самъ Я съ нею.

Когда я изощрю Мой мечъ,
И на престолъ судебный сяду;
То тѣмъ враговъ хощу посѣчь,
И вместь нелюбящихъ повлечь,
И ненавидящихъ поряду.

Я кровью стрѣлы напою́,
Наѣстся мечъ мой мясъ отъ тѣла,
Отъ тѣла язвенныхъ въ бою,
Отъ главъ Князей, что убію,
Ихъ поплѣнивши грады, се́ла.

Возвеселитесь, Небеса,
Вы съ Богомъ нашимъ купно;
Да прославляетъ чудеса,

Отъ древняго ужé часа̀,
Весь Ангельскій чинъ неотступно.

Язы́ки! вы, съ его людьми,
Въ веселіи сердецъ ликуйте;
Сыновъ родъ, крѣпость восприми:
И радостію возгреми;
Всѣ нынѣ славно торжествуйте.

Отмщаетъ Богъ за васъ въ день сей,
И ненавидящимъ суро́во
Онъ въ правдѣ воздаетъ Своей:
Землѣ жъ Его чадъ и людей,
Есть очищеніе готово.

—

XIII.

ПАРАФРАЗІСЪ ПѢСНИ АННЫ МАТЕРИ САМУИЛА ПРОРОКА.

Утвердися сердце мое во Господѣ.

Царствъ кн. 1. гл. 2.

Мое все сердце утвержденно
О Господѣ, Онъ есть Мой Богъ;
О Немъ се вознесенъ мой рогъ;
О Немъ ужé зло побѣжденно:
Разверзлись на враговъ устнѣ;
Спасеніе настало мнѣ.

Весь духъ мой нынѣ веселится;
Что спасъ меня Господь Мой Самъ:
Его святяй нѣтъ по дѣламъ;
Онъ всюду правосуденъ зрится;
Его ни милостивѣй нѣтъ:
Единъ спасаетъ Онъ отъ бѣдъ.

О! не хвалитесь вы тщеславны,
Ни говорите гордыхъ словъ;
Языкъ чтобъ не́-былъ вашъ суро́въ;
Уста бъ безъ велерѣчій плавны:
Господь верьхъ разумовъ есть всѣхъ;
Въ Немъ начинаніямъ успѣхъ.

Лукъ изнемогъ вконецъ ужъ сильныхъ,
А въ силу слабыми пришли;
Се многохлѣбныхъ гладъ въ земли́,
Алкавшихъ зримъ въ ней изобильныхъ
Неплодна родила́ седмь кратъ;
Родивша немощна́, безъ чадъ.

Господь мертвитъ и оживляетъ,
Низводитъ, и изводитъ въ гробъ;
Убожитъ, богати́тъ Особъ,
Кроти́тъ, и выситъ; восставляетъ
Ниспадшихъ нищетою въ долъ,
Да ихъ поса́дитъ на престолъ.

Молящимся даетъ обѣты;
Вѣкъ Праведныхъ благословилъ:
Не отъ своихъ Мужъ крѣпокъ силъ;
Господь святъ раззоритъ навѣты,

Отъ супостата рáвно вредъ,
Его жъ отъ силы въ нéмощь сведъ.

За тѣмъ премудръ, чтобъ не хвалился
Отнюдъ въ премудрости своей;
Ни сильный также въ силѣ всей;
Богатъ въ богатствѣ бъ не гордился:
Но всѣмъ бы Бога знать и чтить,
И въ правдѣ судъ Земны́мъ творить.

Господь вошелъ на Небо въ славѣ,
И се Онъ страшно возгремѣлъ;
Судить всю землю восхотѣлъ,
Какъ справедливъ, и дивенъ въ правѣ:
Царямъ онъ крѣпость въ насъ пасетъ;
Рогъ своего Хріста взнесетъ.

—

XIV.

ПАРАФРАЗІСЪ ПѢСНИ ПРОРОКА АВВАКУМА.

Господи, услышахъ слухъ твой.

Аввакумъ, глава 2.

Услышавъ, Господи, слухъ Твой,
Боязнію содрогся крайно;
Я дѣло выразумѣлъ тайно,
И сталъ быть въ ужасѣ духъ мой:
Смотреніемъ грядешь отрада;
Душа трепещетъ предъ Тобой,
Спасенная во вѣкъ отъ ада.

Двоихъ животныхъ посредѣ
Ты будешь истинно познáнный;
Предстанешь явно въ насъ желанный,
Какъ лѣта придутъ тѣ въ чредѣ:
Явившся, какъ настанетъ время;
И милостію всѣхъ въ бѣдѣ
Помянешь, облехчивъ золъ бремя.

Отъ Юга придетъ Богъ Святый,
И отъ горы́ дубравъ сѣнистыхъ:
Величія добротъ отъ чистыхъ
Покровъ есть небесамъ златый;
Полна земля Его вся славы;
Онъ Свѣтъ, въ рукахъ лучъ непростый;
И то печать Его державы.

Предъ нимъ предъидетъ въ словѣ смерть,
Изъидетъ на поля поносно;
Падетъ подъ но́ги та некосно,
Какъ предпріиметъ ону смерть:
Онъ сталъ, и вся земля трясется;
Подвиглась и высо́ка твердь;
Язы́ки таютъ, вѣсть несется.

Верьхи за нужду стерлись горъ;
Растаяли и холмы вѣчно;
Въ трудѣ ихъ древній путь конечно:
Боится Еѳіо́плянъ зборъ,
Селенія ихъ пасть готовы;
Весь въ страхѣ Мадіамскій взоръ,
И въ трепетѣ ихъ ра́вно кро́вы,

На рѣки ль, Господи, твой гнѣвъ?
Водамъ отъ ярости ль есть горе?
Или стремительство на мо́ре?
На коней бурныхъ тако всѣвъ,
Ты борзо шествуешь повсюду:
Но шествіе твое узрѣвъ,
Я и спасеніе зрю люду.

Твой Лукъ уже́ есть наляче́нъ,
По сло́ву Твоему, на Скиптры;
Ты далъ рѣкамъ въ долъ ходы хитры;
Верьхъ горъ Тобою удрученъ;
Текутъ въ стремленіи всѣ во́ды;
Гласъ бездны са́мыя промченъ;
И высота всклицаетъ въ роды.

Въ чинъ стали Солнце и Луна,
Они шли стрѣлъ Твоихъ по свѣту,
Оружіи и по блеску въ мѣту:
Земля уже́ уменьшена
Прещеніемъ Твоимъ жестокимъ;
И ярость всѣмъ объявлена
Язы́камъ гордымъ и высокимъ.

Иссшелъ спасти людей Твоихъ,
Твоихъ помазанныхъ всѣхъ ра́вно;
И положилъ Ты Самъ исправно
Смерть беззаконнымъ сверьхъ главъ ихъ:
Оковы съ ногъ на нихъ до выи,
Да мерзостей ктому своихъ
Творить не могуть вольно злыи.

Ты палицею сокрушилъ
Во всѣхъ градахъ враговъ тѣхъ сильныхъ,
Какъ шли въ толпахъ они обильныхъ;
Чтобъ каждый насъ опустошилъ;
Пожрать и въявь и втай бѣжали:
Но ты къ намъ коньми поспѣшилъ,
И мы избавлены тѣмъ стали.

Хотя и спрятался съ труда́;
И всѣмъ я сердцемъ убоялся,
Утробою поколебался
Отъ гласа устъ Твоихъ: тогда
Вшелъ трепетъ преужасный въ кости,
Настала крѣпости бѣда,
Всего объяли смертны злости.

Возлягу почивая днесь,
До дня скорбей неизреченныхъ;
Ты Самъ Твоихъ рукъ ополченныхъ
До тѣхъ не хощешь двигнуть здѣсь:
Какъ въ люди вниду я пришелецъ,
Воздвигнется и брань и смѣсь;
Всякъ возрыдаетъ земледѣлецъ.

Плодовъ ужъ Смоквь не принесетъ;
Не будетъ рода Винограду;
Печаль всему настанетъ граду,
И стару, юну, и кой ссетъ:
Солжетъ въ успѣхѣ и Олива;
Гладъ изможднтъ всѣхъ и стрясетъ,
Что хлѣба не подастъ имъ нива.

Умалится число овецъ;
Воловъ при ясляхъ ужъ не будетъ;
Всего и всѣхъ зло не забудетъ,
Всему и всѣмъ есть лютъ конецъ.
Но мнѣ о Господѣ есть радость:
Онъ Мой единъ Богъ и Творецъ,
Мнѣ въ Немъ Спасителѣ вся сладость.

Господь Богъ сила есть моя;
Кладетъ стези мнѣ безопасны,
Творитъ мои Онъ но́ги красны;
Вверьхъ взноситъ, милость подая;
Да побѣдивъ враговъ ликую,
И да хвалу Ему поя,
Въ той пѣсни свѣтло торжествую.

—

XV.

ПАРАФРАЗІСЪ ІСАІИНА ПРОРЕЧЕНІЯ.

отъ но́щи утреннюетъ духъ мой.

Ісаіи глава 26.

Къ Тебѣ отъ нощи востаетъ,
О! Боже, въ утро духъ мой вольно:
Твое веленіе престольно,
Спасительный землѣ есть свѣтъ.
Весь родъ живущихъ земнородныхъ,
Ты научиться правдѣ тщись:
О! злый, блаженнымъ быть не мнись,
Дѣлъ за нечестіе неплодныхъ.

Да потребится отъ среды
Всякъ безъ пощады нечестивый,
И духъ его толико льстивый:
Да не имѣетъ онъ чреды
Господню славу видѣть съ нами.
Твоя что, Господи, рука,
Вельми и мышца высока,
Не знаютъ; но въ стыдъ придутъ сами.

Не наученныхъ всѣхъ людей
Объиметъ скрежетъ, зависть злая;
Огнь супостаты пожигая,
Конечно истребитъ въ день сей.
Но насъ любезнымъ, Боже, миромъ,
Подавъ тотъ намъ, благослови;
Сію намъ милость ввѣкъ яви,
Толь всякимъ насладивъ насъ пиромъ.

О! Господи, и Боже нашъ:
Мы много отъ чужихъ терпѣли;
Едва въ господъ не возъимѣли.
Но молимъ, Ты намъ буди стражъ;
Твоя надъ нами власть и воля:
Кромѣ Тебя мы никого,
Не знаемъ равно ничего;
Въ Твоемъ намъ Имени есть доля.

Къ тому уже тѣ живота
Не могутъ видѣть всѣ отнынѣ;
Зримъ гробы токмо мы въ пустынѣ,
Гдѣ вся была ихъ высота:

Ихъ воскресить врачи не сильны,
Ты Самъ ихъ вѣки погубилъ,
И память съ шумомъ потребилъ,
Коль Мужи были не обильны.

Самъ, Господи, зла приложи
Тѣмъ, кои на землѣ толь славны,
Что мнятся быть съ Тобою равны;
Но насъ всѣхъ вмалѣ накажи:
Тебя мы въ скорби поминаемъ;
Хоть совокупно, хоть и въ разнь,
Мы получаемъ должну казнь;
Однакъ къ Тебѣ всѣ прибѣгаемъ.

Какъ мучащаяся родить,
Въ болѣзни вопіетъ великой;
Такъ всѣмъ намъ повелѣлъ въ толикой
Ты скорби предъ Тобой ходить;
Зачавъ, во чрево мы вселили;
А бремя такъ своя нося,
И повсегда къ Тебѣ глася,
Спасенія мы духъ родили.

Не мы; но славныи падутъ,
И овладѣвшіи землею:
Восстанутъ мертвыи душею,
Воскреснутъ въ жизнь, гласъ издадутъ
И о Тебѣ возвеселятся:
Роса Твоя имъ есть цѣльба.
Есть нечестивымъ та судьба,
Да падши къ дольняя вселятся.

—

XVI.

ПАРАФРАЗІСЪ МОЛИТВЫ ІОНИНЫ.

Возопихъ въ скорби моей.

Іоны Глава 2.

Я въ скорби къ Господу моей
Отъ сѐрдца возопилъ стеная;
Богъ мой меня въ печали сей
Услышалъ милость помина́я·
Услышалъ Ты, о! Боже, гласъ,
И вопль мой изъ звѣрина чрѐва:
Хоть въ глубину низвергъ отъ гнѣва,
Хоть рѣки залили тамъ въ разъ;
Однакъ не призрилъ го́рька рева.

Вся высота по мнѣ прешла;
Вся глубина меня пріяла;
Вся и широкость обошла;
Отверста мраковъ бездна стала;
Всего покрыли го̀ры водъ:
Шумъ токовъ оглушилъ ужасный;
Всему явился видъ золъ власный,
И влажный про́пастей исподъ.
О! коль тогда я былъ злощасный.

Изрекъ я въ горести сіе:
Отринутъ обрѣтаюсь нынѣ,
И все стенаніе мое,
Здѣсь отъ Твоихъ очей въ долинѣ;

Уже́ ктому я не узрю́
Живъ Храма Твоего святаго:
Ни въ немъ сіяніе драгаго:
Взлилась вода къ души́ за прю;
Се въ безднѣ смерть мнѣ, а не благо!

Глава моя въ рассѣлѣ горъ
Ужъ всеконечно понырнула;
Снишелъ въ мѣста́ подземны взоръ,
Земля заклепъ свой гдѣ замкнула,
Въ вѣкъ положивши вереи.
О! Боже, да животъ спасется,
И на верьхи да изнесется;
Да внидутъ слезъ къ Тебѣ струи;
Да духъ въ пучинѣ не стрясется.

Когда вельми душа моя
Въ страданіяхъ тамъ сихъ томилась;
То милость, Господи, Твоя
Во время въ память мнѣ вселилась:
Молитву самъ мою́ Ты внялъ;
Дошла въ Храмъ къ Твоему престолу;
Судебъ Твоихъ по произволу,
Ты ону въ благости пріялъ;
Возведъ меня, не предалъ долу.

Хранящіи ложь, суету,
Пренебрегаютъ благодарность;
За то пріимутъ срамоту,
И казнь за лесную коварность.
Но я со гласомъ похвалы,

И въ исповѣданіи Богу
Воздамъ спасенный жертву многу,
Котора сердце, не волы,
И весь обѣтъ мой безъ подлогу.

—

XVII.

ПАРАФРАЗІСЪ МОЛИТВЫ ТРЕХЪ ОТРОКОВЪ

Благословенъ еси Господи отецъ нашихъ.

Даніила Глава 3

Благословенъ, о! Боже сильный,
Господь и нашимъ всѣмъ отцамъ;
Ты славою Именъ обильный;
Въ вѣкъ хваленъ по земнымъ концамъ:
Ты праведенъ во всѣмъ предъ нами,
Твоими Истинны дѣлами;
Твой правосуденъ путь во всемъ
На насъ тобою наведенномъ,
И на святый Градъ въ напреженномъ;
Ты за грѣхи казнишь насъ тѣмъ.

Мы предъ Тобою согрѣшили,
И беззаконно отъ Тебя
Въ бесспудствѣ нашемъ отступили,
Прельщая суетой себя:
О Заповѣдяхъ не радѣли,
Ни ихъ соблюсть мы восхотѣли:

Мы дѣлали единый срамъ;
Все правое пренебрегали,
Что отъ Тебя воспріимали,
Да благо будетъ въ жизни намъ..

Се въ ру́ки предалъ беззаконныхъ
И власти насъ лукавой, злой,
И всѣхъ тѣхъ Ідолопоклонныхъ,
И ихъ неправдѣ головой:
Не можемъ устъ отверсть мы нынѣ,
Толико въ горесной пелынѣ;
Уже́ мы въ стыдъ рабамъ Твоимъ,
И въ поношеніе всѣмъ чтущимъ,
Тебя единаго поющимъ;
Мы въ тягость и себѣ самѝмъ.

Но не предай насъ всеконечно
Для Имени днесь Твоего;
Мы молимся тебѣ сердечно,
Не раззори самъ ничего
Въ Твоемъ толь истинномъ завѣтѣ,
Не попусти намъ быть въ навѣтѣ,
Для Авраама, кой пріятъ
Въ любленіе къ Тебѣ и въ дружбу,
За Ісаакову всю службу,
И для Ізраиля, кой святъ.

Ты Самъ имъ, Боже, обѣщался,
Умножить сѣмя оныхъ толь,
Какъ съ ними устно сообщался,
Блистаетъ звѣздъ на небѣ коль,

И сколько есть песку при морѣ:
Теперь мы въ превеликомъ горѣ,
Умаленныи паче всѣхъ;
Ужé мы на землѣ смиренны,
И всюду и отъ всѣхъ презрѣнны
Къ Тебѣ за нашъ великій грѣхъ.

Начальника въ сіе ужъ время,
Нѣтъ ни пророка, ни вождá;
Несемъ мы нестерпимо бремя,
Насъ всюду обстоитъ бѣда:
Нѣтъ мѣста къ жертвѣ всесожженій,
И всѣхъ кадильныхъ приношеній,
Гдѣ бъ мы могли пожреть Тебѣ;
А отложившимъ всю унылость,
Твою бъ намъ пребогату милость
Возможно пріобрѣсть себѣ.

Однакъ, да въ сердцѣ мы сотренномъ
Пріяты будемъ вопія,
И въ духѣ повсему смиренномъ
Мольбу сію къ Тебѣ лія:
Какъ въ тельчихъ жженіяхъ всештучныхъ,
Какъ въ овнихъ, въ тмахъ и агнцовъ тучныхъ,
Такъ жертва наша предъ Тобой,
О! Господи, днесь да явится,
И да въ угодность совершится:
Мы въ вѣрности къ Тебѣ прямой.

Се мы отъ глубины утробной
Восклѣдуемъ Тебѣ боясь;

Къ Тебѣ въ сей прибѣгаемъ гробной
Печали нашей не стыдясь.
Не посрами; но кротокъ буди,
И въ милости насъ не забуди:
Сія премнога по всему.
Изми насъ по Твоей державѣ,
И по великолѣпной славѣ
Ввѣкъ Имени здѣсь Твоему.

Являющіи люто злая,
О! Господи, Твоимъ рабамъ,
Да постыдятся всѣ, гонзая
Въ погибель сами по судьбамъ:
Да всякая бъ своя ихъ сила,
И крѣпость сло́мленна срамила:
Да знаютъ, что единъ ты Богъ,
Что по вселенной всей Ты славенъ,
И Токмо Ты единъ державенъ;
Съ Тобой не смѣненъ всякъ прилогъ.

—

XVIII.

ПАРАФРАЗІСЪ ХВАЛЫ БОГУ ОТЪ ТРЕХЪ ЮНОШЪ.

Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ.

Данiила Глава 3.

Благословенъ Господь, Богъ нашихъ всѣхъ отецъ
Прехвальный и превозносимый;

Благословенъ въ своей и Славѣ нашъ Творецъ,
По долгу всѣми толь гласимый;
Благословенъ всѣ бездны зряй,
На Херувімахъ Самъ сѣдяй:
Его воспойте человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

Благословенъ престолъ, и царствіе Его
Прехвально и превозносимо,
Благословенно все величіе Того
По долгу всѣми толь гласимо;
Благословенъ на небесахъ,
Всего и Міра въ колесáхъ:
Его воспойте человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

Благословите вы всѣ Гóспода дѣлá;
Всѣ купно Ангели Господни;
Всѣ силы, всяка тварь, и также всѣ тѣлá
Превыспренни и преисподни;
Всѣ вóды сáмыхъ сверьхъ небесъ;
Всякъ óбразъ дивнѣйшихъ чудесъ:
Его воспойте человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

Благословите тверды, и солнце, и луна,
Толь многихъ Хоръ звѣздъ распещренный;
И всякій духъ, душá, дождь, всѣхъ и росъ вина;
Огня и вара родъ небренный;
И всяка стужа, всякъ и зной;
И иней, ледъ, и мразъ хвалой:

Его воспойте человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

Благословите снѣгъ, слота́, и день, и нощь,
Свѣтъ, молнія, тма, мраки;
Вы купно облака́, и во́здухъ силъ не тощь,
Земля, плоды растущіи паки;
И го́ры, холмы, и древа́:
И злаки всѣ, и вся трава:
Его воспойте человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

Благословите мгла, источники, моря,
Езе́ра, рѣки, рыбы, киты,
И все, что есть въ водахъ; вы птицы высирь паря,
И тмы мшицъ, рои знамениты;
И звѣри, и число скотовъ,
И всякихъ множество гадо́въ:
Его воспойте человѣки
И славно величайте въ вѣки.

Благословите днесь, о! людіе, и вы,
И ты Ізраиль предъизбранный;
Служащіи ему Священные главы:
Рабъ, властелинъ, природный, странный;
Двухъ правыхъ, кроткія сердца́,
Блажите общаго Творца:
Его всѣ пойте человѣки,
И славно величайте въ вѣки,

Благословимъ того и мы превознося,
Ананій и Азарій кра́сно,

Мiсанлъ третiй въ насъ; хваленiе жъ глася,
Почтимъ Всевышняго согласно,
И воспрославимъ отъ сердецъ
Всея вселенны до конецъ:
А воспѣвая съ человѣки,
Достойно возвеличимъ въ вѣки.

Онъ самъ исторгнуть насъ отъ ада днесь судилъ;
Онъ спасъ отъ самыя насъ смерти;
Отъ пещнаго огня соблюсть благоволилъ,
И злымъ не попустилъ насъ стерти.
Онъ благъ, къ нему всѣ воззовемъ,
Да въ благостынѣ поживемъ:
Его поемъ мы человѣки,
И славно величаемъ въ вѣки.

—

XIX.

ПАРАФРАЗIСЪ ПѢСНИ БОГОРОДИЧНЫ.

Величитъ душа моя Господа.

Отъ Луки Глава 1.

Величитъ Господа поя
Все сердце, вся душа моя:
Имъ Богомъ спасшимъ духъ пришелъ мой въ крайню радость,
И чувствуетъ небесну сладость.

На нискость онъ мою призрѣлъ,
Рабу смиренну изобрѣлъ:
Всѣ роды ублажатъ меня ужѣ отнынѣ,
Въ толикой вѣчно благостынѣ.

Велико сотворенъ со мной,
Всесильный, и Святый собой!
Отъ рода въ родъ Его всѣмъ милости творятся,
Которы Онаго боятся.

Державу мышцею явилъ
Своею, Самъ и утвердилъ:
Гордящихся всю мысль развѣялъ напыщённу,
Въ ничто въ сердцахъ ихъ обращенну.

Низвергъ въ глубокій сильныхъ долъ;
Вознесъ смиренныхъ на престолъ:
Наполнилъ алчныхъ всѣхъ премногими благими,
Богатыхъ отпустилъ нагими.

Ізраиля пріялъ всего;
Раба онъ вспомнилъ своего:
Такъ Аврааму самъ далъ клятву издалека,
И сѣмени его до вѣка.

—

XX.

ПАРАФРАЗІСЪ ПРОРОЧЕСКІЯ МОЛИТВЫ ЗАХАРІИ ОТЦА ПРЕДТЕЧЕВА.

Благословенъ Господь Богъ Ізраилевъ.

От Луки Глава 1.

Благословенъ Господь и Богъ,
Ізраилю себя явивый,
Избаву людямъ сотворивый,
И всѣмъ воздвигнувый намъ рогъ
Въ селеніи раба и отрока Давіда;
Да не ктому язвитъ насъ лютая обида.

Такъ Самъ Онъ провѣщалъ
Святыхъ пророковъ всѣхъ устами,
Дать верьхъ намъ славный надъ врагами;
Изъ нихъ отъять рукъ обѣщалъ,
Съ отцами сотворить свою богату милость,
Завѣтъ свой помянуть, отгнать отъ насъ уныло-
лость.

Онъ клялся Аврааму тѣмъ,
Что будемъ мы Ему, безъ страха,
Отъ вражія спасены праха,
Служить и правдою и всѣмъ
Говѣніемъ предъ Нимъ святымъ и преподоб-
нымъ;
И всякъ день въ животѣ хваленіемъ особ-
нымъ.

Но о! младенецъ, ты Пророкъ
Всевышняго́ пронаречешся:
Ты въ силу свыше облечешся,
Предшествовать предъ Нимъ въ свой срокъ;
Да уготовишь всѣ пути Его нелесны,
И всѣ стези Его здѣсь на землѣ небесны.

Да людямъ умъ подашь Его,
Въ чемъ есть спасительна отрада
Отъ всякаго грѣховна смрада,
За милость Бога Самаго:
Востокъ насъ присѣтилъ отъ тѣней тмы избавить,
А но́ги наши въ вѣкъ на миренъ путь направить.

—

XXI.

ПАРАФРАЗІСЪ ПѢСНИ ДЕВВОРИНЫ.

Внегда начати вождомъ во Ізраили.

Судей Глава 5.

Когда въ Ізраилѣ вожди́
Мстить начали прехрабро съ Богомъ:
Когда въ числѣ и люди многомъ
Текли такъ вольно какъ дожди́:
То Господу хвалу явите,
И Вышняго благословите.

Услыште, о! Царѝ земли́:
И каждый изъ Князей внушая,
А вопли сонмовъ утишая,
Съ благоговѣніемъ внемли́:
Я воспою Пѣснь велегласно,
Я Господу пою днесь кра́сно.

Какъ скоро, Боже, ты исшелъ
Воздвигшись грозно отъ Сі́йра,
И въ молніяхъ Твоя Порфі́ра
Блеснула отъ Едомскихъ селъ;
Вся потряслась земля съ водами,
Смутилось Небо съ Облака́ми.

Подвиглись Горы отъ Лица
Тогда всѣ Господа превѣчна,
Подвиглись тѣ отъ бесконечна
Царя, и Бога, и Творца:
И самъ Сінай такъ колебался,
Что на твердынѣ волновался.

Въ дни, въ кои пребывалъ Самга́ръ
Анаѳовъ сынъ, въ дни Іаи́ли,
Уже по стогнамъ не ходили;
Не зрился путникъ младъ, ни старъ
Всякъ отъ пути былъ воспященный,
Иль шелъ въ кривый и развращенный.

Ізраильтески всѣ мѣста́,
И всѣ жилища опустѣли;
Домовъ ужъ грады не имѣли,
Была и кажда грань пуста:

Пока Девво́ра не восстала,
И Матерію быть не стала.

Едва Ізраиль изберетъ
Боговъ какъ новый хлѣбъ ячменный;
То вдругъ подъ грады людъ военный:
А со́рокъ тысящъ общій вредъ
Могliль прочъ отгонять пустою,
Безъ копій и щитовъ, рукою?

Но во Ізраилѣ всѣхъ главъ,
И отъ народа добровольныхъ,
Собравшихся отъ мѣстъ окольныхъ,
Какъ любитъ сердце, такъ мой нравъ:
О! сильныи людей, гласите,
И Господа превозносите.

Вы ѣздящіи вполы дня
Въявь на своихъ Ослятахъ бѣлыхъ,
И вы сидящіи на цѣлыхъ
Судищахъ, кривду прочъ гоня,
И въ сонмъ ходящіи, собщайте
Дѣла другъ другу, и вѣщайте.

Шумъ ополченныхъ ужъ престалъ;
Да будетъ плещущихъ гласъ тамо,
О Правдѣ слово токмо само,
Гдѣ водъ Источникъ Богъ намъ далъ:
Онъ утвердитъ въ насъ Правды дѣло;
Народъ пошелъ во грады смѣло.

Ты встань, ты встань, Деввóра, днесь,
И въ Пѣсни сей рцы вѣрно слово:
Варáкъ! возстань и ты готово,
Востань Авінеéмль сынъ здѣсь;
Веди тобою побѣжденныхъ,
Яви, колико есть плѣненныхъ.

Уже ты въ силахъ превозмогъ;
Народъ Господень торжествуетъ,
Обрадованный ликовствуетъ:
Мнѣ сúльнѣйшихъ уже Самъ Богъ,
Подвергъ Десницею Своею,
Далъ быть подъ властію моею.

Отъ мѣстъ Ефрéмлихъ корень ихъ,
И даже онъ до Амалика:
Но былъ Веніáминъ отъ Лика,
Какъ братъ тебѣ, тогда твоихъ;
Махіръ моя былъ оборона,
И Писменникъ отъ Завулона.

Начальникъ Іссахарскій съ странъ
Девворинúхъ сталъ по срединѣ;
Былъ съ пѣшими Варáкъ въ долинѣ,
Рувимъ раздѣломъ гдѣ раздранъ:
Противъ противныхъ тамъ стояли,
И въ сердце бодрость воспріяли.

Чтожъ тотъ Хлѣвóвъ въ забрала сѣлъ?
Мѣста оградъ сихъ толь не чисты:
Иль скотски слышать тамо свисты,
И шествующихъ шумъ хотѣлъ

Въ Рувимовы тогда раздѣлы?
Всѣ мыслей суетны предѣлы!

Збѣгъ Галаáдъ за Іорданъ;
Аширъ, что на брегахъ бываетъ?
Отъ пристаней не отбѣгаетъ?
Почто и совокупно Данъ
Изъ кораблей есть не исходенъ?
Или онъ ни къ чему не годенъ?

Но Завулонъ есть сей Народъ,
Который самъ подвергся смерти,
Или чтобъ супостатовъ стерти;
И Нефѳалімъ, подобный родъ,
Безъ дѣйствъ не пребылъ праздно въ долѣ:
Исшелъ, и сталъ на чистомъ полѣ.

Цари къ нему пришли ужъ вблизь,
Тѣ ополченныи восстали,
Тамъ въ Ѳанаахѣ воевали,
У Магеддонскихъ водъ сошлись:
Однакъ, коль крови ни точили,
Сребра себѣ не получили.

Се что? Чинъ воружился звѣздъ!
Онъ сталъ противъ того Сісары!
Вонзаетъ смертныи удары
Лучами отъ своихъ Самъ гнѣздъ:
Се Небеса всѣ ополчились,
И на него жъ ожесточились!

Потокъ Кісоновъ ихъ зглотилъ!
Токъ наводненія подобно

Въ нихъ пролилъ Кадимінъ способно:
Потокъ Кісоновъ затопилъ!
Душа моя! Тѣмъ всюду рана,
И сила ихъ тобой попрана.

Съ ристанія, отъ конскихъ ногъ
Скочилъ, на по́лы рассѣкаясь,
Или на части сокрушаясь,
Копыта оный твердый рогъ:
Толь былъ тогда тамъ топотъ сильный,
И скачъ во всѣ страны обильный!

Клените, Ангелъ такъ велитъ,
Клените клятвою Мазора:
Да истребится онъ отъ взора;
Всякъ житель въ немъ да заболитъ:
Въ Господню помощь не потщились,
И въ помощь сильну не собщились,

Да будетъ Іаиль, Жена
Хаверъ-Кінеева почтенна,
Во всѣхъ женахъ благословенна!
Да препрославится Она
Всѣхъ велелѣпнѣе женъ сущихъ,
Въ шатрахъ и на-полѣ живущихъ!

Просилъ онъ у нея воды;
Млека та подала возвратно,
И масла кравія богатно:
То изнесла все до среды,
И съ тѣмъ, ему отягощенну,
Подноситъ чашу позлащенну.

Простерла лѣвую свою
Къ гвоздю потомъ древянну въ плату,
А правую къ работныхъ млату;
Сісару тѣми, безъ бою,
Въ високъ до смерти поразила,
Въ кой златомъ гвоздь ему вонзила.

Согнувся палъ къ Ея ногамъ,
Падъ на землѣ весь растянулся;
И нѣсколько еще онъ гнулся,
Валяясь при издохѣ тамъ:
Но вскорѣ, гнусно безобразенъ,
Издохъ, и сталъ во вѣки мразенъ.

Въ окно смотрѣла часто мать
Сісарина, и сквозь решетку;
Сама всклицала, какъ въ трещетку:
Доколѣ такъ его мнѣ ждать?
Его что медлитъ Колесница?
А съ нимъ и прочія всѣ Лица?

На то мудрѣйши изъ вельможъ
Гадательствуя отвѣщали,
И купно ону улещали
Такъ знаменитые Госпожъ:
Да и сама себя та льстила,
Что въ сердце съ ними сходно мнила.

Корысть велику знать онъ взялъ;
Ту раздѣлятъ заслужившимъ,

И всѣмъ въ войнѣ себѣ дружившимъ:
Драгіе утвари отъялъ;
Облекъ на рамена цвѣтну́ю,
На выю возложилъ златую.

Такъ, Господи, Твои враги
Всегда вездѣ да погибаютъ;
А равно Солнцу да блистаютъ,
Возлюбшіи Тебя слуги!
Да впредь не му́читъ зло ни кое!
Страна да будетъ вся въ покоѣ!

—

XXII.

О НЕПОСТОЯНСТВѢ МІРА.

Гдѣ бодрость! гдѣ веселый духъ!
Какіе мысли въ умъ вселились?
Что за нещастія случились?
Почто твой видъ толико сухъ?
Погибло ль что, и не восстанетъ?

Какъ! малая премѣна толь,
Къ болѣзни сердцу давъ начало,
Какъ острое какое жало,
Хотя тебя ни мучитъ коль;
Однако, ты будь терпѣливый.

Что въ Мірѣ постоянно есть?
Не все ль въ немъ завсегда превратно?

Не всѣмъ ли искони то знатно?
Не утрѣль нѣтъ, что днешня честь?
Который красный цвѣтъ не вянетъ?

Сперва весна, тамъ лѣто здѣсь;
Потóмъ ужъ осень прибѣгаетъ,
Зима жъ наставши отнимаетъ
И плодъ съ деревъ, и листъ ихъ весь,
И вóздухъ дышетъ особливый.

Вѣтръ возмущаетъ тишину;
Темнѣетъ свѣтлость отъ ненастья;
Премного въ щастіи нещастья;
Сей долу, тотъ на вышину,
Какъ бутто не спадетъ, стремится.

Учернаго есть съ бѣлымъ бой;
Есть у сухаго также съ влажнымъ;
У легкаго подобно жъ важнымъ;
Ни ветхость, новость межъ собой,
Не мирны и ни старость, младость.

Какъ день, такъ ночь есть не всегда;
Кто мощенъ, утрѣ вотъ бессиленъ;
Теперь суróвъ, потóмъ умиленъ;
Живъ въ полдень, въ вечеръ иногда
Трудъ бездыханенъ всѣми зрится.

Иное ходитъ, то стоúтъ;
Другое косно, третье скоро;
То тратится, иное споро;

Иное чувствіямъ вредитъ;
Иное тѣмже чувствамъ радость.

Нѣтъ, краткимъ словомъ, ничего,
Кромѣ сотворшаго все Бога:
(Чья къ земнороднымъ милость многа
И благость и любовь Его,)
Что было въ во Вселенной вѣчно.

Онъ Пресвятый, онъ есть единъ,
Онъ всемогущій, Онъ правдивый,
Всѣвѣдущъ Онъ и прозорливый,
Надъ всѣмъ верховный Господинъ,
По волѣ все располагаетъ.

Его вездѣ во всемъ есть власть;
Мы должны всѣ повиноваться,
А малодушно не терзаться,
Что мнится наша злая часть:
Пріимемъ токмо ту сердечно.

О! Весь желаніе мое,
Въ Тебѣ и все мое благое,
И все сокровище драгое,
Твори со мной во всемъ Твое:
Языкъ и сердце то вѣщаетъ.

СЛОВО
О ТЕРПѢНІИ И НЕТЕРПѢЛИВОСТИ.

ФОНТЕНЕЛЕВО
ПОЛУЧИВШЕЕ НАГРАЖДЕНІЕ ЗА КРАСНОРѢЧІЕ.

Человѣкъ коль ни мало употребляетъ въ дѣйствіе свой внутренній свѣтъ, къ познанію самаго себя; однако усматриваетъ слабости и пороки, которыми онъ наполненъ. Сія есть причина, что немедленно человѣческій разумъ ищетъ способа, какъ бы оныи исправить, имѣя съ природы къ совершенству желаніе, оставшееся въ немъ отъ древнія великости, коею онъ почтенъ былъ. Но нынѣ сколько силъ имѣетъ сей самый разумъ, будучи сомнителенъ, слѣпъ, исполненъ заблужденій, достоинъ и самъ почитаться за одну изъ бѣдностей человѣческихъ? Онъ токмо что умѣетъ сопротивляться порокамъ чрезъ пороки жъ, или исцѣлять страсти страстями; а сіи тщетныя лѣкарства, изобрѣтаемыя имъ, нечто иное, какъ токмо толь большее и неисцѣльнѣйшее зло, коль болѣе нужно ему не признавать ихъ зломъ, и коль онъ вящше прельстился самъ, ихъ одобряя.

Тщетно чрезъ многіи вѣки древняя Греція, бывши толь изобильна тонкими, любопытными,

и беспокойными умами, производила оныхъ мудрецовъ, которыми продерзосно старались научать послѣдователей своихъ наукѣ, какъ жить блаженно, и здѣлать самихъ себя совершеннѣйшими; всуе бесчисленная разность ихъ мнѣній, которая во вѣки имѣетъ быть стыдомъ ослабѣвшему природному свѣту, истощала все, что человѣческій разумъ могъ изобрѣсть для пользы земнороднымъ: ибо дѣйствіе самыхъ сильныхъ Філософскихъ стремительствъ, токмо, что премѣнило пороки, производимыи растленною природою, въ ложные Добродѣтели, кои были, чтобъ такъ сказать, еще достовѣрнѣйшими знаками поврежденія. Простый человѣкъ или не вѣдаетъ свихъ недостатковъ, или признаетъ ихъ съ довольною искренностію, дабы ихъ здѣлать, нѣкоторымъ способомъ, извиненія достойными: но языческій Філософъ, тщеславясь пріобрѣтеніемъ своихъ несовершенствъ чрезъ многое размышленіе и ученіе, приписывалъ еще тѣмъ и какъ всякое, такъ и великое похваленіе.

Сіи непорятки, производимыи человѣческимъ разумомъ въ Греціи, гдѣ онъ владычествовалъ со всею возможною себѣ высокостію, вышедъ ужѣ изъ своихъ предѣловъ, также и лесныя наставленія, рассылаемыя оттуда имъ ко всѣмъ свѣта сего Народамъ, воспріимавшимъ оныя съ преизбыточнымъ повиновеніемъ, были поистинѣ немалымъ побужденіемъ, приведшимъ Вѣчный Разумъ къ сошествію на землю. Когда, съ одной стороны, у Іудеевъ славные Даніиловы сед-

мицы, которые ужé скончавались, и скипетръ Іудинъ, прешедшій въ чужіе рýки, приводили въ поспѣшеніе Избавителя, толь давно обѣщáннаго и вожделѣннаго; то, безъ сомнѣнія, съ другой Греки, попустившіися по то время въ надменныя заблужденія, и въ тщеславное неразуміе, а довольствующееся самимъ собою, рáвно требовали Мессіи для своихъ нуждъ, хотя и не имѣли права ожидать Его Пришествія. Богъ долженствовалъ Его послать къ однимъ, дабы исполнить свое Слово, толь многажды предвозвѣщенное устами Его Пророковъ; а другимъ надлежало Ему того подáть, чтобъ удовлетворить Своей благости, не могущей ужé больше терпѣть имъ заблужденій въ ихъ мудрости. Надобенъ былъ однимъ Монархъ, который бы себѣ учредилъ по всему божественное владычество надъ народами; надобенъ былъ Великій Священноначальникъ, который бы ихъ научилъ приносить истинную жертву: но надобенъ же былъ и другимъ мудрецъ, отъ котораго бъ имъ получить твердое наставленіе; надобенъ имъ также былъ и Учитель, который бы имъ подалъ всѣ познанія, желаемыя ими толь отъ многихъ вѣковъ.

Того ради, наконецъ, явился между человѣками оный Мессія, толь пламенѣющими чаянный желаніями отъ одного токмо народа, а толь всѣмъ нужный. Тогда Истинна и Добро открыты намъ быть стали, безъ примѣшенія всякихъ тучъ, и всякаго мрака; тогда исчезли

всѣ оныя привидѣнія Добродѣтели, ролившіяся отъ Філософскаго мечтанія; тогда все и повсему божественное врачеванія нáчало быть прилагаемо, съ полученіемъ успѣха, ко всѣмъ нашимъ недугамъ, кои намъ природны.

Да возведутся наши очи особенно на одно которое нибудь изъ дѣйствій, каково произвелъ новый уставъ возвѣщенный Іисусомъ Хрістомъ. Нетерпѣливость въ природномъ злѣ, есть можетъ быть, такой порокъ изъ пороковъ, къ которому насъ несетъ сама жъ природа, а несетъ и весьма обще, и вельми сильно; и также, нѣтъ добродѣтели, о которой бы Філософія больше старалась, коль о терпѣніи. Поистинѣ для того что нѣтъ ніединыя, которая бъ могла быть толь нужнá нещастливому человѣческому состоянію, и была бъ толь способна къ пріобрѣтенію славныя отмѣны, удостоившимся получить Терпѣніе. Сія Природная нетерпѣливость, и ложное терпѣніе Філософіи послужатъ намъ въ примѣры благополучнаго возобновленія, учинившагося тогда во Вселенной. Рассмотримъ, какъ истинное терпѣніе, невѣдомое по то время на землѣ, отняло мѣсто у тоя и у другаго. Однако, не должно намъ имѣть стыдѣнія въ рассмотрѣніи всего онаго нѣсколько обстоятельнѣе, и въ познаніи нашея бѣдности. Сіе рассмотрѣіе, сіе познаніе подастъ намъ средство къ признанію того, что сколько мы получили Спасительныхъ благодѣяній.

ЧАСТЬ I.

Что то за устремительное движеніе нашея души́, которая раздражается претерпѣваемымъ зломъ, и такъ на всѣ обращается сто́роны, какъ бутто бъ она хотѣла свергнуть съ себя какое иго? Чего ради стараться, отринуть оное далеко отъ насъ чрезъ наглыя стремленія, въ которыхъ мы ощущаемъ въ тожъ самое время невозможность? Чего ради пріобщать тому въ причину или звѣзды, кои нимало невиновны нашимъ нещастіямъ, или Фортуну и необходимую Судьбу, которые не имѣютъ бытности внѣ нашего мечтанія? Что значатъ сіи жалобы, приносимые многимъ безъ числа вещамъ, отъ которыхъ онѣ не могутъ быть слышимы? Что являетъ, оный родъ исступленія, въ коемъ мы находимся противъ насъ самихъ, еще меньше основательный, нежели всякое другое неистовство? Успокоеваемъ ли мы тѣмъ наше зло? или оное усугубляемъ? Нещáсливы! ежели мы токмо имѣемъ средствія толь ложныя, и толь мало твердыя къ нашему облегченію. Безумны! если мы наше зло умножаемъ. Но препятствуетъ ли что, дабы сему и не быть достовѣрнымъ? Весьма и весьма извѣсно, что мы сами наше зло увеличиваемъ. Наше прибавленіе силъ къ силамъ на извлеченіе стрѣлы́, прободающія насъ, еще больше углубляетъ, и ея вонзаетъ; душа наша сама себя раздираетъ симъ новымъ смятеніемъ: а чрезвычайное усильствіе, въ кое она

попускается, возбуждая ея чувствованіе, подаетъ надъ нею бо́льшую силу той болѣзни, которою она есть мучима.

Однако, ни стыдъ слѣдовать за непорядочными порѣваніями, ни страхъ умножать чувствительность нашего зла, не подавляютъ въ насъ Нетерпѣливости. Попускаемся въ нея толь способнѣе, что тайный гласъ совѣсти нашея почитай не укоряетъ насъ за нея, и что не бываетъ въ сихъ стремительствахъ толь явныя несправедливости, чтобъ она могла быть намъ видима, и проводила бъ насъ къ ужасному ею омерзѣнію. Вопреки, кажется, зло претерпѣваемое нами, не винными насъ дѣлаетъ; оно, кажется, увольняетъ насъ, на нѣсколько времени отъ необходимости быть смысленными. Не употребляется ль еще нѣкоторый родъ и хитрости, чтобъ способнѣе извиниться въ семъ недостаткѣ, и предаться бъ ему безъ всякаго помѣшательства? Не укрывается ль также многократно Нетерпѣливость и лехчайшимъ именемъ Живыя Скорости? Но сіе истинно, что она всегда объявляетъ побѣжденную ду́шу своймъ зломъ, и уступать ему принужденную. Впрочемъ, находятся такія нещастія, въ которыя попадшагося похваляютъ люди, когда онъ къ нимъ чувствителенъ безъ мѣры; также и приключенія, во время которыхъ, какъ они думаютъ, можно съ благопристойностію лишиться силъ, и позабыть себя совершенно. Тогда точно позволено получать себѣ са́мую больша́ю похвалу за Нетерпѣ-

ливость, и, кто ея не отвергаетъ, быть превозносиму. Кто бъ повѣрилъ, чтобъ, вещь носящая наибольше всего знакъ на себѣ малодушія, могла когда быть основаніемъ къ тщеславію? Законъ токмо единъ исправить могъ толь вкорененную порочность въ природу, а иногда и и позволенную ложными нашими мнѣніями. Оный насъ научаетъ, для погашенія въ насъ Нетерпѣливости всегда вредительныя, и безумныя всегда, что мы всѣ Грѣшники, что мы должны удовлетвореніе учинить Правосудію Божію, что всякое зло, какое претерпѣвать можемъ, мы заслужили. Что за странное утѣшеніе, рассуждая по первой мысли на умъ всходящей! Какъ! Мы не токмо будетъ неблагополучны, но еще должно намъ почитать себя и виноватыми? Мы имѣемъ погубить и право къ стенаніямъ, и воздыханія наши не могутъ быть больше неповинными? Повторяю, что за странное утѣшеніе!

Но только жъ сіе самое есть то одно изъ многихъ, и есть еще твердое и дѣйствительное. Ибо коль ни горесны иногда кажутся Посѣщенія, приходящія къ намъ съ Неба; токмо они находятъ на насъ оттуду благополучія ради нашего и спокойствія. Христіанинъ, совершенно познавшій, что онъ достоинъ претерпѣваемаго зла, никогда ужѐ и нимало не прибавляетъ онаго вдвое порывами Нетерпѣливости. Праведно есть, дабы возтапію нашея души, на болѣзни должные грѣхамъ нашимъ, быть казниму пріі-

умноженіемъ сихъ же самыхъ болѣзней: но тотъ умаляетъ ихъ для себя, кто подвергается безъ роптанія получаемой казни. Сіе не для того, что бутто бъ Христіане меньше искали страданія: но ради сего, что обыкновенно дѣйствія и плоды Добродѣтели имѣютъ себѣ природныя воздаянія, которыя отъ тѣхъ не отлучаются. Не можно быть въ святомъ расположеніи, да чтобъ неумалить жестокости въ томленіи. Не можно попуститься на муки, не умепшая и не облехчая страданія: а когда мы возстаемъ еще на себя самихъ съ сторны Божіяго Правосудія; то можно сказать, что мы нѣкоторымъ образомъ обессиливаемъ Могущество, которымъ бы Оно насъ преодолѣло.

Не должно ль мнѣ еще также положить въ число побуждающихъ причинъ къ Терпѣнію, которому насъ Законъ научаетъ, и вѣчное оное Добро, кое намъ повелѣваетъ онъ заслуживать добрымъ употребленіемъ нашего зла? Но есть ли то, и можетъ ли назваться истиннымъ зломъ, что бываетъ средствіемъ къ полученію того Небснаго Блага, которое у насъ никогда похищено быть не можетъ? Еще ль тотъ страждетъ, кто, чувствуя больше сердцемъ, что на сердце человѣку отнюдъ здѣсь никогда взойти не можетъ, оставляетъ въ своей душѣ нѣсколько мѣста болѣзнямъ и бессильнымъ, и временнымъ? Ахъ! Кажется, что такое предвкушеніе непзреченныхъ сладостей, весьма больше препят-

ствуетъ намъ ихъ чувствовать, нежели помогаетъ оныя претерпѣвать.

Такое точно было Искусство Благости Божіея, что въ самыхъ наказаніяхъ, которыя гнѣвъ Его на насъ насылаетъ, изобрѣла Она способъ снабдить насъ источникомъ бесконечнаго блаженства. Воспріиемъ токмо съ искреннимъ покореніемъ толь праведныя наказанія; то и премѣнятся оныя тотчасъ въ причину къ воздаянію. Мы не токмо загладимъ наши преступленія, но еще и получимъ право къ крайнему и неизреченному блаженству. Природная слѣпота и ты Небесный Свѣтъ Закона, О! коль много вы между собою противны. Природа, непорядочными своими движеніями умножаетъ наши болѣзни; а откровеніе Закона отдаетъ ихъ, чтобъ такъ сказать, въ лихву Терпѣніемъ въ насъ влагаемымъ. Ежели мы вѣряемся одной; то прибавляемъ къ необходимому добровольное зло: но если бываемъ послушны наставленію другаго; то находимъ въ необходимомъ злѣ величайшее всего Добро.

Того ради, Христіанское Терпѣніе есть не простое Терпѣніе: оно есть истинная любовь къ страданію. Буде бъ не возводить мысли къ оной блаженной Вѣчности, которыя наслажденіемъ обнадеживаетъ насъ оно; тобъ довольно было и того, чтобъ страдать безъ негодованія, и почитать страданіе за казнь должную согрѣшеніямъ: но когда мысленно взираемъ на бесконечное мздовоздаяніе, коимъ страданіе

награждается, то не можно больше не воспріимать его съ радостію какъ Милости, которыя мы недостойны. Отъ сего точно произрастали оныи предивныи случаи, коими Хрістіанскіе наполнены Лѣтописи; оное спокойствіе, которымъ Святыи наслаждались, претерпѣвая самыя жестокія мученія; оное совершенное равнодушіе, и равность, какову они всегда усматривали между добромъ и зломъ: но почто говорю и Равность? оное предпочтеніе, какое они всегда показывали природному злу предъ добромъ; оныя благополучныя излишества въ Терпѣніи такъ, что они дерзали призывать на себя такое зло, какова Рука Божія на нихъ и ненасылала.

Чтожъ то былъ за видъ растлѣнному Міру, начатіе Хрістіанства! Видитъ онъ, что явились нечаянно, и рассѣялись по всей подсолнечной люди, кои несогласны со всѣми другими въ самыхъ общихъ разумѣніяхъ: люди, которыи отвергаютъ все, чего всѣ прочія съ крайнею горячестію желали и искали, и которыи притомъ имѣютъ искренюю любовь ко всему тому, отъ чего всѣ другіи бѣгаютъ. Жалобы стали быть языкъ не знаемый имъ, развѣ токмо въ благополучіи. Не довольно съ нихъ, что имѣютъ въ самомъ нещастіи непоколебимое Постоянство, имѣютъ они еще въ томъ и такую радость, которой часто не-было и мѣры. Ежели они не отдаются сами на мýки и на смерть; то имъ было нестерпимо. Но лютость и звѣрство ихъ

враговъ всегда обманывались: чемъ и какъ ихъ ни мучили; а они того токмо и такъ желали. Что то чудеса, долженствовали говорить Язычники? Что за превращеніе? Добро и зло не премѣнились ли въ своей природѣ? Или Человѣки свою премѣнили? Сіе удивленіе безъ сомнѣнія, толь большее было, что самыи Філософы, которыи казались, что по то время владѣли всѣми Добродѣтелями и Истиннами, были изобличены и въ рассужденіяхъ и въ дѣлахъ отъ новыхъ Філософовъ несравненно совершеннѣйшихъ. Были то оныи преславныи Мудрецы, или лучше, былъ то Учитель ихъ Небесныи, который опровергъ ложныи виды Терпѣнія, положеныи отъ лѣсныхъ Мудролюбцевъ, и еще прочнѣйшіи можетъ быть, нежели самая Нетерпѣливость природная Человѣкамъ, не имѣющимъ другаго руководства, кромѣ своихъ пристрастій.

ЧАСТЬ II.

Никогда человѣческій разумъ не показалъ толико надменія, и не попустилъ нигдѣ видѣть толико Бессілія, колико въ Соборищѣ Стоіковъ. Сіи Філософы предпріяли тогда научить твердо всѣхъ людей, что собственное ихъ тѣло было для нихъ нѣчто не ихъ, но чужое, котораго пользу долженствовали они почитать за ненужную имъ вещь: а болѣзней оскорбляющихъ сіе тѣло не надобно было ни знать, ни чувствовать

Мудрецу, который всеконечно и со всѣмъ прятался въ душевную часть самаго себя. И такъ, Стоикъ смотрѣлъ на зло съ презрѣніемъ, какъ на непріятеля немогущаго ему досадить; да и защищался онъ величавнымъ Терпѣніемъ, основаннымъ на Бесстрастіи, коимъ его Толкъ, особенный сторонѣ онаго, льстилъ. Страдать постоянно, было бъ для него нѣчто весьма человѣческое; онъ нимало не страдалъ, равно какъ самъ его Юпітеръ, которому завидовать не имѣлъ онъ причины ни въ совершенствахъ, ни въ блаженствѣ.

Куда далеко ужѣ заблуждаете вы, о! слабыи человѣческіи разумы, когда оставлены бываете при своемъ токмо свѣтѣ! Какъ! надобно успокоить раны ежедневно получаемые, а мы ихъ и получаемъ, и отъ нихъ мы стаенемъ; но нѣтъ другаго лѣкарства, какъ токмо стоять въ томъ, что мы неуязвляемы? Весьма бъ были мы щасливы, ежели бъ, ослѣпившись такимъ образомъ, могли ослѣпленіе наше употребить въ нашу жъ пользу! Но хотя сіи тщетные мысли возвышаютъ на нѣсколько времени, и напыщаютъ прельщенное мечтаніе; однако тотчасъ отвлекаемся къ чувствію болѣзни крѣпчайшею и сильнѣйшею: а хотя упрямство сея Стороны и еще бъ содержало въ разумѣ гордое такое умствованіе; но сердце, которое страждетъ, всегда бъ отвращалось отъ него и осуждало оное. Когда оный Стоикъ, будучи нудимъ болѣзнію нѣкоторыя лю-

тыя (1) скорби, восклицалъ къ ней: Однако я не имѣю признать, чтобъ ты была зло; то сіе самое его принужденіе себя, сіе самое непризнаніе, не-было ль признаніемъ совершенно твердымъ, и совершенно искреннимъ, какому быть надлежало?

Прочъ отъ Хрістіанства заблужденіе толь противное природнымъ чувствіямъ, и также гордость толь недостойная просвѣщеннаго разума. Хрістіанское Терпѣніе не стоитъ на такомъ основаніи, чтобъ Хрістіанамъ помышлять, что они выше болѣзней. Они страждутъ, они и признаваются, что страждутъ; но покореніе, которое они имѣютъ тому, кто на нихъ праведно насылаетъ страданіе, но награжденіе, кое имъ обѣщано за ихъ страданіе, производитъ оное въ нихъ постоянство, оное спокойствіе, оную радость. которыя толь многажды приводили Гонителей ихъ въ удивленіе, и къ нимъ къ почтенію. Они не удерживаютъ своихъ жалобъ и стенаній для того, дабы не обесчестить стороны, при которой находятся: но божественный законъ, коему они послѣдуютъ, предваряетъ въ нихъ ропотъ и стенаніе святыми Мыс-

(1) Посідоній Апамейскій, Сіряннинъ. Онъ пребывалъ въ Родосѣ, гдѣ великій Помпей былъ его слушателемъ, да и Ціцеронъ съ нимъ имѣлъ дружбу, и часто его посѣщалъ. Слово оное сказалъ сей Філософъ будучи въ жестокой Подагрѣ.

Фабріц. Бібліот. Греч. кн. 3 гл. 14.

лями, наполняя ихъ тѣми. Они таковы внутрь самихъ себя, какими Стóики имѣли великую трудность казаться снаружи, то есть, тихи, спокойны, и побѣдители претерпѣваемыя болѣзни. Они также чувствительны, чему сама вся Філософія довольно надивиться не можетъ, какъ и всѣ прочіи люди, ко всѣмъ человѣческимъ бѣдностямъ, весьма довольнѣе сердцемъ въ сáмыхъ великихъ претерпѣніяхъ, нежелибъ они были сáмыми благополучными изъ всѣдъ человѣковъ.

Нигдѣ не сіяетъ съ бóльшимъ преимуществомъ Терпѣніе, какъ въ обидахъ. Стóікъ озлобленный для того токмо показывался извнѣ тихимъ, что онъ тóтчасъ возносился выше озлобившаго, а иногда еще, гордымъ разсужденіемъ, дерзалъ лишать его свóйства человѣческаго. Сіе есть, такое досажденіе, которое дѣлается безъ вреда своему непріятелю; сіе хотя и бессильное отмщеніе, однако не оставляетъ надменія безъ утѣшенія. Но Хрістіанинъ полагаетъ себя въ своемъ сердцѣ нúже всѣхъ человѣковъ, а однако онъ имѣетъ, хотя бъ крайнимъ образомъ былъ обесчещенъ, Героическое спокойствіе, которое его поставляетъ выше всѣхъ непріятелей. Неповинная и благополучная Хитрость, которой насъ Благолать научаетъ! Ибо не пріемля на себя безумныя величественности, и не показывая ложнаго бесчувствія, надобно только намъ смириться подъ Создателеву рýку, чтобъ выше всѣхъ быть созданій; надлежитъ намъ только почитать Ея въ орудіяхъ отъ Нея употребляе-

мыхъ, дабы намъ быть непоколебимыми отъ самыхъ жестокихъ удареній, каковы претерпѣть мы можемъ отъ человѣковъ. Нѣтъ такихъ, кои бъ не имѣли довольно силы, что бъ намъ отъ нихъ страдать; но нѣтъ и такихъ, которыи бъ имѣли ея довольно, дабы могли привесть въ смятеніе наше спокойствіе. Когда ихъ рýки обращаются на насъ; тогда рука сúльнѣйшая, приводящая ихъ къ дѣйствію, показывается очамъ нашея вѣры, удерживаетъ болѣзнь нашу въ раболѣпности, и успокоеваетъ всякое смятеніе, въ которое она могла бъ привесть нашу Дýшу. Несправедливости, претерпѣваемые нами, не представляютъ себя намъ больше случаями происходящими отъ человѣческія злости, и долженствующими возбудить въ насъ ненависть и негодованіе: мы восходимъ выше, и просвѣщеннѣйшимъ зрѣніемъ усматриваемъ, что сіи самыи случаи приходятъ къ намъ съ неба, и какъ праведныи наказанія, коихъ должно есть покореніе, и какъ причины къ заслугѣ, которые требуютъ возблагодареніе.

Не такъ многіи изъ Філософовъ разсуждали, увѣряясь, что всѣ вещи управляемы были слѣпою, непремѣнною, и необходимою Судьбою, отъ которыя совокупно происходило добро, и они повиновались Ей въ своихъ нещастіяхъ, а иногда и съ довольною непоколебимостію. Но какой сей родъ былъ Терпѣнія? Терпѣніе невольниковъ скованныхъ узами, и подверженныхъ всякому самонравію немилосердаго ихъ

Господина: Терпѣніе, которое, будучи основано на бесполезности или на тщетности къ сопротивленію, жестоко удерживаетъ душевныя движенія, и, вмѣсто чтобъ дýшу утѣшить, оставляетъ въ ней темную и дикую печаль; словомъ, отчаяніе, смѣшанное съ разсужденіемъ больше, нежели истинное Терпѣніе. Да будетъ благодареніе божественному нашему Закону: мы знаемъ, что мы не зависимъ отъ слѣпыя Судьбы, восхищающія и привлекающія насъ непобѣдимымъ и насильнымъ способомъ. Наши нещастія не происходятъ отъ случайнаго расположенія всего того, что насъ окружаетъ. Превѣчный Разумъ, не меньше сильный, коль и Філософамъ казалась мечтательная ихъ Судьба, но весьма и крайно премудрѣйшій, все управляетъ. Сія рука, коея ударенія хы почитаемъ, есть рука, подающая и сáмое зло смотря по нашимъ нуждамъ и силамъ, но говоря свойственнѣе, не насылающая на насъ, какъ токмо добро: сія рука есть отцовская, а мы страждемъ какъ дѣти, надѣясь совершенно на Благость того, который посылаетъ къ намъ страданіе; но не такъ какъ Невольники, подверженныи всей самовольнѣйшей и жесточайшей свирѣпости. Не тщета и бесполезность къ сопротивленію, которые насъ удерживаютъ, но несправедливость онаго; а Терпѣніе наше, есть Истинное Покореніе Духа, разливающаго повсюду въ сердце утѣшеніе почитай столько жъ сладкое,

ежели смѣю такъ сказать, коль и самое наслажденіе Добромъ.

Таковы точно плоды, которыи производитъ у Хрістіанъ Божественныи образъ Терпѣнія, преложенныи имъ тогда, когда Праведныи, и толико единъ токмо Праведныи Самъ Собою, что не бывало и не будетъ таковаго во вѣки, былъ при самомъ томъ часѣ, въ которыи ему надлежало очистить грѣхи человѣческаго рода. Будучи оставленъ отъ всего и отъ всѣхъ, кромѣ, токмо нѣсколькихъ учениковъ, имѣвшихъ только самое малое время побыть ему вѣрными, пораженъ самымъ лютымъ видомъ казни какъ поносныя такъ и жестокія, которая Ему опредѣлена, вопіетъ Онъ къ небесному Своему Отцу, молитъ Его, чтобъ, ежели возможно, мученія, кои представляетъ себѣ въ помыслѣ, обошли Его. А сіе желаніе, которое великость Его муки, уже предстоящія предъ Его очами, дѣлала толь законнымъ; желаніе сіе еще законнѣйшее было, для непорочности Молящагося, желаніе, гдѣ смиреніе преизобилуетъ совершенно и въ самыхъ словахъ, которыми оно составлено, однако въ тотъ же часъ оставлено чрезъ совершенное покореніе, и безъ всякаго изъятія Божіему намѣренію. Буди Воля Твоя, говорилъ Іисусъ Хрістосъ Своему Отцу. Да какая воля! Зналъ онъ колико она была жестокая и не умолимая для Него! Видѣлъ онъ себя преданнаго раздраженному Правосудію; видѣлъ и Благость совершенно удержанную: однако, чтобъ испол-

нить должности Сыновскаго Послушанія, отдался Самъ добровольно на собственное Себѣ мученіе, имѣя одно токмо утѣшеніе въ самой острой болѣзни страданія, обращать Очи Свои на ту Десницу, отъ которыя Онъ то пріемлетъ.

Восстеналъ Онъ еще на Крестѣ, жаловался, что оставленъ отъ Своего Отца; однако не роптalъ на сію крайнюю жестокость: объявлялъ намъ токмо, что больше онъ былъ къ тому чувствителенъ. Філософы хотѣли имѣть бесстрастіе, которое, въ семъ нашемъ состояніи, не можетъ согласиться съ человѣческимъ естествомъ: а Іисусъ Хрістосъ не восхотѣлъ пользоваться и онымъ, которое Онъ могъ бы получить отъ Своего Божества. Претерпѣлъ Онъ самое жестокое мученіе, да оставитъ приличный образъ человѣкамъ необходимо подверженнымъ страданію. Воспріялъ Онъ все наше чувствіе, да насъ сильняе приведетъ подражать Терпѣнію.

Вдохни въ насъ, о! Воплощенное Слово, сію превосходную добродѣтель, толь удаленную отъ повреждения, которое намъ стало быть природно, и также отъ ложнаго совершенства, до коего Філософія тщалась достигнуть. Удостой насъ научить Наукѣ весьма Небесной, и которая принадлежитъ токмо Твоимъ Ученикамъ. Все теченіе жизни Твоея, подаетъ намъ къ пріобрѣтенію тоя предивныя Наставленія: но какъ ихъ произвесть въ дѣло безъ помощи Благодати Твоея? Ты токмо единъ, отъ котораго мы

можемъ воспріять истинное познаніе Добродѣтелей; и Ты токмо единъ, могущій намъ подать силу слѣдовать онымъ. Ты Самъ, будучи Разумъ и Премудрость покланяемаго Твоего Отца, будь также и нашъ въ исправленіи непорядковъ, которымъ отдается естество наше во время тягостей. Не попусти, о! Господи, Правосудію Твоему, дабы оными насъ обременить, прежде нежели Ты надлежащимъ образомъ пріуготовить дýшу нашу, чтобъ намъ возмощи употребить оныя въ пользу нашу, и не насылай на насъ всякаго зла и страданія, коихъ мы достойны, какъ токмо даруя намъ, въ тожъ самое время, бодрость и крѣпость истино Хрістіанскую.

НѢСКОЛЬКО ШТУКЪ,

СОЧИНЕННЫХЪ СТРОФАМИ О РАЗНЫХЪ МАТЕРІЯХЪ.

I.

СТРОФЫ ПОХВАЛЬНЫЕ РОССІИ.

Сочиненные въ Парижѣ 1728 года.

Начни, начни моя Свирѣль,
Согласіе Стіховъ похвальныхъ;
Веди твою къ Россіи трель,
Сквозь множество отъ ней странъ дальныхъ:
Доброты нынѣ всѣ ея
Взять въ мысль, охота есть моя.

Россія Мать! любезный Свѣтъ!
Позволь такъ твоему пѣть чаду;
Ни коея во мнѣ перемѣны нѣтъ,
Чужихъ паствъ не прибѣгну къ стаду.
О! коль прекрасна Ты лицемъ;
Величественна коль вѣнцемъ.

Отъ Скиптра красота инымъ,
Тѣмъ въ честь Порфіра драгоцѣнна:
Но Ты, какъ мужествомъ твоимъ
Ни съ кѣмъ не можешь быть ужъ смѣнна:

Такъ Трóну славу Твоему
Сама Собою по всему.

Не вѣдаетъ ужъ нынѣ кто
По всюду въ Мірѣ толь пространномъ,
Твое есть благородство что?
По Римѣ, отъ Языкъ попранномъ,
(А въ Візантіи змій царитъ)
Въ Твоихъ градахъ Орелъ парúтъ.

Благочестивая въ Тебѣ
Сіяетъ, какъ свѣтило, Вѣра;
Нечестіе не зритъ себѣ
Нигдѣ ни мѣста, ни примѣра;
И не двоякій Твой Догматъ:
Расколъ стремится токмо въ Адъ.

Весь православенъ есть твой Ликъ,
Достойный Матери всѣ чада:
Защита, всякъ малъ и великъ,
Что ты едина всѣмъ ограда:
За храбрость есть въ Тебѣ и мзда;
На злость прекрѣпкая узда.

Не изобильна чемъ бы Ты?
Сокровище всего повсюду:
Какой въ Тебѣ нѣтъ красоты?
Богата внутрь, славна внѣ уду,
Оружій силою грозна,
Коварнымъ, и врагамъ страшна.

Звѣздъ раствореніе Твоихъ
Всѣмъ здравіе вливаетъ,
Невреденъ никому взоръ ихъ.
Се всякъ Тебѣ взываетъ:
Россія въ вѣки да живетъ!
Россію Вышній да блюдетъ!

Скончи, скончи, моя Свирѣль,
Согласіе Стіховъ похвальныхъ;
Да замолчитъ дрожжаща трель:
Отъ странъ зрю на Россію дальныхъ.
Мнѣ мало сто гласовъ имѣть,
Ни тысящію не воспѣть.

—

II.

ПѢСНЬ НА КОРОНОВАНІЕ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНИ ІМПЕРАТРІЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ.

Сочиненная въ Гамбургѣ 1730 года.

Да здравствуетъ во вѣкъ Імператріца Анна,
Восшедша на Престолъ, ужé и увѣнчанна,
Краснѣйше всѣхъ свѣтилъ
Сіяющая нынѣ!
Въ своей тутъ благостынѣ
Богъ свыше осѣнилъ.

Се намъ всѣмъ благодать отъ горьнихъ мѣстъ
лiется!
Монархинѣ по семъ Вѣнецъ и тамъ вязется!
Златый вѣкъ облисталъ!
Обилiе велико!
И щастiя колико!
Богатый Миръ насталъ!

Превыспренній весь Ликъ, и Небо все играетъ,
Изряднѣйшимъ лучемъ насъ солнце просвѣ-
щаетъ:
Несетъ земля свой плодъ;
Намъ воздухъ дышетъ здравый;
Цвѣтетъ духъ всюду правый;
Вшелъ благостей къ намъ родъ.

Веселiемъ у насъ всѣ плещутъ рѣкъ потоки!
Погибли въ бѣзднѣ тьмы премерскiи пороки:
Ужъ обстоятъ кругомъ
Честь, Правда, Богу Вѣра,
Усердность безъ примѣра,
И Милость предъ судомъ.

Враждебные всѣ прочъ отсюду нынѣ ссоры:
Монаршески ужѣ здѣсь воссiяли взоры,
Къ себѣ сердца всѣхъ насъ
Склонила Богомъ данна
Iмператрiца Анна:
Ея чтимъ всякiй часъ.

О! весь Россiйскiй родъ, да нынѣ торжествуетъ,
Особенно и вявь да свѣтло ликовствуетъ;

Всякъ возрастъ, полъ, и чинъ,
Да плещетъ днесь руками,
Да пляшетъ и ногами,
Кто вѣрный гражданинъ.

Намъ Вышній даровалъ всѣмъ радость несравненну,
Во всѣ концы земли достойно разнесенну:
Въ Россіи Анны всей
Имѣетъ ужъ державу;
И въ бесконечну славу
Повелѣваетъ Ей.

Да здравствуетъ во вѣкъ Императріца Анна,
Восшедша на престолъ, ужé и увѣнчанна,
Краснѣйше всѣхъ Свѣтилъ
Сіяющая нынѣ!
Въ своей Ту благостынѣ
Богъ свыше осѣнилъ.

—

III.

ПѢСНЬ НА НОВЫЙ 1732 ГОДЪ.

Начинаемъ Новый годъ!
Росскій радуйся Народъ;
Благодать намъ изобильна
Отъ Всевѣчна и Всесильна.

Въ первыхъ здравіе безъ бѣдъ
Спѣетъ всѣмъ на много лѣтъ;
Мы того желая люди
Возгласимъ: о! Тако буди.

Пойдетъ долгоденственъ вѣкъ;
Бодръ пребудетъ человѣкъ:
Поживемъ всѣ въ благостынѣ,
Веселясь всегда отъ нынѣ.

Мѣренъ хладъ внесетъ зима;
Сѣвъ Весна взратитъ сама;
Лѣто въ влагѣ тотъ согрѣетъ;
Въ Осень многій плодъ созрѣетъ.

Воздухъ дхнетъ чистъ, растворе́нъ,
Влитіемъ въ насъ удобренъ;
Вѣять здраво вѣтры станутъ,
Наносить вредъ лютъ престанутъ.

Сокрушится всяка злость,
Какъ колеблемая трость:
Доброе всѣмъ будетъ любо,
А худое станетъ грубо.

Возъимѣемъ всѣ любовь;
Въ вѣкъ погибнетъ го́рда бровь:
Дружелюбность удостоимъ;
Искренность въ сердцахъ устроимъ.

Станетъ Правду всякъ лобзать,
Лжи никто всегда не знать:

Зримъ Престола одесную,
Въ образъ Истинну Святую.

Нечестива прочъ война:
Здѣсь пріятна тишина;
Знай, что всю Россійску силу,
Вознесетъ Господь толь милу.

Смѣлостію ободритъ
Мужество, и покоритъ
Всѣхъ враговъ предерзновенныхъ,
Всѣхъ враговъ преухищренныхъ.

Благочестіе Догматъ
Устоитъ отъ Адскихъ вратъ:
Церковь на твердынѣ Вѣры
Станетъ чрезъ Святыхъ примѣры.

И Сінкліта твердъ Совѣтъ,
Дивенъ чрезъ великій свѣтъ,
Утвердитъ въ градахъ изрядство,
Предусмотритъ непріятство.

Процвѣтутъ Науки здѣсь,
И художества отднесь:
Мудрость вящша, нежъ въ Аѳинахъ,
Дѣло чище, нежель въ Хінахъ.

Куплѣ дастъ успѣхи Богъ,
И прибытокъ купно многъ,
Все Японско съ нами племя
Содружая въ скоро время.

Щастій нашихъ всѣхъ Вѣнецъ
Есть и будетъ Самъ Отецъ,
Сынъ, Святый Духъ очевисно,
Нынѣ, и во вѣкъ, и присно.

—

IV.

СТРОФЫ ПОХВАЛЬНЫЕ ПОСЕЛЯНСКОМУ ЖИТІЮ.

Щасливъ! въ Мірѣ безъ суѐтъ живущій,
Какъ въ златый вѣкъ, да и безъ враговъ;
Плугомъ отчески поля орю́щій,
А ктому жъ безъ всякихъ и долговъ.

Не торопится сей въ строй по барабану;
Флотъ и море не страшатъ его;
Ябедъ онъ не знаетъ, ни обману;
Свой Палатъ Домъ лучше для него

Въ немъ всегда или онъ виноградны
Вяжетъ ло́зы къ ты́чкамъ и шестамъ;
Въ дни гуляетъ, тѣ когда изрядны,
По долинамъ, либо по стада́мъ.

Онъ въ иной серпо́мъ день очищаетъ
Вѣтьви всѣ негодные съ дере́въ,
Добрый къ онымъ черенъ прививаетъ:
Смотритъ, въ хлѣбѣ нѣтъ ли вредныхъ плевъ.

Либо медъ и сотъ кладетъ самъ въ кади;
Въ ночь или бываетъ рыбъ Ловецъ;
Самъ же иногда, волны въ домъ ради,
Всѣхъ обросшихъ онъ стрижетъ Овецъ.

Осень какъ плодомъ обогатится,
Много яблокъ, грушъ, и много сливъ;
О! какъ полнымъ сердцемъ веселится,
Ихъ величину, ихъ зря наливъ.

Что тогда изъ всѣхъ плодовъ зрѣляе,
Отбираетъ разно по частямъ:
То шлетъ въ Храмъ къ Молитвѣ, что чесняе;
Приходящимъ часть хранитъ гостямъ.

Часть въ подарокъ Сродникамъ, часть брату;
Благодѣтель ту бъ взялъ, говоритъ;
Ту несите Ку́му; ту часть Свату;
Пусть за ту мнѣ Другъ благодаритъ.

Иногда лежитъ подъ старымъ Дубомъ,
Иногда на мяхкой тамъ травѣ;
Нѣтъ въ немъ сверныхъ мыслей злѣ о грубомъ:
Что есть дѣльно, то все въ головѣ.

Быстрые текутъ между тѣмъ рѣчки;
Слатко Птички по лѣсамъ поютъ;
Тру́бятъ звонко Пастухи въ рожечки;
Съ горъ ключи струю гремящу льютъ.

Толь при разномъ, дикомъ, Сельскомъ шумѣ,
Не надолго спитъ вздремавши онъ;
Что ни бы́ло добраго на думѣ,
Забываетъ все въ глубокій сонъ.

Но зимою нападутъ какъ снѣги,
И отъ сту́жи и́збы станутъ грѣть;
Много и тогда ему тамъ нѣги:
Начнетъ родъ другой забавъ имѣть.

Въ поле ѣздитъ онъ или съ Собаки,
Боязливыхъ Зайцовъ въ сѣть ловя;
То съ Волками смотритъ Псовы драки,
То Медвѣдя оными травя.

Тѣшитъ онъ себя и Лошадями;
И кладетъ отраву на Лисицъ;
Давитъ многихъ иногда силками,
Иногда стрѣляетъ разныхъ Птицъ.

Часто днями ходитъ при Овинѣ,
При Скирдахъ, то индѣ, то при Льнѣ;
То пролазовъ, смотритъ, нѣтъ ли въ тынѣ;
И что дѣлается на гумнѣ.

Кто жъ бы толь въ пріятной сей забавѣ
Всѣхъ своихъ печалей не забылъ?
Хоть въ какихъ бы кто честяхъ и славѣ,
Какъ сея бъ онъ жизни не взюбилъ?

Буде жъ правитъ весь толь постоянна
Домъ жена благословенный съ нимъ,

Сарра коль была, или Сусанна;
То спокойства нѣтъ сравненна съ симъ.

Весь некупленый обѣдъ готовитъ,
Смотритъ, пи́ща чтобъ вкусна была,
Изъ живыхъ Птицъ на жаркое ловитъ,
И другое стро́итъ для стола.

А потомъ Свѣтлицу убираетъ
Къ мужнему приходу съ дѣлъ его;
Накормивши Дѣтокъ, наряжаетъ,
Встрѣтить съ ними бъ Мужа своего.

Вотъ пришедъ въ домъ кушать, и садится
За накрытый, набранный свой столъ:
Что жъ порядочно у ней все зрится,
То причины нѣтъ, чтобъ былъ онъ золъ.

Каплуны прочъ, птицы Африкански
Что и изобрѣлъ роскошный смакъ;
Прочъ Бургонски віна и Шампански,
Далѣ прочъ и Ты густой Понтакъ.

Сытны токмо Щи, ломть мяхкій Хлѣба,
Молодой барашекъ иногда;
Всѣ жъ въ дому, въ чемъ вся его потреба,
Въ праздникъ Пиво пьетъ, а Квасъ всегда.

Насыщаясь кушаньемъ природнымъ,
Всѣ здорово провождаетъ дни;

Дѣлъ отъ добрыхъ токмо благороднымъ,
Не отъ Платья, и не отъ гульни.

Щàсливъ, о! весьма излишно,
Жить кому такъ нынѣ удалось.
Дай Богъ! чтобъ изчезло все что пышно,
Всѣмъ бы въ простотѣ Святой жилось.

РАССУЖДЕНІЕ

О КОМЕДІИ ВОБЩЕ.

Были ль у древнихъ всего Свѣта Народовъ какіе Комедіи; о томъ намъ неизвѣсно, какъ не умѣющимъ по самой большой части ихъ Языковъ, а другихъ изъ нихъ и самихъ отнюдъ не знающимъ. Но Комедія древнихъ Грековъ и древнихъ Римлянъ, продолжается и понынѣ подражаніемъ у всѣхъ почитай Европейскихъ Народовъ, а особливо у Французовъ. Греки ея изобрѣли, и привели въ совершенство: Римляне изобрѣтенную Греческую Комедію употребили для себя на своемъ языкѣ; а прочимъ всѣмъ Европейцамъ образцомъ какъ сперва была, такъ и нынѣ есть, Латинская, хотя уже, по возобновленіи Наукъ, многіи изъ ученыхъ Народовъ почерпаютъ оную изъ самыхъ Греческихъ источниковъ, и видятъ съ удивленіемъ, что Списокъ Латинскій, едва уступаетъ Греческому Подлиннику: равно какъ мы нынѣ удивляемся Греческой Комедіи во Французской, взятой съ Латинскія. Слѣдовательно, нынѣшняя Европейская Комедія, на какомъ бы она языкѣ ни была сочинена, и представлена, есть не что иное какъ токмо оная Греческая, въ совершенство уже тамже приведенная Комедія.

Что мы ни намѣрены предложить о Комедіи вобще; то все касаться имѣетъ токмо до Греческія, а потому распространится и до Латінскія, и до прочія Европейскія, какъ до нѣкотораго рода Списка съ Греческія, и какъ до благополучнаго подражанія оной же. Называю я нынѣшнюю Комедію Спискомъ и Подражаніемъ; но въ томъ и утверждаюсь: сіе есть достовѣрно и праведно, и сіе всякъ искусный вѣдаетъ. Какъ тогда, такъ и нынѣ осмѣхаются худыи нравы и поступки Комедіею; а осмѣхаемыи каждаго вѣка нравы и худая сторона дѣйствій народныхъ, есть самое внутреннее и составляющее Комедію: разность хульныхъ поступокъ приводитъ къ разности шутки, которая въ Комедіяхъ есть не знаю что такое, чему надлежитъ быть чувствуему въ точной каждаго вѣка силѣ.

Первоначаліе Комедіи есть столько жъ темно и неизвѣсно, сколько и Трагедіи. Вѣроятно впрочемъ, что онѣ обѣ зачались въ одной утробѣ; то есть, въ забавахъ бывшихъ у Грековъ во время собиранія Винограда. Кажется, что онѣ были сперва, нѣкоторые токмо Пѣсни, изъ которыхъ первая, именно жъ Трагическая, была въ честь Богу Бакху; а другая (когда вино и радость возбудитъ сердца по Боаловымъ словамъ въ Наукѣ о Поэзіи въ 3 Пѣсни) или въ собственную забаву собирающихъ Грозды, или въ увеселеніе тамъ присутствующихъ. За первую Пѣснь самому искусному Пѣвцу воздаяніемъ былъ Козелъ, который по Гречески назы-

вается Τράγος, отъ чего, мнится, и Трагедія, то-есть, Козлова Пѣснь. Но за другую награжденія не видно: можетъ быть для того, что обѣ такіе Пѣсни почитаемы были за нѣчто олно, и можетъ же быть, что собственная забава поющаго была довольною ему мздою и почестію. Такой зачинъ Трагедіи и Комедіи, я полагаю въ самомъ ихъ отдаленіи, а не въ томъ видѣ, въ какой онѣ по́слѣ приведены, и въ какомъ о́бразѣ мы ихъ нынѣ видимъ.

Въ нынѣшнее совершенство не вдругъ онѣ пришли, но по степенямъ: человѣческаго разума такое есть состояніе, что одна его мысль къ другой подаетъ причину, всегда жъ съ нѣкоторымъ или наращеніемъ, или исправленіемъ, или убавленіемъ первыя. Тéспісъ (1) къ Трагической Пѣсни многое прибавилъ. Вопервыхъ, началъ онъ возить своихъ Игроковъ на телегѣ, кои пѣли оную прежде не съ телѣги повсюду гдѣ ни находились. Второе, маралъ ихъ ли́ца вінными Дрождями (и понеже Дрожди по Гречески называются τρύξ; то нѣкоторыи и называютъ Трагедію не Трагедіею, но Трігодіею, то есть, Дрожданою пѣснію) которыи прежде того пѣли не имѣя ничего на лицѣ. Третіе присовокупилъ къ поющимъ одно лице, которое, чтобъ дать от-

(1) Ignotum tragicae genus inuenisse Camoenae
Dicitur, et plaustris vexisse poëmata Thespis,
Quae canerent, agerentque peruncti faecibus ora.
Horat. art. poët.

дохнуть пѣвцамъ онымъ, предлагало словами нѣкоторое приключеніе и похожденіе знатныя и знаменитыя нѣкоея Особы. Сіе точно повѣствованіе и подало потомъ причину къ прямой Трагедіи.

Слушатели приходили въ страхъ и жалость, слыша предлагаемыя бѣдствія, беспокойствія, нещастія, словомъ, всѣ печальныя приключенія какой нибудь славной Особѣ. Эсхіль (') за сіе самое ухватился и началъ думать, какимъ бы образомъ оный Страхъ, и оную Жалость возбуждать въ слушателяхъ дѣйствительнѣе. И какъ весьма много того находится въ Гомеровыхъ Поэмахъ Иліадѣ и Одіссеѣ; то онъ и почерпнулъ, по мнѣнію Іезуіта Брюмоа въ Греческомъ Театрѣ. все то въ тѣхъ Поэмахъ, и здѣлалъ Трагедію такою, какую мы ея нынѣ имѣемъ, представляя ужé ея на Театрѣ, облекая дѣйствующія Лúца въ долгую и съ воскриліями одежду, обувая въ Сапошкú съ высокими скобами Котурнъ называемыми, и употребляя въ ней слова и умствованія высокія, сходствующія съ характеромъ великихъ дѣлъ, и Особъ знаменитыхъ. Роллень въ Пятомъ Тóмѣ Древнія своея Исторіи предлагаетъ, что сей Пінтъ называлъ обыкновенно свои Трагедіи Крòшками, остав-

(') Post hunc personae pallaeque repertor honestae
Aeschilus, et modicis instauit pulpita tignis,
Et docuit magnumque loqui, nitique cothurno.
Id. Ibid.

шимися отъ великолѣпнаго Пира, учрежденнаго Гомеромъ въ Іліадѣ и въ Одиссеѣ. Какъ то ни есть; токмо возбуждаются нынѣ, по Эсхилѣ, Софоклѣ, и Эврипидѣ Греческихъ, въ Трагедіи какъ Исторической, такъ и Мітологіческой, Страсти, а господствуетъ въ ней (') Ужасъ и Сожалѣніе. Первая причина ко всему тому есть токмо увеселеніе: но вторая, которая и цѣль есть Трагедіи, Любовь къ добродѣтели, и ненависть къ порокамъ. Блаженъ народъ! который для сего послѣдняго смотритъ представляемые Трагедіи.

Я уже предложилъ, что первая мысль всегда приводитъ къ другой, но премѣняетъ первую. Эсхилева точно Трагедія подала причину къ Комедіи, до которыя мнѣ здѣсь и дѣло. Человѣкъ коль способно приходитъ въ умиленіе и въ сожалѣніе видя злощаснаго Человѣка жъ; толь есть онъ и любопытенъ, знать похожденія, поступки, и пороки своихъ равныхъ, для того что сіи подаютъ ему причину къ смѣху и къ забавѣ. Первая склонность въ человѣкѣ есть Матерію Трагедіи; а сіе Любопытство есть Источникомъ Комедіи, которая, говоря свойственно, есть зеркало общія жизни. Должность ея, показывать на Театрѣ пороки и недостатки не вмѣняемыи, но точныи, осмѣхая оныи: Намѣреніежъ, дабы исправить нравы. Впрочемъ, Комедія получила себѣ рожденіе, приращеніе, совершен-

(') Φόβος καὶ ἔλεος.

ство, и различіе подражаніемъ, или лучше, повтореніемъ первыхъ Трагическихъ мыслей, но повтореніемъ съ перемѣною опыхъ. Слѣдовательно, Комедія есть моложе Трагедіи, и есть меньшая сестра той Драмѣ.

Іезуитъ Брюмоа въ греческомъ своемъ Театрѣ утверждаетъ, что какъ Трагедіи, то есть, къ возбужденію Срастей для любви къ Добродѣтели, подали причину Эсхілю Гомеровы Поэмы Іліада и Одіссея: такъ и къ Комедіи, то есть, къ осмѣянію пороковъ ради поправленія во нравахъ, Гомерова жъ Сатіріческая Поэма, называемая (1) Маргітисъ, была Предводительницею. Мнѣніе его мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ; а кто другое знаетъ лучшее, того при ономъ оставляю, и буде должно быть имѣетъ, то и соглашусь съ нимъ: нынѣ жъ сего держусь всеконечно.

Но кто почерпнулъ въ Греціи Первый прямую Идею Комедіи, въ оной Сатіріческой Гомеровой Поэмѣ, составленной Героіческими Гексаметрами, смѣшенными съ Іамбическими; о томъ намъ никто ни изъ древнихъ, ни изъ новыхъ Писателей знать не-далъ. Одинъ ли кто былъ, какъ Эсхіль Трагедіи, или многіи, неизвѣсно. Горацій въ 4 Сатірѣ, Книги, 1, предлагаетъ намъ имена трехъ Греческихъ Коміческихъ Піитовъ, а именно, (2)

(1) Μαργίτης. ἀπὸ τοῦ μη, χ, ἔργος: то есть, человѣкъ, кой никакова дѣла не имѣетъ; праздный; тунеядецъ; ни къ чему годный; неключимый.

(2) Eupolis, atque Cratinus, Aristophanesque Poëtae, Atque alii, quorum Comoedia prisca virorum est.

Эвполя, Кратіна и Аристофана, другихъ же безъ именъ. Но сіи не завели Комедіи, да токмо ея привели въ славу, а особливо Аристофанъ, котораго токмо Сочиненія и дошли до насъ, и тѣ не всѣ: ибо мы имѣемъ только одиннатцать Комедій изъ множайшаго числа имъ составленныхъ.

Комедія получила себѣ въ Аѳинахъ въ разныя времена разныи три вида; сіе жъ какъ по способности Піитовъ, такъ и по уставамъ отъ Градоначальниковъ. Первая Комедія есть, которую Горацій, въ Наукѣ своей о Поэзіи, называетъ Старою. [1] Она имѣла много въ себѣ первоначальныя грубости, хотя ужѐ и была правильна въ своемъ составѣ. Представляла она, какъ говоритъ Горацій въ 4 Сатирѣ, Книги [2] 1, истинныя дѣла, называла людей прямыми именами; одѣвала въ подобную одежду, какую носили осмѣхаемыи ею; словомъ, показывала точныя ихъ движенія и поступки, и еще изображала лице нѣкоторымъ родомъ Личины. Въ области, гдѣ народъ былъ властелиномъ, и обличалъ все, что имѣло видъ Честолюбія, Отмѣнности, и Плутовства, Комедія здѣлала себя Провозвѣсницею, Исправительницею, и такою Совѣтницею, которая способно могла прекланять Народъ. Нѐ-было никому по-

[1] Successit vetus his Comoedia non sine multa Laude....
[2] Si quis erat dignus describi, quod malus aut fur, Quod moechus foret, aut sicarius, aut alioqui Famosus, multa cum libertate notabant.

щады въ городѣ толь вольномъ, или лучше своевольномъ, каковъ былъ Аѳины. Полководцы, Градоначальники, Правленіе, сáмыи ихъ Боги, все было предано Сатіріческой желчи Піитовъ; да и все сіе было заблаго пріемлемо, только бъ Комедія была забавна, и приправлена Аттіческою солію. Сія точно Комедія обругала Сократа, сáмаго добродѣтельнаго человѣка въ язычествѣ, и принесла его въ жертву ненависти. Все сіе о Старой Комедіи взялъ я изъ Греческаго Театра Іезуіта Брюмоа, и по немъ изъ пятаго Тóма древнія Ролленовы Исторіи.

Старая Комедія продолжалась до того времени, какъ Лізандръ, завладѣвъ Аѳинами, перемѣнилъ въ семъ городѣ правленіе, которое отдано было Тритцати человѣкамъ изъ главныхъ. Симъ тогда Сатіріческая вольность на Театрѣ стала быть неугодна. Причина сея неугодности сама собою мечется въ глазá. Сіи тритцать человѣкъ были Тіранны; Демократія уничтожена; народъ не имѣлъ больше участія въ правленіи; не могъ ужé онъ давать своихъ мнѣній о государственныхъ дѣлахъ, не смѣлъ оглашать ни самъ собою, ни услугою Піитовъ дѣлá своихъ Господъ. И такъ, здѣлалось запрещеніе, чтобъ никого не называть на Театрѣ прямымъ именемъ. Но хитрость Піитіческая нашла способъ прехищрять силу устава. Онá ловить началá то, что было достойное въ человѣкахъ, и изображать прямыи, вмѣсто прямыхъ именъ, характеры, и удобопознаваемыи; такъ что

дѣлала она хи́трѣйшее удовольствованіе какъ тщеславію Піитовъ, такъ и збойству Смотрителей. Такимъ образомъ, по словамъ Іезуита Брюмоа, уставъ отсѣкъ грубость въ Комедіи, а ввелъ въ нея тонкость и хитрость. Сія Комедія названа пото́мъ среднею. Находятся сего рода Комедіи и въ Арістофанѣ. Описаніе сіе Средней Греческой Комедіи есть точное Іезуіта Брюмоа, которое изъ него взялъ о́тъслова до́слова Ролленъ; а я изъ обоихъ, но, сколько возможно, сокращеннѣе.

Продолженіе средней Комедіи было отъ Лізандра Лакедемонянина, до временъ Александра Великаго, который, утвердивъ за собою Греческую державу разбитіемъ Тебанцовъ, былъ причиною, что и сіе своеволіе Піитовъ обу́здано, кое день отъ дня, и отчасу болѣе умножалось. Такое обузданіе и породило такъ называемую Новую Комедію. Она есть еще другое хитрое очищеніе грязи съ Комедіи. Ибо когда уже́ Градоначальники запретили прямыи имена, пото́мъ и прямыя дѣла; то Піиты принужденны были выводить на Театръ вымышленныхъ людей, вымышленныя имъ Имена, и дѣла́ ихъ равнымъ же образомъ вымышленныя. Сіе самое, по рѣчамъ Іезуіта Брюама, какъ очистило Театръ, такъ его и обогатило. Стала уже́ сія Комедія, какъ говоритъ Роллень, подражаніе общей жизни, а какъ Брюмоа еще, пріятное и непорочное зеркало. О сей точно Французскій Сатірікъ Бо-

ало́ предлагаетъ въ 3 Пѣснѣ Науки своея о Поэзіи, слѣдующее:

(1) Изображенный всякъ въ новѣйшемъ томъ зерцалѣ,
Пріятно зрилъ себя, иль зрѣть не мнилъ ни вмалѣ.
Смѣялся прежде всѣхъ налъ о́бразомъ Скупецъ,
Былъ коему Скупыхъ исправный образецъ:
И часто глупый Самъ, написанный нарочно,
Не узнавалъ, что взятъ съ него тотъ Сколокъ точно.

Сентъ-Эвремо́нтъ называетъ Комедію вобще отдохновеніемъ великихъ Особъ, увеселеніемъ искусныхъ и учтивыхъ Людей, а упражненіемъ и забавою простаго Народа.

Сія Комедія есть самая совершенная, которой глава и слава Менандръ. Изъ 180, или лучше, по мнѣнію Суйдову, изъ 80 Комедій имъ сочиненныхъ, и о которыхъ утверждаютъ, что онѣ всѣ были переведены на Латінскій языкъ Теренціемъ, осталось намъ только весьма небольшое число отрывковъ. Можно впрочемъ разсуждать о достоинствѣ Подлинника по превосходству Копіста его Теренція. Квінтілі-

(1) Chacun peint avec art dans ce nouveau miroir,
S'y vit avec plaisir, ou crut ne s'y pas voir.
L'avare des premiers rit du Tableau sidèle
D'un avare souvent tracé sur son modèle:
Et millefois un fat sinement exprimé,
Méconnt le portratt sur Lui même formé.

анъ, говоря о Менандрѣ въ книгѣ 10, въ главѣ 1, не усумнѣвается сказать, что (1) сіяніемъ своего имени, и красотою Сочиненія помрачилъ онъ, или лучше загладилъ славу всѣхъ Писателей того рода. Тотже Квінтиліанъ въ книгѣ 3, въ главѣ 6, объявляетъ, что (2) не отдана ему въ его время надлежащая справедливость, какъ то сіе и многимъ другимъ случилось: однако награжденъ онъ преизбыточно благопріятнымъ мнѣніемъ о немъ, и достойною ему похвалою отъ Потомковъ. И поистиннѣ, предпочитаемъ ему былъ Філемонъ Коміческій же Піитъ. Когда пристрастіе было справедливо, и не-было слѣпо!

Греческая Комедія также, какъ и другіе словесные красные Науки, и Філософія, перешла къ Римлянамъ. Сіи особливо прилѣпились къ Новой Комедіи на своемъ языкѣ, не употребляя въ оной ни клеветъ, ни браней, ни поношеній въ лицо, ни также Хора. Впрочемъ, хотя Латинской Комедіи и была образцомъ греческая Новая; однако и она счисляетъ разныи себѣ вѣки, различенныи грубостію, или учтивостію Сочинителей. Комедія Лівія-Андроника начинаетъ первый вѣкъ. Сей вѣкъ можетъ названъ быть,

(1) Atque ille quidem omnibus eiusdem operis Auctoribus abstulit Nomen, et fulgore quodam suae claritatis tenebras obduxit.

(2) Quidam, sicut Menander, iustiora posterorum, quam suae aetatis, iudicia sunt consequuti.

по подобію Греческія Комедіи, Старыя Латінскія Комедіи. Включается въ сей вѣкъ и Невій, единовременный съ Андронікомъ, и Энній, бывшій много лѣтъ спустя послѣ нихъ. Второй вѣкъ ограничивается Пакувіемъ, Акціемъ, Цециліемъ, и наконецъ Плавтомъ, буде не основательнѣе сего послѣдняго соединять съ Теренціемъ, и опредѣлять ими двумя третій и красный вѣкъ Комедіи Латінскія, которую всеконечно надлежитъ назвать Новою, а особливо въ разсужденіи Теренція, исправнаго Менандрова Переводчика.

Но Римляне, не смотря на такое родословіе, различали обыкновенно Комедію одеждою Игроковъ. Ряса, называемая Претéкста, съ широкими рукавами, и съ широкою по поламъ и по подолу опушкою багрянаго цвѣта, была одѣяніемъ дѣйствительныхъ Градоначальниковъ. Игроки, выходящіи въ ней на Театръ, подали причину къ названію такія Комедіи Претекстата. Сей родъ Комедіи былъ самый благородный. Отъ Претекстаты не надлежитъ отлучать Трабеату, ради Трабеи Консульскаго одѣянія въ мирѣ, и Полководцовъ торжествующихъ по войнѣ и по одержанной побѣдѣ. Вторая Комедія, именуемая по платью жъ, есть Тогата. Тога была Сенаторскою одеждою, не тѣхъ Сенаторовъ, кои были дѣйствительно, но происшедшихъ отъ Патрікійскія породы. Ради общія всему народу одежды, называемыя Туника, или лучше, ради не высокихъ зданій, именовавшихся Табéрны,

кои тогда видимы были на Театральныхъ ширмахъ, Комедія та была Табернарія. Я не говорю здѣсь ни о Комедіи называемой Ателлана (1) проименовавшейся отъ древняго Кампанійскаго въ Італіи города Ателлы, и которыя заводчикомъ былъ Меліссъ бібліотекарь Меценатовъ, какъ то утверждаетъ Светоній въ Сочиненіи о славныхъ Грамматікахъ, длятого что она разнилась отъ Табернаріи большимъ токмо своеволіемъ: не говорю также и о той, коей Имя было Палліата отъ Греческія епанчи, въ которой выходили Греки на Латінскій Театръ, потому что сіе платье означало токмо народъ, а не состояніе, или достоинство, какъ то первые, уже описанные. По правдѣ сказать, сіи различія всѣ пустыя: полезнѣе и рассудительнѣе различается Комедія общимъ характеромъ, напримѣръ Скупаго Человѣка, Святыша и прочими. Да и всего того весьма осталось намъ мало послѣ Римлянъ: лучше всѣхъ сихъ пустошей Плавшъ и Теренцій, доставшійся отъ нихъ

(1) Лівій Історіи въ книгѣ 7, въ главѣ 2 повѣствуетъ что съ самаго начала Ателланы не Игроками представляемы были, но молодыми людьми изъ гражданъ: и что онѣ не имѣли соединенія съ прямою Комедіею, да содержали токмо смѣхотворные шутки называемые Экзодія. Слѣдовательно, онѣ были нѣкоторый родъ нашихъ такъ называемыхъ Інтермедій. Но Меліссъ имъ знатно далъ прямую форму Комедіи въ свое время.

намъ, показываютъ истинный характеръ Латинскія Комедіи.

Въ Старой Греческой Комедіи славенъ Аристофанъ; а въ новой Менандръ: но въ Латинской знаменитъ Плавтъ; однако знаменитѣе его Теренцій. Того ради, посмотримъ, какъ о всѣхъ сихъ Комікахъ искусныи люди разсуждаютъ. Не мало я объ нихъ читалъ на Латинскомъ языкѣ и на Французскомъ; однако утвердился на разсужденіи Іезуита Рапеня, толь напаче, что разсужденіе его о двухъ Греческихъ Комікахъ, почитай все взято изъ Плутархова сравненія сихъ двухъ Авторовъ; чего ради оно мнѣ и показалось основательнымъ: вѣдаютъ всѣ знающіи, кто и каковъ Плутархъ.

Аристофанъ, говоритъ Іезуитъ Рапень, неисправенъ въ распоряткѣ своихъ басенъ; вымыслы его невѣроятны; смѣется отъ надъ людьми грубо и явно. Сократъ, коего онъ толь язвительно осмѣхаетъ въ своихъ Комедіяхъ, имѣлъ насмѣшку нѣжнѣйшую; да и не-былъ онъ столь безстыденъ. Правда, Аристофанъ писалъ еще во время непорятка и своеволія бывшаго въ Старой Комедіи, и по тогдашней угодности Аѳинейскаго Народа, который раздражаемъ былъ способно достоинствомъ чрезвычайныхъ Мужей, надъ коими тотъ смѣялся. Но преизлишнее его стараніе, чтобъ угодить сему Народу осмѣяніемъ честныхъ людей, здѣлало самого его недобрымъ человѣкомъ, и нѣсколько повредило способность бывшую въ немъ къ осмѣянію, по-

ступками его грубыми, и презбыточно излишними. Напослѣдокъ, шутка его часто состояла токмо въ непотребствахъ и негодностяхъ. Рѣчь его была иногда темна, негладка; низка и подла; а частые его игрушки въ словахъ, пересловія, смѣсь стіля Трагическаго съ Комическимъ, дѣльнаго и важнаго съ простымъ и дружескимъ, не имѣютъ никакія сладости; да и шутки его, ежели ихъ разсмотрѣть пристальнѣе, найдутся по большой части ложны.

Чтожъ до Менандра; онъ смѣшонъ, но честнымъ образомъ. Слогъ его чистъ, свѣтелъ, вознесенъ, и съ природою сходенъ. Онъ прекланяетъ какъ Ораторъ, а наставляетъ какъ Філософъ. Описываетъ онъ общее Гражданское сожитіе пріятно. Люди у него говорятъ по своимъ характерамъ. Изображеніе нравовъ вѣка точное и существенное, для того что онъ держится естества, и входитъ въ чувствіе тѣхъ особъ, которымъ у него говорить, и говорятъ. Наконецъ, Плутархъ заключаетъ о сихъ Авторахъ, что Муза Арістофанова подобна бесстыдной женщинѣ; а Менандрова честной госпожѣ.

Но вотъ разность и между обоими Латінскими Комиками, по мнѣнію того жъ Іезуіта Рапенія. Плавтъ есть замысловатъ въ своемъ составѣ, щаслівъ въ вымыслахъ, обиленъ въ изобрѣтеніи. Однако, много въ немъ скаредныхъ шутокъ по Горацієву мнѣнію (1): а острыя его

(1) At vestri Proaui Plautinos et numeros, et.

слова, приводившія въ смѣхъ народъ, иногда были жалки чеснымъ людямъ. Правда, онъ говоритъ много хорошихъ; но не мало, и еще часто худыхъ. Плавтъ не столь исправенъ въ распоряткѣ своихъ Комедій, и въ расположеніи Дѣйствій, сколь Теренцій: но онъ притомъ простяе въ своей матеріи, ибо Теренціевы басни обыкновенно сложны, какъ то видно изъ Андріи, содержащія двѣ Любви. Симъ Теренція укоряли, что онъ одну Латінскую Комедію составлялъ изъ двухъ Греческихъ, для большаго оживленія своему Театру. Но притомъ развязанія Теренціевы природнѣе Арістофановыхъ. И хотя Цесарь называетъ Теренція (1), «умалив-«шимся и половиннымъ Менандромъ, длятого что, по его, въ немъ была только сладость она-«го и нѣжность, а силы и крѣпости не нахо-«дилось»; однако, онъ сочиняетъ способомъ толь природнымъ и разсудительнымъ, что изъ Копіста Менандрова, сталъ быть самъ обрасцовымъ подлинникомъ. Никакой никогда Авторъ не имѣлъ столько чистаго знанія силы въ Естествѣ!

Laudauere sales, nimium patienter vtrumque,
Ne dicam stulte....

(1) Tu quoque, tu in summis, o dimidiate Menander,
Poneris, et merito, puri sermonis amator,
Lenibus atque vtinam scriptis adiuncta foret vis
Comica, vt aequato virtus polleret honore
Cum Graecis, neque in hac despectus parte iaceres!
Vnum hoc maceror, et doleo tibi deesse, Terenti.

Осталось теперь предложить общее Правило Комедіямъ, дабы имъ быть и называться хорошими, во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ. Такое правило Комедіи я вышишу изъ тогожъ Іезуіта Раценя. Оно у него положено въ 25 разсужденіи о Поэзіи, на страницѣ 154 Парижскаго Изданія, 1684 года, то есть, когда Комедія уже у Французовъ стала восходить на верьхъ своего совершенства.

Комедія, говоритъ онъ, есть изображеніе общаго жительства. Намѣреніе, съ какимъ она дѣлается, состоитъ въ томъ, чтобъ представить на Театрѣ пороки простыхъ людей, дабы тѣмъ исцѣлить всенародныи недостатки, и исправить бы весь народъ боязнію осмѣянія. Итакъ, Смѣшное есть самое существо Комедіи. Впрочемъ, есть Смѣшное въ словахъ; и есть Смѣшное въ вещахъ. Смѣшное есть чесное и Смѣшное есть Скоморошеское. Сіе дарованіе есть прямо Естественное, чтобъ находить Смѣшное во всякой вещи: ибо всѣ дѣйствія въ жизни имѣютъ какъ хорошую, такъ и худую сторону, и равно содержатъ въ себѣ шуточное и дѣльное. Но Аристотель, давъ наставленіе какъ плакать на Трагедіи: не-далъ онаго, какъ на Комедіи смѣяться. Сіе прямо происходитъ отъ природныя способности: Наука и руководство небольшое въ томъ имѣютъ участіе, дѣло сіе есть совершенно Естественное токмо. Гишпанцы имѣютъ способность, видѣть Смѣшное вещей лучше насъ (Французовъ). Италіанцы, будучи съ природы

Комедіанты, изображаютъ оное лучше: Языкъ ихъ способнѣйшій нашего (Французскаго) къ тому. Нашъ (Французскій) можетъ здѣлаться способнымъ, когда онъ будетъ совершеннѣйшимъ. Наконецъ, оная пріятная окружность словъ, оная веселость, которая умѣетъ содержать нѣжность характера, не упадая въ холодность и въ скоморошество, оная тонкая насмѣшка, цвѣтъ остраго и краснаго разума, есть самый тотъ талантъ, котораго требуетъ Комедія. Однако надлежитъ наблюдать, что Смѣшное искусства, кое желается на Театрѣ, долженствуетъ быть копіею съ онаго Смѣшнаго, которое есть въ натурѣ. Комедія такова есть на Театрѣ какова дружеская бесѣда въ гостяхъ, или съ Свойственниками. Она будетъ ни къ чему годная, ежели въ ней не можно узнаться, и не видно тѣхъ поступокъ, кои показываютъ люди живущіи совокупно. Симъ точно Менандръ получилъ успѣхъ между Греками; а Римляне мнили, что они были сами въ обществѣ, и такъ точно разговаривали, когда присутствовали на Теренціевыхъ Комедіяхъ: ибо находили они въ нихъ все, что обыкновенно дѣлывалось у нихъ въ обхожденіи. Большое самое искусство Комедіи въ томъ, чтобъ держаться натуры, и не отходить отъ нея никогда: чтобъ имѣть умствованія и чувствованія общія, а изображенія такія, которыя бъ всѣмъ были внятны и вразумительны: ибо сіе должно твердо имѣть въ памяти, что начертанія самыя грубыя Естества,

нравятся всегда больше, нежели самыя нѣжныя, которыя не по Естеству. Однако, подлыя и площадныя слова не долженствуютъ быть позволены на Театрѣ, ежели они не будутъ подкрѣплены нѣкоторымъ родомъ разума. Присловій, и острыхъ народныхъ рѣчей также не должно тамъ терпѣть, буде онѣ не имѣютъ нѣкотораго Шуточнаго смысла, и если онѣ тутъ неприродны. Сіе есть основаніе самое общее Комедіи: съ симъ все, что она ни представляетъ, не можетъ не полюбиться; а безъ сего, ничто не имѣетъ быть угодно. Держась токмо твердо Натуры, получается Вѣроятность, которая есть одна неложный Предводитель, за коимъ должно слѣдовать на Театрѣ. Безъ Вѣроятности, все есть не достаточно; съ нею, все изрядно. Нѣтъ заблужденія слѣдующему за нею: а несовершенства самыя обыкновенныя въ Комедіи происходятъ отъ того, что благопристойность въ ней не наблюдается, и не пріуготовляются припадки. Надобно блюстись, чтобъ краски, употребляемые на пріуготовленіе припадковъ, не имѣли ничего грубаго, и оставляли бъ Смотрителю пріятность, найти самому собою, что оные значатъ. Слабость самая обыкновенная нашихъ (Французскихъ) Комедій, есть развязаніе: почитай ни въ которой нѣтъ въ томъ удачи отъ трудности находящіяся въ развязаніи того, что завязано. Весьма способно завязать всякій въ Комедіи узелъ: сіе дѣло есть Вымысла. Но Развязаніе, есть дѣло разсужденія: отъ

чего и бываетъ успѣхъ труденъ. Осталось разсмотрѣть, можно ль дѣлать въ Комедіи виды больше природныхъ, чтобъ сильняе поразить Смотрителевъ разумъ большими начертаніями, и сильнѣйшими впечатлѣніями; то есть, можетъ ли Поэтъ представлять Скупаго напримѣръ больше Скупымъ, и Угрюмаго больше негоднымъ и несноснымъ, нежели онъ есть обыкновенно. Плавтъ желая угодить народу, дѣлалъ такъ; но Теренціи, угождая честнымъ токмо людямъ, держался однихъ Предѣловъ Естества, и представлялъ Пороки не увеличивая ихъ, и не расширяя. Въ семъ точно состоятъ самыя общія и нужныя правила Комедіи.

СТІХИ ИЗЪ АРГЕНІДЫ.

СТІХИ ИЗЪ АРГЕНІДЫ.

ЭПИНІКІЧЕСКІИ.

Часть III. глава 2. число 8.

Сіи Стіхи изъ Аргенідьі, и слѣдующіи, для того здѣсь полагаются, что всѣ они сочинены двумя родами, а именно по Римски и по нашему, такъ что который родъ положенъ въ Аргенідѣ, тотъ здѣсь предшествуетъ, а другой по томъ слѣдуетъ. Охотники могутъ сіи роды между собою сличить, и заключить по своему разсужденію, кои роды Стіховъ древнѣйшіи ль Греческіи и Римскіи, или наши съ Рѳмами новѣйшихъ временъ, благороднѣе, и осанистѣе.

Анапесто-Іабическіи безъ рѳмъ.

Побѣдили мы! о! мольба услышана теплая Богомъ!
Вождѣленнѣйшій нынѣ покой, и нынѣ пріятное время!
Божественный каждый храмъ да почтится, и жертвенникъ каждый!
Веселое жъ всѣхъ чело да красятъ вѣнки разноцвѣтны!
Усмотрѣлъ невѣрныхъ полковъ самъ Марсъ свирѣпство жестóко,

Совокупно и какъ умы Сіцілійскіи вредно шалѣли.
Хотя жъ суровому мечъ любимъ, и проразисты стрѣлы,
Стремится хотя вездѣ тревога, и бѣшена ярость,
Премного ужé хотя ламается ратовищъ въ язвахъ;
Однакъ убійство сіе и смерть безъ охоты онъ видѣлъ:
Тогда впервыe войну ненавидѣть сталъ, какъ Гігантовъ
Напустила злая Земля на Небо ярящихся люто,
А Боги потѣли съ трудовъ бьючись на поляхъ Палленейскихъ.
Того рáди, сердцемъ и всѣмъ лицемъ распалившись отъ гнѣва,
Изъ правыя страшно рукú ударяя скрежещущихъ копей
Всѣмъ дубомъ, а лѣвою ихъ управляя, скакать понуждаетъ.
Едва жъ Ѳракійски поля, и Фріксейски заливы оставилъ,
Летѣлъ надъ нашимъ ужé кряжемъ свирѣпъ при Пахінѣ,
Въ то сáмое время, когда межъ собою полкú сопротивны
Сражались, одни за Царя, за себя, за Боговъ; а другіи
Воцарить чтобъ въ нашихъ странахъ нечестивца проклятаго нагло.
Ужъ тамъ сторонѣ твоей, Мелеандръ, пріятствуя жарко,

Летучимъ облакомъ Марсъ божество свое закрываетъ.
Тогда разбѣжавшись, вдругъ удивился, и мечъ преклонилъ свой;
Но быстрыхъ коней едва удержалъ, и сама колесница
На небѣ покатистомъ тамъ едва жъ могла удержаться.
Какъ скоро жъ сталъ, тотчасъ говорить сіе начинаетъ:
Какая то брань очамъ моимъ представляется нынѣ?
Позавижду ль я, или смотря возрадуюсь лучше?
Нѣтъ нужды, нѣтъ никакой имъ во мнѣ доброхотнѣйшемъ Марсѣ:
Побѣдятъ, хотя бъ не хотѣлъ чтобъ они безъ меня побѣдили:
Добродѣтель и мужество все сіе совершили собою.
Но что подъ шлемомъ тѣмъ видна за святая сѣдина?
Ты ль храбро толь, въ своихъ престарѣлыхъ почтеннѣйшій лѣтахъ,
Сражаешся самъ, Мелеандръ, а еще стоитъ непріятель?
Таковъ иногда Сатурнъ низвергаемый съ звѣзднаго Царства,
Себя жъ защищая, когда бъ умѣлъ онъ также сразиться,
И мышцею въ страхъ привесть предпріятое только что бѣдство;
То бъ въ Лаціи не для чего ему бѣглецомъ укрываться,

Златый бы вѣкъ его неизмѣнно пребылъ по нынѣ.
Кто жъ тѣ? (о! бодрость, о! намъ подобное въ храбрости сердце;
Пораженія бутто бъ отъ нихъ не въ людей посылаются сильно!)
Кто жъ тѣ? которы уже́ посреди, враговъ побѣждая,
Разбиваютъ весь ихъ строй? Шишаки жъ блестятъ равномѣрно?
На мечъ двоякій бѣжитъ коль смерть въ слѣпотѣ устремляясь?
Пришельцы тотъ и другой въ Сіціліи, оба жъ готовятъ
Торжество, Мелеандръ, тебѣ. Того Сардінская область
Государемъ чтитъ своймъ; отъ странъ сей прибылъ Лівійскихъ.
Успѣвайте оба, Боговъ порода! пребудете славны,
Пока сохраненный сей руками вашими островъ
Сверьхъ пѣнистыхъ водъ безъ вреда́ круго́мъ возноситься имѣетъ.
Что жъ прочіи всѣ? что вы Полководцы? что неба достоинъ
Всякъ воинъ? О! спѣшно иди, Побѣда, не медля ни мало,
И Лавромъ твоимъ оботри потѣющій трудъ сей кроваво;
Иди охотно, сама жъ въ достолѣпной взносясь Колисницѣ,

Поспѣшай и себя, и Царей показать народу великихъ.
Такъ Марсъ сказалъ. И ужé непріятель въ бѣгъ обратился;
Ужé вселютаго ихъ вождя голова нечестива
На конецъ копья поднятá ратоборцемъ въ побѣдѣ Лівійскимъ.
Тогда звѣздъ выше шумъ, человѣческа больше, вознесся,
Какъ всѣхъ отъ плеска Боговъ, такъ враговъ отъ вопля стеняща.
Сіе говорилъ мнѣ Фебъ. А сáмый звукъ превеликій
Заглушилъ все прочее, Фебъ что еще говорилъ возвѣщая.

Тѣжъ и самыи Іамбическии.

Побѣда наша! выспрь услышана молитва!
Пріятный днесь покой! не стервѣнится битва!
Да почтится всякъ олтарь, и Божескій всякъ храмъ!
Вѣнцы теперь чело да украшаютъ намъ!
Въ противныхъ усмотрѣлъ Марсъ лютое свирѣпство,
И Сіцілійскій вредъ, и злое непотребство.
Хотяжъ всегда ему любúмъ есть мечъ и брань,
Тревога, ярость, огнь, и воруженна длань;
Однакъ зрилъ на сіе убійство безъ охоты,
Военны въ первый разъ не возлюбивъ заботы,
Гігантовъ навела на Небо какъ Земля,

На Палленейски сведъ и всѣхъ Боговъ поля.
Такъ сердце и лице въ гнѣвъ ярый прелагаетъ.
Бья коней дубомъ всѣмъ, скакать ихъ понуждаетъ,
Едва жъ онъ пролетѣлъ Ѳракію, Фріксовъ валъ,
Тотча́съ уже́ у насъ вотъ надъ Пахіномъ сталъ,
Въ то время, какъ полки́ между собой сражались,
Одни себя, Царя, и всѣхъ Боговъ держались,
Нечестіе жъ на вѣкъ другимъ бы ободрить,
И нечестивца имъ чтобъ нагло воцарить.
Тамъ, Мелеандръ, твоимъ усердствуя душею,
Божественностью Марсъ укрылся въ облакъ всею:
Бѣжажъ онъ и дивясь мечъ вдругъ свой преклонилъ;
Но коней тутъ своихъ едва остановилъ;
И на́-Небѣ сама покатомъ Колесница
Едважъ стать возмогла, держала хоть десница.
Какъ скорожъ сталъ, тотча́съ самъ на́чалъ говорить:
Что видится за брань? мнѣ что теперь творить?
Я позавиждуль имъ, возрадуюсь ли въ сходствѣ?
Ни малой нужды нѣтъ въ моемъ всѣмъ доброходствѣ:
Тѣ сами побѣдятъ безъ по́мощи моей:
Ихъ въ мужествѣ успѣхъ полу́читъ Правда сей.
Но что подъ шлемомъ тѣмъ мнѣ зрится за сѣдина?

Твоя то храбрость есть, такъ выше лѣтъ едина!
Ты самъ бьешь, Мелеандръ, а врагъ еще стоитъ!
И не дая плещей преодолѣть онъ мнитъ!
Подобенъ былъ Сатурнъ: сей нѣкогда съ престола
Зганяемый дѣтьми до земнородныхъ дола,
Когда бъ такъ за свою умѣлъ сразиться честь,
И бѣдствіе сперва въ страхъ мышцею привесть;
Тобъ въ Лаціи бѣглецомъ не скрылся въ той причинѣ,
Златый бы пребылъ вѣкъ бессмѣнно и понынѣ.
Кто жъ тѣ? (о! доблесть намъ подобна жаромъ ихъ:
Они какъ сверьхъ людей въ сраженіяхъ своихъ!)
Ктожъ тѣ? которы се противныхъ побѣждаютъ?
Обратами равны, весь строй ихъ разбиваютъ?
Отъ нихъ тулится всякъ, и всякъ въ себѣ дрожитъ?
На ихъ сугубый мечъ толпами смерть бѣжитъ?
Пришельцы оба тѣ мертвятъ враговъ и ловятъ.
Тебѣ жъ, о Мелеандръ, здѣсь торжество готовятъ,
Сардінія того верьховную чтитъ власть;
Сегожъ тебѣ дала земель Дівійскихъ часть.
Вы оба, родъ боговъ! вы спѣйте толь исправно:
Пребудетъ ваше здѣсь все имя съ дѣломъ славно,
Пока спасенный сей чрезъ вашъ потъ и труды,
Весь островъ будетъ зримъ сверьхъ пѣнистой воды.
Что жъ Полководцы всѣ? что каждый порознь воинъ?

Не купноль всѣ, и всякъ есть Неба въ нихъ
достоинъ?
О! ты среди предстать, Побѣда, къ нимъ скори,
И токъ кровавый весъ съ нихъ Лавромъ обо-
три:
А въ Колесницѣ вдругъ сама вознесшись слично,
Кажи себя, Царей народамъ всѣмъ прилично.
Такъ Марсъ сказалъ. И се врагъ обратился
въ бѣгъ;
Ужъ голова вождя, лютѣйшаго изъ всѣхъ,
Подъята на копье Лівійскимъ тѣмъ героемъ,
Который низложилъ его презѣльнымъ боемъ.
Тогда вознесся шумъ сверьхъ выспреннихъ
круго́въ,
Какъ всѣхъ Боговъ чрезъ плескъ, такъ стономъ
отъ враговъ.
Сіе сказалъ мнѣ Фебъ. Гласъ звуки распу-
щая,
Все и́но заглушилъ, что тотъ являлъ вѣщая.

—

ГЕРОЭЛЕГІАЧЕСКІЙ.

Часть III. глава 3. число 15.

Анапесто-Іамбическій.

Побѣдитель, о! щедрый отецъ Сіцілійскій, грядеши преславно;
Съ тобою миръ возвращенный въ одеждѣ златой;

И съ неба крилами летитъ благосердность бѣ-
лыми явно.
Воззри, какъ тебя осѣняетъ Богъ въ силѣ
святой!
Воззри коль землю твою согласіе всю премѣ-
няетъ!
Непорочный покой, съ пребогатымъ содруж-
но трудо́мъ,
По всѣмъ пространнымъ полямъ въ веселіи нынѣ
гуляетъ.
Полна тамъ цвѣтовъ, изобильна тамъ нива
плодомъ.
Исчезни война, и злодѣйствъ всѣ гро́зы въ не-
истовствѣ блѣдномъ
Совокупно молчи беззаконный оружія звонъ;
Ты сядешь единъ, отецъ, возносясь на престо-
лѣ наслѣдномъ,
И токмо уже́ воруженный съ тобою законъ.

Тѣжъ самыи Іамбическіи.

Съ побѣдою грядешь, отецъ Сіцілійскій славно;
Съ тобою паки къ намъ въ одеждѣ миръ златой;
И чистая лишитъ съ небесъ усердность явно.
Зри, осѣняетъ какъ Богъ въ силѣ тя святой!
Согласіе твою какъ землю примѣняетъ!
Безгрѣшнѣйшій покой, съ богатымъ самъ тру-
до́мъ,
Въ веселіи уже́ по всѣмъ полямъ гуляетъ:
Цвѣтами Нива тамъ, обильна тутъ плодо́мъ.

Исчезни вся война, въ неистовствѣ зло блѣдномъ;
И беззаконный ты молчи оружій звонъ:
На тронѣ самъ единъ отецъ сѣдитъ наслѣдномъ;
А вооруженъ предъ нимъ есть токмо что законъ.

—

ПАНЕГІРІЧЕСКІЙ

Часть III. глава 9. число 54.

Хореіческій.

Всѣ вы щасливы седмь кратъ, солнцемъ освѣщенны,
О! прекрасныя древа здѣсь произращенны:
Вы качаясь буйно въ Царскихъ древле сихъ мѣстахъ,
Кажете пріятно зелень на своихъ листахъ!
Самъ Хаонскій къ вамъ и Лѣсъ, голубина слава,
И Нісейская еще дальная дубрава,
Непримѣнны всяко: ни жилище и Боговъ
Главнѣйшія Іды, ни дремучій Пиндъ съ верьховъ.
Кто Стіхами воспоетъ сей лѣсокъ достойно?
Кто блаженство все его? Кто всѣхъ Нимфъ пристойно?
Здѣсь береза, Ольха? ясень, ель шумитъ и клень;

Здѣсь тополь, и липа; странныхъ родъ совокупленъ;
Всякъ невреденъ дубъ всегда, букъ толь престарѣлый;
Другъ и винограду вязъ, кедръ млады, созрѣлый.
Каждаго пріятенъ собственный во всемъ уборъ;
Въ каждомъ листъ различенъ, веселятъ всѣ купно взоръ.
Много Кипарісовъ толь нѣжно вознесенныхъ,
А на знакъ, въ гульбищѣ семъ, ростомъ отмѣненныхъ;
Сосны обычайны, и Фрігійскіе притомъ.
Грозный ихъ минуетъ и перунъ, когда есть громъ.
Здѣсь какъ Аполліновъ лавръ, даръ такъ вседражайшій,
Кой Мінерва подала миръ въ знакъ блажайшій.
Но въ низу орѣшникъ, а густый кустарникъ тамъ,
При ручьяхъ, подобныхъ кристалю, сплелся и самъ:
Всяжъ земля лице свое цвѣтомъ устилаетъ,
Роды сихъ производить Зефиръ токмо знаетъ;
Тѣ и Прозерпіну могутъ нынѣ утѣшать:
Ужъ ея Стігійску мужу здѣсь не похищать.
Смѣлыхъ сей волковъ лѣсокъ, вовся не имѣетъ;
Ни войти въ него и вепрь всячески не смѣетъ:
Въ немъ не слышно всюду ни блеянія овецъ,
Левъ когда заблуждшихъ пожираетъ ихъ вконецъ;
Съ голода или страшитъ хриплымъ вдаль рыкомъ,

Ближній весь округъ такимъ оглашая крикомъ.
Всякъ здѣсь козъ игривыхъ токмо видитъ повсегда;
Быстрыхъ и еленей доброродныя стада:
Видитъ тѣхъ всякъ и другихъ, какъ иль отдыхаютъ,
Иль отъ страха по лѣску бѣгая мелькаютъ,
Тѣ когда заслышатъ восклицаніе и плескъ;
Вѣтры ль къ намъ приносятъ мнимый въ бодры слухи трѣскъ.
Чтожъ до васъ, любезный родъ! сладосны пѣвички!
Не обманетъ ни одно въ рощѣ древо, птички;
При струяхъ журчащихъ не находится жъ силкóвъ,
Коимъ бы на ваши стропть нóшки лесть и ковъ:
Вольно вамъ летать вверьхъ, внизъ въ вóздухѣ тончайшемъ
Вольно на сучкахъ сидѣть, на кусткѣ нижайшемъ.
О! коль любо сердцу, въ ризѣ какъ златой заря
Пташекъ собираетъ: изъ сихъ множествомъ паря,
То садится всяка тамъ, крила оправляетъ,
То всходящу ужé дню пѣсньми поздравляетъ!
О! коль любо сердцу, слышать въ рáзни стройный гласъ!
О! коль любо, въ рощѣ находиться въ оный часъ!
Малое то говорю. Пребывать въ лѣсочкѣ
Многимъ и богинямъ здѣсь мило при точкѣ:
Прочъ, прочъ нечестивый отъ лѣска сего глаза!

Въ святолѣпной рощѣ любопытнымъ, смерть гроза.
Но за что лѣску сему честь дана толика,
Божеска въ немъ и почто сила такъ велика;
Вы, богини, сами удостойте объявить,
На корахъ причину перстомъ нѣжно вобразить.
Сіе есть: посѣщать его Царска непорочно
Пріобыкла часто дщерь, а съ собою точно
Хоръ дѣвицъ прекрасныхъ, совокупно иногда
Весть благоволяетъ, славно шествуя туда.
Длятого здѣсь естество землю одарило,
И блаженствомъ райскимъ толь всю прекрасило:
Нимфы жъ, да умножатъ препроводницъ должныхъ ей,
Сердцемъ восхотѣли въ сѣни водвориться сей.
О! державныхъ, Дѣва, верьхъ! свыше, о! хранима,
Вниди въ рощу; Нимфъ тамъ зри; имъ да будешь зрима,
Сами тѣ желаютъ. Нынѣ удостой, гряди;
Ликъ твой благочинный велелѣпно въ ту веди.
Слѣдъ весь чистыя поля, пойдешь гдѣ стопами.
Тамъ означатъ на травѣ распестривъ цвѣтами;
Тотъ услужны Нимфы невредимо сохранятъ,
Лобызать хотящихъ оный, сами предварятъ.
Но не рощица одна; о! да мѣсто всяко
Здѣсь присутствіемъ твоимъ просвѣтится жъ тако:
Ты едина въ милость можешь небеса склонить,
Благъ виновна многихъ скверность золъ искоренить.

Что Лівійская страна жаромъ вся згараетъ,
Что съ трѣскучихъ брегъ оной мразовъ умираетъ:
Будежъ ты восхощешь и туда пойти, вездѣ
Укротится воздухъ, сколько бъ ни-былъ вреденъ гдѣ;
Нива тотчасъ процвѣтетъ, плевы потребятся;
Въ лучшее и времена всѣ возобновятся.

Тѣжъ самыи Дактіло-Хореіческіи.

Щаслива ты весьма, и всегда уясняемо солнцемъ,
О! которое вверьхъ свои пространные вѣтви,
Дерево, износишь на сихъ мѣстахъ качаясь Царскихъ!
Лѣса Хаонска съ тобой сравнить голубями гласяща,
Также ни рощи всея невозможно Нісейски, ни Іды,
Главныхъ жилища Боговъ, ни вершинъ дремучаго Пінда.
Кто небольшаго лѣска вревелики стіхами угодья
Можетъ достойно воспѣть? И кто положеніе мѣста?
Кто всѣхъ Німфъ, Боговъ, и всю красоту воспрославитъ?
Здѣсь береза, и ель, и тополь, и липа, и ольха;
Здѣсь величаясь шумитъ и кленъ, и ясень высокій,

Кедръ, отъ перуна и дубъ невредимый, и букъ
престарѣлый;
Здѣсь виноградный другъ, называемо дерево вя-
зомъ.
Каждо пріятствомъ своимъ угодно, листъ, въ
каждомъ различный:
Всѣ особливы во всемъ: здѣсь много ктому жъ
Кіпарісовъ,
Кои въ примѣты растутъ возносясь, оказуя всю
нѣжность.
Здѣсь Аполінскій и лавръ, и здѣсь смолоточ-
ные сосны,
Сосны жъ Фрігійски притомъ, и олівы подарокъ
Мінервинъ.
Но небольшой внизу орѣшничекъ; также ку-
старникъ
При ручейкахъ, кристалю подобныхъ, сплетает-
ся густо.
Вся жъ земля свою устилаетъ поверхность цвѣ-
тами,
Зе́фіръ ихъ произвесть лехконосный токмо
умѣетъ,
Кои бъ спроста рвать на Эннейскомъ Прозе́р-
пінѣ по́лѣ,
Мужемъ Стігійскимъ въ расплохъ въ жену по-
хищаемой тамо.
Смѣлыхъ лѣсочикъ сей волковъ нигдѣ не имѣетъ,
Нѣтъ ни ярыхъ вепрей съ кривыми клыками
въ немъ также;
Бѣднаго тамъ никогда жъ неслышно блеянія
всюду,

Буде когда овецъ заблуждшихъ левъ пожираетъ,
Съ голода хриплымъ или страшитъ околицу рыкомъ.
Всякъ, напротивъ того, здѣсь видитъ козокъ игривыхъ.
И предовольна стада̀ въ покоѣ ходящихъ еленей.
Видитъ тѣхъ и другихъ или отдыхающихъ въ вечеръ,
Рыскомъ или небольши́мъ по лѣсочку бѣгущихъ отъ страха.
Ежели плескъ иногда, или восклицаніе слышатъ,
Также сомнительный шумъ когда къ нимъ вѣтры приносятъ.
Рàвно и васъ, о! сладкопѣснивы птички пернаты,
Дерево здѣсь ни одно не задержитъ ни клеемъ, ни смолкой,
И при текущихъ струяхъ обманныхъ нѣтъ же силочковъ,
Въ кои бъ ваши могли попасться ножоночки скоро:
Вольно лѣтать, прелетать въ верьхъ, въ низъ, подъ небомъ свободнымъ;
Вольно сидѣть на всѣхъ деревахъ, на землѣ, и повсюду.
О! коль любо, когда заря здѣсь въ ризѣ багряной
Множество птичекъ въ лѣсокъ собираетъ, а тѣ оправляя
Перышки всѣ свои́ разноцвѣтныя дню поздравляютъ,
Весь и толикимъ шуматъ согла́сіемъ во̀здухъ исполненъ!

Малое то говорю. Богинямъ въ лѣсочкѣ пріятно
Многимъ всегда пребывать: прочъ, прочъ глаза́ нечестивы;
И святолѣпный лѣсокъ пребуть невредимъ отъ уроковъ.
Но превосходность за что лѣсочикъ толику имѣетъ.
И водворяемся въ немъ почто божественна сила;
То вы сами тому причину, богини, скажите.
То есть, что посѣщать обыкла его непорочно
Дщерь несравненна, Царя великаго, а за собою
Хоръ дѣвицъ приводитъ туда жъ: того ради природа
Райскимъ землю сію одарила въ избытокъ блаженствомъ
Нимфы жъ, дабы число препровòдницъ прекрасныхъ умножить,
Въ сихъ убѣжищахъ всѣхъ восхотѣли охотно вселиться.
О! дѣвица, о! державна, богами хранима!
Вниди туда, зри Нимфъ, тебя желающихъ видѣть;
Нынѣ гряди, удостой пріятную рощу тобою.
Гдѣ ни пойдешь, стези упещренное поле означитъ,
Ихъ благовонными вѣтръ тотча́съ цвѣтами наполнитъ,
И сохранятъ ихъ тамъ услужные Нимфы невредно.
Но не лѣсочикъ единъ: Сіцілійское каждое мѣсто

Да просвѣтится твоимъ присутствіемъ: токмо едина
Къ милости всѣхъ боговъ преклонить возможешь довольно.
Ты, хоть гдѣ земля Лівійска горитъ непрестанно,
Хоть помираетъ гдѣ естество съ трѣскучихъ морозовъ,
Буде жъ восхощешь туда пойти; укротится весь вóздухъ,
Всякая нива тотчáсъ процвѣтетъ бесплодная тамо,
Лучшимъ и щастіемъ всѣ времена для тебя обновятся.

—

ЭПІТАФІЧЕСКІЙ.

Часть IV. глава 2. число 11.

Хорейческій.

Зря, пришедшій, гробъ недавный,
Зришь раскаяній видъ славный.
Кто, по совѣсти своей,
Быть не долженъ въ жизни сей,
На себя такъ и взираетъ;
Тотъ здѣсь дважды умираетъ.
Тыжъ, ни клятвъ не говори;
Ни молитвы не твори;
Будь молчащій осторожно:

Погребенной тутъ не можно
Ни добра́, ни зла желать.
Развѣ сей привѣтъ сослать:
Тѣнь! чего сама достойна;
Такъ бы тамъ была спокойна.
Селенисса есть она!
Вещь сомнѣнія полна́,
Большель вѣрность повредила,
Иль за то себѣ отмстила.

Тѣжъ самыи Героэлегіаческіи Дактило-Хореіческіи.

Гробъ, посѣтитель, зришь, и лютыхъ раскаяній виды!
Дважды мретъ, кто себѣ смерть по достоинству мнитъ
Тыжъ однакъ удержи въ умѣ заклинаній обиды,
Также и рѣчь, душамъ коя спокойство чинитъ.
Здѣсь погребенной желать не пристойно ни мира, ни му́ки
Только скажи: что ты, тѣнь заслужила, то будь.
Есть Селенісса, не знать предательствомъ вреднѣйшаль, ру́ки
Вреднѣйшель та подняла въ казнь на невѣрную грудь.

—

ТЕОДІКЕІЧЕСКІЙ.

Часть IV. глава 10. число 48.

Хореическій.

О! преступниковъ сердца́, кои толь дѣлами,
Скверностію помысловъ, блудными тѣлами,
Власть гнѣвите въ злобахъ предержавна естества!
Долготерпѣлива бойтесь всяко божества;
Также и готовыхъ ужъ казней, и премногихъ,
Лютыхъ, неумытныхъ тѣхъ; несказано строгихъ,
Въ настоящій, купно въ будущій вѣкъ безъ конца:
Бойтесь, бойтесь вѣрно, о! грѣшащія сердца́.
Іовишь раздраженъ, хотя поздно поражаетъ,
Ни за каждо зло тотча́съ небо воружаетъ,
Но въ умѣ пребодромъ (да не льститъ никая блазнь)
Память пребываетъ, и въ вѣсъ мѣряетъ онъ казнь.
Та причина на пагубъ всѣхъ скорыхъ, многобразныхъ,
Сихъ и зляе, совѣстямъ мукъ, терзаній разныхъ.
Та вина, что рѣки возрастаютъ сверьхъ береговъ,
Трітонъ и пото́пы нагло льетъ въ среду градовъ.

Что про жатву говорить на поляхъ созрѣлыхъ,
Вѣтръ ли сильный ту свалилъ, иль вепрей тмы смѣлыхъ
На свою тамъ пажить опровергли по ночамъ!
Повредить ли, съѣстъ ли, предана та саранчамъ?
Что жъ? повѣтріе когда заражённо ядомъ,
Острую вдыхаетъ смерть язвою всѣмъ рядомъ?
Иль средѣ народовъ бранноносный самъ отецъ
Мечетъ огнь, и точитъ рѣки крови наконецъ?
Симъ, и равнымъ месть боговъ (чтобъ не мнить такъ злобно:
Медлитъ вышній; оскорбленъ можетъ быть удобно)
Всѣ злотворны роды истребляетъ, каждый вѣкъ
Яростію губитъ, кою тотъ къ себѣ привлекъ.
Мы жъ, несмысленная тварь, что за стрѣлы свищутъ,
И не знаючи почто скорбь, проказы рыщутъ,
Отъ чего и крѣпость въ лѣтахъ юныхъ такъ рыхла,
И рѣтка что старость, и что есть, та вся дряхла,
Токмо естество винимъ, слабость всѣхъ составовъ,
Отъ Фортунинихъ себѣ, иль мнимъ, вредъ уставовъ.
Ей! не зла природа, ни порядокъ всѣхъ вещей;
Ни пустый рокъ также, звѣздныхъ ни число свѣщей.
Сами разъяряемъ мы гнѣвъ толь ополченный,
И давно грѣхами тотъ движемъ огорченный.

Тѣжъ самыи Дактило-Хореическии.

О! беззаконныхъ сердца, раздражаете кои дѣлами,
Долго Небесную власть! Божества терпѣливаго бойтесь,
Также и грозно постичь готовыхъ въ премножествѣ казней.
Іовішъ поздо хотя поражаетъ стрѣлами своими,
Онъ ни за всякое зло тотчасъ небеса воружаетъ:
Но въ преводромъ умѣ пребываетъ всевѣдуща память,
И справедливую казнь заслужившимъ мѣряетъ вѣсомъ.
Та есть причина смертей различныхъ, и злѣйшая смерти,
Мучима совѣсть всегда, и всегда раздираемо сердце.
Та есть причина, что нѣтъ у рѣкъ береговъ, и потопы
Трітонъ наглый среди городовъ смертоносно вливаетъ,
Что вспоминать на поляхъ созрѣлыхъ поверженну жатву,
Буйный ли вѣтръ повалилъ, превеликое ль стадо подрыло
Острыми ярыхъ вепрей клыками на собственну пажить?
Что жъ когда кругомъ зараженно повѣтріе ядомъ

Скору вдыхаетъ смерть въ пылающи язвою члены?
Самъ бранноносный отецъ или въ средину народовъ
Мечетъ пожаръ, гася жъ насыщенный кровію пламень?
Симъ, и подобнымъ месть Боговъ (да немедлѣнно мукамъ
Мнимъ поспѣшать, и быть оскорбляему небу удобно)
Весь злотворный родъ истребляешь, и каждыи вѣки
Всѣми губитъ смертьми разъяренными въ должную лютость.
Мы жъ, несмысленна тварь, не вѣдая свищутъ какіе
Стрѣлы, почто или кипитъ возмутившійся воздухъ,
Немощь откуду въ тѣлахъ молодыхъ, и рѣткая старость,
Всѣ естество винимъ, и нашихъ слабость составовъ,
Разны безумно притомъ припадки пустыя фортуны.
Ей! вся тварь ни чемъ не зла ни вещей распорядокъ:
Наше нещастіе мы возбуждаемъ сами злодѣйствомъ,
И распаляемъ гнѣвъ, огорченный давно ужъ, грѣхами.

—

СОТЕРІЧЕСКІИ

Часть V. глава 1. число 6.

Хореіческіи.

Жизнь и зіравіе Царю даровали Боги!
Звѣздоносна твердь почто жъ, чрезъ обраты многи,
Въ шумѣ такъ играетъ, какъ пріять хотя его?
Что клеврета дýхи въ вертограды ждутъ сего?
Царь пребудетъ на землѣ въ жизни долговѣчно.
Мужествомъ прославлшій самъ галловъ всекономечно,
Въ скиптродержцахъ велій, гордости рогъ сокрушилъ:
Сáрловъ онъ Тіранны славно живота лишилъ.
Гдѣ стігійску грань дѣлитъ съ полемъ доброзлачнымъ
Свѣтозарнѣйшій предѣлъ поясомъ безмрачнымъ;
Гдѣ и зеленѣютъ всецвѣтущіи сады,
Въ коихъ древо всяко жизненны родúтъ плоды;
Тѣни храбрѣйшихъ мужей мѣсто населяютъ,
Въ немъ за беспорочну жизнь радуясь гуляютъ;
При струяхъ Летéйскихъ позабывшихъ ссоры ихъ
Гдѣ совѣтъ согласный примирилъ во вѣкъ благихъ.
Тамъ какъ на страну онѣ Дітову смотрѣли,
И въ спокойствѣ предъ очми кáзни всѣ имѣли,

Видя зной, колéса, и воздушный родъ коль мглистъ,
Слыша стонъ и скрежетъ, Фурій лютыхъ грозный свистъ:
Се къ ужаснѣйшимъ кряжамъ сонмы шли попранны,
Въ гнусности казалися всѣ, были всѣ раздрáнны;
Кровь изъ нихъ на каждомъ, копій язвы, и мечей
Всякъ являлъ брань срогу, нé-былъ мирный видъ ни чей.
Изъ садовъ прекрасныхъ зря праведны Герои
Пораженны доконца тѣ премноги вои,
Коль самимъ дивятся, ранамъ толь глубокимъ всѣхъ,
Сімоéнтъ подобныхъ не мывалъ тогда на тѣхъ,
Какъ отсюду Ахіллесъ Тéвкровъ неумильный,
А оттуду поражалъ Грайевъ Гекторъ сильный,
И сіе вѣщаютъ: что за острота была
Ранившихъ оружій? мышца чья превозмогла
Язвъ толико углубить? та временъ вся сила,
Коя множество сіе смертно поразила.
Зрится быть не нашихъ. О! да вящше возрастетъ
Храбрость въ человѣкахъ. На Одімпѣ да не ждетъ
Паки Юпітеръ своéмъ страха и боязни;
Нечестивыхъ на землѣ да постигнутъ кáзни!
Такъ ихъ говорившихъ, на себя всѣхъ бóльша тѣнь

(И сама взирая часто на блаженныхъ сѣнь)
Съ оныхъ вшедшихъ ужъ полковъ тамже обратила,
Лишъ на Стігскій брегъ ея ладія ссадила.
Гордость и свирѣпость не сошли съ лица еще,
Вновь туда прибывши грозною была вотщѐ,
Погубле́ннаго на ней знаки царства были:
Рамена ея себя вдоль Хламідой крыли;
Самую пресвѣтлость окружилъ вездѣ ужъ мракъ;
Сползшая и съ скрайній выи вкругъ лежала такъ,
Какъ бы давящая ту, Царска Діадима;
Мечъ въ десницѣ хоть сверкалъ, хоть была съ тѣмъ зрима,
Но однакъ казалось, что исторгнутъ изъ нея,
Тѣмъ что та защиты недостойна своея.
Чтожъ до взора, кровь и пыль мерскимъ тотъ казали;
Грудь раздранна, и уста духъ весь прерывали.
Вдругъ приставъ схвативши непреклонный на посулъ,
Ту привлекъ насильно предъ судейскій важный стулъ.
Ду́ши раздались просты́хъ, какъ Тіранъ явился,
Самъ въ свирѣпости Мино́й вскорѣ жъ обратился:
Гро́зна честь особу осѣнила всю его;
Хоть мѣста привыкли, съ страхажъ потряслись того.
Какъ же велѣно душѣ сей тіранской тамо,
Весь порядокъ житія исповѣдать прямо,
Рано, случай смерти, и низвержена за что

Въ тартаръ сей кромѣшній, и низвергъ ту въ оный кто;
Начала такъ, и языкъ хульный, нечестивый,
Полный скверностей всегда, полный лжи и льстивый
Свой ужъ обращала, (а сама премного дмясь,
Быть не въ рабствѣ, но еще во власти мнясь
Къ возвѣщенію всѣхъ дѣлъ скаредныхъ безъ мѣры·
Замолчалъ тогда заклепъ, купно всѣ пещеры!
Слушая гремящи тише самъ лилъ Стіксъ валы.
Повѣсти о злобахъ не сплететъ ли тѣнь хвалы.
Если былъ Радіробанъ вѣдомъ въ безднахъ срогихъ;
(Часто, безо лжи сюда слалъ противныхъ многихъ
И трудилъ сѣкущихъ спряденую жизни нить)
Самъ сюдажъ я нынѣ, Сардовъ Царь, возмогъ прибыть.
Подданными были мнѣ Балеарски роды,
И подвласны также всѣ Лігурски народы.
Тщетно, и не кстати мужество ужъ прославлять;
Равно, есть излишно храбро войско похвалять:
Здѣсь умершему когда Скипетру нѣтъ славы;
Добродѣтели жъ однѣ зрятся токмо правы.
Чтожъ Эпія нудишь? иглы отъими твои:
Самъ я добровольно злости всѣ явлю мои.
О! безмѣрно уповалъ Царствъ я на изрядство,
На благополучный верьхъ, также на богатство;
Лишнюю надежду на чесну́ю кровь имѣлъ;

Позабылъ, что смертный, добраго чтить не хотѣлъ.
Ахъ зло! презиралъ Боговъ, мнясь быть самъ Богъ власный,
Славу заслужить себѣ не желалъ злощасный;
Нарушалъ и вѣрность къ искреннимъ моимъ другамъ;
Коль во всемъ тщеславенъ, пребылъ толь лютъ къ слугамъ.
Что къ хищенію являть Сіцілійску дерзость?
Что Лівійскія войны вспоминать здѣсь мерзость?
Что и сердце жадно?... Часъ ужé постигъ и рогъ!
Отъ Боговъ месть купно, дóлжна мзда мнѣ и оброкъ.
Какъ сказавъ, самъ воздохнулъ въ крайнемъ сéрдца гóрѣ,
И умолкъ тотчáсъ по семъ въ Адѣ разговорѣ.
Но Міно́й свирѣпый больше вопрошалъ тогда:
Что вина убійству? Сталось какъ то, и когда?
И прехрабрый тотъ его кто есть побѣдитель?
Ахъ! всякъ отъ него вопросъ гордыхъ поразитель.
Галлія, тотъ паки, славитъ коего Царемъ;
Тотъ меня пресилилъ: слава всюду тамъ объ немъ:
Знаменитѣе его выспрь не знали вѣки,
И ни равнаго когда чтили человѣки.
Онъ меня однако жъ просто не возмогъ убить
Принужденъ былъ много крови отъ меня пролить.

Сіи жъ тамъ его едва опустили ру́ки:
Нынѣ полумертъ лежитъ, иль скончался съму́ки.
Такъ я увѣряю, чая, и не прежде ль онъ
Сшелъ меня къ вамъ въ про́пасть, гдѣ я слышу страшный стонъ.
Такъ сказавъ, самъ обращалъ взоръ багровый всюду,
Какъ соперника бъ чрезъ то онъ искалъ внутрь-уду.
Симъ скончилъ. И то́тчасъ праведно былъ осужденъ:
Въ Та́нтальскомъ потокѣ яблоко въ вѣкъ принужденъ
Въ челюсти хватать отъ Сестръ тамо зміевласныхъ,
Лютыхъ оныхъ трехъ числомъ, грозныхъ и ужасныхъ
Слухъ тогда разнесся на Элісійскихъ поляхъ,
Что ты жизнь кончаешь, Поліархъ, на сихъ земляхъ:
Увѣряющій о томъ первый былъ зіятель,
Згибшій ужъ Радіроба́нъ твой злый непріятель.
Праведныхъ всѣ души возмущаются тогда,
Твоего прихода чаютъ въ садъ къ себѣ туда:
Ты клевретъ имъ, и тебя всѣ въ Вождя желаютъ;
Лушее земныхъ тебѣ благъ всѣ обѣщаютъ.
Прежде кто десницу приметъ; скажетъ кто привѣтъ;
Кто въ сады проводитъ, въ коихъ зрится присный цвѣтъ;

Кто тебя тамъ поведетъ къ тѣнямъ вельможнымъ,
Конхъ слава вознесла мужествомъ неложнымъ.
Все то правыхъ духи разряжаютъ межъ собой:
Злакъ сей буди ложемъ, древо сѣнь тебѣ то строй;
Ваія сія главу чесно да вѣнчаетъ;
Сей источникъ язвы всѣ тамъ да омываетъ.
Такъ шумитъ подобно (отъ Гіблейскихъ какъ долинъ
Отлетитъ пчелъ матка въ заблужденіи въ край инъ,
Посланные жъ напередъ пчелки вѣсть крилами
О возвратѣ подадутъ, веселясь ужъ сами)
Рой пришедшій въ радость; и тогда спѣша весь къ ней,
И въ свои собравшись силы по причинѣ сей,
Онъ летаетъ и туда и сюда чрезъ требу,
И взвивается жужжа въ томъ восторгѣ къ небу.
Секъ по частымъ облакамъ съ выспренняго круга
Кастеръ ѣхалъ на конѣ прямо къ нимъ до луга:
Онъ тогда на небѣ брату мѣсто упразнилъ,
Кой его, въ тотъ случай, должно по чредѣ смѣнилъ.
Красное лице его блескъ звѣздъ являло,
И лучами окрестъ все чистыми сіяло;
На его Порфіра златотканна раменахъ,
Былъ подобенъ Марсу, копіе имѣлъ въ рукахъ.

Тóтчасъ правыхъ тѣни зря Кáстора идуща,
Всѣ возмнили, Поліархъ, такъ тебя грядуща:
Идутъ и на встрѣчу стройно учредившись въ рядъ,
И вперивши купно на того блаженный взглядъ.
Но приближились когда къ нимъ Ледéйски взоры,
И погрѣшность какъ свою́ стали знать соборы;
То вкругъ обступили удивившася его,
Всѣ и вопрошаютъ совокупно самого:
(Конь подъ нимъ въ то время сталъ имъ же воспященный
И въ молчаніи на ликъ посмотрѣлъ священный)
Возвѣсти намъ, просимъ, (битву точно ты возмогъ,
Съ горьнихъ мѣстъ самъ видѣть, въ доблести кто и премогъ)
Оный Царь еще ль въ живыхъ, коего мы ждали,
Галлія жъ отдать сюда можетъ вся въ печали?
Внидетъ къ намъ откуду, ежели скончался онъ?
Объяви, да встрѣтимъ съ самыхъ тѣхъ его сторонъ.
Изумившись, пораженъ рѣчію такою,
Прежде тотъ стоялъ безъ словъ, а потóмъ звѣздою
Разсмѣявшись всею, равно какъ бы тучи гналъ
Съ гнѣвныя пучины, кораблямъ же огнь ссылалъ:
Знайте, тѣни, говорилъ, и оставьте радость,
Вашимъ та садамъ еще не приспѣла сладость;
Равная жъ надежда выспреннимъ была самимъ,
Тѣ къ престоламъ равно чаяли Царя своймъ.

Ратоборцовъ самъ я зракъ видѣлъ, слабу силу,
И со смертію борьбу, жизнь въ крови унылу.
Слышалъ, какъ и Боги вопрошали Зевса тамъ,
Въ коемъ бы онъ мѣстѣ тонкаго Еѳира самъ
Въ чистой искрѣ сей душѣ повелѣлъ свѣтиться?
И звѣздѣ его въ востокъ, въ западъ ли вселиться
Иль ей быть поставилъ при полу́нощныхъ звѣряхъ?
Иль вмѣстить ту хощетъ на полу́денныхъ зарядхъ?
Имъ могущій все отецъ возгласилъ вѣщая:
(Встрепеталъ небесный сводъ, гласъ ощущая!)
Нашему Олімпу юношу сего въ даръ дать
Есть предѣлъ не нынѣ, предлежитъ и вамъ то знать:
Пусть онъ брани совершитъ побѣдитель славный,
Да за мужество свое всюду будетъ главный.
И хотя тмы многи чрезъ доброты удивилъ;
Но не всѣхъ войною беззаконныхъ истребилъ.
То не крѣпость ли дана ратная составамъ!
То не склонность ли однакъ къ мирнымъ въ немъ уставамъ!
О! краса всѣмъ смертнымъ: о! Боговъ достойный сынъ
Я бъ желалъ охотно, изъ моихъ чтобъ былъ единъ!
Да и ты бъ, супруга, ты бъ мнѣ то опустила!
И младенца бъ ты жъ сама въ ласкѣ воздоила!
Впрочемъ, въ сей хвалился бъ не одинъ утѣхѣ вѣкъ:

Младъ и старъ онъ долго будетъ въ свѣтѣ человѣкъ;
Парки жизнь сплели ему сами долголѣтну;
Узритъ сыны онъ сыновъ, давши многодѣтну
Всей землѣ породу, коя пойдетъ по стопамъ
Праотческимъ славно; и, по вѣчнымъ такъ судьбамъ,
Въ старости маститой всѣ станутъ здѣсь предъ нами,
Освѣщая дольній міръ въ вѣкъ вѣковъ звѣздами.
Сынъ! иди поспѣшно, коему покорны травъ
Всѣ различны соки, созданны въ напитокъ здравъ.
И, по силѣ врачевства, раны, всякъ раздѣльный
Каждыя болѣзни родъ, купно жъ и смертельный.
Чадо! самъ, скоряе, язвы тайно исцѣляй,
А на нихъ лѣкарства таковы употребляй,
Кои могутъ одолѣть смерть, и уязвленныхъ
Пользовать самихъ Боговъ: какъ изъ поврежденныхъ
На войнѣ Фрігійской дѣлалъ съ Марсомъ ты моимъ;
И лѣчилъ Венеру нѣжнѣйше тогда жъ какимъ,
Ей когда на брани той, въ самомъ томже прахѣ;
Діомедова меча быть пришло толь въ страхѣ.
Сынъ твой Эскулапій тотчасъ же съ тобою бъ шелъ,
Въ домѣ Маврітанскомъ славу бъ онъ себѣ нашелъ.
Что бъ Перуна паки тотъ ужъ не опасался,
И ни гнѣва бъ моего, воскресить бы тщался.

Я желаю нынѣ, о! желаю я предѣлъ
Побѣдить конечный: а чтобъ я такъ одолѣлъ;
Вскорѣ исполняй мою съ сыномъ волю власну,
И великаго Царя жизнь спаси прекрасну.
Такъ едва родитель повелѣлъ, и указалъ,
Какъ предъ ложемъ Царскимъ тотчасъ Аполлинъ предсталъ:
Къ врачеванію готовъ, и въ такомъ уборѣ,
Онъ слезящихъ посредѣ былъ незримъ въ соборѣ.
Смертные водою язвы самъ всѣ вымывалъ,
Бережно перстами по зіяніямъ зжималъ:
То лѣкарство на болѣзнь растворялъ и масти,
То внутрь съ сыномъ лилъ, то клалъ къ больнѣйшей тѣ части.
Скоро въ сердце живность возвращается ужъ вновь;
Блѣдность сходитъ съ членовъ; помощь купно и любовь
Свыше Царска жизнь къ себѣ чувствуетъ извѣсно:
Се и въ силу отъ цѣльбы та пришла чудесно!
Выжъ, о! весь ликъ правыхъ, нынѣ невшедшаго къ вамъ
Пѣсньми восхвалите, прославляя по дѣламъ.
Добродѣтели хотя пребываютъ въ небѣ;
Хоть живутъ тѣ на землѣ къ вящшей всѣхъ потребѣ:
Въ ваши хоть вселятся обиталища сюда:
Благочеснымъ всюду хвалимы суть онѣ всегда.
Касторъ рекъ. Всѣ веселясь тѣни восплескали;
Съ ними небо, вся земля, и моря взыграли.

Тѣжъ самыи Дактило-Хореическіи.

Въ жизни пребудетъ еще долговѣчно веселіе ваше!
Чтожъ звѣздоносныхъ небесъ ужѐ августѣйшіи домы,
Бутто пріять хотя вседостойнаго, въ шумѣ играютъ?
Что ожидаютъ къ себѣ Элісійскіе тѣни Клеврета?
Въ жизни пребудетъ еще, и земли́ не оставитъ надолго
Всѣхъ Скиптроносныхъ Царей взящнѣйшій, кой препрославилъ
Мужество Галловъ своймъ, убивши Сардінска Тіранна!
Гдѣ отъ Стігійскихъ странъ отдѣляетъ предѣлъ свѣтозарный
Злачны поля, и гдѣ никакой не приступные му́кѣ
Рощи въ прохладѣ своемъ зеленѣютъ, по коимъ гуляютъ
Тѣни прехрабрыхъ мужей, которыхъ отъ казней изъяла
Жизнь непорочна, и всѣхъ при Литейской водѣ всеконечно
Ссоры забывшихъ свое согласіе въ вѣкъ примирило.
Тамъ, когда онѣ на противное Царство смотрѣли
Дітово, также на всѣ прежестокіе казни въ спокойствѣ,

Видѣли зной огней, и колесъ, и ужасную ярость
Свищущихъ зло языкомъ, и громко устами:
Се къ Стігійскимъ кряжамъ превелика толпа приходила
Свѣжая, вся въ крови, и мечей съ нихъ язвы глубоки
Съ всѣхъ не сошли еще, всѣ въ образѣ лютыя брани.
Смотря изъ сада забавъ дивятся блаженны Герои
Множеству, купно мужей состоянію, также и ранамъ,
Быстра какихъ рѣка Симоентъ не мывала струями
Какъ и Фрігійски полки, сопротивну и силу Пеластовъ
Съ сей стороны Ахиллосъ поражалъ, съ той Гекторъ сильнѣйшій
Такъ съ силою тогда говорили; какое то было
Толь прободавшее ихъ оружіе? мышцы жъ такіе
Столько могли уязвлять? временъ та сила не нашихъ!
О! да вящше растетъ человѣческо мужество въ крѣпость;
И на превыспренномъ Зевсъ да не чувствуетъ страхъ Олімпѣ!
Такъ говорившихъ тотчасъ на себя ихъ всѣхъ обратила
Знатнѣйша тѣнь, на брегъ какъ скоро Ладейка Стігійскій
Ту ссадила, она жъ свирѣпости гордыя мракомъ

Не измѣнила еще въ лицѣ, въ міръ новый пришедши;
Знаки остались на ней притомъ погублѣннаго Царства:
Долгая на раменахъ Хламида, съ висковъ Діадима
Сползшая ужъ была, и мечемъ десница блистала,
Только жъ вырваннымъ тѣмъ изъ нея недавно, казалось:
Но все было лице осквернено кровію гнусно,
Также и грудь и уста разóдраны духъ прерывали.
Безъ замедлѣнія тамъ ея приставъ подхвативши
Силою, самъ не боясь, привлекъ къ судейскому стулу,
Дýши винныхъ простыхъ уступали назадъ; и свирѣпый
Къ ней обратился тотчáсъ Минóй: почтеніе грознó
Все осѣнило лице его, и хотяжъ пріобыкли
Тѣ мѣстá, однакъ потряслись съ превеликаго страха!
А получивши она повелѣніе, не прекословя
Сказывать жизни весь своея порядокъ, и случай
Смерти, и все за что низвержена въ тартаръ ужасный,
Такъ началá, еще вознося́сь, и уста нечестивы,
Мня себя Царемъ, разверзла; замолкли пещеры!
Слушая самъ и Стіксъ лилъ тише вóлны гремящи!

Буде Радіробанъ здѣсь когда былъ слышимый въ безднахъ;
(Часто, по правдѣ сказать, сюда непріятелей многихъ
Ссылывалъ, и утруждалъ пресѣкающихъ жизненны нити)
Тотъ самъ я, земель Сардінскихъ славный владѣтель,
Нынѣ сюда жъ прихожу. Меня Балеáрски народы,
Лігуры также меня боялись. Но что ужъ не кстати
Мужество мнѣ возносить, и оружіе храбраго войска,
Здѣсь никакія когда нѣтъ чéсти умершему Скиптру,
А добродѣтель одна велика? чтожъ нудишь Энія?
Ахъ! прочъ íглы твои отъими: расскажу добровольно.
О! на Царства мои уповая излишно, и также
На пребогатый верьхъ фортуны, на кровь пречесну́ю,
Смертнымъ себя позабылъ, не чтилъ добродѣтелей въ жизни,
И ни Боговъ, Богъ самъ для себя превесьма самовольный:
Добрую славу себѣ заслужить никогда я не тщался:
Вѣрность къ другимъ нарушалъ, тщеславія весь преисполненъ.
Что вспоминать на брегу Сіцілійскомъ хищенія дерзость?

Что на Лівію войну? что ничемъ ненасытное сердце?
Часъ внезапну уже́ постигъ, и рокъ смертоносный:
Месть и боговъ! Сказавъ то вздохнулъ, и умолкъ совокупно.
Но свирѣпый Міно́й тогда ужъ спрашивалъ больше:
Что за причина была убійству? (ахъ! жестоко гордымъ
Му́ку сію терпѣть.) И кто побѣдитель прехрабрый?
Галлія, онъ говорилъ, кого Царемъ почитаетъ,
Тотъ меня поразилъ; его знаменитѣе въ славѣ
Не́-было выспръ никогда, и ни равнаго вѣки не знали.
Онъ однакожъ меня не сразилъ безъ отмщенія просто,
Чувствовалъ самъ отъ меча моего взаимные язвы;
Сіижъ ру́ки его обхвативши, едва опустили:
Нынѣ лежитъ полумертвъ, и кончается тотъ побѣдитель.
Такъ увѣряю; и мню, что меня онъ въ про́пасти сіи
Прежде не сшелъ ли? Сказавъ, багрово лице обращалъ вкругъ,
Буттобъ убитаго онъ искалъ непріятеля тамо.
Симъ окончилъ. И тотча́съ осужде́ннаго правды предѣломъ
Къ Та́нталовой рѣкѣ, и къ бѣгущему яблоку вѣчно

Въ лютости всей отвлекли подхвативши Сестры зміевласны.
Слухъ разнесся тогда по всѣмъ полямъ Элісійскимъ,
Бутто тебя, Поліархъ, нестаетъ: такъ врагъ твой увѣрилъ.
Всѣ возмущаются тамъ, и надѣются праведныхъ тѣнь,
Купно желаютъ тебя Клеврета себѣ, и Вождя всѣмъ.
Лучшее такожде всѣ обѣщаютъ оставлшему землю.
Первѣе кто привѣтъ говорить; и принять за десницу
Кто ужъ имѣетъ; и кто путь въ садъ присно-цвѣтными покажетъ;
Также и кто поведетъ къ душамъ вельможныхъ героевъ,
Все разряжаютъ сіе межъ собою блаженнные дýши:
Сей злакъ ложемъ будь, сей лавръ главу да вѣнчаетъ;
Лучше источникъ сей утружденныи членыомоетъ.
Сходственно съ ними шумитъ (какъ матка пчела отъ Гіблéйскихъ
Прочъ отлетитъ долинъ заблуждая, предпосланныжъ пчелки
Вѣсть крилами дадутъ о возвратѣ) рой въ радости новой
Весь поспѣшая къ ней, и собравшись съ силою всею

Въ шумѣ жъ летаетъ туда и сюда, и взвивается къ небу.
Сежъ по густы́мъ обла́камъ возвращаясь съ верьховнаго міра,
Касторъ къ ними пребывалъ, тогда по случаю съ братомъ
Съ мѣстъ на небѣ своихъ смѣнившись. Звѣздою блистала
Вся особа его, окруже́нна отвсюду лучами:
Вдоль Порфіра съ раменъ; лицемъ былъ Марсу подобенъ.
То́тчасъ, видя его возмнили праведныхъ тѣни
Въ скорости той, что ты, Поліархъ, къ нимъ и́дешь преславно;
Ужъ и на встрѣчу пошли веселясь порядочнымъ строемъ.
Какъ же приближились тамъ божества Леде́йскаго взоры,
Какъ же и сами свое заблужденіе тѣни познали;
То окружаютъ его дивящася, и вопрошаютъ
Всѣ совокупно глася (между тѣмъ конь воспященный
Сталъ подъ нимъ, и всѣ осмотрѣлъ въ молчаніи души)
Просимъ, скажи, (для того́ что ты самъ сраженіе видѣлъ
Съ горнихъ мѣстъ) Царь живъ ли, котораго дать намъ имѣетъ
Галлія вся въ слезахъ? И къ намъ онъ внидетъ откуду?

Тутъ измившись сперва́ бессловесенъ стоялъ, и звѣздою
Всю пото́мъ тотча́съ расмѣявшись, какъ съ гнѣвнаго мо́ря
Бутто онъ тучи згоняетъ, корабли огнемъ освѣщая:
Знайте, о! тѣни, сказалъ, и недолжную радость оставьте,
Радость оставьте садамъ и рощамъ недолжную вашимъ,
Равняжъ точно боговъ надежда верьховѣйшихъ льстила.
Видѣлъ я лице ратоборцово, храбрость, и силу,
Зрилъ и въ послѣдней крови борьбу съ смерьтію жизни.
Слышалъ я и боговъ вопрошающихъ, въ коемъ бы мѣстѣ
Тонка Еѳира души сей чистымъ огнемъ просвѣтиться
Юпитеръ сатъ повелѣлъ? на востокѣ ль, на западѣ ль звѣзду
Онъ бы хотѣлъ утвердить? Или при сѣверныхъ Урасахъ?
Но державный отецъ говорилъ вѣщая: не нынѣ
Юношу дать сего въ даръ нашему въ славѣ Олімпу
Твердъ положенъ предѣлъ. Пусть онъ превеликіе бра́ни,
Кои будутъ еще на землѣ, совѣршитъ побѣдитель:
Храбрость его не всѣ еще мѣста́ удивила,

Ни беззаконный весь міръ онъ войнами очистилъ.
Толи не крѣпость его составовъ! не ратная ль бодрость!
Толи не склонность однакъ его жъ къ тихомирной Олівѣ!
О! красота людей, О! чадо богамъ вожделѣнно:
Ябъ желалъ, чтобъ мое то было! и тыбъ отпустила,
Тыбъ супруга сама за него мнѣ, самажъ бы спокойна
Млечны сосцы твои сему подавала младенцу!
Но не единъ же вѣкъ похвалялся бъ утѣхою сею;
Долго онъ въ лѣтахъ младыхъ процвѣтать, и и въ старости долго
Онъ ужъ пребудетъ, ему даровали жизнь долгую Парки,
Узритъ сыны сыновъ, и землѣ дастъ вѣчну породу,
Коя имѣетъ поити по слѣдамъ праотческимъ славно,
Купно въ маститой потомъ ужъ старости будетъ звѣздами.
Сынъ мой! иди жъ поспѣшай, которому соки покорны
Травъ, и искуство врачебно, и раны, и смертны болѣзни.
Скоро ступай, велю, и въ язвы лей тайно лѣкарства,

Кои смерть одолѣть, и цѣлить Боговъ уязвлѣнныхъ
Могутъ, грядетъ ли мой Марсъ къ Тебѣ, повреждена ль Венера
Чемъ на Фрігійской войнѣ, отъ меча ль Діомѣдова въ страхѣ.
Пусть съ тобою жъ идѣтъ Эскулапій сынъ твой искусный,
И въ Маврітанскомъ дому прославить себя да потщится:
Онъ не боится пускай моего ужъ паки перуна,
Гнѣва ниже жъ моего. Я нынѣ, о! нынѣ желаю
Что бъ сметоносну судьбу побѣдить для Царя превелика.
Такъ повелѣлъ лишъ отецъ; предъ лицемъ ужъ Царскимъ незримо
Спѣшно предсталъ Аполлінъ во врачевской готовый одеждѣ,
Тайною всѣ вымывалъ смертельные язвы водою:
Бережно то сжималъ зіяніе ихъ же перстами,
Съ сыномъ то растворялъ лѣкарства прилѣжно на нѣмощь;
Самъ и Амброзіи лилъ въ умерщвленные жилы довольно.
Тотчасъ въ сердце ужѣ возвращается живность и сила;
Блѣдность уходитъ съ лица, жизнь чувствуетъ Божеску пѣмощь!
Вы жъ затѣмъ, о! весь ликъ праведныхъ, пѣснями хвалите

Нынѣ невшедшаго къ намъ: хотябъ добродѣтель на небѣ,
Хоть на землѣ бъ была, хоть та бъ въ обителяхъ вашихъ;
Но благочеснымъ всегда почтенна и хва́льна повсюду.
Ка́сторъ симъ окончилъ. Зашумѣла радость блаженныхъ;
И совокупно Земля, Понтъ, Небо ликуя взыграли.

СЛОВО О ПРЕМУДРОСТИ, БЛАГОРАЗУМІИ И ДОБРОДѢТЕЛИ.

СЛОВО О ПРЕМУДРОСТИ, БЛАГОРАЗУМИИ И ДОБРОДЕТЕЛИ.

СЛОВО О ПРЕМУДРОСТИ,

БЛАГОРАЗУМІИ и ДОБРОДѢТЕЛИ.

NB. Въ Предисловіи при первомъ Тóмѣ на XXIII страницѣ объявлено, что въ семъ второмъ Тóмѣ по Стіхамъ, сочиненныхъ нашимъ образомъ и Римскимъ, еще положена Рѣчь, говоренная въ Академіи, которой на семъ точно мѣстѣ и быть надлежало: но она мною, какъ изданная уже въ свѣтъ особенно, и также бъ не увеличить ею сея книшки, отставлена, а оставлено вмѣсто ея сіе Слово, кое мнѣ вспало на умъ сочинить во время самаго печатанія сего втораго Тóміка. Я льщу себя, что сіе слово нѣсколько пріятнѣе будетъ, по содержанію, моимъ Читателямъ, нежелибъ могла быть отставленная рѣчь.

—

Преизящность Человѣчества, изъ всѣхъ видимыхъ въ прекрасномъ Естествѣ созданій, СС, особливо состоитъ въ умствованіи. Зиждитель вещей, Премудростію своею, Благостію, и Всемогуществомъ, благоизволилъ, предувѣдавъ и предъизбравъ сей чувственный составъ великолѣпнаго Міра, произвесть Твари, счетавая всѣ съ лучшимъ и бóльшимъ всему Обществу, не токмо неисчетные по роду и подобію; но и каждой даровалъ различные степени Совершенства,

каждую притомъ удобряя собственнымъ своимъ, и ей достодолжнымъ. Зрятся Творенія, которыя имѣютъ простую токмо (1) бытность; зрятся, въ коихъ бытность и жизнь; зрятся и такія, которымъ съ бытностію и жизнію, подано еще Чувствованіе. Но Человѣкъ, пребывая въ естествѣ вещей (2) бытіемъ, дыша въ немъ жизнію, ощущая отъ него пріятность себѣ, или досаду, господствуетъ въ избытокъ предъ всѣми оными рассужденіемъ. Одаренъ онъ (3) Силою рассудительно размышляющею. Извѣсно есть, Сила сія показываетъ себя въ насъ во первыхъ Разумомъ, и потомъ Волею. Имѣетъ Разумъ свои дѣйствія; имѣетъ и Воля: хотя жъ и въ единомъ (4) Существѣ обое предсѣдательствуетъ, и хотя обое то едино есть по (5) Естественности, или Сущности; но по разности дѣйствій различными означается именами. Разума есть, понимать и рассуждать, то есть, познавать Истинну, и различать ея отъ Ложнаго: Воли жъ свободно клониться къ Добру, предпочитать полезное, и раздѣлять оное отъ вреднаго. Ибо какъ Истинна есть конецъ всего нашего Познанія; такъ Добро, цѣль всѣхъ нашихъ есть Дѣяній. Первая (6) Умъ просвѣщаетъ; но другое очищаетъ сердце, и творитъ насъ участниками не (7) крайняго токмо человѣческаго блага, состоя-

(1) Existentia. (2) Existentia. (3) Facultas reflexiue cogitans. (4) Substantia. (5) Essentia. (6) Mens. (7) Summum bonum.

щаго въ безопасствѣ общаго сожитія, въ Здравіи тѣла, и въ душевномъ Спокойствіи; но и онаго непзреченнаго вѣчнаго блаженства, кое обѣщано любящимъ Бога, и служащимъ Ему благоговѣйно и усердно: онаго, вѣщаю, блаженства, котораго красоты око человѣческое не возможетъ здѣсь никогда подобныя видѣть, пріятности ухо слышать никогда, а сладости никогда жъ отнюдъ чувствовать сердце.

И такъ, пользуясь толь славною отмѣною отъ всего во всемъ естествѣ, и обрѣтаясь малымъ токмо нѣчемъ умаленный отъ горьнихъ Чиновъ, умствуетъ Человѣкъ и произволяетъ. И вопервыхъ, дѣйствуетъ нашъ Умъ (1) понимая вещи Просто, то есть, ничего имъ какъ не присвояя, такъ и ничего жъ отъ нихъ не отлучая. Производитъ онъ простое сіе Понятіе иногда такъ называемою (2) Разумностію, или (3) Разумомъ, познавая симъ просто что законъ, Обязательство, Добродѣтель, и премногое подобное: иногда познаваетъ онъ (4) Чувственностію, коею вещи тѣлесные присутствующіе, посредствомъ пятерицы оныя Чувствъ, данныхъ намъ отъ благодѣтельныя Природы, понимаетъ; какъ то свѣтъ и цвѣтъ окомъ, гласъ и звонъ слухомъ, сладость и горесть языкомъ, благоуханіе и зловоніе обоняніемъ, хладъ и зной прикосновеніемъ

(1) Simplex adprehensio. (2) Intelligentia. (3) Purus intellectus. (4) Sensatio.

всего тѣла онъ чувствуетъ: иногда напослѣдокъ изображаетъ себѣ вещи тѣлесные жъ, но отсутствующіе, и ужѐ прежде отъ Чувствъ ощущенные, (1) Образованіемъ. Но по второму óбразу нашъ Умъ дѣлаетъ не простымъ ужѐ (2) Понятіемъ, да Понятій самыхъ между собою сличеніемъ, которымъ сходство, или сопротивленіе ихъ усмотрѣвая, оныя взаимно или сопрягаетъ, или одно отъ доугаго Понятія отлучаетъ; такъ что, или одно о другомъ утверждаетъ, или одно отрицаетъ другому. Сіе точно есть, что именуется (3) Рассужденіе сіе есть или (4) Самозрительное, или (5) Умствовательное. Первымъ нашъ Умъ двухъ Понятій сходство, или несходство, безъ посредства третіяго Понятія, тотчасъ познаваетъ, напримѣръ: Невозможно быть, и не быть совокупно. Всякъ, разумѣющій силу и знаменованіе словъ, видитъ единымъ взоромъ и вдругъ правду въ семъ (6) Предложеніи. Отъ сего единственно Самозрѣнія зависитъ всего нашего Познавія (7) Достовѣрность, какъ величайшая, и такая, которая ни бóльшаго доказательства не требуетъ, ни больше доказываема быть не можетъ. Но вторымъ познаваетъ Умъ двухъ Понятій сходство, или не согласіе чрезъ посредство третіяго, или и многихъ Понятій, напри́кладъ сего Предложенія: Родители власть имѣютъ наказывать своихъ чадъ, непосредствен-

(1) Imaginatio. (2) Idea. (3) Iudicium. (4) Intuitiuum. (5) Discursiuum. (6) Propositio, enunciatio. (7) Certitudo.

но утвердить не возможно, не воспріявъ въ по́мощь третіяго, а именно: ибо безъ того воспитать ихъ достодолжно и достолѣпно не возмогутъ. Второе сіе Рассужденіе точное есть (1) Умствованіе; такъ что законно два токмо, а не три, или четыре (2) Дѣланія въ нашемъ умѣ: ибо всякое предложеніе на самозрительное, есть точное (3) Заключеніе, произведенное Умствованіемъ; а не просто и безъ (4) довольныя причины соединенное, или распряженное отреченіемъ. Когда кто говоритъ, что Справедливость есть похвальна; тотъ для того единственно похвалу ей присвояетъ, что всякая Добродѣтель похвалы есть достойна. Симъ образомъ умствуетъ Человѣкъ, но произволяетъ слѣдующимъ. Что Рузумъ рассуждаетъ быть истиннымъ; то са́мое Воля свободно изобрѣтаетъ добрымъ. Способъ Воли нашея есть двоякій, (5) Хотѣніе, и (6) Отвращеніе. Первымъ Разумъ нашъ судитъ, и къ любленію того прекланяетъ Волю, что онъ почитаетъ за доброе; но вторымъ отводитъ ея отъ всего, что ему судится быть злое. Воля наша, любящая всегда Добро, къ нему прекланяется, что иного хощетъ для него самаго, а иного ради Добра́ другаго. Первое добро называется (7) Концемъ, но второе (8) Средствіемъ. Отъ сего различныя бываютъ воли нашея Дѣянія. Ста-

---

(1) Ratiocinatio. (2) Operatio. (3) Conclusio. (4) Ratio sufficiens. (5) Volitio. (6) Auersatio. (7) Finis. (8) Medium.

рающіяся о Концѣ, Хотѣніе сіе есть (1) Намѣреніе; пользующіяся онымъ, есть оно (2) Наслажденіе: ¦въ средствіяхъ же упражняющіяся, то жъ хотѣніе есть ужé (3) Избраніе; а отвращающіяся отъ оныхъ, (4) Отверженіе. Въ семъ состоитъ нашего Произволенія Самовластіе. Великое, дивное, и неоцѣненное человѣческаго Умствованія преимущество!

Но что сіе странное съ другой стороны́? Ужасное зрѣлище! плачевное состояніе! смертоносное бѣдствіе! трепетное воспоминовеніе! Сей сáмый Разумъ, въ коемъ вся наша честь и слава, и по которому едва токмо мы не въ равенствѣ съ превыспренними чистыми Умами, по испаденіи человѣческомъ отъ первороднаго велмчія, низвергнется въ преглубокую бездну заблужденія. Ослабѣлъ его свѣтъ природный; покрылся густымъ мракомъ неразумія; дѣйствуетъ во тьмѣ, и, чтобъ такъ сказать, осязаніемъ. Истинна и благо удалились отъ него: обстоятъ его Ложъ и Неправота, а Волю страсть и развращеніе. И что я говорю, обстоятъ? Плѣнили его самого и Волю; повелѣваютъ имъ, и обладаютъ ими; мýчатъ ихъ, тіранствуютъ надъ ними. Ужé Разумъ нашъ не тітла есть нашея первобытныя высоты, но почитай подлость; Воля не знакъ благородства нашего, но бесчестія и порабощенія. Осталось имъ токмо едина Память о

(1) Intentio. (2) Fruitio. (3) Electio. (4) Reiectio.

древнемъ ихъ сіянiи, и способности въ изобрѣтенiи Истинны, и блага Злу въ предпочтенiи. Сiя побуждаетъ ихъ входить внутрь самихъ себя, видѣть, что должность ихъ послѣдовать Правдѣ и Добру, и, для любви самимъ къ себѣ, тщаться, дабы во вѣки не разлучаться съ тѣми. Бесспорно, трудятся Слѣпотствующiи наши, чтобъ ихъ осiялъ свѣтъ Истинны, и ѝзвелъ блистательнымъ своѝмъ лучемъ на стезю Чесности. Но сколько жъ надлежитъ прежде имъ преодолѣть препятствiй, дабы получить вожделѣнный въ томъ успѣхъ! Надобно Разуму преоборотъ иногда Заблужденiе Чувствъ; иногда, Заблужденiе Подражанiя; иногда, Заблужденiе (1) Счетанiя мыслей; иногда, преизбыточнаго Любопытства; иногда, Повѣренности; иногда, Древности и Новости: иногда жъ нѣсколько изъ сихъ; а иногда и всѣ сiи Заблужденiя совокупно. Сiи враги Разуму. Воля равнымъ же образомъ долженствуетъ повергнуть долу многихъ злыхъ себѣ супостатовъ, прежде нежели возможетъ торжествовать въ вождѣленной Правотѣ. Первый ея соперникъ, есть Любленiе; вторый, Ненавидѣнiе, третiй, Надменiе; четвертый, (2) Самомнѣнiе, пятый, Сладострастiе, шестый, Сребролюбiе. Не трудность ли и не трудъ предлежитъ, предстоитъ, и окружаетъ всю разумную нашу Силу, и всю произвольную? Не можетъ приличнѣе уподоблено быть, какъ то презрядно

(1) Combinatio idearum. (2) Praesumptio.

и уподобляется издревле, состояніе нашего Умствованія и Произволенія, доброродной по естеству Нивѣ; на которой, оставленной безъ чрежденія, сверьхъ посѣяннаго плодоноснаго сѣмени, прозябаетъ Терніе и волчецъ, но въ толикомъ множествѣ, что они подавляютъ самыи всходы отъ добрыхъ сѣменъ, и показываютъ, что бутто бъ они токмо тамъ и насѣяны были. Поистиннѣ, доброродная есть Нива нашъ Разумъ: Творецъ посѣялъ въ немъ сѣмена Истины и Добра; но Преступленіе произращаетъ въ ономъ Ложь и Зло. Не могу еще не воскликнуть: бѣдное и бѣдственное состояніе, буде не прилóжиться заблаговременное и трудолюбное чрежденіе сей нашей существенной Нивѣ!

Кто жъ не чувствовалъ, что человѣческій Разумъ, пребывающій нынѣ въ толитой нощи и мглѣ Неведѣнія, долженствуетъ быть просвѣщаемъ солнечными зарями Знаній? а Воля наша изводима отмала-помалу изъ прóпасти Золъ и Развращеній, въ которой чахнетъ и погибаетъ, на путь Правоты, Чесности, и достолѣпности? Самое природное Человѣку любопытство, оставшееся въ Памяти объ его способности къ понятію вещей, и къ разсужденію о вещахъ, къ избранію добра, или къ отверженію зла, влагаетъ въ Человѣка охоту къ наученію себя; нужды его даютъ ему чувствовать въ томъ необходимость; должности обязываютъ его къ тому: а успѣхи въ томъ, наслаждаютъ его увеселеніемъ. Первыя пріобрѣтенія его умножаютъ въ немъ

алчность къ Знаніямъ: коль больше онъ познаетъ, толь болѣе чувствуетъ, что осталось ему еще много знать; и чемъ болѣе пріобрящетъ себѣ Познаній, тѣмъ бо́льшую получитъ способность къ дѣланію и къ отправленію всего презрядно. Да и дѣйствительно просвѣщается онымъ Солнцемъ нашъ Разумъ, и Произволеніе наше изводится прямо на гладкую и равную стезю блага, когда навыкаютъ они трудолюбно истинной (1) Мудрости, истинному (2) благоразумію, и истинной (3) Добродѣтели. Сихъ токмо помощію достигаемъ мы до того, дабы намъ возмощи употреблять чинно вещи чувственные, насъ окружающіе исправить погрѣшности нашихъ чувствъ, подвергнуть тѣло вла́сти Духа, и приводить Ду́шу, оное бесплотное и бессмертное Существо, къ познанію нашихъ должностей, и самы́я ея Предѣла.

Сія Мудрость, сіе Благоразуміе, и сія Добродѣтель, будутъ единственною вещію послѣдующаго моего бесѣдованія, а вашего, СС, благосклоннаго вниманія. Продолжу Слово не по важности дѣла прилично и достойно, но по мѣрѣ силъ моихъ и возможности вѣрно. Недостатокъ моего Краснорѣчія, ожидаемаго Вами для услажденія слуху, наградится, безъ сомнѣнія, достойностію содержанія: Мудрость, благоразуміе, и Добродѣтель, совершенства такія, которыя не могутъ сами собою, безъ всякихъ посто-

(1) Sapientia. (2) Prudentia. (3) Virtus.

роннихъ прикрасъ, не возбудишь любопытства и слушанія. Чего ради, и я всячески потщусь предлагать о трехъ сихъ главнѣйшихъ и первѣйшихъ Разума нашего (1) Навыкновеніяхъ, сколько возможно, обстоятельно; однако, безъ рреда ясности, кратко, и о каждомъ по́рознь равномѣрно.

Да позна́ютъ нерадящій о приведеніи въ совершенство умныя своея Силы, что какъ просвѣщается она пріобрѣтенными познаніями вопервыхъ (2) Простымъ способомъ, то есть, единою памятію, опытами, или другимъ мужамъ вѣроимствомъ, утвержденнымъ на ихъ власти, и потòмъ сіяетъ (3) Основательнымъ, именножъ, обученнымъ, и твердымъ рассужденіемъ: такъ и помрачается Варварствомъ, которое есть неискусство чистаго сло́ва, Ума нашего закоснѣлая грубость, когда ни Разумъ полезнымъ Знаніямъ, ни Воля благимъ Нравамъ не научается, и оставляются они какъ бутто поля лежащія впустѣ безуміе! ежели Истинна и Добро не распознаваются отъ Лжи и Зла, а вѣроятное отъ невозможнаго. Несмысленность! ежели умствовать (4) прескаканіемъ и безъ соединенія, да и во всемъ прочемъ пуступать беспорядочно и буйно. Неистовство! буде дѣйсвія наши производишь безъ всякаго, что до окончанія, предвоспріятаго намѣренія; или предвоспріимать дѣло силы наши

(1) Habitus. (2) Historico, empirico. (3) Philosophico, scientixico. (4) Persaltum.

превосходящее. Святотатство! если дѣйствовать ухищренно и лицемѣрно. Вертопрашество! когда безрассудно и устремительно спѣшить нашими дѣлами. Нерадѣтельство! ежели хотѣть окончанія, а о средствіяхъ не любопытствовать, и не имѣть попеченія. Непостоянство! буде предложенное себѣ добро и вожделѣнное, оставлять ради приключающихся трудностей и скучностей. Мятежъ напослѣдокъ и беспокойство, когда похотѣній своихъ не обуздавать, и непрестанно и ненасытно желать еще и еще, всегда хотѣть получить больше, и ежечасно стремится итти далѣе и далѣе. Все сіе есть не Несчастіе токмо нѣкоторое, но пагубное и смертоносное бѣдствіе. Истинная Мудрость, понеже стоитъ въ познаніи Правдъ Божественныхъ и Человѣческихъ, (1) Умозрительныхъ и (2) Дѣятельныхъ, (3) Достовѣрныхъ и (4) Вѣроятныхъ, то и мудрый Мужъ нѣсколько знаетъ, многожъ вѣритъ; такъ что Знаніе и Вѣра не что иное, какъ токмо средствія, коими онъ себѣ Навыкъ Мудрости пріобрѣтаетъ. Сей Мужъ истинное и благое отъ ложнаго и злаго, а вѣроятное отъ незбыточнаго распознаваетъ (5) довольными доводами. Онъ въ умствованіи, начинаніи, и дѣяніи наблюдаетъ порядокъ, и хранитъ связность. Онъ дѣйствуетъ всегда такова ради конца, до котораго

(1) Theoretica. (2) Practica. (3) Certa. (4) Probabilis. (5) Ratio sufficiens.

достигнуть или достовѣрно, или вѣроятно можетъ, развѣ когда нужда приводитъ его предварившимъ начинаніе, приступаетъ, кромѣ, когда необходимость въ долѣ не терпитъ медлѣнія въ размышленіи. Онъ сильно и дѣйствительно движется къ предложенному себѣ Концу: чего ради и приписывается Мудрому (1) Воля дѣйствительности, желаніе Конца съ желаніемъ Средствій сопрягающая. Онъ справедливо въ предпріятомъ твердъ и непоколебимъ; и сколько бъ къ тому препонъ ни обрѣталось, всѣ преодолѣваетъ, да достигнетъ до намѣреннаго Предѣла. Онъ, наконецъ, полученнымъ себѣ спокойно, тихо, и безмятежно наслаждается, и ни алчетъ, и ни жаждетъ чрезмѣрно, дабы пріобрѣсть столько, сколько ему не нужно, и не полезно. О! неоцѣненныхъ плодовъ Мудрости. О! величія ея несравненнаго.

Всѣ сіи дѣйствія Мудрости объявляютъ ясно, и ни малаго не подаютъ намъ сомнѣнія утвердить, что Должность ея есть сугубая. Но и кто благомысленный изъ прошедшихъ словъ заключитъ со мною, что Мудрости есть вопервыхъ «должные Дѣяніямъ человѣческимъ назначать причины»? безъ Мудрости не можетъ получено быть твердое блаженство, которое есть послѣдній изъ всего и всему конецъ. Твердое сіе блаженство не единаго есть рода: Есть, которое состоитъ въ наслажденіи безопасствомъ отъ при-

(1) Voluntas efficaciae.

ключеній и бѣдствій въ общемъ человѣческомъ сожитіи. И сіе есть гражданское и внѣшнее. Есть (1) нравственное и внутренне: въ семъ пользуемся, здравіемъ тѣлеснымъ и душевнымъ спокойствіемъ. Но въ наслажденіи Богомъ, и съ нимъ въ соединеніи, утверждается блаженство духовное и превосходное. И поистиннѣ, сіе есть едино, приводящее къ вѣчному оному блаженству, въ которомъ (2) безопасство наше, (3) здравіе, и (4) спокойствіе никогда не прерываются, а въ сей дольнихъ мѣстъ жизни пресѣкаемое токмо подается блаженство. Вторая Мудрости должность есть въ томъ, что она «преднаписываетъ правило правымъ дѣяніямъ»; въ семъ точно и содержатся основанія (5) Правды, (6) Чесности, и (7) Достолѣпности.

О! коль любезно и Именемъ сихъ тройцу выговорить и слышать. Но чтожъ ихъ Плоды и Дѣйствія? Плоды, конхъ какъ нѣтъ отнюдъ ничего полезнѣе Обществу человѣческому; такъ и невозможно никогда довольно и достойно превознестъ ихъ похвалами. Поистиннѣ, сія есть такая Мудрость, въ которой начать упражняться, никакое время словесному Человѣку преизбыточномъ раннимъ быть не можетъ: и никто преизлишно прилѣпившимся къ ней себя не покажетъ, коликобъ онъ умъ свой ни вперилъ въ размышленіе объ ней, и дѣянія бъ ни напрягъ

(1) Moralis. (2) Securitas. (3) Sanitas. (4) Tranquillitas animi. (5) Instum. (6) Honestum. (7) Decorum.

къ произведенію отъ нея успѣховъ. Представимъ себѣ въ мысли Человѣка по всему любящаго Правду, дѣйствующаго по Чесности, и обходящагося всюду и со всѣми благопристойно. Не сей ли намъ явится, при сохраненіи своея жизни, данныя отъ Бога въ потребу ему и Обществу, не вредящій никому не токмо убіеніемъ и біеніемъ наглымъ кого самаго, не токмо клеветою и лжесвидѣтельствомъ на него, но ни уловленіемъ, ни пресѣченіемъ, ни умаленіемъ, ни похищеніемъ, и ни всекопечнымъ истребленіемъ всего, что того есть собственное? Не сеголь увидимъ благотворящаго прочимъ во всемъ, что полезно и прибыточно, что похвально и славно, что пріятно и сладосно быть можетъ? Не сему ль будетъ способнѣе жизни своея липпиться, нежели не сохранить даннаго слова, обѣщанія, договора, вѣрности? Не симъ ли все то, что въ молчаніи содержать должно, въявь не разгласится, а разглашаемое подолгу молчаніемъ не покроется? Не о ревнующемъ ли по Чесности утвердится такъ неложно, что онъ точно и есть, кой, движимъ разумною Любовію, искренно, благоразумно, и постоянно дѣйствіи свои производитъ внутреннія и внѣшнія, для полученія твердаго блаженства? Не оный ли есть поспѣшнѣйшій не токмо въ исполненіи должностей Правды, но еще и больше, нежели къ исполненію чего Правда возбуждаетъ, всѣми своими силами тщится учинить для пользы Общества, и ради бо́льшаго въ немъ безопасства?

Не оный ли такую показываетъ тихость и скромность, что ими право свое нѣсколько умаляетъ, дѣлая, или опуская, не то что дѣлать, или опускать, позволено, но что дѣлать, или опускать, общее Добро требуетъ, и совѣтуетъ Ревность? Не оный ли трудолюбивъ, нерасточителенъ, домостроенъ, трезвъ, чистъ, воздержанъ? Не оный ли великодушенъ, терпѣливъ, равносерденъ, кротокъ, умѣренъ, и жребіемъ своимъ доволенъ? Не наблюдающій ли благочиніе, въ обхожденіи съ другими поступаетъ по природному своему состоянію, и ни въ чемъ, и никогда притворности и притворнаго не являетъ? Не таковый ли ничего противъ общаго мнѣнія не дѣлаетъ, всѣмъ своимъ дѣйствіямъ пріятную стать подаетъ, преизбыточествомъ и недостаткомъ не погрѣшаетъ, всегда учтивость, человѣколюбіе, и снисхожденіе показываетъ? Не сей ли Мужъ, напослѣдокъ, Страны своея обыкновеніямъ, но достохвальнымъ, послѣдуетъ, дѣла свои и слова соглашаетъ съ мѣстомъ, время разсматриваетъ, и оному повинуется, всѣмъ почтеніе отдаетъ, что и себѣ прилично, не забываетъ; а природные свои порочности и нравственные, ибо нѣтъ совершеннаго во всемъ человѣка, коль возможно покрываетъ? И ктожъ неоцѣненному цѣну поставитъ, и бесчисленное Добро, какое онъ себѣ и Обществу приноситъ, словомъ исчислитъ? Коль больше таковыхъ обрѣтается въ Обществѣ; толь болѣе Общество процвѣтаетъ, и толь меньше въ немъ зрится неприятковъ и бесчинія.

Безъ послѣдующихъ благочестіи, Чести, и Правдѣ, все вверьхъ дномъ обращается.

Отъ Мудрости предложенныя вобще, приступаю къ особливымъ ея частямъ. Мудрость вобще хотя и состоитъ въ познаніи Истинны и блага, однако въ примрачномъ и неизвѣсномъ. Мудрость въ особливости есть твердо обученная, и состоитъ въ познаніи вещей явственномъ, и, по елику возможно, доказательномъ. Называю твердо обученную Мудрость, да исключу неимѣющую потребности. Ибо въ коей нѣтъ никакія пользы въ разсужденіи благоразумія, Правды, и Добродѣтели; та по достоинству принадлежитъ до пу́стошей, хотя и многому впрочемъ надлежитъ обучаться, что не природную пользу, но на мнѣніи основанную имѣетъ. И такъ, обученная твердо Мудрость есть, или благословствующихъ, или Любомудрствующихъ, или Законоучительствующихъ, или наконецъ Врачевствующихъ. Богословствующихъ Мудрость состоитъ въ твердомъ и явственномъ вещей, въ Священномъ Писаніи откровенныхъ, въ Апостольскихъ проповѣданныхъ, а въ Соборныхъ и Учительскихъ, преданныхъ, познаніи. Но Любомудрствующихъ: въ твердомъ же и различенномъ вещей полезныхъ знаніи и разсужденіи, однако разумомъ, самому́ себѣ оставленнымъ, постигаемыхъ. Сей подчинена первое Мудрость Законоучительствующихъ, состоящая въ твердомъ и различенномъ Гражданскихъ и Канони-

ческихъ Законовъ вѣденіи и истолкованіи: второе, Врачевствующихъ, объемлющая твердое и различенное болѣзней и лѣкарствъ разумѣніе: третіе, Счисляющихъ, размѣряющихъ, и сравнивающихъ Количества; а сіи особенно Математіками именуются. Отъ многихъ въ нынѣшнія времена Любомудріе пріемлется за собраніе сáмыхъ главныхъ Ученій, коимъ обученный Человѣкъ свѣтомъ своего разума, о Богѣ и его Свóйствахъ, о Тваряхъ и ихъ Качествахъ и Количествахъ, о Дѣйствіяхъ нравственныхъ и объ ихъ Прáвилѣ, нѣчто достовѣрнаго и твердаго доказываетъ. Всякъ вѣдающій, мню, чувствуетъ, что посему какъ достойно есть подтвержденія Любомудріе Догматическое, которое твердыя, сколько возможно, въ Ученіяхъ полагаетъ Основанія, и бесспорныя, или, по крайней мѣрѣ, вѣроятныя изъ нихъ производитъ Заключенія; такъ всякое заслужило отверженіе оное Сцептическое; кое ничего опредѣлить и утвердить не покушается, но все во всегдашнемъ безъизвѣстіи и сомнѣніи оставляетъ: и коль важно есть Любомудріе Эклектическое, не утверждающееся ни на власти, ни на древности, но то избирающее, что во всѣхъ Писателяхъ твердѣйше доказанное, и съ первыми Началами соединенное обрѣтаетъ; толь празно и бесполезно, которое на разныя (1) Соборища или Толки раздѣляется. Сіе послѣднее Любомудріе мнѣнія дру-

(1) Sectae.

гихъ людей безъ всякаго пріемлетъ исслѣдованія, и начальникамъ своимъ не какъ предводителямъ, но какъ повелителямъ послѣдуетъ. Презрядно нѣкто изъ мудрыхъ Мужей изрекъ, что такое Любомудріе есть «Мудрости состарѣ«вающіяся, или ужé и въ брѣдъ впадшія, знаменіе»: Истинна не можетъ быть ни двояка, ни мновидна.

Древніи раздѣляли весь составъ Любомудрія на Філософію (1) Умственную, Нравственную и Естественную. Но не опровергая сего ихъ дѣленія предлагаю, что Она можетъ раздѣлиться порядочнѣе и полнѣе на (2) Предуготовляющую, или (3) Служащую Орудіемъ, и на Главнѣйшую, или (4) Свершающую: а сія послѣдняя дѣйствительно Человѣка Ученымъ, то есть Мудрымъ и Добродѣтельнымъ дѣлаетъ. Предуготовляющимъ Ученіямъ разныи различное число полагаютъ: сіи одно токмо; другіи два; третіи и до трехъ восходятъ. Но намъ мнится, что должно имъ быть шесточисленнымъ. Первое есть Логіка. Сія обучаетъ способу, какъ правильно умствовать, дабы истинное отъ ложнаго, а вѣроятное отъ невозможнаго отличить, и одно съ другимъ распознать явственно. Второе: Онтологія; которая есть Ученіе о (5) Повсемственныхъ, для того что самые общіе вещей Іден, и оттуду проистекающіе главнѣйшіе Истинны оно представ-

(1) Rationalis, moralis, naturalis. (2) Praeparans. (3) Instrumentalis. (4) Principaluc. (5) Perficiens. (6) Vniuersalia.

ляетъ. Напримѣръ: (1) Сущее вобще, и (2) Естественность или Сущность Сущаго; простыя Сущаго свóйства, какъ то Единство его, Истинность его, Доброту его, Мѣсто, и Продолженіе: потóмъ свóйства Сущаго распряженныя, какъ то Дѣйственность и Могущество; Зависящее и Неподчиненное; Необходимое и Случайное; бесконечное, и Конецъ имѣющее; Начáло и отъ него бывающее; Причину и Причиняемое; Простое и Сложное; Цѣлое и Часть; Тожъ и Разное; Полное и Неполное; Пребывающее; Преходящее; Прáвило и Правимое Знакъ и Означаемое; (3) Подлежащее и (4) Присвояемое. Наконецъ, (5) нижайшія свóйства Сущаго, какъ то (6) Существо, (7) Способы, и (8) Возношеніе. Третіе: Аріѳметіка, коя Количество расчитанное счисляетъ, складываетъ, вычитаетъ, умножаетъ, дѣлитъ, все жъ то числами цѣлыми и ломаными; также отъ трехъ извѣсныхъ числъ четвертое, невѣдомое прежде, познаваетъ, и наконецъ (9) Корень квадратный, и Кубíческій извлекаетъ Четвертое: Алгебра, сравнивающая общіе величины азбучными літерами. Пятое. Геометсія, которая тропное (10) распростертіе тѣлъ размѣряетъ (11) чертами и ограничиваетъ (12) очертаніями. Да и шестое не безъ нарочитыя пользы къ симъ при-

(1) Ens. (2) Essentia. (3) Simplicia entisattributa. (4) Disiuncta entis. (5) Subiectum. (6) Attributum. (7) Inferiora entis. (8) Substantia. (9) Modi. (10) Relatio. (11) Radix. (12) Extensio. (13) Linea. (14) Figura.

совокупиться, именно жъ, Исторія Філософическая. Она есть, коя предлагаетъ и повѣствуетъ приращеніе, и умаленіе Мудрости, и притомъ объявляетъ пе́рвѣйшихъ ея любителей, распространителей, и возобновителей. Всѣ сіи, и прочія слѣдующія Ученія, когда словами себя изъ, ясняютъ, безъ Грамматіки говорятъ нѣмо и неправо; и пото́мъ безъ Реторіки вѣщаютъ скудно, непристойно, и неслатко. Чего ради, са́мая первая Отроку Наука, дабы ему послѣ способну быть къ понятію высочайшихъ Мудрости Наукъ и Знаній, есть Грамматіка; а по ней столько жъ, буде не больше нужная, Реторіка. Навыкновеніе разнымъ Языкамъ, и особливо такъ называемымъ ученымъ, и тѣмъ, кои гдѣ въ большемъ нынѣ употребленіи, коль есть нужно и полезно, вѣдаютъ вѣдающіи и умѣющіи говорить Язы́ками, Однако, не желалъ бы я отнюдъ, чтобъ кто охотнѣе тщался о пріобрѣтеніи себя совершеннѣйшаго искуства въ чужихъ язы́кахъ, нежели въ своемъ природномъ, и еще съ природномъ, и еще съ презрѣніемъ его. Стыдъ, срамъ, и бесчестіе Римлянину не умѣть по Латінски, какъ то восклицаетъ Римскій Сатірікъ Ювеналъ! А равнымъ образомъ сіе каждый Народъ къ себѣ приложить можетъ, премѣняя Ювеналовъ Римъ на свое Отечество. Что жъ до втораго раздѣла Філософическому составу; то два всеконечно рода совершающихъ Знаній, по которымъ, какъ прежде упомянуто, человѣкъ совершенно бываетъ Мудрымъ и Добродѣтель-

нымъ. Первый есть Теореотическій или умозрительный; сему роду (1) Предлежащее есть, Творца и Тварей познаніе: но вторый Практическій или дѣятельный; а Предлежащее ему, Дѣйствія человѣческія нравственныя, и ихъ Правило. Теоретическихъ Знаній три: Теологія или Богословія Естественная, Пневматологія, и Физіка.

Богословія Естественная есть Знаніе, которое единымъ токмо врожденнымъ свѣтомъ разума доказываетъ, что Богъ, да познаемъ Его и служимъ Ему, въ естественномъ состояніи отъ насъ требуетъ; особливо жъ для того, чтобъ мы Ему жъ Самому́ были благодарны, и имѣли бъ совѣсть нашу естественно спокойну. Высокая, несравненная, и спасительная Мудрость; такъ что дивно и странно, чего ради многіи къ любопытнымъ Знаніямъ бо́льшее имѣютъ прилежаніе, нежели рачатъ сей основательно навыкнуть. Нѣтъ ни Науки, ни Знанія, которое не сію бъ на основаніе имѣло, и не сея бъ ради изучено быть долженствовало. Вотщé человѣку заповѣдь положиться, дабы ему жить по Правдѣ, и разумной Любви, ежели прежде не докажется, что Богъ есть, и что Онъ Его къ симъ, или тѣмъ дѣяніямъ предпріемлемымъ, или отметаемымъ, обязалъ. Вотщé и бессмертіе нашея Души́ утвердиться, буде мы не прежде познáемъ, что есть Богъ и предсудствуетъ, и что благосердіе Его сотворило бессмертными Ду́ши наши для нас-

(1) Obiectum.

лажденія вѣчнымъ блаженствомъ. О! Знаніе: всѣхъ Знаній, Разумомъ постигаемыхъ, Верьхъ и Совершеніе. Сія есть Мудрость, которая научаетъ насъ, что Богъ Существо есть пребесконечно дѣйствительное, отъ себя Самаго пресуществующее, а прочимъ всѣмъ вещамъ бытность дарующее Сея Мудрости просвѣщеніемъ познаваемъ, что Существо оное пребесконечно дѣйствующее, и предсуществуетъ отъ себя Самого, какъ Сущее необходимое, и пресовершенное, коего бытность есть въ самой Естественности, или Его сущности. Чего ради, да не помышляетъ безумный въ сердцѣ своемъ, нѣтъ Бога: Есть Богъ: доказывается сіе настоящею и присутствующею вещей бытностію. Есть Богъ: доказывается бытностію Ума человѣческаго. Есть Богъ: доказывается бытностію всего дебелаго (1) Вещества. Есть Богъ: доказывается внутреннею Ума нашего Совѣстію. Есть Богъ: доказывается природою Движенія Есть Богъ: доказывается всѣянною въ насъ о Богѣ мыслію. Есть Богъ: доказывается поряткомъ Причинъ до первыхъ восходяхимъ токмо. Есть Богъ: доказывается (2) Случайностію всего Міра. Есть Богъ доказываютъ непреоборимо сіе и успокоеніе Ума въ Понятіи о Богѣ, и состояніе въ цѣлости всея Твари, и премудрый Составъ Всего Міра, и Животныхъ полъ различный, и члены ихъ по Дѣйствію и отъ Намѣренія удивительныи, и со-

(1) Materia. (2) Contingentia.

гласное признаніе всѣхъ во вселенной Народовъ, сколько бъ который ни-былъ въ другомъ прочемъ грубый и невѣжда, и крайнѣйшая безопасность въ признаніи Бога Праведнаго, нежели не въ признаніи; такъ что не можно не возгласить торжественно: Есть и предсутствуетъ Богъ прежде вѣковъ безначаленъ, отъ вѣка и во вѣки бесконеченъ! Того ради, ни проклятому безбожію, ни мерзскому Многобожію, ни ненавистному Суевѣрію нѣтъ въ помыслахъ и въ дѣлахъ нашихъ мѣста. Сей, вѣщаю, Мудрости послѣдуя, постигаемъ Свойства и Совершенства Божія, (1) Самостоятельныя, и (2) Возносительныя; а сіи послѣднія какъ (3) Естественныя, такъ и Нравственныя. Постигаемъ Самостоятельныхъ Божію Духовность, Довольность, безначальность, бесконечность, Премудрость, Всѣвѣденіе, Всемогущество, Единство, Непремѣнность; изъ Возносительныхъ Естественныхъ, что Онъ есть Творецъ твари, что Онъ Хранитель всего, и что Онъ Предусмотритель, Помощникъ, Покровитель, Правитель, и Стоитель всему: а по возносительнымъ нравственнымъ, утверждаемъ въ Немъ благость, благоутробіе, Истинность, Святость, Правосудіе, и Обладаніе Его всѣми нами. Сію Мудрость имѣя въ руководство уразумѣваемъ, что толикому и таковому Существу, должны мы служить внутреннимъ и внѣшнимъ образомъ. Внутреннимъ: любить Его,

(1) Absolut. (2) Relatiua (3) Physica. (4) Moralia.

повиноваться Ему, почитать Его, благоговѣть предъ Нимъ, вѣрить Ему, уповать на Него; а внѣшнимъ: взывать Его, прославлять Его, благодарить Ему и покланяться. Наконецъ, сею Мудростію осіявшись, исповѣдуемъ и проповѣдуемъ, что Она есть начáло и истинный вождь къ Закону и благочестію Хрістіанскому.

Пневматологія есть Ученіе о Духахъ сотворенныхъ, объ ихъ Свóйствахъ, и о разныхъ Видахъ. Духъ вобще есть Существо живое, о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ свѣдомое. Многіи изъ Любомудрыхъ три (1) Вида сотворенныхъ Духовъ поставляютъ: видъ нижній, имѣющій силу приводить Вещество въ Способъ проницая оное; видъ средній, имѣющій силу чувствовать Вещество себѣ сопряженное; наконецъ, видъ вышній, имѣющій силу Умствованія. Но какъ то ни есть; мы токмо предложимъ то, что сіе Ученіе объ Умѣ Человѣческомъ предлагаетъ, который есть Существо живое, Силою умствованія одаренное. Разсуждаетъ Оно объ немъ, или первое, по скольку Онъ есть Духъ особенный; или второе, по колику дѣйствуетъ въ тѣлѣ и тѣломъ. И такъ, по перовму óбразу доказываетъ оно, что Душа наша духовна, что размышленіемъ разсудительнымъ одарена, что имѣетъ силу понятія и хотѣнія, что она есть самовластна, и что частымъ Умствованіемъ и Хотѣніемъ пріобрѣтаетъ себѣ навыкновенія Мудрости,

(1) Species.

благоразумія, и Добродѣтели. Но по второму о́бразу предаетъ ея при Понятіяхъ чувствующу, образующу, памятующу; а при хотѣніяхъ требующу, возмущающуся, и наконецъ тѣла члены движущу. Премудрый и Пресвятый Создатель соединилъ Ду́шу съ тѣломъ тѣснѣйше; такъ что есть между ними совершенная (1) Взаимность въ Дѣйствіяхъ и Страданіяхъ. По силѣ сея вся что къ тѣлу какимъ либо образомъ ни прикасается, отъ Души́ понимаема бываетъ; и ра́вножъ склонности Душевные возбуждаютъ въ тѣлѣ Движенія. Способовъ ихъ между собою (2) Соединенія разно Пневматологія предлагаетъ. Есть, кои въ ней утверждаютъ Мнѣніе такъ называемаго (3) Естественнаго натеченія: то есть, что Душа чрезъ (4) жизненныи Духи (5) вещественно на тѣло, и сіе взаимно на Ду́шу Дѣйствіетъ натекаетъ. Доказываютъ они сіе, что при ослаблѣніи тѣла и Душа ослабѣваетъ; что безпорядочнаго состоянія мозгомъ приводится и она въ мысляхъ своихъ въ замѣшательство; что поврежденныя въ Душѣ Дѣянія лекарствами исправляются; и что во время како́ва Ученія, словами учителевыми ученическій Разумъ Совершенство получаетъ. Картезіанская Пневматологія содержитъ Мнѣніе о семъ (6) Причинъ случай подающихъ; такъ что Богъ у

(1) Reciprocatio. (2) Vnio commercium. (3) Influvus physicus. (4) Spiritus animales. (5) Realiter (6) Caussae occasionales.

нихъ непосредственно по случаю Мыслей производитъ въ тѣлѣ Движенія съ тѣми сходственныя; и по случаю Движеній въ тѣлѣ, онъ же Самъ и непосредственно производитъ о нихъ Понятія въ Душѣ. Симъ мнѣніемъ утверждается не токмо бытность Божія, но и Дѣйствія, такъ что истинно о Немъ есмы и движемся. Однако, опровергается оно тѣмъ, что едва могутъ быть Уроды, коихъ впрочемъ много: и что нѣ-былобъ нужды въ законахъ движенія, и въ членахъ тѣлъ художественно состроенныхъ. Леибніціанская вымыслила Составъ (1) Согласія предуставленнаго. Сіе есть, по коему безъ всякаго натеченія единыя часта на другую дѣйствуютъ тѣла, дѣйствуютъ такъ, что хотябъ никакихъ нѣ-было Душъ, а сіи такъ равножъ, что хотя бъ ни одного нѣ-было тѣла; однако обѣ части Человѣка толь согласно и вдругъ дѣйствуютъ, что буттобъ одна на другую Естественно натекала. При опроверженіяхъ и сего Состава неправостію показываютъ ученые люди, что Движенія, кои требуютъ необходимо Мысли, удержать мы можемъ; что (2) Рады мыслей, которыи Согласіе Предуставленное составляетъ, есть токмо (3) Вымыслъ, и внутренней Совѣсти несогласный; что (4) Подложеніе сего Согласія, бутто Умъ самъ собою Ідеи вещей понимаемыхъ изъ себя производитъ, есть также по ихъ неправое, ина-

(1) Harmonia praestabilita. (2) Series. (3) Figmentum. (4) Suppositum.

кобъ, могли мы разумѣть, кто незнаемымъ чужимъ языкомъ съ нами разговариваетъ; и что познаніе языковъ не-былобъ навыкомъ Ума, но тѣла. Содержащіи въ Пневматологіи три части Человѣка установляютъ, что Умъ непосредственно съ Душею, а сія съ тѣломъ также сопряжена, и что тѣло вещественно на Душу, а сія равножъ на Умъ, и напротивъ того, дѣйствіями натекаютъ. Сихъ Доказательства: что часто мы лучшее хвалимъ, а дѣлаемъ худое; что явственному зрѣнію быть не можно, ежели Душа не будетъ присутствовать въ окѣ; и что чувствіе Жизни и болѣзни, по всему тѣлу разліянное, требуетъ (1) сраспростертыя Души тѣлу. И такъ, можно о соединеніи Души съ тѣломъ сказать въ заключеніе, что Вещь явственна, а способъ Сопряженія невѣдомъ. Впрочемъ, та часть тѣла, гдѣ Умъ всѣ (2) впечатлѣнія отъ Чувствъ производимыя воспріемлетъ, и откуду всѣмъ Членамъ повелѣваетъ, называется (3) Царственнымъ Престоломъ ума. Престолъ сей поставляется одними внѣ головы, а другими въ самой головѣ. Древніи поставляли оный въ сердцѣ: однако, мнѣніе ихъ противится внутренней Совѣсти. Новѣйшіи въ головѣ утверждаютъ его; но не соглашаются между собою, въ коей бы ему тамъ быть части. Картезій въ (4)

(1) Coëxtensa. (2) Impressio. (3) Sedes mentis regia. (4) Glandula pinsalis conarium.

Желѣзѣ остроголовчетой, или тюричковой; Клерікъ съ Вортономъ въ (1) мозолистомъ или шероховатомъ Тѣльцѣ; а Рудігеръ съ Генрікомъ-Моромъ въ (2) продолжающемся отъ Мозга Можжечкѣ. Различающіи Дýшу отъ Ума, сего Престолъ въ головѣ, а тоя въ сердцѣ поставляютъ; такъ что она, чрезъ кровь на всѣ тѣла (3) Мышицы, по Ідеамъ отъ Ума, чрезъ животныи Духи въ нея впечатлѣннымъ, дѣйствуетъ. О размноженіи жъ, или о нача́лѣ Душъ, Пневматологія три предлагаетъ мнѣнія, и первое, чрезъ (4) Пресажденіе отъ Родителей: но симъ бы образомъ какъ Душа была раздираема, что противно Естеству Духа, такъ и многіе Дýши втунебъ уничтожаемы были. Второе: чрезъ твореніе въ са́мое время зачатія. А третіе: чрезъ (5) Предсущіе, то есть, чрезъ Сотвореніе ихъ въ са̀момъ началѣ Міра. Но по сей са́мой разности видно, что сіе утаено есть Зиждителемъ отъ Мудрыхъ и Разумныхъ. Однако, о бессмертіи Души́ Пневматологія приводитъ толь ясныя и сильныя доказательства, что отнюдъ невозможно, смыслящему Человѣку, быть нечестиву въ разсужденіи сего, и не вѣрить твердо, что Дýши сотворены для наслажденія вѣчнымъ и необрѣтающимся здѣсь блаженствомъ: понеже никакое, никако́ва рода и вида, никако́ва избытка, и ника-

(1) Corpuscallosum. (2) Medulla oblongata. (3) Musculi. (4) Per traducem, (5) Praeexistentia.

кія сладости насытить и удовольствовать желаніе ихъ, быть крайно благополучными, отнюдъ не можетъ. Но всеблагій Творецъ вложилъ либъ въ нихъ втуне толикое къ крайнему желаніе блаженству? Въ окончаніе о семъ: Онтологія, Теологія Естественная, и Пневматологія, называются всѣ три Метафізікою.

Припо́мнить прошу, СС: третіе изъ умозрительныхъ Ученій есть Фізіка, предлагающая вѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ, доказательствомъ, естественныхъ вещей (1) Причины по ихъ (2) Производствамъ, и также оныхъ (3) Способы дѣланія. Зданія сего вещи толь многородны, многоплодны, и въ толикомъ числѣ находящіеся, что и Умъ понимающій вмѣстить ихъ, и слово прелагающее оные вкратцѣ, исчислить, мнится, не возможетъ никогда, и никакимъ тщаніемъ. Обладаетъ Фізіка обще всѣмъ чувственнымъ (4) Веществомъ; а въ немъ (5) Пространствомъ, (6) Мѣстомъ, Протяженіемъ или Распростертіемъ, Раздѣльностію, Непроницаемостію, (7) Очертанностію, Двизательностію; такъ что, кто не вѣдаетъ, что въ себѣ есть Движеніе, тотъ отнюдъ не знаетъ всего Естества, какъ то Аристотель произрекъ нѣгдѣ. Сему движенію утверждаетъ она быть, или прикасающимся (8) Подвигновеніемъ, или относящимъ (9) Привлеченіемъ.

(1) Caussa. (2) Effectus. (3) Modiagendi. (4) Materia. (5) Spacium. (6) Locus. (7) Figurabilitas. (8) Impulsio. (9) Attractio.

Фізіка рассуждаетъ или о Мірѣ исполненномъ всюду вещества, или о мірѣ имѣющемъ въ своемъ Распространеніи (1) Пустоту, по крайней мѣрѣ по разнымъ мѣстамъ рассѣянную: или также о Мірѣ имѣющемъ неисчетныи (2) Вихри, дабы ему быть въ Движеніи, и состоять въ цѣломъ соединеніи своемъ: или о Мірѣ, коего всѣ части взаимно дру́шка-дру́шку привлекаютъ къ себѣ силою (3) умноженнаго самимъ собою такъ называемаго Сходства обратнаго, въ рассужденіи ихъ Расстояній. Она или все вписываетъ Механісму; или пріобщаетъ, для приведенія всего въ способъ, нѣкоторый (4) Духъ воображающій, и дѣйствующій внутренно въ Веществѣ и необходимо для извѣснаго конца, коего однако онъ не разумѣетъ. Ея есть знаніе (5) Образы тѣлъ и (6) Стихіи. Ея Качества естественныя поражающія Око, какъ то свѣтъ, цвѣтъ, очертаніе; темное, и прозрачное; Слухъ, какъ то голосъ и звонъ; Вкушеніе, какъ то сладость, горесть, сольность, пряность, кислость, прѣсность, и безвкусность; Обоняніе, какъ то запахъ добровонный, и зловонный; Осязаніе, какъ то знойное, хладное, теплое, простылое, тяжелое, лехкое, жестокое, мяхкое, текущее, мокрое, сухое, гибкое, кропкое, густое, житкое, масляное,

(1) Inane. (2) Vortices. (3) Ratio quadrata muersa distantiarum. (4) Spiritusplasticus, hilarchicus, ylostaticus. (5) Forma. (6) Elementum.

клейкое, плотное, рѣткое, дебелое, тонкое, и упругое. Ея небо, свѣтила, звѣзды, планеты, и кометы. Ея воздухъ, мгла, тучи, вѣтры, бу́ри, огнь, громы, молніи, дожди, радуги, ро́сы, снѣги, иней, голеледица, мразъ, грады, разныя сіянія. Ея земля, трясеніе оныя, и все подземное. Ея сѣмена, древа́, дре́вца, кусты, тра́вы, цвѣты, цвѣтки, плоды, и все прозябающее и растущее. Ея металлы, мінералы, и камни, съ пескомъ, иломъ, тиною, глиною, и мѣломъ, какъ со́ли и сѣры, а изъ нихъ простая соль, селитра, купоросъ, квасцы, общая сѣра, варъ, смола, нефть: и какъ то золото, серебро, мѣдь, желѣзо, олово, свинецъ, и ртуть: или какъ то камни простыи, достойныи любопытства, и драгоцѣнныи, а притомъ и раковины. Ея вся вода, источники, ключи, родники, потоки, ручьи, рѣки, озе́ра и моря. Ея черви, пауки, муравьи, мухи, мошки, мшицы, саранчи, стрекозы, кобылки, бабачки, и весь родъ змінный и пресмыкающійся. Ея рыбы (1) живородные и (2) яицеродные въ водахъ плавающіе; а яицажъ, и отъ яицъ пернатные птицы по воздуху парящіе. Ея всѣ (3) обоюдужительныя, (4) чрепокожныя, и всѣ животныя правильныя и уроды. Ея есть, гадательствовать способъ, коимъ Магнитъ привлекаетъ къ себѣ желѣзо; и называть Электричествомъ нѣкототорыхъ тѣлъ оное сво́йство,

(1) Viuipari. (2) Ouipari. (3) Amphibia. (4) Testacea.

которымъ, когда они чрезъ тертіе разогрѣются, легкія тѣла притягиваютъ къ себѣ изъ довольно чувствительнаго отстоянія: а буде сила разогрѣнія увеличится, то изъ прикасающихся тѣлъ къ разогрѣтому, отскакиваютъ искры съ трѣщаніемъ, или иногда безъ трѣску отпрыгиваетъ малый нѣкакій блескъ, состоящій изъ остроголовчетыхъ, или тюричковыхъ лучей, такъ что острый ихъ конецъ всегда есть обращенъ къ не Электрізованному тѣлу. Словомъ, Ея (1) Предлежащее и самъ есть Человѣкъ по тѣлу, когда она разсуждаетъ и опредѣляетъ о частяхъ онаго, о движеніи его членовъ, о составахъ ихъ, о голодѣ его, о жаждѣ, о бессонницѣ, о спаніи, о снахъ, о рожденіи, о здравіи, о болѣзняхъ, о жизни, и наконецъ о смерти. Да и о чемъ бы тѣлесномъ и въ Естествѣ обрѣтающемся сотворенномъ Фізіка не мудрствовала? Доходитъ она до причинъ (2) Явленій и разными еще (3) Опытами; что и называется Фізікою (4) опытною. При Опытахъ тѣхъ (5) Естественникъ разговариваетъ бесѣдуя съ Естествомъ, весьма забавнымъ образомъ: Онъ у него вопрошаетъ маханіемъ; а оно ему отвѣтствуетъ то мгновеніемъ, то мановеніемъ, то отказывающимъ качаніемъ. Щасливъ! кто могъ познать причины вещей, возглашаетъ Віргілій въ Земледѣльныхъ своихъ Книгахъ. Впрочемъ, когда Фізіка о си-

(1) Obiectum. (2) *Φαίνομενα. δοκιμασία ἐμπειβία.* (3) Experimentalis, (4) Physicus. (5) Mixta adplicata.

лахъ причинъ, о способахъ, и о дѣйствіяхъ ихъ рассуждаетъ по Качеству; то сія собственная и первѣйшая ея есть должность: но когда по Количеству; то сія Фізіка есть Математическая. По сему точно и именуются (1) Смѣшенныя Математіки Ученія, иное Астрономіею, ежели о свѣтилахъ, объ ихъ движеніи, и о разстояніяхъ ихъ взаимныхъ умствуемъ; иное Географіею, если землю мѣрою описываемъ, и нáчасти раздѣляемъ ея поверхность; иное Гідрографіею, буде о теченіи водъ и мóря счисленіе производимъ; иное Гномоникою и Хронологіею, когда времена и лѣта по движенію небесныхъ свѣтилъ опредѣляемъ; иное Оптікою. когда свóйства свѣтоносныхъ лучей разбираемъ; иное Акустікою и Мусікіею, когда звоновъ и согласій сходства счетаваемъ; иное Аэрометріею, когда силу воздуха расчисляемъ; иное Форономією, когда движенія Уставы подъ исчисленіе приводимъ; иное напослѣдокъ Механікою, когда движущую силу твердыя тѣлá измѣриваемъ: а изъ Художественныхъ Наукъ, одну токмо Архитектуру Гражданскую, Военную, и Морскую, Математическому числу и мѣръ подвергаемъ. И да окончу о Фізіческомъ Ученіи, говоря съ мудрымъ нѣкоторымъ Мужемъ настоящаго вѣка, «что хотя Всемогущій Зиждитель Твари и пре«градилъ намъ путь къ достиженію до сáмаго «твердаго познанія естественныхъ вещей; од-

(1) Mixta adplicata.

«нако, довольно съ насъ знать и толико, чтобъ «мы о безначальномъ и бесконечномъ Всесовер- «шенствѣ Творца нашего увѣриться, гнусность «Суевѣрія попрать, и истребить, а тѣла нашего «здравіе соблюсть, защитить, и снабдить воз- «могли. Ибо, ежелибъ смертнымъ Человѣкомъ «всѣ естественныя чудеса и тайны во всей сво- «ей полнотѣ извѣсны были; тобъ престали они «дивиться, и купно, можетъ быть, не преми- «нулибъ Премудраго Строителя всего Свѣта не «въ толикомъ имѣть почтеніи не упоминая ужѐ, «чтобъ развращенныхъ нравовъ люди, когдабъ «они силы Естества познали совершенно, уло- «вили случай къ дѣйствительнѣйшему повреж- «денію другихъ. Но настанетъ-либо время, въ «кое еще нѣчто, Роду человѣческому полезное, «нынѣ сокровенное и невѣдомое, произведетъ «на Свѣтъ должайшаго вѣка трудолюбіе и ра- «ченіе.»

Слѣдуютъ Практіческія или Дѣятельныя Ученія. Изъ сихъ есть во первыхъ Філософія Нравственная, и потомъ Філософія Гражданская, или Політика. Нравственная Філософія можетъ имѣть основательно тричастный Раздѣлъ: первый есть (1) Право Естественное, въ которомъ предаются Правила (2) Правды: Вторый Эѳіка, въ коей Чесное и (3) Достолѣпное изъясняется, именножъ Добродѣтель. О сихъ двухъ раздѣлахъ мы Ужѐ нѣкоторое понятіе собщили, когда изображали

(1) Ius naturae. (2) Iustum. (3) Honestum. (4) Decorum.

словомъ Человѣка любящаго по всему Правду, Чесность и благопристойность. Третій есть, Патологія, то есть Ученіе о (1) Страствованіяхъ или Пристрастіяхъ Человѣческихъ. Патологія по своему Существу есть: Способъ Воли, коимъ нашъ Умъ представляя себѣ доброе и злое, чрезвычайно прекланяется къ полученію онаго, а къ убѣжанію отъ сего, равно какъ и Кровь, и жизненныи Духи въ тѣлѣ возмущаются особливо, для Человѣческаго сохраненія. Превеликая въ древнія времена была распря между Стоіческими и Періпатетіческими Філософами о добротѣ и порочности Страстей. Одни, и то Стоіки, всякую Страсть утверждали быть злою, и разуму противною; но Другіи называли злыми Пристрастія необузданныя, а добрыми умѣренныя и повинующіяся рассужденію. И такъ, тѣ требовали въ Мудрецѣ (2) Бесстрастія; но сіи (3) Мѣрнострастіе Філософу препоручали. Но что сіе? Много вопля; однако о словахъ, а не о вещахъ сіе ихъ было прѣніе. Ежели Страстность клонится къ вещи и концу закономъ ни завѣщанному, ни запрещенному; то Страсть есть (4) неразстественна, то есть ни добра, ни зла. Будежъ къ повелѣнной и позволенной вещи; то Пристрастіе есть нравственно добро. Но всякая Страсть зла есть, когда она стремится какъ къ вещи и окончанію Закономъ запрещенному, такъ

(1) Passiones adfestus perturbatlones. (2) Ἀπάθεια. (3) Μετριοπάθεια. (4) ἀδιάφορος.

и когда къ вещи хотя позволенной, однако не съ достоложною степенію и напряженіемъ. Слѣдовательно, всѣ обще Страствованія, или добры, или злы, или ни злы и ни добры: добрыя требуютъ побужденія, злыя воздержанія, а неразственныя обоего. Страстности вобще даны намъ для того, чтобъ имъ быть орудіями нашего блаженства какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, то есть, споспѣшествовалибъ онѣ спокойствію душевному, здравію нашему, и безопасности въ сожитіи. Но въ особливости: да мы будемъ тверды въ добромъ, и да отбѣгаетъ отъ зла. Да онѣ будутъ сѣменами Добродѣтелямъ. Да удерживаютъ Человѣка въ должности. И да наконецъ, помощь подаютъ снабдѣнію нашего здравія. Сіи судь Пристрастія (1) правыя и мѣрныя, кои Человѣку полезны; но (2) пребезмѣрные и необузданные страсти несказанно вредны: онѣ помрачаютъ умъ, затмѣваютъ разумъ, рассужденіе ослѣпляютъ, и развращаютъ въ умствованіи порядокъ. Онѣ повреждаюгъ тѣло, части его или чрезвычайно стѣсняя, или расширяя чрезмѣрно; чемъ гибнетъ равновѣсіе между твердыми зыблющимися, и житкими текущими. Онѣ напослѣдокъ тлетворною язвою и всему человѣческому Обществу, когда, истребивши миръ и тишину, токмо что смятенія, распри, и брани рассѣваютъ, и притомъ къ различнымъ злодѣйствамъ, съ превеликимъ вре-

(1) ὀρθοπάθεια. (2) κακοπαθεια, ὀζυπαθεια, περιπάθεια.

домъ Роду нашему, человѣковъ побуждаютъ и ожесточаютъ. Источникъ всея сея злости въ Страстяхъ, есть общее человѣческому естеству растлѣніе, о коемъ богословы научаютъ; но Філософы полагаютъ тому естественную причину, именножъ, что мы по большой ча́сти (¹) Образованіемъ нашимъ о добрѣ и злѣ су́димъ: ибо Образованіе не представляетъ вещей, каковы онѣ сами въ себѣ, но или ихъ увеличиваетъ, въ чемъ состоитъ излишество Страстей, или умаляетъ, а отъ сего недостаточны бываютъ Пристрастія: одно твердое рассужденіе знаетъ ихъ достодолжную средину. Но есть и врачество на пребезмѣрные Стра́сти. Лекарства его, или предохраняющія, или исцѣляющія отъ такихъ возмущеній. Можемъ отъ нихъ предохраниться, когда пріобрѣтаемъ себѣ внутреннее о насъ самихъ познаніе. Когда будемъ удостовѣрены, что тотъ несравненную ни съ какою вольность имѣетъ, и бо́льшимъ всякаго помышляемаго пользуется въ жизни преимуществомъ, кто такіе свои Страсти всегда приводитъ въ мѣрность, и ихъ преодолѣваетъ. Когда прилѣжно опасны бываемъ въ самомъ Страсти началѣ, такъ что самое первое непорядочное движеніе и волненіе утоляемъ, и обуздываемъ стремленіе и по́рывъ. Когда убѣгаемъ отъ содружества съ злыми, а общаемся съ добрыми. Когда тщательно удаляемся отъ случая и отъ вещи Страсть возбуж-

(¹) Imaginatio.

дающія. Когда исправно ежедневнымъ освидѣтельствованіемъ слѣдуемъ сами въ себѣ, колико утолены, или обузданы наши Страсти. Когда глубокимъ вниманіемъ наблюдаемъ страданіе и дѣла неистово въ злострастіи поступающихъ. Когда блюдемся, чтобъ ни въ какой недостохвальной Страсти частымъ повтореніемъ не пріобрѣсть намъ способности, и вкорененныя твердости: обыкновеніе другая есть природа. И когда такой себѣ уставъ полагаемъ сами, чтобъ за каждую страственную Погрѣшность, въ казнь или нѣсколько раздать денегъ на милостыню, или себя лишить вещи намъ любезныя. Но цѣлить можетъ Стра̀сти: Ежели къ противному Пристрастію и мѣрному противъ пребезмѣрныя оныя Стра̀сти обращаемся. Ежели о Страсти нашей помышленіемъ услаждаясь отвратимся отъ нея, и начнемъ нѣчто другое мыслить и дѣлать. Ежели станемъ имѣть дружество съ такими, кои противному Странствованію нашимъ Страстямъ, но притомъ не безмѣрному, подвержены. И ежели напослѣдокъ, какъ скоро чрезвычайное въ насъ здѣлается возмущеніе, разсужденіе наше удержимъ, и наружное отложимъ дѣло. Всѣмъ Страностямъ по̀водъ есть Удивленіе: сего сродуги, почтеніе и презрѣніе. Но корень страстей, есть самолюбіе. Главнѣйшіе Страсти: Любленіе и Ненависть. Изъ сихъ непосредственно происходящіе: Желаніе и Нехотѣніе. Изъ прошедшихъ смѣшанные: Надежда и Страхъ; Радость и Печаль; Гнѣвъ и Доброхотство. Изъ

всѣхъ же сихъ многіе пропстекаютъ другіе, о которыхъ Патологія предлагаетъ, присовокупляя доброе ихъ употребленіе и злое, а на злое сіе цѣльбу. Толь знаменитую Пользу приноситъ описанное нѣсколько сіе Знаніе!

Осталось предъявить о Гражданской Філософіи или Політікѣ. Она есть Ученіе, какъ по правиламъ Правды Городъ учредить, и учрежденнымъ править. И такъ, Предлежащая вещь сему Ученію есть, (1) Общество сожитія человѣческаго. Описываетъ оно во первыхъ такъ называемыя (2) Простыя Общества, которыя суть; Общество Супружеское; изъ сего происходитъ Общество Отеческое; а послѣднее есть, Господское; потомъ предаетъ оно, что простыя Общества составляютъ Домы; многіи Домы Городъ; многіи Городы Царство; а многія Царства Імперію. Подолгомъ разсужденіи о Формахъ Правленій, коими управляются Общества, какъ то о (3) Демократіческомъ, (4) Арістократіческомъ, Олігартіческомъ (5) Монархіческомъ, и о разныхъ Обязательствахъ и Должностяхъ гражданскихъ, чего всего, коль ни важнаго, краткость предложить не попускаетъ, притомъ также и о такъ называемыхъ смѣшанныхъ Державахъ, производитъ Політика доказательства о (6) Власти Величества, и заключа-

(1) Societas. (2) Simplices societates: (3) Народодержаніе. (4) Благородныхъ держава. (5) Не многихъ нарочитыхъ начальствованіе. (6) Единоначаліе царское. (7) Iusmaiestatis.

етъ, что Величество имѣетъ Право Законы предписывать, и къ исполненію обязывать; Суды устанавливать, и Расправою судить; Смертію казнить, и Животомъ жаловать; производить въ Градоначальники, и низвергать; Дани и Подати налагать, Цехи Художниковъ и купцовъ заводить, Університеты и Академіи устроять и снабдѣвать, въ Церквахъ и Церковниковъ благочинію быть повелѣвать, и все что къ общему Спокойствію и Потребности служить можетъ, то вводить; также Войско набирать, и имѣть Тѣлохранителей, брань начинать, и заключать Миръ, въ Союзы вступать, и рассылать Посольства: а при семъ томъ найденный Кладъ и Сокровище себѣ присвоять. Металлы на себя копать, Монету своймъ токмо Именемъ печатать, и въ народъ пускать, да и прочее многое, все жъ въ пользу Подданныхъ служащее, оную размножающее, и обще всѣхъ, и каждаго особливо въ цвѣтущее Состояніе приводящее, такъ что право Величества есть само по себѣ, истинный Отецъ Отечества. Ибо Філософія Гражданская, по исчисленіи многихъ вредныхъ и смертоносныхъ Неудобностей, во всѣхъ прочихъ Формахъ Правленій, утверждаетъ и разумомъ и опытомъ, что Монархіческое Начальствованіе есть всѣхъ лучше, выгоднѣе, полезнѣе, и преславнѣе Обществу.

Въ семъ состоитъ вся Мудрость Человѣческая, называемая инако Внѣшнею: ибо Духовная Мудрость есть внутреннѣйшая, и превознося-

щая выше Человѣческаго Умствованія, однако нимало не прекословящая оному; выше есть Разума, но не противъ Разума, какъ почерпаемая въ Божіемъ неложномъ и достовѣрномъ Откровеніи, то есть, въ Святомъ Писаніи ветхаго и новаго Завѣта. Да и сего ль послѣдняго о Мудрости вобще не воспомяну? Она никогда не бываетъ сама ради себя, но всегда служитъ или благоразумію, или Добродѣтели. О сихъ точно и продолжится послѣдующее Слово, и прежде о благоразуміи; но о Томъ и Другой, сколько возможно, кратчайше, и токмо какъ изводя ихъ на нѣкоторый Театръ; а показавъ явно всѣмъ Смотрителямъ, вскорѣ укрою отъ зрѣнія Завѣсою, да возлюбившій ихъ самъ къ нимъ прибыть не облѣнится, видѣть ихъ, бесѣдовать съ ними, и вступить въ крайнее содружество.

Мудрости есть, не предначинать никакова дѣла не для законнаго, и не достохвальнаго Окончанія. Но какъ получить вожделѣнный Успѣхъ безъ Средствій? И се поспѣшествуетъ къ тому Благоразуміе. Сіе такое Ума нашего есть Навыкновеніе, которыя точныя Средствія, къ полученію Конца отъ Мудрости предложеннаго, и полученнаго къ сохраненію, изобрѣтаетъ, избираетъ, и прилагаетъ къ дѣлу. Изъ сего всякому разумно есть, что, при изобрѣтеніи Средствій, необходимо нужно вопервыхъ углубленное (1)

(1) Attentio.

Вниманіе. Симъ благоразумный Мужъ сильно духъ свой напрягаетъ, и рассмотрѣваетъ всѣ Околичности дѣла, испытывая прилѣжно, какая въ нихъ утаевается Помощь, поспѣшествующая Окончанію, или Препона, останавливающая Произведеніе. Посему, знакъ есть крайнія Несмысленности, когда кто не можетъ примыслить Способовъ къ Концу ведущихъ. Второе, при избраніи Средствій благоразумный Человѣкъ употребляетъ (·) Разборъ, которымъ отъ изосрѣтенныхъ Способовъ отлучаетъ не весьма дѣйствительныя, а воспріемлетъ самыя пристойныя, имѣющія соединеніе, по крайней мѣрѣ, вѣроятное съ намѣреннымъ Концомъ, и оный сильно производящія. Таковы Средстія Законныя, и Божіимъ Уставамъ не противныя: ибо дѣйствовать по Несправедливости, истинное есть безуміе, и скорой, да и достовѣрной пагубѣ причина. Таковы Средствія благопристойныя, мѣсту, времени, и особамъ приличныя: нѣтъ въ томъ разума, а великое въ немъ бесстыдство, кто не достолѣпно дѣла свои отправляетъ. Таковы Средствія Лехкія, и которыя простымъ, краткимъ, и обыкновеннымъ образомъ начатое совершить могутъ: такъ что глупость есть совершенная, искать того окружностями, что способнѣе прямо отправиться можетъ таковы точно и безопасныя Средстія, и кои безъ вреда жизни, безъ гибели имѣнію, и другому собственному

(·) Discretio.

добру, быть могутъ употреблены: въ семъ есть всеконечное неразуміе, когда кто себя, и все свое не нужному бѣдствію подвергаетъ, хотя въ прочемъ и много есть такова добра, которое превеликими трудностями окружено, а Мудрость отъ насъ требуетъ, дабы оное намъ себѣ пріобрѣсть, какъ то побѣду и Миръ; но въ такомъ случаѣ не противно есть благоразумію, жизнь и имѣніе попускать на щастіе: токмо жъ разсудивъ сперва о силахъ, усмотрѣвъ благовременый случай, и употребивъ всѣ надлежащіе мѣры. Третіе жъ, въ приложеніи Средствій къ дѣлу, потребна благоразумному (*) Смотреливость. По сей, въ самомъ употребленіи и произведеніи Способовъ, такъ онъ обращается, что настоящіе окресности Поступку его показываютъ ему дѣйствительною: извѣстенъ онъ, что въ семъ самомъ кто имѣетъ Предохраненіе, тотъ можетъ надежно поздравить себя благополучнымъ Успѣхомъ.

Благоразумная такая обратность есть не единовидна. Дѣйствуетъ благоразуміе иногда или явно и искренно, предвозвѣщая всѣмъ намѣренія; или тайно и скрытно, утаевая совѣты, и предполагая подмѣнныя: иногда или прямымъ образомъ, прилагая Средствія имѣющія непосредственное соединеніе съ намѣреннымъ Окончаніемъ, и производя оныя должнымъ порядкомъ, и путемъ кратчайшимъ; или постороннимъ,

(*) Circumspectio.

то есть, косвенными обходами, и употребляя Способы имѣющіи удаленнѣйшее соединеніе съ Окончаніемъ: иногда напослѣдокъ или медлѣнно, еще и мѣдлѣннѣйше до намѣреннаго Конца тщится достигнуть; или отвергнувши всякую непоспѣшность, и собравшись со всѣми своими силами, къ вожделѣнному и предпріятному спѣщи́тъ и стремится. Безуміе есть, недѣйсвительный и непристойный, къ отправленію дѣлъ употреблять способъ: благоразуміе съ дѣломъ обходится какъ обычайно, когда явно и прямо; такъ и чрезвычайно, когда тайно, скрытно, и косвенно движется преуспѣвая. Ибо притворяется оно тогда показывая чего нѣтъ, а укрывая что въ самомъ есть дѣлѣ; и такъ то старается здѣлать, чему инако здѣлаться невозможно. И поистиннѣ, когда первѣйшій несмысленныхъ трудъ туда клонится, чтобъ и самыя лучшія умныхъ предпріятія Людей препятствіями опровергнуть; то благоразумный Мужъ долженствуетъ всякимъ образомъ предохраняться, да не хитрыхъ ухищренія, да не злыхъ остервѣненіе, и да не безумныхъ бесстыдство и наглость принесутъ дѣламъ его поврежденіе и остановку: онъ оберегается еще, для сего жъ самаго, и въ растлѣнномъ нашемъ естествѣ отъ недостойныхъ, и чрезмѣрно кипящихъ волненіемъ пристрастій.

Однако, не довольно того, да намѣренный конецъ достодолжно и достолѣпно пріобрящется: благоразуміе далѣе простирается, и всячески печется, чтобъ полученное Добро сохранить.

Для сего нужно есть (1) Провидѣніе, кое учреждаетъ настоящее, и предусматриваетъ будущее. Симъ благоразумный Мужъ отъ преизбыточнаго удаляется безопасства: вѣдаетъ онъ, что въ человѣческихъ случаяхъ нѣтъ ничего извѣстнаго и постояннаго; чего ради, прилѣжно предзрѣть тщится всѣ приключенія, и уклонить-ся отъ угрожающихъ ему, лишить его благополучія. Правелное есть изреченіе вѣгдѣ обрѣтающееся: (2) «Не меньшая есть Добродѣтель полу-«ченное хранить, коль и о полученіи стараться.» Слѣдовательно, знакъ есть глупости, нерадѣть отнюдъ о пріобрѣтенномъ Успѣхѣ, и не тщаться о соблюденіи полученнаго Добра. Есть сіе причиною, что несмысленныи и нерадивыи люди, радующіися нынѣ, въ сердце о своемъ блаженствѣ, воутріе о погубленіи онаго болѣзнуютъ, горькими умываясь слезами. И въ сихъ точно и токмо, именно жъ, въ углубленномъ Вниманіи, въ рассудительномъ Разборѣ, въ тонкой Смотреливости, и въ остромъ провидѣніи, состоитъ существенная природа всего благоразумія; коего должность есть, «показывать «Способъ къ употребленію, и Способность въ «употребленіи Средствій.» А соперница его Несмысленность, симъ есть недостаточна и порочна, что она или ухищряетъ, или бесстыдствуетъ,

(1) Prouidentia. (2) Nec minor est virtus, quam quaerere, parta tueri.

употребляя по первому подложныя, но по второму наглыя къ дѣйствію Орудія.

Врожденна есть намъ Сила благоразумія; но благоразуміе не природно: оно есть Навыкъ разума: снискивается оно трудомъ и раченіемъ. Попеченіе сіе о пріобрѣтеніи благоразумія, требуетъ во первыхъ всемѣрно Ученія: да и должно притомъ тщательно читать Историческіе Книги; должно въ нашихъ и чужихъ дѣлахъ наблюдать не токмо паденіе, и причины дѣлъ нещáсливо окончавшихся, но еще и способы, коими какъ мы себѣ, такъ и другіи благополучный успѣхъ получили. Требуетъ купно желаніе, быть благоразумнымъ, и частаго Употребленія, ещé, сверьхъ Ученія, Чтенія, и Примѣчанія: полезно намъ самимъ собою дѣйствовать, поелику силы наши возмогаютъ, и насъ допускаютъ къ дѣланію: Употребленіемъ раждается (1) Искусство, по самой истиннѣ Отцемъ благоразумію нарицаемое. Есть впрочемъ и степени въ благоразуміи: ибо есть въ немъ верьховность, посредство, и нискость. Снискавшій себѣ долговременнымъ употребленіемъ толикое обиліе и твердость рассужденія, что, собственными своими силами, во всемъ себѣ добрый совѣтъ подаетъ, по оному начинаетъ дѣло, порядочно сіе производитъ, и всегда получаетъ вожделѣнный успѣхъ, не первенствуетъ ли предъ прочими благоразуміемъ? А и неспособный хотя къ по-

(1) Experientia.

данію себѣ самъ совѣта, однако увѣщанія отъ другихъ охотно пріемлющій, напоминаній ихъ слушающій, и ими правимъ быть неотрицающійся, не втораго ль чина есть благоразумный? Послѣдній есть сей въ благоразуміи, или справедливѣе, сей точно есть безуміемъ ослѣпленный, который ни самъ себѣ здравый совѣтъ подать не въ состояніи, и ни другимъ подающимъ оный не внимаетъ; но всегда наполненъ собою, слѣпотствуетъ о сверсныхъ, и мнитъ, о! бѣдность, и жалости и смѣха достойная, мнитъ о себѣ, но и высокоумно, что бутто онъ, и ничего отнюдъ не видя, или нѣчто усмотрѣвая, много, еще и все несравненно лучше всѣхъ прочихъ видитъ. Какъ же не возопить еще? бѣдность! подлая бѣдность! не больше сожалѣнія, коль поруганія удостоющаяся.

Да различается благоразуміе отъ разныхъ разно: мы заблаго рассуждаемъ положить общаго раздѣла его основаніе на трехъ блаженства человѣческаго Степеняхъ. Извѣсно ужѐ, что блаженство наше есть или Гражданское, на безопаствѣ въ сожитіи утвержденное; или Нравственное, въ здравіи тѣла, и въ спокойствіи духа нашего состоящее, или напослѣдокъ Духовное, пребывающее въ соединеніи съ Богомъ: то и благоразуміе преизрядно раздѣлится на Политіческое, Эѳіческое, и Хрістіанское. Но не касаюсь я къ Политіческому, а въ немъ къ законодательному, къ судебному, къ расправному, къ казнительному, къ жаловательному, и къ ка-

зенному: недостаточно будетъ мое слово, когда Помазанница Божія, а Самодержица наша Елисавета Первая, самымъ дѣломъ предъизъявляетъ всѣмъ совершеннѣйше, полагая Уставы спасительныи, судя правосудно и милостиво, производя въ достоинства достойныхъ, наказывая токмо, и не смертію казня за преступленія, и наказывая еще меньше, нежели награждая за услуги по равномѣрности, и имѣя едино почитай токмо попеченіе, дабы своихъ снабдить и обогатить подданныхъ. Не распространяю рѣчей и о Хрістіанскомъ благоразуміи, да и въ немъ первое о Пастырскомъ, которое есть, чтобъ явный Вѣры и Дѣлъ благочестивыхъ подавать другимъ образъ, и симъ блистая свѣтомъ предъ человѣки, показывать имъ добрыя дѣла къ прославленію общаго Отца, сущаго на небесѣхъ; чтобъ кротко и смысленно заблуждающихъ въ Православіи и во нравахъ исправлять; чтобъ утѣшеніе Евангельское, и Закона устрашеніе къ различному душъ состоянію прилагать; и чтобъ настоять, и наставлять благовременно и безвременно овецъ стада Хрістова; второе, о составляющемъ Церковь, дабы насомымъ Бога истинно почитать; дабы взаимное созиданіе въ Правовѣріи и въ Православіи имѣть; дабы лицемѣріемъ, суевѣріемъ, грубымъ невѣжествомъ, и развращеніемъ нравовъ никогда имъ не заражаться; и дабы плоти, и міра сластями отъ благодати Хрістовы, и отъ дружества съ Богомъ не отпасть, но, совлекаясь ветхаго че-

ловѣка, а облекаясь въ новаго, обновляемаго въ разумъ по образу Создавшаго его, Божественный въ себѣ сей образъ и подобіе ежечасно бъ возобновлять, и пещись о томъ единственно. Имѣемъ правильно (1) рукоположенныхъ Іерарховъ и Іереевъ, послѣдовательныхъ Пріемниковъ Апостольскихъ, которыи о всемъ томъ въ винограде Христовѣ трудятся, да онъ принесетъ плодъ сторичный. Предлагаю токмо о благоразуміи Эѳическомъ; тщащемся вѣрно о пріобрѣтеніи человѣкамъ блаженства Нравственнаго и Внутренняго, то есть, душевнаго ихъ спокойствія, и здравія тѣлеснаго.

Душеспасительное благоразуміе! которое научаетъ Способу, какъ добрыя Страствованія ободрять, злыя Страсти утолять, неразнственныя Пристрастія управлять, и чрезъ то въ Навыкѣ преуспѣвать Добродѣтелей. Ибо какъ Мудрость подаетъ причины и побуждающіе къ Добродѣтели, показывая вредъ, каковъ отъ пороковъ, и пользу, кою отъ Добродѣтелей мы получаемъ, такъ и благоразуміе представляетъ Средствія, которыми изряднѣе всѣхъ порочные Страсности въ насъ утишиться могутъ, и пріобрѣстись Навыкновеніе Добродѣтели. И сіе самое есть Добронравное, Безцѣнное благоразуміе! которымъ по состоянію нашего природнаго сложенія, и по наружнымъ вещамъ прикасающимся къ тѣлу, рассуждаемъ, что ему есть вредно, и что по-

(1) Χειροτονηϑοί.

лезно: то есть, когда симъ вразумлени, не того ради живемъ, чтобъ есть лакомо, но для того ѣдимъ вмѣру, чтобъ намъ жить долго; и когда не порываемся, за чужія здравія не трезвымъ ядомъ опоевать и убивать исподволь собственное наше. Сіе есть Діетѣтическое: съ нимъ не надлежитъ сливать Медіческое, кое цѣлительное есть, и потому до Врачей особенно принадлежащее, такъ что никто другой продерзосно оное себѣ присвоять не долженъ. Плодоносящее благоразуміе! которое руководствомъ намъ есть къ законному имѣнія пріобрѣтенію, снисканнаго жъ къ сохраненію, и какъ съ плодомъ къ расточенію, такъ и различнымъ и позволеннымъ прибыткомъ къ умноженію онаго. Сіе точно есть Экономіческое. Полезное и достохвальное благоразуміе! которое преднаписываетъ правила, какъ съ другими осторожно и благопристойно обходиться. Ибо, когда другими людьми щастіе наше или производится, или низвергается; то благоразумнаго Мужа есть дѣло, въ наружныхъ дѣйствіяхъ такъ себя весть осмотрительно, чтобъ у другихъ не притти въ презрѣніе, и имъ бы, за досады отъ насъ, не омерзѣть, но чтобъ заживать себѣ пріятелей и друговъ, а съ непріятелями бъ и не доброхотами или примиряться, или вредныя ихъ намѣренія предупреждать, и обращать въ ничто. Сіе благоразуміе, есть благоразуміе научающее обхожденію съ другими, и называемое отъ Любомудрыхъ Гомілетіческимъ.

Но да не погрѣшаемъ и въ числѣ благопріятствующихъ намъ, и враждующихъ на насъ: Никто есть толь глупъ и развращенъ, чтобъ не изобрѣлъ онъ себѣ друговъ. Никто только мудръ и добродѣтеленъ, чтобъ не имѣлъ себѣ нѣдруговъ. И едва кто есть, кой или бъ всѣмъ былъ другъ, или всѣмъ былъ бы нѣдругъ. Имѣющій многихъ друговъ, не меньше и нѣдруговъ себѣ имѣетъ. Тотъ благополученъ токмо, который какъ не многими пріятелями, такъ и не многими непріятелями привѣтствовать себѣ можетъ. Вкратцѣ: Чистосердіе привлекаетъ многихъ себѣ въ дружбу; а Ласкательство весьма малымъ числомъ пользуется пріятелей. Напослѣдокъ, излишнее любопытство, и нескромное велерѣчіе низвергается стремглавъ въ прóпасть непріязней премногихъ. Того ради, наставляетъ насъ благоразуміе, первое, дабы мы, смóтря по состоянію, чину, и лѣтамъ Особъ, поступали съ ними, такъ чтобъ со всѣми умѣренно и кротко, съ вышшими покорно и почтенно, съ равными учтиво и услужно, а съ нижайшими благосклонно. Второе, дабы разность друговъ прилѣжно наблюдали: ихъ почитай три рода. Иные не хотятъ намъ вреда; но и пользы не желаютъ. Иные доброжелательствуютъ намъ; но безъ собственнаго своего ущерба. Иные, наконецъ, все истощаваютъ, да намъ учинятъ пособіе. Слѣдовательно, не должно того ожидать отъ друговъ первыхъ и вторыхъ, что токмо по-

слѣдніи обыкновенно приносятъ. Третіе, да мы совершенно различаемъ и враговъ, кои равнымъ образомъ не одногожъ рода. Нѣкоторыи хотя благополучію нашему завистствуютъ; однако о препонѣ оному не промышляютъ и не тщатся. Нѣкоторыи всякимъ способомъ щастіе наше опровергнуть и истребить стараются, однако безъ намѣренія вринуть насъ въ напасть. Но нѣкоторыи предъ всѣми прочими толь злобны, что непрестанно туда стремятся, да мы будемъ неблагополучнѣйшими, причиняя всякое зло, коимъ мнятъ бѣдность нашу и бѣдствіе увеличить. Оныхъ первыхъ благодѣяніями примирять себѣ можемъ; тѣхъ вторыхъ обиды долженствуемъ несть терпѣливно, и злое ихъ намѣреніе отвращать безъ наглости: но сихъ третіихъ нападенію сильно мужественно возражаему быть, повелѣваетъ благоразуміе. Ибо, (1), «не имѣетъ тотъ ума, кто въ надлежащее время «гнѣва не имѣетъ», толь наипаче, что, по опыту, есть; кои отъ снисхожденія злѣйшими, а отъ сопротивленія имъ добросовѣснѣйшими бываютъ. Превеликое и преславное нѣчто есть Мудрость; но ни мало не меньше и благоразуміе несравненное ни съ чемъ въ жизни, кромѣ Добродѣтели.

Что Мудрость и благоразуміе есть для Разу-

(1) Mentem non habet, qui recso tempore iram non habet. Senec. de Ira.

ма; то самое Добродѣтель въ разсужденіи Сердца. Первые обѣ просвѣщеніемъ служатъ оному; а Добродѣтель озаряетъ исправленіемъ сіе: она къ мудрому Должностей нашихъ рассмотрѣнію, и къ употребленію ихъ благоразумному, присовокупляетъ еще поспѣшное исполненіе сихъ же. Но что есть сіе толь драгое Имя и толь красная Вещь и благолѣпная? Что есть сія вселюбезная и великоименитая Добродѣтель? Она есть Навыкъ воли нашея, по силѣ коего, разумною кто возбужденный Любовію, должности преднаписанные въ Законѣ охотно исполняетъ. О! вещь, О! дѣйствіе, О! плодъ, О! польза. Что въ жизни нашей можетъ потребнѣе быть сего и дрожайше? Премного поистиннѣ Мудрость, премного и благоразуміе пользы приноситъ Человѣку, еще и превозноситъ его Величествомъ предъ всѣми Животными, и токмо что малымъ чемъ не равняетъ съ Небожительными Силами; но болѣе по всему и во всемъ Добродѣтель: безъ тѣхъ, въ Человѣкѣ надлежитъ быть скотствованію, но безъ сея звѣрству; звѣрству? еще и Діаволъству, которое всея Добродѣтели совлекшись, дышетъ токмо злобою, гнусностію, и всякимъ скаретствомъ. Еслибъ нужда настала быть необходимому изъ трехъ сихъ Добротъ единыя коея избранію; тобъ казалось, что лучшебъ въ такомъ случаѣ быть, по предпочтенію, добродѣтельнымъ единственно Человѣкомъ, когдабъ ужѣ не позволялись притомъ къ совершенству Человѣчества прочіе двѣ, Му-

дрость и благоразуміе, Добродѣтель отнюдь никому и ни себѣ вредительна быть не можетъ: тѣмъ бы самымъ лишилась природнаго своего Существа, ежелибъ въ злое уклонилась. Но острый Разумъ есть какъ обоюдный мечъ, и держащаго повредить, нападающему животъ можетъ исторгнуть. Правда; и Мудрость и благоразуміе тѣмъ же самымъ преродятся въ безуміе и Несмысленность, когда или злое одна предвоспріемлетъ намѣреніе, или злыя другая употребляетъ орудія; однако блистаютъ всегда нѣкоторыми искрами первородныя своея свѣтлости; буде и радѣтельно поспѣшаютъ къ злому Окончанію, и опасно въ произвеніи злаго дѣла поступаютъ. Напротивъ того, Добродѣтель ужѐ всеконечно не Добродѣтель; но порокъ, бесчиніе, самая злость, если не по разумной Любви дѣйствуетъ, да по пристрастію необузданному, и толь наипаче, что не оставляетъ ужѐ она тогда въ себѣ ни тѣни, не то что слабаго луча, отъ естественнаго своего благородства, бесчесно, Человѣку быть безумному; срамно, несмысленному; странно, непстовому; пагубно, исступившему и бѣснующемуся: чтожъ быть злому? и злому еще неисцѣльно? Сіе ужѐ не имѣетъ почитай и названія приличнаго: ибо сіе не Человѣческаго есть свойства, но звѣрскаго свирѣпства, но ярости змінныя, но остервѣненія Демонскаго. Добродѣтель, Добродѣтель все драгая свершаетъ, чтобъ такъ сказать, Человѣчество, и творитъ подобнымъ Человѣка не-

огнепальныхъ и бесплотныхъ Слугъ божіихъ токмо состоянію, но и самому божественному, коего по образу Душею и сотворенъ есть.

Какоежъ Добродѣтели и существенное Начало, изъ котораго происходитъ! И основаніе ея, на коемъ она утверждается! Есть то Любовь, но Любовь Разумная. Сія Любовь дѣлаетъ, что Мы не по страху казни, но по обязательству и добровольно исполняемъ должности наши: порокъ въ томъ есть точный, когда боясь томленій и мукъ, да и по принужденной неволѣ, отправляемъ повелѣнное Закономъ. Любовь сія разумная такъ въ умѣ и въ сердцѣ нашемъ дѣйствуетъ, что мы Искренно, Постоянно, и благосмысленно дѣла наши производимъ. Итакъ, всѣхъ вобще Добродѣтелей, кои Эѳіка исчисляетъ, и нарицаетъ собственнымъ каждую Именемъ, какъ то для безопасства въ сожитіи, (1) Справедливость, бескорыствованіе, Истинство, Молчаливость, Словоуміе, Послушаніе, Почтеніе, благоутробіе, Добропривѣтливость, Услужность, Правота; для здравія тѣлеснаго, Трудолюбіе, Ощадство, Трезвость,

---

(1) Iustitia, Probitas, Placabilitas, Aequabilitas, Humanitas, Beneficentia, seu Liberalita, Fidelitas, Veracitas, Iusta loquendi libertas, Obidientia, Reuerentia, Misericordia, Congratulatib, Diligentia, Aequitas.
Laboriositas, Parsimonia, Sobrietas, Caftitas.
Animostas, Fortitudo, Patientia, Aequanimitas, Mansuetudo, Modestia, Temporantia, Sufficientia, Αὐτάρκεια.

Чистота: для душевнаго Спокойствія, Великодушіе, Крѣпость, Терпѣніе, Правосердіе, или Благость, Кротость, Умѣренность Цѣломудріе или Воздержаніе, Достаточество, да и верьхъ сихъ и вѣнецъ, въ участи своей полное благотишіе: всѣхъ, вѣщаю, вобще Добродѣтелей Свойства суть. (1) Искренность, Благорассужденіе, и Постоянство.

(2) Искренность производитъ, что мы съ чистодушнымъ Намѣреніемъ, въ правомъ Сердцѣ, и для Окончанія согласнаго Закону, Должности наши исправляемъ, такъ что Мужъ добродѣтельный не по растлѣнному пристрастію дѣйствуетъ, и не подобія токмо Добродѣтелей показываетъ, но въ истинныхъ упражняется Добродѣтеляхъ. Надменнаго молчаливость, важность, прилѣжность; Сладострастнаго людскость, щедрость, усердіе; Сребролюбиваго скупость, трудолюбіе, чистоту, возможноль назвать Добродѣтелями, а не тѣнію Добродѣтелей? Слѣдовательно, истинный есть порокъ, дѣйствовать лукаво и лицемѣрно; и, оказывая ложную правду, скромность, и добро́ту, Плутовству, своему успѣхъ промышлять благополучнѣйшій. (3) Благорассужденіе дѣластъ, что мы въ исправленіи должностей нашихъ съ надлежащимъ предохраненіемъ обходимся, прилѣжно рассмотрѣвая и самые малые, что до мѣста, до времени, до

(1) Sinceritas, Prudentia, Constantia. (2) Fincerita's. (3) Prudentia.

лицъ, окресности. Не инако дѣйствуетъ Мудрый Церковный Пастырь, который въ увѣщаніяхъ своихъ взираетъ первое на мѣсто, наказывая прежде словами наединѣ, а не всенародно; второе, наблюдаетъ время, исправляя согрѣшшаго тогда, когда онъ не волнуется, и не кипитъ какою Страстію, но находится въ здравомъ и порядочномъ Состояніи; третіе, дѣлаетъ различіе и между лицами, длятого что инако съ разумнѣйшими, инако съ неискуснѣйшими, съ высочайшими инако, нежели съ равными и нижайшими Онъ поступаетъ. Тогоради, не можетъ не быть порокомъ, ежели, дѣйствуя безрассудно и продерзосно, добродѣтельные сокрушать силы, и себѣ; равно какъ и прочимъ, больше дѣлать вреда, нежели пользы. (1) Постоянство напослѣдокъ есть причиною, что мы въ намѣреніи, дѣйствовать по Чесности, тверды пребываемъ; и хотя добродѣтельное дѣло коль ни съ великою трудностію происходитъ, однако стоимъ и бодрствуемъ, непрестанножъ съ новыми собираясь силами, непоколебимымъ стремленіемъ поражаемъ злодѣянія; и буде когда преткнемся и упademъ, то съ охотнѣйшею восстаемъ поспѣшностію. Ибо не едино, или другое отъ разумныя Любви дѣяніе, но непрестанный, и рѣтко прерываемый въ Чесности Подвигъ, происходящій отъ Навыкновенія, Добродѣтельнымъ делаетъ Человѣка. Какъ же?

(1) Constantia.

Какъ посему не порокъ есть (1) Нѣга, коя Человѣка препятствіями внутренними и наружными отъ правыя стези отвращаетъ? И какъ потомужъ не негодное есть и (2) Упрямство, по которому Человѣкъ, для Навыкновенія полученнаго себѣ въ злотвореніи, нетокмо всегда порочно дѣлаетъ, но и бесчиніе свое всякимъ образомъ извинить, защитить, еще, ахъ зло! еще и славиться онымъ не усумнѣвается?

Три сіи Навыкновенія, тоесть, Мудрость, благоразуміе, и Добродѣтель, сопрягаются братскимъ союзомъ въ Человѣкѣ нравственно совершенномъ. Но есть ли, и можетъ ли быть тотъ и несовершенный Хрістіанинъ, кто одаренъ есть Мудростію, дабы Хрістіанскіе Должности прямо разумѣть; благоуміемъ, дабы въ оныхъ благочинно подвизаться; и Добродѣтелію, дабы въ нихъ преуспѣвать поспѣшно? Отъ различнаго впрочемъ сихъ Навыковъ, и имъ противныхъ, сопряженія, происходятъ четыре вида Человѣковъ, нравственно разсуждаемыхъ. Одни, кои простоту имѣютъ беззлобную? другіи, у коихъ превозмогаетъ хитрость, злость, и лицемѣрство? третіи, въ коихъ обрѣтается грубое нечестіе; и четвертыи, которыи сіяютъ мудрымъ и благоразумнымъ благочестіемъ. Жалокъ родъ Человѣковъ первыій: малымъ дѣтямъ онъ подобенъ. Ненавистенъ видъ вторыій: Де-

(1) Mollities. (2) Pertiuacia.

моновъ во плóти представляетъ. Проклинаемъ есть во вѣки третій: сей и скотствуетъ, и звѣрствуетъ, и Діавольствуетъ. Но коль неизреченно блаженъ и преблаженъ четвертый! Сіи токмо суть Мужи въ Добродѣтели, Исполины въ ней и Герои.

Предложено ужé, СС, о Мудрости, благоразуміи и Добродѣтели по обѣщанію нашему и по приличію вкратцѣ, а по возможности обстоятельно. Собрано мною все касающееся до нихъ въ одинъ составъ, что у мудрыхъ Писателей обрѣтается на разныхъ мѣстахъ пространно. Представленъ здѣсь, въ порядочномъ расположеніи, и благознаменитый трудъ ихъ достохвальныхъ во вѣки размышленій, и моего нѣкій успѣхъ странствованія, и малый плодъ чтенія, и выписокъ, и изъ многихъ Авторовъ изъятія; хотя притомъ бесѣда моя и некрасноречна была по должности и званію, однакожъ, мню, дѣльна и полезна по усердію къ Отечеству. Назначенъ и ограниченъ округъ всего человѣческаго внѣшняго и внутренняго Любомудрія. Исчислены Науки и Знанія: изъяснены ихъ основанія и свойства: означены дѣйствія: объявлена въ нихъ драгоцѣннѣйшая и богатейшая всѣхъ въ свѣтѣ сокровищъ польза. И ктожъ о сей въ самый варварскій какой вѣкъ сомнѣвался? Кто сея когда не чувствовалъ, и не признавалъ? Однако, странно намъ слышать, чуждe видѣть, трудно понять и всему будущему потомству: въ нынѣшнія времена, въ

кои всѣ Науки и Знанія толь на высокую степень произведены, и никогда больше не подавали чувствовать всѣмъ сладость зрѣлыхъ своихъ плодовъ, въ нынѣшнія, вѣщаю, времена, и недавно, произникъ (1) нѣкто, который всѣ свои напрягъ силы, дабы доказать, что «отъ «Ученій больше поврежденія произошло Добро«нравію, и что безъ Наукъ и Знаній добродѣ«тельнѣе люди пребываютъ и жительствуютъ «въ Обществѣ».

Кокою желчію растворю мое нарѣканіе? или, Какою не растворю онаго? Что возопію? Какъ нападу? Чемъ поражу? Куда обращусь? Оглашуль токмо? иль и поругаюсь толикому сему безмѣстію? Ужасное и невѣроятное злоупотребленіе человѣческаго Ума! Но еще и невѣроятнѣе кажется, что Ученое нѣгдѣ у инославныхъ (2) Собраніе, Собраніе, говорю, Ученое подтвержденіемъ и одобреніемъ своймъ съ награжденіемъ, увѣнчало такую онаго суемысленность, или лучше, тщеславность. Развѣ, можетъ быть, и онъ свое мнѣніе препоручилъ тому Клеветству на разсужденіе прямо какъ игру своего разума, расцвѣтивъ, распестривъ, и обогативъ токмо Слово о пышнымъ, и велелѣпнымъ Краснорѣчіемъ; и оно либо въ немъ подтвердило несамую силу дѣла, но одни красныя его начертанія и изображенія.

(1) Жанъ-Жакъ Русо, обыватель Женевскій.
(2) Діжонская Академія въ Бургоніи.

Какъ то ни есть; толькожъ лжеученіе его, или лучше блядословіе, само въ себѣ имѣетъ, и съ собою несетъ на себя возраженіе и опроверженіе. Ибо самое Добронравіе, бесспорно, есть Навыкъ Воли нашея къ любленію всего чѐснаго, и Закономъ повелѣннаго. Но если Навыкъ, то какъ не Ученіе? И будежъ Ученіе, то какъ и неразумное? Слѣдовательно, ни Добродѣтель безъ снисканія и наученія не получается; и признаніемъ снисканія и наученія, полагается ужѐ твердо и просвѣщеніе разума, то есть, Мудрость и благоразуміе, въ сопротивленіе грубости и скотствованію. Вотъ же необходимо и по его нужны намъ какъ нравоучительные, такъ и разумные Науки; и нужны для того, что онѣ не токмо поспѣшествуютъ очищенію нравовъ, но безъ ни́хъ-еще и не осіявается человѣческій Умъ, и не удобряется Воля и Сердце. Солнце есть для нихъ Мудрость: она тамъ все доброе и истинное производитъ, согрѣваетъ, оживотворяетъ, украшаетъ, расцвѣчаетъ, плодо́носитъ, и озаряетъ. Безъ Мудрости, нѣтъ совершенства въ Добродѣтели: Мудрость и Добродѣтель сестры между собою родные, одного отца и матери, но старшая Мудрость, пріемлемая во всемъ своемъ распространеніи и за благоразуміе, и за Добродѣтель, и токмо въ собственномъ и тѣснѣйшемъ знаменованіи различающаяся съ оными.

Примѣры впрочемъ его, что, «добродѣтель-«нѣе нѣкоторыи Мужи и Общества пребывали

«безъ Ученій, нежели наученыи жительствуютъ». сверьхъ того, что всѣ токмо (1) частныи, а не общіи роду человѣческому, но отъ частнаго ко всему безъ изъятія общему нѣтъ, какъ научаютъ Логічествующіи, послѣдовательнаго заключенія, не сильняе ль еще на оборотъ подтвержаютъ, что самыхъ грубыхъ временъ въ Обществахъ, не токмо не въ равновѣсіи надлежитъ быть Добродѣтели съ пороками, но симъ и превозмогать оную? Ибо когда свѣтъ не безъ тмы, твердость не безъ слабости, обузданіе не безъ самовольнаго ристанія; то какой должно быть темнотѣ въ самой глубокой нощи, изнеможенію въ самомъ разслабленія, невосдержанію въ самомъ злодѣйственномъ бесчиніи?

И такъ, не говорю ужé, что, а сіе не можетъ назваться Софіст ческимъ, ложнымъ, и ухищреннымъ опроверженіемъ, мнѣніе то противно благополучному и святому Употребленію всѣхъ Хрістіанскихъ Обществъ, у которыхъ Мудрость, Разумъ, Совѣтъ, и Знаніе пéрвѣйшими Духа Святаго прославляются Дарами благочесно; обличаютъ и опровергаютъ оное древнѣйшія Ідолопоклонническія, вознесшіяся не токмо Храбростію, не токмо Добродѣтелію, языческою впрочемъ, токможъ достохвальною, но и Мудростію и благоразуміемъ. Негодованіе мое на толь недостойное суемудріе новаго того мудреца, представляетъ себѣ здѣсь мысленно вос-

(1) Particularis.

ставшіи и нисшедшіи на среду оныи въ Исторіи не умершіи роды, и слышитъ оно ихъ бутто какъ вѣщающіи сіе: Что твое, о! Человѣкъ и Хрістіанинъ, за дикое, или и смѣхотворное мудрованіе? Откуду ты почерпнулъ такое мнѣніе? Гдѣ преисполнился отнюдъ не божескаго вдохновенія? Кто тебя сему научилъ, или подустилъ лучше? Кто? Скажи намъ толь истинно, коль мудрствовалъ ты ложно. Можешь ли сею лжею обнесть наши оставшіяся Писанія? И буде на насъ клевещешь; то съ какимъ бесстыдствомъ? Вами, вами самими, о! глубокіи наши Мудролюбцы, благоразумныи Законоположники, краснословныи Витіи, сладкопѣсненныи Стіхотворцы, свидѣтельствуемся, коихъ многія Сочиненія Христіанскими не безъ великія обращаются пользы руками, свидѣтельствуемся вами, и васъ взываемъ, не отъ насъ ли предано, что, (1) «Мудрость есть Матерь всѣмъ изряднымъ Ученіямъ, «и Царица всѣмъ Добродѣтелямъ, коея ни полезнѣе, ни преславнѣе, ни бесценнѣе ничто «нѣдано свыше человѣческой жизни»? Не на-

(1) Ita fit, vt mater omnium bonarum Artium Sapientia sit: a cuius amore graeco verbo philosophia nomen inuenit, qua nihil a diis immortalibus vberius, nihil florentius, nihil praestabilius hominum vitae datum est.

Cic. de Leg. 1. n. 22.

Princepsque omnium Virtutum est illa Sapientia, quam Σοφιαν vocant.

Cic. de offic. 1. n 43.

шиль восклицанія побуждаютъ не токмо обучаться Мудрости, но и самой Добродѣтели? Не гласятъ ли они: (1), «научись, о! каждый отрокъ, Добродѣтели, и совокупно постоянному, «великодушному, да и достодолжному трудолюбію»? Не мыль и по нынѣ въ книгахъ вопіемъ нашихъ: (2) «кто обучился исправно и вѣрно «преизящнымъ Наукамъ, тотъ свои нравы и «украсилъ Добродѣтелію, и умяхчилъ ихъ, и «удобрилъ, и совокупно не сталъ быть ни дикимъ, ни грубымъ, ни невѣждою»? Такъ громогласно трубятъ на неисчетныхъ мѣстахъ въ Сочиненіяхъ своихъ всѣ оныи язычники! Того ради, не Науки, поистиннѣ не Науки причиною развращенныхъ нравовъ; но почитай общее презрѣніе къ Ученіямъ, и потомъ злое употребленіе рассужденія, необузданная страсть, слабость попущенная природы, прелесть мірскихъ сластей и роскошей, и наконецъ, наведенная невоздержаніемъ и суемудріемъ слѣпота умной силѣ, и окаменненное нечувствіе истиннаго блага въ прихотьствующемъ самоволіи. Сіе все есть смертоносный вредъ и Правовѣрію, и Добронравію, а не Науки: ибо все сіе и препятствуетъ обучаться Добродѣтели твердо.

---

(1) Disce, puer, virtutem ex me, propriumque Laborem.
Virg Aeneid. Lib. 12. v. 436.

(2) Adde quod, ingenuas didicisse fideliter Artes, Emollit mores, nec finit esse feros.
Ouid. de pont. Eleg. 9. v. 77.

Но вы, да къ вамъ обращу благоувѣтствіе моего слóва, о! россійскіи всякаго чина и состоянія Чада, не взирая на недостойную сію клевету и злословіе, и удостовѣряясь всеконечно, что нѣтъ полезнѣе, и спасительнѣе благихъ и разумныхъ Ученій человѣческому роду, снискивайте Мудрость, научайтесь благоразумію, и навыкайте Добродѣтели отъ мяхкихъ похтей. Проложéнъ прямый и гладкій путь, ведущій къ священному храму Наукъ; отверсты и Царскія врата къ самому ихъ престолу: всѣмъ вамъ входъ невозбраненъ. Внидите въ сáмое ихъ внутреннее обиталище: пріимутъ васъ тамъ и объимутъ радосно, ласкосердо; и примѣтливо святые, красноличные, и слаткопѣснивые Музы. Не пренебрегайте, какъ златокова́нныя, сея душевныя утвари; не презирайте и бесцѣннаго сего дара, коимъ всѣмъ намъ милостивно, обогащаемымъ быть и наслаждаться, судила, повелѣла, и даровала къ тому способъ чрезвычайно дѣйствительный, какъ безмѣрно щедрый, общая Матерь Отечества, Пресвѣтлая, Державнѣйшая, Великая Государыня Імператріца, Елісавета Первая, Самодержица Всероссійская.

О! Коликія и въ Ней Самой видимъ дарованія: видимъ, и съ благоговѣніемъ проповѣдуемъ чудное сословіе Імператорскихъ Ея Добродѣтелей. Превозносимъ вопервыхъ Ея благочестіе, прославляемъ Мудрость, величаемъ миролюбивое благоразуміе, и мужественное Геройство, провозвѣщаемъ Правосудіе, похваляемъ матернее

Попеченіе о пользѣ нашей, славословимъ Великодушіе, ублажаемъ Человѣколюбіе и Щедроту; и толь наипаче, что испе́рва еще, не токмо подданныхъ Ея Величеству народовъ, коликоежъ притомъ моего благодарнаго се́рдца чувствіе, то сердце мое токмо са́мо чувствовать умѣетъ, а изобразить язы́комъ бессильно, и спе́рва еще, не токмо подверженныхъ Скиптру Ея народовъ, но и всѣхъ сосѣднихъ и отдаленныхъ былъ сей единъ извѣтъ и гласъ: Елисавета Первая, Всероссійская Самодержица, не того единаго ради обладать оправдана свыше, чтобъ быть токмо отмѣнною Повелительницею, но дабы Ей Правленіемъ Своимъ и показать совокупно, коль многомощнѣе повелѣвать имѣютъ превосходнѣйшее Ея Милосердіе и Щедрота: сво́йства сродныя въ Вышнихъ жувущему, и на кроткія помышленія Призирающему. Да и можноль сему быть инако? Есть Она Дщерь Петра Великаго; Петра, восклицаю, Великаго, котораго непонятными потомкамъ, и необъятными настоящему ролу дѣлами, пораженъ бывши восторгомъ ужасшійся Міръ, и понынѣ онымъ удивляется въ оцѣпенѣніи, и во вѣки удивляться не престанетъ. И коль сіе все ни праведно есть; однако исповѣдуемъ, и не молчимъ, и молчать о семъ есть нѣкоторый родъ законопреступнаго ухищренія, что Величество Твое, о! Монархіня Августѣйшая, попусти взыванію моему быть къ Тебѣ отсутствующей отъ сего мѣста, но въ сердцахъ нашихъ непрестанно и не-

исходно присутствующей, что поистинѣ Ты Сама благочестивѣйшею въ законѣ, Премудрѣйшею въ совѣтахъ, Мужественнѣйшею въ предпріятіяхъ, Правосуднѣйшею въ уставахъ, Усерднѣйшею Матерію въ Отечествѣ, Великою во всей Имперіи, въ снисхожденіи Великодушнѣйшею, Милостивѣйшею, Щедролюбивѣйшею самымъ дѣломъ изволяешь пребывать благопохвальнѣе въ тысящи тысящъ кратъ, нежели по симъ хвалима быть отъ насъ желаешь; и отнюдъ не являешь ни скоропреходнымъ мановеніемъ, чтобъ, всѣ Монаршескіе Добродѣтели, Умозрительномъ, Нравственномъ, и Гражданскомъ Любомудріи описанные, и на всеобщее зрѣніе, и имъ подражаніе изведенные, хотя истинно всѣ въ Разумѣ и въ Сердце Твоемъ прекрасно и благолѣпно сіяющіе, Величеству Твоему громогласно были присвояемы. Едва, и едваль еще, терпѣливно можетъ сносить трубъ такихъ громкое возглашеніе, оная неизреченная въ Тебѣ Мѣрность; Мѣрность, гдѣ кротость презобилуетъ въ самомъ достолѣпномъ Величеству санѣ; Мѣрность Твоя, которая, и на высочайшемъ Вселенныя водворяясь Престолѣ, не презираетъ съ высоты Престола дольнѣйшихъ. Но симъ самымъ коликихъ и конхъ похвалъ не достойно Величество Твое? Да и кое въ насъ толь отвращенное сердце, чтобъ не пренаполнено было Тобою? Кой гугнивый толь и отроческій языкъ, дабы не порѣвался должныя Тебѣ произносить похваленія? Нѣтъ, ктобъ не видѣлъ

Самодержицу свою какъ безмѣрно Добродѣтельную, такъ крайно отъ превозношенія Удаленнѣйшую. Какъ онѣмѣть, и не прославлять? Похвала есть природная мзда Добродѣтелямъ: а побужденія къ Твоимъ похваламъ толь законны и сильны, что почитай святотатство, не провозглашать оныхъ. Всякъ вѣрный подданый чувствуетъ, Что, и Колико Тебѣ долженствуетъ: сло́женная Тобою съ народа Твоего и нынѣ Доимка, тажъ многихъ сотъ Тысящъ, и еще не одного Милліона, преглубоко у всѣхъ впечатлѣнна есть въ сердцѣ. И, о! Великодушія Твоего: толь неизреченную показавши Милость, желаетъ Величество твое высочайшимъ Своимъ Указомъ, токмо исправныхъ за ту должностей отъ каждаго, въ чемъ состоитъ нашажъ собственная польза. Но удостовѣряемъ, Прещедрая Імператрица, удостовѣряемъ всѣ единодушно и единогласно, что не токмо въ вѣрности къ Тебѣ пребудемъ, радуясь о Тебѣ, и красуясь Тобою, не токмо въ званіяхъ радѣтельны быть потщимся; но готовы и жизнь нашу положить за дрожайшую и освященнѣйшую Твою Особу: благодѣянія Твои требуютъ отъ насъ того, за которыя не обрѣтаемъ ужѐ достойнаго сло́ва къ возблагодаренію Тебѣ; всякое Названіе недовольно мнится: превосходишь Щедротою Твоею и Матери Отечества, и Великія Применованіе.

Того ради, не могу быть укоренъ и малѣйшимъ, а не излишествующимъ, Ласкательствомъ.

Какъ скоро произнесется сладчайшее Твое Имя: Елісавета, Дщерь Петра Великаго; то всѣ приносимыя Тебѣ Хваленія несравненно ни́же са́мыя Правды Усердствію нашему являются. Кое ни представится внутреннему нашему зрѣнію изъ премногихъ Твоихъ Совершенствъ, каждое въ тожъ са́мое время усмотрѣвается Верьховнѣйшимъ изъ всѣхъ, Пе́рвѣйшимъ въ нихъ, и Главнѣйшимъ надъ всѣми: и сіе по Искренности, по благорассужденію, и по твердому Постоянству; то есть, по тремъ Сво́йствамъ Существеннымъ всѣхъ обще Твоихъ Добродѣтелей. Развѣ токмо по предпочтенію наречется всѣмъ Высота, Нача́ло и приснотекущій Источникъ, Православное Твое благовѣріе: симъ са́мымъ несомнѣнно вѣришь Бога, вѣришь Богу, и вѣришь въ Бога съ крайнимъ Упованіемъ на Него, и съ пламенѣющею Любовію къ Нему. А вещію всѣ купно въ Тебѣ преславны, и безъ изъятія прехвальны. Благознаменита, ибо лучезарна есть внѣшняя Твоя Красота; на сію когда едину взоръ нашъ возводимъ, мнимъ, что она всякую превосходитъ похвалу въ удивленіи нашемъ, какъ и по достоинству: но тогда жъ ощущаемъ свѣтоноснѣйшій и благолѣпнѣйшій ещѐ, по блистающимъ Талантамъ, небесный Духъ въ Тебѣ и съ Тобою соединенъ пребывающъ. Плоды его равномѣрны Ему токмо Само́му́, и Твоей сердечной Правотѣ, по которой всѣ Твои Дѣйствія ра́вно Велики: Мысль, Намѣреніе, Начинаніе, Произведеніе, Совершеніе.

Всякая Великость есть возносительна къ другой съ превосходящею равняемая, недостигающа есть она, съ малѣйшею сносимая, сама превышаетъ. Но съ какимъ Человѣческимъ ни сличится Величество Твое, узрится, что нѣтъ къ Нему и примѣненія: всѣ Оно превосходитъ по всему: Божіяго токмо зрится меньше, коего однако точное Оно есть Подобіе, точное Зерцало и точное Изображеніе Мудростію, Благостію, Силою, Властію, Державою, Правленіемъ, Храненіемъ, Милосердіемъ, Щедростію, Долготерпѣніемъ, Правосудіемъ, и тѣмъ Милостивымъ. Того единаго есть Начертаніе, земнаго всякаго истинное Вещество и Главизна. Но и толь благотворящее въ Тебѣ сіе Величіе, что невидимы благодѣяній Твоихъ къ подданнымъ и предѣлы, Оно вседневно, и почитай ежечасно, единою рукою награждаетъ Усердіе, Вѣрность, и Заслугу щедро; а другою защищаетъ сильно, и праведно невинныхъ, утѣсняемыхъ, и бѣдныхъ. О! едва небезмѣрныхъ Твоихъ во всемъ Преимуществъ. И чтожъ прочее? Удобнѣе есть намъ въ молчаніи чудиться Твоимъ великимъ Свóйствамъ, и чувствовать сладость нашего при Тебѣ блаженства, нежели превозносить Ихъ похвальными словами: не возмогаемъ, Великая Государыня Императріца, не возмогаемъ мы и особливо на то порѣваясь, какъ достойно Тебѣ возблагодарить, за все благое на насъ богатно изліянное, и ежедневно повсюду и на всѣхъ изливаемое, такъ и по достоинству восхва-

лить Величество Твое, и прославить по Усердію: Сила нашихъ восклицаній не сравнится никогда съ молчащимъ Ревности пламенемъ.

И такъ, просимъ токмо и мо́лимъ Всемогущаго пребесконечную Милость, да, по безначальнымъ и праведнымъ Своимъ Судьбамъ, продолжи́тъ нынѣ цвѣтущее Твое благополучіе, твердую Славу, миролюбное Состояніе; на ухищряющихъ же ко́ихъ-либо неправдою, да подастъ отъ превыспреннія благостыни Силу къ возраженію, или и къ всеконечной Побѣдѣ и Одолѣнію! А болѣе, да соблюдетъ Здравіе Твое, здравіе дражайшее. Здравіе на которомъ наше всѣхъ прямое утверждено щастіе; сіе да соблюдетъ невредно, и премноголѣтно! И да будетъ Ему жъ Богатодавцу всѣхъ благъ угодно, при долговременномъ и всегда благощасномъ Величества Твоего между Земнородными Сожитіи, и Императорствованіи, одарять отчасу обильнѣе и Наслѣдника Твоего, благовѣрнаго Государя, Великаго Князя Петра Ѳеодоровича, благословляя Его съ дражайшею и Любезнѣйшею Супругою, благовѣрною Государынею, великою Княгинею Екатеріною Алексіевною (тезоименитою Родительницѣ Твоей, а нашей нѣкогда Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ, нынѣ въ горьнихъ ужé Обителяхъ ликующей бессмертно) вожделѣннымъ Имъ Самимъ, и всей Россіи Чадомъ! И равно всѣхъ по Немъ, въ позныя времена имѣющихъ наслѣдовать всероссійскія Державы Императорскій Вѣнецъ, украшать не мéньшими, но толикими жъ,

и во всемъ подобными Твоимъ Добродѣтелямъ въ роды родовъ, и всѣхъ вѣковъ до скончанія! Дабы Первой Тебѣ Елісаветѣ, быть и пе́рвѣйшимъ, и всегдашнимъ, и живымъ Образомъ, на которой бы взирать Предержащимъ впредь Всероссійскимъ обладателямъ!

И се паки къ вамъ, Россійски удобопоятныи Юноши, слово при окончаніи. Не пренебрегайте, повторяю, и повторить о семъ не могу довольно, и не отщетѣвайтесь толикаго вамъ благодѣянія, отъ Толикія и Таковыя Монархіни и Матери. Возжелайте просвѣщаемы быть Ученіями, и украшаемы Добронравіемъ вящше и вящше. Все васъ къ тому призываетъ: Польза Отечества, Должностей Званіе, По́честь за изрядные услуги, Слава и Хвала за трудоположеніе и подвиги; собственное при томъ Увеселеніе, Подражаніе мудрымъ еще Народамъ, Честь въ сравненіи тѣмъ себя съ ними, или и въ превышеніи оныхъ; а всего болѣе, Душевное Спасеніе. Но упражняясь достодолжно и трудолюбно въ истинномъ Любомудріи, познавайте исправно, что Оно есть не нѣчто малое, ни нѣчто также пустое и игралищное; но превеликое и преизящное, первое и послѣднее Человѣчества: и не токмо не недостойное всякаго благороднаго се́рдца, но и необходимое каждому. Ибо Оно есть Знаніе, по Волфію, Возможныхъ, по елику суть Возможныя; а разумъ сего: по елику Вещи доказываются Причинами

([1]) Естественности ихъ, и ([2]) бытности, но несказаніемъ повѣствуются по дѣламъ бывшимъ, или настоящимъ: такъ что, Любомудріе есть Знаніе Вещей сущихъ, или будущихъ, и также Причинъ или Начáлъ, чего ради онѣ суть, или бываютъ, или быть могутъ. И Оножъ есть Знаніе, по Картезію, произведенное твердо изъ достовѣрныхъ ([3]) Начáлъ. Оно есть Знаніе, по Арістотелю, истинное и достовѣрное по Причинамъ. Оно есть наконецъ Знаніе, по Платону, Вещей Божественныхъ и человѣческихъ, и купно Причинъ, коими сіи Вещи содержатся. То есть, по всѣмъ симъ Существеннымъ, и по разнорѣчію согласнымъ, Любомудрію Описаніямъ, Оно есть цѣлая Мудрость, совершенное благоразуміе, и спасительная Добродѣтель.

([1]) Essentia. ([2]) Existentia. ([3]) Principia caussae.

Французскій съ латінскаго и греческаго переводъ Філософіческимъ Званіямъ, въ семъ Словѣ употребленнымъ послабенски, здѣланный нарочно въ пользу умѣющимъ изъ нашихъ по французски, для лучшаго имъ понятія оныхъ Званій.

existentia	existence.
facultas reflexiue cogitans	faculté par refléxion penſante
substantia	substance
essentia	essence
mens	entendement
summum bonum	souverain bien
simplex adprehensio	perception simple
intelligentia	intelligence
purus in tellectus	entendement pur
sensatio	senſation
imaginatio	imagination
idea	idée
iudicium intuitiuum discursiuum	jugement intuitif discurſif
propositio enunciatio	proposition
ratiocinatio	raisonement

operatio	operation
conclusio	conclusion
ratio suffi ciens	le pourquoi sufisant
volitio	le vouloit
auersatio	aversion
finis	la fin
medium	le moien
intentio	intention
fruitio	joüissance
electio	choix
reiectio	refus, rejet
combinatio idearum	combinaison d'idées
praesumptio	ptesomption
sapientia	sagesse
prudentia	prudence
virtus	verru
habitus	l'habitude
historico empirico	d'une maniere simple, historique
philosophico scientifico	d'une maniere solide et savante
per saltum	par sauts et par bonds
theoretica	speculative
practica	pratique
certa	certaine
probabilis	probable

voluntas efficaciae . . . . . velonté éféctive
moralis . . . . . morale
securitas . . . . . securité
sanitas . . . . . santé
tranquillitas animi . . . . . tranquilité d'ame
iustum . . . . . le juste
honestum . . . . . l'honête
decorum . . . . . le bienséant
sectae . . . . . partis, séctes
rationalis . . . . . la logique
moralis . . . . . la morale
naturalis . . . . . la phisique
praeparans . . . . . qui prépare
instrumentalis . . . . . instrumentale
principalis . . . . . principale
perficiens . . . . . qui perfectione
vniuersalia . . . . . les universaux
ens . . . . . un être
simplicia entis attributa . . . . . les attributs simples d'un être
disiuncta entis . . . . . les attributs séparés d'un être
subiectum . . . . . sujet
attributum . . . . . attribut

inferiora entis	les attributs inferieurs d'un être
modi	les modes ou manieres d'être
relatio	relation
radix	racine
extensio	étendue
linea	une ligne
figura	une figure
obiectum	objet
materia	matere
contingentia	contingence
absoluta	perections absolues
relatiua	pe ection relatives
physica	phisiques
moralia	morales
species	une espsece
reciprocatio	reciprocation
vino commercium	union commerce
influxu physicu	influence phisique
spiritus animale	les esprits vitaux

realiter	reélement
causlae	cauies
occasionale	ocasionéles
harmonia	harmonie
praestabilita	préétablie
series	suite
figmentum	fiction
suppositum	suposition
coextensa	qui est de même étendue
impressio	impression
sedes mentis regia	siege de l'ame
glandula pinealis, conarium	la glande pinéale
corpus callossum	corps plein de durillons
medulla oblongata	moële prolongée
musculi	muscles
praeexistentia	prééxistence
caussa	cause
effectus	éfét
modi agendi	maniere d'agir
spacium	espace
locus	lieu

figurabilitas . . . . . propre à être figuré

inane . . . . . le vuid

forma . . . . . forme

elementum . . . . . élément

viuipari . . . . . qui engendrent

ouipari . . . . . qui pondent

amphibia . . . . . les amphibies

testacea . . . . . poissons à coquilles

Φαινομενα . . . . . les phénoménes

δοκιμασια, ἐμπειρια . . . . . l'experience

experimentalis . . . . . experimentale

physicus . . . . . phisicien

mixta . . . . . les mathematiques

adplicata . . . . . mixtes

ius . . . . . droit

naturae . . . . . naturel

passiones, adfectus, perturbationes . . . . . les passions

ἀπάθεια . . . . . impassibilité

μετριοπάθεια . . . . . passibilité moderée

ἀδιάφορος . . . . . indiferent

ὀρθοπάθεια	passions moderées
κακοπάθεια, ὀζυπάθεια, περιπάθεια	passions immoderées
simplices, societates	les societés simples
attentio	attention.
discretio	discernement.
circumspectio	circonspection.
prouidentia	providence
Χειροτονητοί	sur qui on a imposé les mains
iustitia	la justice.
probitas	desinteressement.
placabilitas	facilité à s'appaiser
aequabilitas	uniformité.
humanitas	humanité
beneficentia seu liberalitas	liberalité.
fidelitas	fidelité.
veracitas	actionde dire la verité
iusta loquendi libertas	raisonable franchise de parler
obedientia	obeissance.

reuerentia . . . . . vénération
misericordia . . . . . misericorde
congratulatior . . . . . congratulation.
diligentia . . . . . soin.
aequitas . . . . . équité
laboriositas . . . . . assiduité au travail
parsimonia . . . . . epargne ménage
sobrietas . . . . . sobrieté
castitas . . . . . chasteté
animositas . . . . . générosité.
fortitudo . . . . . valeur.
patientia . . . . . patience.
aequanimitas . . . . . bonté.
mansuetudo . . . . . douceur.
modestia . . . . . modestie.
temperantia . . . . . retenuë
sufficientia . . . . . sufisance.
ἀυτάρκεια . . . . . plein contentement de son fort.
sinceritas . . . . . sincerité
constantia . . . . . constance.
mollities . . . . . molesse
pertinacia . . . . . opiniätreté
principia . . . . . principes.

ПЕРЕВОДЪ СЪ СЕНЕКИНЫХЪ ЛАТІНСКИХЪ СТІХОВЪ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ ТРАГЕДІИ ТІЕСТЪ ПО ОКОНЧАНІИ ДѢЙСТВІЯ ВТОРАГО, ВЪ ХОРѢ НАЧИНАЮЩЕМСЯ:

Tandem Regia nobilis.

На придворной стой, кому годно есть, дорогѣ,
Сильнымъ и любимымъ будь въ Царскомъ тотъ чертогѣ.
О высокой чѐсти да старается иной,
При Царѣбъ сѣсть выше, ищетъ пусть того другой.
Славу любитъ сей пускай, и уборъ богатый,
Видъ палатъ высокихъ, дворъ, полемъ необъятый.
Сребряны сосуды, сѐла, замки, стадо слугъ;
При драгой одеждѣ намащѐнны кудри вкругъ.
Роскошь и богатство тотъ, также поступь смѣлу,
Да наживаетъ друговъ на свою жизнь цѣлу.
Мнѣ въ убогой жизни сладкій любъ всегда покой.
Гладкое и платье, нискій чинъ, и домъ простой:
«Дружествомъ чистѣйшихъ Музъ веселюсь я смала;
«Кротость же святою ужъ мнѣ казаться стала.
Такъ когда безъ шума пробѣгутъ мои всѣ дни,

Толь употребленны токмо на труды одни:
Простачкомъ и старичкомъ радъ приду я къ гробу,
Оставляя въ свѣтѣ здѣсь свѣтскую всю злобу.
«О! коль мысль едина веселитъ меня сія;
«О! конца такóва совѣсть жаждетъ коль моя.
Кто излишно знаемъ всѣмъ въ жизни сей бываетъ;
Часто тотъ не знавъ себя горько умираетъ.

—

СОНЕТЪ СЪ СЛАВНАГО ФРАЦУССКАГО ДЕ БАРОВА.

Grand Dieu! que tes jügements.

Боже! коль есть правоты полнъ Твой Судъ престольный!
Самъ благоволяешь Милостивъ всегда къ намъ быть:
Я жъ толь предъ Тобою золъ человѣкъ юдольный,
Что весьма ужъ трудно Правдѣ мерзости омыть.
Ей! о! Господи, грѣхъ всякъ мой къ тому довольный,
Да не можно будетъ казней о Тебѣ избыть:
Ты преступника спасти́ бутто какъ невольный;
Се вся и Щедрота хощетъ сквернаго забыть.

Буди то, понеже такъ Святости преславно;
Плачемъ умножаю пусть должну Ярость рáвно;
Возгреми, бей: время, за войну воюй притомъ.

Покланяемъ мною Гнѣвъ съ страхомъ пребываетъ!
Но на кое мѣсто ни падетъ во мнѣ съ горъ громъ,
Каждое Хрістова Кровь всюду покрываетъ.

—

ОБРАЗЪ ДОБРОДѢТЕЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА

Съ Французскихъ Стіховъ:

Rendés au Créateur, ce que l'on doit Lui rendre.

Что Творцу достойно воздавать, то воздавай;
Не размысли́въ прежде, ничего не начинай.
Токмо съ добрыми людьми въ жизни сей дружися,
Преимуществомъ твоимъ никогда не льстися.
Будь согласенъ вѣрно съ мнѣніемъ всегда другихъ,
А не стой упрямо въ мысляхъ только что твоихъ.
Внятно слушай, что тебѣ люди предлагаютъ,
Больше умнымъ не кажись, нежель почитаютъ.
Кто чего не смыслитъ, съ тѣмъ о томъ не говори,
Безъ рѣчей лукавныхъ въ искренности все твори.

Слово данное держи, былобъ коль ни трудно;
Ничегожъ не обѣщай вдругъ и нерассудно.
Будь тихъ, и услуженъ, въ разговорахъ же учтивъ;
На пріемъ будь ласковъ, и не гордъ, и не трусливъ.
Дерзосно не будь знакомъ, обходисяжъ смѣло,
Не рѣши не рассудивъ, коль ни знаешь дѣло.
Всѣхъ прощай безъ мести, безъ корысти всѣхъ люби,
Въ нискости вельможамъ подлостію не груби.
Друженъ всѣмъ старайся быть, дружно поступая,
Тяжбы никогда ни съ кѣмъ самъ не начиная.
Что чинятъ другіи не провѣдывай никакъ;
Самъ дѣла крой просто, не узналъ бы злой дуракъ.
Рассмотря давай въ займы, только жъ добровольно;
Если должно наградить, награждай довольно.
И какъ ни захочешь поступать и явенъ быть;
Быть во всемъ безъ лишка, и себя не позабыть.
Буде страждетъ другъ напасть, сожалѣй безмѣрно,
Въ другѣ ты порокъ сноси, будь и другомъ вѣрно,
Духъ какъ поддается, побѣждай печаль тогда,
Никого и дѣльно не вини въ ней никогда.
Учинить старайся миръ злобствуетъ гдѣ ссора,
Самъ же мсти за зло добромъ злость на всю безъ взора.

Похваляй не льстиво, жарко не жури при всѣхъ,
Мѣрно смѣйся людямъ, да и самъ терпи ихъ смѣхъ.
Долгъ Искусство почитать въ каждомъ благонравно,
И не должно ничего охуждать тщеславно.
Здѣлавши съ кѣмъ милость, худо ею попрекать,
Каяться въ ней дурно жъ, лучше вóвся забывать.
Нужну дру́гу помогай, тотъ хотя не проситъ;
Кто даритъ не такъ какъ мотъ, щедрыхъ имя носитъ.
Угашай гнѣвъ пылкій, ярыхъ не кажи примѣтъ,
Говори повсюду доброе, кого гдѣ нѣтъ.
Въ сердцѣжъ бы твоемъ была благодарность сродно;
Для забавы хоть играй, только жъ благородно.
Было бъ словъ, не мыслей, меньше, обмануть не тщись,
Что тебѣ ни дастся, предо всѣми тѣмъ хвались.
Должника не мучь, какъ онъ къ платѣ не исправенъ,
Для себя, и для него, будь все добронравенъ.
Не завидуй ближнимъ, видя щастія ихъ цвѣтъ,
Ввѣренное дѣло вынесть берегись на свѣтъ.
Чванство прочъ, а крой твои тайности искусно;
Презирай посемъ, какъ лгутъ на тебя что гнусно.

ОБРАЗЪ ЧЕЛОВѢКА ХРІСТІАНИНА

Съ Французскихъ:

Mettre en Dieu seulement toute sa confiance.

Во всемъ, вездѣ, всегда, на Бога уповать,
И токмо на Него надежду возлагать;
Безъ зависти смотрѣть на щáсливыхъ убранство:
Въ томъ Мудрость состоитъ, а больше Хрістіанство.
Все въ пóмощь призывать Вселенныя Творца;
Въ Письмѣ его Святомъ учиться безъ конца;
Святоюбъ жизнь была, пещись о семъ исправно:
Въ томъ Мудрость и Законъ весь состоитъ преславно.
А особливо, Грѣхъ (сей всякъ виною есть,
Что Благодать отъ насъ отъемлетъ Самъ Богъ въ месть)
Не могъ чтобъ завладѣть преклонными сердцами;
Но въ мерзости бъ ему быть видиму предъ нами.
Покоренъ духомъ будь, и сердцемъ ты ко всѣмъ,
Смотря на образецъ Спасителевъ о семъ.
Не думай обмануть и Лицемѣрствомъ Бога,
Не къ гнѣвубъ на тебя была Ему дорóга.
Согласіе всегда со всѣми промышляй,
Хотяжъ то и съ трудóмъ, вражду прочъ отдаляй.
Кто знаетъ все терять прибытокъ на толикій,

Тотъ Христіанинъ есть, тотъ и Мудрецъ великій.
Отъ пышности бѣги, та злая есть гроза:
Высокіи мѣста слѣпятъ у насъ глаза:
Великіи чины завистниковъ раждаютъ,
Тѣ при бѣдахъ винятъ, безъ бѣдъ насъ охуждаютъ.
Раскащикамъ оставь не къ дѣлу рѣчи весть:
Вездѣ вралямъ такимъ худа бываетъ честь.
Но ты въ словахъ твоихъ безмѣрно будь воздержанъ:
Кто скромнѣй, меньше тотъ погрѣшностямъ подверженъ;
Кто мало словъ имѣлъ, тотъ часто мудрымъ слылъ;
Молчащій рѣтко всякъ гдѣ осуждаемъ былъ.
И будежь, что ты мнишь, хотятъ знать всеконечно;
То мнѣніе твое скажи добросердечно.
Самъ требуетъ покой, и польза нашихъ дѣлъ,
Всякъ тайнубъ отъ другихъ скрывать изъ насъ умѣлъ:
Въ чемъ нужды нѣтъ имъ знать, таить, отъ нихъ то можно,
Не сердится за то разумный другъ, не ложно.
Суда зло не ищи, твоя хоть правота;
Не плакалъ бы должникъ, убогій, сирота:
Когдабъ насъ Богъ самихъ судилъ здѣсь безъ пріязни,
То ктобъ защитить могъ отъ лютостей и казни?
Кто больше есть богатъ, и онъ сильняй тебя,
А хочетъ предъ тобой умомъ вознесть себя;

Его чтобъ одолѣть, оставь ты порывъ вредный,
Имущимъ уступай: всегда есть виненъ бѣдный.
Какъ равныимъ тебѣ, такъ самъ имъ снисходи,
Несносенъ имъ не будь, ихъ спесью не серди:
Тотъ подданный едва что слушаетъ указовъ,
То меньше всякъ твоихъ послушаетъ приказовъ.
О домѣ промышляй, не быть бы людямъ въ смѣхъ;
Безъ завистижъ взирай ты ближнихъ на успѣхъ.
Не знай сосѣднихъ дѣлъ, твоимъ бы не мѣшали:
Ему тѣмъ, ни себѣ не здѣлаешь печали.
Сего дня сдѣлай то, что завтра надлежитъ,
На время не кладись, безвѣсно то бѣжитъ.
Въ бездѣлкахъ никогда отнюдъ не упражняйся,
Отъ случая чрезъ то Дѣвъ глупыхъ уклоняйся.
Какъ ближній есть любимъ, и самъ тобою Богъ,
Когда не напиталъ того ты, кто убогъ?
Имѣній часть дѣли рабамъ Господнимъ, зная,
Что будетъ отъ Него мзда вѣчно преблагая.
Чтожъ собрано богатствъ впредь на премного лѣтъ,
То мудрости отнюдъ великія въ томъ нѣтъ:
Могъ случай здѣлать то; но и въ такомъ достаткѣ,
Безъ разума, нельзя не быть когда въ упадкѣ.
Терпѣнію учись, чрезъ кротость побѣждай;
Сноси обиды всѣ, а самъ не повреждай:
Отмщеніе къ своей оставивъ Богъ потребѣ,

Не преминетъ мстить злымъ, благимъ воздать
на небѣ.
Что ступишь, то уже ты ближе къ смерти сталъ,
Необходимый путь! всякъ смертный смертибъ
ждалъ.
Не рабски ждижъ ея; но какъ въ любви сынъ
твердый,
На страшномъ Богъ судѣ къ тебѣ бъ былъ ми-
лосердый.

—

ПЛАЧЪ О КОНЧИНѢ БЛАЖЕННЫЯ И ВѢЧНО-ДОСТОЙНЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЯ ІМПЕРАТОРА, И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО ПЕТРА ВЕЛИКАГО ОТЦА ОТЕЧЕСТВА.

Что то за печаль слышится ужасно?
Не Россіяль плачетъ? Не Ея ль и стонъ?
Толь иныимъ рыдать невозможно гласно!
Но какой случился нынѣ Ей уронъ?
Радостей, торжествъ, гдѣ Ея громады?
Гдѣ и повседневно всюду ликовство?
Всѣ мѣста Ея, всѣ слезятъ и грады!
Ахъ! знать приключилось крайно сиротство.
Токмо изрекла такъ сіе Вселенна;
Се летитъ, о! горе, въ быстротѣ паря,
Слава всѣмъ лицемъ въ скорбность претворенна,
Льясь Сама слезами, ни на что не зря:
Всюду вопіетъ, и ея Вѣсть здрава;
Не умѣетъ нынѣ къ правдѣ прибавлять.

О! чтобъ та была лучше въ семъ неправа.
Но не можно стало вѣрно не являть:
Петръ Великій, ахъ! болій человѣка,
Оный Петръ Россіи сладость, красота,
Преселился ужъ съ временнаго вѣка!
Долу тѣмъ ниспала Росска высота.
Не могла внушить словъ Вселенна слезныхъ
Вопіяла Слава въ горѣ сипко ихъ.
Паки начала Слава въ неполезныхъ
Возвѣщать тожъ громче произносахъ сихъ:
Всероссійскій Онъ Самодержецъ Славный,
Коего посѣкши ниспослала въ гробъ
Неумытна Смерть, всѣхъ въ убытокъ главный
Малыхъ и великихъ, по чинамъ, особъ.
Мудрость, Храбрость въ Немъ были превосходны,
Милость же и Правда въ равенствѣ всегда;
Съ Скипетромъ труды зрѣлись толь несходны,
Что не несъ художникъ равныхъ никогда.
Чтожъ и Промыслъ бодръ? Православна Вѣра?
Что неугасима къ Отечеству Любовь?
Въ совершенствахъ здѣсь нѣтъ Ему примѣра;
Таковому, словомъ, не бывать ужъ вновь!
Молнія и громъ толь не устрашаетъ
Какъ бы прелагая въ камень, въ истуканъ;
Коль Вселенну Вѣсть Славы поражаетъ.
Видяжъ, что то правда, что и не обманъ,
Встрепетала вся восстенавши зѣльно,
И молчала купно, бутто что творить,
Взяться за кого, что и было дѣльно,
Внѣ себя не зная, что и говорить.

Но потóмъ въ слезахъ начала́ словами:
О! Петръ толь Великій, о! верьхъ и Царей,
О! Героевъ всѣхъ храбрыми дѣлами
Превосшедшій всяко бывшихъ въ жизни сей.
Я къ чему пришла? Что со мною сталось?
Что и слышу нынѣ? Мертваго Петра!
Мертваго Того! былъ бы Кто, желалось,
Не столѣтенъ токмо, но чтобъ и одра
Смертоносна въ вѣкъ въ естествѣ незнавшій.
Тыль, Петръ, могъ скончаться! Тыль и скоро
такъ!
О! рокъ.... Но Предѣлъ, смертности предавшій,
Повелѣлъ, покрылъ бы Росска Феба мракъ.
Ужъ прости, мой Петръ! многа мнѣ Добрóта!
Многая Надежда! Крàснѣйшій мой Цвѣтъ!
Дивная Твоя Правота, Щедрота,
Вознеслись отсюду къ Вышнему въ Совѣтъ.
Кто Вселенну толь Царь другій прославитъ?
Ахъ! осталась сира нынѣ безъ Тебя.
Кто толико дѣлъ, подвиговъ исправитъ?
Кто трудами столько упразнитъ себя?
Больше я была, мнится мнѣ, съ Тобою;
Меньше стала нынѣ безъ Тебя въ себѣ.
О! Россія, долгъ литься, какъ рѣкою,
Вѣчными слезами по Отцѣ тебѣ.

Въ ужасѣ своемъ тако возглашала
Плачуща Вселенна горько по Петрѣ:
Гнѣвалась, что Вѣсть дѣла не солгала;
А сама съ собою въ нѣкоей какъ прѣ!
Зря Ея, Нептунъ, также Марсъ, Мінерва,
Політіка рáвно тужъ какъ безъ ума,

Изумѣлись всѣ о причинѣ спе́рва.
Но Паллада прежде оныхъ всѣхъ сама,
Въ трепетѣ своемъ, вся оцепенѣла!
Что Петра не стало на землѣ въ живыхъ,
Скоро съ остроты то уразумѣла,
И рекла: Погибло! Вещи нѣтъ въ ины́хъ!
Бьется по лицу, то ламаетъ ру́ки,
То свою одежду на себѣ всю рветъ,
То какъ претерпѣть, мнитъ, толики му́ки,
То Петра въ привѣтахъ паки въ жизнь зоветъ,
То изъ глубины се́рдца воздыхаетъ;
Иногда та стенетъ, иногда молчитъ,
Иногда копье долу повергаетъ;
То Ея къ другому по́рывъ мѣсту мчитъ,
То на томже вдругъ тамъ останови́тся,
Сядетъ, встанетъ то́тчасъ, горькихъ слезъ полна́.
Свѣтлость и очей въ ней ужъ вся мути́тся!
Чувствъ уже́ лишенна! вполъ жива она!
Се, какъ обмерла, та на землю пала!
Но въ себя пришедши въ тотже самый часъ,
Съ долу тѣломъ тамъ въ слабости восстала,
И ліясь слезами издаетъ сей гласъ:
Солнце! Честь моя! Петръ! Самъ мнѣ Паллада!
Тыль вмѣнился въ мертвыхъ, и подпалъ подъ смерть?
Скрылся Тыль отъ насъ, да слезятъ въ вѣкъ чада?
Рокъ, не мнилось, лютый чтобъ Тебя могъ стерть!
Земнородный кой безъ Тебя взыграетъ?
Коя и Наука? Добродѣтель? Чинъ?

Все добро съ Тобой нынѣ умираетъ:
Былъ всему Учитель въ Россахъ Ты единъ,
Какъ единъ Глава, Твердость, и Держава.
Любомудрство! нынѣ купно все стени:
Пала вся съ Петромъ въ вѣкъ твоя ужъ слава.
Ты себя, Искусство, въ сирыхъ же вмѣни:
Всѣхъ оставилъ Петръ преселившись вѣрно,
Новый Государства своего Творецъ!
Ахъ! Сія бодетъ мысль меня безмѣрно;
Но благоизволилъ Вышній такъ Отецъ.
Марсъ рѣчь предпріялъ: не о томъ ли дѣло
Есть Петрѣ Россійскомъ, Коего весь Міръ
Выше чтитъ меня, называя смѣло
Новымъ Марсомъ всюду? Вящшій Кой есть Киръ?
Лучшій Александръ? Юлій, Августъ болій?
Коего славняе не видалъ и день,
Ни взнесенна толь отъ земныхъ удолій?
Наконецъ, при Коемъ признаюсь быть тѣнь?
Сказано: о Семъ. Марсъ взревѣлъ жесто́ко;
Па́лъ-было, но то́тчасъ на́-ноги вскочилъ;
Въ ярости возвелъ къ небу грозно око:
О! Судьба далека, паки возопилъ.
Иль ужъ и тебя зависть такъ объяла,
Что Прехрабра Мужа, Мужа сверьхъ Мужей,
Россамъ, всѣмъ Земнымъ, Марсу мнѣ отъяла,
Не смотря на сле́зы, ни на вредъ ничей?
Но отдай Петра бодростію сла́вна:
Въ выспреннѣйшихъ оныхъ бра́ни нѣтъ мѣстахъ.
Ахъ! Петра отдай въ по́лѣ толь исправна:

Не ушло бъ и по́слѣ время быть въ звѣздахъ.
Больше Марсъ ярясь отметнулъ прочъ саблю,
И неистовствуя повергаетъ шлемъ:
Я всѣхъ дѣлъ одинъ, самъ сказалъ, не справлю;
Нѣтъ ужъ въ сей мнѣ нужды, нужды нѣтъ и въ семъ.
Ахъ! Петръ возвратись, возвратись прехвальный,
Марсова защита, слава возвратись:
Безъ Тебяль я Марсъ? скосырь есмь нахальный.
О! Рокъ, хоть однажды въ вѣчнотсь умлись.
Ахъ! мой Храбрый Петръ! какъ пробыть возможно,
Чтобъ мнѣ жаркимъ сердцемъ безъ Тебя не врѣть?
Равнаго Тебѣ нѣтъ ужѐ неложно:
Горести мнѣ какъ-же въ вѣки не имѣть?
Ты единъ Клевретъ былъ мнѣ толь подобный;
Но что я за слово о Тебѣ сказалъ?
Ты при всѣхъ былъ все, ко всему удобный;
Яжъ въ себѣ едино смѣльство показалъ.
Не могу никакъ быть сравнѐнъ съ Тобою:
Храбрость превосходну, Мудрость выше той,
Зналъ въ Тебѣ весь Свѣтъ, но, кромѣ что къ бою,
Я весь неспособенъ къ дѣльности другой,
Ахъ! нещáсливъ, ахъ! смерти что не знаю:
По Тебѣ умершемъ жи́вуль долгъ мнѣ быть?
О! Судьба, почто Марсъ не умираю?
Мнѣ мою́ бессмертность нѐльзя ужъ любить.

Такъ сказавши онъ, залился слезами;
Сихъ точа́ потоки въ горести молчалъ:
А немногій слѣдъ проложивъ стопа́ми,
Внѣ себя явился, и тотча́съ ницъ палъ.
Се́рдца въ глубинѣ Политіка рвется,
Слезъ хотя сначала изъ очей не льетъ:
Та нескро́мна быть превесьма блюдется,
Зря коль Марсъ нелѣпо въ во̀здухъ вопіетъ.
Но какъ онъ скончилъ; внутренія наружѣ
Горесть показалась вскорѣжъ тамъ и въ ней;
Начала́ рыдать какъ жена по мужѣ,
Гласъ изъ устъ тишайшій испуская сей:
Дайте моему мѣсто Пла́чу, други!
И во мнѣ не меньше вашея печаль:
Не́льзя отъ Петра мнѣ забыть услуги;
Ахъ! и не возможно изъявить мой жаль.
Кто меня почтилъ, кто толь Політіку?
Рассмотрѣлъ все впервыхъ, премѣнилъ, и ввелъ,
Нравы украсилъ, и Страну велику
Величайшу здѣлалъ, не градо́въ и селъ,
Ни земель и странъ покорилъ что много;
Но что гнусну грубость отъ своихъ отгналъ,
Но прокляту злость истребилъ что строго,
И ученымъ, добрымъ, подданнымъ быть далъ.
То всему одно Свѣту дивно, чудно!
Познымъ то потомкамъ можно ль все понять,
Что всѣмъ понимать видящимъ есть трудно?
Виждь, Россія, нынѣ можешь коль сіять!
На сіе Нептунъ, и Моря взбуяли!
Зашумѣли Вѣтры! вспѣнились Волна́!
Возмутилось Дно! Бездны зазіяли!

И вострепетала влажна Глубина!
Стенетъ Океанъ, что ужъ нѣтъ другаго
Любяща толь водЫ, и ужъ никогда
Такъ не будетъ здѣсь Мореходство драго,
При Петрѣ какъ было въ первенствѣ всегда.
Сѣтуя слезитъ тѣсное Балтійско,
Что случалась гибель при его зыбяхъ.
Съ плачемъ вопіетъ дмясь въ валахъ Каспійско,
Что однажды плавалъ на его глубяхъ.
Мечется и Понтъ въ несравненномъ горѣ,
Что уже́ Россійскихъ долго кораблей
Не видать ему при Стамбу́лѣ въ зборѣ,
Чтобъ имъ Градъ исторгнуть у Тіранна сей.
Всюду вой! страна близъ лежаща, дальна,
Всякая рыдаетъ въ горести слезя!
Но Россія коль по Петрѣ пачальна;
Описать толь живо ни кому нельзя:
Больше всѣхъ именъ скорбь Ея сердечна!
Радость токмо Горьнимъ подана мѣстамъ,
Гдѣ блаженна жизнь Царства бесконечна:
Тамъ Петру быть должно въ вѣки по дѣламъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Издатель къ обѣимъ своимъ Книшкамъ.

Досужныхъ дней труды, или трудовъ излишки,
О! милые мои двѣ собранные Книшки;
Вы знаете, что вамъ у многихъ быть въ рукахъ,

Пространныхъ Росскихъ Царствъ и въ даль-
нихъ городахъ:
И знасте, что духъ, порочитъ ново дѣло,
Не можетъ васъ минуть къ вамъ не коснувшись
смѣло.
Однако, преходя изъ рукъ вы въ ру́ки такъ,
Не бодрствуйте, въ такомъ разгнать собою
мракъ,
Кто смысленъ находить не пользу, но погрѣш-
ность,
Не ставя за порокъ свою суда поспѣшность.
Оставьте, я прошу, въ покоѣ всѣхъ такихъ:
Любленіе къ себѣ вы найдете въ другихъ,
Которы нравомъ Пчелъ цвѣто́въ не презираютъ,
Со всякаго листка свой Не́ктаръ собираютъ.
По щастію́жъ, когда поло́битесь кому;
То всячески донесть потщатесь вы тому,
Что вами одолженъ не мнѣ онъ безпристрасный:
Но оному, кой есть Цвѣтъ Юношества красный;
Кой Славою давно есть Рода знаменитъ;
Кой Сердецъ и Умомъ отъ многихъ отмѣни́тъ;
Кой всѣхъ Надежда Музъ, кой ихъ плодо́въ
Спискатель,
И былъ о Васъ самихъ къ монархинѣ Пред-
статель.

ДЕНДАМІЯ, ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЛИКОДЕМЪ, Царь острова Скироса.

УЛИССЪ, Царь острова Итаки, отъ Греческаго ополченія къ Ликодему Царю посолъ.

АХИЛЛЕСЪ, Князь Греческій, пребывающій у Ликодема въ чертогахъ въ дѣвическомъ одѣяніи подъ именемъ Пирры.

ІЕРОФАНТА, Діанина жрица.

ДЕИДАМІЯ, дочь Царя Ликодема, любовница Ахиллесова.

НАВПЛІЯ, дочь нѣкотораго знатнаго Князя Скиросскаго, пребывающая при дворѣ Ликодемовомъ, любящая Ахиллеса.

ВУЛЕВПОЛЕМЪ, первый министръ и военачальникъ Царя Ликодема.

ХИРОНЪ, учитель и приставникъ Ахиллесовъ, почитаемый придворнымъ Ликодемовымъ.

Нѣсколько дѣвицъ придворныхъ.

Нѣсколько воиновъ и стражи Царя Ликодема.

Нѣсколько воиновъ Греческаго ополченія, за Улиссомъ.

Дѣйствіе въ большой палатѣ Ликодемовой.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГОСПОДИНУ
ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ,
ОРДЕНА СВЯТЫЯ АННЫ КАВАЛЕРУ, И ЛЕЙПЦИГСКАГО
УЧЕНАГО СОБРАНІЯ ЧЛЕНУ,

АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ СУМАРОКОВУ,

СІЯ ТРАГЕДІЯ, ПО ЗАВѢЩАНІЮ СОЧИНИТЕЛЯ, ВЪ
ЗНАКЪ ВѢЧНЫЯ ПАМЯТИ, ПОСВЯЩАЕТСЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Ликодемъ, Царь острова Скироса.

Улиссъ, Царь острова Итаки, отъ Греческаго ополченія къ Ликодему Царю посолъ.

Ахиллесъ, Князь Греческій, пребывающій у Ликодема въ чертогахъ въ дѣвическомъ одѣяніи подъ именемъ Пирры.

Тирофанта, Дикина жрица.

Диодамія, дочь Царя Ликодема, любовница Ахиллеса.

Пантія, дочь Царя Ликодема, любовница Князя Скироскаго, пребывающая при Ахиллесѣ.

Вальсеньевъ, Стражи министра и воина-

Хиронъ, учитель и приставникъ Ахиллесовъ, почитаемый придворнымъ Ликодемовымъ.

Нѣсколько дѣвицъ придворныхъ.

Нѣсколько воиновъ и стражи Царя Ликодема.

Нѣсколько воиновъ Греческаго ополченія, за Улиссомъ.

Дѣйствіе въ большой палатѣ Ликодемовой.

ПЕРЕЧНЕВОЕ ОПИСАНІЕ.

Молодшая Ѳетида, дочь Нереева и Дорисина, бывши выдана за Пелея, Эакоіа сына, а брата Теламонова, родила отъ него сынажъ, кой былъ названъ Ахиллесомъ. Сія увѣдавши о прореченномъ отъ Калханта жреца, что безъ Ахиллеса сына ея, не можно взять будетъ Грекамъ города Трои, и что онъ тамъ имѣетъ быть убитъ, перерядила его въ дѣвическое платье, когда еще было ему токмо девять лѣтъ, и отослала на островъ Скиросъ, (нынѣ называемый Широ, на Нордъ-Остъ отъ острова Эвбеи, или Негропонта,) къ Царю Ликодему, дабы ему тамъ быть воспитану и укрыту. Ахиллесъ пребывая у того Царя, (я полагаю, что онъ у него жилъ девять же лѣтъ,) и хотя въ дѣвическомъ платьѣ подъ именемъ Пирры, имѣлъ свободный случай полюбить дочь сего Царя, именемъ Деидамію, и быть отъ нея любимъ взаимно: не когда Греческое ополченіе противъ Трои собралось все въ Аплиду, (городъ и портъ Беотическій на Эвбейскомъ, или Негропонтскомъ проливѣ), то Калхантъ объявилъ, что Ахиллесъ укрытъ на помянутомъ островѣ Скиросѣ, дѣвическимъ одѣяніемъ: чего ради и отправленъ по него къ Царю Ликомеду посломъ. Улиссъ Царь Итак-

скій. Между прочими дарами, кои посолъ привезъ Царевнѣ и придворнымъ ея дѣвицамъ, примѣшалъ онъ оружіе, за которое Ахиллесъ по природѣ своей охотнѣе ухватился, оставивъ нѣжные дары другимъ дѣвицамъ. Сіе самое было указаніемъ, по которому Улиссъ призналъ Ахиллеса. Всежъ сіе есть самымъ грунтомъ въ моей трагедіи; но всякъ чувствуетъ, что сей грунтъ приличенъ больше героической комедіи, нежели трагической штукѣ: того ради я былъ принужденъ, выбравъ сей случай въ баснословіи, въ матерію себѣ, вымыслить отъ себя много новаго и соединить съ онымъ приключеніемъ, дабы моей поемѣ быть трагедіею. Вольность сія дана трагическимъ Піитамъ еще отъ Аристотеля, а подтверждена, что до басень, отъ великаго Французскаго трагика Петра Корнелія, какъ словами во второмъ его разсужденіи о драммѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ егожъ трагедіяхъ прямымъ дѣломъ. Смотрители и читатели имѣютъ сами разсудить, былъ ли я счастливъ, сочиняя первую еще трагическую сію поему, въ наблюденіи вѣроятности въ томъ, что отъ меня вымышлено и придано.

Василій Тредіаковскій,
Краснорѣчія Профессоръ.

Въ Санктпетербургѣ,
1750 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

НАВПЛІЯ. (*Въ горести и отчаяніи.*)

Безщастная любовь! не сносная противность!
И устремленна внутрь всякъ часъ нетерпѣливность!
Вселившійся давно въ утробу ялъ мою,
Кой производишь толь въ ней лютость всю твою?
Престань хотя на часъ въ лишившейся успѣха,
Въ незнающей уже, что въ свѣтѣ семъ утѣха!
Чтобъ нынѣ мнѣ себя хоть мало разсмотрѣть
И къ вольности моей съ жалѣніемъ воззрѣть;
А утвердиться въ томъ, о чемъ я помышляю,
На что и съ сердцемъ духъ всемѣрно устремляю.
Неблагодарный мой что дѣлаетъ, какъ зрю,
То лучше, да любовь во гнѣвъ я притворю,
Упрямство жъ все его да восприму въ обиду,
Да тайно мщу ему, съ ласканіемъ по виду.
Ахъ! Навплія, ахъ что! твоя ль то честь и родъ?
Не можешь ли еще терпѣть, терпѣвши годъ?
Любезнаго тебѣ введешь ли ты въ напасти?
Возможешь ли, хотя злодѣйствовать отъ части?

Одежду ль обратишь ты женскую во вредъ
И скажешь: что подлогъ исполненъ есть сей бѣдъ;
Но рѣчь сію начать не можешь безъ зазору,
Онъ юноша глася, но дѣва по убору
И можетъ быть то самъ Царь знаетъ Ликодемъ,
Что женское сіе прикытіе на немъ.
Я таинства чужда, укрыть съ чего не знаю,
Да Пиррою, какъ всѣ, не Пирромъ называю,
Съ меня довольно знать, что онъ тиранъ сердецъ
И пріобщенъ здѣсь къ намъ дѣвицамъ наконецъ:
При томъ, что я люблю его нелицемѣрно,
Ахъ! онъ на то во мнѣ не смотритъ пребезмѣрно.
Несчастна! что теперь припомянула ты?
Вотъ слезы изъ очей! вотъ умъ мрачатъ мечты!
Любовь! пріятна страсть! изъ сердца вонъ вся нынѣ,
Не сладости мнѣ дни, но горести въ пелынѣ.
О! Навплія, еще ль, еще ль себя крушишь?
Еще ль ты получить спокойствіе тѣмъ мнишь?
Искать тебѣ есть долгъ отрады только въ мести,
Сей способъ для тебя, другое все то лести:
Терпѣніе когда есть часто раздраженно,
Въ гнѣвъ, ярость, въ бѣсноту бываетъ преложенно.
Изрядно, полно жъ мнѣ: на что одной страдать?
Неблагодарный! знай, тебѣ ль, мнѣ ль пропадать,

Но мыслію его поступки зря со мною,
Презрѣніе ко мнѣ, высокомѣрность, кою
Мнѣ означаетъ толь чрезъ грубыя слова,
Что ласка отъ меня ему вся какъ плева?
То истинно тому, не знаю что причина,
Да развѣ порожденъ отъ Царскаго тотъ чина,
А я что есмь Княжна, тѣмъ презираетъ онъ,
Любить ему бъ меня, въ томъ чести бъ былъ
уронъ?
Не то весьма не то! такъ думать не возможно:
Тѣмъ жесточайшебъ онъ желѣза былъ не
ложно;
А особливо, всю мою любовь къ нему,
Я оказала такъ, что думать по тому;
Хотя бъ коль ни былъ кто безчувственъ и не-
сроденъ,
Не можно чтобъ привѣтъ такой былъ неугоденъ.
Жестокій! чѣмъ же, чѣмъ кажусь тебѣ подла?
Или что предъ тобой явилась толь смѣла?
Но истинна любовь на что здѣсь не дерзаетъ?
Какова и стыда въ насъ не преобораетъ.
О небо! что за мысль, что ярости за мракъ?
Представился какой теперь мнѣ въ разумъ зракъ.
Деидамія дщерь и Царска и прекрасна;
Не та ль препоной мнѣ? не таль мнѣ и напасна?
Я вижу часто онъ весьма учтивъ при ней,
Ахъ! любятся съ собой, ужъ знать плѣненъ
злодѣй.
Такъ будужъ обоихъ я наблюдать прилѣжно:
А если правда то, впадутъ въ сѣть неизбѣжно:
Деидамія! ты хотя и Царска дщерь;

Но мнѣ любви во храмъ есть тажъ отверста дверь:
Достоинство въ тебѣ я должно почитаю,
Верьховностижъ твоей въ любви не уступаю.
Потщусь, чтобъ никогда онъ такъ же не былъ твой,
Когда ужъ та судьба, дабы не могъ быть мой
Теперь мнѣ надлежитъ казать лице пристойно,
Имѣть и слово такъ, коварству какъ достойно;
Она, мню хочетъ быть сама тотъ часъ сюда,
Не знаю для чего, но мнѣ не безъ плода.

—

ЯВЛЕНІЕ 2.

ДЕИДАМІЯ, НАВПЛІЯ.

ДЕИДАМІЯ. (*Особно.*)

Толь рано здѣсь она!

Къ Навпліи.

Княжна, ябъ не по мни́ла,
Минута чтобъ сія насъ здѣсь соединила;
Знать тайная васъ мысль могла такъ побудить,
Что восхотѣлось вамъ меня здѣсь упредить.
Въ первые вамъ еще....

НАВПЛІЯ.

Царевна отпустите
И гнѣвъ вашъ на меня, когда есть, укротите,
Что очи ваши зрятъ рабыню здѣсь въ сей часъ,

Преданнѣйшую вамъ; однако прежде васъ,
Я знаю, что мой долгъ послѣдовать за вами,
И никогда ни гдѣ не упреждать стопами;
Но всѣ не могутъ дни себѣ подобны быть:
Есть случай иногда и должность позабыть;
А особливо умъ, когда нашъ помрачится,
Или противно что нечаянно случится,
Иль чрезвычайность, какъ его вѣсть поразитъ,
Иль напослѣдокъ зло такъ близкое грозитъ?
Что и разсудка свѣтъ, и память въ насъ отъ-
емлетъ?
Да токмо ужасъ, страхъ, всю внутренность объ-
емлетъ;
Вамъ можно....?

ДЕИДАМІЯ.

Вижу я, что вы теперь весьма,
Въ смятеніи такъ вся, что будто внѣ ума.
Сказалабъ нѣчто вамъ внезапно приключилось,
Иль чудное во снѣ страшилище явилось:
Но вѣрить снамъ нощнымъ, которые все тожъ!
Что пустошь, суета, что суевѣрность, ложъ,
Не вашего Княжна! разсудка, мнится дѣло?
Мысль заблуждаетъ въ насъ, покоиться какъ
тѣло;
А явному чему, здѣсь толь васъ устрашить,
Чтобъ оное могло духъ вскорѣ сокрушить?
Все тихо при дворѣ, спокойно и въ чертогахъ;
Не слышно ничего ни на градскихъ дорогахъ;
Не отрааяль болѣзнь вселилась, взоръ мрача?
Скажите: я тотчасъ сыскать велу врача?

НАВПЛІЯ.

Не сонная мечта, ни немощь уязвляетъ;
Но истинна вещей меня здѣсь погубляетъ.
Хотяжъ умъ, признаю, безмѣрно есть смущенъ;
Однако разумъ въ немъ не такъ есть развращенъ,
Въ неистовство чтобъ я презѣльное ужъ впала,
Или что говорю, самабъ того не знала.
Я знаю, слово съ кѣмъ здѣсь у меня теперь,
Предъ вами предстою и царская вы дщерь.
Я помню, что я васъ приходомъ предварила
И можетъ быть чрезъ то Царевну прогнѣвила;
Но уповая мню, поступки мнѣ сея,
Въ преступство не причтетъ какъ правота ея,
Такъ веледушность: ахъ! отчаяться не можно,
Когда вамъ донесу толь странное не ложно,
Что и сама себя восхитите вы внѣ
И удивляться толь не будете ужъ мнѣ.

ДЕИДАМІЯ. (*Особно.*)

Трепещу и боюсь, чегожъ сама не знаю?
Къ Навпліи
Княжна! изъ вашихъ словъ я мало понимаю,
Какой случился вредъ, какоежъ бы и зло,
Въ смятеніе сіе духъ вашъ толь привело?

НАВПЛІЯ.

Когда мысль и моя себѣ все повторяетъ,
То вѣритъ, но себя за вѣру укоряетъ.
Толь чаяніе все та странность превзошла!

Злощастная! меня и смерть тамъ не нашла!
Но сколько мысль сама меня смущать ни станетъ;
Однакъ самажъ тому ужъ вѣрить не престанетъ,
Что правда, лжею то никакъ не можетъ быть;
Какимъ неправоты подлогомъ ни покрыть.
Царевна! токмоль мнѣ то пагубное дѣло?
Безчестіемъ грозитъ и вамъ и всѣмъ намъ смѣло?

ДЕИДАМІЯ.

Безчестіе и мнѣ! дѣвицамъ купно всѣмъ;
Понять не возмогу, что хочете вы тѣмъ?
Изобразить теперь весь духъ мой возмущая.
Безчестіе мнѣ въ томъ?

НАВПЛІЯ.

Не лгу я утверждая:
Свидѣтель самый, звѣздъ небесныхъ, бдящій хоръ,
Всходящій такъ же Фебъ се изъ за нашихъ горъ.

ДЕИДАМІЯ.

Не мучте вы меня, но раскажите ясно?
Что возмогло намъ всѣмъ толико быть опасно?

НАВПЛІЯ.

Повѣрить не льзя вамъ, должна я что донесть,
Но въ правдѣ словъ и дѣлъ: я обязую честь.

ДЕИДАМІЯ.

Не ваше то, что я повѣрюль слову точно?

Сомнѣніюль отдамъ явится чѣмъ порочно,
Прошу скоряй начать!

НАВПЛІЯ.

О случай! Пирра..

ДЕИДАМІЯ.

Что?

НАВПЛІЯ.

Какъ думаете вы, та между нами кто?

ДЕИДАМІЯ.

Та Пирра есть у насъ, всѣмъ милая подруга,
Ея извѣстно всѣмъ, колика намъ услуга.

НАВПЛІЯ.

Толь милостиво мнить, Царевнинъ есть изволъ:
Но Пирраль, Пирра.

ДЕИДАМІЯ.

Ктожъ?

НАВПЛІЯ.

Она есть мужескъ полъ.

ДЕИДАМІЯ. *Особно.*

О боги! что за громъ меня тѣмъ поражаетъ!
Къ Навпліи.
Княжна! то вашъ языкъ теперь изображаетъ?

НАВПЛІЯ.

Вѣщаетъ то языкъ, увѣрена въ чемъ я?
И совѣсть въ сихъ словахъ не зазритъ ей! моя.

ДЕИДАМІЯ.

Но какъ бы вамъ въ томъ быть увѣренной возможно,

Я мню! что кто на смѣхъ увѣрилъ васъ въ томъ ложно?
Какъ статься...

НАВПЛІЯ.

Знаю все я то отъ самого;
Послаться въ томъ могу безстрашно на него.

ДЕИДАМІЯ.

Но способа мнѣ какъ не можетъ быть дивняе,
Что самъ увѣрилъ васъ, такъ нѣтъ тогожъ темняе.

НАВПЛІЯ.

Ни дива въ томъ, ни тьмы нималыя, ахъ нѣтъ!
Обычный способъ тотъ и я подамъ вамъ свѣтъ.

ДЕИДАМІЯ. *Особно.*

О небо! что теперь услышу я противно!
Къ Навпліи.
Прошужъ мнѣ объявить, жду словъ не терпѣливно

ДЕИДАМІЯ.

По случаю, всю ночь безъ сна такъ пребыла,
Что больше ужъ я быть на ложѣ не могла.
Чего для на зарѣ возставши нарядилась,
А ожидая дня всходящему молилась.

Но вотъ внезапу вшелъ не Пирра, Пирръ ко мнѣ,
Съ чела, съ очей, съ лица, умиленъ весь отъ внѣ.
Поздравившаго я, поздравила отвѣтомъ:

Онъ показался тѣмъ доволенъ быть привѣтомъ.
Тогда въ немъ сильный жаръ съ румянцомъ
такъ игралъ,
Что милъ онъ былъ глазамъ: а жалокъ что
вздыхалъ.
По истиннѣ сказать, въ себѣ я сожалѣла,
Что былъ прекрасенъ толь и завистью горѣла!
Коль щастливымъ она того мня учинитъ,
Въ супругу кто ея себѣ соединитъ.

Онъ на колѣна падъ, моюжъ схвативши руку:
Ахъ Навплія! сказалъ, пока страдать мнѣ муку,
Какую говорю! что Пирра? что вы такъ?
И купно въ томъ меня страхъ обнялъ, очижъ
мракъ?
Люблю, онъ говорилъ, люблю ужъ больше года:
Меня страсть премогла, я равнаго вамъ рода!
И льщу себя, что вашъ? О нѣжныхъ цвѣтъ
красотъ!
Единъ суровый видъ явленный отъ высотъ.
Какъ грознаго чела, такъ вашего и ока,
Мнѣ здѣсь не изречетъ погибельнаго рока?
Не можно, видя васъ, всѣмъ сердцемъ не лю-
бить;
Не можно сердца внутрь любви отъ васъ таить.
Ахъ! не льзя по себѣ, то все я примѣчаю?
Въ прекрайней страсти къ вамъ, всю тайну вамъ
собщаю;
Однако, дерзость мнѣ оставить васъ молю!
Любовь причина ей, иль жизнь въ казнь по-
треблю.

Я думала тогда, что Пирра тѣмъ играетъ,
Сказала: не въ однихъ насъ сердце обмираетъ.
Есть, кои съ вами такъ быть щастливы хотятъ;
Но Ахъ! имъ въ томъ судьбы естественны пре-
тятъ.
Вы встаньте, съ васъ сего довольно будетъ
слова,
Когдабъ не тотъ предѣлъ, ябъ ваша быть готова?

Скоряе рѣчи онъ, съ земли вскочивши, всталъ;
О вы уже моя! и я вашъ, такъ сказалъ,
Позволено теперь отъ васъ мнѣ быть въ на-
деждѣ?
Я Пиррою у всѣхъ по сей моей одеждѣ.
Не Пирра я: но Пирръ и юноша и Князь,
Еще не изъ простыхъ, по правдѣ не гордясь.
Я присланъ такъ сюда отъ брега чужестранна,
Прислалажъ мать меня въ Княгиняхъ преиз-
бранна
Считали девять всѣхъ тогда мнѣ только лѣтъ,
Ахъ! лучше малымъ быть, любви не зная бѣдъ,
Но случаю сему укрытія подлогу
И принятъ для чего я къ Царскому чертогу,
Причина отъ меня со всѣмъ закрыта есть,
Чего для не могу и вамъ о томъ донесть.
Сказавъ то, паки онъ упалъ вдругъ на колѣна,
Люблю! любитежъ вы, я вѣчно въ узахъ плѣна.
Деревенѣла я и такова была,
Царевна! какова вы быть ужъ начала?
То приходила въ страхъ: то странности дивилась,

То на себя, ахъ зло! то на него сердилась.
Была я не въ себѣ: была какъ истуканъ,
Одинъ былъ на умѣ, какъ пагубный обманъ;
А къ прочему всему безъ чувства пребывала,
Что дѣлать я должна, куда уйти не знала?
Однако отъ него я вырвашись тамъ вдругъ,
(Онъ за руки держалъ, и не пускалъ изъ рукъ.)
Вбѣжала я сюда, вбѣжала изумленна,
Что отъ лестца того смертельно оскорбленна.
Подумайтежъ теперь, царевна! какъ намъ быть,
Не всѣмъ ли, большежъ вамъ въ бесчетіи пребыть.
Что юноша при насъ дѣвицахъ обитаетъ?
Ахъ что! какъ государь родитель вашъ узнаетъ?

ДЕИДАМІЯ, *Особно.*

Погибло все!

Къ Навпліи.

Княжна довольно вашихъ словъ;
Но чувствую, что въ сей бесчестія всѣмъ ровъ,
Одна я упаду, вы сердце умягчите,
И въ скромности о томъ до времени молчите.
Теперь я вмѣстѣ семъ хочу побыть безъ васъ,
Прошу не взять во гнѣвъ и выступить на часъ.

Навпліи пошла.

—

ЯВЛЕНІЕ 3.

ДЕИДАМІЯ *Одна.*

Деидамія! что твоимъ внушила слухомъ,
И какъ спокойна ты пребудешь нынѣ духомъ?

Кто твой, того могла другая ужъ плѣнить.
Ахъ! плачте, плачте вы потокомъ злезнымъ очи,
Веселій свѣтъ померкъ, васъ кроетъ мракъ,
тьма ночи,
Когда любезный мой возмогъ такъ измѣнить!
Всю внутренность мою лютѣйшій ядъ терзаетъ
И кажется, что смерть меня уже лобзаетъ;
Мнѣ бремени сего ни снесть, ни примѣнить,
Не движима стою, всѣ члены ужъ слабѣютъ,
Душевны силы всѣ жъ и мысли цѣпенѣютъ.
Когда любезный мой возмогъ такъ измѣнить!
Коль чувствую весьма я много пораженій,
И дѣлается, коль смертельныхъ внутрь сраженій?
Досада кажетъ месть, любовь же преклонить,
Повелѣваетъ вновь мягчайшими словами,
Ахъ очи! плачте вы обильными слезами.
Когда любезный мой возмогъ такъ измѣнить!
Гдѣ святость страшныхъ клятвъ? Боговъ гдѣ имя многихъ?
Гдѣ совѣсть честь и стыдъ? любовь! ты сихъ бѣдъ строгихъ?
Не чувствуешь еще, еще и можешь мнить,
Что толь невѣрный твой къ тебѣ самъ обратиться!
Ахъ! сердце въ суетѣ и безуспѣшно льстится.
Когда любезный мой возмогъ такъ измѣнить.
Богиня красоты! о! Кипрянамъ священна!
И ты сама любовь, что всѣмъ не запрещенна!
Пожершуюся вамъ, такъ праведноль казнить?

Но случай сей по чтожъ меня такъ уязвляетъ?
Соперница! ахъ! все меня ужъ умерщвляетъ,
Когда любезный мой возмогъ такъ измѣнить.
Куда ни обращусь; все въ злобѣ не годуетъ:
Стихіи мнѣ грозятъ и естество враждуетъ.
О Боги! вы на толь могли меня хранить?
Ахъ нѣтъ! избрала ту злочастную я долю,
Склонила я сама на то мою всю волю:
А мнѣ любезный мой возмогъ такъ измѣнить.
О бѣдна! ласкамъ я повѣрила прелестнымъ,
Повѣрила его поступкамъ мнимо честнымъ,
Слезамъ его тогда, теперь ихъ мнѣбъ ронить,
Я данной мнѣ рукѣ, повѣрила и роду,
Еще и не смотря на собственну безгоду:
А мнѣ любезный мой возмогъ такъ измѣнить.
Надѣялась не такъ, не такъ и помышляла,
Достоинство его умомъ усугубляла:
Сея надежды, какъ драгою не цѣнить?
Достоинство когда надежду въ васъ раждаетъ,
Сомнѣнія оно собою побѣждаетъ:
А мнѣ любезный мой возмогъ такъ измѣнить.
Природна сердца страсть! повѣренность пустая!
И ты ковъ и подлогъ! вамъ слава въ томъ какая,
Что можете прельстивъ дѣвицу обвинить?
Ахъ! искренность моя сіе ль ты заслужила?
Но простота сама меня и погубила,
Что мнѣ любезный мой возмогъ такъ измѣнить.
Довольно мнѣ бѣды; родителю молчала:

Но въ тайнѣ грѣхъ предъ нимъ слезами омывала.
Невѣрности жъ былъ спѣхъ зло злѣйшимъ изъяснить:
Вотъ мнѣ ужъ срамота! вотъ явна казнь готова.
О! стыдъ: о! срамъ: и смерть не столько есть сурова.
Однакъ любезный мой возмогъ такъ измѣнить.
Земля! меня пожри, жить больше мнѣ не можно,
Когда онъ тайну всю нарушилъ толь подложно:
Тѣмъ началъ рокъ уже къ погибели гонить.
Хоть горы на меня падите, хоть ты море
Пучины въ глубину подмывъ низринь, ахъ горе!
Ужъ мнѣ любезный мой возмогъ такъ измѣнить.
Но прежде нежель вы смерть люту устремите,
Моленіе сіе отъ бѣдныя примите,
Чтобъ рѣчь мою съ его могла соединить.
Ахъ? можно ль думать, какъ толикая невѣрность,
Умѣла, чтобъ себя таить чрезъ лицемѣрность,
И чтобъ любезный мой возмогъ такъ измѣнить.

Деидамія выговоривши сіе, сѣла нерадѣтельно въ крѣсла локтемъ опершись, а ладонью закрывши лице.

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

ДЕИДАМІЯ, АХИЛЛЕСЪ.

Ахиллесъ въ дѣвическомъ одѣяніи и подъ именемъ Пирры, а съ Деидаміею подъ именемъ Пирра.

АХИЛЛЕСЪ.

Царевна, приступить позволено ль къ вамъ смѣло?
Я зрю, что углубленъ умъ въ тайное вашъ дѣло.
Не лучше ль, какъ и мню, вамъ быть на единѣ?
И сей ли вашъ приказъ, чтобъ отлучится мнѣ?
Я здѣсь предъ васъ предсталъ для должнаго поклона,
Не знавъ, что будетъ вамъ чрезъ мой приходъ препона;
Но что! вы на меня не взводите очей,
Ни хощете при томъ сподобить и рѣчей:
Васъ мысль къ себѣ одной весьма знать пригвоздила.
Я счастливъ бы, когдабъ я вещь былъ сей и сила.

ДЕИДАМІЯ, *Вставши.*

Что вижу предомной!

АХИЛЛЕСЪ.

Усерднаго слугу.
Я друга моего почтить да возмогу.

ДЕИДАМІЯ.

Еще я другомъ вамъ! ахъ Пирръ! что льстить?
довольно.

АХИЛЛЕСЪ.

Вы восхотѣли быть сама тѣмъ добровольно,
И утвердились въ томъ, вашъ былъ бы въ
вѣки я,
Такъ равно, да и вы въ вѣкъ будете моя.

ДЕИДАМІЯ.

Не отрицаюсь вамъ, еще и признаваю,
Что счастія себѣ, другаго я не знаю;
Но было, ахъ! ужъ нѣтъ.

АХИЛЛЕСЪ.

Чѣмъ вы разите слухъ?
Приходитъ отъ того въ смятеніе мой духъ!
Царевна! ваша часть съ моею сопряженна:
Вамъ счастіе, и мнѣ есть жизнь моя блаженна;
Не счастіель вамъ въ чемъ? противноель вамъ
что?
Не можетъ никогда жъ пріятнымъ быть мнѣ то:
Явитсяль кто врагомъ? мнѣ онъ же ненависный,
Кто будетъ другомъ вамъ, и мнѣ онъ такъ же
присный:
Нечаянноель зло вамъ дерзнетъ чѣмъ грозить?
Меня и самого тожъ можетъ поразить.
Но словомъ мнѣ то все, что въ жизни вашей
радость,
Есть крайнее добро, веселіе и сладость.

ДЕИДАМІЯ.

Слова изрядны всѣ: но ахъ! не тѣ дѣла.

АХИЛЛЕСЪ.

Мои какъ всѣ слова, и совѣсть такъ смѣла:
Я девять лѣтъ уже при васъ здѣсь пребываю,
А цѣлый годъ себя какъ вашимъ почитаю;
Но льщусь, что ни кому ни чемъ не согрубилъ,
Не токмо, чтобъ ужъ я предъ вами преступилъ.
Царевна! что за мысль? она мнѣ досаждаетъ;
Иль лучше вамъ сказать, меня та убиваетъ.

ДЕИДАМІЯ.

Но какъ не грубость вы смертельну нанесли?
И чѣмъ бы мнѣ другимъ толь преступить могли,
Что вѣрности въ васъ нѣтъ? любовь же измѣненна,
Отъемлетъ честь мою и жизнь?

АХИЛЛЕСЪ.

Не сохраненна
И вѣрность! и любовь! Царевна, что за рѣчь;
Не сходствуетъ въ вещахъ, и лучше ту пресѣчь.
Хотябъ не Княземъ былъ, простымъ бы я людиномъ;
Не могъ бы я солгать въ обѣтѣ ни единомъ,
И не Царевнабъ вы, но толь красна была;
Плѣненнаго меня красабъ намъ поддала;
Жестока! знать уже въ васъ сердце помѣшалось,
И вѣрнымъ мною вамъ оно такъ возгнушалось
Что ужъ, не зная чѣмъ по правдѣ обличить.

На вѣрность и любовь... Ахъ! не могу скончить:
Извольте, вотъ вамъ грудь: невинную вершите,
Мнѣ лучше, какъ теперь вы живота лишите,
А нежели терпѣть, чтобъ вашъ языкъ меня
Напрасно порицалъ.

ДЕЙДАМІЯ.

О сердце ты стеня!
Не вѣрнаго сего напрасноль укаряешь?
О! солнце ты еще лучами озаряешь,
Которому съ стыда згорѣть здѣсь надлежитъ?
И кой такъ отъ меня еще прочь не бѣжитъ;
Мой Князь! нескромный Князь! уже мнѣ все извѣсно,
Коль ваша есть любовь, и сердце коль мнѣ лесно,
Но пусть, что вы другихъ могли толь полюбить;
Однако тѣхъ любя, на что меня губить.

АХИЛЛЕСЪ.

Другую я люблю! васъ погубить желаю?
Кого! Когда! кто? вамъ?....

ДЕЙДАМІЯ.

Вы мните, я не знаю
Кто вамъ любезна есть, кто васъ плѣнить могла,
И коя сердце въ васъ злымъ пламенемъ зажгла;
Припомните, кому сегодня объявили
Преступную любовь, и такъ ей говорили:

«Не можно видя насъ всѣмъ сердцемъ не любить!
«Не можно сердце внутрь любви отъ васъ таить
«И на колѣна падъ, схвативъ при томъ и руку,
«Ахъ! жалкимъ словомъ ей: пока страдать мнѣ муку.
Такихъ ли я отъ васъ надѣялась заслугъ;
Союзъ вашъ гдѣ, что мнѣ не будете супругъ.
Не дивножъ бы тому: вы страшно клятву данну
И множеству боговъ, имѣете попранну.

АХИЛЛЕСЪ.

О! боги, слышитъ слухъ, окаменѣнъ я сталъ.
Чтобъ вѣчно на меня свѣтъ солнца не блисталъ
Я буде, васъ кромѣ когобъ сего дня видѣлъ,
И съ кѣмъ бы говорилъ, и васъ бы толь обидѣлъ!

ДЕИДАМІЯ.

Какъ? не видали вы сего дня на зарѣ,
Когда еще всѣхъ сонъ покоилъ при дворѣ,
Прекрасную толь вамъ, толь Навплію любезну!
Ахъ! умилитесь, Князь, меня зря горьку слезну,
Не спорю я, что та меня есть краше всѣмъ;
Но превосходность я предъ ней имѣю тѣмъ,
Что прежде въ сей союзъ вступили вы со мною.
Нарушить вамъ его, любовію иною,
Не можно, мниться мнѣ: тому даны въ залогъ,
Богини, боги всѣ, и самый первый богъ.
Пусть малое, что я кровь царская и сѣмя;
Но Навплія и тѣмъ, ея хоть знатно племя,

Далеко отъ меня во свѣтѣ отстоитъ;
А ваша къ ней любовь, съ часъ токмо васъ двоитъ.

АХИЛЛЕСЪ.

Прошужъ не скрыть сего еще просить васъ смѣю,
Но твердую на васъ надежду я имѣю,
Не Навпліеюль вамъ вся тайна предана?

ДЕИДАМІЯ.

Самою: вотъ же, вотъ коль любитъ васъ она,
Что вшедшую сюда едва меня почтила,
Какъ склонность вашу къ ней мнѣ всю и объявила;
А въ ужасѣ своемъ плодящій страховъ смѣсь,
Бѣду всѣмъ блиску зритъ, что юноша вы здѣсь.
О! бѣдность; только мнѣ то Навплія сказала,
Какъ рокъ! что мой приспѣлъ, душа моя познала.

АХИЛЛЕСЪ.

О! хитрость: о! подлогъ. Но слезъ потокъ отренъ;
Духъ паки въ членахъ мой весь оживотворенъ.
Царевна! васъ прошу, вы больше не слезите,
И для себя самой, и для меня живите:
Бѣдъ туча пронеслась, разгнанъ печали мракъ,
И непоколебимъ нашъ обѣщанный бракъ.
Вы будите всегда, какъ были вы моею,
Вся лесть сама въ сѣтяхъ и съ злостію своею.
О! Навплія: о! коль ложь возмогла твоя,
Царевна! вся та баснь есть умысла ея.

ДЕИДАМІЯ.

Какая баснь, что вы любовь ей объявили,
И нѣжнымъ словомъ ту любовь себѣ молили?
А чтобъ въ надеждѣ ей на ваше сердце быть,
То юношу себя изволили открыть,
Но искренность сія чѣмъ намъ всѣмъ угрожаетъ,
То чаю, что легко вашъ разумъ понимаетъ.

АХИЛЛЕСЪ.

Иначе вамъ еще не можно говорить,
Пока имѣю я дверь тайны отворить,
Увидите тогда концы всѣ дѣла ясно,
И скажете сама, что вѣрили напрасно;
Но чтобъ уже мнѣ васъ отъ мнѣнія отвесть,
Послушайте, что вамъ имѣю я донесть:
Не Навплія, была когда мнѣ здѣсь любезна;
Но Навплія, сама меня здѣсь любитъ слезна.
Не я сего дня ей мою страсть оказалъ;
Но цѣлый годъ тому, самой какъ отказалъ,
Она свою почти всякъ день мнѣ кажетъ ласку;
Но ту я приводилъ всегда презоромъ въ краску,
Царевна! вѣрьте мнѣ: я такъ ея небрегъ,
Что коль презрѣнна есть, являлъ всегда мой бѣгъ,
И видно по всему, ея месть научила,
Что лжею васъ она толь смертно огорчила.
О! хитрость! о! подлогъ

ДЕИДАМІЯ.

Я признаюсь ужъ Князь!
Что сердце вѣритъ вамъ, и вѣрю, что сердясь,
При томъ, и что она себѣ то ставя въ славу,

Всю подложила ту обмѣнную подставу.
Но есть, что не со всемъ мою разноситъ тьму.
Хотя я ужъ весьма ей вѣры въ томъ нейму.
А первое: чтобъ ей союзъ нашъ показало?
Второе: чтобъ о васъ какъ юношѣ, сказало?
Въ обѣихъ сихъ вещахъ есть превеликій вредъ,
И могутъ намъ принесть онѣ премного бѣдъ.

АХИЛЛЕСЪ.

Не прекословлю въ томъ; и часто представляю
Себѣ сію напасть, когда я размышляю.
Но что союзъ сей нашъ ей помогло узнать;
То, подлинно, весьма не трудно отгадать:
Поступки наши всѣ, всѣ наши разговоры,
Пріязнь ко мнѣ отъ васъ, на васъ мои всѣ взоры,
Взаимная еще и смѣлость иногда,
Забота и тоска не вкупѣ мы когда,
Не знающимъ о насъ усердіе сказуютъ,
Проникшимъ же глазамъ любовь изобразуютъ:
И знатно, что хотя свѣтъ большій та имѣть,
Умыслила простерть на васъ подложну сѣть.
А юноша что я, мню, симъ она познала,
И праведна о томъ увѣрена быть стала,
Царевна, вы на мысль взведите прошлый годъ.
Вы помните что мать, чьего я чрева плодъ,
Письмо прислать свое сюда мнѣ восхотѣла,
Которымъ объявить горячесть всю имѣла;
И такжебъ о моемъ здоровье вѣдать ей,
То присланъ отъ нея нарочный въ островъ сей.
Онъ есть придворный нашъ, Ангаристомъ зовется,

Въ нехитрыхъ умъ его отъ всѣхъ у насъ кладется.
Тотъ перемѣны здѣсь не зная моея,
И такъ сему дивясь цѣвицею что я,
На Навпліюжъ нападъ, иль самъ при ней глумился,
Иль ею вопрошенъ сказать не усумнился.
Ей къ знанію сему другой дороги нѣтъ:
Всѣ способы ей тьма, одинъ сей токмо свѣтъ.

ДЕИДАМІЯ.

Но какъ то ужъ ни есть; однако ей не тайно,
Что юноша и вы, и что люблю я крайно.
О зло?

АХИЛЛЕСЪ.

Царевна! пусть то Навплія въ умѣ
Содержитъ все своемъ; однакъ себя кромѣ,
Та нашея сказать здѣсь тайны не посмѣетъ:
Отъ васъ ей гнѣва страхъ, ко мнѣжъ любовь имѣетъ.
Но въ прочемъ, намъ въ такой боязни вѣкъ не жить:
Я бракомъ съ вами самъ желаю поспѣшить.
Съ полмѣсяца ужъ я, о крайнейшей къ вамъ страсти,
Извѣстіе послалъ родившія ко власти,
Покорно тѣмъ прося позволить окончать
Взаимной нашъ союзъ, кой мы могли начать
Я воли отъ нея въ томъ скоро ожидаю,
Ея и получить въ сей день, я сердцемъ чаю.

Падъ на колѣни предъ Царевною, а руками взявъ ея руку, цѣлуетъ ея.

Царевна, о! коль въ тотъ, я буду счастливъ часъ,
Предъ жертвенникомъ въ вѣкъ соединитъ кой насъ!
Сладчайшее сіе я званіе супружникъ,
Съ преданнѣйшимъ собщивъ, пребуду вашъ услужникъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 5.

ДЕИДАМІЯ, АХИЛЛЕСЪ, НАВПЛІЙ.

НАВПЛІЙ.

При выходѣ ея на театръ Ахиллесъ всталъ.

Родитель Государь, Царевна, васъ зоветъ:
И съ Пиррою къ себѣ онъ совокупно ждетъ:
Указъ его сама чрезъ то я исполняю,
Что спѣшно оный вамъ изустный объявляю.

ДЕИДАМІЯ. *Особно.*

О! Боги: онъ призвать насъ вкупѣ повелѣлъ.

АХИЛЛЕСЪ. *Особножъ.*

Въ насъ не любовь ли Царь взаимну присмотрѣлъ?

Пошли совокупно вскинувши сурово на Навплію глазами.

—

ЯВЛЕНІЕ 6.

НАВПЛІЯ. *Одна.*

Не ясноль видъ любви глаза мои узрѣли?
О! коль всѣ страсти внутрь теперь ужъ закипѣли.
Досада, ярость, гнѣвъ, и ненависть, и месть,
Полки страшилищъ всѣхъ, что злоба вкупѣ свесть,
Мгновеніемъ могла во всей моей утробѣ;
Вы кровные сестры, а дщери ей же злобѣ,
Нужъ дѣйствуйте уже ядъ время изблевать,
Мнѣ людкость, честь, любовь здѣсь должно забывать.
Не мнѣніе теперь, но самое ужъ дѣло
Пронзило до души и сердце все и тѣло.
Вотъ та причина есть бесчастью моему,
Что онъ любезенъ ей, она жъ мила ему!
Мучитель! о! и ты мучительница злая,
Деидамія! Пирръ! васъ участь ждетъ иная:
Тогда совокупитъ васъ нѣжная любовь,
Какъ съ духомъ разлучусь, во мнѣ изскакнетъ кровь.
Вражда! я не могу безъ скрежета помыслить,
Что долгъ мнѣ сверьхъ себя Деидамію числить;
Что Пирру, что и ей должна по виду льстить!
Пусть адъ пожретъ меня, мнѣ только чтобъ отмстить.
Ахъ! что ужъ я? и гдѣ! что разумъ помышляетъ?
Пусть видѣла что я, то муку прибавляетъ;

Отчаяніе пусть мѣшаетъ весь и умъ;
Пусть ревность будетъ ядъ, а ревности я глумъ;
Но горесть и печаль есть токмо милость духа,
Всѣ слезы слабость въ насъ, рокъ къ жалобамъ безъ слуха.
Нѣтъ пользы въ томъ какъ мнѣ, такъ имъ врева въ грозахъ,
Кто дѣломъ хочетъ мстить, того языкъ въ броздахъ.
Несчастіе мое надменно презираю:
Надъ нимъ торжествовать часа я ожидаю.
Пойду искать Царя, ему все раскажу;
Но прежде я въ него сомнѣніе вложу;
По томъ такъ изъясню въ благопристойно время,
Что тѣхъ и самаго задавитъ дѣла бремя,
Погибну хоть сама; но возмогу ихъ стерть.
Ахъ! жизнь кому вся зло, тому добро есть смерть.

Конецъ перьваго дѣйствія, заключающаго въ себѣ 278 двустрочій, или 556 строкъ.

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛИКОДЕМЪ, ХИРОНЪ, *воины*, *царскіе стражи*.

ЛИКОДЕМЪ.

Ты говоришь, что есть прибывшій къ намъ съ вѣстями?

ХИРОНЪ.

Я принялъ самъ его съ не многими гостями,
И я жъ препроводилъ, обветъ его кругомъ,
Всѣхъ краснѣйшихъ палатъ, къ Вулевполему
въ домъ.
Дорогою я могъ понять изъ разговора,
Что вѣстникъ тишины тотъ прибылъ не раз-
дора,
И посланъ, что сюда подать вѣсть о послѣ,
Кой къ вашимъ здѣсь брегамъ пристанетъ въ
кораблѣ.
Къ Вулевполему я приведъ, оставилъ тамо:
А вамъ великій Царь, явился тотчасъ прямо,
Не будетъ ли отъ васъ указа какова:
На всѣ вамъ отъ меня представлены слова.

ЛИКОДЕМЪ.

Изрядно, ты поди теперь къ Вулевполему,
И отъ меня скажи, потщалсябъ онъ къ пріему
Идущаго посла все чинно учредить,
И не оставилъ бы и вѣстника гостить;
Однакъ бы приказалъ онъ блюсть его искусно:
Сіе ты подтверди, что я велѣлъ изусно.
Междужъ бы тѣмъ онъ самъ явился мнѣ сюда:
Другаго отъ тебя не требую труда.

ХИРОНЪ.

Великій Царь, указъ исполнить поспѣшаю,
Отъ вашихъ тѣмъ очей себя и отлучаю.

Онъ пошелъ.

ЛИКОДЕМЪ. *Къ стражѣ.*

Чтобъ кликнулъ кто его.

Къ Хирону.

Хиронъ, стой, возвратись;
Еще при томъ о семъ, и нужномъ потрудись.

ХИРОНЪ, *Возвратившись.*

Что хощетъ повелѣть мнѣ ваша царска воля:
Во всемъ послушну быть, моя и честь и доля.

ЛИКОДЕМЪ.

Вулевполему ты какъ скажешь мой приказъ;
То отъ меня еще исполни сей указъ:
Оттулу чтобъ ты шелъ къ пристанищу нарочно,
Гдѣ наблюдалъ бы самъ пріѣздъ посольскій точно,
И чтобъ, какъ привалитъ ко брегу судномъ онъ,
Съ извѣстіемъ ты симъ летѣлъ ко мнѣ Хиронъ.

ХИРОНЪ.

Не мню, чтобъ дѣло кто другой исполнилъ равно.
Съ усердіемъ такимъ, и толь во всемъ исправно.

—

ЯВЛЕНІЕ 2.

ЛИКОДЕМЪ. *Одинъ и сѣвъ въ кресла*

Іерофанта чтожъ толь мѣдлитъ, и нейдетъ?
Здѣсь жрицу ту мое въ боязни сердце ждетъ,

Сказала, что она собщить должна мнѣ тайну,
И страшную еще при томъ и чрезвычайну.
Отъ провѣщаній жрицъ о! рѣдко чтобъ когда,
Пріятный былъ отвѣтъ, но грозы, мракъ всегда.
Къ стражѣ:
Эй! кто нибудь изъ васъ, ступай, скажи, да знаетъ,
Что Царь уже ея давно здѣсь ожидаетъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 3.

ЛИКОДЕМЪ, НАВПЛІЯ.

НАВПЛІЯ.

Да удостоитъ Царь рабѣ мнѣ отпустить,
Дерзнувшей здѣсь предстать, пришедшей же трудить.
Величество его въ сіе при томъ и время,
Въ которо, можетъ быть, его дѣлъ важныхъ бремя
Иль облегчивъ, ему покой могло подать.
Иль умъ и рамена къ тяжчайшему призвать.
Падши на колѣна.
Однакъ, великій Царь, въ надеждѣ я на милость,
Повергшись и къ стопамъ, отложши всю унылость,
Молю позволить рѣчь; ей внятія прошу;
Величеству жъ въ извѣтъ одно то приношу,

Что не отягощу васъ многими словами,
Когда сподоблюсь я быть слышима здѣсь вами.

ЛИКОДЕМЪ.

Дщи красная князей, встань скоро и дерзай,
Весь трепетъ отложи, и смѣло предлагай,
Какое ты теперь ко мнѣ имѣешь слово;
Къ тебѣ слухъ обращенъ, и внятіе готово.
На благости къ тебѣ въ знакъ вѣрнѣйшій всея,
Въ извѣстнѣйшій залогъ щедроты моея,
Десницу подаю тебѣ жъ я милосердо:
Ты благодушствуй, симъ увѣренная твердо.

НАВПЛІЯ. *Вставши.*

Не можно изъявить, коль я благодарю,
Отъ сердца моего великому Царю,
Толь крайняя сія ко мнѣ рабѣ щедрота,
И превосходна толь величества доброта,
Творятъ, что трепетъ мой отвергла я предъ нимъ,
И токмо предстою съ почтеніемъ моимъ.
О! Царь, великій Царь: дивится сердце наше,
Коль милостиво всѣмъ, величество есть Ваше.

ЛИКОДЕМЪ.

Доволенъ я тобой; не льстивна и хвала;
Но нужда, коя слѣдъ сюда твой привела,
Какова рода есть, то слышать я желаю:
Чего для говорить тебѣ повелѣваю.

НАВПЛІЯ.

Я рѣчи моея какъ не могу начать,
Такъ продолжая мнѣ не можно и кончать,

Когда великій Царь избранныя дружины,
Не вышлетъ вонъ сея, для важныя причины.

ликодемъ. *Къ стражѣ.*

Вонъ выступите всѣ, и ожидайте тамъ;
Пока не призову сюда васъ паки самъ.

Всѣ вышли.

Къ Навплію.

Теперь дщи, начинай мнѣ обьявлять предлоги;
Но точны доноси, не распещренны слоги:
Се предо мною здѣсь одна ты предстоишь,
Препятствія тебѣ ни малого не зришь.

навплія.

Трепещу и стыжусь! все слово есть опасно.
Но дѣла предъ Царемъ я не взвожу напрасно:
Ужъ девять лѣтъ тому; отъ самыхъ тѣхъ времен̀ъ,
Ни кто ко лжи во мнѣ не ощутилъ сѣменъ.
Со всѣми дружно я живу при вашей дщери,
Къ подругамъ же моимъ мнѣ такъ отверсты двери,
Что каждая изъ нихъ, спѣшитъ меня обнять,
И тщится, лучше бъ какъ ей у себя принять.
Свидѣтель мнѣ сама во всемъ томъ и Царевна;
Свидѣтель и ея мнѣ милость ежедневна.
Въ дѣвической мы всѣ живемъ любьви всегда
Не ссоримся ни въ чемъ, ни какъ и никогда:
Едина ревность въ насъ, при нашей общей дружбѣ,
Чтобъ той ту превзойти къ Царевнѣ въ должной службѣ.

Забава иногда дѣвическая въ насъ,
Не слышимый другимъ, возноситъ смѣхъ и гласъ.
Но словомъ, всѣхъ насъ день дѣвицъ совокупляетъ,
По комнатамъ своимъ ночь паки раздѣляетъ.
Указъ намъ Царскій вашъ такъ дѣлать повѣлѣлъ,
Кой юношамъ къ намъ входъ со всѣмъ запечатлѣлъ.

ЛИКОДЕМЪ. *Вставъ съ кресель.*

Что слышу? говори мнѣ дѣло все скоряе,
Не дерзновенноль кто?... ты изьясняй свѣтляе.

НАВПЛІЯ.

Не дерзость отъ мужей....

ЛИКОДЕМЪ.

Да отъ кого? и что?

НАВПЛІЯ.

О Пиррѣ доношу: та дѣлаетъ не то,
Ужъ цѣлый годъ тому дѣвицѣ что пристойно.
Я мню, хотя такъ мнить есть нѣкакъ не достойно,
Что Пирра есть у насъ не дѣва, мужескъ полъ:
Ея поступки, всѣ дѣла, любьви глаголъ,
Взглядъ, смѣлость, сила рукъ, показываетъ ясно,
Что мнѣніе мое есть съ правдой не разгласно.

Всегда являетъ всѣмъ изъ насъ свою любовь;
На гнѣвный же отказъ подъемлетъ гордо бровь,
Вздыхаетъ иногда: а будто все нарочно;
Но поступаетъ такъ, какъ юноша есть точно.
Всѣ тщимся нынѣ мы согласно межъ собой,
Чтобъ съ Пиррою не быть ни коей ужъ одной.
Мы часто говоримъ ей не обиновенно,
Не обходилась бы она толь дерзновенно.
Но вотъ одна изъ насъ, предательница всѣхъ,
Угоденъ коей знать тотъ Пирринъ въ правду смѣхъ,
Сего недавно дня быть съ ней не постыдилась,
И отъ любовныхъ словъ ея та не щитилась.
А Пирра ей: «коль въ тотъ я буду счастливъ часъ,
«Предъ жертвенникомъ въ вѣкъ соединитъ кой насъ!
«Слатчайшее сіе я званіе супружникъ,
«Съ преданнѣйшимъ сообщивъ пребуду вашъ услужникъ.
И на колѣнахъ тамъ, отъ ревности всея,
Лобзала, рекши то, и руки у нея.
Я видѣла то все моими какъ очами,
Такъ собственными жъ то и слышала ушами.
Великій Царь! сіяль дѣвицына есть стать?
Какъ въ юноши за тѣмъ мнѣ Пирры не верстать?
Чтожъ доношу, то всѣмъ Царевну охраняю,
И должности я къ вамъ чрезъ то не измѣняю.

ЛИКОДЕМЪ.

Но имя оной, съ кѣмъ глумилась Пирра такъ?

НАВПЛІЯ.

Великій Царь! того не объявлю никакъ.
Не съ хитростижъ какой ябъ скрыть отъ васъ
хотѣла;
Но ненавистибъ я отъ нихъ не претерпѣла,
Какъ Пирра можетъ быть, не юноша: но тѣмъ
Себя притворно намъ играя, кажетъ всѣмъ.
Довольно, что ея игры не потаила,
А собщницы въ игрѣ при томъ не повредила:
Не злость меня къ сему, кленусь, могла при-
весть;
Но всѣхъ отроковицъ, и ваша царска честь.
И ежели подзоръ мой праведенъ явится;
То имя отъ Царя тоя не утаится.

ЛИКОДЕМЪ.

Изрядно. Я хвалю и вѣрность мнѣ сію,
И мнѣніе, и честь, и скромность всю твою,
Довольно: я потщусь толь странный сей при-
падокъ,
Который нелюбъ мнѣ; привесть у васъ въ по-
рядокъ.
Ты Навплія, теперь иди, все примѣчай,
Не вѣрь ни коей въ томъ ни ихъ не обличай.
Познаешь что еще, тотчасъ мнѣ достовѣрно
Не оставляй собщать, всежъ то нелицемѣрно.
Иди, мнѣ дѣло есть другое самому:
Съ Іерофантой здѣсь быть должно одному.

Навплія пошла.

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

ЛИКОДЕМЪ И ІЕРОФАНТА.

ІЕРОФАНТА.

Царю! во вѣкъ живи, и безнавѣтенъ здравствуй!
Миръ, правду вознося, всѣмъ милостивъ державствуй.
Нечестіе зло злыхъ и скверность истребляй,
Къ богинѣ нашей симъ усердіе являй:
Колико бъ ни была тобою огорченна,
Служеніемъ твоимъ та будетъ умягченна.

ЛИКОДЕМЪ.

Пророчица судебъ! вещательница сихъ!
И приносимыхъ жертвъ священница благихъ!
Служебницъ всѣхъ глава вседѣвственной богинѣ!
Іерофанта! ахъ! мнѣ кажется, что нынѣ,
Вы въ ярости сюда отъ божества пришли,
И въ укоризну все вы мнѣ произнесли,
Къ служенію меня безсмертнымъ обязуя,
И къ нимъ что нѣкій долгъ пренебреженъ, сказуя.
Діяналь зломъ какимъ разгнѣвана отъ насъ?
Сердецъ ли нашихъ жаръ къ почтенію погасъ?
Вѣщайте прямо мнѣ: не коимъ ли обѣтомъ
Вотще связались ей, что скрытымъ вы извѣтомъ
Являете уже гнѣвъ грозный отъ нея?
Скажите: всѣль мои, преступникъ токмоль я?

ІЕРОФАНТА.

Не буди раздраженъ, о! Ликодемъ, словами;
Прибытіе сюда мое къ тебѣ не съ нами
Явившимъ божество, (но не тщеславлюсь тѣмъ,
Коль недостойна я, сама всѣхъ больше вѣмъ)
Явившаяся мнѣ богиня, я вѣщаю,
Велѣла возвѣстить тебѣ, и возвѣщаю,
Что смертоноснымъ зломъ та обществу грозитъ,
И язвою сей градъ заутра поразитъ,
Когда ты не отдашь днесь должнаго ей дара;
И что неложно всѣмъ погибнуть отъ удара,
Ты буде вскорѣ ей не удовлетворишь,
И гнѣва на тебя тѣмъ въ ней не утолишь,
Но что, и какъ, и чѣмъ; того мнѣ не явила,
Ни твоея вины, ея что раздражила.
Едино гнѣвъ ея сіе мнѣ повторялъ:
Сего, чтобъ Ликодемъ дня всуе не терялъ;
Онъ помнилъ бы, богамъ что долженъ осторожно,
Не мнилъ бы и даровъ отщетевать ихъ ложно:
Судъ праведенъ нашъ есть, неправда къ намъ упасть:
Подвержена всегда въ смертельную напасть.
Такое Ликодемъ, Діянино есть слово!
Покорность и въ тебѣ, раскаяніе ново,
Да тщатся такъ сіе исполнить вскорѣ здѣсь
Чтобъ многолюдный градъ не истребленъ былъ весь:
Не медли, поспѣшай, да зло насъ не постигнетъ,
И не внезапу то богиня да воздвигнетъ.

ЛИКОДЕМЪ. *Воздѣвъ руки.*

Богиня чистоты, и дѣвственна всегда!
Тебель я возмогу противиться когда?
Къ тебѣжъ, богиня, днесь, къ тебѣ я прибѣгаю,
Тебяжъ самую мнѣ въ спасеніе взываю:
Надеждѣ ты моей претвердая стѣна;
Да будетъ жизнь моя тобой ограждена.
Отрады всякъ тебѣ откуда ожидаетъ;
Туда смиренно онъ съ слезами прибѣгаетъ.
Весь, о! богиня, духъ есть нынѣ мой смущенъ;
Но отъ тебя въ своей бѣдѣ не отвращенъ.
Не порази меня во гнѣвѣ ты жестоко,
Ни въ ярости твоей на градъ взведи сей око.
И буде предъ тобой я тако прегрѣшилъ,
Что должнѣйшихъ тебѣ тебяжъ даровъ лишилъ;
То самаго себя, и все что я имѣю,
Въ заплату долга се тебѣ дать не жалѣю.

Къ Іерофанту.

Іерофанта! что мнѣ дѣлать надлежитъ?

ІЕРОФАНТА.

Богиню жертвой Царь умильно да блажитъ;
Да обѣщанный ей воздастъ онъ вскорѣ дары,
И новыми еще да пріумножитъ стары.

ЛИКОДЕМЪ.

Исполнить все готовъ съ усердіемъ моимъ;
Не знаяжъ, въ тьмѣ густой преступствомъ я ка-
кимъ
Могъ толь преогорчить безсмертную богиню,
Не знаю умолить ея чѣмъ благостыню;

При томъ и даръ какой ей долженъ возвратить:
Не помню, чтобъ я чѣмъ ея могъ обольстить.
Чего для ей принесть какуюжъ бы и жертву,
Которуюбъ намъ зрѣть людей всѣхъ вмѣсто мертву,
Не знаю я отнюдь, и знать не возмогу;
Да токмо ей творю извѣсну внутрь тугу.
Іерофанта! вы въ богининъ храмъ идите,
И тамъ о всемъ ея прилѣжно вопросите:
Не будетъ, вѣрю то, къ вамъ непреклонна такъ,
Чтобъ не благоволить разгнать ей весь нашъ мракъ.
Богиня, что сама сказать вамъ тамъ изволитъ;
То самое за насъ богиню и да молитъ,
Тожъ самое и мой да очищаетъ грѣхъ,
И то да свободитъ людей отъ язвы всѣхъ.
Идите скоро.

ІЕРОФАНТА.

Се иду я поспѣшая,
И всякаго отъ ней отвѣта всѣмъ намъ чая.
Но что богиня намъ творить ни повелитъ;
То въ жертву тотчасъ ей да Царь и отдѣлитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 5.

ЛИКОДЕМЪ, ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

ЛИКОДЕМЪ.

Сѣвъ въ крѣсла въ крайней печали, а увидѣвъ входящаго къ себѣ Вулевполема, устреми-

тельно вскочивъ съ нихъ и говоритъ.

Вулевполемъ, что ты мнѣ долго не явился?

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Царь Государь! уже давно я здѣсь трудился,
Предъ царское лице скоряй бы мнѣ предстать:
Но вашъ стражамъ приказъ, чтобъ къ вамъ не допускать,
Не будете пока единъ вы въ сей палатѣ,
Мнѣ времени всего причиною былъ къ тратѣ.
Но скоро какъ узрѣлъ Іерофантинъ слѣдъ,
Идущія отъ васъ, отъ вашихъ и бесѣдъ;
Такъ тотчасъ поспѣшилъ я въ вольности стопами
Войти палаты внутрь, да буду въ ней предъ вами.

ЛИКОДЕМЪ.

Явился какъ тебѣ Іерофантинъ взоръ?

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Ея отсюду ходъ поспѣшенъ былъ и скоръ,
И не оставшись та со мною ни на мало,
Хоть нѣсколькобъ ей стать съ учтивства надлежало,
И выслушать едва возмогши мой привѣтъ,
Да токмо слова съ два сказавши мнѣ въ отвѣтъ,
Въ мгновеніи по томъ, та сѣла въ колесницу,
И коней гнать своихъ принудила возницу.
Однакъ казалось мнѣ, что видъ въ ней былъ суровъ,
Вселяла будтобъ та во внутренность боговъ.

ЛИКОДЕМЪ.

Не усмотрѣлъ ли ты, путь кой она держала,
Когда поспѣшно толь отсюду побѣжала?

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

За скоростію я примѣтить не возмогъ,
Держалась та какихъ въ поспѣшности дорогъ.
Но мню что по пути поѣхала прямому,
Къ Діанину ведетъ, кой храму здѣсь святому.

ЛИКОДЕМЪ.

Такъ чаю. Чтожъ теперь прибывшій вѣсникъ нашъ?

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Хранится такъ, указъ какъ повелѣлъ мнѣ вашъ;
И караулъ къ нему, въ видъ чести, есть приставленъ.

ЛИКОДЕМЪ.

Но съ чѣмъ, и отъ кого къ намъ оный есть отправленъ?

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Послалъ его Улиссъ Итакскій Царь предомъ
Который будетъ къ вамъ тотчасъ и самъ посломъ
Отъ Греческихъ Князей, и всѣхъ силъ ополченныхъ,
Въ Авлидѣ, на Пергамъ и Иліонъ собщенныхъ;
Агамемнонъ у нихъ надъ всѣми главнымъ есть,
Которыхъ собрала не вѣмъ какая месть:
А отъ Улисса и сей вѣсникъ присланъ прежде,

Что здѣсь его вамъ ждать прибытія въ надеждѣ,
Увѣренну о немъ что другомъ идетъ онъ,
И что споручникъ вамъ въ томъ самъ Агамемнонъ.

ЛИКОДЕМЪ.

Агамемнонъ во всемъ ихъ воинствѣ есть главный!
Съ посольствомъ же сюда Улиссъ къ намъ идетъ славный
По чести знаю я давно ужъ обоихъ,
Не знаю хоть въ лице ни коего изъ нихъ:
Атреевъ первый сынъ, Лаертъ родилъ другаго;
По роду своему тѣ плѣмени драгаго.
Но по чтобъ, и за чѣмъ толь знатный сей посолъ
Отправленъ былъ до насъ предъ самый нашъ престолъ?
Вулевполемъ, тебѣ знать не далъ ли тотъ вѣсникъ!

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Онъ ежели въ своихъ словахъ былъ непрелесникъ;
То нѣсколько я могъ узнать чрезъ разговоръ,
Что сей священный вашъ въ себѣ содержитъ дворъ
Прехрабраго весьма и знатнаго героя,
Безъ коего ни чемъ не возмется градъ Троя:
Отъ войска жъ и Царей Улиссу данъ наказъ,
Чтобъ онаго ему здѣсь требовать у васъ;
Принявъ его, привезъ съ собоюбъ онъ въ Авлиду,
И воинства всегобъ тамъ предпоставилъ виду.

ЛИКОДЕМЪ.

Въ чертогахъ у меня находится герой!
И проситъ весь его соединенный строй!
Вулевполемъ, какъ то?

ВУЛЕВПОЛЕМЪ

Не знаю; но нарочно,
И больше, что за тѣмъ посолъ отправленъ точно.

ЛИКОДЕМЪ.

О! Боги, что за день? мнѣ вѣсти по вѣстямъ;
А убиваютъ тѣ не вдругъ, но по частямъ.
Богиня! успокой смущеніе сердечно;
Ахъ! и не попусти отъ зла погибнуть вѣчно.

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Но что за страхъ, о! Царь, приводитъ васъ къ сему?
Посольство идетъ къ вамъ! въ томъ зла нѣтъ по всему:
Вамъ должно воспріять посла къ престолу чесно,
И будежъ отъ него предложится что лесно;
То равнуюжъ ему долгъ лестію сказать,
Что онъ предлогомъ тѣмъ изволилъ обязать.
Но есть ли онъ чего здѣсь требовать посмѣетъ,
Въ чемъ меньше пользы вамъ, что трудность вредъ имѣетъ,
То обѣщать ему по времени явить,
Что лучшее умъ вашъ возможетъ разсудить;
А на конецъ, я мню, такъ словомъ обоюднымъ,
Какъ дѣлается то обычаемъ повсюднымъ,

Надежду подавать послу чрезъ вашъ отвѣтъ,
Чтобъ не былъ въ томъ ни мракъ ни не былъ
быи свѣтъ:
При всемъ томъ надлежитъ стараться особливо,
Чтобъ дѣла до конца съ нимъ поступать уч-
тиво.

ЛИКОДЕМЪ.

Не въ томъ печаль моя, что жду къ себѣ
посла;
Посольство по своей природѣ есть безъ зла.
Но зло что идетъ онъ въ посольствѣ по героя;
То самое меня лишаетъ здѣсь покоя.
Не знаешь ты еще всего, Вулевполемъ,
О чемъ крушится Царь бесчасный Ликодемъ.
Ахъ! знать причина вся...

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Но вы сказать не ложно
Имѣете послу, что нѣтъ и не возможно
Герою быть у васъ для важнѣйшихъ препонъ,
И что посла трудилъ вотще Агамемнонъ.

ЛИКОДЕМЪ.

Вотщель не знаю я: однакъ не безъ причины
Онъ посланъ съ тѣмъ ко мнѣ отъ многія дру-
жины,
Собравшихся уже толь сильныхъ тамъ Царей,
И воинства всего, и славнѣйшихъ вождей.
Сіе такъ положивъ, и то что я ужъ знаю,
То сходство я во всемъ премного обрѣтаю,
Вулевполемъ, и ты какъ обьявлю тебѣ,

Не инакъ будешь мнить о злой моей судьбѣ,
Представъ теперь уму ты Пирру здѣсь младую;
Ту за героя, ту пріемлю я самую.

вулевполемъ.

Какъ можно за того вамъ принимать ея?
Державный Царь, весьма не доумѣю я.

ликодемъ.

Прислала ту ко мнѣ, какъ знаешь самъ Ѳетида,
Не давши мнѣ о ней, кромѣ такова вида,
Что дщерь есть Пирра ей; ту взялъ бы я въ свой кровъ,
И не далъ бы чрезъ то въ смертельный пасть сей ровъ
Который на нея месть яра ископала,
Но счастливо она Ѳетида все узнала:
Чтобъ я ей при моей позволилъ дщери быть,
И отъ напасти ту симъ способомъ укрыть:
Что вкупѣ и Хиронъ достойный къ ней приставникъ,
Обычаевъ благихъ учитель и наставникъ
Отправленъ есть ко мнѣ при оной для того,
А мнѣбъ моимъ имѣть придворнымъ здѣсь его,
Пока Ѳетида дщерь отъ насъ взять пожелаетъ,
Котораго и мнѣ она препоручаетъ:
Что Пиррѣ та своей счисляетъ девять лѣтъ.
Пелеемъ отъ нея какъ родилась на свѣтъ.
Вотъ только и всего про Пирру самъ я знаю,
Какъ девять же ужъ лѣтъ чертоги ей собщаю,
Отнелѣжъ получилъ отъ матерня лица;
При дщери содержа, ей равножъ за отца.

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Однакъ къ вамъ прислана та дѣва дѣвъ въ средину;
Какъ превратиться ей въ героя? какъ стать сыну?

ЛИКОДЕМЪ.

Какъ превратиться ей! сынъ посланъ есть за дщерь.
Одеждой премѣненъ, и тамъ, и здѣсь теперь.
Но въ протчемъ, прямо такъ хотя не разумѣю;
Однакъ такъ мнить, причинъ довольно я имѣю.
Не давно, и еще не будетъ, мнится съ часъ,
Въ прибытіе сюда ужъ вѣсника до насъ,
Какъ Навплія ко мнѣ пришедши доносила,
Что у дѣвицъ моихъ сносить не можетъ сила
Всѣхъ Пирриныхъ рѣчей, которы ихъ стыдятъ,
И больше отъ нея терпѣть ужъ не хотятъ,
За тѣмъ что тѣ слова всѣ юношамъ пристойны,
А ихъ отроковицъ всемѣрно не достойны.
Второе, для чегожъ приставникомъ бы къ ней
Полъ мужескъ данъ сюда Хиронъ придворный сей?
При дѣвахъ лучше быть приличія по дѣлу,
Для чести и добра подобному ихъ тѣлу,
А чтожъ и самый тотъ къ намъ ѣдущій посолъ?
Въ героѣ томъ ему не дѣвинъ нуженъ полъ.
Но кто у насъ герой? иль Пирра оный власно;
Иль къ намъ его походъ предвоспріятъ напрасно.

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Я признаваюсь вамъ, державный Царь, что мнѣ
Вашъ кажется доводъ толь силенъ о Княжнѣ,

Что инако о ней и думать не возможно:
И женскій что уборъ вздѣтъ на нея подложно.
Но вамъ хотя и есть не безъ печально то;
Однакъ, я мню въ себѣ, обманъ сей есть ничто.

ЛИКОДЕМЪ.

Ничто! ты говоришь; ничто? такъ разсуждаешь.
О! горесть, о! напасть, скажу да утверждаешь,
Что можетъ быть сіе ничто собой самимъ
Какъ смертоносно мнѣ, такъ подданнымъ моимъ.
Познай, Вулевполемъ, тебѣ я открываю,
О чемъ и сердцемъ всѣмъ и духомъ самъ рыдаю.
Какъ дщерію въ день онъ я сталъ усугубленъ;
То отъ того часа, отъ первѣйшихъ пеленъ,
Діанѣ посвятилъ въ моемъ ея обѣтѣ,
Да долго поживетъ Деидамія въ свѣтѣ.
Я тайны ни кому по нынѣ не явилъ,
А и тогда одной по должности сообщилъ:
То матери ея, моей драгой супругѣ,
Лежащей на одрѣ рожденія въ недугѣ,
Которую по томъ постигъ тамъ смертный часъ,
И вскорѣ отъ моихъ слезящихъ отнялъ глазъ:
Но дщерь моя сего не знаетъ и по нынѣ,
Что долгъ ей провожать жизнь въ дѣвственной святынѣ.
О! злополучный я, не сей ли то и даръ
Отъятъ у Божества чрезъ иный сердца жаръ!
И мнится, что въ такомъ быть случаѣ возможно...
Однакъ, будь нерушимъ оброкъ мой не отложно.
Но въ протчемъ, какъ бы то ни было, и ни есть;

Да только намъ явна Богинина ужъ месть.
О! пагубное зло! Іерофанта жрица
Пришедъ сказала мнѣ, Богиня чѣмъ дѣвица
Намъ въ ярости своей презѣльно ужъ грозитъ,
И токмо что весь градъ во гнѣвѣ не разитъ,
До утра токмо намъ казнь ону отложивши,
Божественную тѣмъ пріязнь еще явивши,
Что милость предъ судомъ идетъ ея въ передъ,
И удержала что на нѣсколько тотъ вредъ:
Однакъ въ такомъ весьма со мною договорѣ,
Сего дня чтобъ отдать ей всѣхъ людей при зборѣ,
Что отнято чрезъ насъ въ неправдѣ у нея.
Но будучи о томъ въ незнаніи самъ я,
Увѣренный о всемъ ея толикомъ гнѣвѣ,
Іерофанту въ храмъ послалъ молиться дѣвѣ,
Да намъ истолковать самажъ благоволитъ,
И дѣлать что намъ долгъ, она да повелитъ.
Не видишь ли, что мечь виситъ уже надъ нами?
И только что еще не рыщетъ смерть стадами?
Какъ скорожъ отъ себя я отпущу посла,
То, чтобъ не допустить толикаго намъ зла;
Іерофанта мнѣ коль трудное ни скажетъ,
Усердіе всего Богинѣ, не откажетъ.

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Что пораженный мой внезапу слышитъ слухъ!
И чувствую, во мнѣ жаръ внутренній потухъ!
Я ощущаю, зрю присутственну смерть окомъ!
Не преждель всѣхъ меня разитъ Богиня рокомъ?

ЛИКОДЕМЪ.

Не бойся, ободрись; однакъ не разглашай,
И въ неприспѣвшій часъ себя не сокрушай.

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Но язва ужъ близка...

—

ЯВЛЕНІЕ 6.

ЛИКОДЕМЪ, ВУЛЕВПОЛЕМЪ, ХИРОНЪ.

ХИРОНЪ.

Указомъ долгъ былъ вашимъ.
Посла мнѣ ожидáть къ брегамъ идуща нашимъ.
И се, державный Царь, предъ васъ я предстаю,
Здѣсь вѣдомость о томъ вамъ точну подаю.
На пристань я прибывъ, самъ наблюдалъ опасно,
Чтобъ вéлѣное мнѣ исполнить не бесчасно:
А времени почти я съ часъ и не былъ тамъ,
Какъ усмотрѣлъ корабль пловущій прямо къ намъ.
Тотъ издали сперва верьхами забѣлѣлся,
И тѣмижъ иногда мелькая онъ краснѣлся.
По томъ казался мнѣ открытымъ весь шатромъ,
Пріемлемымъ весьма за цѣлый въ морѣ домъ.
Приближившись еще, ужъ мрежею мнѣ зрится,
Которая сверьхъ водъ къ брегамъ сюда катится.
Вотъ слышится и шумъ, кой взноситъ всякъ пловецъ.

Богинямъ и Богамъ въ веселіи сердецъ;
Сей голосъ на брегахъ громчайше раздавался,
Какъ въ зданія у насъ съ возвратомъ ударялся.
Сопетъ корабль; уже его раздѣльно зрю:
А волны водъ предъ нимъ, имѣя будто прю,
То вскорости къ нему, то прочь всѣ отбѣгаютъ,
То съ пѣною свой валъ ко брегу предсылаютъ.
Корабль самъ какъ гора, сверьхъ водныхъ идетъ горъ,
Громадою тяжелъ, но ходомъ легкъ и скоръ:
Всѣ парусы на немъ пріемлютъ вѣтръ дугою;
Хоругви, знамена своею тамъ игрою
Полощутъ вьясь зміей на всѣхъ его древахъ,
На верьвяхъ такъ же всѣхъ въ низу и на верьхахъ:
А всѣ различены отборными цвѣтами.
Пріятно видѣть то! я разсказать устами
Такъ точно не могу, коль строенъ тотъ уборъ,
И коль онъ веселитъ собою зрящихъ взоръ.
Тамъ въ близости къ кормѣ въ верьхъ нѣсколько взнесенной,
Писаніемъ живымъ и златомъ распещренной,
И рѣзьбою при томъ поставленныхъ Боговъ,
(Коль можно разсмотрѣть мнѣ было то съ береговъ,)
Покровъ былъ распростертъ къ бокамъ его съ средины,
Накрывшій тотъ корабль съ тѣхъ мѣстъ до половины:
Багряный цвѣтъ его; кончили жъ бахрамы

Край нижній съ двухъ сторонъ, а съ третей
отъ кормы;
Но съ носу былъ открытъ палатку представляя,
Чрезъ велелѣпность умъ смотрящихъ удивляя.
Сей самый носъ рѣзнымъ львомъ дивно украшенъ
Гдѣ златомъ, гдѣ сребромъ былъ весь обогащенъ;
Казалось и въ самомъ львѣ живность мнѣ толика,
Что токмо не имѣлъ свирѣпый звѣрь тотъ рыка.
Но вотъ и самъ корабль къ брегамъ вблизь привалилъ,
И на зыбяхъ одинъ бокъ свой къ намъ обратилъ;
Качаясь же еще и носомъ и кормою,
Намъ будтобъ онъ чрезъ то самъ поздравлялъ собою:
Волнажъ, котора къ намъ то зрѣлище несла,
Какъ величаясь тѣмъ, вспятъ буйно потекла.
Пловцы на якоряхъ сосудъ остановили,
И радость въ томъ свою трикратко огласили.
Тогда вдругъ начался въ тимпаны громкій бой,
И трубный свѣтлый гласъ, и струнъ премногихъ строй.
Посолъ въ красѣ своей, стоялъ тамъ подъ покровомъ,
Оливну вѣтвь держа, богато убранъ, словомъ;
По томъ въ кораблецѣ на пристань привезенъ,
Гдѣ войскомъ вашимъ онъ и принятъ и почтенъ:
Уже и идетъ къ вамъ во всемъ такомъ обрядѣ.

Но бывъ, державный Царь, отъ васъ я тамъ
въ отрядѣ,
Между тѣмъ прибѣжалъ подать вамъ вскорѣ
вѣсть,
И купно здѣсь о томъ подробнѣйше донесть.

ЛИКОДЕМЪ.

Тебѣ, Хиронъ, за трудъ благодарю такъ равно,
Коль волю ты мою исполнилъ въ томъ исправно.
Теперь поди къ моимъ, скажи имъ, тишебъ шли,
И лучшимибъ Посла мѣстами здѣсь вели:
Я въ шествіи его самъ видѣть любопытенъ,
Изъ верьхнихъ теремовъ смотря пребуду скры-
тенъ.
А ты со мной тулажъ иди Вулевполемъ,
Тамъ нѣчто приказать тебѣ хочу объ немъ.

Конецъ втораго дѣйствія, заключающаго въ себѣ 262 двустрочія, или 524 строки.

—

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АХИЛЛЕСЪ, ДЕИДАМІЯ.

ДЕИДАМІЯ.

Не льститель вы, мой Князь! что время ужъ
настало?
Сладчайшихъ намъ торжествъ, боязнижъ миновало?
Что разсвѣталъ тотъ день? но какъ? сказать
прошу.

АХИЛЛЕСЪ.

Отнюдь я вамъ не лгу, и паки доношу,
Что страхованій всѣхъ, и золъ гроза плачевна
Не можетъ намъ вредить, дражайшая Царевна;
Всѣхъ радостей ужъ ликъ....

ДЕИДАМІЯ.

Какой же слѣдъ тому?
Ахъ! вѣрю вамъ едва.

АХИЛЛЕСЪ.

Повѣрьте моему
И сердцу, и любьви, и твердѣйшему слову,
Что материяя власть мнѣ околичность нову
Желаній всѣхъ моихъ къ успѣху подала,
Дабы Царевна, вы моею въ вѣкъ была.

ДЕИДАМІЯ.

Такъ боги да велятъ, чтобъ вы, (я смертной ночи
Имѣю какъ приспѣть,) мои закрыли очи,
А пребывалибъ здѣсь до тѣхъ временъ со мной:
И ни когда ни чей, да токмобъ были мой.

АХИЛЛЕСЪ.

Когда судьба намъ вѣкъ толь красный обѣщаетъ;
То смерти въ помыслъ мой, теперь умъ не вмѣщаетъ,
Но сердце въ глубинѣ клянется вамъ своей,
Что токмо вашъ всегда, не будетъ Пирръ ни чей.
Однакъ мысль отъ чего въ смущеніе приходитъ?

И что Царевна васъ къ не радости приводитъ?
Я приношу теперь сладчайшую вамъ вѣсть,
Мнѣ кою въ жизнь мою всему долгъ предпочесть,
Что вы уже въ сей день преданнѣйшаго друга
Любезнѣйша на вѣкъ обрящетесь супруга.
О! щастіе, мнѣ верьхъ всѣхъ щастій въ свѣтѣ семъ;
Помыслить не могу, безъ сладости объ немъ;
Стремится умъ въ восторгъ; и члены всѣ играютъ;
Мечтанія себя въ блаженствѣ почитаютъ,
Зря не сравненну васъ и нѣжну красоту,
И дарованій зря толику высоту.

ДЕИДАМІЯ.

Не крою, чувство все мнѣ ваше есть пріятно;
Но щастіе весьма къ союзу не понятно:
Любовь всегда, какъ мню, боязни есть полна,
И слышу внутрь, что я быть инакъ не вольна.
О! колебаній мнѣ, о! мыслей сколько мрачныхъ,
О! видовъ странныхъ коль мнѣ зрится и не взрачныхъ:
Спокойствіе меня не смѣетъ посѣщать,
И лучь его святый не можетъ освѣщать,
Мятежи на прерывъ волнуются въ утробѣ,
Мечтами зрю себя ужъ въ близости при гробѣ.
Надежды нѣтъ, чтобъ я остатся въ ней могла,
Нѣтъ и боязни мнѣ, чтобъ зла во всемъ была:
Умъ зыблясь въ ту страну, по томъ изъ той въ другую,

То щастіе мнѣ зритъ, то гибѣль вскорѣ злую,
И безуспѣшно толь онъ мысль свою ведетъ,
Что ужъ не знаетъ самъ, чего себѣ такъ ждетъ.
Ахъ! Навплія меня безмѣрно устрашаетъ;
Коль добродѣтель, Князь впреки ни утѣшаетъ.

АХИЛЛЕСЪ.

Царевна, не могу нимало самъ понять,
Какой мракъ превозмогъ толико васъ обнять:
О радости моей, и купно здѣсь о вашей,
Я вѣсникъ къ вамъ предсталъ споручникъ въ части нашей
И чаялъ, что я вамъ весьма тѣмъ услужу,
А не печально толь здѣсь онымъ поражу.
О! нѣтъ знать на землѣ толикаго блаженства,
Чтобъ не имѣло то въ себѣ не совершенства;
Иль боги съ неба къ намъ добро въ такой шлютъ вѣсъ,
Чтобъ въ ономъ былъ всегда зла мнимаго примѣсъ,
Иль, на конецъ сама, скажу вамъ откровенно,
Чего нѣтъ, мните быть мечтою дерзновенно,
Изобрѣтая тамъ пустую толь напасть,
Гдѣ вожделенна есть, не злополучна часть.
Но Навплін вашъ духъ толиколь ужъ трепещетъ,
Что ревности ея со всѣмъ ничто не мещетъ.

ДЕИДАМІЯ.

Ахъ! Князь...

АХИЛЛЕСЪ.

Скажите, что?

ДЕИДАМІЯ.

Люблю; а мой отецъ
Не знаетъ о моей любви.

АХИЛЛЕСЪ.

Такъ на конецъ:
Чтожъ можетъ изъ того произойти намъ злаго?

ДЕИДАМІЯ.

Та скажетъ все ему съ прибавкою иного,
О! небо, отврати.

АХИЛЛЕСЪ.

Могла ложь устрашить
Васъ Навплійна толь! но Пирръ Царю внушить
И спѣшныя стопы за тѣмъ къ нему направить,
Какъ скоро тотъ Посла возможетъ самъ отправить,
Подщится, что я есмь, вѣщая, вашъ женихъ,
И быть мнѣ тѣмъ, есть власть родителей моихъ;
Что больше нѣтъ уже мнѣ при дѣвицахъ мѣста,
И что Царевна вы, его дщерь, мнѣ невѣста.
Не можетъ Ликодемъ разсторгнуть нашихъ узъ,
И знаю, что себѣ въ честь приметъ онъ союзъ.
Съ обѣихъ я сторонъ есмь Божеское сѣмя,
Съ отцовы равно такъ и съ матерни тожъ племя:
Іовитъ самъ отецъ есть Эаку; а сей,
Пелея породилъ; родитель мой Пелей:
Мнѣ прадѣдъ по сему есть Юпитеръ великій.
Яль не любъ буде зять, кто правнукъ есмь толикій!
Отпда есть мнѣ мать съ другія стороны,

(На бракѣ у нея безсмертны гощены,
Гдѣ веселится толь желали всѣ не лесно,
Что распрѣ быть съ собой изобрѣли не вмѣсно;
Но яблоко она метнувши въ ихъ соборъ,
Вотъ въ трехъ богиняхъ тѣмъ произвела раздоръ.)
Та отъ Дорисы дщерь преславному Нерею,
Кой нимфъ еще родилъ зеленовласныхъ съ нею;
Родитель есть сему тотъ ветхій Окіянъ,
Который отъ судьбы самъ въ прадѣдахъ мнѣ данъ.
Какъ Навпліѣ дерзнуть востать на насъ бѣдою?
Я сынъ, я внукъ богамъ, я правнукъ имъ судьбою.
Но вы едина дщерь родителю, онъ Царь,
И подданнымъ своимъ Великій Государь.
Чтожъ Навплія? раба есть ваша, по породѣ:
Тѣмъ не захочетъ быть за свой доносъ въ безгодѣ.
Какаяжъ есть и мзда клеветъ за непріязнь?
Мученіе съ перьва, по томъ и смертна казнь.
Оставте всѣ свои напрасныя печали:
Ужъ много кратъ твержу. Что радости настали.

ДЕЙДАМІЯ.

И я ужъ вѣрю вамъ, о! мой дражайшій Князь;
Но доношу еще, а съ вами тѣмъ не прясь,
Что чувства моего вѣщаніе иное,
Симъ сердца внутрь оно мнѣ предсказуетъ злое.
Однакъ причину всю, вамъ буде не стужу́,
Веселій нашихъ тѣхъ теперь явить прошу.

АХИЛЛЕСЪ.

Я доносилъ ужъ вамъ, и нынѣ тожъ собщаю,
Какъ матерьнихъ давно я позволеній чаю,
Чтобъ положенный бракъ мнѣ съ вами совершить:
Сегожъ дня все отъ ней возмогъ и получить.
Что присланъ отъ Посла сюда не давно вѣсникъ,
Какъ нѣкоторый самъ тогожъ Посла памѣсникъ;
Сей мнѣ привезъ письмо, то тайно отдалъ онъ
Хирону самому, а вѣрно мнѣ Хиронъ.
Симъ волю всю свою мнѣ матерь обьявляетъ;
И сочетатся здѣсь та съ вами позволяетъ.
Къ Хирону такъ же есть другое отъ нея,
Которое прочесть не удостоенъ я:
Хиронъ мнѣ обьявилъ учтиво, да и смѣло,
Что писанное знать, мнѣ время не приспѣло;
Что въ прочемъ все тамъ есть по сердцу моему,
И что исправно онъ исполнитъ по тому.
Я не сомнѣнно мню, что матерь восхотѣла
Просить Царя о томъ, Хиронужъ повелѣла,
Чтобъ чрезъ него позналъ ту прозьбу Ликодемъ,
Но сей въ томъ отказать возможетъ ли за чѣмъ?

ДЕИДАМІЯ.

Отъ чести отрещись не можетъ мой родитель;
Но можетъ рока судъ быть лютый мнѣ губитель.

—

ЯВЛЕНІЕ 2.

АХИЛЛЕСЪ, ВУЛЕВПОЛЕМЪ, ДЕИДАМІЯ.

и двоя изъ стражи.

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Царевна, и Княжна, дерзаю я донесть,
Вамъ Царскій входъ сюда умножить должно есть:
Въ сію палату онъ быть хочетъ славно вскорѣ;
А мнѣ здѣсь повелѣлъ стараться о приборѣ.

ДЕИДАМІЯ.

По слову твоему иду къ отцу тотчасъ.

АХИЛЛЕСЪ.

И мнѣ не инакъ святъ есть Царскій сей указъ.
Пошли.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ВУЛЕВПОЛЕМЪ *Къ стражамъ.*

Вы, воины, скоряй другіе принесите
Мнѣ крѣсла для Посла; и тамъ еще спросите
Великолѣпнымъ чѣмъ покрытаго стола:
Ступайте; скорость въ васъ крылатоюбъ была.

Пошли и тотчасъ несутъ крѣсла.
Къ нимъ же.

Поставте крѣсла тутъ противъ сихъ Царскихъ прямо,
Они поставили.
Бѣгитежъ вы туда, дабы вамъ столъ взять тамо.
Пошли и тотчасъ несутъ.
Къ нимъ же.
Столу на мѣсто Царь средину показалъ,
И такъ поставить сей онъ мнѣ самъ указалъ.
Они поставили столъ отъ обоихъ крьселъ нѣсколько одаль; и отъ обьихъ же сторонъ въравномъразстояніи.
Къ нимъ же:
Подите, ну, теперь къ товарьщамъ съ покоемъ,
Соединитьсябъ вамъ сюда съ идущимъ строемъ.
Пошли.

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

ЛИКОДЕМЪ, ДЕИДАМІЯ, АХИЛЛЕСЪ, НАВПЛІЯ, ВУЛЕВПОЛЕМЪ, и прочіе всѣ дѣвицы, такъ же и царская стража.

ЛИКОДЕМЪ.

Вышедъ на средину Театра, а за нимъ и всѣ:
Посолъ ужъ во дворѣ. Но ты Вулевполемъ,
Какъ здѣсь стоять при мнѣ, назначъ теперь имъ всѣмъ.
Самъ сталъ при своихъ крьслахъ, имья въ рукахъ скипетръ.

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Благопристойно къ вамъ Царевнѣ стать поближе;
Долгъ Пиррѣ быть при ней, однакъ довольно ниже.
А Навплія по томъ ужъ мѣсто взять должна;
По сей порядкомъ всѣ, честь коей какъ дана.
Симъ образомъ весь бокъ дѣвицами скраси́тся:
Но стража поперегъ и о́даль да вмѣстится.

Всѣ такъ расположились, какъ назначено.

При семъ концѣ стола, который вкось отъ васъ,
По должности моей я стану самъ тотчасъ.
Предшествуяжъ Послу, и къ крѣсламъ самъ приведши,
А вскорѣ отъ него назадъ сюда отшедши,
Вдоль станетъ отъ меня Хиронъ здѣсь при столѣ;
Но сторону сію занять всѣ по Послѣ
Пришедшіи за нимъ возмогутъ всякъ по чину;
И такъ соединить стражей съ собою дружину.
Державный Царь, указъ былъ вашъ чтобъ учредить;
Но лучше я не могъ никакъ распорядить.

Выговоривъ сталъ на своемъ мѣстѣ.

ЛИКОДЕМЪ.

Будь такъ. Но слышемъ стукъ толпящася народа:
Дошелъ ужъ знать Посолъ до самаго къ намъ входа.

—

ЯВЛЕНІЕ 5.

Прежнія всѣ, улиссъ, хиронъ, и слѣдующіи за улиссомъ.

Когда Улиссъ выходитъ на Театръ, имѣя въ рукахъ вѣтвь, то напередъ идетъ Хиронъ, а за Улиссомъ воинъ несетъ преизрядный горшокъ съ цвѣтами: за симъ два воина идутъ съ двумя корзинами фруктовъ, переложенныхъ зелеными листочками: на послѣди четвертый несетъ копье, щитъ и шлемъ: за всѣми сими идетъ самъ Улиссъ. При выходѣ его въ оркестръ играютъ на трубахъ. А онъ пришедъ къ уготованнымъ ему крѣсламъ начинаетъ слѣдующее:

улиссъ.

Агамемнонъ Царь, вождь Пеласгическихъ силъ,
Которые союзъ всеобщій ополчилъ,
Фригійскія Трои къ насильнѣйшей осадѣ,
И на Царя ея Пріама сѣдша въ градѣ,
Державному Царю здѣсь Ликодему вамъ
Изусно чрезъ меня, но равно какъ бы самъ,
И здравія всегда, и многихъ лѣтъ желаетъ,
А дружбы своея въ знакъ дары посылаетъ,
Вамъ копіе и щитъ, и свой любезный шлемъ.
Что воистину всему былъ видимъ часто въ немъ;
Но цвѣты и плоды Царевнѣ и дѣвицамъ,
Предъ солнцемъ вами, всѣмъ прекраснымъ, какъ зарницамъ.

Чтожъ до меня Посла: толикому Царю
Вручивъ себя въ любовь, почтеніе творю:
И такъ донесть при томъ отъ искренности смѣю,
Что видѣть вашъ престолъ за щастіе имѣю.

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Пресвѣтлый Ликодемъ, самодержавный Царь,
Землѣ всей и морямъ великій Государь,
За честь, и дары всѣ, и за усердность ону,
Благодаритъ весьма Царю Агамемнону.
Но васъ Посла, Царяжъ, увѣрить повелѣлъ,
Что другомъ вашимъ быть за славу онъ почелъ.

Когда Вулевполемъ сіе говорилъ, тогда Хиронъ принесенные дары пріемля отъ воиновъ, такъ располагалъ на столѣ, что горшекъ съ цвѣтами поставилъ напереди, по краямъ корзины съ фруктами, въ срединѣ на нѣчто возвышенное положилъ шлемъ, копье вдоль стола, а щитъ поперегъ на оное. Но какъ скоро окончалъ Вулевполемъ; то Ликодемъ отдавъ свой скипетръ ему, а Улиссъ вѣтвь свою ближнему изъ воиновъ, сошлись по срединѣ и обнялись, по томъ:

ЛИКОДЕМЪ.

Гость вожделѣнный намъ, прошу принять за благо
Тутъ сѣсть, и отдохнуть съ пути по морю злаго.

УЛИССЪ.

Державному Царю я волю всю мою,
Безъ прекословно здѣсь отъ сердца отдаю.

Оба сѣли.

ЛИКОДЕМЪ.

Агамемнонъ теперь находится гдѣ здраво?

УЛИССЪ.

Въ Авлидѣ, содержа надъ войскомъ власти право.

ЛИКОДЕМЪ.

Собранію сему, что за причина есть?
И рать недружный Богъ сію воздвигъ кой?

УЛИССЪ.

Месть
Но къ Мести сей вожди Минерва и Юнона,
Подавшіе намъ всѣмъ въ главу Агамемнона.

ЛИКОДЕМЪ.

Месть, говорите вы, родная злобы дщерь!
Что слышу я отъ васъ толь мудраго теперь?

УЛИССЪ.

Месть, повторяю я, и месть та особлива,
Которая въ своихъ причинахъ справедлива.

ЛИКОДЕМЪ.

О! боги, какъ самимъ угодно намъ слѣпѣть,
Съ разсудкомъ бы умовъ сердцами толь кипѣть?
Коль многократно месть гробъ трупомъ насы-
щаетъ!
Коль многократно та въ верьхъ дномъ все об-
ращаетъ!

Коль падаетъ градовъ, и погибаетъ селъ!
На толь родъ человѣчь самъ Іовишь произвелъ,
Чтобъ смерть предупреждать, спѣшитъ въ напасти слѣпо,
Чтобъ на поляхъ въ крови лежать своей не лѣпо,
Чтобъ мыслію мечтать убійство и пожаръ;
Чтобъ славу, честь забыть, а помнить токмо сваръ,
Чтобъ стервениться всѣмъ и въ бѣшенствѣ и въ злобѣ;
Чтобъ человѣкамъ быть не людкости въ особѣ,
Чтобъ множеству и женъ насиліе страдать,
И скаредству тому всечасно подпадать;
Чтобъ, наконецъ, въ сердцахъ свирѣпствуя раздоромъ,
Боговъ пренебрегать, и мнить объ нихъ съ презоромъ.
Но мудрый мой Улиссъ, плодъ отъ войны коль сиръ;
Безцѣненъ и богатъ мнѣ толь есть красный миръ:
На немъ есть за всегда одежда предрагая,
И осѣняетъ насъ въ немъ сила всесвятая;
Въ немъ страхъ и честь боговъ лістся отъ высотъ,
Несчастіе, зло золъ, пелынь тогда, не сотъ;
Ни бѣдности въ немъ нѣтъ, ни горести, ни скуки
Художества и всѣ играютъ въ немъ науки;
Сладчайшій въ немъ покой, съ богатѣйшимъ трудомъ,
Пестритъ всѣ нивы намъ обильнѣйшимъ плодомъ;
Согласіе вездѣ въ немъ землю удобряетъ;

Въ немъ тишина въ поляхъ съ веселіемъ гуляетъ.
О! лучше, чтобъ молчалъ оружій старыхъ звонъ;
А токмо воруженъ былъ правоты законъ.

УЛИССЪ.

То мщеніе, что Богъ во гнѣвѣ распаляетъ,
Войнуль когда, иль онъ, что въ казнь употребляетъ,
Не лютости его, но правды точно месть;
А исполняяй ту, ему творитъ тѣмъ честь.
Послушайте, о! Царь, богини какъ на дѣло.
Воздвигли насъ, и чѣмъ ихъ слово къ намъ гремѣло.
Берите, намъ велятъ, премножество вы стрѣлъ,
Исполненъ тѣхъ колчанъ, у каждагобъ висѣлъ:
Минерва, и сама верьховнѣйша Юнона,
Мы прямо васъ ведемъ въ погибѣль Иліона.
Вы нападайте всѣ на нечестивый градъ;
Чтобъ не было отъ васъ въ немъ ни кому отрадъ.
Толь Троя гордая, великолѣпна въ свѣтѣ,
Надменная въ своемъ, къ неправдѣ намъ, отвѣтѣ,
Отъ основаній ужъ и съ шумомъ вся падетъ,
Ни кто изъ человѣкъ къ тому въ ней поживетъ:
Жилище будетъ въ ней звѣрямъ злымъ и свирѣпымъ,
И гадамъ, и змѣямъ, и птичищамъ нелѣпымъ:
Все збудется, то такъ, кленемся божествомъ;
Служившихъ возвратимъ васъ сами торжествомъ.

О! щастливъ, кто воздастъ за наше зло ей злое;
О! щастливъ, схватитъ кто въ ней дѣтище младое,
И о стѣну его главою разбіетъ,
А не нависну кровь и матерей прольетъ.
Сіе намъ отъ Богинь Калхантъ рекъ всенародно:
Чего для всѣмъ востать на Трою намъ угодно.
Но сверьхъ того, еще толь сердце въ насъ кипитъ
Отъ множества самимъ Троянскихъ намъ обидъ.

ЛИКОДЕМЪ.

То правда, волю кто Боговъ пренебрегаетъ;
Хоть зла нѣтъ здѣсь когда, но въ вѣкъ онъ погибаетъ
Какаябъ же была причина къ мести сей,
Богинямъ, и числу премногихъ васъ мужей?

УЛИССЪ.

Вамъ вѣдомъ, мню, есть бракъ Пелеевъ и Оетидинъ,
И брошенный овощь въ среду Богинь Эридинъ,
Такъ надпись на ея томъ яблокѣ была:
Краснѣйшабъ изъ Богинь сей плодъ себѣ взяла.
Вотъ вдругъ о красотѣ востала пря безъ мѣры:
Юнона какъ себя Минервы и Венеры
Краснѣйшею быть мнитъ; такъ обѣ тѣ ея.
Считаются красняй; и каждой толь своя,
Есть выше лѣпота предъ каждою другою,
Что согласится въ томъ не возмогли съ собою,
И спора своего по правдѣ окончить,

Даръ каждая себѣ желая получить.
Но чтобъ остаться имъ взаимно не въ обидѣ;
То Юпитеръ всѣхъ трехъ послалъ къ горѣ ихъ
Идѣ,
(Близь коея стоитъ враждебный Троя градъ,
И гдѣ тогда Парисъ былъ пастырь овчихъ стадъ,)
Дабы на судъ предстать къ сему Парису тамо.
Скоряй рѣчей туда, скоряй и мыслей, прямо
Вспорхнули, и уже Богини тамъ предъ нимъ;
Льститъ каждая его и даромъ ужъ своимъ.
Увидѣвъ ихъ Парисъ, ужасся цепенѣя,
Ни говорить, ни чтить, ни двигнуться не смѣя.
Однако отъ Богинь въ себя онъ приведенъ,
И ласкою отъ нихъ смѣляй быть ободренъ.
Юнона славныхъ Царствъ, Могущества, Богатства,
И съ вышними ему почти Богами братства
Даръ обѣщаетъ впрель. Но храбрость и звѣзда,
Премудрость то сама, Минервина есть мзда.
Коль лучшебъ онъ, когдабъ тамъ добродѣтель чесну,
Не роскошь бы себѣ толь предпочелъ прелесну!
Всего благаго родъ не можетъ здѣсь умреть,
Единъ сей въ силахъ есть напасти всѣ презрѣть;
Въ терпѣніяхъ уже побѣду извѣствуетъ,
А на конецъ и самъ преславно торжествуетъ;
Любезенъ по себѣ, любезенъ по плодамъ,
Любезенъ по стезѣ, любезенъ по слѣдамъ.
О! вся любезна, вся прекрасна добродѣтель,
И хвалитъ въ насъ тебя и любитъ самъ Содѣтель.

Но сталось такъ; Богинь двухъ первыхъ прогнѣвилъ,
Онъ яблоко то взять Венерѣ присудилъ.
Сія, какъ будтобъ ужъ сама его взлюбила,
Въ умильности ему тогда такъ говорила:
Чтобъ дары, мой Парисъ, Богинь тебя двухъ сихъ
Не льстили по всему: напасти много въ нихъ.
Излишня власть порокъ; исполнена честь страха;
Богатство отстоитъ не въ дальности отъ праха,
Отъ мужества иль смерть, иль смертная вражда;
И мудрость недобра, та часто есть горда.
Но я тебѣ Парисъ, за то воздамъ обратно,
Что сердцу твоему всю будетъ жизнь пріятно:
Ты красной Ледыдщерь, но краснѣйшу изъ женъ,
Въ супругу получишь, и будешь тѣмъ блаженъ.
Самъ пойдешь по нея ты въ области Спартански,
И приведешь любя въ природные Пергамски,
То даръ! то мзда тебѣ! безсмертенъ тѣмъ есть вѣкъ;
А безъ сего въ немъ всякъ, какъ въ полы человѣкъ.
Венерина краса симъ яблоко снискала,
Которое чета Богинь же проиграла.
Тѣ будучи весьма судомъ раздражены,
На весь Пріамовъ родъ востать принуждены.

ЛИКОДЕМЪ.

Не знаю, какъ сіе Судьбы опредѣлили,
Что Царство все казнить за одного судили.

Но рождшіяся даръ красы отъ пѣны волнъ,
Не токмо что порокъ; но и не правды полнъ:
Не дѣвою ту мзду, вы назвали женою;
Такъ та сопряжена съ любовію иною,
Есть у нея супругъ, законна ей глава;
Иль такъ ужъ думать долгъ, что та жена вдова?

УЛИССЪ.

По истиннѣ еще законнаго супруга!
Имѣетъ та у насъ, но чужестранна друга
Въ объятія къ себѣ Венериным огнемъ,
Взлюбивши приняла, и нынѣ есть при немъ.
О! стыдъ, тѣмъ въ срамоту ввела свою породу,
Всѣхъ Грековъ нанесла безчестіе тѣмъ роду;
Оставившижъ въ стыдѣ тамъ мужа своего,
Оставивши при томъ дщерь малу у него,
Безстыдно та съ своимъ ушла прелюбодѣемъ,
И вышедъ за него живетъ теперь съ злодѣемъ.
Сія, что собрались мы всѣ, причина есть:
Хищеніюжъ отмстить, совѣтуетъ то честь.

Когда выговорилъ сіе Улиссъ, въ то время Ахиллесъ подошедъ къ столу, и ставъ между Вулевполемомъ и Хироном, слѣдующее къ Царю и Послу началъ говорить:

АХИЛЛЕСЪ.

Не съ дерзости въ слова мѣшаюсь Царь державный
Прошу васъ мнѣ простить, и васъ Посолъ преславный
Несносная меня обида Грекамъ, всѣмъ,

Показанная имъ преступничествомъ тѣмъ,
Злодѣйствомъ толь своимъ весь духъ мой поразила,
Что хищнику тому теперь самабъ отмстила,
Коглабъ судьба его мнѣ здѣсь какъ подала:
Не сомнѣвайтесь ябъ съ бездѣльника смогла.

Деидамія, Навплія, и Хиронъ, показываютъ такое движеніе руками, что они странности сей весьма дивятся.

ликодемъ. *Къ Ахиллесу.*

Кровь Греческа въ тебѣ кипитъ хотя похвальна;
Но съ хищникомъ страна тебя разводитъ дальна:
Совѣтую за тѣмъ здѣсь въ мирѣ предстоять,
И мужества вотще себѣ не присвоять.

улиссъ. *Къ Ликодему.*

Не буди въ гнѣвъ, прошу позволить то: забавно
Мнѣ бодрость видѣть въ ней; сіе и Грекамъ славно,
Что сами дѣвы ихъ толь храбростью кипятъ,
И не достойнымъ всѣмъ достойно мстить хотятъ
Ахиллессу.
Но честнымъ жаромъ симъ дѣвица толь разженна,
Преможете его вы чѣмъ?

ахиллесъ.

Симъ воруженна.

Указывая на лежащее оружіе на столѣ.

УЛИССЪ. *Къ Ахиллесу.*

Да воружится симъ, умѣете ли вы?

АХИЛЛЕСЪ. *Къ Улиссу.*

Я первое сіе взложу такъ сверьхъ главы;
Взявъ возложилъ на себя шлемъ.
А лѣвую мою тѣмъ руку я покрою:
Взявъ щитъ и наложилъ на руку.
Но язвы острымъ симъ изъ правыя острою.
Взявъ копье и сталъ по срединѣ, нѣсколько отшедъ отъ стола, а копье поставилъ къ ногѣ.

УЛИССЪ. *Къ Ахиллесу.*

О! дѣва, красота! о! храбрость героиня:
Вы видимая всѣмъ намъ мудрости Богиня!

ЛИКОДЕМЪ. *Къ Ахиллесу.*

Въ семъ, Пирра, ты ходи: Послужъ сему Царю
Благодари за честь; мой даръ тебѣ дарю
Предъ дѣвами, мужми, всѣмъ дѣва будь красуясь,
И сими не на брань, на миръ препоясуясь.

Къ Улиссу.

Дражайшій гость, уже оставимъ мы теперь,
Да воинствуетъ въ сихъ здѣсь Марсова та дщерь:
Я вашего всего зрю мщенія причину,
Котора собрала въ Авлиду силъ дружину;
Но хищникомъ тогда какой употребленъ
Былъ способъ; ни успѣхъ отъ васъ мнѣ не явленъ:

Прошужъ васъ, не лишить меня сего пріятства
И вымыслъ весь сказать того мнѣ святотатства.

УЛИССЪ.

Пронзающую скорьбь всѣ Гречески сердца
Велитъ Царь возновлять съ начала до конца
О! зло, стыдъ зря, лучей какъ солнце не сокрыло!
Бѣгущихъ, море какъ тогда не поглотило!
Знать возгнушалось то себя тѣмъ осквернить,
Что бездны имъ свои судило возбранить.
Но Царь, державный Царь, да будетъ вамъ извѣстно
Злодѣйство всѣмъ вѣкамъ позорно и безсчестно.
Трехъ дщерей мать была Царица Леда въ тѣхъ.
Елена у нея весьма краснѣйша всѣхъ.
Премногимъ изъ Князей съ ней бракъ былъ вожделѣнный:
И всякъ Князь предъ другимъ желалъ быть въ вѣкъ ей плѣнный
Источникъ ссоръ и битвъ то женихамъ тотчасъ
Отъ брака какъ ея получитъ кто отказъ!
Предвидѣлъ Тиндаръ то, отецъ Еленинъ, ясно;
А за когобъ отдать, самъ разсуждалъ опасно.
Къ спасенію по томъ нашелъ сей способъ новъ:
Онъ созвалъ въ гости всѣхъ, кто былъ изъ женихов.
При жертвѣ преклонилъ онъ, чтобъ между собою
Имъ обязаться всѣмъ тамъ клятвою святою,
Къ поданію тому помощной силы вдругъ,

Кто ни былъ бы изъ нихъ Еленинъ ужъ супругъ,
Кого самъ изберетъ онъ мыслію своею,
Чтобъ сопрящись тому на вѣки бракомъ съ нею,
Когдабъ случилось такъ, чтобъ послѣ кѣмъ она
У мужа своего была похищена.
(Знать долгъ, Тезеемъ ужъ была взята Елена;
Но въ дѣвствѣ и младомъ возвратъ ей былъ изъ плѣна:
То Тиндаръ ужъ всегда имѣлъ сію боязнь,
Красѣбъ ея не быть еще кому въ тужъ блазнь,)
На хищника востать они всѣ должны были;
Въ немъ родъ, въ немъ и свойство, въ немъ честь бы позабыли:
Шлибъ въ области его, неслибъ огнь, вѣтръ, укладъ,
И опровергли бъ тамъ столичный самый градъ,
Всѣ обязались такъ, какъ онъ желалъ, не льстивно,
И дали всѣ обѣтъ въ томъ помогать взаимно.
Но Тиндаръ клятву съ нихъ взявъ, вотъ какъ поступилъ:
Къ избранію себя самъ не употребилъ.
Съ коварстваль, съ простотыль, того не разсуждаю,
Такъ дѣлалъ онъ тогда, о семъ я только знаю,
Что власть далъ жениха Еленѣ избирать.
На склонность не могла свою та не взирать:
И дѣйствовала тутъ месть отъ Богинь двухъ злая;
Отъ третей же пріязнь. Избрала Менелая.
Между тѣмъ и Парисъ (ужъ Царскій сынъ тогда,

Хоть прежде пастырь былъ; но Царска кровь всегда!)
Коль велелепенъ, толь красенъ, младъ, намъ къ напасти,
Съ Фригійскихъ волнъ поплывъ, въ Спартански прибылъ части
Его тамъ Менелай принявъ такъ угощалъ,
Что видѣть ту ему онъ часто попущалъ.
По томъ и отплывъ въ Критъ, тамъ дѣло вдругъ настало:
Атреево дѣлить наслѣдство надлежало.
Парисъ, зря красоту, не могъ не полюбить;
Имѣлъ и случай онъ любовь ей обьявить:
Написаннымъ письмомъ хоть преклонилъ умильно,
Однако преклонялъ къ любви весьма онъ сильно.
Въ немъ индѣ говорилъ «я прежде пожелалъ
«Вамъ вѣрнымъ другомъ быть, какъ васъ еще не зналъ;
«Всю зрѣли красоту въ васъ прежде мысли сами,
«Которую теперь я вижу здѣсь очами.
«Васъ видѣлъ на яву, васъ видѣлъ и въ нощи,
«Горѣлъ; былъ огнь далекъ; однако могъ жещя.
«Теперь я вижу васъ краснѣйшу, нежель слава!
«Могла васъ описать; коль много вѣсть не права!
«Когдажъ есть ваша часть прекрасною толь быть;
«Въ жестокости меня не должно погубить:
«Меня Богиня вамъ любить, повелѣваетъ,
«Признайтесь, сердце тожъ вамъ собственно вѣщаетъ.
«Вы мзда мнѣ; а хотябъ весь свѣтъ мнѣ отдала,
«Но большебъ васъ мнѣ дать Венера не могла.«

Еще вамъ изъ письма я здѣсь не предлагаю:
Вся прелесть собрана въ него, тѣмъ заключаю.
Что больше? преклонилъ письмомъ и токомъ слезъ,
Парисъ Елену, ахъ! и въ Трою ужъ увезъ.
Вотъ Менелай тотчасъ привелъ присягу данну,
А твердости въ печать и жертву тамъ закланну:
Бесчестіе свое всѣмъ Грекамъ причиталъ;
Силъ въ месть просилъ у всѣхъ; предъ всѣми онъ стеналъ.
Се Греки въ правотѣ на Трою ополчились,
Въ премножествѣжъ полковъ въ Авлидѣ и собщились,
Державный Царь, сія причина къ брани намъ,
То мщеніе зоветъ къ Пріамовымъ стѣнамъ.

ЛИКОДЕМЪ.

На вашей сторонѣ всю правду видѣть можно.
Троянскій сынъ Парисъ обидѣлъ васъ безбожно:
Но прежде, нежель вамъ собраться всѣмъ на брань,
Послать, какъ мню, былъ долгъ къ тѣмъ на Фригійску грань;
Тамъ обьявить Царю войну, и всѣ безгоды,
(Что дѣлають вездѣ Вселенныя народы:)
Какъ удовольства въ томъ вамъ не покажетъ онъ.

УЛИССЪ.

И не оставилъ Царь того Агамемнонъ.
Но тщетное отъ насъ туда посольство было:
Злодѣйство тамъ себя, злодѣйствомъ же покрыло.

Намъ сказано: у нихъ Елены въ Троѣ нѣтъ,
И буде та ушла; ей былъ пространенъ свѣтъ.
А словомъ: такъ судьба сіе опредѣлила;
Неправды полный градъ погибнуть осудила.
И какъ намъ отъ Боговъ Калхантъ избранъ сказать,
Что Трои города намъ никогда не взять,
Безъ храбраго весьма Героя Ахиллеса;
А сей Герой у васъ, (въ Богахъ лжи нѣтъ примѣса:)

Услышавъ имя, Хиронъ взглянулъ въ страхъ на Ахиллеса, а сей въ знакъ своего удивленія, ударилъ копьемъ о щитъ.

То я сюда о! Царь,

Всталъ Улиссъ и такъ же Ликодемъ.

Съ Авлидскихъ къ вамъ береговъ,
И посланъ отъ Князей, иль лутче отъ Боговъ,
Просить у васъ его, мнѣ коегобъ поставить
Въ Авлидѣ предъ Царей, что хощетъ брань прославить.
Не сомнѣваюсь я, державный Ликодемъ,
Что будучи вы Грекъ, потщитесь такъ о семъ,
Какъ должность вамъ Царю, и правда предсказуетъ:
Царь добръ и справедливъ власть вышню образуетъ.

ЛИКОДЕМЪ.

Что вамъ скажу? мой умъ и слухъ весь пораженъ!

Мню, что Калхантъ не толь есть свято обожепъ,
Чтобъ правду могъ всегда вамъ изъявлять онъ точну.
Онъ, мнится, иногда плететъ баснь узорочну:
Прибытія сюда къ намъ вашего вина,
Свидѣтель есть тому, что баснь имъ сплетена:
Васъ разсудить прошу, здѣсь женски всѣ покои;
Въ нихъ достолѣпно быть возмогутъ ли Герои?
Не видите у насъ почти кромѣ дѣвицъ.
Изъ мужескихъ же всѣхъ насъ здѣсь живущихъ лицъ,
Я буде тотъ Герой; то знайте, Ликодему
Въ честь будетъ съ вами быть: тожъ и Вулевполему,
Тожъ самое и сей стоящій мнитъ Хиронъ:
Изъ насъ кто Ахиллесъ, Герой пусть будетъ онъ.
Какъ въ войскѣ, въ городахъ, такъ на горахъ и въ лѣсѣ,
Никто у насъ когда слыхалъ объ Ахиллесѣ.

УЛИССЪ.

Не можетъ Богъ солгать такъ ни слуга его,
У васъ есть Ахиллесъ; обрящетъ Богъ того,
Умы въ насъ слѣпы толь, что мы вещь предъ очами
Зримъ иногда не такъ, какъ есть въ себѣ та съ нами.
Я вамъ покой даю: иду; но Ахиллесъ,
Окажется у васъ упадшій какъ съ небесъ.

Ликодемъ и Улиссъ обнялись паки, послѣ чего Улиссъ и пошелъ со всѣми своими, при провожденіи Вулевполемовомъ, который отданный ему скипетръ, положилъ прежде на столъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 6.

Всѣ прежніи.

КРОМѢ УЛИССА, ВУЛЕВПОЛЕМА, И ВОИНОВЪ УЛИССОВЫХЪ.

ЛИКОДЕМЪ.

Дщерь, Пирра, и при томъ ты Навплія съ другими,
По комнатамъ своимъ идите.

Къ стражамъ.

Выжъ за ними.

Къ Хирону.

Останься токмо здѣсь со мной одинъ Хиронъ:
Не медлѣнно, велю, всѣ выступайте вонъ.

Всѣ пошли, кромѣ Хирона.

—

ЯВЛЕНІЕ 7.

ЛИКОДЕМЪ, ХИРОНЪ.

ЛИКОДЕМЪ.

Хиронъ, излишно есть, чтобъ рѣчію такою
Тебѣ напомянуть: Царь говоритъ съ тобою.

Мнѣ вѣдома твоя какъ совѣсть, такъ и нравъ,
И девять лѣтъ былъ твой поступокъ видимъ правъ.
Одинъ ты прибылъ къ намъ за Пиррою въ чертоги;
Одинъ и знаешь, мню, Ѳетидины подлоги.
Скажи не Пирра ль тотъ искомый Ахиллесъ?
И вмѣсто Пирры ты не Ахиллеса ль везъ?

Особно:

Боюсь сыскать, чего ищу я толь прилѣжно!

ХИРОНЪ.

Да будетъ здѣсь во всемъ велѣніе надежно.
Которое мнѣ Царь дать такъ благоволилъ,
Чтобъ истинны предъ нимъ Хиронъ не потаилъ;
Не потаю о! Царь, открою все подробно.
Что здѣлала боясь Ѳетида, а незлобно,
Не дѣва Пирра есть, но мужескій нашъ полъ
И онъ есть Ахиллесъ: но рокъ къ нему есть золъ...

ЛИКОДЕМЪ.

Ахъ! зляе рокъ ко мнѣ и что со мной Ѳетида,
Ты здѣлала чрезъ то? коль зла твоя обида?

Къ Хирону.

Хиронъ, скажижъ какъ то? и для чего?

ХИРОНЪ.

Не зло,
Какое къ вамъ, о! Царь, ея въ то привело:
Но здѣлать такъ себѣ имѣла та въ причину
Родительску свою едину жалость къ сыну.

Узнавши отъ судебъ, что сынъ ея Герой
Скончаетъ подъ Троей животъ дражайшій свой,
Въ спасеніе тому его не предпріяла?
Еще младенца въ Стиксъ купая погружала,
Чтобъ Ахиллесъ ея не уязвляемъ былъ,
Котораго толь вѣкъ какъ матери ей милъ,
Но способъ сей хотя и былъ не безъ успѣха;
Однакъ ей отъ того не вся дана утѣха:
Какъ за пяту его рукой держала та;
То омочиться въ Стиксъ не возмогла пята.
Онъ тѣла своего въ одной сей токмо части
Быть можетъ уязвленъ, и мертвъ на брани пасти.
Ѳетида вотъ уже то средствіе нашла,
Что Пиррою его нарочно назвала,
И въ женскую сію одежду прерядила;
Подъ именемъ же тѣмъ со мной къ вамъ отрядила,
Дабы ему чрезъ то у васъ укрыту быть,
И на смертельну брань подъ Трою не ходить.
Но способъ, зрю, и сей предвоспріятъ напрасно:
Улиссъ его позналъ; или онъ не бесчасно
Познаетъ здѣсь его, а больше что изъ дѣвъ
Ружье взялъ Ахиллесъ, и оказалъ свой гнѣвъ.
Однакъ еще одно ей средствіе осталось
Къ спасенію того о! такъ бы состоялось.
Ѳетида мнѣ письмомъ велѣла васъ просить,
О чемъ то буду я теперь вамъ доносить:
Та васъ и вашу дщерь толико почитаетъ,
Что сыну своему въ супругу ту желаетъ.
Излишно предлагать о родѣ: крайня честь
Его въ томъ состоитъ, что Зевсу правнукъ есть,

Онамнитъ, что сей бракъ удержитъ отъ похода,
Въ который повлечетъ Геройская природа:
Удержитъ здѣсь его любовь къ супругѣ вдругъ,
Какъ повелите вы, чтобъ дщери былъ супругъ.
О семъ отъ ней, о! Царь, и я васъ умоляю,
Ѳетидину когда вамъ прозьбу изъявляю.

ЛИКОДЕМЪ.

Я знаю, мой Хиронъ, важна коль честь сія,
Отъ коей ни когдабъ самъ не отрекся я:
Но что? препона мнѣ къ тому есть превелика;
И дѣла совершить не можно есть толика.
Не мни, чтобъ скрытый былъ въ словахъ моихъ отказъ:
Всю внутренность мою объемлетъ зной и мразъ!
И мню, что здѣсь его позналъ Улиссъ не ложно:
Ему и не познать по дѣйству не возможно.
Но какъ мнѣ отъ себя Героя не отдать?
Изволили сіе мнѣ Боги приказать.
А на конецъ, меня Ѳетида погубила,
Что Ахиллеса мнѣ та въ Пиррѣ не явила.

Конецъ третьяго дѣйствія, заключающаго въ себѣ 293 двустрочій, или 586 строкъ.

—

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛИКОДЕМЪ, ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

ЛИКОДЕМЪ.

Такъ подлинно узналъ?

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Я истинну донесъ;
Узналъ его Улиссъ, что онъ есть Ахиллесъ.

ЛИКОДЕМЪ.

Но какъ, и по чему, и отъ какова знака?
Мы вкупѣ девять лѣтъ, а были не безъ мрака;
Да нынѣ мы о томъ, и почитай въ сей часъ...

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Улиссъ какъ мнѣ сказалъ такъ увѣряю васъ,
Когда растался онъ, державнѣйшій Царь, съ вами,
А слѣдовалъ за нимъ по долгу я стопами,
Хотя самъ до его покоя проводить,
И тамъ Царя, Посла, достойнѣйше почтить:
Тогда ужъ ставши тамъ одинъ со мной въ свободѣ,
И говоря сперьва къ намъ о своемъ приходѣ,
Что не безсчастно онъ свой приложилъ трулъ въ томъ,
И что его нашелъ, старался толь о комъ,

Изрекъ: вотще Царь вашъ того здѣсь укрываетъ,
Кого верьховный самъ намъ промыслъ означаетъ;
Но что мнѣ говорить? его ужъ мнѣ явилъ,
Съ кѣмъ Трою раззорить, намъ вкупѣ онъ судилъ.
Когожъ укрыть нашъ Царь здѣсь, предпріялъ я, тщится,
Сказалъ, чтобъ мнѣ Посолъ, да то Царю собщится?
Хотя повергнешь какъ, вѣщалъ онъ, естество;
Но вставшаго всегда его въ насъ торжество.
Героя чтобъ укрыть, дѣвическа одежда,
Толь суетна была, толь тщетна и надежда,
Что въ дѣвахъ Ахиллесъ, ни чѣмъ не воруженъ,
Героемъ по всему и въ томъ изображенъ.
Ты видѣлъ, онъ же мнѣ такъ рѣчи продолжая;
И счастіе свое безмѣрно ублажая,
Ты видѣлъ, какъ тотчасъ, явилъ Геройскій гнѣвъ,
На хищника того, изъ всѣхъ онъ вашихъ дѣвъ!
Оружіе какъ онъ схватилъ при всѣхъ рукою,
И воружался тѣмъ съ охотою какою!
Какъ щитъ! какъ копіе! какъ надѣвалъ и шлемъ!
Ты видѣлъ все сіе теперь, Вулевполемъ,
Сего за дѣву я ни какъ не полагаю:
Онъ есть тотъ Ахиллесъ; и я его ужъ знаю.
Сіе все твоему Царю ты донеси;
И отдалъ мнѣ бъ его, о томъ Царя проси:
Такая отъ пеленъ сего Героя доля,
Чтобъ быть подъ Троею; и та есть Вышнихъ воля.

ЛИКОДЕМЪ.

Несчастіе мое приходитъ ужъ ко мнѣ,
Знать предъ Богиней есмь въ сей токмо я винѣ.
О! мой, Вулевполемъ, уже мнѣ есть извѣстно,
Что было прежде намъ и мыслить не совмѣстно.
Есть Пирра Ахиллесъ; мнѣ объявилъ Хиронъ:
Въ томъ щастливъ есть Улиссъ, и самъ Агамемнонъ
Пусть возмутъ отъ меня познаннаго Героя,
Моя жъ до смерти жизнь пребудетъ безъ покоя.
Улиссу ты скажи... но се онъ идетъ самъ.

Къ Улиссу.

Дражайшій гость, и Царь, благъ вашъ приходъ есть намъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 2.

ЛИКОДЕМЪ, УЛИССЪ, ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

УЛИССЪ.

Владыка дому! васъ еще я безпокою;
Но отпустить прошу: все нуждою одною,
Въ нетерпѣливность толь у васъ здѣсь возбужденъ,
Что паки вскорѣ вамъ явиться принужденъ,
Я мню, Вулевполемъ донесть вамъ не оставилъ,
Что вѣдать надлежитъ.

ВУЛЕВПОЛЕМЪ. *Къ Улиссу.*

Подробно я представилъ

О всемъ Царю, что Царь Улиссъ мнѣ предложилъ,
И онъ о чемъ просилъ сему бъ я доложилъ.
Присудствуетъ Посолъ самъ паки самолично,
Да предлагаетъ самъ Царю, что есть прилично.

ликодемъ. *Къ Улиссу.*

Вы правы, о! Улиссъ: здѣсь точно Ахиллесъ
Находится теперь упадшій какъ съ небесъ,
Но истинно его по нынѣ мы не знали;
И всѣ, какъ шлюсь на всѣхъ, дѣвицею считали.
Ѳетида мать его, прислала такъ ко мнѣ;
И не казался самъ онъ мужественъ отъ внѣ.
Оружіе у насъ видать ему на явѣ,
Пребывшему до днесь въ дѣвической забавѣ,
Между и ликомъ дѣвъ, случиться не могло,
Чтобъ сердце толь его видѣніемъ зажгло:
Вы хитро и дивлюсь, не юношей какъ въ щотѣ,
Его признали здѣсь по сей къ тому охотѣ,
Съ трудомъ могло сіе Героемъ мнѣ казать:
И ежели бъ Хиронъ не восхотѣлъ сказать,
Кой прибылъ съ нимъ сюда, кой у меня придворный,
Наставникъ же ему еще и не презорный,
Чтобъ Пирру, токмо бралъ за дѣву я всегда,
И Ахиллесомъ бы не назвалъ никогда.
Дражайшій мой Улиссъ, вы видите все дѣло,
Что сердце въ томъ мое коварства не имѣло.

улиссъ.

Вы чувствуете, что Калхантъ намъ не солгалъ

И что Агамемнонъ меня сюда послалъ,
Не втуне къ вамъ за тѣмъ, но вы теперь ужъ
зная
Намѣрились ли какъ? мысль ваша есть какая?
Хотите ль вы отдать уже Героя намъ,
Какъ Боги вамъ велятъ, и какъ прошу я самъ?

ЛИКОДЕМЪ.

Хотя Ѳетиду чту; но больше почитаю
Всевышнихъ я Боговъ: и твердымъ обрѣтаю,
Что слѣпо и вотще та мнила утаить,
Чего не суждено безсмертными закрыть.
Сія причина есть, что я Агамемнону,
И воинству всему, и вамъ здѣсь по закону,
Прибывшу къ намъ Послу, Героя не таю:
И Ахиллеса съ рукъ моихъ вамъ отдаю
Не знавшаго жъ меня и отказавша сперва,
Щедротно да простятъ Юнона и Минерва:
Калханта имъ чрезъ васъ молиться тамъ о семъ,
Отъ сердца проситъ здѣсь говѣйный Ликодемъ.
Герою объявивъ, всей Греческой надеждѣ,
Его къ вамъ отошлю въ пристойнѣйшей одеждѣ.

—

ЯВЛЕНІЕ 3.

ЛИКОДЕМЪ, УЛИССЪ, ВУЛЕВПОЛЕМЪ, АХИЛЛЕСЪ.

АХИЛЛЕСЪ.

Въ шлемѣ съ щитомъ и съ копіемъ особно.

Жаль! Царь есть не одинъ.

УЛИССЪ. *Къ Ликодему,*

Кой добрый духъ до насъ
Направилъ слѣдъ сюда и безъ призыва въ часъ?
Къ намъ спѣшно самъ идетъ...

АХИЛЛЕСЪ.

Прошу я Царь державный,
Не въ гнѣвъ сіе принять, что входъ сюда мой явный,
Совѣтующихъ васъ отъ дѣла уклонилъ,
И не сумнѣнно тѣмъ препону учинилъ.
Я мнила, что вы здѣсь, великій Царь, едины,
И что быть съ ними, такъ вамъ не было причины:
Чего для и пришла; но вскорѣ прочь иду,
Пока на единѣ вы будете, пожду.

Пошелъ было.

ЛИКОДЕМЪ.

Стой Пирра, не ходи.

АХИЛЛЕСЪ.

Какъ Царь повелѣваетъ;
Такъ Пирра по тому послушно поступаетъ.

ЛИКОДЕМЪ.

Сей проситъ Царь Посолъ тебя толь храбру зря;
И за усердность къ нимъ твою благодаря,
На хищника, что ты гнѣвъ должны показала,
И что ты, мстить ему желаешъ, такъ сказала.
Чтобъ мнѣ назвать тебя ужъ именемъ другимъ,
И не именовать здѣсь больше не твоимъ:

А имя бъ дать тебѣ, которо бъ было сродно
И мужеству, и такъ чтобъ мнилось и природно.

АХИЛЛЕСЪ. *Въ смятеніи.*

Не доумѣю, Царь, что хощетъ повелѣть.

ЛИКОДЕМЪ.

Что? имя не сіе, другое чтобъ имѣть.
При томъ еще скажу просилъ, какъ онъ же прежде,
Чтобъ и не быть тебѣ въ дѣвической одеждѣ;
Но въ мужеску весьма пристойно облещись,
Угодно ль?

АХИЛЛЕСЪ. *Въ большемъ смятеніи.*

Почему?... мнѣ можно ль отрещись?...
Да я не знаю какъ?... мнѣ рѣчь сія не внятна;
А въ смѣлости донесть, еще и непріятна.

ЛИКОДЕМЪ.

Пусть непріятна рѣчь: но онъ еще просилъ,
Что бъ такъ тебя я съ нимъ и въ войско отпустилъ.
Пріятна ль рѣчь сія?

АХИЛЛЕСЪ *Въ крайнемъ смятеніи.*

О! царь; гдѣ я, не знаю!
Что значатъ всѣ слова? отнюдь не понимаю!
Падъ на колѣна.
Смятеніе мое прошу васъ утишить,
Сомнѣніе жъ и мысль отъ мрака разрѣшить:

Загадки я отъ васъ чѣмъ нынѣ заслужила?
Или безчесно въ чемъ предъ вами преступила?

ЛИКОДЕМЪ.

Изволь встать, обьявлю.

Ахиллесъ всталь.

Дражайшій Князь! Герой,
Ужъ девять лѣтъ тому, какъ домъ содер-
житъ мой
Васъ юношу въ себѣ; но мы до днесь не знали,
Да дѣвой васъ всегда, и Пиррой называли.
Однакъ Хиронъ, Посолъ, иль лучше Богъ съ
небесъ
Открыли намъ ужѐ, что вы тотъ Ахиллесъ,
Которому являть долгъ храбрость подъ Троею,
А хищниковъ, или жъ и Гекторовъ своею,
Рогъ мышцею при томъ надменнѣйшій сломить,
И множайшихъ еще отъ жизни изтребить,
И коему на верьхъ месть Греческу поставить,
Все жъ воинство собой во вѣки тамъ прославить.

АХИЛЛЕСЪ.

Хиронъ?

ЛИКОДЕМЪ.

Письмомъ и Ваша мать къ нему:
Съ охоты жъ васъ къ ружью, Посолъ узналъ,
сему.

АХИЛЛЕСЪ.

Когда Хиронъ; то вамъ здѣсь Боги обьявили,
Которыи тѣмъ мать Ѳетиду премудрили.

Особно.

Любовь!
Но я иду, куда есть путь Пословъ:
Сражаться подъ Троей се Ахиллесъ готовъ.

ликодемъ *Къ Улиссу.*

Премудрый гость, сего Героя вамъ вручаю,
Отъ лика жъ нынѣ дѣвъ, не дѣву отлучаю.

улиссъ *Къ Ликодему.*

Полки всѣ чрезъ меня Царю благодарятъ.

ликодемъ *Къ Ахиллесу:*

Прехрабрый Князь, уже вамъ должно сей нарядъ
Отвергнуть отъ себя, и нѣкую надежду:
Вамъ время облещись въ геройскую одежду.

Пошли, Ахиллесъ остался

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

АХИЛЛЕСЪ, ДЕИДАМІЯ.

ДЕИДАМІЯ.

Имѣли ль время, Князь, Царю о томъ донесть,
Отъ матери вамъ что позволено ужъ есть?
И какъ то воспріялъ, услышавъ мой родитель,
Что Пирра мнѣ женихъ, что Пирра есть любитель.

АХИЛЛЕСЪ.

Донесъ!

ДЕИДАМІЯ.

Но вамъ на то пріятноль, наконецъ,
И къ пользѣ ль обоихъ отвѣтствовалъ отецъ?

АХИЛЛЕСЪ.

Пріятно!

ДЕИДАМІЯ.

Я мню однакъ, весьма онъ удивился,
Что дѣва Пирра, Пирръ и юноша явился?

АХИЛЛЕСЪ.

Кому бъ не крайнимъ быть, то дивномъ возмогло?
Дивился онъ вельми; но не тому, о зло!

ДЕИДАМІЯ.

Мнѣ кажется, что тутъ злу нѣтъ ни мало мѣста:
Не гдѣвается ль онъ, что ваша я невѣста?

АХИЛЛЕСЪ.

Не знаетъ онъ сего.

ДЕИДАМІЯ.

Но что жъ ему донесъ,
Женихъ, любитель Князь?

АХИЛЛЕСЪ.

Что я есмь Ахиллесъ,

ДЕИДАМІЯ.

Какъ? Ахиллесъ вы тотъ, безъ коего осада
Имѣетъ тщетна быть Троянскихъ стѣнъ и града;

По коего Посолъ пріѣхалъ къ намъ сюда;
И коему отплыть съ нимъ надлежитъ туда.

АХИЛЛЕСЪ.

То значитъ, что ему оставить долгъ любезну,
Всегда по ней въ слезахъ быть вспоминая слезну.

ДЕИДАМІЯ.

Ахъ!

Въ обморокъ едва не упала, и шатаясь оперлась о ширмы, и почитай безчувственна.

АХИЛЛЕСЪ.

Ухвативъ ея за руки.

Что вы, что? о? зло: опомнитесь прошу.
Еще я здѣсь при васъ, и помощь приношу:
Мнѣ дайте чувства знакъ; хоть слабо застените,
Деидамія ахъ? прошу, въ себя придите.

ДЕИДАМІЯ *Очувствовавшись:*

Вы здѣсь еще, васъ зрю мой Пирръ, ахъ Ахиллесъ!
Герой Пословъ, мой Князя, причина горькихъ слезъ!

АХИЛЛЕСЪ.

Дражайшая при васъ; оставьте вы печали:
Разлуки времена еще намъ не настали.

ДЕИДАМІЯ.

Ахъ! лучше смерть меня здѣсь вскорѣ да пожретъ,

Когда вы сами мнѣ наносите сей вредъ,
Что смертоносна честь вамъ выше долгоденства,
И нашего при томъ взаимнаго блаженства.

АХИЛЛЕСЪ.

О! горе; зрится ужъ, что должно нынѣ зрѣть:
Или на брани мнѣ иль въ скорби умереть.
На славную хотя я должность поспѣшаю;
Но какъ иду на казнь, и смерть предъощущаю.
Я только что клену тою такую часть,
Что въ пагубную та меня ведетъ напасть.
Я мужества въ себѣ и силы ненавижу,
Которыми мою любовь, и васъ обижу.
Отчаяніе внутрь дерзнулобъ и хулу
Судьбѣ произносить, ему наведши мглу,
На небо жъ хоть печаль негодовать не смѣетъ;
Но сердце отъ того, что я иду, мертвѣетъ:
Густѣйшій мракъ моимъ, отъемлетъ свѣтъ, очамъ.
Жаль васъ! жаль мнѣ себя! по надобно; быть
тамъ.

ДЕИДАМІЯ.

Жестокій Князь! того вы сами восхотѣли;
Не мать вамъ, и ни царь, ни Боги повелѣли.
Когда бъ охота въ васъ такая не была;
Тобъ злою ни когда быть часть мнѣ не могла
Извольте; здѣсь меня въ погибель оставляйте;
Когда угодно такъ, то тѣмъ и умерщвляйте.
Я смертную уже зрю ладію въ часъ сей,
И кормчій ужъ пловетъ самъ престарѣлый въ ней;
Ступай, ступай скоряй, вопитъ онъ мнѣ сурово;
Нужъ не держи меня; тебя жду; все готово.

АХИЛЛЕСЪ.

Я чувствую и самъ, коль сильно ваше зло,
Отъ жала, что мою утробу всю прошло:
Я плачу по себѣ, по васъ ослабѣваю,
И въ горести моей несносно я страдаю.
Стараюсь но вотще, я скорбь мою укрыть;
Не вѣмъ какъ мнѣ безъ васъ, какъ безъ меня вамъ быть,
Не можно изрещи жестокости отъ руки,
Которую терплю я для себя разлуки.
О! небо; ты въ добро мое зло обрати.
Но коль ни люто есть; однако долгъ итти.

ДЕИДАМІЯ.

Ни кто, дражайшій Князь, итти не понуждаетъ;
Охота, говорю, васъ, токмо возбуждаетъ.
Теперь, зрю, ваша коль любовь комнѣ слаба:
Что бъ васъ здѣсь одолѣти возмогъ?

АХИЛЛЕСЪ.

Могла судьба:
Сея предѣлъ такой, и повелѣли Боги;
Они уже къ тому отверзли всѣ дороги;
Посолъ узналъ, Хиронъ Царю все объявилъ;
Я напослѣдокъ самъ тогожъ не потаилъ.
Всѣ нынѣ, всѣ къ тому концы склонились дѣла,
Коль тщанія, меня скрыть, матерь не имѣла.

ДЕИДАМІЯ.

О! Боги всѣхъ презрѣлъ, не смотритъ ни на кровь;

И пренебрегъ уже вотъ самую любовь!
А силится казать, что онъ есть не злодушенъ!
Кому жъ упрямый толь возможетъ быть послушенъ!
Какъ! чувствуетель вы, что измѣнили мнѣ?
И что вы чрезъ сіе невѣрности въ винѣ?

АХИЛЛЕСЪ.

Той волѣ прежде васъ я долженъ быть, и вѣренъ,
Которыя есть судъ всегда не лицемѣренъ.
«Судьбѣ послушенъ есть безспорно Ахиллесъ,
«У коея престолъ превыше есть небесъ;
«Гдѣ грознѣйшій Перунъ, весь оный окружаетъ,
«И приступить къ нему собой не допущаетъ,
«Та прежде тварей всѣхъ, и прежде всѣхъ вѣковъ,
«Какъ былъ ея предѣлъ, пребудетъ въ вѣкъ таковъ;
«Предъ ней силъ многи тьмы сіяніями блещутъ.
«И въ пламени своемъ ея жъ онѣ трепещутъ;
«Желаніе та всѣмъ, та всѣмъ любовь и страхъ;
«Свѣтилъ число предъ ней тѣнь токмо самый прахъ:
«Такъ о судьбѣ Хиронъ, чудясь самъ, мнѣ представилъ;
«Ея знать, ей служить всегда, меня наставилъ.

Примѣчаніе. Стихи означенные сими знаками «внесены сочинителемъ въ *Θеоптію*, или книгу *о Богозрѣніи*.

ДЕИДАМІЯ.

Возможетъ ли тотъ чтить сей несказанный свѣтъ
Обманомъ вѣрность въ комъ, не правдою жъ обѣтъ?

АХИЛЛЕСЪ.

Мнить лучше васъ прошу: кленусь, моя къ вамъ вѣрность
Ни есть, и ни была, ни будетъ лицемѣрность.

ДЕИДАМІЯ.

Такъ можно прежде вамъ со мною сопрящись;
Въ оружіе жъ по томъ преславно облещись,
Съ Посломъ пойти къ Царямъ и на время разстаться,
Возможете вы съ кѣмъ на вѣки сочетаться;
Агамемнонъ женатъ. Улиссъ есть сопряженъ;
И много мню, Князей, пошедшихъ въ брань отъ женъ.

АХИЛЛЕСЪ.

О семъ не надлежитъ ужъ больше нынѣ мыслить;
Но участь долгъ мою между такими числить,
Что бъ безъ надежды мнѣ до смерти васъ любить,
А что бъ итти туда, гдѣ надобно мнѣ быть.

Деидамія плачетъ.

Деидамія! что? вы залились слезами,

ДЕИДАМІЯ.

Но какъ не плакать мнѣ? слезъ токи лются сами

Женихъ мой мнѣ велитъ пребѣдно умереть,
Когда онъ тщится толь союзъ любви презрѣть,
Въ то время какъ Гименъ свѣщи на бракъ
вжигаетъ,
Самъ угашая тѣ меня въ гробъ отсылаетъ;
Однако говоритъ; что любитъ онъ еще,
И смертно толь разя ласкается вотще
Я вижу что любовь и къ бѣднѣйшей мнѣ жа-
лость,
Не что иное, вамъ, какъ токмо духа малость.
Но алчность воевать, котору утолить
Ни что не можетъ въ васъ ни что и умолить,
Спесь, многи васъ Цари въ полкахъ бы почи-
тали,
Что бъ предпріятій всѣхъ безъ васъ не начи-
нали;
Что бъ въ страхѣ были всѣ отъ Ахиллеса
тамъ,
Льстятъ васъ: вотъ самъ, то симъ вы служи-
те Богамъ.

АХИЛЛЕСЪ *Особно.*

О! слезы тѣ весьма имѣютъ слово сильно,
Что васъ бы преклонить, любезна льетъ обильно.
О! коль прекрасный зракъ при помощи такой,
Возможетъ вскорѣ насъ преодолѣть собой!
Печальный видъ сей зря, коль сердце умили-
лось!
Коль постоянство все при слабости крѣпилось.

Къ Деидаміи.

Не нападайте, ахъ! на славу здѣсь мою,

Оставьте вы сей плачь и всю болѣзнь сію;
Пусть мужество мое отъ вашихъ слезъ спасется
Мое пусть отъ того и сердце все не рвется,
Я чувствую уже, колеблется оно,
И признаваюсь, что едва не сражено.
Вся зыблется при томъ моя и добродѣтель.
И есть уже сему она сама свидѣтель
Что много вашъ мнѣ плачь жалѣнія принесъ.
Коль больше я женихъ, толь меньше Ахиллесъ?
Почти толь побѣжденъ я дружбы по причинѣ,
Какъ жалость, какъ любовь преодолѣю нынѣ!
Такъ полножъ, поло вамъ меня уже любить,
И полно вамъ по мнѣ потоки слезны лить,
Противъ оружій сихъ досаду я поставлю,
Мою защиту всю я ею препрославлю:
Не здѣлаетъ вашъ гнѣвъ толико ей.
Нужъ знайте, у меня для васъ ужъ нѣтъ очей
Не благодарный я, и я непостоянный,
Вы отмщевайте мнѣ, я недругъ вашъ признанный,
Какъ! вы и отъ сего стоите не кленя!
Я презираю васъ, вы зрите на меня!
Что больше вамъ еще? я въ словѣ немѣшаюсь
Отъ вѣрности ужъ вамъ на вѣки отрицаюсь,
Я больше васъ любить не буду ни когда
Судьба меня зоветъ, итти мнѣ долгъ туда.

особно.

О! добродѣтель, такъ тебѣ отдавшись въ жертву
Я безъ приступства зрѣть могу ль ея здѣсь мертву.

деидамія.

Жестокій въ свѣтѣ тигръ! свирѣпый самый левъ!
Сей распаляешъ ты въ Деидаміи гнѣвъ!
Достоинъ ты его, достоинъ по премногу;
Но прибѣгаешь, злый вотще къ сему подлогу;
Ты думаешь, что тѣмъ меня здѣсь раздражишъ,
Напрасно лютый звѣрь напрасно такъ ты мнишь:
Ты любишь все меня, мнѣ сердце утверждаетъ,
И знаю, что оно меня въ томъ не прельщаетъ.
Въ тебѣ поступокъ сей отъ жадности къ войнѣ,
Что досаждаешь толь не заслужившей мнѣ.
Желаешь ты меня такъ видѣть огорченну,
Чтобъ быть чрезъ то тебѣ отсюду отлученну.
Чтобъ вырваться хоть такъ на кроволитный бой;
И позабыть меня не видясь тамъ со мной.
Сомной.... ахъ! отъ сего я помысла мертвѣю
Но способъ я еще дѣйствительный имѣю.
Пойду къ отцу сама; скажу, ты мой женихъ;
Симъ удержу тебя здѣсь въ узахъ я моихъ.
Безчестія въ томъ нѣтъ, что дѣва полюбила;
Но чести моея въ любви не позабыла,
Иль жизни я моей ужъ здѣлаю конецъ,
Иль сопряжетъ меня съ тобою самъ отецъ.

пошла скоро.

—

ЯВЛЕНІЕ 5.

ЛИКОДЕМЪ, АХИЛЛЕСЪ.

ЛИКОДЕМЪ.

Еще, любезный Князь, такъ ходите, какъ прежде!
Пріятно быть еще въ дѣвической одеждѣ!
Но полно; время ужъ изъ сей вамъ совлещись,
И достолѣпно здѣсь въ геройску облещись,
Оружіе сіе дѣвицъ не украшаетъ:
Но храбрѣйшихъ оно героевъ возвышаетъ,
И воинамъ коль сей приличенъ есть доспѣхъ;
Дѣвическая толь на нихъ одежда смѣхъ,
За утра и посолъ отъѣдетъ; васъ онъ проситъ,
Велитъ премѣну Царь, другъ вамъ о томъ доноситъ.

АХИЛЛЕСЪ.

Державный Царь, прошу не воспріять во гнѣвъ;
Привыкшій Ахиллесъ въ чертогахъ въ ликѣ дѣвъ,
Хотя не безъ труда съ одеждой разстается,
Однакъ въ природну онъ здѣсь вскорѣ облечется,
Когда противно вамъ, что въ ней еще я зрюсь.
Не сомнѣвайтесь, я въ другой къ послу явлюсь.
Но прежде должно мнѣ съ Царевною проститься,
Со всѣми съ вами Царь, потомъ ужъ разлучиться.
Разлука! ты мнѣ здѣсь, ты тяжела одна!
Повѣрьте Царь, отецъ; безъ сей мнѣ бракъ война.

ЛИКОДЕМЪ.

Такое чувство въ васъ весьма любви подобно;
Съ кѣмъ разлучаться вамъ толь нынѣ не способно?

АХИЛЛЕСЪ.

Я доносилъ уже; но больше Ахиллесъ
Не можетъ вспоминать самихъ васъ Царь безъ слезъ,
Ни приводить на мысль по крови вамъ ближайшихъ,
Ни бывшихъ вкупѣ въ сихъ со мной мѣстахъ дражайшихъ.

ЛИКОДЕМЪ.

О! Князь, любезный мой, уже оставте насъ,
Мнѣ благодарства жаръ вельми пріятенъ въ васъ
Вамъ славнѣйшій себѣ долгъ представлять утѣхи
И процвѣтать въ полкахъ за храбрость, за успѣхи.

АХИЛЛЕСЪ.

Пойду къ послу; однакъ сама васъ проситъ мать....

ЛИКОДЕМЪ.

Я не могу ни какъ послу васъ не отдать,
Перерядитесь вы.

АХИЛЛЕСЪ.

При томъ и я дерзаю...

ЛИКОДЕМЪ.

Ступайте, говорю, къ послу; я васъ лобзаю,
Но въ мужеской бы васъ ему одеждѣ зрѣть.

АХИЛЛЕСЪ. *Особно.*

О! зло, о бракѣ я начать не могъ посмѣть.

Пошелъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 6.

ЛИКОДЕМЪ, НАВПЛІЯ.

ЛИКОДЕМЪ.

Что новаго еще? ты обьявляй мнѣ смѣло.

НАВПЛІЯ.

Держитъ въ рукахъ Распечатанное письмо.

Великій Царь, отъ васъ поручено мнѣ дѣло,
По должности жъ моей, какъ требовала честь,
Такъ точно отъ меня исполнено ужъ есть.
За Пиррою вы мнѣ смотрѣть здѣсь повелѣли;
И вѣдать объ ея любезнѣйшей хотѣли.
Донесть тогда я вамъ о всемъ сомнилась томъ,
Боясь тѣмъ возмутить священный Царскій домъ
И клеветницей быть еще я убоялась:
Но правда словъ моихъ собою показалась,
Что Пирра есть у насъ не дѣва, мужескъ полъ;
То чрезъ сіе письмо докажется не вполъ:
Докажется и то, что я тогда укрыла,
А именно изъ насъ, кто Князя полюбила.

ЛИКОДЕМЪ.

Къ кому жъ, и отъ кого?

НАВПЛІЯ.

Писала къ сыну мать,
Въ сей день онъ получилъ; Царь можетъ руку знать.

ЛИКОДЕМЪ.

Тебѣ досталось какъ?

НАВПЛІЯ.

Я шедши къ Царской дщери
Узрѣла, что въ Княжой покой отверсты двери:
Вошла; не вижу тамъ отнюдь я ни кого,
А письмецо сіе на столикѣ его
Развернутое такъ, какъ видитъ Царь, лежало.
Хоть любопытства я всегда имѣю мало,
До писемъ и до книгъ; однакъ сіе прочла.
О! небо, что жъ я въ немъ читаючи нашла?
Ахъ! лучше, что бъ въ покой его я не входцла,
Сего дня царскій духъ я симъ бы не смутила.
И подлинно, прочетъ не знала какъ мнѣ быть,
Хотѣла я письмо молчаніемъ покрыть.
Но долгъ, и честь моя и совѣсть устрашали
И зло мнѣ изъ того велико провѣщали;
Когда бъ сего Царю дерзнула не сказать,
И мой подзоръ письмомъ неложнымъ доказать,
И такъ, сіе теперь, о! Царь, я вамъ вручаю;
Какъ велѣно отъ васъ, такъ точно и собщаю.

Вручаетъ письмо.

ЛИКОДЕМЪ.

Взявъ читаетъ въ слухъ письмо.

«Ѳетида чаду симъ, кой ей дражайшій свѣтъ,

«Отъ сердца своего родительски желаетъ,
«Какъ здравія всегда, такъ и премногихъ лѣтъ,
«И на его письмо отвѣтъ сей посылаетъ.
«Любезнѣйшій мой сынъ! сладчайшій Ахиллесъ
«Я сердца твоего хвалю всю добродѣтель;
«Которую тебѣ съ щедротнѣйшихъ небесъ,
«Богато низпослать благоволилъ, содѣтель,
«Что въ волю предаешъ, то матери твоей,
«Чего всякъ добрый сынъ начать собой не смѣетъ
«Въ Деидаміи знакъ великъ доброты жъ сей,
«Что къ доброму тебѣ любовь она имѣетъ.
«Ахъ! я теперь погибъ!

Восклицаетъ.

Читаетъ паки.

«Что хочетъ быть твоя
«И въ брачныхъ узахъ жить съ тобою не разлучно,
«Намѣреніямъ симъ въ васъ непротивлюсь я:
«О! имъ да поспѣшитъ судьба благополучна,
«Я позволяю тамъ тебѣ, дражайшій сынъ,
«(И мню, что Ликодемъ сей бракъ воспріиметъ чесно)
«Въ супружеской вступить съ Деидаміей чинъ.
«Хиронъ, да учинитъ о семъ Царю извѣстно:
«О всемъ писала я къ Хирону самому,
«Просилъ бы онъ Царя и отъ меня совѣтно:
«Не мню что бъ онъ его не преклонилъ къ тому,
«За симъ, дражайшій сынъ, ты здравствуй долголѣтно!

Къ Навплію.

Поди теперь, поди съ моихъ ты глазъ долой,
Навплія особно.
Пусть рушится весь свѣтъ; но духъ спокоенъ мой!
Вышла.

—

ЯВЛЕНІЕ 7.

ЛИКОДЕМЪ *одинъ.*

Зло! сердце что мое теперь все раздираешь,
А почитай меня и жизни ужъ лишаешь:
Достойныя по что Ѳетиды неразишь
Или по что меня скоряе не губишь?
По мыслѣ мысль въ душѣ другая толь мятется,
По перьвой горесть вдругъ иная внутрь несется.
Я чувствую любовь, и ненависть, и страхъ:
Не знаю, я ль себѣ другой ли кто мнѣ врагъ?
То возбуждаюсь я чрезъ наглость въ крайній скрежетъ;
Утробу то мою снѣдая жалость рѣжетъ.
Злочастную еще, еще я дочь мою люблю;
Молчавъ о тайнѣ ей по правдѣ ль погублю?
Ея безвинну страсть я ей хоть и прощаю;
Однако за мою погрѣшность осуждаю.
Хоть жаль вельми ея; но какъ мнѣ сохранить?
И возмогу ль чрезъ то богиню прогнѣвить?
Перуна отъ небесъ весьма я ужасаюсь!
О! жрица, изьяснить спѣши, я дожидаюсь.
Отдамъ не токмо дочь, умреть готовъ и самъ:
Едину потреблю, что бъ всѣмъ не згибнуть намъ.

Конецъ четвертаго дѣйствія, заключающаго въ себѣ 238 двустрочій или 476 строкъ.

—

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛИКОДЕМЪ, ІЕРОФАНТА, ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

ЛИКОДЕМЪ.

Іерофанта! что намъ нынѣ извѣстите,
Которая боговъ толь ясно тайно зрите?
Въ болѣзни и тугѣ сердечной я давно;
Услышать жду отъ васъ что намъ, повелѣно.

ІЕРОФАНТА.

Трепещу возвѣстить богинину я волю,
И горькую твою и нестерпиму долю.

ЛИКОДЕМЪ.

Ахъ! возвѣщайте вы, что дѣлать долженъ я:
Внутрь чувствую уже, что участь зла моя;
Но одного ль меня казнить опредѣлила,
Иль всѣхъ насъ изтребить Богиня положила?

ІЕРОФАНТА.

Словъ съ страха не могу въ устахъ я не запять!
Хощу ихъ изрещи; но возвращаю встать.

ЛИКОДЕМЪ.

Прошу скоряй, прошу благая, мнѣ вѣщайте!
Не чаю живота, вы смерть повелѣвайте:
Всегда послушенъ я безсмертнымъ есмь богамъ,
И вѣстницѣ боговъ не прекословлю вамъ.

ІЕРОФАНТА.

Послушай, Ликодемъ, Іерофанту внятно...

ЛИКОДЕМЪ *Особно.*

О небо! трепетъ, коль обьемлетъ не понятно!

ІЕРОФАНТА.

Богинѣ ты себя, но не въ себѣ готовь:
Живи со всѣми здравъ, свою жъ проливши кровь.

ЛИКОДЕМЪ.

Но какъ со всѣми, кровь проливши, жить мнѣ здраву?
Не ясенъ вашъ отвѣтъ по провѣщаній нраву.
Пролить я кровь мою и умреть готовъ,
Богиня бъ только всѣхъ здѣсь въ царствіи градовъ,
И всѣхъ живущихъ въ нихъ, въ моей которы власти,
А вчуже погибать, осужденны въ напасти,
Какъ повелѣла та самой же вамъ грозить;
Оставила за той грѣхъ язвою сразить.

ІЕРОФАНТА.

Не нудь меня, не нудь: мнѣ и самой есть больно:
Сказала я тебѣ не ясно, но довольно.
Ахъ! нужда настоитъ! ахъ! близко ужъ гроза!
Сама катиться, ей! изъ глазъ моихъ слеза.

ЛИКОДЕМЪ.

Но я прошу сказать, извольте мнѣ ясняе:
Зло настояще намъ, не будетъ ли чѣмъ зляе?

Отдать Богинѣ, что я долженъ есмь теперь:
Что бъ въ пагубу не ввесть всѣхъ подданныхъ
мнѣ.

ІЕРОФАНТА.

Дщерь!

ЛИКОДЕМЪ.

Дщерь точно? дщерь мою желаетъ видѣть мертву?
О! Зло; о! лютъ ударъ!

ІЕРОФАНТА.

Дщерь точно просить въ жертву.

ЛИКОДЕМЪ.

Ахъ! горесть; ахъ! моя несносная печаль
Повѣрьте, самому себя мнѣ толь не жаль;
Коль сердце все мое та прободаетъ бѣдна,
И будучи млада, и будучи наслѣдна;
Но дщери не могу Богини отрещи;
Однакъ дерзну сіе я токмо изрещи!
Чѣмъ ярость дщерь моя толику заслужила,
Чтобъ жизнь свою одна за всѣхъ та положила?
Богиня! ты по что не требуешь отца,
Тебѣ кой посвятилъ свою дщерь отъ сосца?
По что твой вѣчный даръ о! дѣва поражаешь?
Въ невинной крови сей по что гнѣвъ угашаешь?
О! да обращена толика месть твоя,
Здѣсь будетъ на меня родителя ея.

ІЕРОФАНТА.

Утроба, Царь, вотще твоя толико рвется,
И сердце толь твое, и духъ вотще мятется:

Ты признаваешь самъ, что отдалъ дщерь твою;
Богинѣ отъ пеленъ; та емлетъ часть свою.

ЛИКОДЕМЪ.

Іерофанта! въ томъ и я не прекословлю;
Я плачу какъ отецъ; но въ жертву дщерь готовлю:
Однако месть сія жестокая за что?
Всю внутренность мою одно терзаетъ то.

ІЕРОФАНТА.

Не месть тебѣ сія; но знаменита милость;
Ты токмо отложи толь слабую унылость
Деидамія той во вѣки отдана,
Чѣмъ къ вѣчному сія и дѣвству призвана.
И такъ Богиня тѣмъ тебѣ не кажетъ гнѣва:
Дѣвицу приняла, дѣвицу проситъ Дѣва.

ЛИКОДЕМЪ.

Но развѣ дщерь моя не можетъ въ свѣтѣ жить
И въ старости уже, жизнь дѣва положить?

ІЕРОФАНТА.

Жить можетъ, но при томъ жить можетъ не Богинѣ
Супругу поживетъ; безсмертной умретъ нынѣ.

ЛИКОДЕМЪ.

Тогда бъ былъ развѣ ужъ у дщери здѣсь супругъ;
Когда бъ мой съ тѣломъ симъ сопрягся жизни духъ.

ІЕРОФАНТА.

Что слышу Ликодемъ! Богиня ль то не знаетъ?
И нынѣ у тебя женихъ ей обитаетъ.
Невѣста дщерь твоя вступила съ нимъ въ союзъ,
А совершенства ждетъ отъ брачныхъ токмо узъ.
Порока въ ней не мни, что юношу взлюбила:
Природная сія и наглая есть сила;
Однакъ безъ твоея то воли совершить,
Чтобъ предъ тобою ей отцемъ не погрѣшить.
Не хочетъ та отнюдь, по нынѣ ожидая
Часа, явить тебѣ, по нынѣ и не зная,
Что хочетъ взять ея Богиня отъ земли,
Но самъ о! Ликодемъ, сіе теперь внемли,
Ты много преступилъ предъ дщерію твоею;
Иль простъ, иль нерадивъ поступокъ твой есть съ нею,
Что тайны издавна ты ей не объявилъ,
Богинѣ что ея во вѣки посвятилъ,
Когда бъ она сіе заранѣе познала;
То бъ въ бракѣ быть ни съ кѣмъ отнюдъ не пожелала.
Кровь чистую еще, проливши жъ, хочетъ взять
Безсмертная къ себѣ, дабы ея отнять;
Тѣмъ отъ преступства здѣсь Богинѣ предъ собою,
И чтобъ принужденой не быть еще съ тобою,
Молчанія за грѣхъ лютяе поступить,
А именно: чтобъ всѣхъ людей не истребить:
Храненія себѣ желаетъ Царска тайна:
Но проповѣдь должна дѣламъ небеснымъ крайна;
Отдай Богинѣ дщерь пусть ѣдетъ Ахиллесъ:
Сему и той предѣлъ таковъ есть отъ Небесъ.

ЛИКОДЕМЪ.

О! глубина судебъ: рукою повергаютъ,
Къ подъятію тогда жъ другую простираютъ.
Усердіе мое сама Богиня зритъ,
И за щедроту ей, какъ духъ благодаритъ.
Безсмертнымъ ни когда я не сопротивляюсь:
Всегда ихъ правотѣ безмѣрно удивляюсь.
Идите жъ вы, олтарь поставьте на среду:
Я дщерь мою къ тому самъ вскорѣ приведу.

Жрица пошла.

Онъ къ Булевполему.

Булевполемъ, поди теперь и ты отсюду,
Скажи, да придутъ всѣ ко мнѣ мои оттуду;
Да идутъ, какъ есть долгъ приличный праздне-
ству,
Да принесутъ съ собой и цвѣты Божеству:
Да всѣ явятся здѣсь, ни въ томъ да прекосло-
вятъ,
Мнѣ къ службѣ, такъ же сей покровъ, да из-
готовятъ.
Дщерь я самъ призову, чтобъ не устрашена
Вдругъ тѣмъ могла быть. Ахъ! вотъ идетъ ужъ
она.

ЯВЛЕНІЕ 2.

ЛИКОДЕМЪ, ДЕИДАМІЯ.

ДЕИДАМІЯ.

Родитель мой и Царь, дражайшій, преизбранный,
Да не явится вамъ сей мой поступокъ странный,

Что дерзостно предъ васъ я прихожу теперь;
Какъ дѣва я стыжусь, въ надеждѣ есмь, какъ дщерь:
Мнѣ вашихъ дверь щедротъ здѣсь да не заградится,
А прозьба въ правотѣ отъ васъ мнѣ да рѣшится.

ЛИКОДЕМЪ.

Царь! слухъ склоняю къ вамъ, объемлю васъ отецъ.
Обнялъ ея.
Вѣщайте, правый судъ, державнымъ есть вѣнецъ,
А камень честенъ въ немъ есть милость на престолѣ;
Симъ обоимъ Цари подобны вышней волѣ.

ДЕНДАМІЯ.

Когда бъ рѣчь у меня здѣсь не отцемъ была,
Тобъ дѣва предлагать того я не могла;
И не могла бъ и вамъ дерзнуть въ другое время,
Хотя я ваша кровь, родное ваше племя.
Но нужда стыдъ дѣвицъ преодолѣла весь.
И къ скрытностямъ при васъ уже нѣтъ мѣста днесь...

ЛИКОДЕМЪ. *особно.*

Всѣ подлинно теперь. Ахъ! скрытности напрасны.

ДЕНДАМІЯ.

Мнѣ мнятся, на меня вы гнѣвны: знаки ясны.

ЛИКОДЕМЪ.

Ни мало гнѣва пѣтъ на васъ мнѣ дщерь моя;
Но не о томъ ли вы, такъ разсуждаю я,
О чѣмъ извѣстно мнѣ, просить меня хотите:
Въ догадкѣ дщерь моя, меня не въ гнѣвѣ зрите.

ДЕЙДАМІЯ.

И такъ родитель, Царь, и Государь рабѣ,
Надѣюсь испросить желанное себѣ?

ЛИКОДЕМЪ.

Испросите дщерь все, во власти что имѣю.
Особно.
Но жизни ни когда.

ДЕЙДАМІЯ.

Просить отца я смѣю,
И соизволить то, для тока слезъ моихъ...

ЛИКОДЕМЪ.

Но что такое?
Особно.
Ахъ!

ДЕЙДАМІЯ.

Мой Ахиллесъ женихъ.

ЛИКОДЕМЪ. *Особно.*

Смерть то есть онъ твоя!

ДЕЙДАМІЯ.

Родитель умилитесь!

ЛИКОДЕМЪ.

Все объявляйте мнѣ, любезна, не страшитесь.

ДЕИДАМІЯ.

Вступили мы въ союзъ, ужъ цѣлый годъ тому,
А Князь васъ и меня достоинъ по всему.
Избравши въ жениха, вамъ доношу я точно,
Невѣстою его была все безпорочно
Предъ вами въ семъ одномъ вину я признаю.
Чего уже теперь ни мало не таю,
Что не сказавши вамъ въ союзъ я съ нимъ вступила;
Но чести, доношу, отнюдъ не повредила:
Дочерній страхъ отца и дѣвствующій стыдъ,
Хотѣли до часа союзъ, чтобъ былъ укрытъ.
Сіе мнѣ и женихъ здѣсь запрещалъ безмѣрно,
Хотя во время самъ донесть о всемъ вамъ вѣрно:
Отъ матери къ себѣ онъ ожидалъ письма;
Симъ нынѣ та ему позволила сама.
Однако самъ ужъ онъ союзъ пренебрегаетъ,
И познанный съ посломъ подъ Трою отъѣзжаетъ.
Союзомъ, вашъ есть долгъ его здѣсь удержать,
Иль сочетавъ со мной дать волю отъѣзжать.
О семъ родитель, дочь вамъ и раба доноситъ,
Покорно васъ о семъ и всеподданно проситъ,
Излишно, прославлять высокой родъ его;
И онъ угоденъ мнѣ отнудь не для того:
Сладчайшимъ бракъ есть тотъ, и сей есть непресѣчнымъ
Который сопряженъ, союзомъ въ насъ сердечнымъ.

ЛИКОДЕМЪ.

Молчанія васъ дщерь, прощаю я въ винѣ:

Ѳетидина жъ о томъ есть прозба и ко мнѣ,
Я вижу, что его вы любите не лесно,
И мнѣ не давно хоть, о всемъ уже извѣсно.
Чтожъ пламень вашъ любви взаимно толь возрасъ;
То всяко нынѣ тщусь объ увѣнчаніи васъ,
Чего для я теперь вамъ вѣрно объявляю,
Что къ жертвеннику васъ въ сей часъ уготовляю:
Увидите вы здѣсь, какъ цвѣты, такъ вѣнецъ;
Я увѣнчаю самъ любезну дщерь отецъ.
При жертвенникѣ все, что должно совершиться.

ДЕИДАМІЯ.

Но вскорѣ ль самъ женихъ сюда ко мнѣ явится?

ЛИКОДЕМЪ.

Мню, не замедлитъ онъ; сомнѣнія въ томъ нѣтъ.
Особно.
Прости любезна дщерь! прости дражайшій свѣтъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 3.

ЛИКОДЕМЪ, ДЕИДАМІЯ, всѣ дѣвицы, кромѣ Навпліи, и вся Царская стража.

Дѣвицы имѣютъ каждая пукъ цвѣтковъ въ рукахъ, и долгій покровъ на головѣ бѣлый, а изъ стражи всякъ держитъ вѣтвь, обвитую бѣлыми жъ лентами, изъ нихъ нѣкто одинъ въ другой рукѣ держитъ вѣнокъ изъ

цвѣтовъ и фестонъ да бѣлый покровъ
Царю вышитъ. Всѣ стали по мѣстамъ.

ЛИКОДЕМЪ.

Се видите вы дщерь къ служенію готовыхъ;
Но слову моему тѣ всѣ въ приборахъ новыхъ.

ДЕИДАМІЯ.

Мнѣ цвѣты и вѣнецъ пріятно видѣть здѣсь:
Но отъ покрововъ сихъ трепещетъ духъ мой весь,
Единъ потребенъ мнѣ покровъ при службѣ брака,
Не посягаетъ же изъ сихъ со мною всяка;
Но токмо мнѣ и нѣтъ изъ нихъ покрова всѣхъ,
Которая одна невѣста есмь изъ тѣхъ.
Дражайшій мой отецъ, та странность не обычна,
Чего для почтена отъ васъ на то прилична?

ЛИКОДЕМЪ.

Вы вскорѣ дщерь моя, познаете сіе.

Особно.

Ахъ! лютый часъ насталъ: мретъ сердце все мое!

Къ предстоящимъ.

О! подданны мои послушайте всѣ внятно:
Въ сей часъ Богинѣ я служеніе пріятно,
Которая сама изволила велѣть,
Чтобъ гнѣва ей на насъ ужъ больше не имѣть,
По долгу приносить на учрежденну гору
Иду отсюду, самъ премножества къ собору.
Вы предстоящи здѣсь, послѣдуйте за мной;
При жертвенникѣ жъ тамъ оставьте плачъ и вой,
Какъ узрите уже разимую всю жертву,
И по ударѣ томъ Деидамію мертву.

Хотя мои еще и не созрѣли годы:
Кому случилось здѣсь родившись свѣтъ узрѣть:
Осталось ужъ тому едино, умереть.
Но что невинна кровь во младости прольется:
Симъ безъ удара, симъ толь сердце все бодется,
Родитель! Государь! я доносила вамъ,
Честь безпорочна вся вы вѣрьте симъ слезамъ,
Плачетъ.
Не знавшія пускай расторгнется днесь бракъ,
Да въ дѣвствѣ поживу не истребленна такъ,
Чтобъ васъ мнѣ преклонить родителя драгаго,
Я не имѣю здѣсь посредствія другаго,
Кромѣ прегорько сихъ текущихъ слезъ теперь,
Въ защиту жъ привожу одно: я ваша дщерь.
Пала паки на колѣна.
Ахъ! соблюдите жизнь отъ васъ самихъ мнѣ данну,
Жизнь соблютите вы самимъ себѣ желанну:
Мнѣ дайте вы вкусить всѣ сладости ея,
По нынѣ не могла въ сихъ лѣтахъ знать всея
Не нудьте дщери толь сойти въ державы темны,
Въ ровъ смерти, тѣней всѣхъ и безднъ въ страны подъ земны.
Я учинила васъ, я перьвая отцемъ,
Сѣдинамъ вашимъ симъ я нынѣ есмь вѣнцемъ;
Вы перьвую меня въ объятіе пріяли,
И въ радости тогда дщерь сладостно лобзали,
Но въ отроческій ужъ какъ возрастъ я пришла;
Коль многа ласка мнѣ родительска была!
Вы говорили такъ: о! дщерь да жизнь толика;
То дождется моя; какъ будешь ты велика!

Какъ станешь ужъ сама ты царствомъ симъ
владѣть.
Какъ я теперь тебѣ; тогда ты мнѣ радѣть!
На вашихъ я рукахъ въ младенчествѣ играя,
И отчески уста и Царскія лобзая,
Взаимно такъ сама нѣмотствовала Вамъ
Родитель мой драгій, то узрите вы самъ,
Какъ почитать тогда ближайшаго я буду,
И старости сея какъ въ вѣки не забуду:
Да даруетъ судьба толь долго вамъ пожить,
Чтобъ дщерь отцу могла удовлесотворить!
Вспитанія весь трудъ я вашего бъ познала!
И благодарность бы за оной показала!
Сей нѣжный разговоръ и нынѣ у меня
Присудствуетъ въ умѣ; а помню тотъ стеня:
Но вы родитель мой, знать оный позабыли,
Что дщерь такъ умертвить младую осудили.
Прошу васъ Государь! оставьте мысль сію;
Ахъ! породите жизнь вторично вы мою,
Для матери моей умершей умоляю,
Помилуйте меня да не усугубляю
Сердечну въ васъ болѣзнь, чрезъ жалостный
мой гробъ;
Помилуйте молю, для двухъ меня утробъ:
Такъ пагубой себя моей не сиротите,
Единой сиротѣ мнѣ быть здѣсь попустите,
Не отвращайте вы родительскихъ очесъ,
Отъ дщериныхъ въ сей часъ толь изобильныхъ
слезъ
Воззрите на меня, обьять мнѣ васъ позвольте,
Отроковицу дщерь, отъ смерти ахъ! увольте.

Да дѣйствуютъ уже въ васъ жалость и любовь!
И буде, какъ отецъ, вы вашу льете кровь;
То смилуйтесь какъ Царь, и Царь толь правосудный,
Отъ подданныя вамъ къ мольбѣ не будьте трудный,
Помыслите, что жизнь дражайше есть всего;
Невинная ль лишусь сокровища сего?

ЛИКОДЕМЪ.

Встань жалостная дщерь, Ахъ! коль я самъ злочасный!

Деидамія Встала, держимая двумя.

Часъ настоитъ уже тебѣ и мнѣ ужасный!
Въ мгновеніи тебѣ ударь долгъ пострадать
До смерти жъ мнѣ моей безъ смерти умирать.
Сама о! тѣнь моимъ глазамъ, о! дщерь любезна,
Ты видишь твоего отца прегорько слезна.
Не мни, чтобъ я тебя дражайша, не любилъ.
Или бъ я по тебѣ всю жалость позабылъ:
Всѣхъ тѣмъ бы я отцовъ возмогъ быть въ свѣтѣ злѣйшій.
Чрезъ тобъ не человѣкъ, звѣрь былъ бы я лютѣйшій.
Однако знаю я долгъ жалости стать гдѣ:
Мнѣ тяжко самому быть въ смертной сей бѣдѣ.
Но дщерь, чтобъ мнѣ тебя спасти, сіе препоной,
Что смертоноснѣй всѣмъ еще не быть мнѣ въ оной.

ДЕИДАМІЯ.

И такъ, родитель мой, вотще все говорю!

День, солнце, васъ самихъ въ послѣдніе я зрю!
Увижуль хоть еще я Ахиллеса нынѣ?
Не будетъ ли и то противно толь Богинѣ?
Умруль я просто такъ не видѣвши того?
Я умираю здѣсь безвинно для кого,
Умру! когда уже мнѣ смерть необходима.
О! да лишусь его всегда ему любима.
Умру! когда ужъ такъ мнѣ должно умереть.
Богиня! восприми: отецъ! извольте жреть.

Сама льется слезами.

ликодемъ. *Къ стражамъ.*

Подайте мнѣ вѣнецъ и узы сплетенны.

Принявъ вѣнокъ положилъ ей на голову, а фестономъ руки связалъ, такъ что ими ей свободно дѣйствовать.

Вѣнецъ знакъ дѣвства сей; а руки сопряженны
Богинѣ тѣмъ въ союзъ; то дщерь, твой вѣчный
бракъ
Обьемлю, обьими; лобжу, лобзай.

Обнявши и поцѣловавши.

особно.

О мракъ!
О! горесть и болѣзнь о! жалость мнѣ сердечна,
О! къ чадамъ въ насъ любовь.

Къ Деидаміи.

Разлука, дщерь, конечна!

Къ дѣвицамъ, державшимъ ея.

Оставьте вы ея.

Оставили и стали насвоихъ мѣстахъ.

Къ Деидаміи.

Дщерь съ неба намъ не мсти.
О! свѣтъ очей моихъ, въ послѣдніе прости.
Паки объемлетъ и цѣлуетъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

ВСѢ ПРЕЖНІЯ И ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

При крайней вашей днесь и общей всѣхъ печали;
Намъ Боги зло еще и бѣдствіе прислали:
Не знаю, радость какъ другія не плодитъ;
Но ясно мнѣ уже, бѣда бѣду родитъ.
Вещь дивная есть въ семъ, то малая иную,
Большая иногда, большую намъ другую,
Отъ большія вотъ зритъ меньшую иногда
И напротивъ: такъ что напасть съ другой всегда.

ЛИКОДЕМЪ.

Что зляе можетъ намъ сего зла приключиться
Чѣмъ возмогла еще Богиня огорчиться?
Но ты Вулевполемъ, скоряй мнѣ говори,
Должайшими рѣчьми, раза не повтори.

ВУЛЕВПОЛЕМЪ.

Какъ скоро при дворѣ здѣсь вашемъ разгласилась,
Нещастливая вѣсть, то всюду такъ посилась.

По стогнамъ въ градѣ всемъ скоряй пернатыхъ
птицъ,
И та дошла ужъ, ахъ! до всѣхъ ужасно лицъ.
Бѣжитъ малъ и великъ, женскъ, мужескъ полъ
на гору.
Гдѣ жертвенникъ стоитъ, толпятся безъ разбору,
Всякъ съ вѣтвію въ рукѣ, всякъ изъ цвѣтовъ
въ вѣнцѣ;
У каждаго видна болѣзнь на всемъ лицѣ.
Тотъ въ грудь себя разитъ, тотъ горестно вздыхаетъ,
Та волосы деретъ, та слезы проливаетъ:
Являютъ разно всѣ одну свою печаль,
Согласно вопіютъ: *Царевны крайно жаль!*
Се вижу я съ горы, гдѣ былъ тогда при жрицѣ,
Съ слезами зря и самъ на жертвенникъ дѣвицѣ
Се съ горной высоты смятеніе и прю;
Въ томъ множествѣ людей нечаянно я зрю:
Всякъ раздается, всякъ прочь бѣгучи тѣснится,
И въ ужасѣ своемъ всякъ пораженъ дивится.
Что за причина, что я знать хотѣлъ, тому?
И страшно стало мнѣ то видѣть самому.
Но что я зрю? Бѣжитъ къ намъ Навплія нелѣпо
Растерзанная вся, однакъ бѣжитъ та слѣпо;
Лице ея въ крови; растрепаны власы,
Ужасный видъ очей, о! грозны намъ часы:
Уста искривлены изъ нихъ течетъ и пѣна,
Бросается на всѣхъ какъ псица изумлена.
Скрежещетъ зубъ о зубъ и растворяетъ зѣвъ:
Ахъ! всякъ бы въ страхъ пришелъ такъ Навплію узрѣвъ.

Что жъ! Прибѣжавши та на верьхъ горы упрямо,
Стремится въ море вдругъ повергнутся тамъ прямо,
То видя самъ тотчасъ тутъ бросился къ ней я,
Схватилъ ту поперегъ и отъ стремнинъ ея
Отвлекъ едва одинъ, пока не подбѣжали
Другіи тамъ ко мнѣ въ томъ кой помогали:
Влекутъ тѣ въ низъ одну, чуть въ силахъ всѣ влещи,
Я шлю еще другихъ въ томъ первымъ помощи,
Всѣ зримъ, что изъ ума бесчесна изступила!
Та вырвавшись у всѣхъ кричитъ я погубила,
Меня, не Царску дщерь, здѣсь должно есть пожреть,
Не Царской дщери, мнѣ достойно умереть,
Нужъ Навплія умри жизнь вся твоя проклята
Ахъ злобная, на что отъ пагубы запята.
На что? меня смертямъ долгъ многимъ погубить,
Смертямъ несчетнымъ долгъ въ жестокости убить.
И на землю по семъ повергшись захрипѣла;
А пѣна при устахъ ужъ клубомъ закипѣла:
Безчувственную я велѣлъ отнесть домой,
И заключить одну такъ въ дальнѣйшій покой:
И мню, что тамъ она теперь иль издыхаетъ,
Издохшія или трупъ только пребываетъ.

ЛИКОДЕМЪ.

Оставимъ злую въ злѣ и съ злобой погибать,
Оставь меня и ты во дщери умирать.

—

ЯВЛЕНІЕ 5.

ВСѢ ПРЕЖНІЯ, АХИЛЛЕСЪ, ХИРОНЪ.

АХИЛЛЕСЪ.

Въ геройской одеждѣ, въ шлемѣ съ щитомъ и копіемъ.

Какой внезапну видъ представился бесчасно!
О! Ликодемъ, въ чемъ зрю сіе лице прекрасно!
Какъ? узы на рукахъ! а на главѣ вѣнецъ!
Къ чему? къ чему то все? и на какой конецъ?

Бросилъ копье, которое поднялъ Хиронъ и сталъ съ нимъ, а Ахиллесъ подбѣжалъ ближе къ Деидаміи.

Деидамія! вы ль?

ДЕИДАМІЯ.

Ахъ! съ вами разлученна.

ЛИКОДЕМЪ.

Оставьте дѣву, Князь! Діанѣ посвященна.

АХИЛЛЕСЪ.

Кто? жертва ваша дщерь? какъ въ разумъ то пришло.

ЛИКОДЕМЪ.

Діана жертва есть ахъ! настоитъ намъ зло.

АХИЛЛЕСЪ.

Отнюдь. Заводчикъ кто? она моя невѣста.

ЛИКОДЕМЪ.

Сему уже теперь ни мало здѣсь нѣтъ мѣста:

Къ вамъ за ея союзъ, за вашу жъ къ ней любовь.
Не щасливъ вѣчно я, пролить должна та кровь.
Іерофанта, къ намъ пришедши отъ Богини;
Рекла, что проситъ та сея отъ насъ святыни;
А буде тотчасъ ей не принесется даръ;
То утрѣ поразитъ смертельный всѣхъ ударъ.

АХИЛЛЕСЪ.

Толикія ль вы, Царь къ жрецамъ и жрицамъ вѣры?
Большая часть изъ нихъ не что какъ лицемѣры:
Имѣя на корысть зіяющную пасть,
Пророчатъ, какъ хотятъ, добро, или напасть.
Пойду и потреблю ту хитрую личину:
Единымъ окончу симъ горестну причину.

ЛИКОДЕМЪ.

Подобныхъ бы словъ, Князь, я не слыхалъ отъ васъ,
И ненависныхъ всѣхъ безсовѣстныхъ образъ:
Сихъ вѣтреная словъ полна, и сими врѣетъ
Злословя юность такъ, что мести не имѣетъ:
Въ надменіи слѣпомъ есть равная жъ хула:
Нечестію жъ къ Богамъ вся добродѣтель зла.
Но чтущій Божество, его слухъ почитаетъ,
И пользу отъ небесъ чрезъ нихъ здѣсь получаетъ
Богиня! моему то слуху отпусти.

АХИЛЛЕСЪ.

Богиня? не хулу, но буйность мнѣ прости.

ДЕИДАМІЯ.

Когда Діана такъ меня ужъ пожелала
Іерофанта жъ вамъ, какъ вѣрю, не солгала:
За отчество мое себя я предаю,
Сердечной къ вамъ любви, мой Князь, хоть не таю;
Однако умереть не винна предпріемлю
Приближитесь ко мнѣ; простите? васъ объемлю.

АХИЛЛЕСЪ.

О! дщерь достойна толь родителя сего,
Достойна по всему союза моего:
Но позавидѣлъ мнѣ рокъ въ щастіи толикомъ.
Ахъ! вамъ не помогу ни плачемъ и ни крикомъ:
Исторгнуть васъ потщусь изъ Жрицыныхъ я рукъ,
Не допущу симъ васъ до тѣхъ лютѣйшихъ мукъ.
Позвольте сами то... драгая! вы молчите!
Къ Ликодему:
А вы, ея Отецъ, съ слезами токмо зрите!

ЛИКОДЕМЪ.

Причины ль нѣту мнѣ такъ слезы проливать?
ДЕИДАМІЯ *Къ Ахиллесу.*
Не тщитесь толь во мнѣ вы горесть возбуждать;
Но токмо укрѣпить меня въ томъ постарайтесь:
Покорна есмь судьбѣ, вы ей же покаряйтесь.
Для васъ и для отца, моя смерть безъ вреда:
Хоть умирать иду, но буду жить всегда.
Сіе мой Ахиллесъ, вы памятуйте всѣ дни,
И обымите Ахъ! уже меня въ послѣдни.

Ахиллесъ объемлетъ съ слезами.

Но кто жъ меня теперь на жертву поведетъ?
Я ослабѣла вся, коль больше сердце ждетъ.

ЛИКОДЕМЪ.

Я самъ тебя веду, О! дщерь и не отстану:
При жертвенникѣ самъ съ тобою жъ я предстану.

АХИЛЛЕСЪ.

Деидамія! такъ вы хочете пойти?

ДЕИДАМІЯ.

Ужъ больше не могу болѣзни я нести.

АХИЛЛЕСЪ.

О! горесть О! печаль.

ЛИКОДЕМЪ.

О! жалость всесердечна.

ДЕИДАМІЯ.

Прости! и Царь, и вы: моя та участь вѣчна.

АХИЛЛЕСЪ *къ Деидаміи*:

Любезнѣйша прости! Ахъ! идете на смерть;
Но купно та меня по что не хочетъ стерть?
Прости прекрасный цвѣтъ! прости Деидамія,
Ужъ больше мнѣ не зрѣть васъ въ жизни предрагія.

Особно:

О! сила Божества, котораго раздѣлъ
Отъ вѣка смертнымъ есть, а твердѣйшій предѣлъ,
Уставленъ подавать какъ горесть имъ; такъ сладость,
Болѣзни и печаль и вожделенну радость,

По праведнымъ судьбамъ ты ублажаешь сихъ,
И подвергаешъ здѣсь нещастію другихъ:
Коль земнородныхъ всѣхъ жизнь въ участи плачевна!
Въ страданіяхъ имъ быть, есть должность ежедневна!
Но бѣдностей сихъ къ тьмамъ въ нихъ повелѣвши жить
Угодно есть тебѣ и смертность приложить.

—

ЯВЛЕНІЕ 6.

ВСѢ ПРЕЖНІЯ; УЛИССЪ СЪ ВОИНАМИ СВОИМИ.

УЛИССЪ.

Мнѣ долгъ ужъ отпускъ взять О! Ликодемъ державный:
Се Герой готовъ со мной къ отъѣзду славный.
Но зрѣлище у васъ здѣсь страшное я зрю!
Быть можетъ, что я вамъ припятіе творю:
До утра еще я отбытіе оставилъ;
Прощенія прошу, что здѣсь себя представилъ.

АХИЛЛЕСЪ.

Посолъ и знатный Царь! мнѣ въ помощь дайте сихъ,
Указываетъ на его воиновъ.
Что бъ дѣву намъ спасти.
Указываетъ на Деидамію.
Отецъ до дщери лихъ:

Ту на смерть осудилъ, что мнѣ была невѣста;
Готовъ олтарь и ножъ; онъ самъ ведетъ до мѣста.

ЛИКОДЕМЪ.

Улиссъ! я васъ прошу отдать Діанѣ честь:
По жертвѣ я о всемъ имѣю вамъ донесть.
Вы буйности сего, вы сами запретите;
А что я весь въ слезахъ мнѣ слабость извините.

УЛИССЪ.

Ахъ жаль мнѣ и сея и васъ; но наконецъ
И я слабъ человѣкъ; къ томужъ и самъ отецъ.

АХИЛЛЕСЪ.

Нѣтъ способовъ уже!

ЛИКОДЕМЪ.

О! съ жалости страдаю.

АХИЛЛЕСЪ.

Не щасливъ Ахиллесъ!

УЛИССЪ.

Всякъ человѣкъ, то знаю.

Особно:

Какъ пущена вода, когда въ верьхъ быстро бьетъ,
И падая тогда жъ себя на низъ та льетъ;
«Стремленіе ея то прямо, то дугою;
«Своею жъ и сѣчетъ сама себя водою:
«Движенію тому покоя нѣтъ на часъ,
«Такъ равно наша жизнь всѣхъ подстрекаетъ насъ:
«Надежды толь всякъ полнъ, летя жъ къ послѣдней грани,

«Въ обратахъ, суетахъ, въ тѣхъ новыхъ безпрестани
«Мнитъ, что уже до звѣздъ онъ самыхъ долетѣлъ.
«Но се его въ одно мгновеніе предѣлъ,
«И замысла при томъ всѣ въ немъ удерживаетъ,
«Какъ съ мнимыя горы въ доль смерти низвергаетъ.
«Ахъ! такъ какъ оный токъ, вѣкъ краткій нашъ течетъ,
«Нечувственно къ себѣ, но сильно рокъ влечетъ.

ЛИКОДЕМЪ.

Ужъ время.

Къ стражѣ:

Вы покровъ.

Поданный взялъ, и имъ накрылся.

Къ Деидаміи.

А ты дай дщерь! мнѣ руку.

ДЕИДАМІЯ.

Богиня! се иду; ты сократи мнѣ муку.

ЯВЛЕНІЕ 7 И ПОСЛѢДНЄЕ.

всѣ прежніи и ІЕРОФАНТА.

ІЕРОФАНТА.

съ кинжаломъ въ рукѣ.

Стой Ликодемъ; съ сихъ мѣстъ не движи дщери ногъ.

Примѣчаніе: *Замѣченные сими знаками » стихи, внесены въ Ѳеоптію, или книгу о богозрѣніи, сочиненную Г. Тредіяковскимъ.*

Ликодемъ держа правою рукою дщерь, лѣвою поднялъ свой покровъ.

Въ веселіи уже дабудетъ весь чертогъ:
Спасеніе тебѣ и дѣвѣ возвѣщаю,
И отъ Богини всѣмъ я милость вамъ собщаю?
Дщерь красная сія лѣтъ много поживетъ;
И царствія всего ужъ не постигнетъ вредъ
Усердіемъ твоимъ Богиня есть довольна.
Прочъ горесть, прочъ печаль, прочъ жалость сердобольна
Плачь утро, вечеръ сей вамъ радости принесъ,
Всѣ наслаждайтесь сихъ; довольно было слезъ.

ЛИКОДЕМЪ.

Но просимъ, возвѣстить все дѣло намъ подробно,
Какъ отъ Богини, мы спасены толь особно.

ІЕРОФАНТА.

Какъ скоро приказалъ, по вѣдомой винѣ,
Олтарь тамъ на горахъ самъ изготовить мнѣ;
Такъ тотчасъ вся въ слезахъ, по должности потщалась.
Изъ горъ, котора мнѣ всѣхъ выше показалась,
Я жертвенникъ уже поставила на той,
И всѣ сосуды близъ наполнила водой:
Сама столъ и покровъ скрасила я вѣнцами;
Велѣла путь другимъ, усыпать весь цвѣтами:
Стекается народъ въ премножествѣ числомъ;
Всѣ плачутъ, всѣ ревутъ, терзаясь грознымъ зломъ.
Въ тотъ прибѣжала часъ, вдругъ Навплія на гору;

Взбѣсившаяся жъ та отвлечена отъ взору,
Страхъ большій тамъ еще на всѣхъ тогда напалъ:
Всякъ изъ мужей изъ женъ, въ смятеніи рыдалъ,
Намъ прежде кои шли отъ васъ ужъ появились:
Я возгласила всѣмъ, отъ сердца бъ всѣ молились,
Вдругъ на колѣнахъ всѣ къ Богинѣ вопіютъ:
Помилуй Царску дщерь, и горьки слезы льютъ.
Я съ плачемъ и сама сей ножъ взяла ужъ въ персты.
Повелѣваю дать дороги вамъ отверсты,
Се вижу: облака вкругъ обошли съ всѣхъ странъ;
Въ срединѣ чудный свѣтъ; а въ слухи гласъ мнѣ данъ,
Тотъ слыша, оный зря, боязни не стерпѣла;
Колѣна затряслись; я падши омертвѣла,
Однакъ же я моихъ въ томъ чувствъ не лишена,
Я слышу, какъ съ Небесъ мнѣ вѣсть возглашена:
Иди, вѣщалъ тотъ гласъ, *иди къ Царю ты спѣшно;*
Да не рыдаетъ онъ о дщери не утѣшно;
Усердію его весь отпущаю грѣхъ,
А дщери жизнь дарю, не поражу и всѣхъ.
По семъ внезапну вихрь всталъ съвистомъ преужаснымъ,
Схвативъ олтарь повергъ съ уборомъ въ море краснымъ;
Развѣялъ цвѣты вдругъ, что были на пути,

По коему къ горѣ вамъ долгъ былъ всѣмъ итти
Меня скативъ съ холмовъ поставилъ подъ горою,
И помогалъ бѣжать къ вамъ, дряхлой мнѣ собою,
Зря милость, весь народъ прославилъ Божество;
Что всѣ преведены отъ плача въ торжество.
Сей неисторгнутъ какъ изъ рукъ мнѣ ножъ не знаю?

къ Деидаміи.

Но впрочемъ, дщерь, *живи многъ вѣкъ!* ножъ повергаю,
Бросила на полъ кинжалъ.
Ликуй и величай за даръ Богиню сей.

АХИЛЛЕСЪ.

О! вѣдомость, О! день краснѣйшій всѣхъ мнѣ дней.

ЛИКОДЕМЪ.

Сбросивъ съ головы покровъ и руки воздѣвъ на небо.
Богиня! красота! верьховная дѣвъ слава!
И судъ твой правъ всегда, всегда и милость права!
Пресвѣтлая намъ всемъ О! божества заря!
Не доумѣемъ что вѣщать благодаря.
Единъ сей токмо гласъ вонми отъ насъ всѣхъ нынѣ,
Призрѣвши на рабовъ втоликой благостынѣ:
Тебѣ благодарить мы должны всякій часъ
Но благодарнымъ намъ достойно быть не въ насъ:
Заслугу превзошла толь многіе щедроты.
Сверьхъ чаянія всѣхъ твои ко всѣмъ доброты.

Однакъ, О верьхъ красотъ, цвѣтъ рода твоего!
Усердію прочти то, въ силахъ нѣтъ чего:
Къ почтенію сердца во всѣхъ насъ распаленны,
Премножествомъ твоихъ достоинствъ удивленны.
Не хвалимся другимъ раби твои въ себѣ:
О! Дѣва вся хвала есть наша о Тебѣ.

КОНЕЦЪ ПОСЛѢДНЯГО ДѢЙСТВІЯ.

Заключающаго въ себѣ 288 двустрочныхъ стиховъ, или 576 строкъ, а во всей Трагедіи 1359 двустрочій или 2718 строкъ.

О БЕЗПОРОЧНОСТИ И ПРІЯТНОСТИ ДЕРЕВЕНСКІЯ ЖИЗНИ.

Всякъ, кто полюбопытствуетъ читать Авторовъ, писавшихъ о деревенской жизни, увидитъ, что они всѣ говорятъ объ ней съ похвалою, какъ о цѣломудрой и блаженной. Предлагаютъ они всегда, что деревенская жизнь ведетъ человѣка къ справедливости, къ воздержности, къ трезвости, къ искренности, словомъ ко всѣмъ добродѣтелямъ; и что хранитъ она его, какъ въ закрытіи, отъ всѣхъ волнующихся и кипящихъ страстей, содержа въ оградѣ должности и повседневнаго труда, оставляющаго ему мало праздности. И по истинѣ, роскошъ, сребролюбіе, несправедливость, наглость, высокомѣрность, соединяяся почитай не разлучно съ пышнымъ богатствомъ, и слѣдствуя за онымъ, пребываютъ обыкновенно въ большихъ городахъ, подающихъ къ тѣмъ и вещи и случай. Жизнь суровая и роботная въ деревнѣ, не имѣетъ въ себѣ всѣхъ сихъ пороковъ.

Сіе подтверждаетъ Цицеронъ говоря: (*) Въ «городѣ роскошъ созидается; отъ роскоши про«исходитъ не преминуемо сребролюбіе; отъ сре-

(*) Въ слов. Росц. Амер. числ. 39 и 75.

«бролюбія начáло имѣетъ продерзость; отъ сея «же все злости и злодѣянія раждаются. Въ по«селянскихъ поведеніяхъ, въ ихъ сухояденіи, «въ той замаранной и неприбранной жизни, та«кимъ злодѣйствамъ быть не обычно. Какія по«хоти могутъ быть въ томъ, который всегда «пребывалъ въ деревнѣ, и упражнялся въ зем«ледѣліи? Жизнь сія всемѣрно разлучена съ «похотьми, а сопряжена съ должностію. Посе«лянство бережливости, прилѣжанію и правдѣ «научаетъ.» Для сего точно и Піиты вымыслили, что Астреа, Богиня справедливости, оставивши всю протчую землю, водворилась не исходно въ деревнѣ.

Видимъ въ Катонѣ образъ молитвы, проливаемыя отъ поселянъ; въ ней зрится драгоцѣнный слѣдъ древняго преданія, что человѣки приписывали все Богу, и призывали его во всѣхъ своихъ временныхъ нуждахъ, для того, что Богъ предсѣдательствуетъ во всемъ, и что все отъ него зависитъ. Предложу я здѣсь знатную часть изъ нея, и надѣюсь, что она не имѣетъ быть непріятна. Произносима она была во время нѣкотораго праздника, называемаго (1) *Солитаврилія*, а по другимъ, (2) *Суовьтаврилія*, когда крестьяне ходили по межамъ своихъ земель, принося нѣкоторымъ богамъ требы и жертвы.

---

(1) Земли и тельцовъ.

(2) Свиней, овецъ, и тельцовъ.

«О Марсъ отецъ! прошу тебя и молю, буди «къ намъ милостивъ и милосердъ, ко мнѣ, къ «дому моему, ко всѣмъ моимъ домашнимъ въ «томъ, для чего дѣлается настоящее хожденіе «по моему по́лю, по моей землѣ и по моей па- «шнѣ: отврати, удали, отжени отъ насъ болѣз- «ни вѣдомыя и невѣдомыя, опустошенія, бури, «бѣдствія, ненастія: произрасти, и въ зрѣлость «приведи злаки наши, хлѣбъ нашъ, виноградъ, «древеса: сохрани пастырей и стада́: подай намъ «безвредную жизнь и здравіе, мнѣ, дому моему «и всѣмъ моимъ домашнимъ». У язычниковъ всегда столъ начинаемъ и оканчаваемъ былъ молитвами.

Колумелла (1) вступаетъ въ такую подробность о должностяхъ хозяина и слугъ его, которая кажется исполнена благоразумія и человѣколюбія.

«Надобно, говоритъ онъ, стараться, чтобъ «онѣ были одѣты благопристойно; дабы не боя- «лись вѣтровъ, холода и дождя. Въ приказахъ «отдаваемыхъ имъ должно хранить праведное «посредство между тихостію очень слабою, и «жестокостію непомѣрною; стараться, чтобъ они «больше боялись, нежели дѣломъ чувствовали на- «казаніе; а не допускать ихъ къ погрѣшностямъ «частымъ своимъ надзоромъ: ибо мудрость со- «стоитъ въ предупрежденіи худа, а не въ нака-

(1) Книг. I. глав. 8.

«заніи за оное. Когда (1) они больны, то смо-«трѣть, чтобъ имъ была всякая льгота, и не «былобъ имъ ни въ чемъ недостатка; въ семъ «состоитъ достовѣрное средство, къ приведенію «ихъ къ услугамъ и работѣ съ охотою». Желаетъ онъ, чтобъ также поступать и съ такими изъ рабовъ, кои часто работаютъ скованы, и обыкновенно претерпѣваютъ всякую суровость.

Весьма примѣчанія достойно то, что онъ предлагаетъ имъ о хозяйкѣ. «Провидѣніе, (2) «соединяя мужа съ женою, восхотѣло, чтобъ «имъ быть другъ другу взаимною помощію; а «для сего Богъ и назначилъ каждому изъ нихъ «собственныя должности. Одинъ яко опредѣлен-«ный къ дѣламъ внѣ двора состоящимъ, обя-«занъ подвергаться жару и стужѣ, предвоспріи-«мать путешествія, и подъимать труды во вре-«мя мира и войны, то есть: или пахать землю, «или носить оружіе; всѣ сіи дѣла требу-«ютъ тѣла крѣпкаго, способнаго къ понесе-«нію тягостей. Жена напротивъ того, будучи «неспособна ко всѣмъ такимъ службамъ, ос-«тавлена для домовыхъ дѣлъ. Храненіе дому «ей ввѣрено: и какъ собственное свойство «сея должности есть радѣніе и исправность, а «страхъ дѣлаетъ человѣка радѣтельнѣйшимъ и «исправнѣйшимъ; то пристойнѣе было, чтобъ «женѣ быть боязливѣйшей. Но и напротивъ се-

(1) Кн. 12. гл. I.
(2) Кн. 12. въ предисл.

«го, понеже мужъ почитай всегда дѣйствуетъ «внѣ дому, да и часто принужденъ бываетъ от- «вра́щать прочъ обиду; то Богъ ему даровалъ «въ удѣлъ смѣлость. По сей причинѣ и у Гре- «ковъ и у Римлянъ издревле домовое правленіе «отдано женамъ; такъ, что ихъ мужья, отпра- «вивши внѣшнія дѣла́, проходятъ въ домы свои «свободны отъ всѣхъ попеченій, и находятъ въ «нихъ совершенное себѣ спокойствіе».

Я надѣюсь, что и отъ самаго краткаго сего изъясненія, можно имѣть довольное понятіе, коль деревенская жизнь, сама въ родѣ своемъ, есть безпорочна: теперь начну описывать оныя пріятность.

Кажется, что древнимъ желалось превосходить самихъ себя представленіемъ пріятностей деревенскихъ: толикое онѣ подавали имъ множество изрядныхъ мыслей, и великолѣпныхъ изображеній! (1) «Преблаженны, умствуетъ Виргилій, «обитатели селъ, ежели они знаютъ свое бла- «женство, коимъ земля, удаленнымъ отъ опол- «ченій и несогласія, истощаваетъ плоды свои «на простую и природную пи́щу, въ чемъ со- «стоитъ праведное возмездіе за ихъ труды! «Тамъ пребываетъ царствуя мирная тишина, и «простота нравовъ, незнающая обмановъ и ухи- «щреній. Тамъ находится дивное различіе непо- «рочныхъ богатствъ, сладкое спокойствіе въ «многоплодномъ селеніи, пространныя и испе-

(1) Земледѣльныхъ кн. 2.

«щренныя поля, прохладныя пещеры, источни-«ки воды живыя, темные лѣса, гдѣ сѣнь дре-«весъ къ сну преклоняетъ.. Самое мычаніе не «безъ увеселенія сердцу. Тамъ зрится юноше-«ство укрѣпившееся на трудъ, и пріобыкшее къ «трезвости и воздержанію. Но всего удивитель-«нѣе въ немъ есть богопочтеніе, и по немъ «почитаніе родителей. Вкратцѣ, тамъ точно Бо-«гиня правды, оставившая землю, послѣднее «себѣ пребываніе сограднть восхотѣла.»

Прекрасное Цицероново описаніе въ сочиненіи его о старости, способу, какимъ хлѣбъ и виноградъ приходятъ по степямъ въ совершенное созрѣяніе, показываетъ бывшую въ немъ великую склонность къ сельской жизни, и совокупно насъ научаетъ, какими очами долженствуемъ мы взирать на дивныя тѣ произведенія, которыя хотя и обыкновенны и ежегодны, но не меньше жъ достойны нашего удивленія. Можно праведно сказать, что когда простое повѣствованіе содѣлываетъ толикую пріятность; то какому должно быть дѣйствію въ сердце благоразумно любопытномъ отъ самыя вещи, и отъ дѣйствительнаго созерцанія на происходящее въ винограде и въ нивѣ хлѣба, даже до тоя поры, какъ плоды снимутся, и отнесутся въ погребъ и въ житницу упражненія? Сіежъ самое надлежитъ разумѣть и о всѣхъ прочихъ богатствахъ, которыми земля одѣвается покрываясь ежегодно.

Какъ же не быть сельскому пребыванію толь пріятному и толь любезному? И какъ не желать

его градоначальникамъ, и особамъ упражняющимся въ важныхъ и нужныхъ дѣлахъ? Утрудившись непрестанными попеченіями градскими, восклицаютъ они охотно съ Гораціемъ: «О [1] «деревня! Когда я тебя увижу? Когда мнѣ мож«но будетъ позабыть въ твоемъ нѣдрѣ всѣ мой «упражненія и беспокойствія, то забавляясь чте«ніемъ древнихъ писателей, то вкушая праздно«стей сладость, или попускаясь въ пріятность «сна покойнаго?» Подлинно, деревенское увеселеніе есть самое чистое и непритворное. Кажется, по изобрѣтенію тогожъ стихотворца, что деревня [2] «отдаетъ насъ намъ самимъ, извле«кая какъ изъ неволи, и что собственно въ ней «есть истинная жизнь и самовластіе.» Въ деревнѣ вступаемъ мы, чтобъ такъ сказать, въ собесѣдованіе съ древами. Требуемъ у нихъ отвѣта въ маломъ плодовъ принесеніи, и воспріемлемъ ихъ извиненіе, [3] возлагая вину то на чрезмѣрный жаръ, а иногда на жестокость холода: сіе разговариваніе приписываетъ имъ Горацій.

Предложенное по сіе мѣсто показываетъ, что я не говорю о земледѣліи въ потѣ лица, то есть работномъ, на которое человѣкъ осужденъ по преступленіи; но изъясняю другое опредѣленное на угодность ему, и на пріятное упражненіе.

---

[1] Сат. 6 кн. 2.
[2] Эпист. 14 кн. 1. и Эпист. 10 кн. 1.
[3] Од. 1 кн. 3.

Сіе другое сходствуетъ совершенно съ первобытнымъ установленіемъ неповиннаго еще человѣка, и съ намѣреніемъ Творца человѣку, для того что оно повелѣно Адаму, коль скоро онъ созданъ, заповѣдію обладать землею. И по истиннѣ кажется, что оно намъ воображаетъ видъ земнаго рая, и предъявляетъ нѣкоторымъ образомъ блаженную простоту и безпорочность, царствовавшую въ немъ тогда. Мы видимъ, что издревле жизнь сія была пріятнѣйшимъ увеселеніемъ Государямъ, и самымъ сильнымъ Царямъ. Не воспомянуль о славныхъ висимыхъ садахъ, бывшихъ украшеніемъ Вавилону? Но и писаніе увѣдомляетъ насъ, что Артарксерсъ (сей въ языческой исторіи есть Дарій сынъ Гистасповъ) учредилъ пиршество во дворѣ дому Царева, окрестъ котораго Шипки (розы) были разсѣяны. Сіе такъ чтется въ Седмидесятной; но въ переводныхъ Библіяхъ съ Еврейскія Новыми, именно стоитъ: (1) «Повелѣлъ онъ учре«дить пиръ на преддверіи сада и рощи, коя Ца«ревымъ чрежденіемъ и рукою насаждена была.» Извѣстно, какъ и что молодшій Киръ отвѣтствовалъ Лізандру, удивлявшемуся красотѣ, учрежденію и разположенію его садовъ: (2) «Я все сіе «самъ, говорилъ онъ, размѣрялъ; мои суть ря«ды; мой чертежъ: Многія притомъ изъ сихъ «древесъ моею рукою посажены.

(1) Есфир. Гл. стран. 5.
(2) Цицер. о старост. числ. 59.

Всѣбъ желали, ежелибъ возможно было ни на часъ не разставаться съ пребываніемъ толь любезнымъ и пріятнымъ. По крайней мѣрѣ постарались ужѐ утѣшаясь, въ невозможности здѣлать себѣ нѣкоторый родъ прельщенія, пренесеніемъ, чтобъ такъ сказать, деревни и по́ля не простаго и почитай грубаго виду, не знающаго красотъ кромѣ природныхъ, и не заемлющаго ничего у искусства; но деревни, по́ля, да позволится сказать, разчесаннаго, наряженнаго, убраннаго, и почитай я выговорилъ вырумяненнаго благоличія. Говорю сіе о садахъ толь украшенныхъ, представляющихъ очамъ зрѣлище пріятное толь, и толь веселое. Колика краса! коликое великолѣпіе! колико многоразличныхъ благовоній! колико разноцвѣтностей! колико блещаній, нѣжностей въ стриженіяхъ древесъ, и равномѣрностей въ рядахъ и въ просѣченіяхъ! Кажется, (1) взирая на вѣрность и на непремѣнную исправность и цвѣтовъ въ разцвѣтаніи другъ по другѣ (сіежъ должно разумѣть и о плодахъ), что земля, стараясь угодить своему господину, тщится плодоносить безпрерывно дары свои, платя ему всегда во всякое въ годѣ время новыя по́дати. Къ коликомужъ множеству размышленій приводитъ сіе любопытный разумъ, а болѣе еще благочестивый!

Плиній, признавъ, что нѣтъ краснорѣчія могущаго изъяснить достойно сіе невѣроятное

(1) Цицер. о естеств. Бог. кн. 2. числ. 131.

изобиліе, и дивную различность великолѣпій и красотъ, разливаемыхъ отъ естества въ садахъ, какъ съ играніемъ и съ нѣкоторымъ самоугоднымъ снисходительствомъ, присовокупляетъ разсужденіе весьма благоразумное и служащее къ нашему наставленію. Онъ наблюдаетъ (1) разность долгобытности, находящіяся между древами и цвѣтами. Древамъ, опредѣленнымъ питать человѣка своими плодами, и быть веществомъ въ строеніи зданій и кораблей, природа подала годы и вѣки. Но цвѣтамъ, красующимся токмо на увеселеніе человѣку, даровала она нѣсколько часовъ, или нѣсколько не много дней, будтобъ насъ увѣдомляя, что все блистающее съ сіяніемъ удобопреходитъ, и въ самой скорости увядаетъ.

Главное преимущество деревенскія жизни состоитъ въ томъ, что она тѣсняе соединена, нежели другое состояніе, съ богопочтеніемъ, какъ то равнымъ образомъ и съ добронравіемъ, такъ что она по премногу сходствуетъ съ поступками Мудраго Мужа; для того что она есть какъ Философія Практическая, или Нравоучительная. Горацій, говоривъ на многихъ мѣстахъ объ ней съ нѣкоторымъ восторгомъ, совокупилъ въ едину пѣснь и безпорочность ея, и пріятность и пользу. Пѣснь сія есть вторая, пятыя книги называемыя Эподонъ. Я ея здѣсь предлагаю всю, и уповаю, что она не будетъ читателямъ противна.

(1) Кн. 21 гл. 1.

«Благополученъ тотъ, который удаленъ отъ «дѣлъ, и чуждъ всякія лихвы, живетъ по при- «мѣру первыхъ человѣковъ, и пашетъ наслѣд- «ную землю, полученную отъ своихъ отцовъ! «Онъ не пробуждается, вскочивъ съ ложа, по- «ражающимъ гласомъ трубнымъ: онъ не вдает- «ся волнамъ сердящагося мо́ря; онъ бѣгаетъ «отъ тяжебъ, и не ходитъ на поклонъ къ Виль- «можамъ. Прилежитъ онъ токмо къ привязыва- «нію вѣтвей своего винограда и къ отрѣзыва- «нію отраслей негодныхъ съ деревъ, да при- «вьетъ лучшія. Иногда уединенъ въ долинѣ, «смотритъ и́здали на своихъ воловъ, оглашаю- «щихъ мычаніемъ всю пажить. Иногда кладетъ «онъ въ корчаги медъ изжатый изъ сотовъ; или «стрижетъ свое стадо. А какъ настанетъ Есень, «увѣнчанная плодами; то каковаго веселія не «имѣетъ онъ, снимаючи груши съ древесъ, имъ «самимъ привитыхъ? Или срѣзывая виноград- «ныя кисти, всякаго багреца цвѣтнѣйшія? И «приносимыя въ жертву тебѣ, о Пріапъ! И те- «бѣ, о Силванъ отецъ, хранитель межъ и ру- «бежей! Угодно ему лежать то подъ старымъ «дубомъ, то на мяхкой муравѣ. Тогда ручьи «падаютъ съ горъ, птички щебечутъ въ ро- «щахъ, а источники, соглашая журчаніе сво- «ихъ струй съ порхающимъ по воздуху пти- «чекъ, составляютъ съ ними пріятный зыкъ, «ко сну преклоняющій. Но когда Юпитеръ, ут- «рудившись ненастіемъ и дождями, приводитъ «паки зиму, и покрываетъ поля снѣгомъ; тогда

«забавляется онъ слѣдуя за сворою псовъ, и «гоня вепря въ тенета; или на самомъ гладкомъ шестѣ вѣшаетъ онъ сѣть на прожорливыхъ дроздовъ; или уловляетъ боязливаго зайца, или журавля, прилетѣвшаго искать благорастворенныйшаго дыханія: а корысть, уловленная имъ, облегчаетъ его отъ всѣхъ трудовъ «предвоспріятыхъ. Ктожъ въ сихъ беспорочныхъ «упражненіяхъ не забудетъ золъ, бывающихъ «отъ любви? Буде еще, при всемъ томъ, цѣломудренная жена имѣетъ радѣніе о домѣ его и «о чадахъ равно, какъ Сабинка, или Апуліанка загорѣвшая вся отъ солнца, и которая къ «вечеру, прежде нежели мужъ ея возвратится «съ работы, возгнѣтаетъ въ горнѣ священный «огнь, и загоняетъ сама стадо свое въ клевы, «чтобъ надоить млека, и также нацѣживаетъ винá молодаго, и пріуготовляетъ для него ужину изъ некупленныхъ припасовъ: то ни всѣ «чрепокожныя Лукринскаго ѳзера, ни стерлядь «и осетръ, загнанный бурею изъ восточныя «пучины въ наше морѣ, ни кýры Нумидійскія, «ни куликъ Іоничей: ни все самое вкусное, не «можетъ меня такъ усладить насыщающагося, «какъ оливки, какъ щавель, прохлаждающая «салата, какъ ягненочекъ закланный въ праздникъ Межеваго Бога, или какъ козленочекъ «отъятый отъ челюстей волчьихъ. Во время «сего небогатаго стола, не веселоль видѣть «овецъ насыщенныхъ, возвращающихся къ овчарнѣ, а воловъ утружденныхъ, влекущихъ

«вяло и медлѣнно плугъ превращенный? Не удо-
«вольствіель самое великое когда зрится въ хра-
«минѣ все домочадство, коего множество пока-
«зываетъ, что домъ изобиленъ? Такъ рассуж-
«далъ лихоимецъ Алфей, намѣрившись пресе-
«литься жить въ деревню до смерти. Однако,
«не устоялъ онъ въ намѣренномъ: едва токмо
«собралъ всѣ свои́ долги́, въ половину мѣсяца,
«какъ и на́чалъ отдавать деньги паки, съ ве-
«ликою лихвою, въ первый день мѣсяца непо-
«средственно наставшаго.»

Не можно не чувствовать, что пѣснь сія есть превосходна по всему въ своемъ родѣ. Переведена она, сколько возможно было силамъ моимъ, исправно и точно: однако не знаю, не лишилась ли совершенныя своея красоты отъ прозы моея, какъ составленная отъ Горація стихами. Впрочемъ, имѣемъ мы на нашемъ языкѣ два перевода съ сея пѣсни и въ стихахъ также. Полагаю здѣсь ихъ оба, дабы читателямъ усмотрѣть, къ большему своему удовольствованію, не лучшель наши Стихотворцы изобразили мысли Римскаго Піита риѳмами, нежели я свободнымъ слогомъ.

ПЕРВЫЙ.

Счастливъ! въ свѣтѣ безъ суетъ живущій,
Какъ въ златый вѣкъ, да и безъ враговъ;
Плугомъ отчески поля орющій,
А ктомужъ безъ всякихъ и долговъ.

Не спѣшитъ сей въ строй по барабану;
Флотъ и море не страшатъ его,
Ябедъ онъ не знаетъ, ни обману;
Свой палатъ домъ лучше для него.

Въ немъ всегда или онъ виноградны
Вяжетъ лозы къ тычкамъ и шестамъ;
Въ дни гуляетъ тѣ, когда изрядны,
По долинамъ, либо по стадамъ.

Онъ серпомъ въ иной день очищаетъ
Вѣтви всѣ негодные съ деревъ,
Добрый къ онымъ черенъ прививаетъ;
Смотритъ, въ хлѣбѣ нѣтъ ли вредныхъ плевъ.

Либо медъ и сотъ кладетъ самъ въ кади;
Въ ночь или бываетъ рыбъ ловецъ
Самъ же иногда, волны въ домъ ради,
Всѣхъ обросшихъ онъ стрижетъ овецъ.

Осень какъ плодомъ обогатится,
Много яблокъ, грушъ, и много сливъ,
О! коль полнымъ сердцемъ веселится,
Ихъ величину, ихъ зря наливъ.

Что изъ всѣхъ тогда плодовъ зрѣляе,
Отбираетъ разно по частямъ:
То шлетъ въ храмъ къ молитвѣ, что чесняе;
Приходящимъ часть хранитъ гостямъ.

Часть въ подарокъ сосѣдкамъ, часть брату,
Благодѣтель тубъ взялъ, говоритъ;
Ту несите Кýму, ту часть свату.
Пýсть за ту мнѣ другъ благодаритъ.

Иногда лежитъ подъ старымъ дубомъ,
Иногда на мягкой тамъ травѣ;
Нѣтъ въ немъ скверныхъ мыслей злѣ о грубомъ:
Что есть дѣльно, то все въ головѣ.

Быстрыя текутъ между тѣмъ рѣчки;
Сладко птички по лѣсамъ поютъ.
Трубятъ звонко пастухи въ рожечки;
Съ горъ ключи струю гремящу льютъ.

Толь при разномъ, дикомъ, сельскомъ шумѣ,
Не надолго спитъ вздремавши онъ;
Что ни было добраго на думѣ,
Забываетъ все въ глубокій сонъ.

Но зимою нападутъ какъ снѣги,
И отъ стужи избы станутъ грѣть;
Многи и тогда ему тамъ нѣги:
Начнетъ родъ другой забывъ имѣть.

Въ поле ѣздитъ онъ или собаки,
Боязливыхъ зайцовъ въ сѣть ловя;
То съ волками смотритъ псовы драки.
То медвѣдя оными травя.

Тѣшитъ онъ себя и лошадями;
И кладетъ отраву на лисицъ;
Давитъ многихъ иногда силками;
Иногда стрѣляетъ разныхъ птицъ.

Часто днями ходитъ при овинѣ,
При скирдахъ, то индѣ, то при льнѣ;

То пролазовъ, смотритъ, нѣтъ ли въ тынѣ;
И что дѣлается на гумнѣ.

Ктожъ бы, толь въ пріятной сей забавѣ,
Всѣхъ своихъ печалей не забылъ?
Хоть въ какихъ бы кто честяхъ и славѣ,
Какъ себя онъ жизни не взлюбилъ?

Будежъ правитъ весь толь постоянна.
Домъ жена благословенный съ нимъ,
Сарра коль была, или Сусанна;
То спокойства нѣтъ сравненно съ симъ.

Весь некупленный обѣтъ готовитъ,
Смотритъ, пи́ща чтобъ вкусна была;
Изъ живыхъ птицъ на жаркое ловитъ,
И другое строитъ для стола.

А пото́мъ свѣтлицу убираетъ
Къ мужнему приходу съ дѣлъ его;
Накормивши дѣтокъ, наряжаетъ,
Встрѣтить съ нимибъ мужа своего.

Тотъ пришедъ въ домъ, кушать и садится
За накрытый, набранный свой столъ:
Чтожъ порядочно у ней все зрится,
То причины нѣтъ, чтобъ былъ онъ золъ.

Капуны прочь, птицы Африкански.
Что и изобрѣлъ роскошный смакъ;
Прочь Бургонски ви́на и Шампански,
Далѣ прочь и ты густой Понтакъ.

Сытны токмо щи, ломть мягкій хлѣба,
Молодой барашекъ иногда;
Всежъ въ дому, въ чемъ вся его потреба,
Въ праздникъ пиво пьетъ, а квасъ всегда.

Насыщаясь кушаньемъ природнымъ,
Всѣ здорово провождаетъ дни;
Дѣлъ отъ добрыхъ токмо благороднымъ,
Не отъ платья и не отъ гульни.

Счастливъ, о! весьма, весьма излишно,
Жить кому такъ нынѣ удалось.
Дай Богъ! чтобъ исчезло все что пышно;
Всѣмъ бы въ простотѣ святой жилось.

ВТОРЫЙ.

Блаженъ тотъ, кто суетъ не знаетъ,
Какъ жили люди прежнихъ лѣтъ,
Поля наслѣдны насѣваетъ.
И лихвы съ бѣдныхъ не беретъ.
Не слышитъ къ брани трубъ зовущихъ,
Воинскія сердца́ мятущихъ.

Не слышитъ корабельныхъ стоновъ,
Какъ съ низу во́лны, сверьху громъ,
И не терпитъ онъ поклоновъ.
Хотя къ гражданамъ гордымъ въ домъ.
Ни съ кѣмъ онъ тяжбы не заводитъ,
И бить челомъ въ суды не ходитъ.

Весной деревья прививаетъ,
Садитъ различные плоды,

Сухія вѣтьви обсѣкаетъ,
И розами пестритъ сады.
Или пасетъ въ долинахъ мирныхъ
Стада валовъ на пастбахъ жирныхъ.

Или изъ ульевъ вынимаетъ
Въ свою потребу чистой медъ,
Иль во́лну съ агнцовъ остригаетъ,
И облегченье имъ даетъ.
Когдажъ осѣнніи дни приспѣютъ,
И всѣ въ поляхъ плоды созрѣютъ.

Съ какимъ весельемъ собираетъ
Плоды съ усыпанныхъ полей;
Труды свой воспоминаетъ,
И потъ и зной прешедшихъ дней;
Богамъ приноситъ въ честь оливы,
Вино и медъ за зрѣлы нивы.

Покоится густой подъ тѣнью,
Или въ зеленыхъ онъ лугахъ,
Дивится птицъ различныхъ пѣнью;
Межъ тѣмъ въ прохладныхъ берегахъ.
Струи шумящи протекаютъ,
И сладкой въ члены сонъ вливаютъ.

Когдажъ съ полей всю нѣжность лѣта
Суровость згонитъ зимныхъ дней,
Тогда или изъ норъ въ тенета
Чрезъ трубный нудитъ гласъ звѣрей.
И боязливыхъ зайцовъ ловитъ.
Иль птицамъ скрыту сѣть готовитъ.

Толь сладкую корысть збирая
Кто можетъ толь нечувственъ быть,
Чтобъ тѣ заботы, что слѣпая
Любовь наводитъ, не забыть?
Но есть ли кто еще такою
По щастью одаренъ женою.

Какихъ Соабиняне имѣли
Или Апуляне супругъ,
У коихъ лица загорѣли
Отъ полевой работы вкругъ;
Которабъ мужу помогала,
Дѣтьми и домомъ управляла.

Раскладывалабъ огнь священный
Къ его приходу, чтобъ согрѣть
Трудами члены утомленны,
И овцы загоняя въ клѣть.
Ихъ тучно паствою кормила,
И сладко молоко доила.

И растворивъ сосуды полны,
Гдѣ свѣжее вино и медъ;
Готовилабъ ему довольный
Не съ торгу купленной обѣдъ.
Коль щастьябъ я достигъ такова,
Чего бы мнѣ желать инова.

Что роскошь сластью погруженныхъ
Въ драгой поставила цѣнѣ,
И что изъ мѣстъ толь отдаленныхъ
Привозятъ моремъ къ сей странѣ.

Все то почелъ бы я травою
Предъ сельской пищею простою.

Коль масличны плоды любезны,
Коль вкусенъ щевелевой кустъ,
Коль малвы здравы и полезны,
Козелъ избѣгшій волчьихъ устъ,
На жертву иль тѣлецъ избранный,
И въ праздникъ терминовъ закланный.

Межъ роскошей сихъ коль пріятно
Смотрѣть на о́вцы и воловъ,
Идущихъ ввечеру обратно
Къ покою отъ дневныхъ трудовъ;
На слухъ обильной домъ красящихъ,
Какъ рой усердной пчелъ шумящихъ.

Такъ жизнь селянску похваляетъ
Алфій, даетъ что деньги въ ростъ,
Въ полмѣсяца долги збираетъ.
И хочетъ самъ купить погостъ,
Но вдругъ раздумавъ всюды рыщетъ,
Опять въ процентъ отдать ихъ ищетъ.

—

Не мое дѣло, при толь красномъ сонмѣ славимыхъ Стихотворцевъ разсуждать, кои изъ ихъ обоихъ стиховъ удачнѣе. Мню только, что первый сочинитель вознесъ собственнымъ способомъ, согласнѣйшимъ съ образомъ и съ употребленіемъ нынѣшнихъ временъ; зданіе утвержденное на Гораціевомъ токмо основаніи; то

есть, онъ не больше списывалъ съ Горація, коль ему подражалъ своими подобіями: но вторый, изображая подлинныя мысли Автора своего, есть точный Переводчикъ стихами съ Горацієвыхъ стиховъ и обыкновеній того вѣка провозвѣстникъ.

Какъ то ни есть; я токмо оканчиваю говоря, что изъ всѣхъ человѣческихъ упражненій, не возносящихся не посредственно къ Богу и правдѣ, самое безпорочное есть, поселянство и земледѣліе. Оно было забавою перваго человѣка, праведнаго еще и вѣрнаго. Оножъ стало потóмъ частію покаянія, наложеннаго ему отъ Бога. И такъ, въ обое время, то есть безгрѣшія и грѣха, оно ему повелѣнное, и самому, и въ немъ его потомкамъ.

—

ВЕШНЕЕ ТЕПЛО.

ОДА.

Весна румяная предстала!
Возникла юность на поляхъ;
Весна тьму зимню облистала!
Красуйся все, что на земляхъ:
Ужъ по хребтамъ холмисты гóры,
Предъ нами представляютъ взоры,
Не бѣлый, съ сыри падшій, снѣгъ,
Но зелень изъ среды прозябшу,
А соковъ нову силу взявшу;
Раскованъ ледъ на быстрый бѣгъ.

Се ластовица щебетлива
Соглядуема всѣми есть;
О птичка свойства особлива!
Ты о Веснѣ даешь намъ вѣсть,
Какъ, вкругъ жилищъ паря поспѣшно,
Ту воспѣваешь толь утѣшно;
Мы, домъ слѣпляющу себѣ,
Изъ крупинъ, не въ единъ слой, глинки,
И пролагающу былинки,
Въ восторгѣ зримъ, дивясь тебѣ.

Борей, ярившійся здѣсь свистомъ,
Уже замкнулъ свой буйный зѣвъ;
Въ дыханіи теперь мы чистомъ.
Ревущихъ бурь нестрашенъ гнѣвъ:
Зефиры тонки возвѣваютъ,
На розгахъ почки развѣваютъ,
Все въ бодрость естество пришло!
Декабрьска лютость преминула,
Прохлада майская надхнула,
Изчезъ мразъ, и трѣскуче зло.

Ручьи на пажитяхъ растущихъ
Ничемъ необузданы суть,
Крутятся тѣ въ домахъ цвѣтущихъ,
Стремясь, пѣнъ съ белью, шумно въ путь;
Нева кристалъ свой разбутила,
И съ понта корабли впустила:
Рѣка возлюблена Петромъ!
Не твердію лежишь предъ нами,
Гдѣ шли мы пѣше, не челнами;
Волнуешься въ брегахъ сребромъ.

Помона, матерь яблокъ разныхъ,
Надежду видитъ о плодахъ;
Пестрясь древъ листвіемъ непразныхъ,
Въ благоуханныхъ бдитъ садахъ:
Всякъ вертоградарь въ нихъ смѣется,
Что медвянъ нектаръ въ грезны льется;
Его чредитъ всѣ лозы перстъ;
Начаткомъ силнобъ отягчались,
Въ цвѣтъ новосадки облачались;
Въ прививкахъ стебль цвѣстижъ разверстъ.

Духъ ощущаетъ зѣльну радость,
Произращеніе нивъ зря;
Церера пѣстуетъ ихъ младость,
Обильность зрѣющимъ даря;
Все обѣщаетъ намъ успѣхи!
Всѣ чаянія безъ помѣхи:
Споспѣшность свыше подана;
Мы превозносимъ нашу славу,
Поя Виновницу благъ здраву;
Богата въ милости Она!

Лишенъ изъ всѣхъ кто благоденства,
Въ ней дарованнаго съ небесъ?
Безъ ликовства нѣтъ нощеденства;
Среди насъ вѣкъ златый воскресъ;
Псарь въ рощахъ намащенъ стрѣляетъ,
Кой въ нихъ звѣрочковъ уловляетъ:
Но Ратникъ становится въ строй
Для навыка, и для науки,

Да на враговъ устроитъ руки,
Страшитъ же зависть онъ игрой!

Зритъ, лика ходятъ испещренны
При Вѣнценосной сей Главѣ;
Спокойствомъ цѣлымъ одаренны,
Гуляютъ дружно по травѣ.
Зришь, плаваютъ ловцы съ сѣтями,
На плѣнъ рыбъ, житкими путями:
Тотъ уду мечетъ въ глубину,
Вскрай располившуся Весною;
Влечетъ сей неводъ кривизною;
Сакъ погружаетъ онъ ко дну.

Изшелъ и пастырь въ злачны луги
Изъ хижинъ, гдѣ былъ чадный мракъ;
Сѣлъ каждый близъ своей подруги,
Осклабленный склонивъ къ ней зракъ;
Въ свирѣль играетъ и въ цѣвницы,
Исполнь веселій въ сѣнь зарницы:
Тамъ караводы, въ тишь погодъ,
Плясаніемъ своимъ красятся,
Тамъ индѣ пѣсенки гласятся,
Безвинныхъ много тамъ выгодъ!

Вина, свѣтъ пишуща красами!
Пламеннозарно око дня!
Кругъ, близящійся къ намъ часами!
Рцы самъ, какъ нынѣ отъ огня,
Тогожъ все, твоего нѣтъ жара,
Ни разслабляющаго вара,

Да и токмо льготна теплота
Лiется ясными лучами,
Однакъ при хладности ночами,
А къ лѣту паръ отверзъ врата?
Во время сталъ оратай плугомъ
Къ яринѣ бременить воловъ;
Ихъ черствость глыбъ въ прудѣ мять тугомъ
Бичемъ, и воплемъ нудитъ словъ;
Свой грузъ хоть звать тяжелымъ смѣетъ,
Однакъ надежду онъ имѣетъ:
Довольство въ передню сень зритъ:
Тѣмъ благодушенъ воспѣваетъ,
Пѣснь токможъ часто прерываетъ;
Самъ въ вечеръ поздно въ домъ скоритъ.

Долгъ въ похвалу гласить животнымъ,
Суровымъ съ вида, коснымъ въ шагъ:
Съ какимъ усильствомъ, небеспо́тнымъ,
Влекутъ въ ярмѣ тѣ рало въ махъ!
Колико у дѣльца работы.
И сколько уняли заботы!
Не зная знаютъ землю драть!
Бразды вдоль взрѣзываютъ прямо!
Но онъ мысль утвердилъ упрямо,
Чтобъ пашню всю въ день тотъ взорать.

Въ чинъ зодiй сихъ еще утѣха!
Премножество явилось птицъ,
На вѣтвь съ той вѣтви, отъ поспѣха,
Препархивающихъ пѣвицъ:
Вѣщаетъ зыкъ отъ нихъ громчайшiй,
Что ихъ жжетъ огонь любви жарчайшiй;

Отъ яркой разности гласовъ,
Котора всюду раздается,
Въ пріятность слуху все мятется
Молчаніе густыхъ лѣсовъ.

То Славій, съ пламеня природна,
Въ харастинныхъ скутавшись кустахъ,
Возгластію, коя сродна,
Къ себѣ другиню въ тѣхъ мѣстахъ
Склоняетъ толь, хлеща умильно,
Что различаетъ хлесть обильно:
То Крастель, въ обоей зарѣ,
Супружку кличетъ велегласно,
А кликъ сей слышится намъ красно
Несущійся по той порѣ.

Тамъ стенетъ Горлица печально,
Рыдая сердца въ тѣснотѣ,
Какъ скроетъ друга мѣсто дально;
Сего взываетъ въ чистотѣ:
Повсюду Жавранокъ поющій,
И зрится вкось и впрямь снующій;
Кипя желаньми солнце зрѣть,
Взывается къ верхамъ пространнымъ,
Путемъ бескрильной твари страннымъ,
Такъ вьясь, не престаетъ самъ пѣть.

Не вся тутъ узорочность вешня:
Въ Веснѣ добръ тысящи суть вдругъ;
Угодность сладостей намъ днешня,
Различествуетъ тмами вкругъ:

Летитъ Пчела въ предѣлы Флоры,
Да тамо слёзы ссетъ Авроры;
Росистый съемля медъ съ цвѣтковъ,
Во внутренность включаетъ жаломъ,
Въ количествѣ, по силѣ, маломъ,
О промыслъ пчельныхъ хоботковъ!

Оттуду легкими крилами,
Жужжаща ремжетъ вспятно Чадь;
Свой гласъ разженшая дѣлами,
Влетаетъ въ кровь сотъ источать:
Тамъ въ воскъ какъ въ закромъ многостѣнный,
Балсамъ сливаетъ драгоцѣнный;
Спѣшитъ и паки на урокъ,
Покладь крупитчату, полетамъ,
И паки, равнымъ же пометомъ,
Пренаполняетъ чванцы въ прокъ.

Коль милы вы Цвѣтки прекрасны,
Два чувствія сладящи въ насъ!
Мы видѣть вашъ уборъ пристрастны,
Мы вонность обонять отъ васъ;
Тотъ зря очесъ не насыщаемъ,
Уханьми силъ не истощаемъ:
Хоть масть зерцая зримъ сто кратъ,
Хоть пылъ вноздряемъ крины сласти;
Всегда красы сверьхъ нашей страсти,
Всегда есть тученъ ароматъ.

Цвѣтъ велелѣпнѣй сей другаго,
Тотъ благовоннѣе сего;

Но обое во всякомъ драго,
И нельзя оцѣнить всего:
Ни Соломону было можно,
Прилогъ священный святъ неложно,
Во славѣ всей той облещись,
Коль мнѣйшій изъ Цвѣтовъ паряденъ,
И багрецами коль изряденъ:
Дано, всѣмъ блескамъ въ нихъ стещись!

Любезно, помышлять блаженство,
Чѣмъ небо одарило ихъ!
Четаль есть въ тѣхъ, или безженство,
Но райскій родъ сѣменъ другихъ;
Толь красота въ Цвѣткахъ чудесна,
Что Фебу самому́ прелесна:
Изъятымъ отъ безчастныхъ доль,
Насъ коимъ предала природа,
А тѣми чахнутъ тмы народа,
Единъ имъ хладъ смертельный боль.

Превышня Благость нѣжитъ Цвѣты!
Возмогши словомъ все создать,
Непостижимыми совѣты
Цвѣткамъ умеетъ взрачность дать:
Но, къ нимъ призоръ коль ни прилѣжный,
Ихъ кратокъ мнится намъ вѣкъ нѣжный;
Однакъ имъ долѣй, нежель мнѣ,
Даръ жить, хоть вскорѣ погасаютъ:
Они въ животъ свой воскресаютъ,
При каждой съ торжествомъ Веснѣ.

Часъ, муза, возгласить прилично,
Бряцаній лирныхъ при концѣ,
Когда дубравно все толь слично,
И въ многоцвѣтномъ растъ вѣнцѣ;
То чтожъ сады здѣсь учрежденны,
Отцемъ Великимъ насажденны,
Гдѣ нынѣ Дщерь его Вождемъ,
Великажъ рàвно, равножъ Перва,
Въ земныхъ богиняхъ какъ Минерва?
Воскликни: Сѣверный Едемъ.

—

ИДИЛЛІЯ.

НИССА.

На травкѣ Тирсъ одинъ въ лачушкѣ
Тогда лежалъ,
Какъ рассуждалъ
О Ниссѣ тамъ пастушкѣ:
Ея въ селѣ
У насъ красняе,
И на землѣ
Нѣтъ, чай, умняе;
Въ себѣ сказалъ.

Ей въ славу буду на гудочкѣ
За тѣмъ играть,
И прибирать
Въ двойной слова́ хвалъ строчкѣ:

Чтобъ ею здѣсь
Мнѣ отдавался
Лѣсочикъ весь;
Чрезъ тобъ казался
Еяжъ взывать.

Поставлю имя по обѣту
Въ разныхъ цвѣтахъ
На всѣхъ древахъ,
Которыхъ краше нѣту:
Пускай на нихъ
То всѣ читаютъ
Въ гульбищахъ сихъ
И ту желаютъ
Имѣть въ глазахъ.

Пушечку лехче та лѣтаетъ,
Танцуя въ ладъ;
Всякъ видѣть радъ
Ту видя лишъ узнаетъ:
Ужъ дива нѣтъ
Ни въ соловейкѣ,
Когда поетъ,
Въ своей семейкѣ,
Намъ Ниссa складъ.

Мы видимъ всѣхъ цвѣтковъ бѣляе
Лилѣю цвѣтъ;
Видалъ ли свѣтъ
Гдѣ Ниссы веселяе?
Что къ соснамъ кедръ,

Она къ пастушкамъ;
Ея духъ щедръ
Къ своимъ подрушкамъ;
Всѣмъ добръ привѣтъ.

На нéбѣ какъ въ ночи́ царица
Луна звѣздамъ;
Дней красныхъ намъ
Такъ Нисса есть зарница!
Въ ея очахъ
Два солнца сьяютъ,
Въ своихъ лучахъ
Остро блистаютъ
По симъ мѣстамъ.

Пучокъ розъ нѣжныхъ невеличекъ
Къ вѣнку свяжу,
Въ округъ снижу
Душистыхъ рядъ гвоздичекъ:
Вручу тотъ ей
Въ даръ независистенъ
При рѣчи сей:
«Хоть не корыстенъ,
«Принять прошу.

Когдабъ хоть мало побогатей
Себя я зрилъ,
Тобъ и дарилъ
Я Ниссу тароватѣй:
Лентъ до услугъ
Купилъ бы пуки,

И такъ бы въ слухъ,
Ей безъ доуки,
Самъ говорилъ.

«О! Нисса, не желаю въ свѣтѣ
«Я ничего.
«Опричъ сего,
«Тебѣбъ всегда быть въ цвѣтѣ:
«Мнѣбъ только знать,
«Что ты здорова,
«И наряжать
«Кругъ нашъ готова
«Въ играхъ его.

—

СОНЕТЪ.

ИЗЪ СЕЯ ГРЕЧЕСКІЯ РѢЧИ:

Ετέφει τιμῶντας ἀυτὴν ἀρετὴ

ТО ЕСТЬ:

Добродѣтель почитающихъ вѣнчаетъ.

Желаетъ человѣкъ блаженства непреложно.
Сему высокій чинъ, и сила тѣмъ, и честь;
Тотъ щастія себѣ въ богатствѣ чая ложно,
Пріумножаетъ все, обиліе что есть:

Роскошствуя иной сластями, сколько можно,
Не видяжъ, ослѣпленъ, какая въ оныхъ лесть,

Благополучна мнитъ себя неосторожно;
И ихъ на всякой часъ стремится выше взнесть.

Ахъ чувствуетъ онъ самъ тьмы цѣлы недостатка,
И множество свое зритъ малымъ безъ придатка:
Хотя достигъ конца; но милъ едва успѣхъ.
Иль тщетно далъ ему хотѣнія содѣтель?
О смертный! умудрись: безмѣрность кажда грѣхъ,
А средство всѣхъ довольствъ едина добродѣтель.

СКАЗАНІЕ, ГОВОРЕННОЕ ВАСИЛЬЕМЪ ТРЕДЬЯКОВСКИМЪ ПРИ ДУРАЦКОЙ СВАДЬБѢ.

Подъ изображеніемъ Самоядскаго Хана, сына его дурака, именуемаго Кваснина, который женится у ханши Мордовской, на дочери ея, на дуркѣ и... именуемой Буженинновой.

Здравствуйте женившись, дуракъ и дура,
Еще.... тота и фигура!
Теперь-то прямое время вамъ повеселитца,
Теперь-то всячески поѣзжаномъ должно бѣситца.
Кваснинъ дуракъ и Буженинова...,
Сошлись любовно, но любовь ихъ гадка.
Ну Мордва, ну Чуваша, ну Самоѣды!
Начните веселые молоды дѣды!
Балалайки, гудки, рожки и волынки!

Сберите и вы бурлацки рынки.

. . . . . .

Ахъ, вижу какъ вы теперь ради!
Гремите, гудите, брянчите, скачите,
Шальте, кричите, пляшите!
Свищи весна, свищи красна!
Не можно вамъ имѣть лучшее время,
Спрягся ханской сынъ, взялъ ханское племя,
Ханской сынъ Квасninъ, Буженинова ханка,
Кому того не видно, кажется ихъ осанка.
О пара! о нестара!
Не жить они станутъ, но зоблютъ сахаръ;
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
И такъ надлежитъ новобрачнымъ привѣтствовать нынѣ,
Дабы они во все свое время жили въ благостынѣ:
Спалось бы имъ да вралось, пилось бы да ѣлось.
Здравствуйте жъ женившись, дуракъ и дурка,
Еще.... тота и фигурка! —

———

О ДРЕВНЕМЪ, СРЕДНЕМЪ, И НОВОМЪ СТІХОТВОРЕНІИ РОССІЙСКОМЪ.

Поэзія, какъ-подража́ніе естеству, и какъ-и́стиннѣ подобіе, есть одна и тажъ, по сво́йству своему, во всѣхъ вѣкахъ, и во всѣхъ мѣстахъ у человѣческаго рода: но способъ рѣчи, или Стіхъ, коимъ-обыкнове́нно изображается Поэзія, находится многоразличенъ въ различныхъ пародахъ. Есть сложеніе Стіховъ, которое-долгото́ю и краткостію времени, мѣряетъ слоги реченій; есть, кое-въ-ударе́ніи просодіею на слоги, поставляетъ долготу оную, но ужё возвышающую токмо слоги безъ протяженія, а неударяемыи, или понижаемыи предъ первыми, называетъ краткими склада́ми; есть иное, гдѣнѣтъ ни перваго, продолженіемъ и сокращеніемъ мѣряющагося, слоговъ количества, ни послѣдняго называемаго То́ническимъ, да токмо есть въ немъ одно число склadóвъ, опредѣленное каждому Стіху порознь. Все вобще на разныхъ язы́кахъ Стіхи, иныи не соглашаютъ подобнымъ звономъ окончаній, предъидущаго Стіха съ послѣдующимъ непосредственно; а иныи такимъ равногласнымъ звономъ, въ согласіе ихъ приводятъ, что-нынѣ называются Ріѳмою. Но и сія и са́мая Ріѳма, также въ Стіхахъ различна: иногда она односложная, называемая мужескою; иногда двусложная Женская;

иногда и трисложная Обоюдная, тоесть, ни жеская, ни мужская, или женская и мужская совокупно. Изъ Ріомъ, индѣ въ Стіхахъ употребляется одна женская, индѣ однажъ мужеская и женская по премѣнамъ: а сія точно премѣна и проименовалась нынѣ Сочетаніемъ. Присовокупляется нѣкогда къ Сочетанію сему въ нашихъ Стіхахъ и обоюдная оная Ріома: ибо Прозаическіи наши Періóды, сею тройственною разностію окончаваются, хотя впрочемъ и чаще, и для нашего слуха мѣрнѣе, двусложною Стопóю Хорéя.

О сáмомъ первомъ началѣ Поэзіи и Стіха вобще, предложили мы ужé наше Мнѣніе въ первомъ Тóмікѣ Книжекъ, названныхъ Сочиненіями и Переводами, йзданныхъ въ 1752 годѣ; и кажется, что-не-безъ-вѣроятности нѣкоторыя. Здѣсь, намѣренъ я собщить Читателямъ Историческое Описаніе, касающееся особливо до Россійскаго нашего Стіхосложенія, Древняго, средняго и Новаго: такъ-что, къ признанію и опредѣленію первобытнаго нашего сложенія Стіховъ, послужитъ мнѣ, за неимѣніемъ надлежащихъ и достопамятныхъ, оставшихся отъ древности нашея, образцовъ, одна только Вѣроятность; но Среднее и Новое потщусь изъяснить, при всей возможной твердости, сáмою точною Достовѣрностію.

Бесспорно, во всѣхъ человѣческихъ Обществахъ, отъ сáмыя первоначальныя древности, Богослужители были первенствующими Стіхотворцами, и владѣли Стіхами всюду, какъ-за-

кóннымъ и природнымъ своíмъ наслѣдіемъ. Стіхами не токмо прославляли они Божество; но и достоинство свое отмѣняли симъ родомъ рѣчи, отъ общаго и простаго слóва. Посему, и наши языческіи жерцы, безъ сомнѣнія, такоежъ рáвно преимущество имѣли, и были главныи и лучшіи, въ нашихъ Обществахъ, слагатели Стіховъ. И такъ, способъ бывшій у нихъ обыкновеннымъ въ составленіи Стіха, долженствуетъ быть сáмое Древнее Стіхотвореніе наше. Но что за-рóдъ былъ Стіховнаго ихъ того состава, нынѣ намъ видѣть достовѣрно нé-почему. Не осталось нигдѣ для насъ, по крайней мѣрѣ не извѣстно намъ всѣмъ понынѣ ни о сáмомъ маломъ обрасчикѣ, оставшемся отъ языческаго нашего Стіхотворенія: истребило его наставшее благополучно Хрістіанство. Однако, можно весьма вѣроятно, и почитай достовѣрно, представить его здѣсь, воскресивъ въ потомствѣ побочномъ, предъ наше зрѣніе.

И вкратцѣ, Количество его слоговъ было Тóническое, или, что-тóжъ, въ одномъ удареніи силами слóговъ состоящее. Стóпы не всякаго рода употребляемы были; но особливо господствовали въ немъ Хорéй или Трохéй, Іамбъ и Пірріхій, Дáктіль и Анапéстъ. Односложныя слова́ почитались Общими, то есть, и долгими и короткими. Стіхи были у нихъ и большіи и малыи. Наконецъ, предъидущій Стіхъ не согласался подобнымъ звономъ съ послѣдующимъ Стіхомъ: каждый, одинъ о себѣ Стіхомъ состо-

ялъ отъ Стопъ. Словомъ, Ріемъ они не имѣли.

Но чемъ я, спросится, толь прямо сіе утверждаю? Неподозрительными, отвѣтствую, и живыми свидѣтелями. Простонародные наши, и тѣ сáмые древніе Пѣсни, сіе точно свóйство въ Стіхостоженіи своемъ имѣютъ. Я сему далъ неопровергаемый показъ, въ примѣчаніи подъ чертою, помянутаго Мнѣнія моего о началѣ Поэзіи и Стіха. Народный составъ Стіховъ, есть подлинный списокъ съ (1) Богослужительскаго: доказываетъ сіе Греческій и Римскій народъ; а могутъ доказать и всѣ прочіи, у коихъ Стіхи въ употребленіи. Воззримъ же теперь на начáло нашего Хрістіанства; видимъ мысленно сущую нужду его, токмо то истребить у насъ, что-непосрéдственно до Богослуженія ложнаго каса-

(1) Сіе и собственнымъ нашимъ примѣромъ утверждается: ибо съ двѣсти лѣтъ, безъ мала, назадъ пѣвали у насъ въ Церкви на всенощныхъ бдѣніяхъ псаломъ 103 такъ, что-по-окончаніи-рѣчи, когда напѣвъ-требовалъ-гагáканія до начатія другія рѣчи, вмѣсто гагаканія онаго употребляемы были незнаменательныя слова́, а именно сіи: ай, ненай, анн, ну, унани. Рáвно и простый народъ въ нѣкоторыхъ своихъ пѣсняхъ, и въ подобномъ случаѣ, такіяжъ употреблялъ незначащія ничего слова́: здунинай, найна, здуни. Полнаго народа употребленіе сіе и нынѣ-еще слышать всякому можно; но церковное оное старинное обыкновеніе, видимо токмо и доднесь въ Псалтири, печатанной въ Вильнѣ 1576 года, а хранящейся въ Императорской Академической бібліотекѣ.

лось: на народныя, гражданскія, и дружескія употребленія, не съ толикимъ съ начала ревнованіемъ оно взирало. Такъ точно сіе было въ самой первенствующей Церькви, отъ язычниковъ Еллиновъ обратившейся; такъ равно надлежало быть сему и въ нашемъ перьвоначальномъ Хрістіанствѣ: обстоятельства Проповѣдниковъ и Церьковныхъ дѣлъ, того требовали.

И такъ, многодѣльное тогда первое наше Хрістіанство, хотя искоренило всѣ многобожныя служенія, и пѣсненныя прославленія мнимымъ богамъ и богинямъ; однако съ пренебреженія, или за упражненіями, не коснулось къ простонароднымъ обыкновеніямъ: оставило ему забаву общихъ увеселительныхъ Пѣсенъ, и съ ними способъ (совершенно во всемъ подобный богослужительскому, какъ-то-сіе-нижѐ подтвержденó будетъ) сложенія Стіховъ. Сіе точно и есть первородное и природное наше, съ сáмыя отдаленныя древности. Стіхосложеніе, пребывающее и доднесь въ простонародныхъ, молодецкихъ, и другихъ содержаній, Пѣсняхъ живо и цѣло.

Начавшееся у насъ Хрістіанство, истребившее всѣ ідольскія богослуженія, и уничтожившее вконецъ сплетенные Пѣсни Стіхами въ похвалу ідоламъ, лишило насъ безъ мала нашесть сóтъ лѣтъ богочтительнаго Стіхотворенія. Пребывало двоюродное родство его токмо, чтобъ такъ сказать, какъ-въ-залóгѣ, у сáмаго онаго простаго народа, въ подлыхъ его Пѣсняхъ; и

превосходило отъ вѣка въ вѣкъ не безъ престарѣнія. И хотяжъ Христіанство награждало насъ духовными Пѣснями по временамъ, благороднѣйшими языческихъ и по содержанію, и по сладости, и по душевной пользѣ; однако, всѣхъ такихъ священныхъ (1) Гімновъ, Стіхи́ръ, и Двустішій, переводъ намъ преданъ Про́зою. Отъ сего, сверьхъ природныя способности, вкоренилась между нами Про́за за единственный способъ рѣчи; а заключенное мѣрами и числами слово, то есть, Стіхотвореніе оное важнѣйшее, со всѣмъ позабыто: ибо простонародное Стіхосложеніе, за подлость Стіхотворцовъ и матеріи́, отъ честныхъ, и самомъ знаменитыхъ людей, презираемо было всеконечно; такъ-что-и-поны́нѣ, но ужé назнающіи, и суетно строптивыи люди зазирають неосновательно, ежели кто-наро́дную старинную Пѣсню

(1) Гімновъ и Стіхиръ, Прозою переведенныхъ, исполненъ есть нашъ весь церковный Кругъ: но изъ премножества Двустішій, переведенныхъ Прозою, первое да будетъ здѣсь въ примѣръ, надписанное надъ Сінаксаремъ Сырныя недѣли.

Міръ съ родоначальниками горько да восплачетъ,
Снѣдію сладкою падшій съ падшими.

А другое надъ Сінаксаремъ же, читаемымъ въ субботу Ваій, или Лезареву:

Рыдаеши Іисусе, сіе смертнаго существа;
Оживляеши друга твоего, сіе божественныя крѣпости.

приведетъ токмо въ свидѣтельство на-письмѣ, хотя и съ извиненіемъ въ необходимости, о первоначальномъ нашемъ Стіхотвореніи.

Пребывала такимъ образомъ наша Церковь съ (1) X вѣка, по XVI включительно безъ Стіховъ, собственно такъ называемыхъ по составу, имѣя впрочемъ Стіхи, толькожъ въ Прозѣ. Наконецъ, 1581 уже́ года, явились Стіхи первократно при Библіи Острожской на нашемъ язы́кѣ, составъ тѣхъ Стіховъ есть во всемъ неисправный: недостаточна въ нихъ мѣра, недостаточно число, Ріѳма недостаточна: все первоначальное, рукотворимоель оно или производимое разумомъ, таково обыкновенно, по большой части, бываетъ.

И какъ-въ-сихъ-Стіхахъ-находится-Ріѳма; то причина есть помышлять, съ како́ва образца оная въ тѣ Стіхи введена. Сіе можетъ быть, во первыхъ, здѣлаю для разности съ простонародными оными Стіхами, въ коихъ-не-находи́лось, и не находится у насъ Ріѳмъ. Такъ точно было въ Греческой и Римской Церквахъ съ первоначальныхъ Хрістіанскихъ вѣковъ. Греки, Хрістіане, и Римляне, Стихами своими хотѣли всеконечно разниться, одни напримѣръ отъ Гоме́ра язычника, а другіи отъ Віргилія.

---

(1) Одни пишутъ, что-благовѣрный и равноапостольный, святый Великій Князь Владиміръ, просвѣтилъ Россійскую землю крещеніемъ въ 988 лѣто: а другіи, что сіе онъ въ 996 лѣто, по Хрістѣ, совершилъ.

Доказываютъ сіе слѣдующіи Святаго Георгія Назіанзина Стіхи, и многіи многихъ другихъ Стіхотворцовъ Хрістіанскихъ въ Греціи, также и премногихъ Латинскихъ Церковныхъ. Я образцы ихъ здѣсь представлю, чтобъ всякъ могъ сіи примѣрцы читать, и читая слышать въ Стіхахъ звонъ Ріѳмъ.

(1) Θεῷ διδόντος, οὐδὲν ἰσχὺη Φθόνος;
Καμμη διδόντος, οὐδὲν ἰσχύη πόνος.

А изъ Римскихъ Хрістіанскихъ Стіховъ въ примѣръ же:

(2) Tu in caelo regnas Deus,
Nunc factus es Natus meus:
Li li, Li li, Li li,
O! dilecte fili.

Или второе, съ образца обще господствовавшаго тогда. Съ Гòтіческимъ временемъ, не знаю-какой рассѣялся повсюду, на западѣ и на востокѣ, толь сильный духъ любленія и склонности къ Ріѳмамъ, что-не-тóкмо, такъ называемыхъ живыхъ язы́ковъ въ Стіхахъ, за нѣжную сладость, и великолѣпное украшеніе по-

---

(1) Когда-Богъ подаѣтъ, то никакъ не превозмогаетъ зависть;
А когда-не-подаетъ, то никакой трудъ есть не успѣшенъ.

(2) Ты въ небѣ царствуешь Богъ,
Нынѣ ставшій Сыномъ моимъ:
Лю-лю, Лю-лю, Лю-лю,
О! милое Дитятко.

члись Ріомы, но и степенныи языки, (1) Греческій по превосходству и Римскій, не хотѣли быть, какъ-то-уже я объявилъ, безъ оныхъ. Сіе удивительнѣе-еще, пріятность Ріомъ на концахъ Стіховъ толь усладительна тогда стала казаться, что-не-довóльно было двухъ Ріомъ въ двухъ Стіхахъ, соглашаемъ былъ одинъ и тотже Стіхъ двѣмя ужé Ріомами, одною въ срединѣ, а другою на концѣ. Доказываютъ сіе Стіхи, Медическія (2) Салернітáнскія Школы, заведшіяся, въ XI вѣкѣ, въ Кассінскомъ Італіанскомъ монастырѣ (послѣ, какъ-нѣчто Константінъ именемъ, принесъ туда Латинскіе Медіческіе книги, перенесенныя оттуда въ ближній городъ Салéрнъ: доказываютъ и такъ на-

---

(1) Греки прозвали такіи Стіхи Політическими, тоесть, Простонародными: ибо у Ісократа въ Эвагорѣ, чрезъ Політическія имена, разумѣются имена Простонародныя. Также и Галéнъ написалъ (περὶ τῶν πολιτικῶν ὀνομάτων) о Політическихъ именахъ у Арістофана, Эвпóліда, и Кратіна; а чрезъ Політическія имена, разумѣлъ онъ Простонародныяжъ имена.

(2) Каковы суть:

Caseus et panis sunt optima fercula sanis.
Сыръ да хлѣбъ, изъ дарóвъ, кушай всегда кто здоровъ.

ИЛИ:

Post coenam stabis, vel passus mille meabis.
Должно по кушаньѣ стать, тысячью иль прошагать.

ИЛИ:

Permutant homines mores, cum dantur honores.
Нрава въ премѣнѣ есть, кто произойдетъ лишь въ честь.

зываемыи (1) Леонінскіи, каковы, и въ нынѣшнее недавное время, сподобились мы читать печатанныи нашимъ языкомъ не у насъ въ Россіи, не безъ смѣха впрочемъ внутренняго составу сему. Но что-послѣднее, то ужé толь странно, что-и-невѣроятнобъ всякому показалось, ежелибъ не могъ я доказать предлагаемаго примѣрами, взятыми изъ писменныя Русскія Поэмы о страшномъ Судѣ, не знаю кѣмъ сочиненныя: такъ Ріѳма почтена необходимою въ Стіхахъ, что-хотябъ слово Ріѳмы и ничего не значило, и былобъ всеконечно поврежденное, или нарочно вымышленное, а соглашалось бы только изрядно съ Ріѳмою предъидущаго Стіха, такое чудовищное слово, не токмо не пренебрегаемо было, но еще-и-предпочитаемо въ Стіхѣ для Ріѳмы.

ИЛИ:

Corde stat inflato pauper, honore dato.

Подлый всякъ напыщéнъ, къ чести когда пріобщенъ.

(1) Скалигеръ не знаетъ, съ чего и отъ кого названы такіи Стіхи Леонінскими. Нѣкоторыи причитаютъ ихъ Піитy Льву, пятаго вѣка, о которомъ упоминаетъ Фабриціи въ Греческой Бібліотекѣ кн. 4. гл. 30. Другіи приписываютъ ихъ Льву IV Папѣ Римскому, коего-житіе-описано-отъ Палатіны, а жилъ сей Левъ въ IX вѣкѣ, онъ часть нѣкоторую Рима хотѣлъ назвать Леонінскою отъ своего имени, и сочинилъ нѣсколько негодныхъ Гексаметровъ, надписанныхъ надъ воротами тоя части Рима. Напослѣдокъ, иныи полагаютъ имъ начало во XII вѣкѣ, а изобрѣтателя Льва описываютъ монахомъ, бывшаго въ Бенедіктінскомъ чинѣ.

ПРИМѢРЪ 1.

1. Составы, кости трепещутъ,
И власы главъ ихъ клекещутъ.

2. Всѣ и звѣзды наипаче
Чисти, свѣтлозрачни въ зраче.

3. Такожъ минуетъ и протчихъ;
Огнь возсіяетъ въ горнчихъ.

4. Но Мірская красота,
Сила, слава, любота.

5. Оный ему есть свѣтильникъ,
Троими враты входильникъ.

6. Все веселіе духовно,
Всюду гласъ радости зовно.

7. Князь, Княгини, Княжаны,
Воеводы, Потентаны,
Военачальники мо̀рски,
Сухопутнъ, великъ, мало́вски.

8. Всѣмъ дадутся вѣнцы дра́ги,
Одежды златосвѣтовлаги.

9. Благословенни получа́тъ,
Сурскимъ язы́комъ возрѣча́тъ.

10. Потребно знать, изъ какихъ книгъ,
И кѣмъ сей собрася Ріѳмігъ.

Но какъ-то-ни-е́сть, толькожъ въ Стіхахъ, при Острожской оной бібліи, употреблена Ріѳ-

ма трисложная, двусложная, и односложная по изволенію: а сей составъ Стіха, когда-исправился какъ-въ-числѣ опредѣленномъ слоговъ Стіху, такъ въ сѣченіи на Полстішія большíхъ Стіховъ, и въ приложеніи одноя двусложныя всюду Ріѳмы, перешелъ отъ Бѣлорусцовъ и Поляковъ въ Малую Россію, а изъ Малыя къ намъ; да и пребывалъ у насъ съ 1663, до 1735 рóвно 72 года, и есть точно оный, который-я-называю среднимъ.

Тридцать восемь лѣтъ спустя, пòслѣ Стіховъ при Острожской Бíбліи, а именно, въ 1619 годѣ, Мелетій Смотрицкій, Монахъ Віленскаго Братства, мужъ искусный въ Греческомъ и Латінскомъ языкѣ, úздалъ, при Грамматікѣ своей Славенской, совершенно различный составъ Стіхосложенія съ тѣмъ, какой-показала, какъ-въ-опытóкъ, Острожская біблія. Неизвѣсно, способъ ли ему Ріѳміческій не полюбился, или такъ онъ былъ влюблéнъ въ Греческій древній и Латинскій способъ Стіхосложенія, что-составилъ свой, для нашихъ Стіховъ, со всѣмъ Греческій, и потомужъ Латінскій. Впрочемъ удостовѣряетъ, что-здѣлалъ онъ сіе подражая Овідію Римскому Стіхотворцу, который, по объявленію Лѣтописца Матѳея Стріковскаго въ 4 книгѣ, навы́къ, въ ссылкѣ своей у Сарматскихъ народовъ, Славенскому (1) язы́ку, и писалъ Стіхи симъ язы-

(1) Подлинно, Овідій самъ о себѣ утверждаетъ, въ книгѣ отъ III Понта, въ Элег. 2 «что онъ научился гово-

комъ, да еще-и-охо̀тно, какъ говорятъ; а писалъ онъ не и́нако, какъ токмо-по-Ри́мскому составу (1) Стіховъ.

Сему примѣру Смотритскій послѣдуя, здѣлалъ наши гласные и двугласные літеры, иные съ природы долгими, иные краткими, а иные общими; притомъ, ввелъ и такъ называемое положеніе гласныхъ, предъ двѣмя согласными літерами, долгое, а иногда общее, буде изъ согласныхъ обоя̀ща́ющая, по его, літера положится напреди предъ гласною, а та́емая слѣдовать имѣетъ, какъ-то-сіе дѣлается у Грековъ и у Латінъ въ Стіхахъ. Ввелъ онъ и Сто́пы всѣ Греческіе, а именно, Спондѐя, Пірріхія, Трохе́я, или Хоре́я, Іамба, Анапе́ста, Амфібрахія, Амфімакра, Бакхія, Палімбакхія, Трібрахія, и Трімакра. Предложилъ, наконецъ, и роды Стіховъ больши́хъ и малыхъ, Гекса̀метровъ или Героі-

---

«рить въ ссылкѣ по-Гѐтіески и по Сарматски:» Nam didici Getice Sarmaticeque loqui. Но Гетіческій и Сарматскій тогдашній языкъ, былъ ли нынѣшній Славенскій.

(1) О семъ самъ же Овідій свидѣтельствуетъ въ III Книгѣ отъ Понта, въ 13 Элегіи, говоря: «написалъ я Ге«тіческимъ языкомъ Книшку или Свиточекъ, и со«чинилъ нашимъ составомъ Варварскія слова.... да и «началъ имѣть имя Пѣта межлу бесчеловѣчными Гетами.

. . . . . scripsi Getico sermone libellum,
Structaque sunt nostris barbara verba modis,
. . . . . coepique Poëtae
Inter inhumanos noman habere Getas.

ческихъ, Пентáметровъ или Элегіаческихъ, Гексаметровъ съ Пентаметрами или Героэлегіаческихъ, Іамбическихъ, Сафическихъ, Фалéвтическихъ, Глико̀ническихъ, Хоріамбическихъ, и Асклепіадическихъ. Представляю здѣсь въ примѣръ только Гексаметръ его, и Героэлегіаческій Стихъ, отъ сихъ всякъ способно уразумѣетъ составъ и всѣхъ прочихъ, кто-вѣдаетъ Греческое, или Латинское Стихотвореніе.

Сочинен. 1755

ПРИМѢРЪ ГЕКСАМЕТРОВЪ.

Сарматски поворастныя Мусы стопу перву,
Тщащуся Парнассъ во обитель вѣчну заяти,
Хрісте Царю прими; и благоволивъ, тебе съ отцемъ
И духомъ святымъ пѣти, учи Россійскій
Родъ нашъ, чистыми мѣры Славенски умны.

Четвертый и пятый Стихъ, въ пятомъ мѣстѣ имѣютъ Спондея, вмѣсто обыкновеннаго Дактиля: а Спондей кладется, у Грековъ и у Латинъ, въ пятое мѣсто тогда, когда-Стихо́мъ тѣмъ или какая-вели́кая важность, или какое-превосхо́дство, или превеликая скорбь и печаль объявляется.

ПРИМѢРЪ ГЕРОЭЛЕГІАЧЕСКИХЪ.

Хрісте, елико просятъ іны, даждь имъ пребогате:
Мнѣ тебе сладчайшій, даждь мене взайма тебѣ.

Но коль ни достохвальное сіе тщаніе Смотрицкаго; однако, Ученыи наши Духовныи люди не приняли сего состава его Стіховъ: остался онъ только въ его Граматікѣ на показаніе потомкамъ примѣра; а тѣ утверждались отчасу болѣе на Ріѳміческихъ Стіхахъ, среднято состава, приводя ихъ нѣкоторую исправность съ обрасца Пóльскихъ Стіховъ. Можетъ быть, что-трýдность долгихъ, краткихъ, и общихъ літеръ природѣ, также измѣняемыхъ его, обоящающихъ, таемыхъ, сугубыхъ, сугубствующихъ, и странныхъ, сверхъ того, и познаваемыхъ слоговъ положеніемъ, наращеніемъ, и окончаніемъ, а всего сего чуждаго, и намъ во вѣки вѣковъ дикаго, отвратила нашихъ люботщателей отъ Стіхотворнаго сего состава. Весьма вѣроятно, что-ёжелибъ Смотрицкій пренебрегъ долготу и краткость слоговъ временемъ мѣряющуюся, какъ-всеконéчно несвойственную Славенскому язы́ку, а ввелъ бы Тоніческое складовъ Количество, какое-нынѣ у насъ въ Стіхахъ; тобъ способнѣе наши Стихотворцы, духовныи и мірскіи, взялись за сей способъ сло-

женія, какъ-совершéно лехкій, и намъ природный, а ктомужъ плавный, пріятный, и слаткій хотя и безъ отроческихъ оныхъ игрушекъ, то-есть, Ріомъ. Удостовѣритъ о семъ примѣръ Гексаметровъ, и Героэлегіаческихъ.

ГЕКСАМЕТРЫ.

О! коль любо, когда заря! здѣсь, въ ризѣ багряной,
Множество птичекъ въ лѣсокъ собираетъ, а тѣ оправляя
Перышка всѣ свои разноцвѣтныя, дню поздравляютъ;
Весьма толикимъ шумитъ согласіемъ воздухъ исполненъ.

ГЕРОЭЛЕГІЧЕСКІЙ.

Ахъ! отъ раны престалъ онъ смертныхъ чувствовать скуки,
Чувствуя, что-емý въ ликѣ безсмертныхъ сидѣть.

Сравнивая сіи Гексаметры и Пентаметры, хотя по Греческому и Латінскому составу Стіховъ, но основанныи на Тоническомъ Количествѣ, съ предъидущими Смотритсковыми, составленными тѣмже способомъ, толькожъ по долготѣ и краткости слоговъ, мѣряющихся сверьхъ просодіи временемъ ещé, всякъ, ударяющій по силамъ Стіхи, чувствуетъ, что-мой послѣдніи глаже,

нежели Смотрицковы первыи. Сармáтскiй, новорáстныя, мýсы, тщáщýся, пáрнáссъ, Христе, блáговóлúвъ, дýхóмъ, святы́мъ, пѣти, ýчи, Рóссiйскiй, чúсты́мú, мѣры, слáвéнскiй, просять, слáдчáйшiй, всѣ сiи, двойные, тройные, и четверные, разнородные долготы на одномъ реченiи, весьма дики нашему взору и слуху, а природѣ Славенскаго язы́ка отнюдъ несвойственны.

Въ прошедшемъ непосредственно вѣкѣ, въ среднихъ его лѣтахъ, когда - Петръ - Могúла, Митрополúтъ Кiевскiй, завелъ такъ называемую Академiею въ Кiевѣ, а способъ ученiй и весь порядокъ взялъ съ обрасца Пóльскихъ училищъ; то и Стiхотворенiе Пóльское, съ язы́комъ, пришло въ ту Могiлеанскую Кiевскую Академiю. Профессоры употребили способъ Стихосложенiя Пóльскаго и на Славенороссiйскомъ язы́кѣ. Способъ сей сложенiя Стiховъ есть слѣдующiй:

Всѣ Стiхи, какъ-большiи, такъ и малыи, не имѣютъ никакихъ въ себѣ Стопъ; слѣдовательно, не падаютъ по опредѣленнымъ разстоянiямъ ни отъ удареня къ неудареню, ни впреки, да токмо имѣютъ опредѣленное число слоговъ, и на концѣ двухъ Стiховъ двусложную Рiому, для того что Пóльскiй языкъ всегда имѣетъ удареiе, въ своихъ словахъ, на предпослѣднемъ слогѣ, и потому не возможно ему употребить ни односложныя, развѣ всегда односложными реченiями на дúво, ни трисложныя

Ріомы. Самый большій Стіхъ имѣетъ въ себѣ 13 слоговъ, и дѣлится на-два Полстішія, такъ-что въ первомъ счисляетъ 7 слоговъ, а во второмъ 6. По семъ слѣдующій Стіхъ, состоитъ изъ 11 слоговъ, дѣлится также на-два Полстішія, въ первомъ полагая 5 складовъ, а во второмъ 6 же, какъ-и-въ-самомъ большомъ Стіхѣ. Прочіи всѣ стіхи въ 9, въ 7, въ 5, и въ 3 расклада, не раздѣляются на Полстішія, но токмо двусложную оною украшаются Ріомою. Во всѣхъ Стіхахъ позволено переносить, недокончанный разумъ въ первомъ Стіхѣ, въ начало послѣдующаго Стіха, а не до конца его, или до конца перваго Полстішія. Строфъ, кромѣ Сафическія, никакихъ въ немъ нѣтъ, также, или, по крайней мѣрѣ, не видывано отъ первыхъ временъ, на нашемъ языкѣ Смѣшенныя Ріомы; всюду тогда въ Стіхахъ употребляема была Непрерывная. Сей точно есть исправный составъ Средняго Россійскаго Стіхотворенія, вычищенный уже во всемъ и утвержденный, а воспріятный къ намъ съ обрасца Польскихъ Стіховъ.

Какъ-скоро-завелось сіе тамъ Стіхотвореніе, преподалось въ училищахъ, и показалось Обществу примѣрами Церковными и Гражданскими; такъ тотчасъ употребили оное и Мірскіи Стіхотворцы: всѣ Свѣтскіе ихъ пѣсни сей имѣютъ способъ въ Стіхахъ. И такъ, видно уже, что-народный способъ Стіхосложенія, есть точный списокъ съ Духовнаго. Да и сама Поэзія, въ первоначаліяхъ своихъ, была токмо отмѣн-

ный способъ, у Духовныхъ мужей, къ прославленію божества; а употреблена уже́ весьма по́слѣ на мірскія играніа и пѣсни, для возбужденія страстей, какъ-то-сіе́ превосходнымъ Краснорѣчіемъ описывается у Ролленя, въ са́момъ началѣ XII Тома, древніа его Исторіи.

Не знаю причины, чего ради у насъ въ великой Россіи не видно сея По́льскія исправности, въ самыхъ первыхъ Ріѳмическихъ Стіхахъ. Стіхи, положенныи въ заглавіи Московскія Библіи, печатанныя съ помянутыя Острожскія, и вышедшія въ 1663 годѣ, какъ въ-Полстішіяхъ имѣютъ иное число слоговъ, нежели какое было уже́ тогда въ Кіевѣ по По́льскому составу, такъ и Ріѳму употребляютъ то двусложную, то трисложную, и то односложную безразборно.

Сіе впрочемъ достовѣрно, что – съ - временъ Сімеона По́лоцкаго, Іеромонаха жившаго въ Москвѣ, По́льскаго состава Стіхи начали быть въ составленіи постоянны, и одноличны на нанашемъ язы́кѣ; а вѣроятно, что-онъ-былъ-и-пе́рвый самый Стіхотворецъ у насъ въ великой Россіи на Славенскомъ язы́кѣ: не видно въ Московскихъ Книгахъ, По́льскимъ исправнымъ образомъ, Ріѳмическихъ Стіховъ, бывшихъ прежде Полоцкаго, выключая нѣкоторыя въ народѣ старинныя присловія, въ коихъ, такъ называемая, фігура Гомеотелѣвтонъ играетъ. Но настало время: завелся и у насъ сей составъ Стіховъ, и завелся при Сімеонѣ точно Полоцкомъ; а училищемъ потомъ Московскимъ въ Заіконо-

спасскомъ монастырѣ, называемымъ также, по Богословскому факультету, Академіею, и всеконечно уже оный утвердился.

Предложу я теперь Сочиненія, сколько ихъ знаю, составленныя сими Стіхами какъ-у-насъ, такъ въ малой Россіи, и въ бѣлой Руси. Я не коснусь ни къ краткимъ Надписямъ въ Духовныхъ Книгахъ, ни къ Свѣтскимъ Пѣснямъ: Книги цѣлые Стіхами составленные объявлять имѣю; однако, и такія небольшія Сочиненія, кои-того-достойны по моему мнѣнію.

Первая Книга есть Псалтирь, составленная отъ Полоцкаго сими Стіхами, и напечатанная въ Москвѣ 1680 года. Въ ней сіе удивительно, что-и-Святцы, или Мѣсяцословъ церковный, состоящій въ именахъ только Святыхъ, почитаемыхъ Церкви на каждый день, сочиненъ также есть Стіхами. Вторая: Верстъ или Вертоградъ многоцвѣтный, егожъ Полоцкаго; превеликая рукописная Книга, хранящаяся въ Императорской Академіческой Бібліотекѣ: написана она 1678 года. Сія Книга писана толь чистымъ и презрядным письмомъ, что-уже нынѣ такихъ рукъ у нашихъ Писцовъ не видно: упоминаетъ о сей Книгѣ самъ Полоцкій въ Предисловіи на Псалтирь. Третія: Перло многоцѣнное, Кіріила Транквілліона. Книга сія отчасти составлена Стіхами, а отчасти состоитъ въ Прозѣ; издана въ Могилевѣ, 1699 года. Четвертая: Алфавитъ, собранный отъ Святыхъ Писаній, и съ Латинскаго языка Стіхами переведенный,

отъ Іоанна Максімовича, Архіепіскопа Черниговскаго; въ Черниговѣ, 1705 года. Пятая: Осмь Блаженствъ Евангельскихъ, егожъ; а напечатана въ Черниговѣ 1706 года. Шестая: Богородице Дѣво; егожъ Максимовичева. Печатана въ Черниговѣ 1707 года. Всѣ сіи Книги и́зданы частію отъ Бѣлорусцовъ, а частію отъ Малороссіянцовъ.

Слѣдуютъ теперь великороссійскіи Стіхотворцы. Монахъ нѣкто, прозваніемъ Медвѣдевъ, ученикъ Сімеона Полоцкаго, много, какъ-говорятъ, писалъ Стіхами; но печатныхъ я не видалъ нигдѣ. Одинъ токмо огромный Эпитафій Сімеону Полоцкому, погребенному въ Заіконоспасскомъ монастырѣ въ нижней Царькви, имъ сочиненный, вырѣзанъ на большомъ стоячемъ, или, помнится, на двухъ стоячихъ камняхъ. Егожъ Рукописный, Плачъ и Утѣшеніе о преставленіи Государя Царя, и великаго Князя, Ѳеодора Алексѣевича.

Каріонъ Исто́минъ, Монахъ, бывъ Справщикомъ на печатномъ Московскомъ дворѣ, и́здалъ Букварь въ Ли́цахъ, и описалъ вещи въ немъ изображенные нравоучительными Стіхами: напечатанъ въ Москвѣ, 1692 года.

Ѳеодоръ Полікарповъ, мужъ искуснѣйшій въ Греческомъ, Славенскомъ, и Латінскомъ язы́кахъ, прежде Справщикъ, а пото́мъ Діректоръ на Печатномъ Московскомъ дворѣ, многіи написалъ Стіхи, изъ которыхъ-всѣ, по частямъ, въ разныхъ Книгахъ напечатаны, а именно, въ

учебной Азбукѣ, въ новомъ Завѣтѣ, въ нѣкоторыхъ другихъ церковнаго круга, Книгахъ, въ тріязычномъ Букварѣ, печатанномъ въ Москвѣ 1701 года, въ тріязычномъ его Лексіконѣ, 1704 года въ Москвѣжъ.

Леонтій Магницкій, мужъ свѣдущій Славенскій языкъ, сущій Хрістіанинъ, добросовѣсный Человѣкъ, и въ немже льсти нѣ было: первый Россійскій и Аріѳметікъ и Геометръ; первый и издатель и Учитель въ Россіи Аріѳметікѣ и Геометріи. Сей, въ Аріѳметікѣ своей въ лесть, напечатанной въ Москвѣ 1703 года, ѝздалъ Стіхи на крестъ и Гербъ Государевъ.

Іоаннъ Илинскій, праводушный, чесный, и добронравный мужъ, да и другъ, другамъ нелицемѣрный, искусный, довольно въ Латінскомъ языкѣ, нѣсколько въ Молдавскомъ, а совершенно въ Славенскомъ, бывшій Переводчикомъ при Імператорской Академіи Наукъ. Сей не мало писалъ, въ разныхъ матеріяхъ, Стіховъ; но печатныхъ только одно Осмистішіе, при Сімфоніи его на священное Четвероевангеліе, и дѣянія святыхъ Апостолъ, напечатанной въ Москвѣ 1733 года.

Князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ, знаменитый по роду своему, и толь славный по наукамъ, въ Россійскомъ Стіхотворствѣ, но Ученикъ прославляющій, именемъ и удобопонятностію, Учителя своего, помянутаго Илинскаго. Стіхотворныхъ его Сочиненій много; а лучшими почитаются Сатіры, сочиненные по

подражанію Французскимъ Боаловымъ, и Авторовыми собственными Примѣчаніями изъясненные, изъ которыхъ пе́рвая сочинена́ въ Москвѣ 1729 года; да и поны́нѣ-еще всѣ онѣ писменные только обносятся.

Петръ Буслаевъ, острый и словесный Человѣкъ, Сей, по совершеніи Богословскаго своего Курса, былъ сперва́ Діаконо́нъ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ; а по смерти своея жены, оставилъ сей чинъ, и жилъ до смерти Простолюдиномъ. Сочинилъ онъ Поэму на смерть са́мыя добродѣтельныя, боголюбивыя, странноприемныя, и благоразумныя въ жизни жены вдовствовавшія, Баронши Маріи Іаковлевны Строгановы; а напечатана та его Поэма въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1734 года.

Не упоминаю о разныхъ Стіхотворныхъ Пѣсахъ, разными Авторами сочиненныхъ, и въ разныя времена печатанныхъ, и также непечатныхъ, какъ-то-о-Ка́нтахъ торжественныхъ, театральныхъ Представленіяхъ, Стіхахъ похвальныхъ, Эпіграммахъ, Пѣсняхъ, Пѣсенкахъ. Не упоминаю и о моихъ двухъ Дра́махъ, (да позволится сказать о себѣ не тщеславно) Язонѣ и Тітѣ Веспасіановѣ сынѣ, сочиненныхъ мною еще-въ-Студе́нствѣ моемъ, и прежде отбытія въ чужіи Краи, представленныхъ въ Заіконоспасскомъ монастырѣ, но въ путешествіяхъ моихъ пропадшихъ безвозвратно; а которые Пѣсы я дѣлалъ въ Гагѣ, въ Парижѣ, и въ Гамбургѣ,

также и здѣсь въ Санктпетербургѣ по возвращеніи моемъ, симъ Пóльскимъ составомъ Стíхосложенія, изъ тѣхъ самую большýю часть передѣлалъ ужé Новымъ Стíхосложеніемъ, о коемъ-нúже будетъ, и по возможности исправленные положилъ во второй Томíкъ Сочиненíй и Переводовъ: прочíе многíе оставилъ, для негодности ихъ, такъ какъ-онѣ-бы́ли.

Довольно, мню, и столькихъ, когда-хорóшихъ, Стíхотворцевъ нашихъ по сему Среднему, или Пóльскому, составу Стíховъ изъ Бѣлорусцовъ, Малороссíйцовъ, и Великороссíанъ. Но можно праведно, и безъ пристраснаго предвозлюбленія, сказать, что-Великороссíане въ семъ составѣ Стíховъ превосходятъ (и по составленію, и по исправности Грамматíческаго сочиненія, и по чистотѣ рѣчей, и по избранію словъ, и по ихъ приличію, и наконецъ, по самому Пíитическому духу) всѣхъ другихъ упомянутыхъ мною. Представлю я въ обрасчикъ Стíхи Ѳеодора Полíкарпова изъ Трíязычнаго его Лексíкона; Іоанна Илинскаго, изъ Симфонíи его; и Петра Буслаева изъ его Поэмы, чтобъ всякъ самъ Читатель могъ видѣть ихъ способность.

ИЗЪ ЛЕКСИКОНА.

Зрите вы сѣмо, иже порицати
Лю́бите труды́, и вѣщати:
Могли бы и мы тожде сотворити,
И лучшу сея Книгу сочинити.

Аще мощно вамъ; почтò не твористе?
Не быхъ трудъ подъялъ, ащебъ въ дѣлѣ бысте.
Но всякъ своихъ дѣлъ въ корысть бѣ стройтель:
Что зналъ, то и́здалъ; а сихъ не любитель.
Лучшели вѣси? гдѣ худо, приправи:
Аще же ни сихъ; умъ твой въ сихъ направи.

ИЗЪ СІМФОНІИ.

Нужда есть Священное Писаніе знати:
Яко вѣчнаго то намъ живота есть мати.
Но внутреннихъ нашихъ чувствъ нéмощь есть толика,
Яко, вчера и прежде, прочтохомъ елика,
Днесь мало помнимъ, или вконецъ забываемъ:
Хотя жъ обрѣсти, гдѣ что, не знаемъ.
Единa Сімфоніа въ семъ намъ пособляетъ:
Но Главамъ бо и Стіхамъ всяку рѣчь являетъ.

Сочинилъ Илинскій, по совершеніи Сімфоніи, и на Мома Двустішіе, коего-не-рассуди́лъ заблаго въ ней напечатать, но токмо въ Рукописной своей черной оное оставилъ, отдавъ ея въ даръ, еще-въ-жи́зни своей, нѣкоторому изъ своихъ пріятелей. Оно есть слѣдующее:

Ликуймъ, Моме, оба! се Книга кончася:
Мнѣ убо покой, трудъ же тебѣ даровася.

Въ Рукописной оной его чтется и Латінское Двустішіе, сочиненное имъ къ себѣ самому́, ко-

торое–я, для знающихъ въ Латинскихъ Стіхахъ силу: здѣсь же полагаю; а переводъ ему собственно мой даю: ибо Авторовою рукою написано тамъ оно безъ перевода.

Nae, nisi conficeres librum, Symphonia dictum
Auctoris nomen non habiturus eras.

тоесть:

Истинно! когдабъ-сея
Не сложилъ ты Книги въ Свѣтѣ;
Авторомъ здѣсь, безъ нея,
Не́льзябъ звать тебя въ привѣтѣ.

ИЗЪ ПОЭМЫ БУСЛАЕВЫ

Тогда показался краснѣ, человѣковъ паче,
Властительно блистая, какъ Богъ, непна́че:
Въ свѣтѣ, очамъ ненасытный, оболченъ былъ кра́сно:
Сладко было нань зрѣти! и въ радость ужасно!
Тѣло все его въ крови, какъ мукъ недавно,
Пробиты ру́ки, ноги, и бокъ зримъ былъ явно;
Однакожъ славы сіе все не отъимало,
Но любовь Божественну къ смертнымъ въ немъ казало́:
Очи являли милость, лице же все радость,
Весь онъ былъ желаніе, весь пріятна сладость.
Округъ его стояли Небесные Силы;
Свѣтлы ли́ца имуще, плектровыжъ крилы:

Отъ славы неприступны себѣ закрывали,
«Къ Маріи Хрістосъ приде,» дивно воспѣвали.
Потомъ явилась скоро прекрасна Дѣвица;
Вскликнули Силы: «пришла Небесна Царица.»
Оболченна вся въ Солнце, Луна подъ ногами,
На главѣ Корона царская съ звѣздами;
Мужей, Женъ, и Дѣвъ много входило по чину.
Страшно намъ Грѣшнымъ было рассуждать причину.
Всѣ блещутъ въ славѣ, чести, и красѣ Небесной.
Умъ душевной то видѣлъ: слѣпъ былъ зракъ тѣлесной.
Пламеновидны Силы Крестъ Хрістовъ казали,
Терновъ Вѣнецъ, и у́жа, чемъ Хріста вязали,
Трость, Копіе, и Гвозди, страстей Інструменты,
Отъ чего трепетали Свѣта Элементы.

Въ такомъ случаѣ, что-выше сего выговорить возможно? Но что-и-сладоноснѣе, и вымышленнѣе? Еслибъ въ сихъ Стіхахъ паденіе было Стопъ, возвышающихся и понижающихся по опредѣленнымъ разстояніямъ; то что-сихъ Буслаевыхъ Стіховъ моглобъ быть и глаже и плавнѣе? Подлинно, когдабъ -- достойнопочитаемый Авторъ, писавшій недавно въ нѣкоторой Книшкѣ о нашемъ Стіхотворенін, а носился праведный или неправедный слухъ, что-то-Господинъ-Аббатъ-Гва́ско, могъ видѣть сіе все, что-я-теперь-не-по-слу́ху, и чужому сказанію, пишу о нашемъ Стіхосложеніи, но по достовѣрному и истинному сказанію; тобъ безъ сомнѣнія опъ,

для своея чести, многое отмѣнилъ въ оной своей Книшкѣ; и выдалъ бы второе Изданіе исправнѣе и праведнѣе.

Приступая къ описанію Новаго нашего Стіхосложенія, нынѣ отъ всѣхъ Стіхотворцовъ у насъ воспріятаго, и многими достохвальными, и достопамятными Сочиненіями, введеннаго и подтвержденнаго, принужденъ объявить, съ нѣкоторымъ поистиннѣ устыдѣніемъ, и внутреннимъ отвращеніемъ, хотя и сущую правду, что - я въ немъ самое первое и главнѣйшее участіе имѣю. Да отпуститъ мнѣ, покорно прошу каждаго правосерднаго Читателя, сіе необиновенное объявленіе: не дѣлается оно по самолюбному тщеславію, ни въ предосуженіе другимъ, изрядную свою долю послѣ къ тому приложившимъ; но по соединенію изобрѣтенія съ изобрѣтшимъ сперва, для того что не можно упомянуть объ одномъ, не упомянувъ о другомъ и толь наипаче, что-я-такъ точно поступалъ и въ описаніяхъ Древняго и Средняго нашего Стіхосложенія, какъ-то-всякъ Читатель могъ видѣть.

Но впрочемъ, кто-какъ-ни-изволитъ о семъ разсуждать: я токмо доношу самую истинну, что-по возвращеніи моемъ въ Отечество 1730 года, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, началъ я себя производить, по молодости и по Французскому духу, въ Обществѣ нѣкоторыми Стішками, сочиненными по составу Средняго онаго Стіхосложенія. Читаемы они были отъ нѣкоторыхъ не безъ

довольныхъ мнѣ похвалъ, безъ сомнѣнія не по правдѣ, но съ нѣкоторымъ родомъ збойства и насмѣянія приносимыхъ. И какъ-хвалы меня, буйно выспрь стремившагося въ живомъ сложеніи, льстили; то, дабы получить ихъ ещё-болѣе, порѣвался я съ большимъ напряженіемъ къ полученію успѣха въ Стіхахъ. Но, по сочиненіи чего нибудь, на какую Пѣсу ни посмотрю, вижу что-она не состоитъ Стіхами, выключая Ріому, но точно странными нѣкакими Прозаическими Строчками. Напослѣдокъ, выразумѣлъ сему быть отъ того, что-въ-нихъ нѣ было никакова, по разнымъ разстояніямъ измѣреннаго, слоговъ Количества. Смотритскаго Количество, выше мною объявленное, вѣдомо мнѣ было; но чувствовалъ я и то совершенно, что-оно-намъ-всеконѣчно не сродно.

Что-больше? Тотчасъ напалъ я на возвышеніе и пониженіе голоса въ складахъ Просодіею, тоесть, на Тоническое слоговъ Количество. Потомъ непосредственно и на Стопы: ибо кто-нападетъ-на-пѣрвое, тотъ не можетъ тогдажъ не напасть на другое. Если голосу на складахъ повышатся нѣсколько по опредѣленнымъ разстояніямъ, тоесть, или отъ ударенія къ неударенію, или впреки падать; то не можно при одинакихъ слогахъ порознь остаться въ мѣрѣ, и не взяться за Стопы, двусложныель онѣ, или трисложные. Въ сихъ по двухъ неудареніяхъ бываетъ возвышеніе; а въ тѣхъ по одномъ. Итакъ, взялся я всѣхъ прежде за стопу Хорея,

въ коемъ-одно-сперва удареніе, а потомъ краткій слогъ.

Къ Хорею меня привело свойство нашего языка, длятого что Періоды наши чаще и мѣрнѣе оканчаваются Хореемъ; да и Ріома наша, какъ-въ-Среднемъ составѣ Стіховъ, такъ и называемая нынѣ женскою, есть точный же Хорей: сверьхъ того, былъ у меня тогда въ рукахъ нѣкоторый печатный примѣръ Иллирическихъ Народовъ, составленный Хореическими Тетраметрами. Пользуются и нынѣ-еще цѣлою жизнію, коп-видѣли у меня прежде моего пожара, сію Далматскую Книшку: содержала она Притчу Евангельскую о Блудномъ сынѣ. Итакъ, троякій сей поводъ привелъ меня къ тому, что я сначала-самаго, а именно, въ 1735 годѣ, предпочелъ Стопу Хорея всѣмъ прочимъ. Многія были на меня нападенія за сіе: всѣ я ихъ терпѣливно выдерживалъ, и выдерживая сколько ни доказывалъ правду, что-ни-Хорей не нѣженъ, не Іамбъ не благороденъ по себѣ, но что-та и другая Стопа и благородна и нѣжна по словамъ; однако мало смотрѣли на мои доказательства: пребывали по нынѣ въ своемъ мнѣніи, кому-въ-томъ-была-нужда. Напослѣдокъ, кажется что-сами противившіися познали въ семъ правость, длятого что нынѣ, Хореемъ составивши благородную матерію, а Іамбомъ нѣжную, напечатаніемъ восхотѣли они объявить, мнится, Свѣту мою истинну, а свое напрасное прежде сопротивленіе. Толь есть вѣрно, что-истинна

коль ни часто, и вмалѣ не всегда, опровергаема и уничтожаема, иногда слабо защищаемо, однакожъ никогда не торжествующа бываетъ!

Но къ предлежащему. Хотя главнѣйшее Основаніе новыхъ моихъ Стіховъ и нашлось вдругъ самое твердое, или лучше жизнь ихъ и душа единственно; однако, вся моя Система не получила себѣ сперва отъ меня желаемаго мнѣ самому совершенства. Не дивно: таковъ есть Разумъ человѣческій; по степенямъ онъ на верьхъ всходитъ. Весьма ужé пóслѣ привелъ я мою Сістему въ надлежащую исправность и полноту: напечатана она не давно въ первомъ Томікѣ книжекъ, названныхъ Сочиненіями и Переводами. Теперь ей краткое сáмое Описаніе слѣдуетъ.

Всеобщій и повсюдный грунтъ Сістемы сея Стіховъ, есть Тóническое (1) Количество: почитается ею тотъ слогъ долгимъ въ реченіи, который-ударяется-Сúлою; а тѣ всѣ въ немъ короткими, сколькобъ ихъ ни́-было, на коихънѣтъ просодіи. Притомъ, нѣтъ никакова раздѣленія страннаго Літерамъ, кромѣ обыкновеннаго на гласные, двугласные, и согласные.

Односложныя реченія, кои-съ-природы всѣ долгія, для того что нѣтъ реченія, кое-мóжно

(1) Количество сіе есть собственно такъ называемое въ Просодіи: ибо отъ пункта понижепія, къ пункту возвышенія, есть Разстояніе, а сіе величина, и потому истинное Количество.

нобъ было выговорить, не ударивъ его гдѣ-нибудь у насъ однажды, полагаются въ немъ, по вольности, общими, то есть, и долгими и короткими, какъ-того-ну́жда требуетъ: безъ вольности сея, нетрудно, или и невозможно, Стіхъ сочинить.

Изъ двусложныхъ Стопъ, приняты въ нея господствующими Стопами, хорей и Іамбъ; за обѣ сіи кладется, по вольности, Стопа́ Трріхій всюду, кромѣ токмо что въ-Іа́мбіческомъ Стіхѣ не можетъ она быть Пресѣченіемъ: а изъ трисложныхъ, Дактіль и Анапестъ.

Роды Стіховъ ея суть Гексаметры, Пентаметры, Тетра́метры, Тріметры, и Діметры. Какъ Хореіческій Гексаметръ и Пентаметръ, такъ и Іамбіческій, на-два Полстишія раздѣляются.

Въ Гексаметрѣ Хореіческомъ первое Полстішіе имѣетъ три Сто́пы съ половиною, (половина сія стопы́, кончащія реченіе, дѣлаетъ Пресѣченіе долгое, для того что во второмъ его Полстішіи, Ріѳміческая послѣдняя половина Стопы́ есть краткая) буде онъ есть женскій Стіхъ по Ріѳмѣ, о коей-по́слѣ; а Пентаметръ двѣ Сто́пы съ половиною, если онъ такой же: но ежели Гексаметръ и Пентаметръ (') есть мужескій по Ріѳмѣжъ, то первый и вторый имѣетъ въ первомъ Полстішіи по́-три Стопы ро́вно (конецъ третіея Стопы оканчивающія реченіе,

(') Пентаметру Хореіческому можно быть и безъ дѣленія на Полстішія, но катахрестічески.

лѣлаетъ Сѣченіе краткое, для того что Ріѳма во второмъ Полстишіи есть односложная долгая.)

Въ Гексаметрѣ Іамбіческомъ, мужескомъ и женскомъ, первое Полстіпіе всегда и непремѣнно имѣетъ три Стопы рóвно, такъ-что третія Стопа всегда долженствуетъ быть Іамбъ (конецъ сего Іамба и реченія составлятъ Пресѣченіе; а что всегда сему Пресѣченію должно быть долгому, то Іамбическій Гексаметръ, состоящій изъ двухъ Тріметровъ мужескихъ, требуетъ сего природно: ибо полная мѣра въ семъ родѣ Стіховъ есть мужескій Стіихъ): а въ Пентаметрѣ Іамбіческомъ, мужескомъ же и женскомъ, первое Полстішіе имѣетъ двѣ Стопы (¹) рóвно, такъ чтобъ вторая была всеконечножъ Іамбъ для Пресѣченія.

Въ Гексаметрѣ Хореіческомъ женскомъ, второе Полстішіе имѣетъ три Стóпы рóвно, изъ которыхъ-трéтія цѣлая Стопá есть Ріѳма; а въ мужескомъ, три Стóпы съ половиною, коя-половúна и есть Ріѳма: но въ Пентаметрѣ Хореіческомъ женскомъ имѣетъ оно тринъ Стóпы рóвно, а въ мужескомъ двѣ Стóпы съ половиною.

Какъ въ-Гексáметрѣ Іамбіческомъ женскомъ такъ въ Пентаметрѣ, второе Полстишіе имѣетъ три

(¹) Можно быть или тремъ Стопамъ ровно, какъ въ Гексаметрѣ.

Стопы (1) съ половиною, а изъ конца третіея Стопы и сея половины, составляетъ Хореическую женскую Ріому: и какъ-въ-Гексаметрѣжъ Іамбическомъ мужескомъ, такъ и въ Пентаметрѣ, второе Полстішіе имѣетъ три Стóпы рóвно, такъ-что конецъ третія Стопы, есть Іамбическая односложная Ріома.

Гексаметръ Дактіліческій сочиняетъ сія Сістема точно Латінскимъ образомъ, полагая токмо вмѣсто Спондеевъ Хореи, а вмѣсто Хореевъ иногда, по вольности, Пірріхіи. Сіежъ самое должно разумѣть и о подражателѣ Дактілохореіческомъ, Анапестоіамбическомъ Гексаметрѣ, мною вновь вымышленномъ, и о Героэлегіаческихъ обоихъ равнымъ образомъ.

Въ сихъ Греческихъ и Римскихъ Стіхахъ, Гексаметровъ, однихъ собою состоящихъ, не соглашаетъ Ріомами: обиднабъ была сія Шумúха, древнему благородному сихъ народовъ драгоцѣнному безріомическому Золоту, въ окончаніяхъ Стіховъ: а Героэлегіаческіи вольно, по сей Сістемѣ, соглашать Смѣшанною Ріомою, для того что не-безъ-пóдлиннаго услажденія слуху происходитъ отъ Сочетанія двусложнаго и

(1) Должно уже полагать въ Пентаметрѣ Іамбіческомъ во второмъ Полстішіи двѣ Стопы для мужескаго Стіха, а для женскаго двѣ Стопы съ половиною ежели въ первомъ Полстішіи положится по-три Стопы. Впрочемъ, есть и Іамбическимъ Пентаметрамъ примѣръ безъ Полстішій, но своевольно.

односложнаго, и полагать ихъ, по изволенiю, безъ Рiомъ подобясь древнимъ.

Тетраметры, Трiеметры, и Дiметры, сочиняетъ Сiстема двусложными токмо Стопами, не употребляя въ нихъ Пресѣченiя, и не раздѣляя ихъ на-два Полстiшiя.

Переносу быть изъ Стиха въ начало другаго Стиха, когда-Стихи-съ-Рiомами, накрѣпко зазапрещаетъ; однако, переноситъ разумъ изъ перваго въ другой Стихъ, въ Гексаметрахъ и Пентаметрахъ, до пресѣченiя; и посему, свободнѣе уже до самаго конца.

Рiому употребляетъ двусложную, называемая ея Женскою, и односложную, именуя Мужескою.

Полагаетъ Рiому иногда Непрерывную, то есть, или по двухъ Женскихъ двѣ Мужескихъ, или по двухъ Мужескихъ двѣ Женскихъ; а сiе называется Сочетанiемъ. Такое непрерывное Сочетанiе особливо бываетъ въ Гексаметрахъ и Пентаметрахъ; рѣдко въ Строфахъ, Тетраметрами по большой части, а не часто Трiметрами. состоящихъ: ибо въ Строфахъ употребляется Рiома смѣшенная, то есть, чрезъ Стихъ, чрезъ два, и чрезъ три подобно кончающаяся.

Сiстема сiя ввела Строфы четырестiшные, и отъ нихъ числомъ идетъ до десятистiшныхъ включительно. Строфы, имѣющiе чотку Стиховъ, называются Правильными, а не чотку Неправильными: Равными изъ равныхъ Стиховъ со-

стоящіе, Неравными, изъ неравныхъ Стіховъ по числу Стопъ.

Всѣмъ симъ узаконеніямъ причины, также и нѣкоторыя наблюденія, необходимыя при Составѣ Стіха, да видитъ Читатель, ежели ему угодно, въ самомъ Способѣ къ сложенію Стіховъ по сей Сістемѣ, положенномъ въ первомъ Томікѣ Сочиненій и Переводовъ.

Для лучшія ясности, предлагаю здѣсь краткія Примѣры всѣхъ Гексаметровъ только и Пентаметровъ, также и Героэлегіаческихъ: по симъ и всѣ прочіи составлять способно есть каждому Охотнику.

ГЕКСАМЕТРЪ ХОРЕІЧЕСКІЙ.

Есть Всевѣдый, Всеблагій, | есть Богъ Всемогущій,
Безъ Начала, безъ Конца, | есть вездѣ присущій;
Есть Богъ, о! Евсевій: | всякая проявляетъ тварь,
Что-онъ-есть-Создатель, | и верьховный міру Царь.

ГЕКСАМЕТРЪ ІАМБІЧЕСКІЙ.

Кто-вели́й толь иный, | коль-велій есть нашъ Богъ!
О! Боже, чудеса | творишь Елинъ въ преллогъ:
Нѣтъ слова, нѣтъ рѣчей, | въ языкѣ земнородныхъ,
Ни мыслей нѣтъ у насъ | пристойно благородныхъ,
Къ понятію всему | пречудныхъ дѣлъ твоихъ,
Дабы изобразить | довольно силу ихъ.

ГЕКСАМЕТРЪ ДАКТІЛОХОРЕІЧЕСКІЙ.

О! беззаконныхъ сердца, | раздражаете кон-дѣлами
Долго небесную власть: | Божества терпѣливаго бойтесь,

Также и грозно постичь
готовыхъ въ пре | (1) множе-
ствѣ | казней.

ГЕКСАМЕТРЪ АНАПЕСТОІАМБІЧЕСКІЙ.

Но знай, не обманешь
Творца,
Заглушитъ молитву волна,
И мстящій вѣтръ разнесетъ,
Благочестный гласъ мольбы
и тебя страхъ бурь не очи-
ститъ,
презѣльнымъ шумомъ яряся,
какъ-пыль по странамъ воз-
(2) метая:
одинъ небеса | проница | етъ.

ПЕНТАМЕТРЪ ХОРЕІЧЕСКІЙ.

Всюду вой! страна
Всякая рыдаетъ
Но Россія коль
Описать толь живо
близъ лежаща, дальна,
въ горести слезя!
по Петрѣ печальна,
никому нельзя.

ПЕНТАМЕТРЪ ІАМБІЧЕСКІЙ.

О! Боже, твой
Да, о Петрѣ
Свѣтило дня
Изъ всѣхъ градовъ,
предѣлъ да сотворитъ,
Россіи всей въ отраду,
впредь равнаго не зритъ,
вездѣ Петрову граду.

ГЕРОЭЛЕГІАЧЕСКІИ ДАКТІЛОХОРЕІЧЕСКІИ.

Гробъ, Посѣтитель, зришь,
Дважды мретъ, кто себѣ
Тыжъ однакъ удержи
Также и рѣчь, Душамъ
и лютыхъ расскаяній виды!
смерть по достоинству мнитъ.
въ умѣ заклинаній обиды;
коя спокойство чинитъ.

---

(1) Въ пятомъ мѣстѣ всегда есть Дактіль: по буде Стіхъ объявляетъ какую великость, то въ пятомъ мѣстѣ можно быть Хорею, или, вмѣсто его Пірріхію.

(2) Въ шестомъ мѣстѣ всегда Анапестъ: по въ важность Стіха быть можетъ Іамбъ, а отнюдъ ни Хорей, ни Пірріхій.

ГЕРОЭЛЕГІАЧЕСКІЙ АНАПЕСТОІАМБИЧСКІЯ.

Беззаконники! прочъ отъ сего
У коихъ-сердца
Или утробу грызетъ
Ненасытноль-кто.

Удаляйтесь храма священна,
преисполненны сквернѣйшихъ золъ;
чью-зависть всегда омраченна,
разграбляетъ безсильнѣйшихъ долъ.

О составѣ нашихъ Строфъ да зрится въ способѣ моемъ сея Сістемы, въ-коихъ-впрочемъ-нѣтъ-ничего чрезвычайнаго, кромѣ числа Стіховъ, смѣшанія Ріомъ въ Сочетаніи, и трехъ одинакихъ Ріомъ же, когда Строфа состоитъ изъ-нечета Стіховъ. Сіе только здѣсь напоминается, что-въ-Хорейческихъ, имѣющихъ больше четырехъ и пяти Стіховъ, можно быть презрядно Ріомѣ трисложной Дактіліческой, названной Обоюдною, наблюдая притомъ правила Сочетанія: чего однако въ Іамбическихъ Строфахъ позволить не возможно, длятого что всегда въ Стіхѣ цѣлая Стопа Пірріхіческая по числу Стопъ, будетъ лишняя. Должно упомянуть притомъ, что-Стіхи въ Сей Системѣ (хотя и соглашаются другъ съ другомъ Ріомами) всѣ о себѣ, каждый есть Стіхомъ, для Стопъ во всякомъ. Чтожъ-до-Греческія Строфы Сафіческія, и Латінскія Гораціанскія; то имъ сообщаю здѣсь примѣры: ибо онѣ особливы въ своемъ Составѣ, описанномъ въ моемъ Способѣ.

САФІЧЕСКАЯ.

Совѣсть кто-въ себѣ | непорочну вѣсть,
Нравовъ | (1) чисто | та | завсегда въ комъ-есть:
Не (2) бо | ится тотъ | охужденъ пропасти:
Бодръ и въ напасти

ГОРАЦІАНСКАЯ.

Кедры не всегда | вихремъ ламаются;
Листа не въ весь годъ | рощи лишаются:
И ведръ послѣ тучъ бываетъ,
(3)
Въ весну и дерево | процвѣтаетъ.

Явно, что-въ-двухъ-послѣднихъ Стіхахъ, Гораціанскія Строфы, нѣтъ Пресѣченія.

Се уже описано Новое Стіхосложеніе, начавшееся съ 1735 года, а утвердившееся, и къ совершенству между тѣмъ приведшееся, многихъ нашихъ Стіхотворцевъ Сочиненіями Эпістолярными, Одіческими, Трагіческими, Апологетіческими, и другими Поэзіи Родами; хотя прежде нынѣшняго времени и было во многихъ, не знаю по чему, предпочтеніе Іамбическому роду Стіха предъ Хореіческимъ: однако и то единственно и всеконечно на основаніи Тоническаго жъ моего Количества, а нынѣ и Хореіческій уже родъ, какъ-свойственнѣйшій намъ, воспрі-

(1) Пірріхій вмѣсто Хорея, по вольности. (2) Тожъ.
(3) Тожъ.

емлется нашими Стіхотворцами, и тѣмъ бывшій нашъ споръ разрѣшается, по видимому, въ мою пользу. Праведно доношу, что-сверьхъ-естéственныя и всеудобныя простоты, сверьхъ повсюдныя и неизмѣнныя одноличности и потребности, а вездѣ равныя дѣйствительности Количества сего, въ Стіхахъ всякаго рода, наконецъ, сверьхъ гладкаго паденія его, и пріятнаго приражéнія къ слуху, слѣдующій ещé отъ него преполезный и самый важный плодъ происходитъ, именножъ, есть оно надежнымъ Руководствомъ, къ познанію ударяемыхъ слоговъ Просодіею въ реченіяхъ нашихъ: ибо мы, на сіе самое нужное дѣло, не имѣемъ извѣстныхъ правилъ понынѣ, но токмо съ употрелбенія тому научаемся. Моглобъ оно быть и достовѣрнымъ къ такому знанію способомъ, еслибъ въ Стіхахъ, на немъ основанныхъ, не позволенъ былъ Пірріхій вмѣсто Хорéя и Іамба; но Пірріхія иногда самая необходимость требуетъ: едвабъ, безъ того, можно было и одинъ Стіхъ составить, для премногихъ въ нашемъ язы́кѣ многосложныхъ реченій. Напослѣдокъ, сличающему сію новую Сістему съ самымъ древнимъ нашимъ Стіхотвореніемъ, ясно всякому есть, что-сія-во-всéмъ подобна оному первобытному нашему, кромѣ Ріѳмы. Слѣдовательно, сія Сістема справедливѣе называться долженствуетъ Возобновленною, а не Новою.

Чтожъ-до новѣйшія Сістемы нашему Стіхосложенію, явившіяся у насъ 1745 года, а со-

ставленныя нѣкоторымъ ученымъ человѣкомъ; то хотя Авторъ, благопохвальнымъ мудрствованіемъ своимъ, показалъ ученому Россійскому Свѣту великую остроту вымысла; однако, если кто-выкинетъ изъ его Сістемы всѣ не нужныя обходы, крюки, и кривизны, тогда всякъ выдетъ по ней прямо токмо къ Среднему нашему Стіхосложенію, тоесть, къ Прозаіческимъ строчкамъ. О твердости ея Основаній, Авторъ самъ намъ объявляетъ на концѣ 63 Параграфа, говоря: «Буде кто спроситъ у меня всему тому «причину (причины), я иную (иныя) показать не«могу, развѣ что ухо мое (слухъ мой) мнѣ тѣ «осторожности совѣтуетъ.» Видно и по немногому сему, что Сістема сія сочинена конечно чужестраннымъ человѣкомъ. Но что-и-по-сей день, ніединъ изъ нашихъ Стіхотворцовъ не употребилъ ея въ дѣло; то вѣроятно, что-пребудетъ она у насъ только для наполненія Историческихъ Росписей, разнымъ Составамъ нашего Стіхосложенія.

—

РАПОРТЪ.

ПРОФЕССОРА ТРЕДЬЯКОВСКАГО ВЪ ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМІЮ НАУКЪ.

Писанъ 10 Февраля 1740 года.

Сего 1740 года Февраля 4 дня, то есть въ понедѣльникъ ввечеру въ шесть или семь часовъ,

пришелъ ко мнѣ, нижеименованному господинъ кадетъ Криницынъ и объявилъ мнѣ, чтобъ я шелъ немедленно въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества. Сіе объявленіе, хотя меня привело въ великій страхъ, толь наипаче, что время уже было позднее; однако я ему отвѣтствовалъ, что тотчасъ пойду. Тогда подпоясавъ шпагу и надѣвъ шубу, пошелъ съ нимъ тотъ часъ, нимало не отговариваясь, и сѣвъ съ нимъ на извощика, поѣхалъ въ великомъ трепетаніи; но видя, что помянутой г. Кадетъ не въ кабинетъ меня везъ, то началъ его спрашивать учтивымъ образомъ, чтобъ онъ мнѣ пожаловалъ объявилъ, куда онъ меня везетъ; начто мнѣ отвѣтствовалъ, что онъ меня везетъ не въ кабинетъ, но на слоновой дворъ и то по приказу Его Превосходительства Кабинетнаго Министра Артемія Петровича Волынскаго, а за чѣмъ, сказалъ, что не знаетъ. Я услышавъ сіе обрадовался, и говорилъ помянутому г. Кадету, что онъ худо со мною поступилъ, говоря мнѣ, будто надобно мнѣ было идти въ кабинетъ, а при томъ называя его еще мальчикомъ и такимъ, который мало въ людяхъ бывалъ, а то для того, что онъ такимъ объявленіемъ можетъ человѣка вскорѣ жизни лишить или покрайней мѣрѣ, въ безпамятствіе привести для того, что, говорилъ я ему, Кабинетъ дѣло великое и важное, о чемъ онъ у меня и прощенія просилъ, однакожъ сердился на то, что я его называлъ мальчикомъ и грозилъ нажаловаться на меня Его

Превосходительству А. П. Волынскому, чѣмъ я ему самъ грозилъ; но когда мы прибыли на слоновый дворъ, то помянутый г. Кадетъ пошелъ напередъ, а я за нимъ въ оную камеру, гдѣ маскарадъ обучался, куда вшедъ, постоявъ мало, началъ я жаловаться Его Превосходительству на помянутаго г. Кадета, что онъ меня взялъ изъ дому такимъ образомъ, который меня въ великій страхъ и трепетъ привелъ; но Его Превосходительство, не выслушавъ моея жалобы, началъ меня бить самъ предъ всѣми толь немилостиво по обѣимъ щекамъ; а притомъ всячески браня, что правое мое ухо оглушилъ, а лѣвой глазъ подбилъ, что онъ изволилъ чинить въ три или четыре пріема. Сіе видя, помянутый г. Кадетъ ободрился и сталъ притомъ на меня жаловаться Его Превосходительству, что его будто дорогою бранилъ и поносилъ. Тогда Его Превосходительство повелѣлъ и оному Кадету бить меня по обѣимъ же щекамъ публично; потомъ съ часъ времени спустя, Его Превосходительство приказалъ мнѣ спроситься, за чѣмъ я призванъ у господина Архитектора и Полковника Петра Михайловича Еропкина, который мнѣ и далъ на письмѣ самую краткую матерію, и съ которой должно мнѣ было сочинить приличные стихи къ маскараду. Съ симъ и отправился въ домъ мой, куда пришедъ, сочинилъ оные стихи, и размышляя о моемъ напрасномъ безчестіи и увѣчьи, разсудилъ по утру, избравъ время, пасть въ ноги Его Высо-

когерцогской Свѣтлости и пожаловаться на Его Превосходительство. Съ симъ намѣреніемъ пришелъ я въ покои къ его Высокогерцогской Свѣтлости по утру и ожидалъ времени припасть къ его ногамъ, но по несчастію туда пришелъ скоро и Его Превосходительство А. П. Волынскій, увидѣвъ меня спросилъ съ бранью, зачѣмъ я здѣсь, я ничего не отвѣтствовалъ, а онъ билъ меня тутъ по щекамъ, вытолкалъ въ шею и отдалъ въ руки ѣздовому Сержанту, повелѣлъ меня отвести въ коммисію и отдать меня подъ караулъ, что такимъ образомъ и учинено. Потомъ, нѣсколько спустя времени, Его Превосходительство прибылъ и самъ въ коммисію и взялъ меня предъ себя. Тогда, браня меня всячески, велѣлъ съ меня снять шпагу съ великою яростію и всего оборвать и положить и бить палкою по голой спинѣ толь жестоко и немилостиво, что, какъ мнѣ сказывали уже послѣ, дано мнѣ съ семдесять ударовъ; а приказавши перестать бить, велѣлъ меня поднять, и браня меня, не знаю чего у меня спросилъ: на что въ безпамятствѣ моемъ, не знаю, что и я ему отвѣтствовалъ. Тогда Его Превосходительство паки велѣлъ меня бросить на землю и бить еще тою же палкою, такъ что дано мнѣ и тогда съ тридцать разовъ; потомъ, всего меня изнемогшаго, велѣлъ поднять и обуть, а роздранную рубашку, не знаю кому, зашить и отдалъ меня

подъ караулъ, гдѣ я ночевалъ на среду и твердя наизусть стихи, хотя мнѣ уже и не до стиховъ было, чтобъ оные прочесть въ потѣшной залѣ. Въ среду подъ вечеръ приведенъ я былъ въ маскарадномъ платьѣ и въ маскѣ подъ карауломъ въ оною потѣшную залу, гдѣ тогда мнѣ повелѣно было, прочесть наизусть оные стихи на силу. По прочтеніи оныхъ и по окончаніи маскарадной потѣхи отведенъ я паки подъ караулъ въ коммисію, гдѣ и ночевалъ я на четвертокъ, но въ четвертокъ призванъ я былъ по утру часовъ въ десять въ домъ къ Его Превосходительству, гдѣ былъ взятъ предъ него и былъ много браненъ; а потомъ объявилъ онъ мнѣ, что разстаться со мною хочетъ еще побивши меня, что я услышавъ съ великими слезами просилъ еще Его Превосходительство умилостивиться надо мною всѣмъ уже изувеченнымъ, однако не преклонилъ его сердце на милость, такъ что тотчасъ велѣлъ онъ меня вывесть въ переднюю и караульному капралу бить меня еще палкою десять разъ, что и учинено. Потомъ повелѣлъ мнѣ отдать шпагу и освободить изъ подъ караула; и призвавъ къ себѣ, отпустилъ меня домой съ такими угрозами, что я еще ожидаю скоро или не скоро такого же печальнаго отъ него нещастію, буде Господь по душу не сошлетъ. Тогда, пришедъ я домой, тотчасъ пустилъ себѣ кровь; но видя, что мнѣ отъ того ни мало нѣтъ легости, то думая, что я отъ сихъ смертныхъ побой можетъ быть жизни ли-

шуся, донося о такомъ случаѣ, прошу Императорскую Академію Наукъ взять въ Императорскую Библіотеку, всѣ книги, кои останутся послѣ меня, кромѣ оныхъ, которыя имѣютъ быть выключены въ особливую записку; а прочее все, чтобы оно не было, отдать отцу моему духовному, Преображенскаго полка священнику Ивану Камаровскому.

О семъ покорно рапортуя, прошу то есть Академіи Секретарь Тредіаковскій.

N 79. Подалъ Февраля 10 дня 1740 года. Записано въ Журналъ: онаго Тредіаковскаго осмотрѣть Доктору Дюверлуа, и о томъ къ нему на Нѣмецкомъ діалектѣ писать.

—

ДОНОШЕНІЕ

В. ТРЕДІАКОВСКАГО.

Поданное Президенту Академіи Наукъ Графу Разумовскому

Ея Императорскаго Величества Малороссійскому Гетману, Действительному Камеръ-геру, Академіи Наукъ Президенту, Лейбъ Гвардіи Измайловскаго Полку Подполковнику, и разныхъ ординовъ кавалеру, графу Кириле Григорьевичу Разумовскому,

ДОНОШЕНІЕ

Отъ Професора Василья Кирилова сына Трediаковскаго а о чемъ тому пункты.

1. Служу я при Академіи Наукъ двадцать лѣтъ безпорочно Предкамъ Ея Императорскаго Величества съ 1730 по 1745 годъ съ титуломъ секретаря; получая жалованья триста шездесятъ рублевъ: а Ея Императорскому Величеству съ 1745 году по нынѣ профессеромъ, и получая жалованья шесть сотъ шездесятъ рублевъ въ годъ. Къ сему

2. Во все сие время трудился я въ положенныхъ на меня делахъ со всякимъ возможнымъ прилежаніемъ. 1) Исправилъ я артиллериские книги сенремиевы состоящіе вдвухъ томахъ, и напечатанные вчетверть листа. 2) Перевелъ я съ французскаго превеликую книгу вдесть напечатанную вдесть же, и названную Военное состояние Оттоманския имперіи. 3) Перевелъ я съ французского жь родословную историю о татарахъ, которая по нынѣ рукописною находится въ Императорской библиотеке. 4) Перевелъ я съ французского жь истинную политику и напечатанную въ осмую долю листа. 5) Перевелъ я съ латинского книгу, названную речи краткие и сильные, приписанную Его Императорскому Высочеству. Сия і по ныне рукописная въ Императорской библиотеке. 6) Перевелъ я съ Французскаго жь тринатцать томовъ древния роленевы исторіи, которыя рукописные книги все

згорели у меня въ доме въ бывшій пожаръ въ 1747 годе; однако ныне паки готовыхъ у меня четыре тома, изкоторыхъ первой томъ напечатанъ, а второй еще печатается. 7) Перевелъ я съ претруднаго латинскаго сочиненія Барклаіву Аргениду, которая нынѣ печатается. Надъ сею книгою труждусь я по ныне тритцать лѣтъ, и могу безъ самохвальства сказать, что перевесть ея на нашъ языкъ во всей россіи не больше четырехъ человѣкъ найдется, сію книгу умножилъ я собственными митологическими примѣчаніями, которыя занимаютъ хорошую треть всея книги и о которыхъ эксаминаторы въ канцелярію репортомъ объявили, что они очень приличны. 8) Переводилъ я съ французскаго во время государствованія Блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоановны многіе оперы, все интермедіи, и все экъстракты комедій. 9) Переводилъ я все покойнаго юнкера оды, да многіе господина надворнаго совѣтника Штелина. 10) Переводилъ я какъ съ латинскаго, такъ и съ французскаго премногое множество не большихъ штукъ, которые мнѣ были даваны изъ канцеляріи. 11) Трудился я спротчими непостыдно въ бывшемъ россійскомъ собраніи при Его Превосходительстве Президенте бароне Корфе о чистоте Россійскаго языка, а вначале сего собранія говорилъ я и речь на россійскомъ языке, которая напечатана. 12) Ныне трудился я целыи три года въ историческомъ собраніи за секретаря. 13) Былъ я посыланъ въ Новъго-

родъ і въ Москву для выбиранія студентовъ. 14) Читалъ я цѣлый годъ лекціи всемъ выбраннымъ студентамъ. 15) Сочинилъ я оду о здачѣ города Гданска, которая напечатана, гдѣ приложено краткое наставленіе объ одахъ. 16) Сочинилъ я оду на коронованіе Ея Императорскаго Величества, которая напечатана. 17) Сочинилъ я довольныя величины книгу о россійскомъ стихотвореніи и поэзіи; и поднесъ оную Ея Императорскому Величеству, которая уповаю і понынѣ вкомнатахъ Ея Величества обретается. 18) Сочинилъ я математическую книгу о сысканіи пасхи по старому и новому штилю, и поднесъ ея вашей ясновельможности, которая книга всеконечно могла бъ принесть знатную пользу охотникамъ, ежели бъ напечатана была. 19) Сочинилъ я критику по приказу бывшаго академическаго ассесора Григорья Теплова на некоторыя сочиненія господина Александра Петрова сына Сумарокова. 20) Сочинилъ я трагедію названную Дейдамія, о которой сколькобъ ни разглашали соперники; однако по правой, а не по тщеславной совести могу уверить, что она не толь порочна чтобъ внеи премногаго не было достойнаго, а именно вразсужденіи матеріи, исправности стиховъ, и сочиненія. 21) Сочинилъ я латинскую речь объ элоквенціи, которая переведена нароссійской и совокупно напечатана. 22) Сочинилъ я разговоръ о правописаніи, которой напечатанъ на моемъ коште. книга сія хотя повидимому большія пользы не-

имѣетъ; однако утверждена на такихъ основаніяхъ, которыя все согласны съ общимъ разумомъ. 23) Первый изроссійскаго народа привелъ я въ порядокъ наше стихотвореніе, изобревъ новое такъ называемое количество стихамъ, вчемъ состоитъ вся душа и жизнь стіховъ, и которому все наши хвальныи стихотворцы последуютъ: Доношенію Профессоръ

3. За толь многіи мои подъятыи труды, и ныне подъемлемыи (хотя уже лишился я совершенно здоровья и пришелъ въ лѣта и слабость то отъ разныхъ печалей то отъ трудовъ) я предъ прочими некоторыми моими товарыщами, весма меньше меня служившими, оставленъ какъ вранге, такъ і вжалованьѣ: что у меня все конечно всю отнимаетъ бодрость, и делаетъ несколько неспособнымъ къ исправленію должностей. Василій Тредіаковскій

4. Того ради слезно прошу вашу ясновельможность, припадая къ ногамъ вашимъ, умилостивиться надо мною вкрайнюю бедность пришедшемъ отъ долговъ, воспріять вразсужденіи долговремянную мою и безпорочную службу, подъятыи и подъемлемыи труды, лета, состояніе, долги необходимо нажитые, а во всемъ томъ милостиво разсудивъ повелеть прибавить мне годовое жалованье, когда уже при томъ рангомъ награжденъ я быть безъ собственнаго Ея Императорскаго Величества указа не могу о семъ токмо вашу ясновельможность въ прекрайной горести моего сердца прошу покорнейше, дабы

я хотя несколько еще ободрился: служить могъ безъ дальнія печали и сокрушенія, и пребедную мою фамилиішку питать не растворяя хлѣбъ плачемъ. руку приложилъ. ч. 8 Марта, 1751 года.

—

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

ТРЕДЬЯКОВСКАГО

Томъ I.

—

	Стр.
Къ читателю	V
Наука о Стіхотвореніи и Поэзіи Боало	25
Горація-Флакка Эпистола къ Пизонамъ о Стіхотвореніи и Поэзіи	85
Способъ къ Сложенію Россійскихъ Стіховъ . . .	121
Мнѣніе о началѣ Поэзіи и Стіховъ вообще . . .	179
Письмо къ Пріятелю о нынѣшней пользѣ гражданству отъ Поэзіи	203
Нѣсколько Эзоповыхъ Басенокъ для опытка (числомъ 51.) Гексаметрами составленныхъ . .	211
Рѣчь о чистотѣ Россійскаго Языка, говоренная 1735 г.	255
Оды Похвальныя	269
Оды Божественныя	302
Слово о Терпѣніи и Нетерпѣливости Фонтенелево	379
Нѣсколько штукъ сочиненныхъ строфами о Разныхъ матеріяхъ	399
Разсужденіе о Комедіи вобще	411
Стіхи изъ Аргеніды	431
Слово о Премудрости, благоразуміи и добродѣтели	479
Французскій съ Латінскаго и Греческаго переводъ Философическимъ званіямъ	554

Переводъ съ Сенекиныхъ Латинскихъ Стіховъ . . 565
Сонетъ съ славнаго Французскаго де-Барова . . . 563
Образъ добродѣтельнаго человѣка 564
Образъ человѣка Христіанина 567
Плачъ о кончинѣ Государя Императора Петра Великаго 570
Заключеніе 577
Деидамія Трагедія 579
О безпорочности и пріятности деревенскія жизни . 722
Вешнее тепло, Ода 742
Идиллія Нисса 750
Сонетъ: Добродѣтель почитающихъ вѣнчаетъ . . . 753
Сказаніе, говоренное при дурацкой свадьбѣ . . . 754
О древнемъ, среднемъ, и новомъ Стіхотвореніи Россійскомъ 756
Рапортъ въ Императорскую Академію Наукъ 10 Февраля 1740 года 796
Доношеніе Президенту Академіи Наукъ Графу Разумовскому 801

—

Гос.
Б

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

РНБ Русский фонд.
18.61.7.24
/1